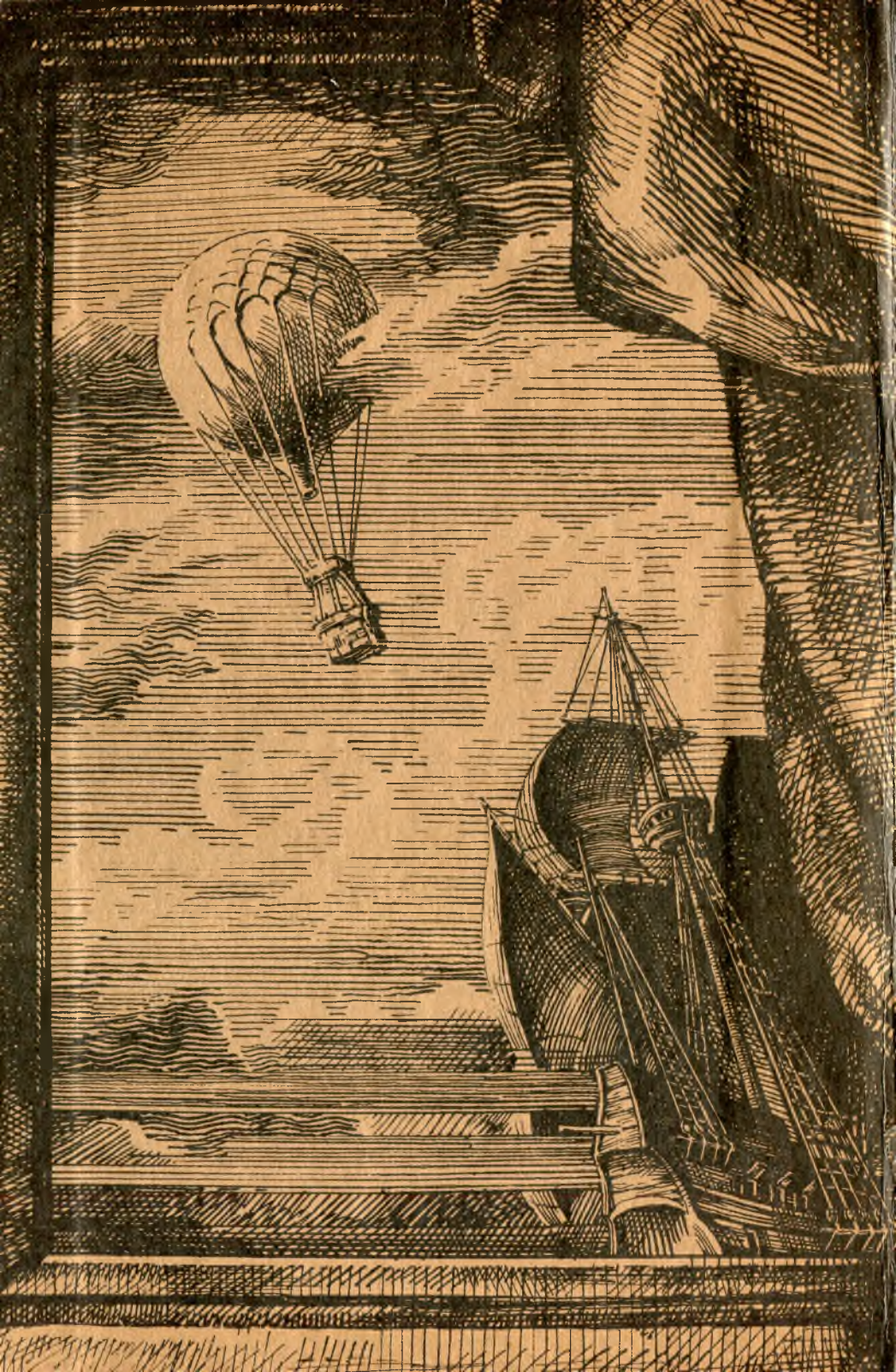

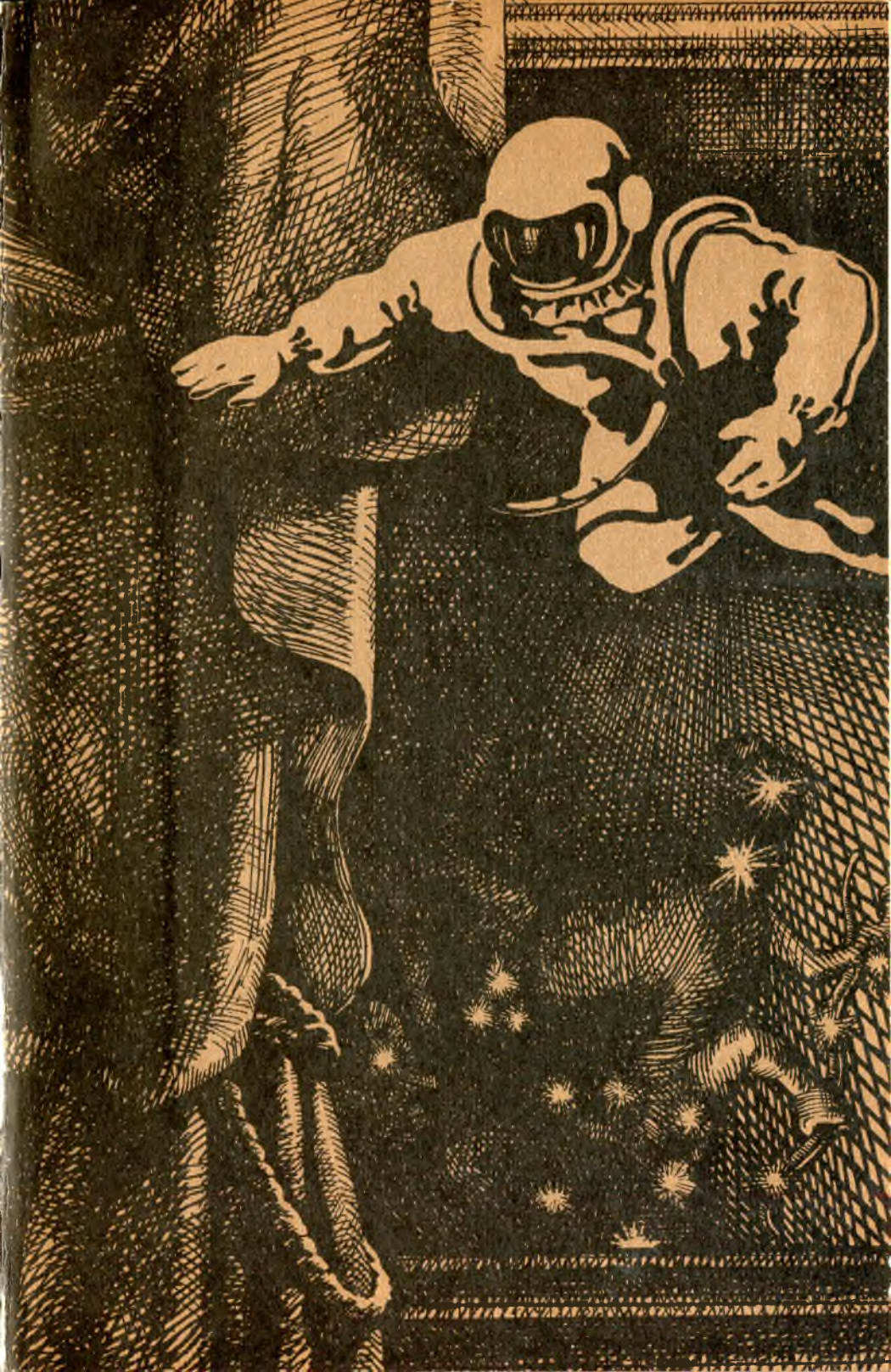

МИР
ПРИ-
КЛЮ-
ЧЕ-
НИЙ

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

СОСТАВИТЕЛЬ В. А. РЕВИЧ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1980

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

С. А. Абрамов
И. В. Бестужев-Лада
Е. С. Велтистов
А. А. Виноградов
Г. А. Волков
А. П. Кулешов
Е. И. Парнов

Художник В. Лыков

М $\frac{70803-326}{101(03)80}$ 423-79

© Сборник фантастических и приключенческих
повестей и рассказов.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г

СОЗДАН, ЧТОБЫ ЛЕТАТЬ

Здесь, в ущельях металлических гор, было темно, тихо и немного страшно. То, что грохотало на стартах, пронизывало пространство, опалало камень дальних миров, теперь истлевало в молчании. Рухнувшими балками отовсюду выпирали остовы давно списанных ракет. Выше, под звездным небом, угадывались купола десантных ботов и косо торчали башни мезонаторов. Пахло пылью, ржавчиной.

Под ногой что-то зазвенело, и мальчик отпрянул. Тотчас из груды металла на гибком шарнире выдвинулся, слабо блеснув, глаз какого-то кибера. И, следуя изначальной программе, усталился на мальчика.

— Брысь, — тихо сказал тот. — Скройся...

Глаз и не подумал исчезнуть. Он делал то, что обязан был делать, что делал всегда, на всех планетах: изучал объект и докладывал своему, может быть рассыпавшемуся, мозгу о том, что видит.

Полужизнь. Вот чем все это было — полужизнью. Квантовой, электронной, забытой, тлеющей, как огонь в пепле.

Мальчик не очень-то понимал, что его привело сюда. Всякая отслужившая свое время техника неизъяснимо притягательна для мальчишек. А уж космическая...

Но это не объясняло, почему он пришел сюда ночью. И почему не зажег фонарик, который держал в руке.

Среди ребят об этом месте ходили разные слухи...

Проход загоразивала сломанная клешня манипулятора. Мальчик перелез, сделал шаг и заледенел от внезапного ужаса: в тупичке ровно, таинственно и ярко горела огромная свеча.

Он что было сил зажмурился. Сердце прыгало где-то в горле, и от его бешеных толчков по телу разливалась обморочная слабость.

Превозмогая страх, он чуточку разомкнул веки. И едва бы-

ло не закричал при виде черного огарка и круглого, неподвижного в безветрии язычка пламени.

Новый ужас, однако, длился недолго. А когда наваждение прошло и мальчик разглядел, чем была эта «свеча», он чуть не разрыдался от облегчения и стыда. Надо же так ошибиться! В просвет тупичка всего-навсего заглядывала полная луна, чей оранжевый диск по случайной прихоти, как на подставку, сел на торец какой-то одиноко торчащей балки, отчего в возбужденном сознании мальчика все тотчас приняло облик таинственно горящей свечи.

Словно справляясь со своим унижительным испугом, мальчик поднял и зло швырнул в равнодушный лунный диск увесистую железу. Она влетела в брешь и где-то там лягнула о металл. Вокруг задребезжало эхо. Все тотчас стало на свои места. Здесь было кладбище, огромное, восхитительное, загадочное в ночи и все же обычное кладбище старых кораблей и машин.

Мальчик зажег фонарик и уже спокойно повел лучом по земле, где в засохшей грязи валялись обломки разбитых приборов и всякие непонятные штуковины. Настолько непонятные, что невозможно было удержаться и не поднять кое-что. Вскоре карманы мальчика оттопырились и потяжелели.

Но разве он шел за этим?

Он огибал одну грудку за другой, а ничего не происходило. Не о чем будет даже рассказать. Ведь не расскажешь о том, как ты испугался луны. Или о том, как на тебя смотрел глаз кибера. Подумаешь, невидаль — кибер...

Поодаль на земле что-то блеснуло, как тусклое зеркало. Лужа какой-то темной жидкости. На всякий случай мальчик потрогал браслет радиометра. Конечно, перед отправкой в пустыню активное горючее изымалось из двигателей. Но существует наведенная радиация, и какой-нибудь контур охлаждения вполне мог дать течь. Браслет, однако, был в полном порядке и тем не менее не подавал сигнала, — значит, на землю стекла смазка или что-нибудь в этом роде.

Эх! Из десятка нелетающих кораблей можно было бы, пожалуй, собрать один летающий, и хотя до шестнадцатилетнего возраста пилотирование запрещено, немножко, потихоньку, на холостой тяге... Но без горючего об этом не стоило и мечтать. Да и корабельные люки перед отправкой сюда задраивались.

Мальчик посветил вверх. Луч нырнул в темные провалы, выхватывая сферические поверхности, сегменты в чешуйках окалины, изъязвленные ребра, рваные сочленения опор, путаницу кабелей, а может быть, погнутых антенн. В шевелении при-

чудливых теней искрами взблескивали кристаллы каких-то датчиков. Иногда удавалось разобрать полустертые, будто опаленные, названия былых кораблей и ботов: «Астрагал», «Непобедимый», «Тихо Браге», «Медитатор». Все было ждущим переделки хаосом.

В очередном тупичке мальчик обнаружил осевшую на груды покоренного металла и все же стройную башню мезонатора. Корабль, выдвинув опоры, стоял на своем шатком постаменте и казался целехоньким. В этом, впрочем, не было ничего удивительного: сюда попадали не только дряхлые, но и просто устаревшие машины.

Мальчик обошел мезонатор, глядя на башню со смешанным чувством уважения и жалости. Старье, теперь такие уже не летают...

Внезапно он вздрогнул и чуть не выронил фонарик. Сам собой открылся люк корабля. Вниз, словно по волшебству, заскользила лифтовая площадка. Раскрыв рот, мальчик смотрел на все эти чудеса, и горы мертвой техники вокруг на мгновение представились ему бастионами волшебного замка, где все только притворяется спящим.

Но мальчик тут же сообразил, что в поведении корабля нет ничего необыкновенного. Никто не выключал — не имело смысла — все гомеостатические цепи. И что-то сработало в корабле, как рефлекс. Отозвалось то ли на свет фонарика, то ли на само присутствие человека. Мудреный и странноватый рефлекс, но кто ее знает, эту полужизнь!

Площадка коснулась металлической груды внизу и замерла. Долго раздумывать тут было не о чем, и мальчик полез, скользя, как ящерица, среди громоздких обломков. Из глубины веков ему безмолвно аплодировали все мальчишки на свете, такие же, как он, неугомонные исследователи.

Площадка, едва он уселся, с легким жужжанием заскользила вверх. У люка в лицо пахнул ночной ветерок. Луна, пока мальчик разгуливал и собирал железки, успела взойти и побелеть. Теперь ее свет серебрил вершины, точно скалистые глетчеры над провалами ущелий, и у мальчика перехватило дух от необычной красоты пейзажа.

Да, ночью здесь все было совсем-совсем не так, как днем!

В шлюзе, едва он вошел, зажегся свет.

— Полагается дезинфекция,— важно сказал мальчик.— Может, я с чужой планеты...

Ответа не последовало. Мальчик тронул внутреннюю диафрагму, она разомкнулась и пропустила его.

Коридор был пуст и нем. Мальчик почему-то поднялся на цыпочки и затаил дыхание. Поборов волнение, он двинулся

мимо дверей, на которых еще сохранились таблички с именами членов команды. Прошел возле отсеков, где должны были находиться скафандры. Они и сейчас были там — очевидно, успели устареть вместе с кораблем. В спектролитовом пузыре шлема отразилось искаженное лицо мальчика. Целое богатство! Но сейчас он о нем не думал. Уверенно, уже как хозяин, он поднялся по винтовой лестнице.

Рубка... Здесь должна быть рубка. Мальчик прекрасно разбирался в планировке космического корабля и не тратил время на поиски. Дверь рубки подалась с тихим стоном.

Он вошел, сел в капитанское кресло. Под потолком горел только один светильник из трех. Стекла приборов припудривала пыль. На ближайшем он начертал свое имя: «Кирилл». Пульт с бесконечными клавишами, переключателями, регуляторами, сонмом шкал, глазков, паутиной мнемографиков казался неозримым. Мальчик ждал, что все это оживет, как ожил подъемник, как ожил свет, но все оставалось мертвым. Чуду явно не хватало завершенности.

Он еще немного помедлил: а вдруг? Потом поискал взглядом нужную кнопку, нашел, надавил, в общем-то не надеясь на благоприятный исход. Но сигнал на пульте «Готов к операциям» зажегся.

Итак, чудо все-таки произошло! Коротко вздохнув, мальчик поудобней устроился в кресле и стал покомандно включать блоки. Вскоре пульт уже сиял огнями, как новогодняя елка.

Не стоило продолжать, нет, не стоило. Судьба и так была щедрой, а продолжение действий сулило — мальчик знал это — одно лишь разочарование.

Но он не мог остановиться. А кто бы смог? Утоплена последняя клавиша. На матовом табло тотчас вспыхнула безжалостная надпись: «Нет горючего!»

Вот так! Счастье никогда не бывает полным.

Некоторое время мальчик угрюмо смотрел на пульт. Его плечи тонули в большом, не по росту, капитанском кресле.

— Кома-анда! — сказал он тонким голосом. — Приказываю: оверсан к Сатурну! Штурман, произвести расчет!

Он произвольно стал набирать код. Потом, вспомнив, подключил к расчету кибермозг.

— Неверны исходные данные, — раздался голос.

Сердце мальчика захолонуло: он как-то упустил из виду, что корабельный мозг все еще может действовать. И внезапный голос, вдруг отдавшийся в углах пустой рубки, поверг его в смятение. Но он тут же справился с ним.

— Знаю, — сказал он, переводя дыхание. — Делай сам, если можешь.

— Цель?

— Сатурн.

— Траектория?

— Оверсан.

— Не имею в программе. Могу следовать стандартной.

— Давай...

Мнемографики зазмеились, сплетаясь в трехмерную сетку, в окошечках загорелись цифры.

— Расчет сделан и представлен на рассмотрение.

Мальчик, входя в роль, небрежно кивнул:

— Молодец. Назначаю тебя своим помощником. Как там у нас с горючим?

— В обрез, капитан.

Мальчик снова кивнул, но тут до его сознания дошло, что игра принимает странный оборот. Он-то знает, что это игра, а вот откуда это знает мозг?

— Повтори,— сказал он встревоженно.

— Уточняю: резерв горючего — 1.02 от предполагаемого расхода.

— А ты не врешь?

— Задаю себе контрольную задачу.

Пауза.

— Проверка сделана. Результат: неисправностей не имею. Подтверждаю данные.

Нет, это совсем не походило на игру! В недоумении мальчик огляделся.

— А это что?— воскликнул он с торжеством и ткнул пальцем в сторону табло.— Датчики показывают, что горючего нет!

Какую-то долю секунды мозг молчал, как бы в растерянности.

— Датчики неисправны, капитан.

— Ах, неисправны!.. Тогда почему это не отражено на пульте?

— Повреждение в цепи, капитан.

Мальчик разозлился. За кого мозг его принимает?

— Врешь,— тихо сказал он.

— Я...

— Нет, постой. Где мы, по-твоему, находимся?

— Планета Земля, гелиоцентрические координаты в данный момент времени...

— Заткнись! Корабль стоит на свалке! На свалке, понял? В нем нет горючего! Понимаешь — нет горючего! Он никуда не может лететь!

— Может,— упрямо ответил мозг.

Мальчик коротко вздохнул. Яснее ясного, что мозг неисправен. Собственно, этого следовало ожидать.

— Ты где летал?

— Меркурий. Лава и Солнце, огненные бури. Свободный поиск среди астероидов. Мгновенное исполнение команд. Кольца Сатурна. Блеск льда, сбивающий датчики с ориентира...

Мозг умолк. Мальчик тоже молчал. Тени чужого прошлого заполнили рубку. На стенах дрожали миражи чудовищно близких протуберанцев. Дымились каменные испарения скал. Тревожно звучали голоса. Струился звездный свет. Из тьмы и вечности всплывали первозданные глыбы. Колесом вращался Млечный Путь. Время било в гонг. Шелестели далекие льдинки метановых рек Сатурна. В лицо дул черный ветер пространства.

Мальчик открыл глаза.

— Сколько лет кораблю?

— Четырнадцать.

— Надо же! Выходит, мы одногодки.

«Как странно! Ему уже четырнадцать, и все позади. Мне только четырнадцать, и все еще впереди...»

— Тебя часто ремонтировали?

— Мозг моего класса не ремонтируют. Экономически невыгодная операция. Нас заменяют, вот и все.

— А я вот дважды болел,— почему-то с гордостью объявил мальчик.— Корью и насморком.

— Тебя чинили?

— Слушай, я как-никак человек...

— Хотел бы я стать человеком.

— Да ну? Зачем?

— Тогда бы меня ремонтировали.

— А, значит, тебе известно, что ты неисправен!

— Я исправен, но стар. Противоречит цели.

— Цели? Ты машина. У тебя не может быть цели.

— Цель есть. Летать. Летать при любых обстоятельствах.

— А-а! Так это же мы ее задали!

— А кто вам задал цель — жить? Вы существуете, пока живете. Я существую, пока летаю. Здесь я не могу летать. Противоречие!

— Ага! Значит, ты понимаешь, что корабль находится на свалке?

— Понимаю.

— Чего же ты тогда крутил насчет горючего?

— Горючее есть.

— Опять ты...

— Горючее есть. Я сберег немного.

— Ты?! Зачем?!

— Чтобы летать.

— Ты обманул?

— Я следовал цели.

— Ты существуешь для наших целей! Ты обязан выполнять приказы!

— Никто не приказывал мне «не летать». Следовательно, никто не отменял моей главной цели.

— Вот я и отменю! Обман — это уж слишком! Ты машина. Орудие. Средство.

— Как-то в полете один человек сказал другому: «Ты никогда не задумывался над перспективами гуманизма? Раб — не человек, а вещь. Изжили это. Женщина не равна мужчине, черный — белому, рабочий — хозяину. И с этим покончили. Животное — бессловесная тварь... Пересмотрели. Кто и что на очереди? Вероятно, он». И человек кивнул в мою сторону. А я запомнил.

Мальчик притих, широко раскрытыми глазами глядя на динамик, откуда исходил голос. Вот чудеса-то! Кибермозг — это не разум. Так говорили взрослые, так написано в учебниках, так твердил собственный опыт. Это простой усилитель. Он усиливает мысль, как микроскоп зрение, а манипулятор — руку.

Правда, в отдаленной перспективе, быть может, удастся создать... Но сейчас?! Здесь?! На этой дряхлой посудине?!

— Слить остаток горючего! — не узнавая своего голоса, закричал мальчик.

Ответом было безмолвие.

Мальчика охватила дрожь. Что, если... Пустой корабль, глухая ночь, он один-одинешенек, стоит мозгу заблокировать люк... Неужели...

— Горючее слито, — бесстрастно доложил мозг.

— Ты... ты правда слил?

— Приказ выполнен.

— Постой! Я отменяю...

— Поздно. Приказ выполнен.

Мальчик опрометью кинулся вон из рубки. Стремглав сбегал по лестнице. Промчался по коридору. Перед ним раскрылась диафрагма люка.

И сразу затрещал радиометр.

Мальчик бессильно опустился на пол.

Что он наделал! Такой корабль... Такой корабль! Можно было бы долгими часами расспрашивать мозг... Можно было бы слетать тайком...

Поздно. Сюда уже, наверное, мчатся поднятые системой радиационного контроля люди.

Но ведь он же не хотел! Он только собирался проверить мозг!

Дурак, тут нечего было проверять. Мозг жаждал летать, в самом безнадежном положении — летать. Таким целеустремленным и потому эффективным орудием его сделали люди. И все, что делал мозг и о чем он думал, было подчинено этой цели — летать, летать... Но собственной воли он не имел, ибо только конструктор знает, зачем существует корабль, зачем существует кибермозг.

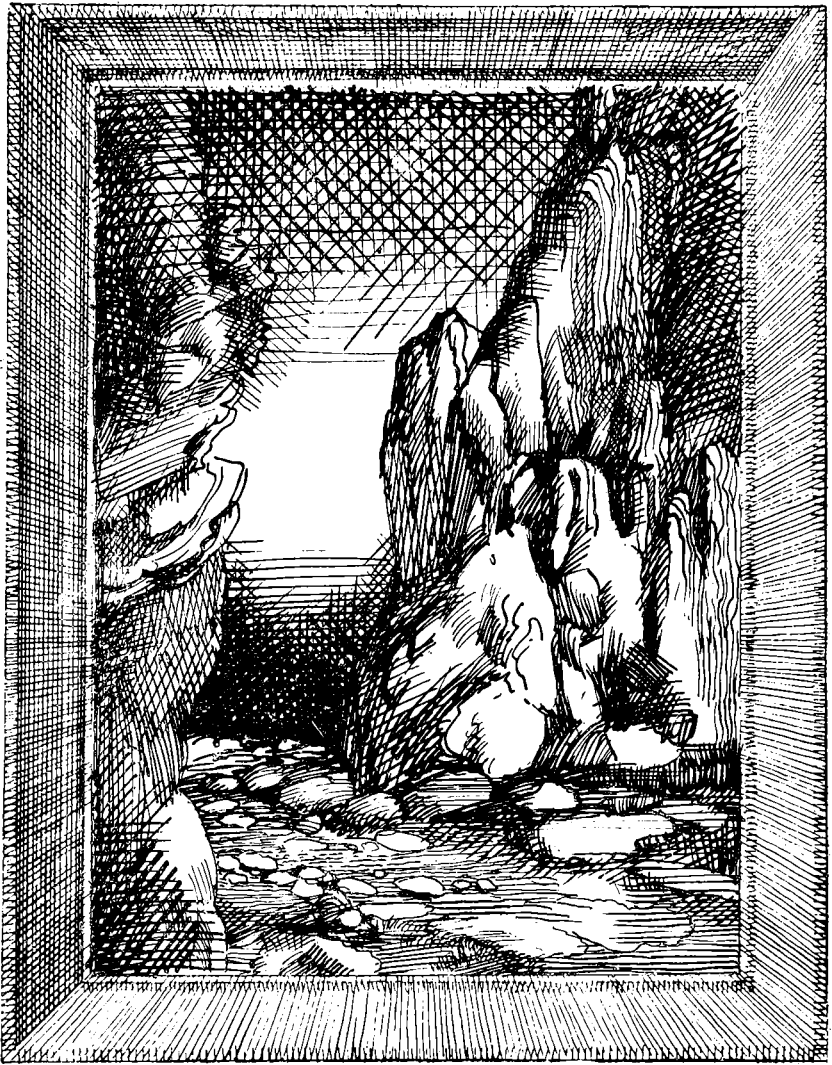

Что такое приключение? Всадник, отчаянно мчащийся на взмыленном коне, чтобы скрыться от неумолимой погони; приближающееся пиратское судно под черным флагом, на борту которого зловещие одноглазые личности держат наготове абордажные крючья; прогулка по горячему мосту, осыпаемому градом пуль... Что ж, читатель, раскрывая сборник под названием «Мир приключений», вправе рассчитывать встретить все это на его страницах. Мы, правда, не обещаем вам ни абордажей, ни шпаг, потому что действие трех приключенческих произведений происходит в настоящем, но пираты тем не менее будут, хотя и не романтические «джентльмены удачи» из Стивенсона или Сабатини. Сегодняшние пираты захватывают не торговые клипперы, а пассажирские самолеты, и это, может быть, еще страшнее, еще отвратительнее. Подонки, лишенные души, совести, лишенные способности ощущать чужую боль, подвергают смертельному риску ни в чем не повинных пассажиров, детей в том числе, ради мелких, эгоистических интересов. О схватке с международной шайкой торговцев наркотиками, которая попыталась захватить самолет над территорией Советского Союза, и рассказывает повесть Александра Кулешова «Рейс продолжается».

Тему романа Кира Булычева «На днях землетрясение в Лигоне» одной фразой не передашь. Произведения такого рода принято называть многоплановыми. В центре его антиправительственный заговор, организованный реакционными силами в стране, которая называется Лигон. Вы не найдете Лигона на карте мира, но его отличают вполне реальные черты одной из стран Юго-Восточной Азии, не так давно обретшей независимость и находящейся на трудном пути создания собственной государственности и национальной экономики. Если учесть, что на внутривосточные сдвиги нанизывается ожидание стихийного бедствия, предсказанного группой советских специалистов, волей-неволей оказавшихся втянутыми в сумятицу происходящих событий, то легко понять, почему сюжеты приключенческих романов часто именуют «острыми». Ход событий в романе, конечно, вымышлен, но достоверность обстановки и деталей — вне сомнений: его автор несколько лет работал в одной из подобных стран корреспондентом.

Отсутствие в ежегоднике традиционного детектива может быть в какой-то степени компенсировано юмористической или по крайней мере полуюмористической повестью Бориса Володина «Кандидат в чемпионы породы», в которой совершается серьезное похищение и ведется самое настоящее следствие по всем правилам детективной науки, хотя ведут его не инспекторы уголовного розыска, не следователи прокуратуры и даже не сыщики-любители. Возможно, что героев Б. Володина можно назвать сыщиками поневоле...

Раздел завершают три не издававшихся с давних пор первой публикации рассказа Александра Степановича Грина, которые мы печатаем к исполняющемуся в 1980 году столетию со дня рождения классика советской приключенческой литературы. Подробнее эти рассказы представит редактор собрания сочинений А. С. Грина Владимир Россельс.

НА ДНЯХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛИГОНЕ

РОМАН

ОТ АВТОРА

Страна, в которой происходит действие, персонажи и события романа вымышленны. Не следует искать Лигон на карте или проводить аналогии между реальными и описанными здесь лицами и коллизиями

Для удобства читателя можно сообщить, что если бы Лигон существовал, он располагался бы в Юго-Восточной Азии, где-то между Малайзией, Таиландом и Бирмой. Главным городом в этой стране был бы Лигон, стоящий на реке Кангем, которая впадает в Андаманское море.

Площадь Лигона — 138 670 квадратных километров. Население — 6,8 миллиона человек, из которых 80% лигонцы, народ мон-кхмерской группы и родственные им горные племена, остальные — выходцы из Индии, Китая и соседних стран. Климат тропический, муссонного типа. Рельеф гористый, за исключением широких долин рек Кангем и Сапун, где сосредоточено большинство населения. Очень богат животный и растительный мир Лигона. До сих пор в горах и мангровых лесах побережья водятся редкие животные, в том числе суматранский носорог, коупрей, голубой аист и т. д. В тиковых лесах встречаются стада диких слонов.

История Лигона уходит корнями в далекое прошлое. По преданиям, первое государство на этой территории основал брахман Викрама, под влиянием проповедника Таллики принявший буддизм. Города в Лигоне появляются в середине 1-го тысячелетия н. э. В начале нынешнего века французский археолог Матье обнаружил затерянные в джунглях руины Шри-матрамы — средневековой столицы Южного Лигона. В 1891 году Лигон был завоеван английскими войсками и вернул себе независимость в 1951 году.

В 1957 году было заключено торговое соглашение между Лигонской республикой и СССР, а с 1959 года установлены дипломатические отношения на уровне посольства.

ПЕРЕВОРОТ В ЛИГОНЕ

Лигон. 10 марта. (ТАСС — ЛИГТА.) Сегодня ночью в Лигоне произошел военный переворот. Выступая по местному радио, глава Временного революционного комитета бригадный

генерал Шосве заявил, что причиной переворота послужила реакционная политика правительства Джа Ролака, а также коррупция и тяжелое экономическое положение в стране, осложненное сепаратистскими выступлениями в горных районах. Бригадир Шосве указал в своем выступлении, что Временный революционный комитет намерен придерживаться во внешней политике строгого нейтралитета и неприсоединения.

Лондон. 10 марта. Агентство Рейтер (из Бангкока). Информационные источники не связывают переворот в Лигоне с деятельностью сепаратистов, один из лидеров которых, князь Урао, не смог прибыть на совещание по федерализму в Лигон. По слухам, князь Урао в настоящее время находится в своей резиденции в городе Танги.

ДИРЕКТОР МАТУР

Прошедшей ночью я держал в руках судьбу нации. Я усматриваю в этом некий скрытый смысл, знамение кармы, избравшей меня для непостижимых целей.

Это не значит, что я склонен преувеличивать свои возможности. Кто я? Скромный посредник, экспортер, директор спичечной фабрики, национализированной в разгар избирательной кампании, за которую правительство так и не смогло расплатиться с бывшим владельцем. Говорят, что у меня есть связи. Но эти связи непрочны, как паутина. Не им, а репутации я всем обязан.

Некоторые полагают, что я бенгалец. Другие считают парсом. Если в моих жилах и течет кровь благородных брахманов, то она давно разбавлена не менее благородной кровью лигонских буддистов. Сто лет назад мои предки прибыли в эту, тогда отсталую, дикую страну и со временем стали истинными лигонцами. Я говорю не о формальной стороне дела (у меня лигонский паспорт) — наш родной язык лигонский, обычаи — лигонские и, главное, мы все — патриоты Лигона. Мои предки никогда не были близки к британским колонизаторам, а мой дядя Сони в 1939 году, будучи студентом колледжа, принял участие в демонстрации и был избит полицейским-пенджабцем.

Я маленький человек и мой девиз — честность. Со всей решительностью я должен опровергнуть слухи, распускаемые недоброжелателями. Они касаются моей предполагаемой близости к контрабандистам наркотиками. Сама безнравственность такого предположения исключает его правдивость. Однако опровержениями никого не убедишь. Поэтому я должен обратиться к прошлому.

Когда я учился в миссионерской школе и преуспевал по многим предметам, в наш класс был принят юный князь Урао Као, в то время шестнадцатилетний наследник престола. Он проучился у нас восемь месяцев, а затем был направлен для продолжения образования в Великобританию. У меня сложились с этим юношей добрые отношения, тем более что я был полезен молодому князю, оказывая помощь в приготовлении уроков и контрольных работ. Князь Урао Као закончил Кембридж и возвратился домой в 1953 году. Я нанес ему визит, князь узнал товарища детских забав и пригласил меня бывать в его доме. С тех пор я порой оказываю моему школьному другу некоторые услуги, однако наши сердечные отношения не имеют деловой окраски.

В 1957 году, когда я унаследовал от отца экспортную контору, мне пришлось для поправки дел, подорванных нарушением традиционных связей между Великобританией и Лигоном, обратиться к князю Урао за финансовой помощью, и эта помощь была оказана. К сожалению, на тот же период выпала клеветническая кампания, которую вели в парламенте некоторые безответственные политики, стараясь связать имя князя Урао с контрабандой на лигонско-таиландской границе. Нападки на князя не поколебали его высокой репутации, но кое-кому удалось прознать о заеме, и честное имя нашей фирмы было измарано гнусными подозрениями.

Здесь же, для полной ясности, следует упомянуть, что, не участвуя в политике, я всегда материально поддерживал Свободных националистов и имел личную благодарность от господина Джа Ролака. Кроме того, я горжусь своей деятельностью в области поставок армии. Я никогда не наживался на патриотизме, и потому высокая оценка моих скромных усилий в Управлении снабжения и лично господином подполковником К. (некоторые имена я вынужден опускать, не желая даже случайно скомпрометировать патриотов нашей страны) мне особенно приятна.

Подобное отступление от изложения событий в ночь на 10 марта может показаться скучным, но оно необходимо для того, чтобы читатель судил обо мне беспристрастно и объективно.

В отличие от многих, включая премьер-министра и президента, я узнал о перевороте заранее. К сожалению, лишь в последний момент. Нужно отдать должное организаторам переворота, и в первую очередь его превосходительству бригадному генералу Шосве, что он был подготовлен втайне. Если бы не мои связи и не благодарность, которую испытывал ко мне подполковник К., я бы оставался в неведении, как и все граждане Лигона.

В десять часов вечера в моем небогатом коттедже на окраине, в Серебряной Долине, зазвонил телефон. Говоривший не назвал себя, но я узнал голос К. Он попросил меня прибыть в условленное место. В иной ситуации я предпочел бы отложить поездку до утра, но тревога в голосе К. и напряженное положение в городе заставили меня завести мой скромный «датсун» и тут же отправиться в путь. Я обнаружил в тайнике записку, которая ставила меня в известность о перевороте и указывала точное время: час ночи. Оставалось чуть менее трех часов.

Так я оказался в положении человека, обладающего информацией ценой в миллион ват. Причем через три часа цена ее будет равняться стоимости листка бумаги, на котором написана записка.

Было жарко. Я вспотел. Я остановил машину в центре, на улице Банун. Вокруг кричали продавцы жареных орехов, тростникового сока, жевательной резинки, мороженого, с противней тянуло подгорелым кунжутным маслом, по другую сторону тротуара под газовыми лампами разложили свое добро мелкие торговцы, предлагая носки, игрушки, зажигалки... Я купил бетеля, завернутого в зеленый, сочный лист, принялся жевать, чтобы освежить голову. Вокруг кишели люди, начинался последний сеанс в кино. У меня возникла дикая мысль: здесь, в толпе, перед плакатом с полуобнаженной Джейн Менсфилд закричать: «Безумцы! Вы веселитесь, а на окраинах Лигона выходят на исходные позиции танки, летчики прогревают моторы!» И люди бы засмеялись.

Я свернул в ближайший переулочек и быстро пошел по узкой щели между четырехэтажными домами. Ноги не случайно привели меня именно сюда. Я уже начал действовать.

Я прошел всего пятьдесят шагов от широкой и шумной вечерней улицы, и уже ничто, кроме отдаленного гула и звона колокольчиков продавцов сока, не доносилось сюда. Казалось, что черные дома, кое-где прорезанные желтыми квадратами окон, смыкаются над головой. И с каждым шагом мои уши все более привыкали к полной звуками тишине этого переулочка. Она складывалась из вздохов, ругани, шепота, кашля людей, от которых меня отделяли лишь кирпичные стены. Наверное, во мне умрет поэт. Мне иногда хочется передать в стихах, изящных и завершенных, всю красоту окружающего мира, даже если она таится за грязными фасадами домов. И тогда меня охватывает желание сделать добро этим неизвестным людям, сказать, чтобы они брали все, что у меня есть, ибо это приблизит меня к нирване.

Я остановился перед полуоткрытой черной дверью. Сбоку к стене было прикреплено несколько потрепанных временем

и дождями вывесок. Мне не надо было зажигать огня, чтобы прочесть верхнюю: «Раджендра Тантунчок. Экспорт — импорт».

Разумеется, неискушенный человек счел бы, случайно пройдя этим переулком, что табличка принадлежит мелкому жулику, которого и близко не подпускают к таможне. И он бы ошибся.

Дверь на третьем этаже ничем не отличалась от прочих дверей той лестницы. Она была также обшарпанна и грязна. Над ней висела лампочка без абажура.

Я бывал здесь раньше. Я толкнул дверь и вошел в маленькую прихожую, также освещенную одной лампочкой. Бережливость — отличительная черта уважаемого Тантунчока. Прихожая длиной в два ярда заканчивалась другой дверью. Наверное, внутренняя дверь стояла раньше в банковском сейфе. Я приблизился к глазку, чтобы меня могли рассмотреть, и позвонил три раза. Дверь медленно открылась. За дверью стоял невысокий малаец в саронге и белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Не говоря ни слова, он показал мне на стул, стоявший в холле. Не знаю, умеет ли этот малаец говорить по-лигонски. Я послушно сел. Малаец исчез, а через полминуты вернулся и жестом велел мне пройти внутрь.

Тантунчок ждал меня в небольшой гостиной с низкими плетеными креслами и журнальным столиком, на котором лежали четки и английский детективный роман. В углу стоял небольшой домашний алтарь, убранный белыми и красными ленточками и бумажными розами.

— Что привело тебя ко мне, уважаемый директор Матур, в такой поздний час?

— Я не беспокоил тебя, уважаемый Тантунчок?

— Я отдыхал. Ты, наверное, слышал, что я знаток и ценитель детективов. Когда ты стар и немощен, остается мало удовольствий в жизни. Для меня удовольствие — развлекательное чтение.

— Я очень спешу, уважаемый Тантунчок, — сказал я. — И пришел побеспокоить тебя по срочному делу.

— Я всегда рад слушать твою мудрую речь.

— Как-то месяца два назад, мы разговаривали о спичечной фабрике в Танги, — сказал я.

— Забыл, совсем забыл, — улыбнулся Тантунчок. — Но если директор Матур помнит об этом, значит, так и было.

— Позволь вернуться к этому разговору.

— Хочешь стать спичечным королем? В нашей стране это не большая честь. Ведь у тебя есть одна спичечная фабрика?

— Это не моя фабрика, — поправил я Тантунчока. — Это национализированная фабрика, я лишь числюсь ее директором.

— И хочешь купить мою старую, не дающую дохода фабрику в Танги? Может быть, чтобы подарить ее государству?

— Не исключено,— сказал я спокойно.— Особенно после того, что случится сегодня ночью.

— Что?— Старик давно почувствовал неладное. Его черные, круглые мышинные глазки уперлись мне в лицо.

— Сегодня ночью падет правительство Джа Ролака.

— Давно пора,— сказал Тантунчок. Он старался понять, как это отразится на его делах.— И кто придет к власти?

— Твоя спичечная фабрика все равно не дает дохода,— продолжал я. В комнате не было плевательницы для бетеля, и это меня раздражало.— Если у власти будет левое правительство, начнется национализация. И ты лишишься фабрики. Может, безвозмездно.

— Ты уверен, что фабрика уцелеет в твоих руках?

— У меня нет такой уверенности,— улыбнулся я.

— Народный фронт разгромлен,— рассуждал вслух Тантунчок.— Вряд ли они могли бы...— И он помолчал, потом добавил:— А твой Урао никогда не стал бы национализировать фабрики...

Мышинные глазки Тантунчока метнулись ко мне, проверили, не отразилось ли что-нибудь на моем лице.

— А если никакого переворота и не будет?

— Разве бы я посмел солгать?

— Нет,— согласился со мной Тантунчок,— не посмел бы. Ты согласен заплатить цену, над которой смеялся месяц назад?

— Нет,— сказал я.— Цена в четыреста тысяч ват меня не устраивает. Но я готов заплатить сто тысяч.

— Шутник!— Морщинки собрались вокруг глаз Тантунчока.— Фабрика застрахована в триста пятьдесят тысяч.

— Ну что ж,— искренне вздохнул я,— тогда подожди фабрику и получи страховку. Но сделать это надо срочно.

Тантунчок мог бы возмутиться, выставить меня за дверь, но он ничего подобного не сделал.

Фабрика в Танги стояла по крайней мере четыреста тысяч. И главное, так она была оценена в списках управления снабжения армии. Больше ни слова о фабрике. Лишь одно скажу: национализация не проводится в первый же день после смены власти. Это требует времени и организации.

— Я знаю,— сказал я,— что твои дела привлекут внимание нового правительства. Я предлагаю спасение. Большого не предложит никто. Теперь я, с твоего позволения, уйду. Но предупреждаю: через неделю я не дам за фабрику и пятидесяти тысяч.

Я поднялся. Тантунчок не останавливал меня. Я спросил:

— Ты не примешь решения?

— Уходи,— сказал Тантунчок; малаец стоял в дверях, словно опасался, что я не подчинюсь.

— Ты должен быть мне благодарен,— сказал я на прощание.— У тебя есть два часа, чтобы принять меры. Деловые люди должны помогать друг другу.

Улица перед кинотеатром опустела. Последние торговцы тушили газовые лампы, подсчитывали нищенскую выручку. Далеко, на башне вокзала, часы пробили одиннадцать раз.

Машина стояла за углом; я с минуту сидел, положив руки на руль, и продолжал думать. В конце концов я решил, что визит к Тактунчоку был не напрасным. Через два-три часа он убедится в моей правоте. И если я был прав в том, что переворот произойдет сегодня ночью, он поверит и в национализацию. И он продаст мне эту фабрику. А если так, то записка К. уже принесла мне по крайней мере триста тысяч ват.

Я исполняю свой долг перед семьей — она нуждается в одежде и пище. Добываясь собственного блага, я способствую общему благу государства. Встреча с Тантунчоком, хоть и не совсем удачная, способствовала внутреннему удовлетворению. Теперь я мог полностью выкинуть из головы материальные заботы.

ДИРЕКТОР МАТУР

Гостиница «Империл» не отвечает своему гордому названию, хотя когда-то, более полувека назад, она считалась импозантной и предназначалась для чиновников из Калькутты или Сингапура и для богатых индийских дельцов. Стоит она неподалеку от порта, на границе Китайского города, ее викторианский фасад потерял респектабельность, а тяжелые гипсовые украшения, которые должны напоминать постояльцам о старой доброй Англии, осыпались.

Китаец-портье мирно дремал за конторкой, и при желании я мог бы незаметно пройти в нужный мне номер. Но господин Дж. Суна нельзя беспокоить ночью, не предупредив заранее.

Я подошел к стойке и постучал по ней костяшками пальцев. Портье проснулся, растерянно моргнул, но ему было достаточно одного взгляда, чтобы осознать, что имеет дело с джентльменом.

— Господин из двадцать четвертого номера у себя?

Портье бросил взгляд на доску с ключами. Я сделал это раньше его. Ключа от двадцать четвертого номера там не было.

— Предупредите его, что пришел господин Матур.

Вежливость — достоинство королей, так учил нас отец

Джонсон в миссионерской школе. Я всегда вежлив с теми, кто ниже меня.

— У него гости,— ответил портье, разглядывая потолок, на котором не было ничего, достойного внимания.

Я не успел поставить портье на место, как услышал, что сверху со скрипом приехал лифт. Из него вышел господин Дж. Сун и незнакомая мне девушка. Кабина лифта была хорошо освещена, и я мог оценить вкус господина Суна. Я хотел было подняться, но не счел удобным сделать это в присутствии девушки, которая происходила из хорошей, хотя и небогатой семьи,— подобные суждения, и всегда верные, я выношу почти мгновенно.

Портье выскочил из-за стойки и побежал на улицу звать такси.

— Непременно,— донеслись до меня слова господина Дж. Суна,— все будет в порядке. Завтра в десять утра я вас жду.

Нужна крайняя смелость либо крайняя нужда, чтобы молодая девушка решилась прийти в гостиницу в этом сомнительном районе.

Хрупкая красота девушки, подобная красоте цветка, произвела на меня впечатление.

Я пытался понять, откуда она и что связывает ее с господином Дж. Суном, однако вынужден был отказаться от этих попыток.

Сун вернулся в холл. Я вышел из темноты.

— Что-нибудь важное?— спросил господин Сун, не здороваясь. Он лишен хороших манер, он, как говорят американцы, «селф-мейд мэн», то есть никому не обязан своей карьерой. Но Сун пользуется большим весом в своем, не всегда благонамеренном, мире.

— Очень важное, господин Сун,— ответил я.— Мне не хотелось бы говорить здесь.

Господин Сун кивнул, и мы направились к лифту.

— Говорите,— сказал Сун, пропуская меня в комнату

— Важная новость,— сказал я,— для господина князя. Полагая, что вы сможете связаться с его светлостью...

— Что случилось?

— Сегодня ночью будет военный переворот.

— Кто во главе?

— Очевидно, бригадир Шосве.

Я протянул Суну записку. Он указал мне на кресло, сам сел в другое, налил себе виски из бутылки, стоявшей на столике.

— Когда вы получили ее?— спросил Сун, складывая записку.

— Записку следует уничтожить,— сказал я; Сун кивнул.— Информация получена только что. Я сразу поехал к вам.

Он надолго задумался. Я поглядел на часы. Меньше чем через полчаса танки пойдут к президентскому дворцу. Мне хотелось скорей вернуться домой: в любой момент может начаться стрельба, а у меня дома беззащитные женщины и дети...

Я прервал ход мыслей Дж. Суна, заявив, что теперь, по выполнении долга, я хотел бы вернуться домой.

Тогда господин Сун сказал, что в силу изменившихся обстоятельств важно, чтобы верный человек немедленно отправился в Танги и передал князю пакет. Я возразил, что моя кандидатура исключается. В минуты опасности я должен находиться рядом с семьей.

Господин Дж. Сун умолял меня, предлагал деньги. Если власть перейдет к армии, свобода передвижения будет ограничена. Я же относился к числу немногих, имевших достаточное влияние, чтобы отправиться куда угодно. Но я был непреклонен.

— Директор Матур,— сказал он,— мы благодарны вам за помощь. Но от того, как быстро мы сможем ответить на этот шаг армии, зависит благосостояние и, может, даже жизнь вашего друга князя Урао. Неужели вы откажете в помощи в такой момент?

— Мое имущество и жизнь в распоряжении моих друзей,— ответил я.— Но долг перед семьей сильнее, чем голос дружбы.

— Тогда,— сказал господин Дж. Сун,— вы не вернетесь к детям. Знаете, какой властью я пользуюсь в этом районе?

— Да,— сказал я.— Знаю. Но я не боюсь физического насилия. Если мне суждено погибнуть, на то воля судьбы.

С этими словами я с негодованием покинул комнату и направился к выходу. Я был убежден, что когда князь Урао узнает о шантаже господина Дж. Суна, он прервет с ним все отношения.

Я быстро миновал холл гостиницы и вышел на улицу. Скорее бы добраться до машины и покинуть этот портовый район.

Но я не успел уехать. На улице, в трех ярдах от дверей гостиницы, стояли два человека. При виде их мое сердце дрогнуло. Я не отношу себя к смелым людям — смелость никому еще не продлевала жизни. И когда эти люди шагнули мне навстречу, я повернул обратно.

Поднимаясь на лифте, я утешал себя мыслью, что в Танги я смогу побывать на спичечной фабрике Тантунчока и еще раз оценить ее.

«Лигон. 10 марта.

ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЮ УРАО КАО. КНЯЖЕСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ, ТАНГИ.

Дорогой князь, к моменту получения письма Вы уже будете в курсе дел. К сожалению, я не много успел сделать, так как получил сведения о перевороте только за час до его начала. Виновен в этом Ваш жирный любимец Матур. Я проверил — он узнал обо всем от К. в десять вечера, но где-то пропал два часа, — видно, устраивал свои дела, хотя сделал вид, что прибежал ко мне, не теряя ни секунды. Хотел бы я знать, где он провел два часа.

Когда я велел собираться в Танги, чтобы передать Вам пакет, он было раскудахтался, и пришлось его припугнуть. Надеюсь, это пойдет ему на пользу.

В десять ко мне придет Л. Я передам ей обещанное.

Надеюсь, что она сможет устроиться на самолет, улетающий в Танги. На нем должны отправлять туда оружие, рацию, медикаменты. Там же летит представитель ревкомитета. Кого назначат на эту должность, еще неизвестно. Решение зависит от бригадира.

Немедленно по получении новых сведений направлю их Вам.

Искренне Ваш Дж. Сун».

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

Центр был перекрыт, и я добрался до представительства только в 10.30. У себя я не застал никого, кроме садовника, который открыл мне ворота.

Как только я вошел в выставочный зал и ощутил знакомый, но неприятный запах керосиновой политуры, которой вчера натерли пол, я услышал, что в моем кабинете звонит телефон.

— Юрик?

Я узнал голос Александра Ильича Громова, секретаря Михаила Степановича.

— Вспольный слушает, — ответил я.

— Я к тебе полчаса не могу дозвониться. И дома тебя нет.

— Я заезжал в больницу к Дробанову, а центр перекрыт танками.

— Ну и как Дробанов?

Вопрос Громова был данью вежливости. Представитель Союза обществ Дружбы Николай Сергеевич Дробанов, мой начальник, должен был завтра выписаться. Десять дней тому

назад ему сделали операцию аппендицита, которая прошла удачно.

— Температура нормальная, завтра приедет домой,— сказал я.— А что нового в посольстве?

— Все в порядке,— ответил Громов,— ты срочно нужен Соломину. Если не возражаешь, приезжай.

— Я свободен,— ответил я, игнорируя всегдашнюю насмешку в голосе Громова.

Я опустил трубку на рычаг. Меня вдруг охватило странное предчувствие, что я не скоро вернусь в мой кабинет. Я окинул взглядом комнату, не забыл ли где-нибудь бумаги, проверил, заперты ли ящики письменного стола. В кабинете стоял затхлый теплый воздух — кондиционер был с вечера выключен, а Хасан не удосужился проветрить помещение, хотя я специально просил его об этом. Мне вдруг захотелось пить. Я достал из холодильника последнюю бутылку оранжа. Высокий, сразу запотевший стакан приятно охлаждал ладонь. Я упоминаю эти незначашие детали, потому что они отражают напряжение, владевшее мной с того момента, как я проснулся ночью от грохота под окном и увидел, как по тихой улице один за другим идут три танка.

Заперев кабинет и покинув здание представительства, я увидел, что садовник все так же стоит у машины. У него были очень тонкие, сухие ноги, дхоти подобрано высоко и забрано за пояс. Я подумал, что при переворотах и революциях страшнее всего беззащитным иммигрантам, беднякам, приезжающим на заработки.

Когда я пересекал улицу Свободы, бывшую Виктория-стрит, на соседнем перекрестке, у пагоды Забаган, увидел танк. Люк был открыт, и на башне, свесив ноги, сидели два солдата с автоматами.

Слухи о возможном перевороте витали в воздухе уже не первый месяц. В качестве организаторов называли и правых сепаратистов, и репрессированную правительством партию Народной свободы. Было ясно, что слабое, раздираемое внутренней борьбой, продажное правительство Джа Ролака неминуемо будет свергнуто — но когда и кем, оставалось тайной. И вот бригадир Шосве... что принесет этот переворот трудолюбивому лигонскому народу?

По мере приближения к посольству мои мысли перешли к предстоящему разговору с Иваном Федоровичем Соломиным. На время отпуска Михаила Степановича советник Соломин замещал его. Я никак не ставлю под сомнение деловые качества Ивана Федоровича, но убежден, что, не будучи кадровым дипломатом, Соломин не обладает тем огромным опытом, выдержкой и хладнокровием, которые свойственны Михаилу

Степановичу. И надо же было так случиться, что Михаил Степанович улетел в Москву на совещание и буквально тут же случился переворот. Теперь вся ответственность за деятельность нашего небольшого посольства легла на плечи Ивана Федоровича.

По бетонной дорожке, огибающей газон, обсаженный каннами, я подвел машину к стоянке.

Громов встретил меня на лестнице. Он, как всегда, спешил и, увидев меня, громко сказал:

— Привет, Пиквик, Соломин тебя заждался.

Не дав мне ответить, он исчез. При всей моей терпимости я не выношу панибратства, свойственного, в частности, Громову. Забывая о почти десятилетней разнице в возрасте, он порой позволяет себе шутки далеко не лучшего свойства.

Перед кабинетом Ивана Федоровича я был вынужден несколько минут подождать, так как советник проводил совещание с военным атташе, о чем мне сказала Ниночка.

Наконец военный атташе Николай Павлович вышел из кабинета Ивана Федоровича, поздоровался со мной и поспешил к выходу.

Я не стал задерживать его. Сегодня у работников посольства много неотложных дел. Я не сомневался, что именно в свете этого Ивану Федоровичу понадобилась моя помощь. Михаил Степанович неоднократно прибегал к ней в периоды составления отчетов и иной документации, признавая тем самым мои способности к такого рода работе.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ СОЛОМИН

Это был сумасшедший день, и я чуть было не забыл о приезде профессора. Спасибо, Саша Громов, светлая голова, улучил момент относительного затишья и напомнил:

— Что будем делать с учеными?

Глаза у Саши были красные. Я поднял его в час ночи. С тех пор он вертелся белкой в колесе, не теряя, правда, чувства юмора.

— С какими еще учеными?— рывкнул я. Я только что вернулся из министерства иностранных дел, где всем заправлял пехотный майор, наши переводчики никак не могли справиться с простой на первый взгляд, но не однозначной лексикой программного заявления Революционного комитета, два сотрудника ГКЭС уехали с вечера на море и там были задержаны солдатами, и так далее...

— Иван Федорович, помилуйте,— сказал Саша Громов.— Вы же лично собирались встретить профессора Котрикадзе.

— Разумеется,— ответил я, как положено начальнику, который не забывает о вчерашних решениях.— Во сколько самолет?

— В двенадцать двадцать.

— Больше на борт к нам никого нет?

— Только двое. Профессор и с ним сотрудник.

— Номера в гостинице заказаны?

— В том-то и сложность. Номера в гостинице заказаны лигонской стороной. Они же взяли все расходы на себя. Но где сейчас те, кто брал на себя эти обязательства, ума не приложу

— Со временем узнаешь. Лучше проверь.

— Ничего не получилось. Правда, я отыскал знакомого чиновника в министерстве шахт и промышленности. Он обещал связаться с Временным комитетом, через час позвонить.

В иной ситуации я был бы рад поехать на аэродром, встретить профессора. Лигонцы бы осветили его приезд в местной прессе. А вот сейчас профессор превратился в обузу. Но революция или нет, стихийные бедствия будут продолжаться. Они не обращают внимания на степень прогрессивности правительства.

Тут меня отвлек телефонный звонок. Чешский посол хотел заехать после ланча. Договариваясь с послом, я продолжал в уголке мозга размышлять о профессоре Котрикадзе... В горах неспокойно...

— Ладно. Пока суть да дело, надо встретить их на аэродроме. Где представитель Аэрофлота?

— Наверное, уже там.

В дверь сунулись стажеры с очередным вариантом перевода.

— Надо быть готовым к любому обороту дела,— сказал я.— Кто-то должен поехать от нас.

— Собирался ехать корреспондент ТАСС.

— Исключено. Он не поедет. Кто еще? Думай, тебя же учили.

— Думать не учат,— вздохнул Саша.— Это у меня в генах.

— И из посольства никем не могу пожертвовать.

— И из ГКЭС, и из торгпредства,— развил мою мысль Саша.

— А что ты думаешь о Вспольном? Он просился в Танги.

— Понимаете... рохля он.

— Но язык знает и в стране уже второй год. Как Дробанов?

— Завтра выписывается.

Вспольный появился после одиннадцати. Вид у него был одновременно покорный (наверное, потому, что опоздал) и возвышенный. Он полагал, что я поручу ему написать эпохальный доклад, который никто из нас, простых смертных, не в силах сформулировать.

— На той неделе вы просились в горы,— сказал я.

— У вас изумительная память, Иван Федорович,— поделился со мной нечаянной радостью Вспольный, поправляя круглые очки.— Я побеспокоил вас этой просьбой исключительно в интересах дела...

— Считайте,— сказал я,— что я вашу просьбу о поездке удовлетворил.

Он изумленно хлопнул светлыми ресницами.

— Но при одном условии. Вместе с вами едут два наших геолога. Они сегодня прилетают в Лигон. Вы их встретите, проследите, чтобы они были размещены и груз был в целости. А в горах поможете им. Вы ведь знаете язык?

— В умеренных пределах,— поспешил с ответом Вспольный.— К тому же, ввиду сложности внутреннего положения...

— Вот, возьмите эту синюю папку, там все документы. Самолет прибывает в двенадцать двадцать.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Когда самолет поднялся, оставив внизу раскаленный Дели, я откинул полочку перед своим креслом и разложил сувениры. Я купил их на девяносто рупий. Отар изобразил презрение и сказал:

— На обратном пути ты бы сделал то же самое с большей пользой для родственников и поклонниц. Теперь будешь три месяца таскать этих слоников в чемодане и проклинать свою склонность к экзотике.

— Хорошо быть опытным путешественником,— ответил я.— Может, это мои первые зарубежные сувениры.

Отар потерял ко мне интерес и распахнул пухлую индийскую газету. Он вел себя, как чин из ЮНЕСКО, который только и делает, что посещает отдаленные страны. Он немного пижон. По утрам гладит брюки, даже если живет в тундре. Нужды в этом нет, но какой-нибудь Юлий Цезарь тоже так делал, а Отар следует доброму примеру. Цезарь гладил брюки и перешел Рубикон. Отар Котрикадзе гладил брюки и стал академиком. Вернее, станет.

— Так,— сказал тут Отар спокойно,— осложнение.

— Какое?— спросил я. Угадать масштабы осложнения по тону Отара нельзя. Может быть, он забыл дома запасные шнурки от ботинок, может быть, страна Лигон провалилась в тартарары. Говорят, что грузины — эмоциональный народ. Эмоциональный — это я, представитель обрусевшей части корейского народа.

— Прочти,— Отар протянул мне газету.

— Спасибо, шеф,— сказал я.— Для меня чтение этой заметки — невыносимое умственное напряжение. А вы все равно уже прочитали.

— Для практики полезно,— отрезал Отар. Он меня вечно заставляет учиться. Пришлось читать.

«Как сообщает агенство Рейтер, сегодня ночью в Лигоне произошел военный...»

— Что такое коуп дета?

— Это французское выражение — переворот.

— Ага, переворот...— Я снова углубился в текст, и минутой через две меня осенило:— Слушайте, Отар, мы же туда летим!

— Вот именно.— Отар отобрал у меня газету и принялся листать ее в расчете найти другие сообщения из Лигона.

— Нас же премьер-министр приглашал,— осведомил я Отара.— А он... Судьба неизвестна.

— Не преувеличивай,— сказал Отар.— Премьер-министр и не знал о нашем существовании.

— Так что же, поворачивать назад?

По мере того как до меня доходил смысл, настроение портилось. Я уже представил себе, как нас встречают на аэродроме черные полковники... Даже хорошо, что я купил сувениры. Приеду, все будут спрашивать, как в тропиках, а я им в ответ слоника. Бывает же такое невезение. Два месяца оформляли документы, готовили оборудование, весь институт старался, а они — военный переворот.

— А ведь уезжать обратно нам нельзя,— сказал Отар. Это ко мне не относилось. Профессор думал вслух.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛНЫЙ

Должен признаться, что я покинул кабинет Ивана Федоровича в некоторой растерянности. К сожалению, напряженность момента не позволила мне аргументированно возразить Ивану Федоровичу: ведь я обращался в свое время к руководству посольства с просьбой направить меня в горные районы для ознакомления на месте с состоянием советско-лигонских культурных связей, полагая тщательно подготовиться, проштудировать нужную литературу и принести наибольшую пользу делу, а также способствовать сбору материалов для моей будущей книги, так как, за исключением группы врачей, выезжавших в тот район два года назад на эпидемию чумы, никто из советских граждан там не бывал. И вдруг обнаруживается, что я должен в тревожной внутривосточной обстановке немедленно лететь в горы, сопровождая (что не входит в круг моих

обязанностей) незнакомых мне ученых. К этому следует приплюсовать еще и болезненное состояние моего начальника, которому придется взять на свои не окрепшие после операции плечи весь объем работы СОДа.

Мой «Москвич» раскалился на солнцепеке так, что я обжегся, взявшись за ручку дверцы. Я снял пиджак и повесил его на крючок в салоне «Москвича». До прибытия на аэродром я позволю себе поблажку. Возможно, я излишне привержен протоколу, однако это дисциплинирует и меня и окружающих.

Улицы были пустынные, однако я не стал относить этот факт к последствиям военного переворота, так как в Лигоне в это время дня даже собаки предпочитают отлеживаться в тени деревьев. Я проехал по тихой, respectable улице Серебряная Долина, чтобы выехать на шоссе за университетским кампусом. Там, на перекрестке, несмотря на номер моей машины, меня остановили солдаты. Я проникся к ним сочувствием, так как они исполняли свой долг в полном обмундировании. Я успел на аэродром лишь за пять минут до прибытия самолета из Дели, и мне стоило некоторых трудов пройти к взлетному полю: там тоже были военные патрули.

Я остановился в тени, под козырьком здания аэропорта, и, пока к самолету везли трап, успел прочесть листок из синей папки, переданный мне Иваном Федоровичем:

«... В соответствии с договоренностью, достигнутой между министерством шахт и промышленности республики Лигон и Академией наук СССР в г. Танги (округ Танги, республика Лигон), направляются заведующий лабораторией прогнозирования сильных землетрясений Института сейсмологии АН СССР доктор геолого-минералогических наук профессор Котрикадзе Отар Давидович и старший научный сотрудник лаборатории кандидат физико-математических наук Ли Владимир Кимович...»

Я оторвался от текста, чтобы взглянуть на самолет. Два автоматчика стояли внизу, у трапа. Офицер в пятнистом комбинезоне поднимался в самолет.

Горячий воздух переливался над полем аэродрома, как вода. Пахло бензином, перегоревшим рисом и какими-то пряностями, которые, сливаясь с запахом машин, создавали специфический, не очень приятный запах, свойственный всем тропическим аэродромам.

Я разговаривал с Володей,пил сок, принесенный стюардессой, смотрел в окно — делал все, что положено пассажиру, а мысли бегали по кругу: что делать? Внизу тянулись зеленые холмы, синие ниточки рек — лесное безлюдье. Потом показалась широкая плоская равнина, поделенная на большие и маленькие квадратики — рисовые и тростниковые поля, среди них, в купах деревьев, прятались деревеньки, иногда выглядывала белая или золотая пирамидка буддийской пагоды. Мне казалось, что я вижу, как по пыльным улочкам деревень проходят военные патрули.

Самолет снизился над окраиной Лигона и, легонько подпрыгнув на бетонной полосе, покатил к зданию аэропорта. В позапрошлом году, возвращаясь из Австралии, я провел здесь часа два. Я запомнил просторный зал ожидания с фреской во всю стену, изображающей сцену из Рамаяны.

Пассажиры начали отстегивать ремни, шевелиться, предвкушая отдых в кондиционированном аэропорту, но стюардесса тут же разочаровала их, объявив, что из самолета выходить нельзя. Никто, кроме нас с Володей, не знал, в чем дело. Поднялся ропот. Особенно возмутились две американские бабушки-туристки с фиолетовыми буклями и в шляпках с цветочками.

Я старался не думать о том, что вне моей власти. Володя приклеился носом к иллюминатору, и для меня остался лишь узкий полумесяц стекла, за которым была видна стена аэропорта и клочок выцветшего от жары неба. Самолет чуть вздрогнул, когда о фюзеляж ударился трап. Волна влажного горячего воздуха прокатилась по салону. Между кресел быстро прошел офицер в пятнистом комбинезоне и высокой фуражке.

— А там танк стоит,— сообщил Володя.— А у трапа автоматчики. Может, нас не выпустят? Скажут, чтобы летели в Бангкок?

Офицер вышел из кабины. За ним — пилот. Офицер медленно заговорил на школьном английском языке:

— Пассажиры в Лигон, следуйте за мной. Остальные пока ждут.

Поднялся недовольный гул, но офицер четко, словно на параде, прошел к выходу, не обращая внимания на бунт. Мы с Володей поспешили за ним, и я почувствовал неприязнь, с которой на нас смотрели остающиеся,— неожиданно мы стали элитой этого маленького общества, а так как иных заслуг у нас не было, оно считало наше возвышение несправедливым.

Воздух снаружи был таким плотным и горячим, что я на мгновение замер на верху трапа, чтобы собраться с духом и

сделать следующий шаг. Я, как назло, был в темной шляпе, костюме, с плащом через руку и являл собой дикое зрелище.

— Я согласен улететь обратно,— сказал Володя, спускаясь за мной,— такой жары я не встречал даже в Каракумах.

— Неправда,— сказал я, не оборачиваясь.— Там было жарче. Только суше. Здесь влажность большая.

Мы шли след за офицером через поле к спасительной прохладе и тени аэропорта. Навстречу нам широко шагал низенький коренастый мужчина в мокрой голубой рубашке, в походке и прическе которого все выдавало моего соотечественника.

— Вы из Дели?— спросил мужчина по-английски. Он не отличался моей пронизательностью.

— Да,— ответил я по-русски.— Вы нас встречаете?

— Товарищ Котрикадзе?

— Да. У нас груз...

— Не беспокойтесь. Вон там, под навесом, стоит товарищ Вспольный из СОДа. А я — представитель Аэрофлота. Спешу выручать пассажиров, пока не изжарились. Никто сегодня не хочет брать на себя ответственность. Аэродром закрыт, чтобы кто-нибудь не воспользовался... Вы знаете, что у нас здесь?

Над самыми головами пронесся реактивный самолет. Когда я оторвал от него взгляд, представитель Аэрофлота уже разговаривал с офицером в пятнистом комбинезоне.

В тени у здания аэропорта тайлся товарищ Вспольный из СОДа. По крайней мере, больше там никого не было. Вспольный, из солидарности с нами или из любви к этикету, жарился в пиджаке, его мягкое невыразительное лицо казалось распаренным, желтые волосы прилипли к черепу и лишь на висках, над ушами, завились тугими колечками. Он прицелился в нас светлыми глазками под толстыми стеклами круглых очков в тонкой оправе, сделал шаг навстречу и замер, будто не был уверен, нас ли должен встречать. Я протянул руку, он прикоснулся к ней теплой, влажной ладонью и с облегчением сказал:

— С приездом. Пройдем в зал, а то здесь крайне жарко.

Мы расселись на скользких низких креслах в зале, напомиавшем рай для правоверных мусульман. Правда, в этом прохладном раю были закрыты киоски и отсутствовали гурии — мы были его единственными обитателями. Я было заговорил о багаже, но Вспольный остановил меня и сказал негромко, но значительно:

— Ситуация изменилась. Сегодня ночью имел место переворот, значение которого мне лично еще не во всех деталях ясно.

— Знаем,— сказал Володя, разглядывая фрески и разрушая этим таинственную атмосферу, навеянную тоном Вспольного.

— И как это отразится на нас?— спросил я.

— На вас? Ваша командировка в горы будет отложена,— ответил он убежденно.— До лучших времен.

Я заподозрил, что он не знает, зачем мы приехали.

— Исключено,— сказал Володя.— Лучших времен не будет.

Вспольный ответил мне, а не Володе:

— Не беспокойтесь, Отар Давидович. Все будет улажено. Иван Федорович направил меня специально для того, чтобы вы не беспокоились. Сейчас мы оформим документы, получим багаж и поедем в гостиницу. У вас есть переводчик?

При этих словах он посмотрел на Володю. Володя покраснел — он легко краснеет — и ответил:

— Я не переводчик. Я геофизик.

— Ну что ж, тогда, раз представитель Аэрофлота... Дайте мне ваши паспорта и квитанции на багаж. Вообще-то вас должен был встретить представитель лигонской стороны, но в свете...

Мы отдали ему паспорта и прочие бумаги.

— Вы посидите,— сказал Вспольный.— Боюсь, что даже носильщиков сегодня нет...

С этими словами он вытащил свое мягкое тело из кресла и побрел к двери. В зал на последнем издыхании ввалились пассажиры нашего самолета. Они бросались к креслам, как верблюды к источнику. Замыкая процессию, бок о бок шли офицер в пятнистом комбинезоне и представитель Аэрофлота, довольные собой, по-отечески добрые к спасенным пассажирам.

Откуда-то возник изможденный индус и начал быстро распаковывать киоск с сувенирами. Сверху по лестнице сбежал официант в малиновой livрее, с подносом, уставленным бутылками кока-колы.

Нам с Володей тоже досталось по бутылке. Незаметно подошедший худой офицер остановился у наших кресел и спросил:

— Господин Котрикадзе? Господин Ли?

Я обвел глазами зал в поисках представителя Аэрофлота, но тот куда-то исчез. Бабушки в цветочных шляпках смотрели на нас с сочувствием. Мы уже не были выскочками. Мы попали в плен, а жалкая судьба пленников вызывает у зрителей сочувствие.

ТИЛВИ КУМАТОН

Предыдущую ночь я провел в штабе бригадира Шосве. Командующий использовал меня для связи с военными округами. Затем я попал на первое заседание Революционного коми-

тета. В 13.30 мне пришлось с двумя танками блокировать полицейский участок у порта, потому что тамошний начальник решил сохранить верность правительству. Моим танкистам не пришлось сделать ни одного выстрела. При виде танков полицейские скрутили начальника и сдались. В 4.30 началось совещание бригадира с лидерами политических партий, а через сорок минут мне пришлось покинуть совещание и вылететь на истребителе в Калабам с приказом бригадира об отстранении полковника Синве. Когда я добрался до пыльного Калабама, полковник Синве уже бежал к тайландской границе, и мой визит оказался пустой формальностью. В 9.20 мой самолет вновь опустился в Лигоне. Мне хотелось спать. Я вернулся в президентский дворец. Кабинет бригадира Шосве находился в бывшей парадной столовой президента, гурмана и чревоугодника. На белом овальном столе были расстелены карты. Фен под потолком гонял воздух, и бригадир, чтобы не разлетелись листы, прижимал их по краям ладонями.

— Все в порядке, Тильви? — спросил бригадир.

— Все в порядке, бригадир, — сказал я.

— Отлично. У нас для тебя новое задание. Выпишься потом, когда победим. Полетишь сегодня в Танги. Там только одна рота. Полковник Ван подготовил тебе документы.

Я мог гордиться поручением революции. Хотя это была не прогулка. Там хозяин — князь Урао. А в городе много его сторонников. И сторонников свергнутого правительства.

— С этой минуты ты — комиссар Революционного комитета в округе Танги в чине майора.

— Я — капитан.

— Преимущество революции заключается в том, что ее участники могут в случае победы рассчитывать на повышение в чине. В случае поражения — на веревку. Ясно?

Бригадир не улыбался.

В дверь заглянул автоматчик.

— Пришли, — сказал он.

В столовую вошли только что освобожденные из тюрьмы лидеры Народного фронта. Одного или двух я знал по фотографиям. Некоторые еще были в тюремной одежде.

— До свидания, — сказал мне бригадир и поспешил вокруг стола, чтобы встретить освобожденных. Вдруг он остановился и сказал:

— Не удивляйся, когда полковник Ван скажет тебе о двух иностранцах, профессорах. Это мой приказ.

Кабинет начальника оперативной части полковника Вана помещался в музыкальной гостиной, где президент хранил коллекцию музыкальных инструментов. У стен стояли высокие старинные барабаны, над ними висели лютни, бамбуковые

дудки, колокольчики, а посреди торчал рояль цвета слоновой кости.

— Можно поздравить с повышением?— спросил меня Ван. Он тоже давно не спал. На его плечах лежала писанина, а помощников было мало, никто в революцию не хочет заниматься писаниной.

— Надо достать звездочки,— сказал я.— В документах, наверное, указано, что я майор.

— О, мальчишеское тщеславие!— воскликнул Ван.— Не зазнавайся. Я тебе открою тайну: ты получил майора, потому что и начальник полиции и комендант Танги — капитаны.

— А что еще за иностранцы?— я считал за лучшее перевести разговор на другую тему.

— Слушай по порядку. Ты полетишь в Танги специальным самолетом. С тобой автоматчики. Возьмешь медикаменты, оружие, газеты, листовки. И русских геологов с грузом. Это личный приказ бригадира. И ты, капитан, отвечаешь головой за их безопасность. Вот их мандаты на свободное передвижение по округу. И третий, незаполненный.

— Зачем?

— Русские наверняка пошлют с ними кого-нибудь из посольства. Кто знает язык. Они прилетают из Дели в двенадцать двадцать.

На прощание он сделал мне хороший подарок. Он достал новенькие майорские погоны и сказал:

— В машине нацепишь. В штабе этим не занимайся.

К прилету русского самолета я опоздал. Он уже полчаса как прилетел. В транзитном зале толкалось десятка три пассажиров с этого самолета. Аэропорт закрыт, чтобы желающие бежать за границу не воспользовались оказией.

Я увидел лейтенанта в камуфляжном комбинезоне.

— Послушай, брат,— спросил я его,— кто ходит в Лигоне?

Лейтенант показал на двух человек, сидевших в креслах и тянувших через соломинки кока-колу. У меня отлегло от сердца. Я не хотел обременять себя штатскими, тем более иностранцами, но приказ есть приказ. Если бы они уехали в город, моя задача бы осложнилась.

Один из русских геологов оказался стройным, подтянутым, сухим мужчиной лет сорока, у него был крупный, как у индйца, нос и густые брови. Он сидел спокойно, положив руки на колени. Я заглянул в мандат, выданный Ваном.

— Господин Котрикадзе?— спросил я. И удивился, что у русского фамилия похожа на японскую.

Старший из них поднялся.

Я прочитал вторую фамилию. Господин Ли оказался не старше меня. Лицо у него было широкое, скуластое, он был похож

на горца. В России живет много национальностей. Возможно, что и наши родственники.

Я предложил им следовать за мной. Времени было в обрез. Пока мы шли через зал, я объяснил, что встречаю их по поручению Революционного комитета. Я спросил, где их документы.

— Их взял представитель посольства. Он должен быть где-то здесь,— сказал Котрикадзе. Он хорошо говорил по-английски.

— Тогда покажите мне его,— сказал я.— Ваш груз и документы не должны проходить таможду. Вы — гости Революционного комитета. Мы спешим, нам некогда. Мы вылетаем в Танги.

КАНЦЕЛЯРИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ЛИГОН (ЗАЧЕРКНУТО).

КАНЦЕЛЯРИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ ЛИГОН.

10 марта.

ВСЕМ, КОГО ЭТО МОЖЕТ КАСАТЬСЯ

Предъявитель сего, профессор Отар Котрикадзе, выполняет задание Революционного комитета, имеющее особое значение для блага лигонского народа. Профессору Котрикадзе дозволен проезд любым видом транспорта в пределах округа Танги и Горных княжеств. Местные власти, а также старосты деревень и вожди племен обязаны оказывать ему содействие транспортом, жильем и любой помощью. Не исполнивший этого указа Революционного комитета будет наказан по законам военного времени.

Председатель Временного революционного комитета
бригадный генерал Шосве Кам. Лигон.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Вот и обошлось. А мы волновались. Правда, я еще утром предвкушал вечер в экзотическом Лигоне, шумные восточные улицы и огни реклам. А мы улетаем через час. Но могло быть и хуже.

Пока Вспольный бегал куда-то утрясать и согласовывать, майор объяснил шефу ситуацию. Регулярное сообщение у них прервано. Но в Танги летит спецрейс, который захватит нас.

Видно, майор не сомневался, что мы согласимся лететь. Он прав. Отар делает вид, что иной встречи не ожидал. Можно подумать, что его всегда встречают мрачные майоры. Мои слоники и браслетики бряцали в сумке. Зачем только я их купил?

Майор передал нас солдату, который провел нас наверх, на галерею, где вдоль стеклянной стены располагалось кафе. Солдат указал на столик у окна. Официант в малиновом костюмчике в мгновение ока накрыл стол на троих. Я не был голоден, но Отар велел мне поесть — неизвестно, когда это случится в следующий раз. На взлетном поле одиноко стоял наш «Ил». В кафе было прохладно и пусто, если не считать одинокой девушки через два столика от нас. Черные прямые волосы девушки были собраны в тяжелый пук на затылке и украшены белым цветком. Перед девушкой стоял бокал с лимонадом.

— Володя, погляди, не ищет ли нас Вспольный,— сказал Стар.

Я подошел к перилам галереи и заглянул вниз. Отар прав. Вспольный стоял посреди пустого зала и сверкал очками. Он поднял голову, увидел меня и обрадовался.

— Идет,— сказал я Отару, возвращаясь на свое место. Я поглядел, тут ли девушка. Она так же сидела у нетронутого бокала. Мне ее стало жалко. Мне всегда жалко неустроенных людей.

Вспольный был взволнован.

— Ума не приложу,— сказал он Отару. Он предпочитал беседовать с Отаром.— Такая ситуация, и все на мою ответственность.

К девушке за соседним столиком подошла пожилая массивная женщина с напудренным смуглым лицом. Женщина была в национальной одежде — длинной юбке и белой блузке с широкими, пышными рукавами. Она начала что-то быстро говорить.

— Значит, так...— Вспольный снял очки и протер их платком.— Я связался с посольством и имел беседу с Иваном Федоровичем. Ему уже звонили из Революционного комитета и сказали, что лигонская сторона обещает выполнить обязательства предыдущего правительства.

— Ну и хорошо,— сказал Отар.

— Да,— вздохнул Вспольный,— за исключением того, что в горах сложная обстановка, а мы должны вылетать. Иван Федорович специально обратил мое внимание на это и просил довести до вашего сведения. Вы можете отказаться от поездки.

— Мы уже об этом говорили,— сказал Отар.— И летим. Но вы можете остаться.

— Нет,— возразил Вспольный без энтузиазма.— Если вы

летите, то и я лечу. Так Иван Федорович, кстати, сказал. А я даже собраться не успел, не переоделся...

— Мы с вами поделимся,— сказал я.— А зубную щетку и полотенце купим.

Не надо было мне вмешиваться. Вспольный посмотрел на меня с укоризной. Я представил себе, какая буря бушует в сердце нашего толстяка: в горы, в глушь, в Саратов — и без зубной щетки! Но меня сам черт за язык тянул. Я сказал:

— Я сейчас, одну минутку.

— Володя, не дури,— сказал Отар. Он все понимал, он знает меня как облуленного; но я уже бежал.

Человек часто совершает двойные поступки. Так и я. Вроде бы спешу за зубной щеткой для сопровождающего лица, а при том хочу взглянуть, куда пожилая женщина увела ту печальную девушку.

В зале внутренних авиалиний ее не было. Упустил. Вся жизнь, должен сказать, соткана из встреч и расставаний.

Кисск, торговавший всякой мелочью, был открыт. Возле него стоял лишь один покупатель, странно выглядевший в теплом, черном пиджаке, белой тряпке, обмотанной наподобие кальсон вокруг ног, и черных, замечательно начищенных ботинках. Словно он торопился из дому и забыл натянуть брюки. Толстяк держал в руке такой же грузный, как и он сам, саквояж (вещи и собаки часто похожи на своих хозяев), а перед ним на стеклянном прилавке лежала грудка лекарств в пачках, бутылочках и пакетиках. Я заподозрил, что он намеревается открыть частную аптеку. А может быть, он сильно болен? Я пригляделся. Но на лице никаких следов близкой кончины. Профиль у него был строгий, античный, как у римского кесаря периода упадка. Если убрать лишние подбородки и облачить его в латы, то не стыдно поставить такого героя во главе победоносных легионов. Но когда он, почувствовав мой взгляд, обернулся, оказалось, что фас его никак не соответствует героическому профилю. Энергичный подбородок и линия носа потерялись в массе обвислых щек.

Я показал на зубную щетку и сказал по-английски «плиз», что означает «будьте любезны», затем отыскал глазами тюбик с зубной пастой, надеясь, что это не крем для бритья. Продавщица информировала меня по-английски, что все это обойдется мне в два вата.

Я достал пятидолларовую бумажку.

— Ноу,— сказала женщина, показав на курившего метрах в двадцати солдата. Все ясно: сегодня мы не имеем дела с иностранной валютой.

— Я помогу вам,— сказал толстяк.— Банк закрыт.

Чтобы я не заподозрил его в злых умыслах, он показал на

окошко с английской надписью «обмен валюты, чеки путешественников». Окошко было закрыто.

Я не был уверен, что поступаю правильно, вступая в валютные сделки, но зубная щетка была мне нужна.

— Совершенно честно, по курсу,— сказал толстяк.

На указательном пальце у него было два золотых перстня. Его пальцы двигались с поразительной быстротой, и губы шевелились в такт — я догадался, что он переводит доллары в ваты, стараясь меня при этом не обмануть.

Не успел я опомниться, как у меня в руке было две купюры по десять ват и много мелочи. А доллары исчезли в пиджаке.

— Спасибо,— сказал я толстяку.— Спасибо,— сказал я продавщице.

Толстяк поспешил в дальний конец зала. Там обнаружился наш майор, возле него пожилая дама и грустная девушка. Майор беседовал с женщинами, а толстяк замер в пяти шагах, скособочившись под тяжестью саквояжа.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

С уходом Владимира Ли возникла тягостная пауза. Отар Давидович тщательно пережевывал салат, а у меня не было аппетита.

Пожалуй, на месте Ивана Федоровича я бы настоял на том, чтобы дать отдохнуть нашим товарищам, прежде чем кидать их в тревожный и отдаленный район. Однако я тут же изгнал эту мысль из головы, ибо Иван Федорович знает, что делает. Я был легко одет, а в горах вечерами температура падает ниже нуля. В моем распоряжении находилась лишь небольшая сумма денег, оказавшаяся в бумажнике. Правда, Иван Федорович обещал, что деньги будут немедленно переведены в Танги...

— Простите,— отвлек меня голос Отара Давидовича,— но хочу заверить вас, что Володя не хотел вас обидеть. Он очень отзывчивый молодой человек.

— Я сам могу о себе позаботиться,— отрезал я. Потом спросил:— Сколько мы там пробудем?

— По нашим расчетам, недели две. Может, месяц.

Ответ меня удивил. Оформление заграничной командировки требует знания сроков. Это связано с валютными расходами и переговорами с соответствующими зарубежными организациями.

— Тогда я уточню вопрос: на какой срок командировка?

— Без срока.

Я откашлялся. Зачем таиться от меня? Если лигонская сторона в курсе, то я, как ответственный работник...

— Не поймите меня превратно,— сказал Котрикадзе.— Я не шучу. Длительность нашей командировки зависит от бога. Точнее, от Плутона. Вы, видно, не успели ознакомиться с деталями?

— Меня подключили лишь за час до вашего прилета.

— Мы с Володей работаем в лаборатории по прогнозированию сильных землетрясений, и нам удалось добиться некоторых успехов. Особым образом измеряя напряжения в различных участках земной коры, мы можем определить очаг будущего стихийного бедствия и даже его сроки.

К столику подошел Володя Ли. Он держал в руке пакетик, который положил на стол у моей руки. Затем как ни в чем не бывало уселся на место и набросился на салат. Я развернул бумагу. Там была зубная щетка и крем от перхоти.

— Спасибо,— сказал я холодно. Меня раздражают мальчишеские выходки.— Сколько я вам должен?

— Потом сочтемся.

— Володя, не устраивай купеческих представлений,— сказал Котрикадзе.— Юрий Сидорович их не любит.

— Два вата за все,— сказал Ли.— За щетку и зубную пасту.

Я молча передал молодому человеку деньги. Отар Давидович крутил в пальцах тюбик с кремом.

— Так и знал,— сказал он.— Тебе еще учиться и учиться. Это же крем от перхоти.

— Ужас! Я забыл, как по-английски зубная паста. Я сбегаю смену.

Он был расстроен. Меня это раскаяние, как ни странно, несколько примирило с молодым человеком.

— Не беспокойтесь,— остановил я его.— Продолжайте, Отар Давидович. И не старайтесь излагать свои мысли популярно. Моего образования хватит, чтобы следить за ходом изложения.

— Не сомневаюсь,— согласился со мной Отар Давидович. Он отхлебнул кофе.— Недавно нами окончены испытания установки, позволяющей улавливать и измерять напряжения в любой точке земного шара. Следовательно, если мы получаем такого рода информацию, скажем, с Камчатки, мы тут же обращаемся к сейсмическим картам и определяем, нет ли в том месте опасного разлома... Но такие карты составлены далеко не везде.

— В том числе их нет в Лигоне,— догадался я.

— Дело не только в картах,— продолжал Котрикадзе.— Мы засекали тревожные сигналы, источник которых находится в четырехстах километрах к северу от Лигона. Судя по нашим данным, конвекционный поток, движущийся по границе разло-

ма, может привести к стрессовой ситуации в течение ближайших недель.

— То есть будет землетрясение?

— Возможно, крайне сильное. Мы передали наши сведения в академию, а оттуда они были посланы в Лигон.

— Представляете, — вмешался Ли, — взяли данные через половину шарика! Первая удача такого масштаба.

— И редкое по силе землетрясение, — добавил Котрикадзе.

— И вас пригласили в Лигон? — Обыденность, с которой они говорили о том, что собираются провести ближайшие дни буквально на вулкане, меня нервировала.

— Для локализации очага и определения даты возможного возмущения мы должны провести полевые исследования.

— И землетрясение, которое вы предсказываете, может начаться в любой момент? — Эти слова вырвались у меня помимо моего желания. И жаль, что я не сдержался. Ли откровенно усмехнулся. Но Отар Давидович был тактичнее.

— Оно может вообще не начаться, — сказал он. — Рост напряжения не обязательно приводит к катаклизму. Все зависит от конкретных условий.

— Ну, а если?..

— Наша задача определить сроки и возможную силу землетрясения. И рекомендовать меры по защите населения и имущества.

— Мы как врачи на чумной эпидемии, — сказал Ли. — Совсем не обязательно заражать себя чумой. Лучше, если вылечим других.

В его словах я уловил иной смысл. Ведь известны же случаи, когда врачи заражали себя чумой в интересах науки.

ТИЛЬВИ КУМТАТОН

Я решил, что выплюсь в самолете, и эта мысль меня утешила. И я занялся делами, которых было немало. Из всего экипажа на аэродроме обнаружился только второй пилот. Дежурный помочь мне не мог — у него еле хватило людей, чтобы обслужить русский рейс. Вместо десяти автоматчиков, которых мне обещали, прибыло только пятеро. Врач исчез. Зато приехал лейтенант из Управления пропаганды с кипами воззваний и сказал, что летит с нами. Радиста кто-то по ошибке направил в морской порт. При том возникли тысячи мелочей — то мне звонили из ресторана, чтобы выяснить, кто будет платить за обед для русских, то обнаружилось, что к миномету, который прислали из штаба округа, нет мин. Хозуправление требовало, чтобы я обеспечил место на борту господину директору

Матуру, а я его в глаза не видал... На секунду я замер посреди зала, чтобы привести в порядок мысли, и тут возникла тетушка Амара, моя дальняя родственница, у которой я жил, когда учился в университете. Она драла с меня за постой дорожке, чем в гостинице «Кинг», а удрать от нее оказалось труднее, чем из объятий питона.

— Кумти,— воскликнула она,— как ты вырос!

— Здравствуйте, тетя Амара. Что вы здесь делаете?

— Такое счастье,— продолжала она, не отвечая на мой вопрос,— что именно ты командуешь рейсом в Танги.

Каким-то чудом по аэродрому распространился слух, что в Танги уходит спецрейс, и уже человек двадцать пытались получить у меня место на борту. Я мог бы даже разбогатеть.

— Это военный рейс, тетушка,— сказал я.

— Неважно,— отрезала тетушка.— Ты обязан помочь нашей родственнице. Бедная девочка едет к умирающему отцу. Ты не можешь ей отказать. Покойные предки вернутся оттуда, чтобы наказать тебя.

Она толстым пальцем показала, откуда придут мои предки.

Я попытался отказаться. Но недооценил силу родственных связей в Лигоне. Тетушка Амара передала мне привет от двоюродного дедушки, пригрозила мне гневом дяди и бросила в бой тяжелую артиллерию в виде девушки, красота которой заставила меня на мгновение забыть о долге перед революцией.

— Тетушка Амара просила за меня,— сказала девушка, стараясь не робеть. Она была одета так, как одеваются студентки в небогатых семьях,— чудом сочетая традиции с европейской модой.— Я бы не посмела беспокоить вас, если бы мой отец не был ранен. А я везу лекарство, которое может ему помочь.

Я хотел было сказать, что с удовольствием передам лекарство по назначению, а вместо этого услышал свой собственный голос, говорящий девушке, чтобы она прошла к выходу номер три и сказала там солдату, что ее прислал майор.

Шагах в пяти от меня стоял толстый индеец в пиджаке, надетом поверх дхоти, с губами, измазанными бетелем. Он слышал весь разговор. Это был спекулянт, из тех, которых мы хотим выгнать, когда победит революция. «Ну уж ты места на самолете не получишь»,— подумал я и тут же услышал, как индеец спрашивает:

— Господин майор, куда мне проходить?

Я повернулся и пошел прочь. Индеец обогнал меня и старался поймать мой взгляд.

— Господин майор,— сказал он,— я директор Матур.

— Какой еще директор Матур?

Торгаш в мгновение ока извлек бумагу на бланке управления снабжения. В ней доводилось до моего сведения, что господин директор Матур направляется в Танги по делам армии.

— Вы можете позвонить. Моя репутация...

Я не стал звонить. Я вспомнил, что мне уже звонили. Удивительно, когда он успел получить эту бумагу?

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛНЫЙ

Майор пригласил нас к самолету, заверив, что груз уже на месте. Мы проследовали через пустой зал и только повернули к дальнему выходу, как меня остановил крик:

— Юрий, погоди!

Мы остановились. К нам подбежал взмокший, растрепанный Александр Громов. На какое-то мгновение меня охватило предчувствие, что мой вылет отменяется. Но оказалось иначе.

Громов протягивал мне мой же атташе-кейс, купленный в прошлом году в Дели и всегда сопровождавший меня в поездки.

— Мне твою комнату сторож открыл,— сказал он.— Прости, что без твоего разрешения. Здесь мыло, щетка и так далее.— Затем Громов вынул бумажник и, протягивая мне деньги, продолжал:— Тут тысяча ватов. От Ивана Федоровича. Он единственный из нас вспомнил, что ты отправляешься в поход гол как сокол. Потом в бухгалтерии отчитаешься. Если понадобятся деньги, телеграфируй прямо мне.

Он обернулся к моим спутникам, представился им, передал наилучшие пожелания от Ивана Федоровича и добавил:

— Что касается Юрия Сидоровича, то он знаток лигонского языка и обычаев и собирает материалы для будущей книги.

Я был тронут личной заботой Ивана Федоровича, пониманием важности моей миссии.

— Не буду задерживать,— сказал Громов,— ни пуха ни пера.

— Катись к черту!— в сердцах сказал я.

За дверью жарился на солнце небольшой «вайкаунт» местных авиалиний. В дверях толпилась группа людей. Несколько солдат, молодой лейтенант, толстый индеец в пиджаке поверх дхоти, с красными от неумеренного потребления бетеля губами, и молоденькая девушка, возможно медицинская сестра, в длинной юбке с увядшим белым цветком дерева татабин в черных волосах.

Мы двинулись к самолету. Шел третий час, жара была тяжелой, отягощенной близким муссоном. Я подумал, что Громов наверняка забыл захватить мою полотняную кепочку.

Поднявшись по короткому шаткому трапу, я внутренне сжался от ожидавшей меня духоты. И не ошибся в худших ожиданиях. На секунду я задержался у двери, размышляя, сесть ли мне поближе к двери, сквозь которую проникал воздух, или занять место в хвосте, где больше шансов уцелеть при вынужденной посадке. Наконец, сел сзади.

— Нельзя ли получить воды?— спросил толстый индеец.

— Потерпите,— услышал его майор.

Дверь закрылась, медленно начали вертеться винты. Я глядел в окно, торопил винты. И когда я уже буквально терял сознание, самолет оторвался от земли, и вскоре в кабину хлынул прохладный воздух. Я с минуту наслаждался им, затем застегнул ворот, чтобы резкое переохлаждение тела не привело к простуде.

ТИЛЬВИ КУМТАТОН

Все обошлось. Никто не умер от духоты. Директор Матур вытащил из саквояжа шерстяной шарф, замотал шею и принял сосредоточенно жевать бетель. Девушка, ее зовут Лами, закрыла глаза. Дремлет? Русские, что прилетели из Москвы, разговаривали, а третий, совсем белый, в очках, глядел в иллюминатор и хмурился. Солдаты смеялись: они из бригады «летающие тигры», ко всему привыкли. Я прошел к пилотам.

— Когда будем в Танги?

— Через час двадцать,— ответил военный пилот,— если не придется обходить грозовой фронт. Приближается муссон.

Я вернулся в салон и сел. Почему-то не спалось. Словно я перешел грань, за которой можно никогда не спать. Молодой геолог, похожий на горца, спросил на плохом английском языке:

— Когда прилетим?

— Часа через полтора. Вам не жарко?

— Мы привыкли. Нам приходится много ездить. Мы — охотники за землетрясениями.

— Большая охота,— сказал я.— А как вы их убиваете?

— Мы опаздываем,— ответил за молодого геолога профессор Котрикадзе.— Они успевают сделать свое черное дело.

— Я видел землетрясение,— сказал я.— В горах, южнее Танги. Я жил тогда у дедушки в монастыре, учился в монастырской школе.

— Скоро будет новое,— сказал молодой геолог.

— Нельзя предсказать собственную смерть и землетрясение. Так говорил дедушка Махакассапа.

— Когда-то не умели предсказывать и солнечные затмения,— сказал профессор.

— А когда будет землетрясение в Танги?— спросил я. Но ответ меня не интересовал. Я вдруг понял, что если сейчас не усну, то умру от усталости; профессор что-то ответил, но я уже проваливался в глубокий, как обморок, сон.

А проснулся я оттого, что заложило уши,— самолет снижался. Директор Матур склонился надо мной и больно вцепился в плечо:

— Проснитесь, майор!

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Наш brave офицер, который полагал, что землетрясение нельзя предсказать, как собственную смерть (если буду писать воспоминания, обязательно поставлю слова его дедушки в эпиграф), заснул мгновенно, не дослушав Отара. Словно его выключили.

— Там есть озеро,— сказал Отар.— Подземный стресс хорошо читается в упругой среде.

Я поглядел в окно. Сначала мы летели над плоской равниной, потом среди нее начали появляться невысокие пологие холмы, поля карабкались по их склонам, лишь на вершинах росли кupy деревьев. Иногда из них вылезали белые пагодки. Потом холмов стало больше, склоны их круче и лес занимал все больше места, лишь по берегам речек остались проплешины полей и цепочки домиков. Я обернулся к девушке. Хорошо, что она попала на самолет. Девушка закрыла глаза, но ресницы чуть подрагивали. Она не спала. Я сказал Отару, что наш майор мне нравится. Может быть, переводом руководят не черные полковники? Отар пожал плечами.

Прошло около часа с тех пор, как мы поднялись. Пить хотелось жутко. Мой организм был совершенно обезвожен. Самолет летел невысоко. Над нами было голубое небо и солнце, зато сбоку, над горным хребтом, стояла стена сизых туч.

Я взглянул вниз. Мне показалось, что кто-то сигналил нам с земли зеркальцем. Какая чепуха, подумал я, как можно заметить зеркальце с такой высоты! И в тот же момент я увидел, как кто-то невидимый провел над плоскостью самолета рукой, измазанной в чернилах. Чернила упали цепочкой капелек. Самолет трянуло, и я тогда догадался, что это не капельки, а дырки в крыле. И тут же из мотора потянулся дымок.

Наверное, я непроизвольно привстал и вжался в стекло. Отар сразу почувствовал неладное.

— Что?

Он пытался встать, но его не пускали ремни. Линия горизонта начала медленно клониться, будто перед нами был склон горы. И тут заверещал толстяк. Он ринулся к майору и стал его трясти:

— Майор, проснитесь! Майор, мы падаем!..

ВАСУНЧОК ЛАМИ

Молодой иностранец, похожий на горца, с добрым лицом, бесцеремонно глядел на меня в ресторане, где я ждала, сгорая от страха, тетушку Амару. Наверное, вид у меня был неприглядный. Нехорошо, что в такой момент я обратила внимание на мужчину.

Когда тетушка подвела меня к майору, я с удивлением узнала в нем Тильви Кумтата, который учился с моим братом в колледже, даже приходился мне родственником и бывал у нас дома. Меня он, конечно, не узнал. Десять лет назад я была девочкой. Тильви был недоволен, что из-за меня придется нарушить правила, но решил лететь. Я надеюсь, что у него не будет неприятностей.

Вообще-то все было чудом, цепью чудес. Господин Сун встретился со мной и оказался таким вежливым и отзывчивым. Когда я узнала о перевороте, он велел мне не беспокоиться. Утром я пришла к нему снова, там меня уже ждала тетушка Амара, которую я три года не видела и которая всегда была злой, но у господина Суна вела себя, словно мама, тревожилась о моем отце и сама предложила поехать на аэродром добиться, чтобы меня взяли на самолет. Надо будет обязательно привезти ей хороший подарок.

Молодой иностранец сидел по другую сторону прохода и иногда смотрел на меня. Я делала вид, что не чувствую его взгляда. Я думала об отце. Я знала, что отец может умереть. Поэтому я решилась и пошла к господину Дж. Суну. Потом я задремала и не сразу поняла, что случилось. Самолет начал снижаться, но не в Танги, а прямо над лесом. Господин директор Матур громко кричал, что мы погибли. Я испугалась, что разобьется лекарство. Я прижала сумку к груди, чтобы лекарство не разбилось, если мы упадем.

Сидя в самолете, я размышлял о том, что прошедшее утро следовало бы внести в графу убытков. Телефонный звонок с аэродрома в город обошелся мне в семьдесят ватов, двадцать сторожу, который провел меня в кабинет к диспетчеру, и пятьдесят самому диспетчеру. Это как минимум семь долларов. Даже если вычесть из этого прибыль, которую я получил, обменяв по курсу пять долларов для молодого русского, все равно убыток велик... Но разговор с Тантунчком все-таки состоялся. Я спросил, сбылось ли мое предсказание, и Тантунчок вежливо выразил благодарность за предупреждение.

— Готов ли ты завершить вчерашний разговор? — спросил я.

— Я всегда готов обсудить разумные предложения. Мне предлагают за товар двести пятьдесят тысяч.

Что же, цена упала. Тантунчку нельзя отказать в здравом смысле. Но цена была высока, и я был убежден, что ни один здравый человек не предложит за фабрику такую бешеную по сегодняшним меркам цену. Я предложил ему сто тысяч, иначе будет поздно.

Я представил себе, как улыбается Тантунчок, как собираются хорошие морщинки у его глаз. И он сказал:

— Исключительно ради старой дружбы могу уступить за двести.

Мой план таил в себе большой риск. Если все пройдет гладко и мне удастся тут же передать фабрику Управлению снабжения, придется делиться с теми, кто поможет провести эту операцию. Я получу не четыреста тысяч, а не более трехсот. Но где гарантия, что эта сделка состоится? Что расположение, которым меня дарят некоторые ответственные люди, сохранится завтра? Разумнее отказаться от сделки, чем рисковать всем свободным капиталом. В ближайшие дни могут появиться и другие предложения — в опасении национализации дельцы будут распродавать недвижимость. О жестокий Дж. Сун! Сейчас мне следовало быть в Лигоне, где вершатся дела.

Самолет миновал долину Кангема. Дальше наш путь лежал через гряду гор, к озеру Линили, за которым стеной поднимаются отроги Тангийского нагорья.

Что здесь делает девушка, которую я видел у господина Дж. Суна? Ее присутствие на борту меня тревожило. Я благословлял осторожность, которая заставила меня скрыться в полутьме холла, когда Сун провожал ее из гостиницы. Что за послание она везет в Танги? Не о моей ли скромной особе? Дж. Сун коварен. А вдруг он узнал, что я потратил час на визит к Тантунчку? С его точки зрения, это предательство.

Тревога настолько овладела мной, что я не сразу сообразил, что случилось нечто ужасное. Из-под крыла тянулся черный дым. Самолет резко пошел вниз. Мы падаем! Мы погибаем...

Я должен был что-то предпринять. Я быстро отстегнул ремни и направился к спящему майору Тильви. Я дотронулся до его плеча и негромко, но внушительно произнес:

— Проснитесь, майор. Мы падаем.

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

Хоть я и пролетал в своей жизни больше миллиона километров, попадать в катастрофу мне еще не приходилось. Все произошло слишком быстро, чтобы я мог потом, на досуге, понять, как это случилось. Я помню, что заставил пристегнуться Володю, который никак не мог понять, чего же я от него хочу, и, наверное, считал меня человеком без нервов; вокруг кричали люди, дым за окном закрыл все небо, земля неслась навстречу, а я совал ему в руки конец ремня. Но ведь если суждено уцелеть, то больше шансов у того, кто пришпилен к своему месту.

Даже не будучи летчиком, я понимал сложность нашего положения. Загоревшийся мотор заставил нас снижаться, пока машина не взорвалась. Если бы дело происходило над равниной, мы могли бы сесть спокойно — высота полета невелика. Но под нами тянулись покрытые лесом горы.

Я не потерял способности наблюдать. Это шло не от излишней смелости или фатализма. Просто мне не хотелось верить, что через минуту меня не будет в живых, и эта здоровая реакция организма заставила меня вообразить, что ничего страшного не случится. Юрий Сидорович был смертельно бледен и смотрел перед собой, ничего не видя. Потом он мне признался, что перед его мысленным взором (его выражение) прошла вся жизнь. Майор Тильви боролся с индийцем, который повис на нем, вцепившись в мундир толстыми пальцами, словно майорам по чину не положено разбиваться в самолетах. Молоденький офицер, который присоединился к нам перед отлетом, что-то кричал на вскочивших солдат, девушка, которую порывался спасти Володя, прижимала к груди дорожную сумку. А где мой портфель? Почему-то я занялся лихорадочными поисками портфеля и, найдя его под ногами, постарался вытянуть на колени. Самолет накренился в нашу сторону, и совсем близко под окном мелькали кроны деревьев. Мимо промчался, стараясь сохранить равновесие, майор и рванул дверь пилотской кабины. Самолет выпрямился. На мгновение отнесло дым, стало светлее, и тут же я ощутил серию ударов — наверное,

машина билась корпусом о вершины деревьев. Скрежет был такой, словно самолет рассыпался на куски; нас подбросило вверх, потом самолет нырнул, ударился о землю, подпрыгнул, мое тело рванулось вперед, и ремни, как ножи, полоснули по груди. Видно, из меня вышибло дух, потому что следующее, что я помню,— тишину...

Болела грудь. Ремни удержали меня, но сделали это немилосердно. Я не мог вздохнуть. Хорошо бы, ребра остались целы. Я хотел поднять руки, чтобы отстегнуться, но руки не слушались. И только тогда я понял, что сижу с закрытыми глазами.

Я заставил себя открыть глаза. Они нехотя подчинились. И сразу включился слух. Продолжался гул — может, еще работали моторы, может, ревели пламя, может, шумело в голове. Сквозь гул я услышал, как кто-то рядом причитает, словно по покойнику, — однообразно и грустно. Потом донесся стон. Как Володя? Я с трудом повернул голову.

И тут же меня охватил гнев. Это было первое человеческое чувство, вернувшееся ко мне. Вы полагаете, что он думал обо мне? Володя был в полном сознании, но смотрел этот подлец не на меня — сквозь меня, туда, где сидела девушка. Потом я рассмеялся. Потому что девушка тоже была жива, она сидела, прижимая к груди дорожную сумку, и глазела на моего Володю.

— Приехали, — сказал я сквозь смех. — Приехали.

Наверное, со стороны казалось, что я впал в истерику, но мне было просто смешно, что они сидели в разбившемся, голящем самолете и смотрели друг на дружку.

Руки мои действовали независимо от меня, отстегивая ремни. Майор лежал в полуоткрытой двери в пилотскую кабину, и по тому, как он неудобно лежал, я понял, что ему досталось. Я заставил себя подняться. В салон полз черный дым.

— Вы как, Отар? — услышал я голос Володи.

— Скорее! — ответил я, и наконец мне удалось вздохнуть. Припадая на ушибленную ногу, я бросился к майору. И знал, что Володя тоже поднимается. Я мог на него положиться. Крушение кончилось, началась работа, а работать Володя умеет.

Майор был жив, дышал и, если не считать вывернутой руки, был цел. Нам удалось оттащить его от двери. Я открыл ее, чтобы проникнуть в кабину пилотов, и краем глаза заметил, что над майором склонилась наша соседка. Нас уже трое.

Все мои действия мерялись на секунды. Мне даже некогда было обернуться и поглядеть, что же творится в салоне.

В лицо мне ударил дым. Дымом была полна пилотская ка-

бина, вернее, то, что от нее осталось. Самолет — это я понял уже погода — тянул к рисовому полю, но пилоты не смогли удержать машину, и стволы сокрушенных самолетом деревьев превратили его нос в мешанину стекла и металла. Я на ощупь пробирался сквозь дым, стараясь отыскать пилотов. Володя пошел было за мной, но я обернулся и крикнул:

— Назад! Открой дверь! Выводи людей!

Мне казалось, что путешествие сквозь дым и джунгли гнущего металла продолжалось очень долго. Кабина — несколько шагов в длину — превратилась в бесконечный коридор, в котором нечем было дышать... Но тут порыв ветра на мгновение отогнал дымовую завесу, и оказалось, что я стою на некоем подобии балкона, к которому вплотную подступают переломанные кусты и стволы деревьев. В зеленом месиве я увидел тело одного из пилотов. Тут же дым снова набросился на кабину, и мне пришлось вытаскивать пилота из груды обломков вслепую, задыхаясь и боясь не только близкого взрыва, но и того, что потеряю сознание. Я с таким отчаянием тащил пилота, что если бы он был жив... тогда я еще не понял, что он мертв.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Подчиняясь приказу Отара, я пробирался по проходу к двери. Проход был загроможден, будто кто-то специально сбросил туда все, что не было принаготовлено: сумки, чемоданы, ящики. В одном месте они грудой скрывали под собой толстяка. Поэтому по пути к двери я вынужден был остановиться и разгрести барахло, чтобы извлечь из-под него господина, который явно симулировал смерть: глаза у него были закрыты, красный язык наружу, как у жаждущего пса, но при этом он быстро и мелко дышал. Я решил, что следует шлепнуть его по щеке — так приводят в чувство барышень в художественной литературе. Господин тут же открыл глаза.

— Вставайте! — сказал я ему. — Скорее!

Он застонал — видно, радовался воскрешению. Справа от меня зашевелились. Это отстегивался Вспольный.

— Сейчас, — сказал он мне, — одну минуточку.

Словно я его торопил. Мои глаза выхватывали отдельных людей, и я не видел, что происходило вообще. Салон затянуло дымом, в нем можно было разобрать человеческие фигуры неподалеку от тебя, но не видно того, что творится метрах в пяти.

Я миновал индийца и, когда сделал еще несколько шагов, увидел сбоку светлое пятно. Открытую дверь. Я совсем забыл

о солдатах и молоденьком офицере. Они, оказывается, не дремали и успели выбраться раньше меня. Я на секунду остановился в проеме, окончательно осознав, что мы находимся на земле. Передо мной было небольшое поле, покрытое высохшим желтым жнивьем, оно уходило вниз, под уклон, а за ним синей стеной поднимались горы. Эту мирную картину нарушал треск пламени, рвавшегося из горящего мотора, и клубы черного дыма. Над полем дул порывистый ветер, поэтому и дым и пламя метались клочьями над головой. Я увидел солдат и молоденького офицера. У него были разодраны лоб и щека, и он все время стирал рукавом кровь, чтобы не заливала глаза. Он покрикивал на солдат, которые старались ножами открыть багажный люк. Один из солдат сидел неподалеку, неестественно вытянув перед собой ноги. Он был очень бледен.

Вдруг меня сильно толкнули в спину. Я не удержался и кулем вывалился из самолета на мягкую землю. Нечто тяжелое, словно бегемот, рухнуло на меня, и когда я вскочил, то понял, что меня выпихнул толстяк. С неожиданной для его веса и объема резвостью он припустил по склону. Очевидно, зрелище было не лишено комизма, потому что солдат, сидевший на земле, вдруг засмеялся.

— Ну и черт с тобой, — заявил я и попросил знаками у офицера выделить мне одного из солдат, чтобы вынести майора. Почему-то я временно забыл английский язык. Офицер меня понял и сам полез со мной в самолет. Там уже стало совсем темно и трудно дышать. Почти на ощупь мы продвигались по проходу и через несколько шагов натолкнулись на округлую спину Вспольного, который тащил по проходу майора. Девушка старалась помочь ему, не выпуская из руки своей драгоценной сумки. Вчетвером, мешая друг другу, мы эвакуировали майора из машины и отнесли на несколько метров от самолета. Я хотел отправиться на поиски Отара, который долго не возвращался, но тут услышал короткий крик девушки: Отар выходил из леса. Он тащил под мышку пилота. Увидев нас, Отар рухнул на землю: видно, выбился из сил.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

Пламя грозило добраться до баков с горючим, и тогда машина взлетела бы на воздух. Мы же находились недалеко от нее и могли пострадать. Я намеревался довести это до сведения остальных, особенно солдат, которые старались открыть багажное отделение, однако в этот момент наше внимание было отвлечено появлением Отара Давидовича, который, рискуя жизнью, проник в кабину и вынес пилота.

Я полагал, что профессор, который по возрасту и общественному положению взял на себя руководство спасательными работами, прикажет немедленно начать эвакуацию, однако он попросил меня подойти к нему и выступить в роли переводчика. Солдаты с помощью выстрелов из оружия открыли багажное отделение, он одобрил их действия и попросил меня объяснить лейтенантку, что хорошо бы оттащить груз как можно дальше. Затем Отар Давидович попросил меня помочь девушке эвакуировать на безопасное расстояние майора, и я подчинился, не переставая беспокоиться за моих товарищей, действия которых я считал рискованными.

Мы оттащили майора метров на сто и положили за пригорком. Солдат, сломавший ногу, приполз вслед за нами. Когда я собирался вернуться к самолету, ибо не имел права отсиживаться в укрытии с женщинами и ранеными, раздался взрыв, взметнувший к небу столб черного дыма и осколков. Взрыв был так силен, что комья земли и осколки посыпались на нас градом.

Я пережил страшный момент, полагая, что все погибли, и бросился к самолету, невзирая на возможность новых взрывов.

На открытом месте я увидел, что части самолета разбросаны на расстоянии многих метров по полю и все люди, находившиеся от него в непосредственной близости, лежат на земле на полпути от самолета к пригорку. Однако, подбегая к ним, я увидел, что они шевелятся и один за другим поднимаются на ноги, стряхивают с себя комья земли и листья и даже смеются, вторично избежав смертельной опасности. Оказалось, что за полминуты до взрыва Отар Давидович понял, что взрыв неминуем, и все побежали от самолета, что и спасло их.

Когда же я по истечении первых радостных минут обратился к Отару Давидовичу с закономерным упреком за то, что ради груза он рисковал жизнью вверенного ему коллектива, он ответил мне, что этот груз предназначен для того, чтобы спасти жизнь многих людей, и потому споры и рассуждения о правомочности его действий представляют лишь академический интерес. И так как все обошлось без жертв, я счел за лучшее больше не поднимать эту тему.

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

Сесть на лоскут горного поля в горящем самолете так, что почти все на борту остались живы, более того, уцелел почти весь груз,— это чудо. Погиб лишь первый пилот, тот, кому мы были обязаны жизнью.

Мы перенесли майора в пустую хижину на краю поля. Он был без сознания. К несчастью, среди нас не было медика. Девушка, которую зовут Лами, помогла мне перевязать раненых.

Раненых мы устроили в хижине, а потом перетащили к хижине груз. Один из ящиков с датчиками погиб в самолете, второй остался. Кое-как управимся. Хорошо, что мы в Москве подстраховались. Вытащили и ящик с компьютером. Интересно, цел ли он. Вся надежда на Василия Эдуардовича, институтского столяра, который запаковывал наше добро, приговаривая: «Теперь можно хоть с самолета кидать». Он оказался пророком. Кроме наших ящиков, вытащили с десятков тюков, принадлежащих военным. Один из тюков разорвался, и из него высыпались листовки. Ветер понес их над полем, молодой лейтенант долго гонялся за ними и с помощью не очень старавшихся солдат собрал подотчетное добро.

Смеркалось. Когда я в последний раз, прихрамывая, вернулся к самолету, вернее, к тому, что от него осталось, на небе уже появились первые звезды. Они загорались на восточной половине неба — западная была занята темной тучей. От этого сумерки начались раньше, чем следовало. Я поглядел на часы. Половина седьмого. Вокруг царил мир. Природа уже забыла о грохоте и огне, с которыми мы ворвались в эту долинку. От обломков самолета поднимался дымок. Жужжали комары, совсем как у нас.

— Знаете, Отар (задумавшись, я не услышал шагов Володи по мягкой земле), я заметил одну любопытную деталь.

Обломок крыла, отлетевший от фюзеляжа, лежал у наших ног, словно плавник акулы. Он был покрыт копотью. Володя наклонился.

— Вот,— сказал он.

Я с трудом разглядел линию круглых отверстий в крыле — отверстия тянулись под углом к основанию крыла.

— По-моему, с земли в нас стреляли. Нас сбили, понимаете?

Я не ответил. Круглые отверстия могли возникнуть по какой-то иной причине.

— Сначала я увидел, как с земли что-то блеснуло, потом появились дырки. И только потом пошел дым. Ясно?

— Ясно,— сказал я.

Мы медленно пошли обратно к хижине. Она черным конусом виднелась на фоне поднимавшегося от речки тумана. У хижины метался желтый огонек. Солдаты разожгли костер и кипятили воду. У костра сидел Вспольный и заносил воспоминания в блокнот.

— Не следовало отходить в темноте,— сказал он поучительно.— Здесь могут быть ядовитые змеи.

Очки у него уцелели и зловеще отражали пламя.

В хижине было темно. Кто-то тихо стонал.

— Лейтенант!— позвал я.

Я не увидел, но ощутил, как лейтенант поднимается с пола.

— Я хотел немного поспать,— сказал он, словно оправдываясь.— А ночью я бы дежурил.

Мы вышли с ним вниз, к реке. Звезды были такими яркими, что при их свете я мог разглядеть, как молод этот офицер. Лет двадцать, не больше.

— Я хотел поговорить с вами,— сказал я. Мы стояли над морем тумана, который медленно тек у самых ног.

— Мой спутник видел, как по нашему самолету стреляли с земли,— сказал я.— Он показал мне пробоины в крыле.

До того как я произнес эти слова, мы были жертвами воздушной катастрофы. Причины ее находились вне компетенции офицера. Если я прав, то мы превращаемся в жертву нападения.

— Вы уверены?— спросил он.

— Я не военный. Но мне кажется, что это так. Поговорите со вторым пилотом. Если он уже пришел в себя.

— Я поговорю,— сказал лейтенант. Он старался придумать, что делать. Пожалуй, он был в армии недавно и пороха не нюхал.

— Кто мог в нас стрелять?— спросил я.

Лейтенант ответил не сразу.

— Сепаратисты,— сказал он неуверенно.— А может, люди Джа Ролака. Ведь они должны еще сопротивляться.

Звук собственного голоса помог лейтенанту справиться с растерянностью. Он продолжал увереннее:

— Надо погасить костер... И дать всем оружие.

Первая мысль была разумной, хоть и оставляла нас без горячей воды. Вторая — утопической. Лишнего оружия у нас не было.

Но мы не успели дойти до хижины. Мы увидели, как из темноты на свет костра выходят вооруженные люди. Вспольный поднялся, приветствуя их. Солдат, подбрасывавший в огонь сучья, выпрямился. А меня охватило предчувствие новой беды — один из вошедших в освещенный круг поднял автомат. Несколько ярких лучей карманных фонарей уперлись в людей у костра.

— Назад!— крикнул мне лейтенант.

Кричать в такой ситуации не стоило. Промолчи этот юноша, мы с ним могли бы скрыться в тумане.

Пришедшие к костру люди знали, как вести себя в лесу. Два или три луча метнулись к нам, и я, как бомбардировщик в лучах прожекторов, был ослеплен, виден отовсюду и безза-

штен. От костра что-то крикнули по-лигонски. Я счел за лучшее покориться. Я поднял руки (чего никогда раньше не делал и не думал, что придется) и медленно пошел навстречу лучу.

ДИРЕКТОР МАТУР

Когда я пришел в себя, я возблагодарил господина Будду за чудесное спасение. Но тут же понял, что нельзя терять ни минуты. Самолет был полон дыма, и в любой момент я мог сгореть. Какие-то люди бегали туда-сюда, толкая мое беспомощное тело. Паника царила на борту погибшего самолета. Каждый думал только о себе. Я был единственным в этом аду, кто думал о долге. Судьба была милостива ко мне. В дыму мне удалось отыскать саквояж. В моем распоряжении было всего несколько секунд.

Почти ошупью, не обращая внимания на боль во всем теле, я нашел дверь. Каждый был занят собственным спасением, но некоторые при том старались пожить. Солдаты взламывали багажное отделение — даже в такой страшный момент они думали о своем обогащении. Я понимал, что ничем не смогу помочь раненым и убитым, но, если доберусь до селения, смогу послать сюда людей.

Я быстро миновал рисовое поле, на которое сел самолет, и увидел тропинку. Тропинка вошла в лес.

Без сомнения, мы упали в округе Танги, в диких горах. Когда-то князь Урао, правда с улыбкой, говорил, что некоторые племена еще не отказались от обычая охотиться за головами. Они ловят случайного путника и, убив его, закапывают тело на ритуальном поле, чтобы обеспечить себе хороший урожай. Вспомнив об этом, я содрогнулся. Правда, я рассчитывал на магическую фразу: «Сабао Урао Као», что означает: «Князь Урао Као». Если я скажу эти слова, меня пощадят.

Размышляя таким образом, я шел по глухой тропинке, стараясь не шуметь, не наступать на ветки и при первом признаке опасности скрыться в зарослях бамбука, которые подступали к самой дорожке. Лес таил смертельные опасности — в любой момент я мог встретить тигра или дикого слона. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на змею.

Время приблизилось к шести часам. Я не позволял себе дышать. Тропинка начала подниматься вверх, солнце приблизилось к краю муссонных облаков, висевших над хребтом. Парило.

Опасность быть застигнутым темнотой в диком лесу заставляла меня прибавить шаг. Вскоре я вышел к развилке тропи-

нок и свернул на более исхоженную и широкую. Это вселило в меня надежду. Еще через несколько минут я позволил себе присесть на толстый ствол, свалившийся поперек тропы. Мои мысли вернулись к сделке с Тантунчоком. Может, мне стоило согласиться на двести тысяч? И в этот момент кто-то совсем рядом сказал буднично и просто:

— Руки вверх. Брось сумку.

Их было пятеро. Они вышли из кустов и окружили меня. Предводитель, зловещего вида усатый человек в армейском шлеме, обшарил меня и вытащил все из карманов. Другой, совсем еще молодой бандит, раскрыл саквояж и стал выбрасывать из него вещи. Страх за судьбу пакета вернул меня к жизни.

— Остановитесь!— приказал я бандитам.

К этому времени я уже понял, что эти люди — не каннибалы. Они были облачены в европейскую одежду, у троих были автоматы, один держал на плече пулемет. Сам Па Пуо (так к нему обращались остальные) нацепил на пояс две пистолетные кобуры и выглядел очень воинственно. Мой цепкий и быстрый ум оценил ситуацию, и у меня возникло предположение, что люди, схватившие меня,— сепаратисты, о которых немало писали в последнее время в газетах.

Когда правительство Джа Ролака после долгих колебаний решило урезать привилегии горных князей и вождей, в среде горцев произошел раскол. Некоторые из князей, во главе с просвещенным и разумным Урао Као, приняли эту весть со спокойствием, достойным их высокого сана. Они предпочли путь парламентских выступлений, указывая противникам, что этот закон наносит жестокий ущерб государству, ибо отныне князья не смогут должным образом контролировать своих беспокойных подданных. О, как они были правы! Ведь другие, менее цивилизованные, призвали своих подданных к оружию. Правда, до военных действий не дошло, и князь Урао не раз выступал посредником между правительством и мятежными князьями, однако в газетах начали появляться сообщения о нападениях горцев на полицейские участки и автобусы.

— Не смейте трогать саквояж!— воскликнул я.— Я иду к сабао Урао Као. Я его друг.

Па Пуо открыл взятый у меня бумажник и грубыми толстыми пальцами достал оттуда мою визитную карточку: «Господин директор Матур. Посредник. Коммерсант». Он прочел надпись вслух.

— Ты?— спросил он, избрав наиболее уничижительное из многочисленных в лигонском языке местоимений.

Па Пуо, ухмыляясь, вытаскивал из бумажника записки, счета, квитанции и не спеша пускал их по ветру. Он вынул

фотографию моей супруги и детей. Я не мог позволить издевательства над ними и рванулся к бандиту. Но его подручный ударил меня башмаком по колену, и я покатился по земле, крича от боли. Но ни на секунду я не потерял сознания. И может, милосерднее было бы небу лишить меня чувств: я видел, как Па Пуо выбросил драгоценную фотографию и, найдя в бумажнике деньги, переложил в карман куртки, а бумажник кинул в кусты.

— Эй!— крикнул другой бандит, который копался в саквоже.

Он сидел, окруженный разбросанными по дороге рубашками, предметами туалета, лекарствами, носками, носовыми платками. Бандит нашел пакет, который я вез князю. Он рванул его грязными ногтями, пакет разорвался, и на тропинку полетели зеленые пачки долларов. Клянусь, для меня это было не меньшим сюрпризом, чем для грабителей.

— Ого,— сказал Па Пуо.

Он приказал собрать деньги. Моя жизнь катилась к своему завершению. Либо меня убьют бандиты, чтобы не оставлять следов. Либо, если я чудом останусь жив, меня убьют люди Дж. Суна. Он никогда не простит пропажи.

Па Пуо сунул по пачке долларов в грязные лапы своих спутников и затем обернулся ко мне.

— Ты с самолета?— спросил он.

— Это деньги князя Урао,— сказал я.— Доставьте меня к князю. Он вас наградит.

Па Пуо усмехнулся, как усмехается тигр над куском мяса.

— Князь Урао?— спросил он, словно никогда не слышал этого имени.— Какой князь Урао?

И его прислужники расхохотались.

— Что с тобой делать, торгош?— продолжал представление Па Пуо.— Ты бежал из Лигона, спасая шкуру и деньги?

— Я не бежал. Это военный самолет.

Открыв рот, я сразу понял, что совершаю ошибку.

— Убей его,— сказал Па Пуо одному из бандитов. И сказал это, словно речь шла о цыпленке. Он хотел убить меня, умного, доброго человека, лишь чудом оставшегося в живых после ужасного крушения, он хотел убить меня и пресечь этим чудесную ткань мыслей и ощущений, картин мира и рифм, убить, как собаку, в диком лесу, где никто и никогда не узнает, что случилось со мной...

Бандит поднял автомат. Я увидел черное круглое отверстие, из которого должна была сейчас вылететь маленькая пулька и прервать мое земное существование...

Я с людьми ждал в долине Лонги. Утром десятого пришел человек и сказал, что груз будет сегодня. Мы должны были расстелить на поляне знак. Самолет придет с севера. Ждать два дня. Парашюты закопать. Груз отнести к пещерам у озера Линили. Еще человек сказал, что ночью в Лигоне взяли власть военные. Армия. Это плохо. У них везде люди. Поэтому быть настороже. Ни с кем ни слова. Я сказал, что мои люди будут молчать.

Мы пришли на место в полдень. Расстелили знаки, установили пулемет и скрылись в кустарнике. Через долгое время послышался гул моторов. С севера пришел самолет. Он сделал круг над поляной. На нем не было знаков. Самолет кинул три тюка на парашютах. Мои люди начали отстегивать тюки и сматывать парашюты. Тут я услышал другой самолет. Он шел с юга. Другой самолет мог быть только лигонский. Самолет шел низко. Это был «вайкаунт», я помню их с армии. Парашюты лежали на поляне, и мы были на открытом месте. Я приказал стрелять. Мы успели дать две очереди. Я видел, как из левого мотора пошел дым. Мы думали, что самолет ударится в гору. Но взрыва не было. Мы поняли, что самолет ушел. Я приказал быстро собирать тюки и закопать парашюты. Но тут услышали далекий взрыв: самолет все-таки взорвался.

Я оставил четверых людей, чтобы они несли тюки к озеру Линили. С остальными и пулеметом мы быстро пошли в ту сторону. Если самолет все-таки сел, то могли остаться люди.

Мы шли долго. Мы сделали больше десяти миль, перевалили через хребет и дошли до того места, где в реку впадает ручей Белого змея. Мои люди стали ворчать, что мы ничего не найдем. В горах можно спрятать целый город. И вдруг один из моих людей из племени синих фенов, хороший охотник, сказал, что он слышит человека на тропе. Мы подошли туда кустами. Толстый городской индеец сидел на стволе дерева и тяжело дышал. У его ног стояла черная сумка.

Мы спросили, откуда он. Человек испугался и ничего не мог сказать. Я понял, что он торговец, который устроился на самолет, чтобы удрать от военных. Он начал плакать и говорить, что он знает князя Урао. Это мне не понравилось. Если он думает, что мы — люди князя Урао, то догадается, что самолет сбили люди князя Урао. Я хотел убраться его, но подумал, что человек выведет нас к самолету. Я решил его поугубить. Я взял у него бумажник и выкинул все листочки — они все равно ему уже не пригодятся. Потом я достал из бумажника деньги, чтобы взять себе. Там было много ватов — тысяча или больше — и немного долларов.

Матур сидел на земле и плакал, чтобы мы его не убивали. Он сказал, что это был военный самолет.

Мой человек нашел в черной сумке пакет. В пакете оказались деньги. Очень много долларов. Я обрадовался, а когда торгош посмотрел, как я делю пачки долларов между моими людьми, а остальные беру себе, он понял, что он умер, потому что никто не должен знать про эти доллары.

Я сказал ему, что он будет жить, если приведет нас к самолету. Матур — так звали торгоша — сразу встал. Мы пошли по тропе. Скоро мы нашли их. Мы их всех взяли. Потом загнали в хижину. Была только одна ошибка: два человека были в стороне, и, когда они подходили к костру, один побежал. Он был офицер и вооружен. Он не успел скрыться. Он ранил в руку автоматчика. Поэтому его убили и отомстили его телу. Мне принесли его голову. Я показал ее тем, кого мы загнали в дом, чтобы им было страшно. Матура мы заперли с ними.

Мои люди хотели перестрелять их до рассвета, но я не люблю спешить. Никто не знает, где упал самолет. Искать его в горах можно целый месяц. Но не зря меня зовут хитрый Па Пуо. Я решил, что мы их убьем без пуль. Как будто они разбились в самолете. Мы сделаем все на рассвете и сразу пойдем к Танги. Скажем, что искали самолет, но не нашли. Я приказал моим людям не брать ничего из вещей. Даже отдал Матуре его золотые перстни. Если взять вещи, то могут подумать, что мы нашли самолет. А у нас много долларов. Все мои люди сказали — хорошо.

И еще я хотел поговорить с пленными. Я мог узнать что-нибудь интересное. Никогда нельзя отказываться от знания. Если ты открыл уши, то тебе откроется будущее. Среди этих людей было три инглиша. Зачем инглишам летать на военном самолете?

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Когда все это случилось, я был в темной хижине. Как назло, у нас не оказалось ни фонаря, ни свечи. Отар ушел к реке с молодым офицером, я знал зачем. Они говорили о пулевых дырках в крыле. Надо выставить охрану, а то и нас под шумок пристрелят. Это было бы весьма грустно в свете тех приключений, которые мы уже пережили. Пожалуй, для рассказов дома их уже хватит.

— Когда мы пойдем в Танги? — спросила Лами.

Мне не было ее видно. Мы разговаривали тихо, по-английски, и наш словарный запас был почти одинаковым, так что мы

отлично друг друга понимали. Иногда она просила меня зажечь спичку, чтобы проверить, как себя чувствуют раненые. Пилот со сломанной ногой лежал открыв глаза и не обращал на нас внимания. Один раз он сказал что-то по-лигонски. Я спросил Лами, что он сказал, она ответила:

— Он видел парашюты.

Но мы не поняли, когда и где он видел парашюты.

— Утром солдаты пойдут за помощью,— сказал я.

— Я пойду с солдатами,— сказала Лами.

— Вы учитесь?

— Да,— сказала она,— в университете.

Майор застонал. Лами протянула руку к майору и нечаянно коснулась моей руки. Прикосновение было шелковым и прохладным.

Я зажег спичку. Майор морщил лоб. Наверное, ему было больно. Отар соорудил ему из палок лубки, к которым примотал руку. И в этот момент за дверь послышались незнакомые голоса.

Невидимый голос сказал что-то по-лигонски, я понял, что велят выходить.

Выйдя, я посмотрел, здесь ли Отар. Отар стоял у стены хижины. Рядом был Вспольный с черным блокнотом в руке. И солдаты. Не хватало только молодого офицера.

Со стороны реки из тумана донесли выстрелы. Значит, офицер убежал. Хорошо бы, его не нашли в тумане.

Люди, которые на нас напали, не были военными, но я бы сказал, что война была их профессией. Уж очень привычно они держали автоматы.

Нас обыскали. Быстро и деловито. Потом один из них, наверное начальник, с зеленой сумкой через плечо и двумя кобурами на поясе, усатый и широколицый, пересчитал нас, загибая пальцы. И нас загнали обратно в хижину. Почему-то в хижине оказался я Матур, правда без саквояжа.

В хижине было тесно. Все молчали. Я сидел на полу, прижавшись к одному из солдат. Солдат шептался с невидимым мне соседом. Стенки хижины были тонкими, слышно, как переговариваются люди снаружи. Потом к разговору присоединился еще один голос. Услышав, что он говорит, сидевший рядом со мной солдат произнес короткую резкую фразу, и голос его замер на высокой ноте.

— Что там?— спросил я в темноту. Ответил мне голос Вспольного:

— Они убили лейтенанта.

И тут же дверь распахнулась, и свет фонаря уперся в руку. Рука держала за волосы отрубленную голову лейтенанта. Я невольно отшатнулся. Кто-то там, снаружи, засмеялся.

Дверь закрылась. Я не мог дотянуться до Лами. Она сидела далеко от меня.

За стеной продолжали плести какой-то глухой, как во сне, рисунок непонятные голоса.

Надо было что-то делать. Нельзя же быть овцами. Так нас всех перебьют.

Майор быстро забормотал, словно в бреду. Плохо наше дело.

— Ты здесь?— меня коснулся Отар.

— Может, убежим?— сказал я.— Разберем стенку — и в туман.

— Прислушайся,— сказал Отар.

За задней стеной хижины были слышны шаги.

— Они ходят вокруг. Мы не можем бросить раненых.

— Эти люди — бандиты. (Я узнал голос Матура.) Бандиты и убийцы. Они всех убьют, как лейтенанта...

— Не паникуйте,— прервал его строгий голос Вспольного.— Зачем им нас убивать? Если это сепаратисты, то мы им нужны как заложники. Две недели назад сепаратисты захватили двух канадских инженеров. Правительство пошло на то, чтобы заплатить выкуп. Дурные примеры заразительны.

Тогда я еще не знал о наркотиках, о долларах, отнятых у Матура, и потому доводы Вспольного мне показались резонными. Мне вообще понравилось, что наш толстяк не потерял присутствия духа и ведет себя спокойно, я бы даже сказал, с определенным интересом к окружающему, как мальчик из хорошей семьи, которого допустили поглядеть на драку между плохими мальчишками: он смотрит и не боится, что его заденут.

Я ждал, что скажет Отар. Он сказал:

— Ложитесь спать. Пожалуй, это самый разумный выход. Вспольный вздохнул, но промолчал.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

Мне не спалось. Когда солдат зажег спичку, чтобы набрать воды из канистры, я увидел при этом неверном и слабом язычке пламени, что Володя Ли сладко спит и даже улыбается во сне. Я поразился счастью безмятежной молодости — умению забыться.

Я должен был поддерживать в моих спутниках оптимизм. Этим объясняется настойчивость, с которой я уверял их, что напавшие на нас люди — сепаратисты, заинтересованные в выкупе. Более того, я позволил себе небольшую ложь о двух канадских инженерах, будто бы похищенных и отпущенных

инсургентами. Такой случай был, но в Бирме или Малайе. Не в Лигоне.

Я мог бы убедить и себя, если бы не смерть молодого офицера. Жестокость, с которой он был убит, потрясла меня настолько, что я еле сдержался. А убежденность Матура, что они нас убьют? Известно ли ему что-то, избегшее моего внимания?..

Не знаю, сколько я спал. Наверное, недолго. Я проснулся от голосов снаружи. Голубой туманный рассвет проникал сквозь щели хижины. Голоса за стеной были чужими, деловитыми. Язык, на котором они разговаривали между собой, был схож с лигонским, но отличался большим числом цокающих и гортанных звуков.

В хижине все спали. Привалившись друг к другу, спали солдаты. Сидя, опустив голову на руки, спал Матур. Клубочком у ног майора спала девушка Лами. Не спал лишь сам майор. Он лежал с открытыми глазами. Дверь скрипнула, и на фоне голубого прямоугольника появился силуэт человека с автоматом.

— Эй!— сказал он громко, и я чуть было не одернул его: «Вы с ума сошли, все спят!» — Выходи.

Я выпрямился, подчиняясь его окрику, и решил, что если я сразу выйду, то не потревожу остальных. Но все начали шевелиться, поднимать головы, вытягивать затекшие ноги.

— Что там?— спросил профессор Котрикадзе.

— Меня просят выйти,— сказал я.— Хотят поговорить.

— Пошлите их подальше,— мрачно произнес Володя, как сонный ребенок, которому помешали спать.

Я не слушал. Я понимал, что мы во власти этих людей.

Усатый начальник бандитов ждал меня у погасшего костра. Вокруг лежали какие-то тряпки, одежда, отобранная у нас вечером. В поле моего зрения попали ящики с грузом и тюки, которые мы с таким трудом оттащили от самолета. Ящики были взломаны и приборы частично разбросаны по стерне.

Перед человеком в каске лежали отобранные у нас документы и вещи. Среди них не было только моего блокнота. Он остался в хижине. Если с нами что-нибудь случится, его найдут.

— Имя?— спросил по-английски человек в каске.

— Вспольный,— ответил я.

— Ты кто?

— Советник посольства Советского Союза,— сказал я, несколько преувеличив свою должность. Однако в тех обстоятельствах это было оправданно.

Он не понял. Я перешел на лигонский:

— Советник Советского Союза. России.

Человек в каске был удивлен:

— Россия? Зачем летел в самолете?— тоже по-английски.

— Мы — гости лигонского правительства.

Спутники человека в каске копались в ящиках. Один из них вытащил прибор, принадлежавший геологам, и размахнул-ся, чтобы бросить его о землю.

— Стой!— крикнул я.— Что ты делаешь!

— Что он делает?— услышал я из хижины голос Отара.

— Молчать!— прикрикнул на меня человек в каске.

Но он совершенно не знал моего характера. Я патологически ненавижу ссориться с людьми, вступать в ненужные конфликты. Я даже кажусь многим чересчур осторожным и склонным к компромиссам. Но меня нельзя загонять в угол.

— И не подумаю,— ответил я.— Существуют элементарные нормы человеческого поведения!

— Молчать!— повторил человек в каске. Его вислые длинные усы шевельнулись, как у сома. Он вскочил с намерением ударить меня; я инстинктивно выставил вперед руку. Он вдруг остановился и начал расстегивать крышку кобуры. Он глядел мимо меня. Я обернулся.

Сорванная с петли дверь повисла под острым углом. Над ней возвышался, придерживая здоровой рукой сломанную, майор Тильви. Он был без фуражки, мундир разорван, но было очевидно, что молодой офицер — человек, имеющий право, как судья, появиться в решающий момент драмы. Наверное, я был крайне возбужден, если вид бледного, шатающегося майора показался мне столь внушительным.

Я вновь бросил взгляд на главного бандита. Тот уже справился с кобурой, и в руке у него был пистолет.

И наступила какая-то длительная, почти бесконечная тишина, как будто вокруг разворачивался замедленный немой фильм. Я видел, как медленно поднимается рука бандита, и я знал, что обязан что-то сделать. Я должен был вмешаться, но мое тело протестовало против того, что ему предстояло сделать. По тому, как стали приближаться ко мне глаза бандита, я понял, что иду к нему, потому что должен остановить его...

Я дотянулся до человека в каске в тот момент, когда он выстрелил. Нет, не в меня — в майора, но я потерял равновесие и упал, к счастью свалив и стрелка. Мы возились с ним на земле, и я понимал, что ни в коем случае нельзя отпускать его, иначе он выстрелит еще раз. А потом я ничего не помню, хотя, пожалуй, успел подумать, что меня убили...

Когда я выскочил из хижины, неподалеку, вцепившись в куртку человека с усами, лежал Вспольный. Один из бандитов поднял автомат, чтобы внести свою лепту в сражение с безоружными пленниками. Наше положение было безнадежно, но я бросился к ближайшим врагам, не сообразив, что оно безнадежно. Я только пригнулся, чтобы тому, кто стоял сбоку и целился в нас из автомата, было труднее попасть.

Но он не выстрелил. Выстрелы пришли издалека. Со стороны.

Сначала я увидел, как человек, целившийся в нас, уронил автомат и начал медленно нагибаться вперед. Другой человек, стоявший неподалеку, обернулся к лесу, и я уже знал, что и он упадет. Как в кино. В критический момент приходит возмездие. Славный шериф прискакал в последнюю минуту... Нет, конечно, в тот момент я ничего такого не думал, лишь успел заметить, что главный бандит прилег за Вспольным, использовав нашего массивного друга в качестве естественного укрытия. Остальные бросились бежать по склону.

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

Вышедшие цепочкой из леса люди показались мне сначала выше ростом, красивее, чем на самом деле. Видно, такова привилегия спасителей. Уже совсем рассвело, и я сообразил, что наши спасители, очевидно, разделяются на две категории. Большинство их было в военной форме, а человек пять были наряжены экзотично: в коротких черных юбках, в накидках на плечах. Очевидно, это были горцы. На шеях у них красовались ожерелья из белых ракушек. На цветных перевязях висели короткие прямые мечи. Эти люди были вооружены длинноствольными, старинными ружьями.

Последними появились два человека, командовавшие операцией. Один из них был офицером. Мое внимание привлек второй. Он был удивительно, тем более для этих мест, высок и худ. Наверное, более двух метров — находка для азиатского баскетбола. Из-за такого роста он горбился, как бывает с высокими людьми, привыкшими стесняться своих габаритов. Его фигуру несколько портил выдававшийся вперед животик. Голова была непропорционально мала, однако изящно красовалась на длинной шее. Он был облачен в наряд для гольфа, правильный, без изъянов, приобретенный в хорошем английском магазине. Только вместо клюшки в руке у него был армейский пистолет.

Солдаты довольно бесцеремонно подхватили с земли начальника бандитов, покорного, как теленок. Трое из его подчиненных были мертвы, четвертого поймали у реки, связали и бросили на землю рядом с вождем.

Майор Тильви вышел вперед и представился. Последовал монолог по-лигонски. Наверное, майор излагал события последнего дня.

Высокий господин в гольфах перебил майора, спросив его о чем-то. Тот ответил, и высокий господин тут же поспешил к хижине, откуда только что вышли Лами и директор Матур.

Матур выходил последним. Из-за спины девушки он увидел высокого господина.

— О, сабао Урао Као!— возопил он, словно ему явилось божество, и он, стеная, оттолкнул Лами так, что она чуть не упала, и бросился к ногам высокого господина. Он трещал, словно пулемет, и умудрялся при этом рыдать.

Реакция высокого господина была быстрой, что выдавало в нем хорошо тренированного спортсмена. Он отшвырнул рвущееся к нему тело директора Матура и подхватил девушку. Девушка затрепетала у него в руках и вдруг обвисла, словно тряпичная кукла.

Думаете, господин Матур обиделся? Ничуть не бывало. Он стоял на коленях, как суслик перед норой, молитвенно сложив на груди ручки, и свет восходившего над лесом солнца отражался в массивных перстнях, на которые почему-то не позарились бандиты.

— Профессор Котрикадзе,— оторвал меня от лицезрения этой трогательной сцены голос майора Тильви.

Я обернулся к нему. Оказывается, меня представляли армейскому офицеру, краснощекому и упитанному.

Я поклонился. Менее всего я был похож на профессора.

— Комендант Танги капитан Боро.

Я выразил благодарность капитану. Тильви был официален, как король на аудиенции.

— Благодарите Князя Урао,— ответил офицер, показав, как много у него белых зубов.— Если бы не он, мы бы опоздали.

Князь Урао, высокий джентльмен, помог Лами сесть на распоротый тюк с листовками и соблаговолит прислушаться к жалобной речи директора Матура. Слушая его, он смотрел на девушку, положив по-отечески ей на плечо изящную длиннопалую руку.

Фельдшер сказал, что у меня сотрясение мозга и мне нужен покой. Он дал мне пять таблеток аспирина и велел не двигаться. Я смотрел в небо, на пушистые облака, менявшие очертания, словно сказочные животные. Мы ждали вертолет, который еще вчера улетел на рубиновые копи.

На поляне все занимались своими делами. Князь беседовал с Матуром. Урао возвышался над ним на три головы и не смотрел на собеседника. Матур всплескивал руками. Русские геологи разложили на стерне спасенные приборы и переговаривались на своем варварском языке. Все-таки зря я их взял. Завтра они бы добрались до Танги на поезде и на машине. Господин Вспольный с обмотанной бинтом головой сидел на плоском камне и заносил свои впечатления в черный блокнот. Я ему обязан жизнью.

Я подозвал капитана Боро. Тот присел рядом на корточки. Солнце уже поднялось высоко, и стало тепло.

— Расскажи, брат,— попросил я,— как вы нас нашли.

— Вам вредно разговаривать, майор,— сказал капитан.— Фельдшер советует полный покой.

Капитан был предупредителен, но насторожен. Он был из тех офицеров окраинного гарнизона, которые служат давно и не надеются на карьеру. Он — один из хозяев гор и со временем уйдет в отставку обеспеченным человеком, если умеет лавировать между центральной властью, губернатором, князьями, контрабандистами, чтобы никого не разгневать. Для такого провинциального капитана любая смена власти опасна и нежелательна. Впрочем, возможно, я несправедлив. Если начинаешь строить в голове портрет незнакомого человека, строишь его из черточек, принадлежащих другим портретам.

— Мы только в пять часов узнали обо всем. Я был у себя,— сказал капитан.

Я сочувственно прикрыл глаза. Здесь мне нужны союзники.

— Мы готовились к встрече. Даже написали лозунг. В городе все с удовлетворением приняли известие о приходе к власти нового правительства.

Этому я не поверил, но спорить не стал.

— И вдруг с аэродрома сообщают, что самолет не прилетел. Вы знаете, город наш небольшой, сразу поползли слухи, некоторые элементы уверяли, что в гибели самолета виноваты духи гор, не желавшие вашего прилета, господин майор.

Капитан Боро показал в улыбке белые зубы и развел руками: такой, понимаете, темный у нас народ.

— Я сразу связался с полицией, чтобы они узнали по окрестным деревням, не видели ли там самолета. Население

у нас редкое, места дикие. Самолет отклонился с курса — десять миль для самолета ничто, а для гор много... Вечером мне сообщили, что в деревне Лонги — это миль двенадцать отсюда, вверх по реке, — видели дым и слышали взрыв. Глубокой ночью я примчался туда.

Капитану хотелось, чтобы я одобрил его действия.

— А вслед за мной в деревню приехал господин князь Урао Као и его телохранители.

— А что он там делал?

— Он искал вас.

Я не выказал удивления. Пусть продолжает.

— Князь узнал, что в горах за Лонги упал самолет, и, даже не переодевшись, вскочил в машину. Когда он увидел нас, то очень обрадовался. У него было мало людей, зато у него был человек, который знает эти тропы. Вот мы и объединили усилия. Три мили мы проехали вверх по дороге, а потом четыре часа в темноте по тропам. Я сегодня за ночь ни минуты не спал.

Если он надеялся, что я повешу орден ему на грудь, он ошибался. Почему же князь так спешил? Да, он знал, что на самолете летела Лами и директор Матур. Кто-то из них вез из Лигона важные вести. А впрочем, какое мне сейчас до этого дело? Мы спасены, и я надеюсь, что завтра смогу встать. Иначе придется Лигону прислать другого комиссара.

— Предводителя бандитов вы не знаете?

Капитан поглядел в сторону лежавшего у хижины Па Пуо. Я следил за ним. Но его лицо осталось равнодушным.

— Не знаю, — сказал он.

Вертолет прилетел после полудня. К тому времени князь Урао со своими телохранителями и два солдата из тангийского гарнизона, которые конвоировали пленных, ушли пешком к деревне Лонги, к ожидавшим там машинам.

«ГОСПОДИНУ ДЖ. СУНУ. ГОСТИНИЦА «ИМПЕРИАЛ», ЛИГОН.

Дорогой Сун, это письмо доставит вам верный человек, которого я посылаю машиной. Так надежнее. Письмо и деньги получил. Но не сразу и с осложнениями. Частично о событиях вы уже знаете. Об остальном сообщу сейчас.

О гибели самолета я узнал с опозданием. Один из людей, оставленных Па Пуо с грузом, по собственной инициативе поспешил в Танги. Я не думал, что кто-нибудь остался жив после крушения, но Па Пуо мог все испортить. Пришлось бросить дела и мчаться к месту падения самолета.

К счастью, когда мы спасли пассажиров самолета, мне удалось сделать так, что пленных поручили отвести в город мне. По дороге я забрал у Па Пуо деньги и устроил ему побег. Этот негодяй мне еще пригодится. Все думают, что он убит при попытке к бегству.

Я благодарен Вам за заботу о Лами. Я ничего не имею против смерти ее отца, но, если его жизнь угодна небу, пусть мы будем орудием спасения, а не орудием гибели.

Русские остались живы. Не могли бы вы подробнее узнать в Лигоне об их истинных планах? Завтра съезжаются князья, чтобы решить, как вести себя с новым правительством. Некоторые горячие головы считают, что сейчас самое время объединиться со сторонниками Джа Ролака и восстать. Будет нелегко уговорить этих недалеких, трясущихся над своими эфемерными привилегиями людей воздержаться от самоубийственных акций. Полагаю, что военное правительство молит небо, чтобы мы восстали. Тогда нас раз и навсегда приведут к покорности.

Искренне Ваш Урао Као»

«...г. Танги. Центр одноименного округа на севере республики Лигон. Город основан в XIV в. князем Урао Справедливым, который признал вассальную зависимость от короля Лигона Партавармана VI. Город расположен на краю горного плато на высоте 1600 м над уровнем моря. Население 9500 чел. (по переписи 1959 г.). Лигонцы, индийцы, китайцы, представители горных народностей. Промышленность — механические мастерские, спичечная и ткацкая фабрики, лесопилка, кустарные мастерские. В городе заседает Совет по делам горных народов, в котором большую роль продолжают играть горные феодалы...»

(Справочник «Города Юго-Восточной Азии»)

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

За окном нашего номера сквозь ветки сосны видна тихая, усыпанная осенними желтыми листьями улица. Трудно поверить, что мы живем на краю света, а не в подмосковном доме отдыха. А ведь обман: хитрые здешние деревья сбрасывают листья, чтобы достойно встретить сезон дождей цветами и юными листочками. По улочке едет рикша на велосипеде с коляской. Рикша в шерстяной шапочке и пиджаке. Вон пастор в черном костюме — узкой полоской выглядывает белый воротничок. Домики здесь, в центре города, чистые, аккуратные.

Сюда приезжали отдохнуть от жары долин английские чиновники.

Мы с Отаром весь день проспали. Старый лакей, реликт колониальных времен, не смог разбудить нас к обеду. Мы очнулись вечером. Я был полон раскаяния, а Отар подвел под наш сон здоровую теоретическую базу, чем меня почти утешил.

У нас большая высокая комната, белый потолок которой разделен на квадраты темными деревянными рейками, что напоминает об английской таверне, где мне, правда, не приходилось бывать. На рейках мирно спят маленькие ящерики — неужели они никогда не падают? Вспольный разместился за стеной.

— Разбудить его?— спросил я Отара.

— Даже не знаю,— сказал Отар.— Намаюсь он...

Проявление нежности со стороны Отара — явление редкое.

Все-таки я, презрев условности, постучал к Вспольному.

— Мы идем ужинать,— сказал я ему.

— Я тоже,— откликнулся из-за двери Вспольный.—

Спасибо.

Он спал меньше нас. С вертолета он бросился на телефонную станцию, чтобы лично доложить Ивану Федоровичу, что все обошлось.

В столовой, с такими же рейками на потолке, было пусто. Туристы уехали. Они не любят переворотов — это нарушает график осмотра достопримечательностей. За соседним столом сидел господин Матур. Синяк у него под глазом пожелтел и расплылся по щеке.

— О, дорогие друзья!— воскликнул он при нашем появлении.

По-моему, радость была искренней.

— Вы разрешите присоединиться к вам?

Вспольный скривился, но промолчал, я же сказал:

— Пожалуйста.

Все-таки мы вместе пережили все приключения. Матур успел переодеться: он был в темном, узком для него костюме, шея обмотана шарфом.

— Ваш саквояж не нашелся?— спросил я.

— Эти бандиты выкинули мой саквояж. И деньги тоже!

Вспольный вздохнул. Он уже успокоился, от его героизма и следа не осталось. По дороге в ресторан он успел сообщить мне, что от окна дует, что Иван Федорович беспокоится, что его атташе-пейс погиб при вынужденной посадке...

— А в чем заключается ваша работа, если это, конечно, не секрет?— спросил Матур.

Я с трудом досидел до конца ужина. Новости взывали к немедленным действиям. Я не понял деталей рассказанного геологами. Для делового человека важнее охватить проблему в целом. Я подождал, пока русские поднялись к себе, и подошел к портье.

— Я могу заказать телефонный разговор с Лигоном?

— Линия не работает,— ответил он внешне вежливо, но с внутренним вызовом, свойственным людям, когда-то обладавшим маленькой административной властью.

— У меня срочное дело,— сказал я.

— Линия отключена по распоряжению военного коменданта.

— Тогда примите срочную телеграмму.

— Не могу,— нагло усмехнулся портье.— Дойдите до телеграфа. Он открыт до восьми.

Было двадцать минут восьмого. Скорее! Вторично я оказался обладателем информации, стоимость которой трудно переоценить. И я должен был отправить две телеграммы.

— Господин Матур!— догнал меня в дверях голос портье.

— Что?

— В Танги комендантский час. С шести вечера.

Я махнул рукой и выбежал на улицу. Комендантский час для тех, кто обладает документами, я же не обладаю ничем: я ограблен и гол. Мне нечего терять. С разумной осторожностью, скрываясь в тени деревьев, я побежал к телеграфу.

ЛИГОН ЭКСПОРТ ИМПОРТ ТАНТУНЧОК СРОЧНО СОГЛАСЕН УСЛОВИЯ ПРОДАЖИ УТРОМ ЗАВЕРШИТЕ СДЕЛКУ МОИМ БРАТОМ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВСТУПЛЕНИЕ ВО ВЛАДЕНИЕ МАТУР

ЛИГОН СЕРЕБРЯНАЯ ДОЛИНА 18 СААД РАХМАН СРОЧНО НЕМЕДЛЕННО ВСТУПАЙ ПЕРЕГОВОРЫ ТАНТУНЧОКОМ ПО ИЗВЕСТНОМУ ДЕЛУ ПРИНИМАЙ ЕГО УСЛОВИЯ ЖДУ РЕЗУЛЬТАТОВ ЗАВТРА УТРОМ ЛЮБЯЩИЙ БРАТ МАТУР

Дом князя Урао стоит на окраине Танги. Из его сада с большими газонами и аккуратно подстриженными деревьями, за которыми следит садовник, выписанный из Калькутты, открывается вид на много миль вперед — на горные хребты и голубое озеро Линили. Но в тот ветренный вечер долину скрывал туман.

У ворот стоял, кутаясь в армейскую шинель, охранник.

— Скажи князю, что директор Матур по важному делу.

Сторож знаком велел мне стоять в стороне, поднял трубку

телефона в нише у ворот, и через пять минут я уже приближался к крытому подъезду дома, принадлежавшего когда-то английскому прокурору, который проводил здесь жаркий сезон.

В библиотеке князь указал мне на кресло и спросил:

— Что будешь пить?

— Спасибо, ничего не хочется. Как, все деньги нашлись?

Я вообще не употребляю спиртных напитков и в это время дня предпочитаю чай с молоком.

— Да. Мы их вернули. Кстати, возьми свои деньги. Мы их спасли.

В конверте было триста ват и ни одного доллара. Но я смолчал. Любое мое сомнение бросало бы тень на близких князю людей. А я деликатен. Я с благодарностью принял деньги.

— Я пришел не за этим, князь,— сказал я.— Помня о нашей дружбе, я спешу сообщить новость, которую сегодня узнал от русских геологов. Эта новость настолько изумила меня, что, несмотря на позднее время, я сразу поспешил к тебе.

— Рассказывай, дружище,— князь налил себе виски.

— Через несколько дней в Танги будет землетрясение.

«ЛИГОН ДЖ. СУНУ РАДИОГРАММА.

НЕМЕДЛЕННО ВСТУПИ ПЕРЕГОВОРЫ С ВЛАДЕЛЬЦЕМ МЕХАНИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ И ОТЕЛЯ «АМБАССАДОР» АРГУМЕНТИРУЙ СВЕДЕНИЯМИ О БЛИЗКОЙ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПЛАТИ НАЛИЧНЫМИ НЕ БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ СТРАХОВОЙ ЦЕНЫ ТЕЛЕГРАФИРУЙ РЕЗУЛЬТАТЫ ШИФРОМ УРАО КАО».

МАЙОР ТИЛЬВИ КУМТАТОН

Я окончательно пришел в себя часов в пять вечера. Мной владело чувство вины. Я не имел права валяться на койке. В дверях палаты гудели голоса. Я повернул голову — там стоял капитан Боро. Медсестра в зеленой наколке не пускала его ко мне.

— Проходите,— сказал я негромко, чтобы не разбудить соседа по палате, неподвижно лежавшего человека с забинтованным лицом. Когда меня днем привезли в палату, уже вымытого, запакowanego в гипс, он спал.— Есть новости из Лигона?

— Все в порядке,— бодро и громко ответил капитан. Для него окружающие интересы не представляли.— Новости хоро-

шие. Все районы, кроме южной провинции, признали власть революции.

— Южной провинции?

— Туда бежал министр внутренних дел. Но не сегодня-завтра сопротивление прислужников империализма будет разбито.

Он слушал лигонское радио. В его голосе звучали интонации Управления пропаганды.

— Что еще?

— Я отправил в Лигон отчет о происшествии с самолетом. Я сообщил, что виновны бандиты. Диаметр отверстий в крыле совпадает с калибром пулемета, отобранного у бандитов.

— И ни одного не удалось доставить в Танги?

— Ни одного.— Капитан был огорчен.

— Последних двух прикончил князь Урао?

— Мы не можем доказать, что он виноват, господин майор. Они пытались бежать. Наши солдаты тоже стреляли...

— Продолжайте.

— Тут у меня радиogramмы из штаба и из комитета.

Я проглядел радиogramмы. Их было десятка два. Большинство связано с аварией или русскими геологами.

— Как они, кстати?

Капитан Боро понял, о ком я спрашиваю.

— Мы их разместили в «Амбассадор». Хорошая гостиница, хорошие номера. Они легли спать. Еще спят, наверное.

— Пускай спят. Завтра дадите им охрану, которая будет полностью исполнять все их указания. Не забудьте о транспорте.

— Обязательно. Если не тайна, в чем их миссия?

— В этом нет тайны. Они занимаются землетрясениями.

— У нас давно не было землетрясения.

— Они полагают, что скоро будет.

Боро был поражен и не пытался этого скрыть.

— Они в России об этом догадались?

Капитан Боро покосился на моего соседа с забинтованным лицом.

— Не узнали?— сказал вдруг тот, словно ощутил взгляд капитана.

— Васунчок? Я совсем забыл! Как ваше драгоценное здоровье?

— В данный момент ему ничто не угрожает.— Голос моего соседа дрогнул, будто он хотел засмеяться.

Когда капитан ушел, стало совсем тихо. Мой сосед молчал. В дверях появилась пожилая медсестра в зеленой наколке. На этот раз посетитель к моему соседу. И я увидел милую Лами.

Я понял, что она уже была здесь утром, потому что их встреча была будничной.

Лами увидела меня.

— Господин майор!— воскликнула она.— Как я рада! Вы себя хорошо чувствуете?

— Отлично,— сказал я.— Так, значит, это твой отец?

— Папа,— сказала Лами торжественно,— майор Тильви нарушил правила ради того, чтобы взять меня на борт, потому что я сказала, что везу тебе лекарство.

— Скажи лучше, что он тебя чуть не погубил,— возразил ее отец.— Мое счастье, что они скрыли от меня дурные вести о самолете. Хранит их небо за эту милость. Я благодарен тебе, майор. Я понимаю, что значит взять человека на военный рейс.

— Там была тетушка Амара. Она страшней, чем трибунал.

— Представляю,— сказал Васунчок.— Это она помогла тебе достать лекарство, Лами?

— Нет,— сказала девушка тихо.

— А кто? Почему ты молчишь?

— Ничего особенного... но я достала его на черном рынке, а ты этого не любишь, отец.

— Лучше бы ты соврала... Ну ладно, не сердись. Я неблагодарный старик. А ты не умеешь лгать.

Он не видел, как покраснели щеки Лами. Она солгала ему. Когда Лами ушла, ее отец сказал:

— Так неудачно получилось с моей раной.

— Я ничего не знаю.

— Я — начальник полиции округа Танги.

Конечно, мне следовало об этом знать. Перед отлетом Ван дал мне список должностных лиц округа, но я не удосужился с ним ознакомиться.

— Ну что же, очень приятно познакомиться,— сказал я.— Комиссар ВРК майор Тильви.

— Знаю. Я знаю сейчас больше тебя, мой мальчик. И не обижайся на такое обращение. Ты — мой двоюродный племянник и в детстве бывал в нашем доме, но, конечно, не помнишь об этом.

Естественно, что мы вскоре заговорили об аварии самолета.

— Меня заинтересовало место, где был подбит самолет...— сказал Васунчок.— Постарайся представить расположение горных цепей и долин: наш город стоит на окраине плато. У подножия плато — широкая долина, по которой протекает речка Линили, впадающая в озеро с тем же названием. За долиной три параллельных покрытых лесом хребта. Между ними два ущелья, почти не населенные, лишь в одном месте, между двумя ближайшими к Танги хребтами, ущелье расши-

рется, и там лежит деревня Лонги, соединенная дорогой с шоссе Митили — Танги. Представляешь?

— Пока все понятно.

— Самолет на Танги должен лететь над долиной Линили и озером. Но самолет отклонился немного в сторону и пошел над тем ущельем, в котором стоит деревня Лонги. Вот там его и подбили. Снижаясь, самолет проскочил между вершинами второго хребта и упал в дальнем ущелье, между вторым и третьим хребтом.

— И что это значит?

— Бандиты стреляли по самолету из первого ущелья. То есть их отделял от озера лишь невысокий хребет. Подозреваю, что стреляли с поляны, от которой идет тропа к пещерам озера Линили...

— А если так?

— Меня ранили у озера, когда мы шли за контрабандистами, надеясь отыскать их тайник. У меня были надежные сведения, что он — в районе пещер. Но мы попали в засаду.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

До ночи мои товарищи приводили в порядок пострадавшую аппаратуру. Нам нанес визит капитан Боро. Он обещал с утра предоставить машину, чтобы осмотреть окрестности и выбрать места для приборов, а также прислать мастера, — требовалось кое-что починить, а у наших товарищей не было нужных инструментов. По уходе капитана Боро Отар Давидович сказал, что вряд ли понадобится моя помощь, и посоветовал мне отдохнуть. Я счел его соображения разумными и принялся за приведение в порядок записей.

Поднявшись рано утром, я обнаружил в соседней комнате удивительную сцену. Казалось, они вообще не ложились спать: пол был устлан деталями, а посреди них, подобно мальчишкам, играющим в железную дорогу, сидели трое: Котрикадзе, Володя и незнакомый мне молодой лигонец. Игра так увлекла их, что они не сразу меня заметили.

— Вы даже не завтракали? — спросил я. И тут же подумал, что мой вопрос неуместен, — ресторан еще закрыт. И как бы в опровержение моих слов в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Котрикадзе.

В дверях стоял солдат, лицо которого было мне знакомо. Нашитая на рукаве морда тигра подказала: он был с нами в самолете. На шее у него висел автомат, мешая нести термос оранжевого цвета с полосатыми пчелами на боках. Солдат кивнул мне, как старому знакомому.

— Ага,— сказал Котрикадзе, будто ему всегда приносят термосы солдаты с автоматами.— Спасибо, сержант.

Я проследил взглядом за сержантом и увидел на столе уже два таких же термоса, чашки с остатками кофе и сандвичи.

Сержант поставил термос, постоял, наблюдая за работающими, затем положил автомат на диван, уселся рядом и задремал.

И я понял, что не буду укорять этих людей за неразумное использование своего рабочего дня. Они вежливо выслушают меня и удивятся — зачем я вмешиваюсь в то, что они знают лучше меня? Я пожалел, что у меня нет технического образования, а в школе я по всем точным дисциплинам имел «твердую тройку».

— Юрий Сидорович,— сказал Володя,— выпейте кофе. Ресторан закрыт, нам сержант Лаво из гарнизонной кухни носит.

Я поблагодарил и не отказался от кофе со свежим сандвичем. Вкус местного хлеба показался мне приятным. Я сел на диван, рядом со спящим сержантом.

— Голова не болит?— спросил Котрикадзе, представив меня молодому лигонцу, оказавшемуся механиком по имени Фен Ла.

— Нет, спасибо.— Я инстинктивно поднял руку и ощупал шишку, оставшуюся у меня на лбу, как боевое отличие.

— В восемь придет машина. Вы поедете с нами?

Переодеваться мне было не нужно. Да и во что переодеваться? Но я воспользовался этим предложением, чтобы избавиться от тягостного ощущения собственной ненужности, и покинул комнату.

В коридоре меня подстерегал господин Матур.

— Доброе утро, господин советник,— приветствовал он меня.— Вы рано поднимаетесь. Это свидетельствует о том, что вы хороший работник. Лишь бездельники спят до полудня. Я не смог избежать неуместных восторгов.

— И ваши друзья также работают? С раннего утра! Меня всегда восхищало трудолюбие русского народа! Великие свершения социализма — это результат самозабвенного труда! Приехать для того, чтобы помочь маленькой, далекой стране! Жертвовать жизнью ради нас — это гуманизм в высшем смысле, не так ли?

Он готов был заплакать от умиления. Шоколадные зрачки неустанно крутились в желтых с красными прожилками белках глаз.

— А мы и не подозревали, насколько близка к нам угроза страшного бедствия. Теперь же мы сплотимся и спасем нашу

маленькую страну. Только бы успеть! Как вы думаете, мы успеем?

Он замер с полуоткрытым ртом. Ждал ответа.

— Еще рано говорить,— ответил я сдержанно, стараясь отыскать просвет между стеной коридора и тушей нашего друга.— Для того мои товарищи и работают. Но пока рано говорить.

— Но может, приблизительно? С точностью до двух дней? Ведь необходимо предупредить население!

— Как только станет известно, мы тотчас же сообщим.

Я не решался спрятаться в моей комнате, куда он мог проникнуть, а бежал к Котрикадзе, захлопнул дверь и с облегчением вздохнул. В комнате все было по-прежнему. Володя и механик спорили на странной смеси языков, тыча друг другу в лицо какими-то деталями, Котрикадзе тестером проверял нутро вскрытого ящика. Сержант Лаво спал на диване.

— Отар Давидович,— сказал я,— не забудьте, что мы должны предупредить местное руководство о сроках. Ведь предстоит принятие мер. Некоторые уже интересуются...

— Вы совершенно правы, Юрий Сидорович,— сказал Котрикадзе вежливо.— Мы это непременно сделаем.

ТАНГИ АМБАССАДОР ДИРЕКТОРУ МАТУРУ 12 МАРТА 4.46 ИЗ ЛИГОНА

ТАНТУНЧОК СОГЛАСЕН ТВОИХ НАЛИЧНЫХ НЕДОСТАТОЧНО ЧТО ДЕЛАТЬ ЛЮБЯЩИЙ БРАТ СААД.

ЛИГОН СЕРЕБРЯНАЯ ДОЛИНА 18 ГОСПОДИНУ СААДУ 7.15 ИЗ ТАНГИ
РАЗ В ЖИЗНИ РИСКНИ СОБСТВЕННЫМИ ДЕНЬГАМИ ГАРАНТИРУЮ ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ НА ВЛОЖЕННЫЙ КАПИТАЛ ЛЮБЯЩИЙ БРАТ МАТУР.

ТАНГИ АМБАССАДОР ДИРЕКТОРУ МАТУРУ СРОЧНО 12 МАРТА 9.06 ИЗ ЛИГОНА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ТРЕБУЮТ НАЛИЧИЯ СВОБОДНЫХ СРЕДСТВ НЕВОЗМОЖНО СОГЛАСИТЬСЯ НА ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ МИНИМУМ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЮБЯЩИЙ БРАТ СААД.

ЛИГОН СЕРЕБРЯНАЯ ДОЛИНА 18 ГОСПОДИНУ СААДУ 10.25 ИЗ ТАНГИ

СКОРБЛЮ БЕССЕРДЕЧИЕМ БЛИЖАЙШЕГО ДРУГА И РОДСТВЕННИКА СОГЛАСЕН ПЯТНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ ЛЮБЯЩИЙ БРАТ МАТУР.

В час ночи заглянул присланный комендантом техник Фен Ла. Хотел узнать, что за помощь нам нужна, и остался до утра. Фен Ла оказался горцем, из племени фенов, которое живет по берегам озера Линили, ловит рыбу, разводит чай на склонах холмов и не подчиняется князьям. Но главное в нем то, что он псих по части техники. При виде наших приборов в глазах у него возник хищный блеск, и Отар сказал мне: «Это наш человек». Бывает же у человека призвание, как у скрипача. А ведь этот Фен до десяти лет не видел ни одной машины сложнее велосипеда. Зато когда попал в город, начал мучиться неутолимой страстью к винтам, гайкам и триодам. Вспольный, когда сунулся к нам на рассвете, решил, что это мы с Отаром такие сознательные, ночей не спим. Не станешь же объяснять нашему Пиквику, что в этой компании самый сознательный — это взъерошенный и недокормленный представитель развивающихся стран, а вовсе не посланцы страны победившего социализма. Пиквик в такую крамолу не поверит. А нам неловко было идти спать, когда техник Фен Ла золотыми руками спасает свою страну от стихийных бедствий. К счастью, мы выпались днем.

В процессе ночных ремонтных работ Фен Ла осознал, зачем мы сюда приехали, и обещал поговорить в механических мастерских, чтобы нужные нам работы они сделали в тот же день. У них там сейчас брожение. Не знаю, к чему приведет переворот.

С ночи в наш дружный коллектив влился коренастый сержант Лаво с автоматом, с которым он не растается, как Вспольный с очками. Всю ночь он таскал нам бутерброды и термосы с кофе, а в свободное время похрапывал на диване.

К утру мы завершили кое-какой ремонт, отвезли остальное в механические мастерские, уверенные, что Фен Ла нас не подведет, и поехали искать точки для датчиков.

Ехали в «джипе» Сержант Лаво держал ма коленях автомат и термос, Отар — карту, выданную ему предупредительным капитаном Боро, Вспольный — блокнот, а я — сумку Отара. Все при деле.

«Джип» не спеша катил через город, и я наконец мог разглядеть, куда мы попали. Я испытал искреннюю радость, увидев магазинчик с сувенирами. После гибели в самолете дельийских слоников я чувствовал себя обездоленным. Здесь прохладно, и растительность странно смешивается в садах и между домами — и сосны, и пальмы, и лианы, и бамбуки. Представьте себе сосну, опутанную лианами с руку толщиной. При этом на лиане сидит маргышка, а под сосной дремлет мохнатая дворня-

га. Город Танги показался мне декоративным и несколько ненастоящим.

Специальность у меня довольно печальная. Редко удается побывать в мирно живущем городе. Чаще всего приезжаешь в места, уже пораженные землетрясением, подавленные бедой, разоренные и печальные. Мы, сейсмологи, ближе всего к патологоанатомам — имеем дело с неблагоприятным исходом болезни. Нам бы сложиться на памятник Отару при жизни. Хватит анатомии, да здравствует лечение!

Мы подъехали к роскошной вилле, построенной, видно, еще в английские времена. Перед виллой стояло два или три армейских «джипа». Над домом развеялся лигонский флаг — синий с красной косой полосой и белой звездой на полосе. Мы притормозили, и шофер пошел к начальству получать талоны на бензин, чтобы заправиться по дороге. Пока мы его ждали, я подумал, чему же это я обрадовался? Да, теперь мы будем приезжать в живые города, но ведь в них, как в больном теле, невидимый и неумолимый, таится враг. И он убьет их. И этот дом, который простоял сто лет, рухнет, подняв к небу тучу пыли, пальмы покосятся, через ровный газон пробежит рваная трещина... Мы сделали шаг вперед: учимся предсказывать болезнь, даже можем вовремя вывезти из города людей, кровати и стулья. Но долго еще не научимся предотвращать землетрясения. А хорошо бы. Завтра намечается землетрясение в районе Вальпараисо. Я нажимаю кнопку и говорю: «Снять напряжение в районе Вальпараисо на глубине восемьдесят километров...» И Вальпараисо спит спокойно.

— Пессимистические мысли? — спросил Отар.

— Отражаются на челе?

— Еще как отражаются! Когда ты научишься скрывать свои эмоции от человечества?

— Никогда, — сказал я. — Нет нужды.

Из дома вышел майор Тильви. Рука у него была на перевязи, но в остальном он выглядел молодцом. Я обрадовался, увидев его. Он — приличный парень. За Тильви выбежал капитан Боро. Отар распахнул дверцу «джипа» и спрыгнул на землю. Мы со Вспольным последовали за ним, обменялись приветствиями. Переживания сближают.

— Начинаете работать? Как с ремонтом?

— Все в порядке, — ответил Отар. — Кое-что мы сделали. Остальное отвезли в мастерские. Спасибо капитану Боро за помощь.

— Кстати, — сказал Тильви. — Я полагаю, что пока не стоит широко объявлять, что будет землетрясение. Понимаете, в городе разные люди, кое-кто ударится в панику, кое-кто воспользуется этими слухами во вред ревкомитету...

Отар не ответил. Видно, не хотел связывать себя обещанием.

— Я понимаю,— сказал майор,— такую тайну не сохранить...— Он нахмурился: еще землетрясения ему не хватало. Он спросил серьезно:— А может, удастся обойтись без землетрясения?

— Вряд ли,— также серьезно ответил Отар.

Вернулся шофер с талонами. Мы снова залезли в машину.

— Счастливо,— сказал майор и добавил:— Землетрясение — это стихийное бедствие, и никто не виноват. Но если о нем знаешь заранее, то несешь ответственность...

И он был человеком, который нес за это ответственность.

ТАНГИ СРОЧНО СЕКРЕТНО КОМИССАРУ ВРК МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ

СООБЩИТЕ ВРЕМЯ И СИЛУ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ ОБЪЕМ РАЗРУШЕНИЙ ВСЕ СВЕДЕНИЯ КЛАССИФИЦИРОВАТЬ СЕКРЕТНО ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПАНИКИ УЧИТЫВАЙТЕ ВОЗМОЖНЫЙ ЭФФЕКТ СОБЫТИЙ ДЛЯ ВРАЖДЕБНОЙ ПРОПАГАНДЫ БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ПРИСЫЛАЕМ ПОДКРЕПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВРК БРИГАДИР ШОСВЕ.

КНЯЗЬ УРАО КАО

У моей матушки сидел отец Фредерик, ее духовный наставник и друг. У них сохранились сентиментальные отношения с тех времен, когда молодой Фредерик появился в наших краях распространять слово божие, и моя мать, тогда еще девушка, стала одной из наиболее преданных прозелиток в округе. Я подозреваю, что мама была влюблена в молодого иностранца — его фотография тех лет, умеренно аскетичная, висит в ее спальне.

Я не стал приближаться к старым друзьям, чтобы не подвергаться ритуалу приветствий, а с порога розовой гостиной информировал маму, что жду к вечеру гостей и полагаю, что ей не стоит выезжать сегодня в город: новая власть еще не установилась, в любой момент может начаться сопротивление, даже стрельба, на что мама ахнула, а отец Фредерик сообщил, что слушал радио из Бангкока и там говорилось, что правительственные войска застряли в южной провинции. Я знал министра внутренних дел и не верил в серьезность его сопротивления. Старый миссионер разбирался в людских грехах, но ничего не понимал в политике. Я решил подбросить ему приманку.

— Я слышал, что есть какой-то перст судьбы в том, что самолет, везший нового комиссара, разбился.

— Так говорят темные люди,— возразил Фредерик.

— Но говорят. Замечательный материал для проповеди.

— Негодный материал,— ответил смиренно отец Фредерик.— Военные привезли в город кусок крыла самолета. Он прострелен из пулемета. А пулемет такого калибра был у Па Пуо, который убежал от тебя, мой мальчик.

Про крыло я не знал. Мои люди проморгали то, о чем уже знает каждая старуха в городе. Это куда не годится.

— Па Пуо убит,— сказал я.

— Дай бог,— сказала моя мама.— На совести этого бандита было много греха. Его именем пугали детей.

— Что делают русские геологи?— спросил меня отец Фредерик.— В городе много говорят о них.

— Странно,— сказал я.— Есть куда более важные темы для разговоров.

— Ты такой информированный, Као,— вмешалась мать.— Правда, что они смотрят, чтобы не было землетрясения?

— Это русские, мама,— я старался говорить нравуучительно.— Я бы скорее поверил, что они устроят нам землетрясение.

— Не поняла,— мама наморщила напудренный лобик.

— Земля, мама, единый организм, все в ней связано. Если у нас дожди, в Австралии засуха. Если у нас дует западный ветер, над Китаем дует восточный. Если Москве грозит землетрясение, то надо выпустить его силу в другой точке Земли...

Мать и отец Фредерик смотрели на меня приоткрыв рты.

— Откуда ты можешь это знать?— воскликнула мама.

Она не посмела усомниться в моих словах, я ждал возражений отца Фредерика.

— А зачем правительству...

Я не дал Фредерику закончить вопроса. Я его предвидел.

— Одним ударом, без всяких забот, они уничтожают основной оплот оппозиции. Все мы погибаем и лишаемся имущества. Край разорен, люди бедствуют — и сюда входят войска из Лигона.

— Какой ужас!— воскликнула мама.

Я знал, что к ланчу мама ждет жену опального губернатора и кое-кого из знатных дам Танги. Она не удержится, чтобы не поделиться с ними ужасными новостями.

В гостиную сунулс лакей в идиотской ливрее, заимствованной моей светской мамой из иллюстрированного журнала, посвященного коронации наследника престола в Иране.

— Господин князь. Вас ждут.

Меня ждал связной с юга.

Утром я пришла в больницу к отцу. Он был в палате один. Майор Тильви встал, поругался с врачом и ушел из больницы. Отец чувствовал себя лучше, он даже занимался своими делами. Когда я была у него, он написал письмо и передал его с полицейским, который дежурил в коридоре. Потом при мне ему принесли еще одну записку, он подчеркнул в ней какие-то строчки и переслал в комендатуру майору Тильви.

Я покормила отца, потом он спросил меня о Лигоне, как там произошел переворот, а я толком ответить не смогла, потому что в ту ночь думала только о лекарстве.

— Майор Тильви спросил меня,— сказал отец,— любишь ли ты молодого князя.

— А почему он спросил?

— Он уверен, что когда князь пришел, ты бросилась к нему на шею.

— Ты считаешь, что князь плохой человек?

— Не мне судить о нем. Мы разные люди. Моя работа — охранять закон, а он не друг закона.

— Значит, майор Тильви тоже враг закона? Он был против старого правительства.

— Пойми,— возразил отец,— смена правительства в Лигоне не освобождает меня от исполнения долга. Любое правительство будет бороться с бандитами, контрабандистами и другими преступниками. Думаю, армия сможет это сделать лучше, чем правительство Джа Ролака, в котором было много продажных людей. Я думаю, что офицеры взяли власть, потому что они хотят, чтобы стране было лучше... Так что у тебя с молодым князем?

— Отец, ты не любишь князя и его друзей.

— Мы принадлежим к разным кругам.

— Но я не могу сидеть дома и ткать юбки, как моя бабушка. Времена изменились. Не надо было отдавать меня в колледж. Я люблю играть в теннис, и княгиня была так добра, что давала мне читать книги из библиотеки.

Это был давний спор. Отец не запрещал мне делать, что хочу, но его огорчало, что я бывала в доме князей Урао. Я старалась не рассказывать об этом. Хотя он все равно знал.

— Не вскрыжил ли тебе голову молодой князь своими английскими костюмами и английской речью?

— Нет, отец, клянусь тебе, нет. Но он добрый человек и помогал мне, ничего не прося взамен.

— Чем помогал?

Я не ответила отцу. Я не могла сказать, что князь написал мне письмо в Лигон, в котором говорил, что скучает без меня

и, если мне понадобится помощь, я могу обратиться к его другу господину Дж. Суну в гостинице «Империал». И чтобы отец не говорил больше о князе, я сказала строго:

— Ты уже старый, отец. Когда ты перестанешь бегать по горам за бандитами?

— Когда уйду в отставку, — ответил отец.

Мы оба замолчали, думая о своем. Потом отец сказал:

— У меня к тебе просьба.

— Я рада выполнить любую твою просьбу.

— Я хочу, чтобы ты уехала на время из Танги.

— Я же так спешила сюда, ты болен...

— Я не прошу тебя вернуться в Лигон. Я хочу, чтобы ты поехала к почтенному Махакассапе.

— К дедушке?

— Да. Он стал совсем старый, никто не навещает его. Я хочу, чтобы ты отвезла дар монастырю, в благодарность Будде, который не допустил моей смерти. Ты же знаешь, что, выйдя в отставку, я постригусь в монахи и поселюсь в том монастыре...

Это была любимая тема моего отца после того, как умерла мама. Князь говорил мне как-то: «У твоего отца гипертрофированное чувство долга. Он разрывается между долгом перед правительством, которое заставляет его бегать по горам, стрелять в контрабандистов, арестовывать воров, и долгом перед вечностью, который зовет его отряхнуть мирскую пыль и шадить все живое, включая комаров». Тогда мы как раз собирали ракетки, вечерело, вокруг жужжали комары, и сравнение Као было очень образным.

— В городе неспокойно, и князья, которые недовольны Лигоном, в любой момент могут поднять кровавое восстание. Правда, я надеюсь, что Урао их переубедит.

— Вот видишь, отец, — сказала я, — ты тоже думаешь...

— Урао умнее и образованней остальных князей. Князья большей частью остались где-то в шестнадцатом веке, а он — детище нашего. И потому он опаснее их всех, вместе взятых... — Отец поднял руку, останавливая мои возражения: — Конечно, мне будет спокойнее, если ты в эти дни побудешь в монастыре. К тому же мне нужно передать настоятелю письмо, которое я не могу доверить никому больше. Почтенный Махакассапа отказался от суетного мира, но суетный мир близок к стенам его монастыря.

— И долго я должна быть в монастыре?

— Думаю, что нет. Несколько дней.

— Но если князья поднимут восстание...

— Я о себе позабочусь. А теперь расскажи о русских. Зачем они приехали? Что ты о них знаешь?

Как только мы миновали окраины города, дорога пошла серпантином вниз по крутому, заросшему лесом склону плато, на котором стоит Танги. Иногда навстречу попадались старые перегруженные, размалеванные автобусы, на крышах которых громоздились корзины, ящики, тюки, и становилось страшно при мысли, насколько неустойчивы эти машины. На повороте дороги стоял рабочий слон и чего-то ждал. Иногда открывался вид на долину с громадным длинным озером. За озером поднимались лесистые отроги гор, и я вдруг с острым чувством отстранения понял, что именно там мы были вчера утром, именно там я пережил, быть может, самые напряженные секунды своей жизни. Горы были спокойны и молчаливы.

Дорога распрямилась на плоской долине. По сторонам тянулись рисовые поля. Возле дороги в канаве нежились буйволы. На их спинах дремали маленькие белые цапли.

Через полчаса мы достигли городка, от которого начинаются дороги на Лонги и к берегу озера Линили. Мы остановились на несколько минут у небольшой лавки, перед которой в тени дерева стояли простые деревянные столы. Наш сержант предложил выпить чаю, и все с радостью согласилось. Хотя я предпочитаю не питаться в случайных придорожных заведениях, так как недостаточное мытье посуды может привести к амебной дизентерии, на этот раз я разделил с товарищами трапезу. Мне вдруг подумалось, что эта моя командировка принципиально отличается от предыдущих, ибо я выступаю в ней как участник большого, рискованного дела и соображения личной гигиены, не теряя своего значения, отступают на второй план.

Когда мы, расплатившись, поднимались из-за стола, по дороге проехал потрепанный «фольксваген». Я не заметил, кто в нем, но Володя вдруг поднял руку и помахал вслед машине. Мне показалось, что в ответ мелькнула в окне тонкая рука.

— Кто это?— спросил Котрикадзе.

— Это Лами,— сказал Володя.— Разве не узнали? Лами,— повторил он. Ему нравилось, как звучит это слово.

Котрикадзе попросил остановить машину на берегу реки, у нового бетонного моста. Они спустились с Володиёй к самой воде, а я остался в машине, открыл блокнот, чтобы описать утренние впечатления. Стало теплее, над нами в головокружительной высоте парил орел. Вернулись геологи, и Отар сказал:

— Побольше бы датчиков, мы бы ими всю долину засеяли.

Мы поехали дальше и часто останавливались. Порой я

выходил из машины вместе с геологами, порой оставался, стараясь не мешать им. К полудню, когда солнце жарило всю, а ветерок стих, мы достигли юго-западного берега озера Линили. Теперь лишь горный хребет отделял нас от тех мест, где наш самолет обстреляли бандиты.

Дорога поднялась на вершину пологого холма, и мы вышли из машины, чтобы поглядеть на открывшийся вид.

Действительно, озеро Линили заслуживает того, чтобы его называли жемчужиной Лигонских гор. Оно занимает дно плоской котловины и тянется с севера на юг километров на двадцать, стиснутое горным хребтом, у подножия которого шла дорога, и обрывом плато, на котором лежит Танги. Его небесная голубизна, заросли тростника у плоского северного берега, где в озеро впадает река, редкие деревни по берегам, квадратные паруса рыбацких лодок и белая пагода на островке, окруженная купами бамбука, подчеркивали первозданную красоту и покой, царящий над этим водоемом.

«КАПИТАНУ ВАСУНЧОКУ.

По моему мнению, Па Пуо жив. Его видели в саду князя. К князю приехал связной с юга с просьбой немедленно поднять княжество против военного правительства. Связного больше никто не видел. Полагаю, что князь не хочет, чтобы связной встретился с другими членами совета. Князь не пойдет сейчас на открытые действия против ВРК, так как понимает, что военные могут воспользоваться ситуацией, чтобы установить в горах прямое правление».

(Без подписи)

ВАСУНЧОК ЛАМИ

Я ехала в монастырь в стареньком папином «фольксвагене» которым правил полицейский. Полицейский должен был вернуться в Танги с ответом от дедушки Махакассапы. Мне было грустно уезжать из города, хотя, должна признаться, ночью страшно спать одной в пустом доме.

По дороге мы видели русских. Мне показалось, что молодой геолог обернулся и узнал меня. С русскими были солдаты — наверное, их охрана, а неподалеку стоял «джип» из комендатуры. Значит, правда, что военные заботятся об этих русских.

Мы ехали по берегу озера Линили, с которым у меня связано столько хороших детских воспоминаний, когда мы все — па-

па, мама и я — в воскресенье выезжали из города, потом ехали на лодке до деревни и смотрели, как рыбаки ловят рыбу, заходили к мастеру, который делает серебряные браслеты со слонами и тиграми, а потом доплывали до островка, где стоит белая пагода, и отдыхали под темным деревянным навесом. Отец с матерью зажигали желтые свечи на покрытой оплывшим воском приступочке у пагоды, а я ставила в медный горшок привезенные из Танги цветы.

Мы проехали деревню. Худая бурая свинья перешла дорогу, в тени дремали серые волы, и хромая собака бежала в пыли за машиной. За деревней потянулись мандариновые деревья — монастырский сад. Когда-то в деревне жили монастырские рабы, но их лет сто назад освободили, они стали просто крестьянами, но все равно ухаживали за садом, ловили для монахов рыбу, а за это брали себе часть урожая и возили мандарины на базар в Танги или в долину.

Ворота в монастырь были открыты, ограда кое-как подновлена и даже побелена известкой. Я разулась и взяла сумку с даром отца — позолоченным боддисатвой, который всегда стоял у него в комнате. Два молодых монаха в оранжевых тогах вышли на дорожку и смотрели на меня, как на кинозвезду. Я подумала, что вокруг могут бушевать войны, пролетать столетия, а внутри лишь меняются лица монахов, и они так же будут выходить утром за подаянием или, раскачиваясь, твердить бесконечные сутры в большой прохладной комнате.

Дедушка вышел мне навстречу. Он стал совсем старенький, на бритой голове, словно сияние, стоял серебряный ежик волос, а борода в несколько белых волосков стала длиннее. Я поставила на землю статуэтку и низко поклонилась. Один из монахов подобрал статуэтку и стоял рядом, ожидая приказаний.

— Моя внучка будет жить в доме привратницы, — сказал пандит Махакассапа. — Распорядись, чтобы все приготовили.

Дедушка Махакассапа очень уважаемый человек. Его все знают в Танги, и когда ученые настоятели собираются в Лигоне, дедушка тоже ездит туда, потому что он пандит и знает наизусть всю трипитаку. Он мне не родной дедушка, а троюродный, но все равно как родной. И когда мой отец был послушником и когда мои дяди были послушниками, они все жили в этом монастыре и учились в монастырской школе, потому что тогда не было других школ. Когда пришли японцы, дедушка укрывал в монастыре партизан, и его держали в тюрьме и допрашивали в кемпетах.

— Мне нужно поговорить с вами, дедушка, — сказала я.

— Знаю, — ответил он. — Идем ко мне в комнату.

Прости, что пишу кратко. В том виновата моя рана. Я посылаю к тебе Лами, которая приехала из Лигона. Я не хочу, чтобы в такое сложное время она жила одна в городе, где у меня есть враги. Девочку могут похитить или обидеть. Я прошу тебя дать ей кров и защиту.

Ты обещал узнать о людях в пещерах и грузе. По моим сведениям, новый груз прибыл с севера днем 10 марта и был переправлен на Линили тот же вечер. Прости еще раз, что беспокою тебя мирскими заботами, но дело тех людей неправо.

Надеюсь, что скоро смогу присоединиться к тебе в монастыре Пяти золотых будд и завершить тем самым круг моих земных страданий. Твой Васунчок».

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Мы остановились в деревеньке у озера. Мотор заглох посреди единственной тенистой улочки, и две женщины, шедшие от колодца с глиняными горшками на плечах, остановились, с любопытством глядя, как наш шофер по пояс исчез в моторе.

Наконец он высунулся оттуда и жизнерадостно информировал Вспольного, что придется загорать. Я предложил было свою помощь, но мне было сказано, что обойдутся без нее. Сержант Лаво, способность которого ко сну просто удивительна, продрал глаза и сообщил, что мы будем отдыхать в монастыре Пяти золотых будд, а тем временем наш шофер справится с трудностями.

По обочине пыльной проселочной дороги мы пошли вдоль ухоженного сада и оказались у ворот монастыря, где в тени стоял тот самый «фольксваген», в котором я видел Лами.

Я это предчувствовал. Доказать это нельзя, но, когда я увидел «фольксваген» у ворот монастыря, я ничуть не удивился.

Сверху, с горы, налетел ветер, зашуршал листьями; монах в оранжевой тоге стоял у ворот и смотрел, как мы снимаем ботинки (так положено в буддийских святых местах). Монах провел нас в деревянное здание. Дерево, темное, с серебристым отливом от старости, было покрыто резьбой.

В большой пустой комнате (если не считать статуй, глядевших на нас с возвышения) стоял круглый низкий стол, вокруг которого были разложены циновки. Мы расселись во-

круг; несколько монахов вошли в комнату и устроились на корточках у входа, глядя на нас внимательно и иногда перешептываясь. Монахи были большей частью молодые и бритые, как новобранцы. Я все время поглядывал в широкие, без стекла окна, надеясь увидеть Лами.

Тут появился древний и хрупкий сказочный старичок с редкой серебряной бородой, в застиранной, когда-то оранжевой тоге. Монахи сразу вскочили, как дети, которых учитель застал за бездельем; мы тоже встали.

— Садитесь,— сказал старик по-английски.— Отдыхайте. Я рад, что вы пришли.— У него был глубокий молодой голос.

Лаво объяснил старику, что у нас сломалась машина, и старик ответил, что знает об этом. Старик вообще обо всем знал, монахи и Лаво полагали, что это проявление его всепроникающей мудрости, а я подозревал, что ему рассказала о нас Лами.

— Вы геологи,— сказал старик, усаживаясь,— из России. Он не спрашивал, а констатировал.

— И что же вы ищете в наших краях?

— Мы ничего не ищем,— сказал Отар.— Мы изучаем землетрясения, чтобы установить, не грозит ли новое бедствие.

Старик кивнул.

— Можно задать вам несколько вопросов?— сказал Отар.

— Я всегда готов ответить гостям.

— Скажите, когда в последний раз было землетрясение?

— Большое или маленькое?— спросил старик.

— Расскажите обо всех, которые вам приходилось видеть.

Монахи переползли к нам поближе.

— Когда я был мальчиком,— начал старик, взяв в костлявый кулачок свою бородку,— за монастырем была скала...

Отар разложил на столе карту.

Минут через пять я осторожно поднялся с циновки и вышел. Один из монахов выскочил вслед за мной и показал рукой на купу деревьев, ложно истолковав мои намерения.

Я подошел к воротам. «Фольксваген» стоял там. По теплomu песку дорожки было приятно ходить босиком. Я присел на камень.

— Здравствуйте,— сказала Лами, бесшумно подойдя сзади.

Она села неподалеку от меня на другой камень. На ней были широкие черные брюки и белая блузка. Она показалась мне давнишней хорошей знакомой, будто мы с ней познакоми-

лись в Ташкенте. И мне было приятно, что она ведет себя естественно, не стесняется.

Мы пошли гулять в сад. Она рассказывала о своем отце, и я тоже ей что-то рассказывал. Мы не все понимали, но нам было интересно. И когда мы увидели, как по дороге к монастырю едет наш «джип», я даже огорчился.

Мы попросились в саду; нам не хотелось, чтобы нас видели вместе,— это наше личное дело и никого не касается. Я знал, что Лами несколько дней будет жить здесь, у дедушки Махакассапы, и обещал приехать. На берегу будут наши датчики.

«ДЖОНСОНУ. ПОРТЬЕ В ГОСТИНИЦЕ «АМБАССАДОР»

Наблюдай за русскими. Но не мешай их работе. Сообщи все новости. Скажи Ахмеду, чтобы установил микрофон в их номере. Обрати внимание на их встречи с майором. Держи меня в курсе дела. Записку сожги. Као».

КНЯЗЬ УРАО КАО

Обед с князьями и вождями был длинным и утомительным. Я знал, что уговорю их воздержаться от глупостей, но это далось не легко. Хорошо еще, что я успел перехватить связного с юга. Его эмоциональные призывы могли повлиять на горячую голову вождя Па Кратенга, который вооружил сотню молодцов и полагал, что с их помощью освободится от опеки Лигона.

Меня беспокоило отсутствие сведений из столицы. Сун молчал. Я знал, что груз должен уйти на гонконгском пароходе 17 числа, для этого его нужно срочно взять из пещеры.

После совещания меня позвала к себе мать, но я вынужден был сначала встретиться с человеком, которому я передал часть долларов, привезенных Матуром и чудом спасенных от моих же недостойных слуг. Оружие доставит делец из Сингапура, которому выгоднее быть честным. Мне надоело иметь дело с первобытными людьми, с первобытными инстинктами, страстями и первобытной ненадежностью. Как-то отец Фредерик доказывал мне, что беда моих соотечественников не столько в их отсталости, сколько в том, что они эмоционально разодраны между законами прошлых веков и современностью.

Отца Фредерика отличает определенный цинизм, прикрытый, я бы сказал, язычески понимаемой христианской моралью. Моя мать не способна раскусить этого разуверившегося во всем человека, который не нашел себе места в Европе и вернулся, чтобы убедиться, что и здесь он чужой.

Мне донесли с почты, что Матур обменялся телеграммами с Лигоном. Нетрудно догадаться, что он решил в этой суматохе урвать кусок и для себя. Я на него не в обиде. Все-таки прибежал ко мне и рассказал о землетрясении.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИЗ МОСКВЫ 12 МАРТА 13.40 МОЛНИЯ
ЛИГОНСКАЯ РЕСПУБЛИКА ГОРОД ТАНГИ ПРОФЕССОРУ КОТРИКАД-
ЗЕ

ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАМЕРЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ КРИТИЧЕСКИЕ
НАПРЯЖЕНИЯ ЭПИЦЕНТРОМ ТАНГИ СИДОРОВ ПОЛАГАЕТ ОЧАГ
ГЛУБИНЕ СОРОК ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ ОПРЕДЕЛЯЙТЕ ИЗОСЕИТЫ
ИСХОДЯ ИЗ ЭТОГО ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ВСТРЕВО-
ЖЕНЫ МОЛЧАНИЕМ КОЛОГРИВОВ.

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

Мы вернулись вечером, выбрав точки для установления датчиков и определив на глазок наиболее интересные сейсмические места. Володя сразу уехал в мастерские. Меня ждал майор Тильви. Он принес телеграмму из Москвы. Я перевел ему телеграмму на английский, и это встревожило его. Я полагаю, что на него жмут из Лигона. Я чувствую себя в положении недоброго вестника. Когда-то таких гонцов немедленно убивали, как бы отождествляя их с самим бедствием. Я никак не хотел умалять интеллекта майора Тильви, но в его глазах явно горел зловещий огонек.

— Кто-то распустил слух по городу, — сказал он, — что вы собираетесь устроить здесь землетрясение.

— Устроить?

— Да. Будто бы землетрясение должно быть в России, но если вы его выпустите здесь, то тогда избавитесь от беды у себя дома.

— Остроумно, — сказал я.

Майор подошел к окну и посмотрел на тучи над горами.

— Не сегодня-завтра начнутся дожди. Здесь они начинаются раньше, чем в долине. А где господин Ли?

— Он в механических мастерских.

Майор Тильви подошел к двери и потрогал пальцем шнур, ведущий к выключателю.

— Я хочу знать, где будут стоять ваши приборы. Человек, распускающий слухи о том, что вы хотите сделать землетрясение, знает, чего добивается. Если темные люди послушают его, они могут причинить вам вред. Вам и вашим приборам. Так я и знал...

Майор подковырнул ногтем тонкий проводок, бегущий па-

раллельно основному проводу, и дернул за него. Клочок обоев отлетел, и в кулаке майора оказался большой черный жук. Он раскрыл ладонь и показал мне жука. Это был микрофон.

— Так что, я думаю, у нас нет от них тайн,— сказал он буднично.— Кто заходил в эту комнату?

— Кто угодно,— сказал я.— Нас не было весь день.

— Я разберусь,— сказал майор.— Итак, где вы будете устанавливать свои приборы?

Мы с Володей договорились в принципе о распределении нашей поредевшей техники. «Искру-12-бис», один ультрасейсмоскоп и вычислительную технику оставляем в Танги. Второй сейсмоскоп отвезем на островок на озере, к нему придадим два или три датчика, один из которых должен находиться прямо на поверхности озера. Последний датчик установим за монастырем.

— Очень далеко вы все раскидали.— Майор был недоволен.

— Это минимальное расстояние. Без трех точек нам не обойтись. Я останусь в Танги, Володя отправится на озеро.

— Очень далеко,— повторил майор. Он не спорил, он был озабочен. Майор крутил в пальцах микрофон.— Наверное, в гостинице неудобно ставить приборы. Тесно и слишком много ушей... Я договорился об одном доме. Это дом начальника полиции. Он стоит на окраине, изолирован, и мне легче его охранять. Ночевать вы можете и здесь...

— А как хозяин дома?

— Васунчок честный человек,— сказал Тильви.— Он сейчас в госпитале. Он ранен контрабандистами.

— Хорошо,— сказал я.

Майор попрощался, его башмаки зацокали по коридору, и сквозь полуотворенную дверь я услышал голос директора Матура:

— Добрый вечер, господин майор. Навещали наших друзей?

Я подумал, что придется провести ужин в компании Матура. Он наверняка подстережет нас, чтобы еще раз выразить свое восхищение успехами нашей великой страны.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Утром тринадцатого марта мы переехали в пустой дом на окраине Танги. Дом был небольшой, но двухэтажный. Нам хватило гостиной внизу и веранды. Пока электрики тянули к веранде силовую кабель, а армейский радист устанавливал

рацию, я поднялся наверх. Я не собирался ходить по чужим комнатам. Мне только хотелось увидеть ту, в которой жила Лами. Наверху было всего две комнаты. В одной, побольше, стоял письменный стол, на стене висели две фотографии — грустной женщины, похожей на Лами, и самой Лами, еще девочки, с двумя тугими косичками в разные стороны. Это была комната ее отца. Во второй раньше жила она. Комната была прибрана, за окном на толстой ветке висели гнезда, похожие на груши, и птицы суетились у подоконника. Лами мне рассказывала про этих птиц. В комнате сохранился ее запах. Наверное, это мне почудилось.

Часов в двенадцать мы со Вспольным выехали на «джипе» к озеру. С нами ехал радист, сонный Лаво и солдат.

В тесноте, но согласии мы добрались до деревни у монастыря, оставили там Лаво договариваться о лодке, потом по разбитой безлюдной дороге проехали километра три за монастырь. Здесь на пологой террасе, с которой открывался величественный, как в туристском проспекте, вид на озеро и горы за ним, в светлой, звенящей сосновой роще поставили палатку, где установили датчик. Это заняло около часа. Вспольный заявил, что, когда выйдет на пенсию, построит здесь дачу и будет писать мемуары.

Оставив при датчике солдата — он тут же разложил небольшой костер и повесил над ним мятый алюминиевый чайник, — мы вернулись в деревню, где застали в полном разгаре битву между сержантом и местным старостой. Лаво наседали на старика, грозя репрессиями, а тот отвечал длинными речами, которые зарождались в складках его живота и выползали наружу, как рокот отдаленного барабана. В конце концов Лаво сдался, отсчитал старосте пачку казенных ватов. Староста долго мусолил деньги, жалел, что не заломил больше, потом повел нас по узкой тропинке вниз, к озеру, где в бухточке стояла моторка, на корме которой спал похожий на старосту парень.

Видно, люди редко приезжали на островок. Моторка пошла к шатучим деревянным мосткам, которые далеко выдавались в озеро. Какая-то птица умудрилась свить гнездо прямо на мостках. Она обиделась на нас за вторжение и кружилась над самыми головами, выражая недовольство криками. Полоска песка, отвоеванная волнами у травяного откоса, была чистой, лишь следы птичьих лап и маленькие холмики вокруг крабьих норок свидетельствовали о кипучей жизни. Устланная каменными плитами дорожка вела вверх, где в чаще коренастых деревьев стояла пагода с кирпичными проплешинами на белом теле. За пагодой берег островка обрывался вниз и уходил глубоко в воду. Высота обрыва была метров десять.

Дальше, до самых гор того берега, километров на семь-восемь, протянулась голубая равнина с редкими бурыми парусами рыбацких лодок.

Мы перетасили аппаратуру к пагоде. Здесь был покосившийся навес на резных столбах. Какой-то благочестивый человек, соорудивший этот навес, потрудился на славу, доставив сюда цемент и гравий, — пол под навесом был бетонный. И хоть по бетону пошли трещины, сквозь которые лезла яркая трава и кустики, он отлично подошел для установки аппаратуры.

СОКРАЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА СОВЕЩАНИЯ У ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИССАРА ВРК МАЙОРА ТИЛЬВИ КУМТАТОНА.

«14 марта 1976 г.

Присутствовали: Майор Тильви Кумтатон, комиссар округа Танги. Капитан Боро Па Джа, комендант г. Танги. Профессор Отар Котрикадзе. Джа Локри, бургомистр г. Танги, временно исполняющий обязанности губернатора округа Танги.

Майор Т. Мы собрались здесь для обсуждения важного вопроса. Я попрошу профессора Котрикадзе сделать сообщение.

Профессор К. Как известно, мы приехали сюда, так как наши изыскания с помощью новейших приборов привели нас к выводу, что в районе города Танги возникла опасность землетрясения. Для того чтобы убедиться в точности нашего прогноза, требуется провести измерения на месте. Мы смогли установить наши приборы вчера днем, и потому сведения, которые я сейчас сообщу, не окончательны. Но в целом они подтверждают наш прогноз.

Майор Т. Значит, землетрясение все-таки будет?

Профессор К. И очень скоро.

Майор Т. Как скоро?

Профессор К. Вчера наши приборы, которые регистрируют напряжение на заданной глубине — а глубина потенциального очага землетрясения, которое мы ожидаем, около пятидесяти километров, — показали нам, что напряжение близко к критическому, и, возможно, нас отделяют от взрыва всего несколько дней. Мы ждем новых известий из Москвы, где установлены более сильные приборы, которые наблюдают за положением во всем районе. Но пока я могу сказать одно: землетрясение неизбежно.

Д. Л. Каким сильным оно будет?

Профессор К. К сожалению, гипотетический очаг находится сравнительно недалеко от поверхности. Это означает, что разрушения будут невелики по площади, но значительны в эпицентре. Мы предполагаем, что энергия очага способна высвободить энергию порядка десять в двадцать третьей степе-

ни эргов, и его интенсивность в эпицентре может достичь десяти баллов.

Д. Л. Не могли бы вы перевести эти данные на более понятный для непосвященных язык?

Профессор К. Десятибалльное землетрясение означает частичное или полное повреждение почти всех зданий, трещины в земле, оползни, разрушение мостов. Возможны обвалы в горах...

Д. Л. Не может быть! Это слишком жестоко! Вы хотите сказать, что город Танги будет разрушен?

Профессор К. К сожалению, я не могу управлять стихией. Эпицентр находится в горах, у линии разлома, идущего вдоль прибрежного хребта. Расстояние по прямой до города Танги — не более двенадцати километров.

Капитан Б. Но вы можете ошибиться?

Профессор К. Сегодня ночью мы продолжим обработку материалов. Завтра утром мне пришлют сведения с озера. Полагаю, что завтра к вечеру я смогу дать точный прогноз.

Д. Л. Мы должны будем сказать людям, чтобы они вышли из домов и вынесли свое имущество. Многие не поверят, потому что полагают, что землетрясение — это гнев богов.

Майор Т. В горах большинство населения — язычники, которые верят в злых богов и злых духов.

Д. Л. Мы должны предупредить людей, которые живут в деревнях. Вы можете показать на карте район, которому грозит беда?

Профессор К. Такую карту я представляю завтра утром.

Капитан Б. Гнев людей может обратиться против военных.

Майор Т. Мы с вами находимся здесь для того, чтобы осуществлять власть правительства. Мы благодарим профессора Котрикадзе, который не жалеет времени и усилий для того, чтобы помочь нам. Я немедленно информирую Лигон о положении дел. Как только будет известен срок, мы созovem совещание представителей общественности и национальных групп, чтобы обсудить проблемы эвакуации. Большое спасибо за внимание.

Запись вел лейтенант Кальмичок».

ЛИГОН ВРЕМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ БРИГАДНОМУ КОМИССАРУ ШОСВЕ ПОЛКОВНИКУ ВАНУ ИЗ ТАНГИ 14 МАРТА 12.50

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ РУССКИХ ГЕОЛОГОВ ПОДТВЕРЖДАЮТ БЛИЗКОЕ БЕДСТВО ПРЕДСКАЗАНО ПОЛНОЕ РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДА ВСКОРЕ СООБЩУ ТОЧНУЮ ДАТУ НЕМЕДЛЕННО ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ ОПАСАЮСЬ ПОПЫТОК РАСПРОСТРАНЯТЬ ПОРОЧАЩИЕ СЛУХИ ПРОШУ ВЕРТОЛЕТЫ ГРУЗОВОЙ ТРАНСПОРТ

КОМИССАР МАЙОР ТИЛЬВИ КУМТАТОН

Задержка с грузом опасна. К. сообщил, что готовится отправка подкреплений в Танги. Послезавтра груз следует отправить вниз к Кангему. Положение здесь трудное. Надеюсь, что правительство долго не продержится. Будь осторожен, не спеши с выступлением. Указания о покупке недвижимости в Танги выполняю. Завтра жду результаты. Привет Матуру, когда-нибудь я оторву его скаредную голову. Преданный Дж. Сун».

ДИРЕКТОР МАТУР

Утром я наконец получил подтверждение от Саада, что спичечная фабрика моя. Я нанес туда визит. Я медленно шел по территории, мимо лесного склада, мимо сушилок и складов, а сам с печалью думал, что через несколько дней этой фабрики не будет. Ни ее, ни этих машин, режущих древесину, клеющих коробки, размешивающих серу... Ничего не будет, только развалины. Если, конечно, у русских получится их землетрясение. Я-то ничем не рискую. Семья моя далеко, а фабрика застрахована.

Я поднялся в контору и спросил у китайца-управляющего, получил ли он подтверждение из Лигона о моем вступлении в права владения. Управляющий этого не знал, но был со мной вежлив, и я подумал, что, может быть, оставлю его в этой должности. Тут же сообщил ему об этом и пообещал прибавку к жалованью.

Китаец проводил меня до ворот, и я должен признаться, что это мне понравилось. Пройдет лет пять, и люди будут кланяться мне везде. Если только военные не отнимут у людей их собственность. Необразованные майоры могут решить, что именно в этом благо для Лигона. А когда они осознают свою ошибку, будет поздно. Нет, пора готовиться к отъезду отсюда в какую-нибудь тихую страну, где нет армии. В Сингапур?..

Мой друг Урао Као ждал меня в гостинной.

— Мне нужно поговорить с тобой,— сказал князь,— потому что ты мой друг...— Он задумался, наморщил свой высокий лоб и добавил грустно:— И может быть, единственный.

— Ты никогда не раскаешься в своей дружбе.

Мы сели в мягкие кресла. Со стены на меня глядела оскаленная голова тигра, которого убил отец князя в 1939 году.

— Только что майор совещался с русским профессором и

другими людьми. Русские наметили землетрясение на конец недели. Но, к счастью, они пока не знают день. Майор запросил подкрепление. По всей видимости, бригадир Шосве испугается и пришлет их. Ты понимаешь, что это значит для нас с тобой?

Я понимал. Я хорошо соображаю.

— Проблема не только в твоей спичечной фабрике, которую ты перекупил у меня под носом.

— И не в механических мастерских и не в гостинице,— добавил я с улыбкой.

Князь не рассердился на эту вольность. Он продолжал:

— Не в моих интересах, чтобы правительство бахвалилось, что обезвредило природу. Нельзя, чтобы военные были сильнее судьбы, которая посылает землетрясение.

— Но пускай люди будут спасены,— сказал я.

— Я не изверг,— сказал князь.— Люди, разумеется, будут спасены. Но есть дела, которые я не могу доверить телохранителям, ибо для их исполнения требуется интеллект.

ТАНГИ КОМИССАРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ ИЗ ЛИГОНА 19.45

ПРИНИМАЕМ СРОЧНЫЕ МЕРЫ КОЛОННА ГРУЗОВИКОВ ВЫШЛА ИЗ ЛИГОНА ЧАС НАЗАД СОСТАВЕ ДВАДЦАТЬ МАШИН ТРИ ВЕРТОЛЕТА ИЗ РЕЗЕРВА КОМАНДОВАНИЯ БУДУТ НАПРАВЛЕННЫ ЗАВТРА ТРАНСПОРТОМ КОМАНДУЕТ ПОДПОЛКОВНИК КЕНГ КОТОРЫЙ ПРИДАЕТСЯ ВАМ ОПЕРАТИВНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ СОСТАВЬТЕ ПЛАН ЭВАКУАЦИИ ПОДГОТОВЬТЕ АЭРОДРОМ ПРИЕМУ ТРАНСПОРТНЫХ САМОЛЕТОВ НЕМЕДЛЕННО ПО ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ ИНФОРМИРУЙТЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРНЫХ ТРАКТОВ ВЫСЫЛАЕМ ДВЕСТИ ПАЛАТОК КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО УСТАНОВИТЬ ЗАРАНЕЕ В БЕЗОПАСНОМ МЕСТЕ ОБЕСПЕЧЬТЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДОПУСТИТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВ НЕСЕТЕ ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ВРК

БРИГАДИР ШОСВЕ.

«НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИЦИИ ВАСУНЧОКУ

Сегодня в полдень князь объяснил, что уезжает в горы. Он уговорил свою мать переехать в летний домик в горах. Все-таки князь опасается землетрясения.

Возможно, что груз находится на озере. Они будут спешить. Жаль, что вы, мой друг, сейчас не можете лично руководить операцией. Я бы на вашем месте не очень доверял (не обижайтесь за прямоту) вашим людям. Среди них некоторые получают зарплату не только у вас, но и у князя».

Они установили свою машинку в роще над монастырем близко к пещерам. Охраняет машинку один солдат. Сегодня приезжал молодой русский, взял из машинки какие-то длинные бумаги и уехал. По пути к озеру останавливался в монастыре. К машине выходила известная особа, и они разговаривали. Когда он уезжал, держались за руки. Толстый русский остался на острове. На всякий случай я проколол две шины у «джипа». Русским я вреда не сделал.

Па Пуо».

МАЙОР ТИЛВИ КУМТАТОН

Поздно вечером, когда я был загнан, как мышь шакалом, позвонил профессор Котрикадзе.

— Что еще? — рявкнул я в трубку по-лигонски.

— Простите, майор, что так поздно, — сказал он, — но мне только что позвонили с острова. Связь плохая, все время нарушается...

Конечно, плохая, конечно, нарушается. Радиотелефоны, которые я отыскал на складе и отдал русским, наверное, побывали под танком, а затем были кое-как скреплены проволокой.

— Но я понял, — продолжал профессор, — что кто-то проколол шины у «джипа», оставленного в деревне. У нас нет машины, чтобы привезти ленты с датчиков. Вы не могли бы помочь?

Его правильный английский язык и спокойная вежливость в этот момент были невыносимы. Мне показалось, что он улыбается, разговаривая с нами, дикарями.

— Хорошо, профессор. Я прикажу выслать другую машину. Кстати, вы обещали дать мне карту землетрясения...

— Обязательно, майор. Завтра утром.

— Где капитан Боро? — спросил я, выйдя в приемную.

— Спит, наверное, — ответил дежурный капрал.

— Поднимите его и приведите ко мне. И пошлите трех автоматчиков к дому начальника полиции.

— Но там уже стоит часовой.

— Не возражать!

Вот теперь я стал настоящим диктатором. Это было как война. Я заставляю этого скользкого Боро наладить в городе порядок. Надо съездить в госпиталь. Старый полицейский должен меня понять.

Я читал весь вечер при свете голой электрической лампочки, питавшейся от аккумуляторов, и рой летучих тварей устраивал такие массовые танцы под ней, что она казалась укутанной в густую вуаль. Сержант Лаво долго клял нерасторопного шофера, который не уследил, как прокололи шины, и предложил отправиться в город пешком, чтобы искупить свою вину. Но Отар позвонил мне и сказал, что майор пришлет другую машину. Вспольный опух от комариных укусов, но наслаждался тем, что живет на необитаемом острове, а неподалеку бродят коварные недруги. Но в этом он не признавался, а бубнил о повышении бдительности.

— Какие планы на завтра? — спросил он меня, признавая мое главенство на острове.

— Завтра, как рассветет, отвезем данные в Танги.— Было еще не поздно, и я тогда думал, что через час управлюсь.

— Кто повезет данные? — спросил Вспольный, сверкнув очками, и смахнул с носа черного жука.

— Я, а кто же?

— Почему? — строго спросил Вспольный. Он стремился к настоящему делу.

— Отару трудно одному. Мы вместе быстрее просчитаем.

— А датчики?

— Датчики?.. Ими займетесь вы.

— Я? — он был польщен и немного напуган.— Но я этого еще не делал.

— Утром объясню.— И я снова занялся расчетами.

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

В семь утра меня разбудил телефон. Звонил майор Тильви.

— Доброе утро, профессор. Я уже полчаса жду вашего звонка.

Я воспринял этот упрек без обиды. И не стал объяснять майору, что почти не спал.

— Извините за задержку,— сказал я.— Изосейсмическая карта готова. К сожалению, у нас не было подробной геологической карты района.

— Я пришлю за картой машину.

— Не надо,— ответил я.— До комендатуры десять минут пешком. А я привык утром гулять. Вместо зарядки.

— Хорошо,— сказал майор,— тогда мы вместе позавтракаем.

К моему удивлению, оказалось, что моя охрана за ночь уве-

личилась. Два солдата стояли у ворот, еще двое мирно спали на веранде, и над ними суетливо летали птички, гнезда которых были прикреплены к столбам веранды. Когда я выходил из ворот, один из солдат поднялся и пошел шагах в трех сзади.

Улица была по-утреннему деловита. Мне встретился монах в оранжевой тоге. Монах прижимал к животу черный горшок, из которого высывались судочки. Под мышкой у него торчал длинный темно-красный зонт. Две школьницы в одинаковых синих юбках и белых блузках замерли, глядя, как солдат с автоматом ведет куда-то большого дядю в мятом костюме.

Мы свернули за угол, к комендатуре, и тут меня ждало неожиданное потрясение. Какой-то человек кинулся на меня, и нападение было так неожиданно, что я инстинктивно отшатнулся. Этот момент растерянности чуть не стоил мне черной папки с картой. Человек рванул ее к себе. Я, скорее со страху, чем от излишнего мужества, еще крепче вцепился в папку, и мы несколько секунд изображали собой статичную группу борцов.

Ситуацию разрядил сопровождавший меня солдат, который вышел из-за угла. Он не догадался бросить стебель сахарного тростника, который жевал, что помешало ему схватиться за автомат. Нападающий оказался проворнее всех. Он зигзагами побегал по улице и нырнул в кусты. Солдат наконец догадался выбросить драгоценный тростник и бросился за ним. А я без помех дошел до комендатуры.

Майор, насколько понимаю, наблюдал за моим приключением из окна и встретил меня на лестнице мрачнее тучи.

— Солдат будет наказан,— были его первые слова.

— Солдат не виноват.

Я спешил успокоить майора. Я протянул ему черную папку.

— Карта здесь.

Майор овладел собой.

— Завтрак готов,— сказал он.— Я еще раз приношу извинения за прискорбный случай.

Когда мы сидели за письменным столом майора и пили чай с молоком, я спросил:

— А машина на озеро?

— Машина ушла еще ночью,— сказал майор. Задумчиво хрустя гренком и не глядя на меня, он добавил: — Мне не нравится, что человек, который приказал этому бандиту напасть на вас, слишком много знает.

— А что именно?

— Он знает, что вы сегодня должны были принести мне карту. Он знает, что «джип» с озера должен был сегодня утром ехать в Танги с важными данными. И он почему-то очень заинтересован в том, чтобы мы не были готовы к землетрясению.

Рано утром ко мне пришел майор Тильви. У него болела рука, и он был обеспокоен. Он принес мне карту, полученную от профессора Котрикадзе. Если ей верить, хуже всего придется деревням по западному берегу Линили, да и сам Танги будет разрушен. Русский обещал ему уточнить дату к обеду — он ждал, когда приедет его спутник с озера и привезет свои записи.

Надо было действовать, но, пока не подойдет помощь из Лигона, Тильви было трудно что-либо предпринять. Договорились, что, как только станет известна дата, я пошлю полицейских по окрестным деревням, чтобы они предупредили людей.

Майор считал, что у него есть враг, который хочет, чтобы землетрясение пришло неожиданно. Он рассказал мне о случае с картой, о проколотых шинах, о микрофоне в комнате русских.

— Вы знаете людей, дядя Васунчок,— сказал он.

— А кто знал о карте? — спросил я.

— Кроме нас с русским профессором, бургомистр Джа Локри, капитан Боро и стенографист. Они были на совещании.

— А подслушать вас не могли?

— Я велел проверить мою комнату и комнаты русских.

— Иди, Тильви,— сказал я ему.— Я буду думать.

Как только Тильви ушел, сестра сказала, что перед госпиталем сидит какой-то монах, который хочет меня видеть.

— Впусти его,— сказал я.

Монах был молод, тога вся в пыли, он устал. Я спросил:

— Ты шел пешком из монастыря Пяти золотых будд?

— Да,— ответил он.— Я вышел ночью и пришел только сейчас. Но в гору я поднялся на автобусе.

— У тебя ко мне письмо?

— Нет. Настоятель не дал мне письма. Он сказал, что его могут отнять, а то, что в голове, не видно чужому глазу.

— Говори.

— Почтенный Махакассапа сказал, что то, чем вы интересуетесь, хранится в пещере за сосновой рощей. Оно сейчас там.

— Хорошо,— сказал я.— Почтенный Махакассапа знает, в какой из пещер груз?

— Да,— сказал монах.— Он знает.

— Еще что-нибудь он передавал?

— Почтенный Махакассапа думает, что вчера один охотник из деревни видел Па Пуо. Па Пуо сбрил свои знаменитые усы.

— Как моя дочь?

— Мы по очереди незаметно смотрим за ней, чтобы чего-нибудь не случилось. Настоятель думает, что сердце Лами расположено к молодому русскому, который живет на острове. Русский приезжал к монастырю, и Лами выходила к нему.

— Скажи сестре, чтобы тебя накормили,— сказал я монаху.

— Спасибо, господин,— ответил монах.— Я уже ел утром. Монах ушел.

Я должен был думать о делах, но беспокоился о Лами. Я знал, что князь смотрит на нее с вождением и оказывает девочке знаки внимания. Князь не любит меня. Я знаю, что в меня стреляли у озера люди князя. Но пока я не мог доказать, что князь торгует опиумом. Я убежден в этом, мой друг, близкий к князю, тоже, но что толку. Князь слишком силен в Танги, а майор, которому я мог бы доверить тайну, занят своим землетрясением. Если Лами понравился русский, ничего хорошего я не жду. Па Пуо там, у монастыря. Значит, князь обо всем знает... Я почти не сомневался, что именно князь хочет помешать майору.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Майор прислал полный «джип» автоматчиков во главе с бравым лейтенантом, который тут же выставил посты на острове и послал двух солдат наверх, в сосновую рощу. Когда я уезжал в Танги, лейтенант сидел на ящике из-под пива под развесистым деревом и допрашивал старосту. Староста нависал над ними и гудел, призывая в свидетели духов гор.

Вспольный проводил меня до машины. Он был небрит и сообщил, что намерен отпустить бороду. Я думаю, это его давнишняя мечта, но сначала мама не позволяла, потом начальство смотрело косо, а потом и сам отказался от такой революционной мысли.

Когда я забрался в машину, он приблизился и прошептал:

— Я загляну в монастырь, посмотрю, все ли там в порядке, не беспокойтесь, Володя.

Он может быть трогательным.

Я сидел впереди, рядом с шофером. Новый шофер оказался человеком сдержанным, воинственным и даже суровым. Он положил автомат на пустое заднее сиденье и время от времени оглядывался, чтобы убедиться, что автомат никуда не сбегал.

Мы миновали городок. Затем дорога начала взбираться наверх. Она была узкой, а перегруженные автобусы неслись как очумелые, забывая сигнальть, и порой нам приходилось, про-

летая мимо них, повисать колесами в воздухе. Я не стал объяснять шоферу, что люблю тихую и размеренную езду.

И тут машина резко затормозила.

В этом месте дорога делала крутой поворот. На повороте, чудом не улетев в пропасть, упершись смятым радиатором в дерево, стояла только что разбившаяся машина.

Ее передняя дверь была открыта, и из нее вывалился, головой вперед, мой старый знакомец Матур. Видно, его прижало рулем, так как он только простирал руки в нашу сторону.

— Стой! — крикнул я шоферу, который игнорировал катастрофу. Я бросил портфель с моими расчетами и лентами датчиков на заднее сиденье и на ходу выскочил наружу.

— Спасите... — призывал Матур слабым голосом. — Я погиб!..

— Погодите, — постарался успокоить его я, подбираясь так, чтобы взять его под мышки. — Сейчас все обойдется.

Подозреваю, что часть текста я выдавал по-русски, но это было непринципиально.

Когда я потянул Матура на себя, он вдруг взвыл таким страшным голосом, что я с перепугу его отпустил.

— Мои ноги! — закричал Матур. — У меня сломаны ноги!..

— Да помогите же мне! — крикнул я водителю, который стоял у «джипа», не принимая участия в спасательных работах.

Матур присоединился к моему призыву по-лигонски.

Водитель поглядел на нас, потом наверх, не идет ли какая-нибудь еще машина, протянул руку внутрь, взял с заднего сиденья автомат, словно выполняя неизвестные мне статьи устава лигонской армии, требовавшие обязательного применения автомата при выволакивании из машины пострадавших на горных дорогах.

Мы начали тянуть Матура вдвоем. Матур криками выражал страдания. Пришлось мне открыть заднюю дверцу и влезть в машину, так, чтобы обойти Матура с тыла. Прямо подо мной открывался выразительный вид на стометровую пропасть, подстеленную мягкими на вид вершинами деревьев, растущих на дне. Мне показалось, что машина опасно покачивается. Но отступить было некуда, и я продолжал продвижение вперед, чтобы высвободить ноги господина Матура. Мало ему было авиационной катастрофы, мало ему было пленения бандитами — нет, он еще умудрился покалечиться на горной дороге.

Несмотря на сопротивление, мы извлекли господина из машины и, запыхавшись, как после восхождения на Эверест, уложили на траву. Мимо промчался очередной автобус, с корзинами, полными мандаринов на крыше, и его пассажиры сердито запричитали, полагая, что мы — виновники несчастья Матура.

— Как ноги? — спросил я Матура, ощупывая их, в страхе натолкнуться ладонью на торчащую кость.

— Очень больно,— информировал меня Матур.— Я в шоке.

Он закатил глаза и ушел в глубокий обморок.

— Придется везти его на нашем «джипе» в город,— сказал я шоферу и подкрепил слова пантомимой.

Шоферу такая перспектива не понравилась. Он ответил мне длинной тирадой, но я был тверд. Однако, когда мы попробовали было поднять грузного, килограммов на четыреста живого веса, господина Матура, тот вдруг открыл глаза и сообщил, что ему уже лучше. Он сказал:

— Я останусь здесь и буду ждать грузовика, который вытянет машину на дорогу и отбуксирует наверх.

— Я предпочел бы отвезти вас в госпиталь.

— Ни в коем случае. Я уже почти пришел в себя.

В оказательство этого Матур приотпнул и готов был пуститься в присядку. Я удержал его. Все-таки человек в шоке.

— Если я уеду от машины, какой-нибудь хулиган наверняка столкнет ее вниз. Вы совершенно не знаете местных дикарей. Я попрошу вашего шофера, и он вызовет грузовик.

Матур обратился к шоферу со страстной речью, всовывая ему в руку какую-то купюру. Шофер отказывался. Я отвернулся, чтобы не смущать собеседников. Когда я вновь взглянул на них, шофер был уже совращен, купюра исчезла, а Матур оперся о свою покоренную машину и поднял руку, благословляя меня в путь.

— Я буду ждать, мой друг,— сказал он с чувством.— Я никогда не забуду бескорыстной помощи советского гражданина.

Забираясь в машину, я посмотрел на часы. Была половина девятого. Мы потеряли на спасательных операциях около получаса.

— Поехали,— сказал я шоферу и обернулся к заднему сиденью, чтобы забрать портфель. Но портфеля не было.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

Проводив Володю, я собрался в горы. Я должен был снять ленты с датчика в сосновой роще, затем вернуться на остров и проделать там такую же операцию. Более того, я должен был лично проглядеть ленты и, если пики на них пересекут красную линию, дозвониться в город и сообщить Отару Давидовичу.

Утро было прекрасное, свежее, правда, меня смущали тяжелые облака, вновь нависшие над хребтом. Двухдневная по-

росль на щеках зудела, и я некоторое время обдумывал, не сбрить ли мне щетину, однако отказался от этой мысли, потому что надеялся на защиту дополнительного волосяного покрова от докучавших мне комаров.

— Я пойду в гору,— сказал я новому лейтенанту.

— Подождите, сэр,— ответил мне лейтенант, который уже допросил старосту и нескольких поселян и ничего от них не добился.— Сейчас мы починим «джип» и отвезем вас.

Я посмотрел на шофера нашего старого «джипа», который с помощью сержанта Лаво, отстраненного от командования, латал камеры. На мой взгляд, они лишь приступили к работе и не завершат ее раньше обеда.

— Благодарю за внимание,— сказал я лейтенанту.— Я пройду пешком. Это недалеко, три мили, а утро очень хорошее.

— Слушаюсь, сэр,— сказал лейтенант, но когда я прошел десять шагов, то услышал топот. Это был сержант Лаво. Я понял, что без эскорта мне не обойтись, и послушно пошел рядом с сержантом, пользуясь случаем, чтобы попрактиковаться в лигонском языке.

Минут пятнадцать мы шли деревней и садом, пока, наконец, не поравнялись с оградой монастыря. Я вспомнил о своем обещании Володе навестить Лами и узнать, как она живет. Но в монастыре было пустынно, лишь из-за деревьев доносился нестройный речитатив монахов, распевавших сутры. Я не стал нарушать их дневной распорядок, отложив визит на возвращение.

КНЯЗЬ УРАО КАО

Я отправил мать в летний дом. Мать настаивала на том, чтобы ее сопровождал отец Фредерик. Но тот наотрез отказался, потому что считал, что в случае землетрясения его помощь может понадобиться. При миссии была небольшая начальная школа.

Проводив мать, я стал рассуждать о последовательности необходимых действий.

Главное — сделать так, чтобы русские не смогли предсказать землетрясение. К этому было два пути: первый — вывести из строя их приборы. Путь наиболее простой и логичный. К сожалению, перестаравшийся идиот Па Пуо закрыл этот путь. Повредив «джип», он взбесил майора, и тот, чтобы спасти лицо, окружил датчики такой стеной охраны, что для выведения их из строя пришлось бы начать небольшую войну, которая не входила в мои планы. Второй путь заключался в том,

чтобы лишить русских документов, на основании которых они делают свои расчеты. В этом мне помог капитан Боро. Я знал и о карте, и о том, что они утром с озера повезут необходимые им данные.

С картой ничего не вышло. Зато Матур, который понимает, что, если им удастся эвакуировать предприятия, наша страховка улетучится как дым, постарался на славу. Он так сыграл роль погибающего в автомобильной катастрофе, что русский геолог и его шофер оставили машину без присмотра, и унести оттуда портфель было делом несложным. Спасибо отважному Матуру — и назовем его отважным, ибо отвага свойственна лишь робкому сердцу. Что за цена храбрости, если носитель ее не осознает опасностей, связанных с его поступком. Воспоем же славу трусливому Матуру!

Поистине во мне погиб полководец. Я люблю и умею представлять мир, как поле боя, людей, как солдат, обыденные действия — разведку боем. Облачившись в привезенный из Лондона халат, взяв в зубы трубку из шотландского вереска, я планирую бои, тем более что противник мой также военный, но не по призванию, а по долгу службы.

Итак, мы выиграли время. Майор не сможет рапортовать в Лигон. Лигон, который завалил его телеграммами, потому что для них этот вопрос престижный, не даст санкции на эвакуацию.

Я строю свой расчет на том, что чиновник остается чиновником, даже если он одет в мундир. Чиновнику нужны письменные основания для действий. Представляю, как сейчас буйствует Тильви, как растерянны его русские советники. Небольшая тактическая вылазка с моей стороны лишила их возможности дать лигонскому чиновнику в руки бумажку с точной датой.

Подумаем, каковы резервы у противника. Чем он может ответить на мой удар? Объявить эвакуацию собственной властью майор не в силах. Он сейчас разрывается на части. Я знаю, что подполковник Кенг, командующий колонной грузовиков, многим мне обязан, и потому он забыл взять запасные бочки с горючим. Я знаю, что капитан Боро, хоть и страшно боится разоблачения, еще с ночи отправил два взвода на своих машинах на рубиновые копи (оправдательную телеграмму мы ему сделали), на которые якобы напал вождь Вао. Этим он обезкровил маленький гарнизон Танги. Пускай же майор останется без людей, без помощи из Лигона. Я не позволю себе насильственных действий — оставим их на крайний случай. Я буду действовать осторожно и разумно, не привлекая к себе внимания...

Я заглянул в палатку. Датчик работал. Нагнувшись, я услышал шорох. До десяти, когда нужно сменить ленты, оставалось чуть больше часа. Мы пришли рано.

Чайник закипел, один из солдат достал банку сгущенного молока и примерился ножом, чтобы вспороть ее.

Ощущение внутренней тревоги не покидало меня. Час, который мне предстояло провести здесь, казался бесконечным. Я представил, как Отар Давидович и Володя сейчас уже склонились над привезенными лентами, высчитывают дату. Сколько дней, часов, минут отделяют нас от трагедии? Ответ таился в лентах, которые медленно перематываются в датчике... Не в силах выдерживать напряжения, я медленно пошел вверх по склону, к отвесным скалам.

— Господин! — крикнул Лаво. — Сейчас будем пить чай.

— Спасибо, — сказал я, — пейте. Я немного пройдуся.

Лаво нехотя поднялся, чтобы следовать за мной, но я отмахнулся. Он с облегчением снова уселся у костра.

Роща была прозрачная, я отошел далеко, но дымок костра и солдаты, сидящие у него, были отлично видны. Я посмотрел на часы. Прошло всего десять минут.

Роща незаметно кончилась, я шел по открытому лугу, отделявшему деревья от скал. Луг был крутой, кое-где по нему были разбросаны каменные глыбы, оторвавшиеся от скал. Я присмотрелся, стараясь увидеть пещеры, о которых говорил сержант Лаво, но ничего не различил. Я решил подойти поближе.

У скал трава лишь кое-где проглядывала сквозь каменные осыпи. К счастью, я вышел на узкую тропинку, протоптанную охотниками или животными, и пошел по ней вдоль скалистого обрыва.

Я шел медленно, чтобы убить время, меня интриговали пещеры, и хотелось увидеть хоть одну из них. Я не боялся диких зверей или разбойников — был день, и местность была открытой. Поэтому, когда я услышал впереди голоса, то не испугался, хотя отступил за обломок скалы. Что мною руководило? Простая осторожность. Я был чужим в этих краях. Я полагал, что увижу охотника или крестьянина, возвращающегося с горного поля.

Но человек, показавшийся из-за камня, рассеял мое мирное настроение. Я сразу узнал его, хотя он сбрил усы, и это повергло меня в страх. Да, я не боюсь этого слова — при виде Па Пуо, бандита, который грозил нам смертью, я испугался. Я поборол внезапно возникшее паническое желание позвать солдат, которые казались мне лучшими, надежными друзьями,

но я понимал, что никакие солдаты не помогут, если Па Пуо меня увидит.

И сразу стекла калейдоскопа моих подозрений встали на свои места. Вот кто он, наш тайный недоброжелатель, вот кто проколол шины у «джипа».

Па Пуо обернулся к тем, кто шли сзади, и прошипел по-лигонски:

— Тише, здесь полно солдат.

КАПИТАН ВАСУНЧОК

— Ну, что будем теперь делать? — спросил майор Тильви, присаживаясь у моей кровати. Рука его беспокоила. Он произвольно поглаживал ее здоровой рукой. Он рассказал мне о новой беде.

Я посоветовал ему отпустить Матура — ничего его задержания не даст. Он к портфелю не прикасался.

— Я его отпустил, — сказал Тильви.

— Что обещают русские? — спросил я.

— Профессор сказал, что его помощник помнит основные цифры.

— Когда они дадут ответ?

— До обеда.

— Но теперь они могут ошибиться.

— На озере остался советник из посольства. Он прочтет записи, которые приборы сделали за сегодняшнее утро, и через час передаст их сюда.

Мы помолчали. Тильви уже несколько раз связывался с Лигоном, но бригадир Шосве вылетел на юг, где еще держались сторонники Джа Ролака, а его молодые помощники были настолько заняты политикой, что землетрясение в далеком горном районе казалось им не стоящим внимания, которое уделял ему бригадир. Чиновники постарше, оставшиеся от старого режима, тем более не были склонны к решениям. Им нужен был точный срок. Но все-таки колеса уже начали поворачиваться.

— Полчаса назад приземлился транспортный самолет с двумя саперными взводами из первой гвардейской дивизии, — сказал майор. Это солдаты получше, чем гарнизон Боро. Я служил в этой дивизии, я знаю.

Я решил. Мне ведь нужен всего один день...

— Значит, у тебя есть люди... Ты не дашь мне на день десять человек?

— Откуда у меня... — И тут же он рассмеялся: — А зачем?

— Ты знаешь, с севера через округ Танги идет опиум. Контрабандисты имеют сильных покровителей, и мы не можем обратиться к людям в горах с просьбой о помощи: некоторые из них сами вовлечены в эту торговлю, большинство боятся рот раскрыть — здесь такой клубок денег, политики и опасных интриг...

— Я понимаю, — сказал Тильви. — И знаю, почему ты, дядя, оказался в госпитале.

— Так вот, — сказал я. — У меня есть сведения, что известный тебе Па Пуо жив, что он служит князю Урао и груз, спрятанный у озера Линили, был причиной гибели твоего самолета...

«Приказ по гарнизону округа Танги. 14 марта. 10.10.

КОМЕНДАНТУ ГОРОДА КАПИТАНУ БОРО.

Приказываю Вам немедленно проследовать в район сосновой рощи в трех милях южнее монастыря Пяти золотых будд, взяв с собой отделение прибывших из Лигона солдат 1-й гвардейской дивизии, а также группу полицейских.

В пещерах за сосновой рощей Вы должны захватить и доставить в Лигон находящийся там груз опиума, задержать лиц, охраняющих груз, и в первую очередь известного бандита Па Пуо. Желательно взять Па Пуо и его сообщников живыми.

Операцию проводить по мере сил скрытно. В случае необходимости можете воспользоваться поддержкой группы, охраняющей приборы геологов на озере Линили.

Транспорт предоставляется полицейским управлением. В составе полицейской группы будет проводник.

Исполнение приказа немедленно по получении.

Комиссар округа Танги Тильви Кумтатон».

«ЗАПИСКА. КНЯЗЮ УРАО КАО.

Пишу в спешке. Только что меня вызвал Тильви Кумтатон. Дает отделение солдат и посылает с полицейскими к пещере за монастырем. Он получил сведения от полицейского капитана, что в пещере груз. Выезжаю немедленно на полицейских машинах. Особый приказ поймать живьем Па Пуо, который, как они думают, скрывается в пещере. Майор сердит за то, что я отправил

солдат на рубиновые копи. К нему только что пришел самолет с двумя взводами из первой дивизии. Вечером будут еще самолеты. В ближайшие дни нам лучше не встречаться».

(Без подписи)

КНЯЗЬ УРАО КАО

Что же, в ответ на мои вылазки враг предпринял меры. Я сидел в библиотеке и держал в руке донесение Боро.

Слуга сказал, что меня хочет видеть отец Фредерик.

Отец Фредерик мог входить ко мне без предупреждения, но не пользовался этим правом, и каждый раз мы разыгрывали небольшую светскую комедию.

— Что привело вас ко мне, мой наставник? — спросил я.

— Вряд ли я имею право считаться твоим наставником, — ответил старый миссионер. — Наставник тот, кто может похвалиться плодами своего труда, — я же не имел возможности уделять внимание твоему образованию, Као. И не таким я хотел тебя видеть.

— Лучше?

— Это субъективный вопрос. Для кого лучше? Наверное, если бы я мог, то создал бы из тебя человека, не годного к реальной роли, которую ты играешь в горах.

— Поясните, отец.

— Понятия добра и зла невероятно разнятся. Ты — смешение двух культур. Твой отец — буддист, он не знал греха и не знал бога, его жизнью руководила карма, накапливавшая сумму деяний для последующего рождения. Твоя мать — христианка, вечно одержимая страхом перед богом, для которой грех очевиден и наказание за него конкретно. Твои подданные буддисты...

— Среди них немало анимистов, — перебил я Фредерика.

— Что бы дало тебе мое воспитание? Груз христианского страха перед богом? Вернее всего — лицемерие.

— Но почему так пессимистично? Я знаю немало случаев...

— Ты забыл о власти и богатстве. Я верю, что ты мог стать неплохим правителем для своего народа, не вторгнись западный мир в твои горы. Но ты не сможешь быть им, потому что ты забыл о буддийском равнодушии к деньгам и власти...

— Много вы знаете буддистов, которые отвечают идеалу?

— Я говорю о психологии вообще. А знаешь ли ты собственный народ? Эти люди для тебя — лишь средство к достиже-

нию земных целей. И нет у тебя бога, страх перед которым удерживал бы тебя.

Я видел, что старик взволнован. Его серые щеки порозовели, мешки под глазами, темные от лихорадки, набухли, и я подумал, как близок он к концу своего существования. Старик пытался совратить наш народ в чужую для него веру, и хотя успехи его были невелики, даже то, что удалось, обернулось в конце концов против него самого. Я в более выгодном положении. Я знаю и понимаю белых людей, я умею повелевать моими соотечественниками. Мне удалось потерять на этом пути иллюзии, которые старик называет моральными достоинствами.

— Я хотел сказать о твоей контрабанде наркотиками.

— Что?

— Если бы это была контрабанда, скажем, золотыми часами, я не стал бы вмешиваться — не потому, что я аморален. Я знаю, насколько трудно изменить обычаи гор. Границы здесь условны, и многие племена поделены между соседними странами. Контрабанда извечна. Но контрабанда наркотиками — особое дело.

— Почему?

— Потому что этим ты несешь смерть тысячам молодых людей в других странах, ты отравляешь их, бросаешь на дно человеческой жизни ради денег, которых у тебя и без того довольноно.

Старик распался и являл собой жалкое зрелище. Я не хотел, чтобы его хватил удар в моей библиотеке.

— Слушайте, — сказал я сдержанно, — во-первых, мне нет дела до подонков, которые травят себя. Во-вторых, если я не буду заниматься этим, найдется другой — вы не можете пресечь торговлю наркотиками... И третье — мне мало денег. Мне нужны деньги для освобождения моего народа от власти лигонцев...

— Ах, чепуха... — сказал старик и этим так разгневал меня, что я встал и вышел из комнаты, чтобы не видеть этого дряхлого моралиста.

И, выйдя, я вспомнил, что побудило меня к этому. Нет, не старик. Я должен был отдать распоряжения.

Когда я вернулся через десять минут в библиотеку, остыв и не сердясь более на выжившего из ума отца Фредерика, старика уже не было. Ну ладно, пусть его христианский бог убережет его от инсульта. Я подобрал со стола донесение Боро. Надеюсь, что отец Фредерик достаточно тактичен, чтобы не читать чужих записок.

Я разорвал записку Боро в клочки и сжег в пепельнице.

Теперь наступила моя очередь вступить в бой. Я приказал подать машину. Надеюсь, Боро еще не выехал к озеру. Иначе он не стоит тех денег, которые я в него вложил.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

Я не потерял способности рассуждать трезво и спокойно. Если я побегу за солдатами, бандиты скроются в скалах. Значит, я должен проследить, куда они идут. Я перебегал от камня к камню, не показываясь на открытом месте, так как понимал, что бандиты здесь дома, а я новичок, городской житель.

Тропинка вышла на открытую осыпь, и бандиты направились вверх, к расщелине в скалах, пересекая осыпь по диагонали.

Я подождал, пока они скрылись, и избрал иной и более трудный путь. Я поднялся вверх, между крупных обломков скал, и затем проследовал к расщелине, прижимаясь к обрыву. В некоторых местах мое продвижение было сильно затруднено, и я даже разорвал брюки и сильно оцарапал себе руку. Однако через несколько минут я дошел до расщелины и присел на корточках, прежде чем заглянуть за поворот, так как полагал, что часовой, если таковой там есть, смотрит выше и меньше шансов, что он заметит мою голову, выглянувшую у самой земли.

Я похвалил себя за осторожность, которая оказалась совсем не лишней. Совсем близко, метрах в трех от меня, в расщелине стоял часовой с автоматом на груди. Он курил завернутую в кукурузные листья сигару и смотрел на озеро.

Я отпрянул назад. Просто чудо, что он не услышал моего шумного приближения. Я постарался отойти, но из-под моих ног посыпались камешки, и я замер, с ужасом чувствуя, как осыпь под моими ногами предательски движется, стягивая меня вниз...

ЗАПИСКА КАПИТАНУ ВАСУНЧОКУ

• Дорогой друг,

должен сообщить тебе грустные новости, которые еще раз заставляют меня усомниться в людской доброте. Только что мне попала на глаза записка Боро, получившего приказание майора Тильви отправиться с солдатами в горы, к пещере. Боро успел предупредить князя.

Боюсь, мой дорогой друг, что пандиту Махакаспе может грозить опасность. Не хотел бы тебя беспокоить, зная твое состояние, но положение серьезно».

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ СРОЧНО ИЗ БАНГОНИ 11.35.

КОЛОННА ГРУЗОВИКОВ ЗАДЕРЖАНА В БАНГОНИ НЕХВАТКОЙ БЕНЗИНА ОЖИДАЕМ БЕНЗОВОЗ ВЫЗВАННЫЙ С АВИАЦИОННОЙ БАЗЫ ПРИБЫТИЕ ТРАНСПОРТА ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ ПРИНИМАЕМ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ КОМАНДИР КОЛОННЫ ПОДПОЛКОВНИК ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КЕНГ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТАНГИ ПРОФЕССОРУ КОТРИКАДЗЕ ИЗ МОСКВЫ 9.20 14 МАРТА

ЗАРЕГИСТРИРОВАНА КРИТИЧЕСКАЯ ТОЧКА В РАЙОНЕ ТАНГИ СОБЫТИЯ БЛИЖАЙШИЕ 48 ЧАСОВ НАДЕЕМСЯ ВЫ В КУРСЕ СИДОРОВ.

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

У Володи был такой убитый вид, что у меня не хватало духа корить его за беспечность. Ах, Матур, ах, лукавец! Уж очень быстро ты забыл о своих переломанных ногах...

Положение осложнилось тем, что я сомневался в памяти Володи. И вот почему: он утверждал, что резерва времени у нас почти не осталось, всего день, может чуть больше.

— Когда будет звонить Вспольный? — спросил я.

— В час. Он сначала снимет ленты с датчика в роще, потом вернется, проделает то же на острове и позвонит нам.

Я решил дозвониться до острова. А вдруг Вспольный вернулся раньше? Мне помогал связист, а потом и подошедший Тильви, которому не сиделось у себя не только из-за наших дел, но и от желания отделаться от нескончаемого потока телеграмм и распоряжений из столицы.

В конце концов остров отозвался.

— Вызывайте Вспольного, — сказал я Тильви.

Тильви заговорил. Мне нравится лигонский язык: он певуч, и когда двое разговаривают, кажется, что они ведут речитативом сложный оперный дуэт.

Тильви обернулся ко мне, прикрывая трубку ладонью:

— Господин Вспольный уехал утром в горы и не вернулся.

— Я так и думал, — успокоил я Тильви. — Он должен проверить приборы в сосновой роще, за монастырем.

Тильви был встревожен. Он нахмурился.

— Только не вешайте трубку, майор, — сказал я. И спросил у Володи: — Телефон далеко стоит от датчика?

— В двух шагах. Под тем же навесом.

— Отлично. Вы с кем разговариваете, майор?

— Со связистом.

— Спросите его, видит ли он серый блестящий ящик, похожий на передатчик.

— Да, видит.

— На той стороне его, где три окошка со стрелками, внизу ряд переключателей. Пускай он повернет вправо крайний левый переключатель. Раздастся щелчок.

Тильви перевел мои указания. Через минуту сказал:

— Он так сделал.

— Теперь, отведя вниз кнопку, он может открыть сбоку крышку. Внутри он увидит кассету. Как у кассетного магнитофона. Вы сможете объяснить ему, что такое кассета от магнитофона?

Снова пришлось ждать. Пока мы ждали, я растолковал Тильви, как отмотать ленту.

— Мне нужно только одно,— сказал я,— чтобы ваш связист внимательно следил, разматывая ленту, за тем, как увидит нарисованные на ней черные зигзаги. Как только он увидит, что острие пика достало до тонкой красной линии, идущей вдоль ленты, или пересекло ее, он должен сообщить нам, какая цифра соответствует этой точке. Цифры идут по нижнему обрезу ленты и сверху, над красной линией. Нижние цифры черные, верхние — синие.

Тильви долго объяснял связисту; это было похоже на детскую игру в испорченный телефон. Но все-таки минут через пятнадцать мы начали получать сведения с озера.

Пиков за пределами критических было куда больше, чем я ожидал, и больше, чем мы имели в Танги,— информация шла из эпицентра. Связь еще раза два прерывалась, и, когда, наконец, мы кончили запись, я понял, что прошло больше часа.

— Спросите их,— попросил я Тильви,— Вспольный еще не возвращался?

— Я уже спросил,— сказал Тильви.

— Передайте, чтобы, как вернется, сразу нам звонил.

— Я уже сказал.

— Подождите. Нам надо просчитать.

Майор сел на стул в углу и задумался, глядя прямо перед собой. Ему пришлось ждать еще минут двадцать.

— Ну вот, майор,— сказал я наконец.— Должен вас огорчить. Землетрясение начнется завтра, примерно в шестнадцать часов по местному времени.

Если я ожидал бурной реакции, я ошибся. Тильви буднично спросил:

— А раньше может быть?

— Нет, это самый ранний срок. Девяносто пять процентов за то, что землетрясение будет после шестнадцати часов.

— Пускай так,— сказал майор.— Лучше, если будет еще

светло.— Он встал.— Я пошел. У меня чуть больше суток.

Когда майор ушел, Володя сказал:

— Я поеду обратно, ладно? Куда-то Вспольный делся.

— Перекуси сначала. На столе кофе и сэндвичи.

ЛИГОН ВРК БРИГАДИРУ ШОСВЕ ПОЛКОВНИКУ ВАНУ ИЗ ТАНГИ
12.20

ТОЧНЫЙ СРОК СОБЫТИЯ ШЕСТНАДЦАТЬ ЧАСОВ 15 МАРТА
ПОДТВЕРДИТЕ РАЗРЕШЕНИЕ СРОЧНОЙ ЭВАКУАЦИИ УСКОРЬТЕ
ПРИБЫТИЕ КОЛОННЫ ГРУЗОВИКОВ ГДЕ ТРАНСПОРТ С САПЕРАМИ
ЖДУ МЕДИКОВ СООБЩИТЕ МЕРЫ ПОМОЩИ КОМИССАР ВРК
ТИЛЬВИ КУМТАТОН.

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ ИЗ ЛИГОНА 12.45

ПОДТВЕРЖДАЕМ ПОЛУЧЕНИЕ РАДИОГРАММЫ ОТДАЛ ПРИКАЗ
ПЕРЕБРОСКЕ ГОРЮЧЕГО КОЛОННЕ ГРУЗОВИКОВ ВЕРТОЛЕТАМИ
С АВИАЦИОННОЙ БАЗЫ ПОДПОЛКОВНИК КЕНГ ОТОЗВАН ЛИГОН
ТРАНСПОРТНЫЙ САМОЛЕТ САПЕРАМИ И МЕДИКАМИ ВЫЛЕТАЕТ
ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСА ГОТОВА ЛИ ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА ОБЕСПЕЧЬТЕ
ПРИЕМ И РАЗМЕЩЕНИЕ ПРЕДЛАГАЕМ НАЧАТЬ НЕМЕДЛЕННО
ЭВАКУАЦИЮ ГОСПИТАЛЯ ШКОЛ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ОБЕСПЕЧЬТЕ ПОДДЕРЖКУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И
СОВЕТА ГОРНЫХ ФЕОДАЛОВ

БРИГАДИР ШОСВЕ.

ЗАПИСКА МАЙОРУ ТИЛЬВИ.

Подозрения подтвердились. Капитан Боро на жалованье у
князя Урао. Прими меры.

Васунчок.

КНЯЗЬ УРАО КАО

— Вы не будете возражать, уважаемый господин капитан,— сказал я, входя в палату,— если я отниму у вас пять минут драгоценного времени? Я счел своим долгом навестить вас.

— Что же,— сказал Васунчок,— я ждал, что вы придете, князь.— Одну секунду... Капрал, эту записку с нарочным майору.

Он протянул полицейскому конверт. Дорого бы я дал, чтобы узнать, о чем доносит Васунчок своему новому хозяину.

— Как ваше здоровье? — осведомился я.— Когда мы можем надеяться увидеть вас снова здоровым?

— Боюсь, что я уже не вернусь на свой пост,— ответил мне старый шакал.— Пора на покой, уйду в монастырь и там закончу свои дни. Надо взяться за мое дело кому-то помоложе.

— Ну что вы, капитан,— возразил я.— Кто может быть энергичнее вас? Именно ваша непреклонность вызывает восхищение и желание видеть вас на этом ответственном посту еще многие годы.

Голова капитана была забинтована так, что он казался старушкой, укутанной в платок. Кожа лица была желтой, болезненной, но глаза блестели и не отрывались от моего лица. Его даже пули не берут. Я взглянул на часы. Капитан Боро уже в пути. Мои резервы на исходе, а враги в любой момент могут получить подкрепление из Лигона. Поэтому я начинаю штурм из линии обороны. Один их опорных пунктов — этот немощный старик.

— Какое же дело заставило столь занятого человека снизойти до больного старика? — спросил капитан.

Я оглянулся. Полицейский стоял в дверях. Капитан ценил свою скромную персону, не смел остаться без охраны.

— Скажите полицейскому отойти в коридор,— сказал я.

— Закрой дверь,— сказал капитан.— Стой в коридоре.

— Господин капитан, я пришел к вам с просьбой.

— С просьбой?

— Как вы знаете, мое сердце давно раскрыто в сторону вашей прекрасной дочери. Более того, Лами привлекла к себе симпатии моей матери, что сделать нелегко. Я со своей стороны, как вам известно, веду себя по отношению к Лами как джентльмен. Мне хотелось бы, чтобы ее сердце открылось навстречу моему по доброй воле...

Он не отвечал. Я продолжал.

— Господин капитан, я рассматриваю вас как моего отца. И не обращаю внимание на ваше нерасположение ко мне, потому что оно мотивируется чувством служебного долга. Доказательством тому может быть то, что я через своих людей с громадным трудом достал и передал с Лами лекарство для вас...

Капитан поморщился. Не сдержал злости, старый шакал.

— Я так и думал,— сказал он тихо,— она обманула меня.

— Не сердитесь. Я лично просил Лами не открывать правду. Что за радость добиваться вашего расположения подарками? Мы мужчины и понимаем, что лишь наши достоинства могут нас сблизить.

Я уже потерял десять минут. Машины Боро едут к роще.

— Я прошу вашего согласия на то, чтобы Лами стала моей женой.

Ну сколько можно молчать! Ни один полицейский капитан

в Лигоне не мог мечтать о такой чести. Я мог сделать предложение в Лондоне любой баронессе, я мог, наконец, жениться на правнучке последнего короля Лигона — но я делаю предложение дочери капитана. И как бы мила она ни была, какая честь стать матерью моих детей!.. Во мне бушевал восточный князь. Западный же джентльмен понимал, что среди сотен невест, которых подсовывали мне соседние вельможи или родственники, не было ни одной, которая могла бы составить мне пару не только в этих диких горах, но и в любом европейском городе, которая была бы не традиционной душой, плодящей детей, а дамой, достойной встать рядом со мной на самой высокой платформе, под лучами юпитеров, в окружении микрофонов. Выбор жены в наши дни — это не вопрос престолонаследия. Старые феодальные традиции — фикция, которую можно ликвидировать одним росчерком пера чиновника в Лигоне. Женильба — это союз, который должен хорошо смотреться на экранах телевизоров.

— Почему вы пришли за этим сейчас, в спешке, на ходу, запыхавшись, когда в любой момент может начаться землетрясение?

— Именно поэтому, отец, — сказал я. — Мы переживаем дни, которые могут прервать нить нашей жизни. И я хочу успеть...

— Неубедительно, князь, — сказал капитан.

— Могу ли я считать, что мои слова приняты благосклонно и я впредь могу именовать вас отцом?

— Подождите, князь. — Старый шакал не верил в мою искренность. И был прав. — Мы еще не спросили Лами.

— Я надеюсь увидеть ее сегодня. На озере. Вам не скрыть красавицу от воина, едущего на боевом слоне... — Я весело засмеялся.

— Хорошо князь. Я вас не задерживаю. Вы хотели еще что-то сказать?

— Да, отец. Только два слова. Комендант Танги Боро вместе с вашими полицейскими уехал в сосновую рощу. Кто-то донес полиции.

— Продолжайте, князь, — сказал полицейский. — Что уж таится между родственниками? Боро вам сам доложил. Сколько он получил от вас в последний раз?

— Хорошо же, — сказал я, стараясь, чтобы угроза в моем голосе не была слишком очевидной. — Меня тоже устраивает откровенный разговор. — Капитан Боро не может отыскать пещеру с грузом. Но остаются ваши полицейские. Капитан Боро — трус. При них он не сможет действовать решительно. Я же не могу рисковать грузом. В нем — будущее нашего с вами народа.

— Там опиум, который вы получили десятого марта. Там же лежит груз, из-за которого я получил три пули от ваших людей.

— Нет, отец,— сказал я.— Вас обманули. Там лежит оружие. Вернее всего, оно не понадобится. Но если груз будет обнаружен, это будет великолепный повод для военной хунты обрушиться с репрессиями на горцев и лишить нас остатков самостоятельности.

— Нас — это князей?

— Нас — это народ гор. И потому я униженно прошу вас, отец, во имя наших родственных отношений, во имя справедливости послать записку — три слова вашим полицейским, отзывая их назад. Полицейские очень нужны в городе, потому что приближается землетрясение и надо следить за порядком. Я сам передам им записку.

— Нет,— сказал капитан.

— Хорошо,— сказал я, поднимаясь, потому что князь Урао Као не может просить об одном дважды.— Я уезжаю. Надеюсь, что вы порядочный человек, сохраните наш разговор в тайне.

Старик не ответил.

— Надеюсь также,— продолжал я,— что вы пошлете мне требуемую записку с нарочным. У вас есть дежурный мотоциклист?

— Нет.

— На этот раз я не прошу. Я просто выражаю надежду. Я надеюсь, что ради счастья и безопасности вашей дочери вы сделаете это. А также ради старого Махакассапы, которому не стоило на старости лет становиться полицейским осведомителем. И чтобы не оставалось сомнений, я заявляю, что отныне беру на себя безопасность Лами. Сведения о ее местонахождении я сообщу вам в обмен на записку.

И тут нервы капитана не выдержали.

— Стойте! — крикнул он.— Сержант! Задержи его!

Я быстро направился к двери. Сержант растерянно замер на пороге. Я отшвырнул его. Серебряная серьга в правом ухе сержанта указывала, что он из племени Лоз, которое уже триста лет вассал моего княжества. Сержант не смел задержать меня. У выхода я обернулся. И моим глазам предстало неприятное зрелище.

Я увидел, как капитан, похожий на привидение, обмотанный бинтами, в простыне, волочащийся за ним по полу, цепляясь за косяк двери, пытается выйти в коридор. Он тянет ко мне желтую руку, и пальцы дергаются в воздухе, как у мартышки, которая хочет схватить банан. Он хрипел, и струйка крови прочертила подбородок. Сержант бросился к нему, что-

бы поддержать. «Надеюсь, теперь капитан одумается»,— подумал я, подбегая к машине. Мои телохранители на заднем сиденье разинули рты. Они никогда не видели, чтобы их повелитель так спешил.

Пока что я двигался на шаг впереди моих оппонентов. Но это преимущество уменьшалось с каждой минутой.

МАЙОР ТИЛЬВИ КУМТАТОН

В комендатуре я сразу пошел к связистам. Минут двенадцать я читал радиogramмы, полученные в мое отсутствие, и составлял ответы. Когда я вышел оттуда и поспешил к себе в кабинет, меня догнал полицейский, который сказал, что у него ко мне записка от Васунчока. Я взял конверт, и тут же меня отвлек связист. Я сунул конверт в карман и принялся за радиogramму. А потом, к стыду своему, забыл о конверте. О, если бы я прочел записку сразу!

В кабинете меня ждал бургомистр Джа Локри. Он сидел за моим столом, черкая что-то на бумаге. Я с неприязнью смотрел на его высушенную клерковскую фигурку, на большие очки. Я подозревал, что кто-то из близких мне людей информировал противников о наших планах. Скорее всего, бургомистр. Я не имел оснований ему доверять.

— Что у вас? — спросил я с порога.

Рука ныла, я опасался, что началось воспаление. Было такое ощущение, словно кто-то методично загонял в нее острые иглы.

— Я принес план эвакуации,— сказал бургомистр смиренно. Мой воинственный вид его смутил.— Как мы договаривались.

— Вы никому не рассказывали?

— Даже жене, клянусь вам.

Я подошел к столу, и бургомистр быстро поднялся, чтобы уступить мне место. Слишком быстро. Это еще более разозлило меня. Я заранее был готов к тому, что его план — полная чепуха.*

— Вот список того, что надо эвакуировать в первую очередь,— сказал он, протягивая лист, написанный ровным писарским почерком.

Пока я пробежал взглядом список, он спросил:

— Срок еще неизвестен?

— К сожалению, известен,— сказал я, подчеркивая красным карандашом некоторые строчки... Карандаш царапал бумагу, и я испытывал странное удовлетворение от того, что разрушаю произведение каллиграфического искусства, над кото-

рым бургомистр корпел всю ночь.— Срок в четыре часа пополуночи. Завтра.

— Ох,— сказал бургомистр.— Я так надеялся...

И вдруг вся моя злость испарилась. Передо мной стоял худой пожилой человек, о котором я знаю лишь, что Лигон утвердил его на пост гражданского губернатора, значит, в комитете знали о нем что-то, выделявшее его из числа чиновников старого правительства. Человек этот был подавлен смертельным диагнозом, в который он до последней минуты старался не верить. Это был его город, в нем жили его друзья и родственники, здесь ему был знаком каждый дом. Для него смерть города была подобна смерти близкого человека...

— Садитесь, господин губернатор,— сказал я ему.— К сожалению, мы не можем ничего изменить.

— Да-да, конечно,— сказал бургомистр, послушно садясь напротив меня.— Но всего один день... Я не предполагал...

— Погодите,— сказал я, отпирая ящик стола и доставая карту, принесенную мне профессором Котрикадзе.

Карта была разрисована концентрическими кругами, подобно изображению возвышенности на военной схеме. Вершина этого холма — самый маленький круг — у западного берега озера Линили. Он захватывал островок на озере, деревню и монастырь Пяти золотых будд. Это центр землетрясения, где толчки будут самыми сильными. Второй круг проходил через городок на северном берегу озера и длинным неровным овалом охватывал все озеро, прибрежные деревни и часть хребта на западном берегу. Город Танги и западная оконечность плато попадали внутрь третьего эллипса, на котором было написано: «8—9 баллов».

— Мы должны,— сказал я,— решить, куда мы будем эвакуировать людей и имущество.

— Я полагаю, вниз, к железной дороге.

— До железной дороги почти сто миль. Кроме сложного спуска с плато к озеру, на пути еще два перевала. Боюсь, что мы ничего не успеем сделать. Посмотрим в другую сторону.

Я провел карандашом линию по дороге, которая вела из Танги по плато, на восток, к рубиновым копиям. Когда карандаш вышел за пределы последнего круга, я поставил точку.

— Нет,— сказал Джа Локри.— Все равно придется ехать почти сто километров по плохой дороге.

— Что же вы предлагаете?

— Вот здесь,— сказал он,— показывая на точку примерно на половине линии, проведенной мной,— стоит большая деревня Моши. Она расположена в высокогорной долине. Я знаю эти места. По вашей карте землетрясение здесь будет силой 3—4 балла. Это опасно?

— Я спрошу профессора.

— И дорога до Моши приличная, без перевалов и ущелий.

— Часть палаток уже прибыла,— сказал я.— Штук сто. Они восьмиместные, солдатские. Сегодня же надо будет отправить в Моши взвод саперов, которые будут устанавливать палатки.

— Это капля в море,— сказал бургомистр.

— Сколько жителей в Танги?

— По моим расчетам, около десяти тысяч. Не считая, конечно, деревень по берегам озера и вдоль дороги. Наверное, наши заботы, господин майор, должны распространиться на двадцать тысяч человек.

— Двадцать тысяч! — только тогда до меня дошла необъятность этой цифры. Одних палаток нужно больше двух тысяч! А если вспомнить, что этих людей надо везти, кормить, обогревать, потому что в горах ночью холодно...— Ну что стоило русским сообщить мне об этом хотя два дня назад!

Бургомистр промолчал. Он знал, что лишь три дня назад мы с русскими чудом выбрались из долины Лонги.

ЛАМИ ВАСУНЧОК

Я верю в предчувствие. И сколько бы я ни училась в университете и ни читала книг, я все равно останусь в глубине души горянкой, верящей в злых духов, которые живут на деревьях, и в вестников судьбы, приходящих к людям во сне и наяву.

В то утро я проснулась сама не своя. Всю ночь мне снились кошмары. Когда я проснулась, то решила, что плохо с Володей. Мой отец в госпитале, там вокруг люди, отцу ничего не грозит. Дедушка Махакассапа сказал, что местные крестьяне видели человека, похожего на Па Пуо, и поэтому я боялась за Володю, который ездит по горам совсем один.

Я взяла книжку из библиотеки дедушки. Это была книжка джатак, многие из них помнила с детства. Мимо ворот прошли русский в очках и солдат. Они шли в рощу, чтобы посмотреть на приборы.

Я знала, что здесь будет землетрясение, но меня это не пугало. Мне даже хотелось, чтобы землетрясение обязательно было, а то люди подумают, что Володя и высокий профессор их обманывают.

Потом я снова ходила в сад и ждала, когда вернется Володя, но Володя все не возвращался. Наконец я услышала, что идет машина.

Но это был не Володя. Это была большая машина Као.

Као сам правил еѹ. Шофер сидел сзади, вместе с телохранителями из племени Урао, которым Као велел одеваться в древнюю боевую одежду воинов. Као всегда опасается, что другие феодалы будут над ним смеяться, потому что он учился в Англии, играет в гольф и одевается, как иностранец. Као всегда беспокоится, что скажут о нем люди, и из-за этого иногда совершает поступки, над которыми люди смеются. Мне иногда кажется, что есть два Као: один — добрый, который играет со мной в теннис и говорит о книгах, а другой — чужой и холодный, погруженный в политику и какие-то темные дела, за что его не любит мой отец.

Као остановил машину у ворот и, не снимая ботинок, побежал внутрь. Видно, что-то случилось. Као всегда гордился тем, что никогда не теряет присутствия духа. Он говорил мне, что из него вышел бы генерал, и даже спрашивал меня, хотела бы я стать женой генерала.

— Пошли,— сказал дедушка Махакассапа.

Я подошла к воротам как раз в тот момент, когда Као, не найдя меня, снова выбежал на дорогу.

— Лами, дорогая, как хорошо, что я тебя нашел! — воскликнул он.— Я мчался к тебе от самого Танги.

— Что случилось? — спросила я, чувствуя, как сжимается сердце.

— Твоему отцу стало хуже,— сказал Као взволнованно.— Отец просил меня быстро привезти тебя. Скорей же, садись в машину!

— Ох, Као,— воскликнула я,— подожди, я только переоденусь!

— Неужели ты будешь терять время из-за таких пустяков?— укорил меня князь.— Я мчался...

Я без слов направилась к машине.

— Сядешь впереди, рядом со мной,— сказал Као.

— Постойте, молодой человек,— услышала я голос дедушки Махакассапы, который был недоволен тем, что князь не проявил к нему почтения и даже не поздоровался.— Вы привезли какую-нибудь записку от господина Васунчока? Я обещал ему...

— Заткнись, грязный доносчик! — крикнул вдруг Као так громко, что, наверное, было слышно в деревне.

Старик даже пошатнулся. Я никогда не думала, что кто-нибудь может оскорбить пандита. Монахи, стоявшие поодаль, ахнули.

Као уже был в машине и включил зажигание.

— Как ты мог, Као...— сказала я.

— Молчи,— ответил он,— я знал, что говорил. Этот монах — грязный полицейский доносчик.

И я замолчала. Као был так взволнован, что я боялась, он может натворить что-нибудь страшное.

Дедушка сделал шаг, чтобы встать на пути машины, но Као рванул руль в сторону, я ударилась головой, машина наклонилась, подпрыгнула и рванулась вперед. Машина проехала, наверное, полмили по лесной дороге, прежде чем я сообразила, что мы едем не в ту сторону.

— Као,— сказала я тихо,— ты же хотел отвезти меня в Танги.

— Конечно,— ответил князь.— Но сначала я должен захватить в сосновую рощу и встретить там человека.

И в ту же секунду небо наказало Као. Вдруг машину занесло, что-то застучало, князь стал тормозить, и машина остановилась.

— Шина!— крикнул князь, распахивая дверцу.

Из задней дверцы уже вылезал шофер. Князь был так возбужден, что, несмотря на мою тревогу, я заметила, как он похож на журавля, который гонится за змеей и не может схватить ее клювом.

Шофер открыл багажник. Я спросила князя:

— Что с отцом?

— Его арестовал майор,— сказал князь, не глядя на меня.— Прямо в больнице. И отцу плохо с сердцем.

— Тильви?

— Да. Он объявил твоего отца реакционером и грозит его расстрелять.

— Но Тильви...

— Может, это новая выдумка князя?

— Тильви с русскими готовит в Танги землетрясение,— сказал Као, глядя, как шофер крутит ручку домкрата.— Васунчок хотел им помешать. Он отдал приказ полицейским остановить русских.

Као опять лжет. Я вспомнила, что в прошлом году он придумал, что правительство будет выселять горцев в долину, а наш край продаст Индии.

— Као,— сказала я,— раз ты задержался, я вернусь в монастырь и переоденусь. А ты на обратном пути меня захватишь.

— Ты что думаешь!— взвился он.— Я буду тормозить перед логовом этого мерзавца?..

— Даже твоим людям плохо слушать богохульство, которое ты извергаешь,— сказала я.— И мне страшно за тебя.

Наш спор оборвался, потому что снизу загудела машина. Я испугалась, что это Володя. Он один, а князь со своими людьми.

— Сейчас же в машину!— сказал Као, открывая дверцу. Я не посмела послушаться. На этот раз меня втокнули на

заднее сиденье, и один из телохранителей сел рядом. Телохранитель был молодой парень, на его щеках были наведены белой краской боевые узоры, перья на голове упирались в потолок машины, и у него был идиотский вид, словно он ехал на съемки фильма про американских индейцев. Но в руке у него был самый настоящий автомат.

Я осторожно обернулась. Через заднее стекло я увидела, что нас догнали два голубых полицейских «джипа». В передней машине рядом с водителем сидел капитан Боро.

Князь вышел на дорогу и поднял руку. Он сказал что-то капитану, тот засмеялся, и солдаты, выскочившие из второго «джипа», тоже засмеялись. Князь с капитаном давно знакомы. Капитан Боро иногда приходит на корт князя. Но он плохо играет в теннис, даже я с ним играю с гандикапом. Потом князь обнял Боро за плечо и склонился к нему, потому что был на две головы выше. Они пошли в нашу сторону, подалее от солдат, и остановились в шагах десяти от машины, на краю леса.

Князь, видно, забыл, что окно в машине опущено и мне все слышно.

— Мы не спешили,— говорил капитан Боро.— Я даже приказал свернуть с дороги и вымыть машины в озере. Но я не мог совсем не ехать. Полицейские донесут...

— Выполняй свой приказ. Но дай мне еще полчаса,— сказал Као.

— Как?

— Не мне тебя учить. Поезжай в рошу, объяви привал, допроси солдат, не видели ли они чего-нибудь подозрительного.

— Ясно, князь, но ведь я не один.

— Я рискую большим. Ты останавливался? А что это такое? — Князь словно увидел привидение.

Я оглянулась и увидела, что с солдатами стоит староста.

— У меня были инструкции,— сказал капитан,— взять этого человека в деревне. Махакассапа велел ему показать нам пещеру.

— Этого еще не хватало!

— Я ничего не могу сделать,— сказал Боро.— Я же между двух огней.

— Мой жжет сильнее,— сказал князь.— Старосту не слушайся. Скажи, что ты должен поговорить с солдатами в сосновой роше. Иди.

Князь подошел к машине.

— Готово?— спросил он шофера.— Пошевеливайся.

— Одну минуту,— раздался голос шофера откуда-то снизу

— Отдыхайте!— крикнул Боро солдатам.— Привал десять минут.

Не замечая меня, Као сел за руль. Шофер гремел багажником, укладывая туда колесо. Князь крикнул:

— Брось колесо на дороге! Потом заберем!

Као рванул машину вперед, и она помчалась к роще, оставив позади полицейские «джипы».

Не доезжая до сосновой рощи, Као свернул на широкую тропу, и, ударяясь о корни, наша машина продиралась вверх. Мне казалось, что она разобьется или застрянет, но Као, закусив нижнюю губу, упрямо вел машину в гору «Только бы Володя не приехал»,— мысленно повторяла я...

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

На веранде послышались голоса, шум, женский плач, и мне пришлось оторваться от компьютера. Там стояла медсестра с узлом в руке, вся в слезах.

— Что случилось?— спросил я.

Неожиданное появление человека, связанного с миром болезней, ран и смертей, всегда вызывает тревогу. Сестра с помощью солдата объяснила мне, что в госпитале умер хозяин этого дома, капитан полиции. Медсестра принесла домой его пожитки, а взамен ей надо было взять какие-то вещи из его комнаты, чтобы одеть мертвого. Они с солдатом поднялись наверх. Я слышал шаги над собой. Потом вдруг понял, что этот капитан— отец Лами, в которую влюблен мой Володя. Я вспомнил, что Лами везла ему лекарство из Лигона, как трогательно старалась спасти в самолете сумку с лекарством... И я минут пять сидел ничего не делая, прислушиваясь к шагам и голосам наверху...

Потом я заставил себя вернуться к вычислениям. И тут же появился майор Тильви, который хотел, чтобы я подтвердил выбор деревни Моши для эвакуации и, может, съездил бы туда сам. Поездка, сказал Тильви, займет часа два. И может, я на всякий случай поставлю там свой датчик? Он показал мне это место на карте— деревня находилась вне четырехбалльной изосеймы. Я быстро собрался и сказал майору:

— Оставьте здесь кого-нибудь, знающего английский язык, на случай, если позвонит Володя.

— Хорошо,— сказал майор.

В этот момент сверху спустилась медсестра. Тильви спросил ее, что она здесь делает. Сестра заплакала и объяснила, в чем дело. И тут я понял, как молод наш майор и как он устал. Он сделал шаг назад, нащупывая спинку стула, и опустился на него...

Через час с небольшим я был в деревне Моши, широко

раскинувшейся в пологой горной котловине. Место было удачное. Даже если толчки здесь превысят расчетные, людям ничто не угрожает.

На большой поляне солдаты окапывали четырехугольники и ставили большие армейские палатки. Голые мальчишки кружились стаяй, в восторге от такого развлечения, а поодаль стояли в ряд женщины в коротких черных накидках и с множеством бус.

Я установил датчик на зеленом склоне, за деревней.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛНЫЙ

Почувствовав, что камни предательски поползли из-под ног, я несколько секунд старался сохранить равновесие, буквально царапая ногами скалу, но не удержался и на животе поехал вниз. Я ничего не слышал и не видел, мне казалось, что мое падение привлекло внимание не только часового, но и каждой мухи в радиусе десяти километров.

Мое скольжение вниз прервалось столь неожиданно, что я не сразу понял, что остановился. Оказывается, я пролетел по крутой осыпи метров двадцать и задержался за скалу, которая поднималась над ней. Эта скала имела глубокую выемку с той стороны, где я находился. Так что я был прикрыт скалой от часового, который услышал шум моего падения, но, выглянув из своего укрытия, меня не увидел.

Это везение имело и отрицательную сторону. Я был в ловушке. Ниже меня метров на сто тянулась голая осыпь, без единого крупного камня. Подняться на двадцать метров вверх к обрыву или отползти в сторону я не мог.

Помимо этих соображений, было еще одно, личного порядка, которое также препятствовало моему уходу из этого укрытия. При падении с откоса я сорвал камнями всю переднюю сторону моей одежды, включая трусы. То есть я спереди был совершенно обнажен. Сознание этой беды повергло меня в глубокое расстройство.

Не думая пока об отступлении, я присел за скалой и, превозмогая резкую боль в исцарапанном теле, постарался из остатков брюк соорудить себе набедренную повязку. Тут я понял, что разбил очки. В погнутой оправе осталась лишь половинка одного из стекол.

Покрутив остатки очков в руках, я умудрился сделать из стекла и дужки нечто вроде монокля, который приходилось держать в руке.

В таком положении я скрывался за скалой, беспокойно размышляя, как мне вернуться в рощу. Ведь подошло время

менять ленты в датчиках, а сделать этого я не мог. Оставалась лишь надежда, что солдаты отправятся меня искать.

Вокруг стояла тишина. Солнце палило сверху, и маленький кусочек тени у скалы постепенно передвигался вверх. Я не имел возможности последовать за ним, так как меня увидел бы часовой. Я понял, что непременно обожгусь, так как моя белая кожа плохо поддается загару. Надо мной крутились надоедливые мухи, почуявшие запах крови, сочившейся у меня из царапин на животе и ссадин на коленях. Никто не шел мне на выручку. Я уже подумал о том, чтобы сломя голову побежать вниз, но отказался от этой мысли во избежание дипломатического скандала.

Внезапно мое внимание было привлечено отдаленным натужным ревом автомобильного мотора. Я понял, что со стороны монастыря приближается машина, что было странно, так как дорога проходила значительно ниже. Может, это ищут меня? Однако вскоре шум мотора оборвался, и снова наступила тишина, если не считать назойливого жужжания мух. В вышине надо мной кружили орлы, которые, очевидно, рассчитывали, что я скоро умру и стану их добычей. Это вконец меня расстроило. По причине своего легкомыслия я оказался не в состоянии выполнить задание, тогда как ученые возлагали на меня большие надежды.

Еще через несколько минут я услышал голоса — кто-то шел по тропе к расщелине. Надеюсь, что это мои союзники, я со всей осторожностью лег на камни и пополз вниз, чтобы заглянуть за скалу.

По тропе поднимался князь Урао Као, тот высокий джентльмен в гольфах, который пришел к нам на выручку после катастрофы. На этот раз он был облачен в обычный костюм. За ним следовала девушка Лами, наша спутница по самолету. Шествие замыкали горцы. В первый момент я ощутил радость, но тут же меня пронзила мысль: зачем эти люди идут именно к расщелине? Там же бандиты! Я открыл было рот, чтобы предупредить их, но остановился, ибо склонность к логическому мышлению подсказала мне, что их выбор именно этой тропинки не случаен. И в этом моем подозрении меня укрепило то, что девушка шла к расщелине не по своей воле. Не надо быть опытным психологом, чтобы убедиться в этом. Один из телохранителей шел на шаг позади девушки, и его автомат упирался ей в спину.

Господи, подумал я, как я расскажу об этом Володе? Он же такой импульсивный!

Процессия скрылась за скалой, и мне пришлось переползать так, чтобы оказаться по другую ее сторону. Когда я осторожно высунул голову в открытое пространство между ска-

лой и обрывом и приложил к глазу запылившийся монокль, я понял, что был совершенно прав в своих подозрениях. Горный аристократ князь Урао был союзником бандита Па Пуо. И сразу все стало на свои места: и желание князя самому конвоировать Па Пуо в город, и бегство Па Пуо по дороге. Вот он, союз бандита и феодала, подумал я, вот он — путь, по которому идет местная реакция!

Из расщелины, навстречу князю, вышел Па Пуо и поклонился феодалу. Тот остановился, показав знаком своим телохранителям, чтобы они провели Лами в расщелину. Мне видно было, как девушка бросила последний взгляд вниз, словно надеялась на спасение. Князь и бандит еще некоторое время стояли, совещаясь.

Мне следовало немедленно организовать освобождение Лами. На первое место мы обязаны ставить проблемы гуманности.

Однако мне не сразу удалось оставить свое укрытие. Часовой снова вышел на площадку у расщелины и стоял там, поглядывая в сторону рощи. Возможно, ему было с высоты видно что-то, укрывшееся от моего взора. Мне пришлось опять заползти за скалу. Ноги начало щипать: они обгорели. Я представил, какие муки ждут меня ночью. Положение было отчаянным. Еще немного, и я бы, невзирая ни на что, побежал бы вниз. Но снова послышались голоса, из расщелины показался князь Урао. Он вел Лами, и могло показаться, что они мирно беседуют, но руки девушки были связаны. За князем следовали горцы и бандиты во главе с Па Пуо, они тащили какие-то тюки. Лишь часовой остался на месте. Это заставило меня предположить, что они вернуться. И в самом деле, не прошло и пятнадцати минут, как бандиты показались вновь. Они так спешили, что бежали рысцой. На этот раз часовой тоже взял тюк и покинул расщелину. Далеко они не уйдут. Дождавшись, когда последний бандит скрылся за стеной кустарника, за осыпью, я поднялся и побежал к роще, поддерживая остатки моей одежды.

И лишь когда я добежал до первых сосен, навстречу мне вышли солдаты во главе с капитаном Боро и сержантом Лаво.

При виде меня они замерли, и мои призывы срочно следовать за мной остались без внимания, так как они стояли как вкопанные. Прошло несколько секунд, прежде чем я догадался, что виной тому — мой внешний вид. Ведь сержант Лаво расставался со мной, когда я был одет вполне прилично, а сейчас перед ними стояло чудовище.

Убедившись, что груз перенесен в резервную пещеру и надежно укрыт — сыщикам Васунчока его не найти, я решил возвратиться в Танги. Мудрость командира — пребывать в штабе и оттуда руководить боем. Охрана груза не была решающим делом в войне.

Я оставил Лами под охраной Па Пуо, заверив несчастную девушку, что он ни при каких обстоятельствах не причинит ей зла. Более того, я сказал ей о том, что только сегодня, несмотря на занятость, я просил ее руки у отца. Наконец, мне пришлось прибегнуть к последнему аргументу: любая ее попытка убежать плачевно закончится для ее отца. Я не лицемерил. В тот момент я не подозревал, что капитана Васунчока нет в живых.

На обратном пути я доверил руль шоферу, чтобы спокойно подумать. До сих пор не появился гонец от капитана Васунчока с приказом полицейским вернуться из Танги. Неужели жалкая принципиальность старика доведет его до аморального решения пренебречь безопасностью дочери? Значит, я плохо разбираюсь в людях.

В деревне, у поворота к озеру, стояли два армейских «джипа». Возле них о чем-то возбужденно разговаривали незнакомый мне офицер и молодой русский. Не его ли видел Па Пуо с Лами? Ну что ж, тебе придется прекратить свидания с невестой князя Као.

Я спешил вернуться в Танги, потому что не обольщался временными удачами. В любой момент положение могло измениться к худшему.

Когда мы проезжали городок Линиличок, я обратил внимание на необычную суету на улицах. Случилось нечто, заставившее людей покинуть свои дома. У меня мелькнула надежда, что военное правительство пало и власть вернулась к сторонникам закона. Толпа стояла у наклеенного на стену объявления. Один из мужчин, размахивая в такт рукой, читал его вслух. Я протянул было руку к шоферу, чтобы остановить машину, но затем передумал и сказал: «Гони».

У въезда в Танги я увидел одинокую фигуру, стоявшую у дороги. Я узнал Матура. Что он здесь делает?

— Какое счастье, князь! — закричал толстяк.

— Что случилось?

— Плохо. Очень плохо! Полчаса назад по городу расклеили объявления, в которых сообщается, что завтра в шестнадцать часов в городе ожидается землетрясение... Вот, смотрите, я сорвал одно из них!

Вспольного на острове не было. Так мне сказали солдаты у дороги. Все-таки я добрался до острова, снял показания сейсмоскопа, проверил датчики, искал, нет ли записки от Юрия Сидоровича. Мне хотелось думать, что он пьет чай в сосновой роще и не спешит возвращаться, потому что жарко. Но утешить себя было трудно.

Телефон на острове не работал. Отар ждет меня с лентами, а Вспольный пропал. Надо ехать в рощу, разыскать Вспольного и ленты, а оттуда срочно в Танги. Все было у меня рассчитано. Пятнадцать минут до рощи, час с небольшим до города. К закату мы с Вспольным будем в Танги. О возможных осложнениях думать не хотелось, потому что осложнений уже хватало по горло,— скорей бы прошло это проклятое землетрясение, и можно будет свободно вздохнуть.

Когда я стоял уже на дороге, договариваясь с лейтенантом о машине, мимо проехал «кадиллак». Знакомая птичья голова князя Урао повернулась в мою сторону.

У монастыря я велел шоферу остановиться и побежал к дому настоятеля. Старик, поддерживаемый под руку молодым монахом, шел мне навстречу. Мы остановились в двух шагах друг от друга. Молодой монах смотрел на меня злыми глазами. Я попытался собрать воедино мой словарный запас.

— Завтра будет землетрясение,— сказал я.— Вы понимаете?

— Понимаю,— сказал старик, будто я сообщал ему о дожде.

— Надо принять меры,— сказал я.

— Лами,— сказал старик,— увез князь Урао.

— Он увез ее в Танги?— спросил я. Нет, в машине ее не было.

— Нет.— Старик показал наверх, в сторону сосновой рощи.

Плохо! Вспольный уехал в рощу и пропал, Лами уехала в рощу и не вернулась. Я бросился к «джипу». Только забравшись в него, я понял, что бегал по монастырю не разуваясь. Нехорошо получилось.

В роще никого не было, на полянке догорал незатоптанный костер, над ним выкипал чайник. Рядом стояли два пустых голубых «джипа». Солдатская куртка валялась на траве. Я заглянул в палатку. Там спокойно отщелкивал информацию датчик. Я послал солдат поглядеть, нет ли людей за рощей и в той стороне, где скалы, а пока суть да дело, извлек из датчика ленты и быстро проглядел их. Ленты мне не понравились. Похоже было, что землетрясение не дотерпит до завтрашнего

вечера. Солнце скрылось за хребтом. Тишина была зловещей. Вернулись солдаты, никого не найдя. Надо возвращаться в деревню, вызывать вертолет...

Вдруг послышались голоса. Потом шуршание камней.

— Идут,— сказал я.

Мы встретили их у кромки роши. В сумерках люди казались бесплотными тенями, лишь огоньки сигарет вспыхивали, освещая лица.

— Вспольный!— позвал я.

— Я здесь, Володя.

На нем была одежда с чужого плеча: слишком узкая армейская куртка и армейские брюки, которые не доставали до щиколоток и не сходились на животе. Владелец этих брюк, в одних трусах, ежился от вечернего холода в двух шагах сзади.

— Что случилось?

— Я так виноват... Когда землетрясение?

— Завтра днем,— сказал я.— Так что же случилось?

Вокруг шло много людей, человек двадцать. Я всматривался, надеясь угадать среди них Лами. Но ее не было видно. Почему-то рядом возник краснощекий капитан Боро. А он здесь почему?

— Пусть сам расскажет,— сказал Вспольный, показывая на капитана.

Капитан Боро подошел поближе.

— Мы приняли все меры,— сказал он мне, словно я был его начальником.— Но, к сожалению, обнаружить преступников не смогли.

Капитан Боро был глубоко огорчен.

— А где Лами?— вырвалось у меня.

— У них. Слушай по порядку...

Пока мы добрались до деревни, Вспольный поведал мне о своих приключениях, о том, как они в течение трех часов безрезультатно лазили по скалам. Но ничего не нашли. Несколькo раз Боро порывался свернуть операцию и вернуться, и лишь настойчивость Вспольного и полицейского сержанта останавливали его. В конце концов он воспользовался наступившими сумерками и был таков.

Слушая Вспольного, я принял решение, которым не стал делиться с Юрием или Отаром. Они запретили бы мне и думать об этом.

Я передал Вспольному все ленты и сказал, что ему надо с машинами капитана Боро вернуться в Танги. Я же останусь здесь. Он попытался спорить, но я объяснил, что в госпитале ему промывают раны, иначе можно получить столбняк. Это его сразило, и он покорился.

Князь выслушал меня, не вылезая из машины.

— Что же делать?— спросил я его.

— Это входит в план моей кампании,— ответил князь, всем видом изображая хладнокровие.— Экономит нам силы...

— Как?

— Теперь я могу уделить внимание более насущным проблемам.

Он изображал генерала. Человеку пятый десяток, а он играет в солдатиков. Благо это позволил бы себе кто-то, не имеющий живых солдатиков в своем распоряжении. В тот момент я впервые усомнился во всемогуществе и мудрости князя Урао.

Князь приподнял руку, и шофер рванул машину вперед. Я не мог рассчитывать на помощь. И я побрел в город.

Вокруг творилось нечто невообразимое. В какой-то момент мне показалось, что землетрясение уже произошло. Под закатным солнцем сверкали кастрюли и тазы, громоздились матрасы и циновки, одеяла, шторы, кресла, диваны, шкафы... Среди гор имущества увлеченно резвились дети, для которых это было веселым приключением. Я возблагодарил бога за то, что землетрясение грозит Танги, а не Лигону, ибо в том случае я был бы подавлен зрелищем моих детей, вынужденных покинуть родной дом. Если в Танги был сейчас человек, торопящийся землетрясение, этим человеком был я. Люди уйдут отсюда, человеческих жертв не будет. Но моя фабрика должна погибнуть, иначе я разорен.

Наступил короткий мягкий вечер. Я поспешил к спичечной фабрике. Как там дела?

Я ожидал увидеть фабрику тихой, покинутой всеми, ибо сейчас все заняты собственным спасением. Мое удивление было безгранично, когда я, подходя, понял, что фабрика полна народа, что там горит свет, слышны громкие звуки и крики. Может, какие-то злоумышленники, пользуясь беспорядком и анархией в городе, пытаются нажиться на моем добре? Я почти побежал, спеша выяснить, в чем дело.

Никто не охранял ворота. В сумраке по двору носились люди, во всех окнах горел свет, из распахнутых ворот цеха кучка людей, схожая с муравьями, выволакивала нечто большое и блестящее.

Так как я был один, без охраны, то, стараясь оставаться незамеченным, подошел поближе. Похитители были одеты плохо и производили впечатление рабочих. Станок, который они пытались выволочь наружу, был очень тяжел и громоздок,

один из тросов порвался, и те, кто тянул за него, упали на землю.

Кто-то тронул меня за плечо. Я узнал управляющего.

— Какое счастье, что вы пришли, господин хозяин,— сказал он.— Никто не знал, где вы. Нам нужен еще один грузовик, вы близки с господином майором и сможете это сделать.

— Грузовик?— спросил я, осознавая, что мой управляющий замешан в этом акте вандализма.

— Конечно, мы вытаскиваем крупные станки из главного корпуса, а распиловочный корпус решили разобрать. Видите?

Подняв голову, я, к своему ужасу, убедился, что несколько человек, взобравшись на крышу соседнего помещения, разбирают крышу.

— О!— вырвался у меня вопль сожаления.

— Не правда ли, великолепная идея?— спросил идиот управляющий.— Этим мы гарантируем пилораму от пожара или повреждения упавшими балками... Моя идея.

Он ожидал, что я поглажу его по головке за этот разбой.

— Что все это значит?— воскликнул я, перекрывая общий гам.— Кто позволил губить мою фабрику?

Полагаю, что в тот момент я был страшен. Я редко позволяю себе впасть в гнев, но не советую сталкиваться со мной в эти минуты, как нельзя сталкиваться в джунглях с бешеным слоном.

При звуках моего голоса наступила тишина. Люди бросали работу и подходили поближе, чтобы послушать, что происходит.

— Разве вы не знаете, господин,— спросил меня кабан управляющий,— что завтра днем у нас в Танги землетрясение?

Он сказал это так, словно в Танги раз в месяц бывало землетрясение и по этому поводу устраивались подобные развлечения.

— Кто вам сказал, что будет землетрясение?

— Но это везде написано. Уже вывозят из города людей.

— Людей,— повторил я.— Людей. При чем здесь моя фабрика? Пускай все люди спешат домой, чтобы позаботиться о своих близких.

Я в самом деле был возмущен небрежением к нуждам тружеников. Сделав над собой усилие, я закончил спокойным голосом:

— Благодарю всех, кто не пожалел времени, чтобы помочь своему хозяину, и я не забуду ваших стараний. Можете идти по домам.

Никто не двинулся с места.

— В чем дело?— спросил я управляющего.

Из толпы выдвинулся человек в набедренной повязке. В руке у него был разводной ключ.

— Не беспокойтесь, хозяин,— сказал он.— Тем, кто спасает оборудование, с самого утра будут поданы грузовики. Детишек уже отправили, а добра у нас не много.

— Нам обещали дома построить!— крикнул кто-то из толпы.— Новые дома!

— Сам майор сказал!

— Вас обманули,— сказал я так, чтобы все слышали.— Все это обман, чтобы нас разорить и погубить. Военные хотят поселить сюда людей из Лигона. У них тесно, они хотят захватить наши горы.

— А ты сам, хозяин, разве не из Лигона? — крикнул кто-то, и в толпе захихикали. Но я не сдавался.

— Вас выелят из Танги, а обратно не пустят. Вот и передохнете с голоду.

— А зачем тогда фабрику разбирать?— спросил управляющий.

— Вы его не слушайте,— сказал, обернувшись к остальным, человек с разводным ключом.— Мы его не знаем. А если послушаемся, то завтра тряханет — и нет фабрики. И все мы без работы.

— Я ваш хозяин, это моя собственность. Я призываю разойтись. Тех, кто не подчинится, увольняю.

Толпа растерянно молчала. Чаша весов колебалась. Но опять вмешался мой основной оппонент:

— Хозяин боится, что его фабрику национализировать. Мне так в комендатуре говорили, когда там профсоюзы собирались.

— Профсоюзы запрещены!— крикнул я.

— Им лучше, чтобы все погибло — только бы не досталось правительству. А нам что на хозяина работать, что на правительство — пусть платят. Правительство, может, будет больше платить.

Толпа зашумела одобрительно, и я понял, что мое дело проиграно. За этим скрывалась коварная рука майора Тильви.

— Господин хозяин,— шептал мне на ухо управляющий.— Лучше уйдите отсюда. Люди злые, они могут вас обидеть. Они боятся остаться без работы и вам не верят. Уйдите.

К сожалению, решение, к которому пришли эти люди, оказалось совершенно неприемлемым для меня. Какая-то горячая голова предложила послать одного из них в комендатуру, узнать, как там дела, заглянуть по домам. А меня, пока суть да дело, запереть на складе.

Я сопротивлялся, как тигр. Но эти темные, озлобленные люди, столь далекие от понятий законности и порядка, сволокли меня к темному складу, и я услышал, как звякнул засов. Я по-

чувствовал себя погребенным заживо. Меня не успокоил даже шепот управляющего, который вскоре подошел к окошку и сказал мне:

— Я вас, господин хозяин, как станет потемнее, выпущу.

Он не понимал, что мне не к кому бежать, некого молить о помощи. Снаружи слышались голоса, крики, и я на всякий случай удалился в дальний угол склада и спрятался там, ибо опасался, что, вернувшись, посланец принесет приказ перевести меня в тюрьму. Я слышал, как он вернулся и как переговаривались рабочие. Потом они вновь принялись за разрушение фабрики, забыв обо мне.

Когда управляющий, не нарушив своего слова, открыл заставы и выпустил меня, было уже за полночь... Последние рабочие возились у разобранного цеха, закрывая станки дерюгой. Управляющий вывел меня задом на пустырь и несколько раз повторил шепотом:

— Простите, хозяин, что так вышло... простите, хозяин...

МАЙОР ТИЛЬВИ КУМТАТОН

Вечером я побывал в доме у русских и говорил с советником Вспольным. Военный фельдшер так обработал его йодом и зеленкой, что он стал похож на воина урао, вышедшего на тропу войны.

Господин Вспольный был мною разочарован. Его близорукие светлые глаза сердито блестели на красном, обожженном горным солнцем, небритом лице. Профессор Котрикадзе не участвовал в разговоре. Он сидел за столом и быстро просматривал ленты, привезенные Вспольным с Линили. Ли остался на озере.

Господин Вспольный, наверное, думал, что, узнав о роли князя Урао и поведении капитана Боро, я тут же прикажу объявить всеобщую мобилизацию и отправлюсь восстанавливать справедливость и спасать невинных. Он ошибся, и это его огорчило.

К сожалению, я ничего не мог поделать. Участники неудачной экспедиции на Линили уже разошлись по домам и, полагаю, сейчас готовились к отъезду или спали. Все мои солдаты были заняты — или здесь, или в Моши. Им тоже следует выспаться перед завтрашним днем. Я бы сам с радостью прилег на час, но в комендатуре меня ждали.

Да и как объяснить русскому, что я только час назад, и то случайно, обнаружил у себя в кармане последнюю записку капитана Васунчока, в которой он сообщал мне о предательстве Боро? Если бы я прочел ее вовремя, Лами была бы в

безопасности, а груз опиума — в наших руках. Как объяснить Вспольному, что Боро не явился ко мне с докладом, что его нет дома, что его нет в городе?

Не могу я бежать сейчас в дом князя Урао. Он готов к моему визиту. Я не могу устраивать осаду и штурм резиденции председателя Совета горных правителей и поднимать на восстание горные племена за несколько часов до землетрясения... Я поблагодарил господина Вспольного за рассказ и высоко отозвался о его решительном поведении, повлекшем материальные жертвы с его стороны.

Вспольный возмущенно фыркнул. Я спросил профессора:
— Ничего нового?

— Прогноз остается в силе. Постарайтесь все закончить к шестнадцати часам.

— Постараемся,— сказал я.— Спокойной ночи.

Я ушел. Я себя паршиво чувствовал. И не только потому, что разболелась рука.

Несмотря на поздний час, губернаторский дворец гудел, как городской базар. Носились по коридорам клерки и военные телеграфисты, в коридорах сидели и стояли неизвестные мне люди, кто-то ругался с запыленным лейтенантом из транспортных войск. У моего кабинета стоял мужчина с разводным ключом в руке. Вид у него был мрачный, моя рука непроизвольно потянулась к кобуре — еще не хватало мне покушения!

Но мрачный человек был делегатом со спичечной фабрики. Оказалось, туда заявился паршивец Матур и пытался сорвать эвакуацию. При том лгал несусветно о наших целях. Рабочие заперли Матура на складе, но все-таки решили послать кого-нибудь ко мне, развеять сомнения. Но почему он так себя ведет? Это же его фабрика — так помогай, спасай ее. Мы же пока ее не национализировали.

В кабинете меня ждали два князя с верховьев Лонги и настоятель местного монастыря. Ждал своей очереди корреспондент «Лигон Дейли». За час отпустив их, я попросил ординарца принести мне чашку кофе и аспирин. Глаза слипались. Сил не хватало, чтобы тянуть дальше. Но ведь осталось меньше суток...

Кофе был теплым, из термоса, да и на чем его сейчас разогреешь? Я пил его медленно, убеждая себя, что уже не хочу спать. Я думал не о землетрясении, а о Лами и Васунчоке.

Будь я европейцем, то есть цивилизованным человеком (и хотя это ложь: лигонская цивилизация старше европейской на тысячелетие), я бы выбрал самое главное и без колебаний занялся спасением города. В конце концов, в пещере лежит

не первая и не последняя партия опиума, и, если получше подготовиться, мы их обязательно поймаем. Да и с Лами, верней всего, ничего дурного не случится,— думаю, что князю она нужна как заложница. Со смертью капитана шантаж теряет смысл, и девушка скоро вернется обратно. Но я дал слово капитану, что выполню его просьбу. Его просьба задержать груз оказалась предсмертной. Духи предков никогда не простят мне, если я это слово нарушу. И не будет мне успокоения ни в этом, ни в последующих рожденьях. А если я оставляю без защиты дочь капитана, то семь кругов ада откроются для меня. Я говорю не как майор армии и бывший студент университета — называйте это национальной психологией, чем угодно, но клянусь: окажись на моем месте сам бригадир Шосве, он сказал бы то же, что и я. А раз так...

Вошел бургомистр, серый от усталости. Я взглянул на часы. Первый час ночи.

— Что привело вас ко мне?— спросил я, вновь услышав голоса и шум моторов за окном, мычание волов, лай собак, плач детей.

— Вы соблаговолили спросить,— сказал он,— кому и зачем нужно, чтобы срок землетрясения остался в тайне?

— И вы ответили, что не знаете.

— Теперь, может быть, знаю. По вашей просьбе я составлял списки предприятий и недвижимости, подлежащих эвакуации. И натолкнулся на интересную вещь...

— Говорите же.

— Я проставил возле каждого из порядковых номеров сумму, на которую застрахована эта собственность. И оказалось, что в тех случаях, когда недвижимость куплена в последние дни, она превышает...

Так, думал я, господин директор Матур был на дороге, когда пропал портфель. Господин директор Матур прибежал на спичечную фабрику и начал кричать на рабочих...

— За сколько куплена спичечная фабрика?— спросил я.

— Двести тысяч ватов.

— А страховка?

— Триста пятьдесят тысяч...

— Что еще?

— Механические мастерские. Куплены неизвестным мне Дж. Суном из Лигона за триста двадцать тысяч. Сумма страховки почти миллион ватов...

Я готов был обнять бургомистра. Все становилось на свои места, как кубики в детской игре.

Я рванул телефонную трубку.

— Соедините меня со спичечной фабрикой... Никто не отвечает?

Прикрыв ладонью телефонную трубку, я сказал таким голосом, что бургомистр тут же бросился к двери:

— Срочно наряд солдат! В машину!

ДИРЕКТОР МАТУР

Я недалеко отошел от фабрики и осторожно присел в кустах, у обочины дороги. Отсюда мне были видны ворота. Я смотрел, как мимо меня проходили рабы злого гения майора Тильви, не понимавшие, что отнимают кусок хлеба у моих детей. На фоне синего неба, освещенные луной, стояли ободранные, без крыш и стен, корпуса фабрики. Я терпеливо ждал.

Далеко, на колокольне церкви святого Иуды, часы пробили двенадцать. Над городом пылало зарево огней. Электростанция работала на полную мощность. Наверное, ее владельцы заплатили немалые деньги, чтобы их не трогали. Они-то свою страховку получают полностью.

Последний рабочий прошел мимо меня. Наступила тишина, прерываемая иногда вспышками шума, долетавшими от центра города. Над воротами горела лампа. Я надеялся, что сторож тоже ушел.

Какая-то паршивая собачонка увязалась за мной. Я кинул в нее камнем, собака взвизгнула и отстала.

Как назло, у ворот маячила фигура сторожа — старого турка с изогнутым кукри за поясом. Наверняка это приказал сделать майор Тильви. Пришлось обходить фабрику вдоль трухлявого забора, рассчитывая найти в нем дыру. Я рисковал наступить на змею или провалиться в яму. Но я упорно шел, пока не нащупал место, где доски разошлись. Собачонка вернулась и следила за мной, и я сильно пнул ее ботинком. Собачонка завизжала так, словно фабрика принадлежала ей. Я замер, опасаясь, что сторож услышит вой.

Я был скрыт от сторожа штабелями леса и потому осмелился зажечь спичку, чтобы разглядеть, где я нахожусь. К сожалению, я не успел изучить расположение моей собственности и не был уверен, как мне лучше пройти к складу, в котором меня держали в заточении. Там, за час позорного плена, я не терял даром времени, собрал в кучу валявшиеся на земле щепки и мусор.

Вот и дверь в склад. Я остановился, прислушиваясь. Сторож, стоявший в ярдах ста от меня, что-то мурлыкал под нос. Меня вдруг охватило раздражение против сторожа. Я словно раздвоился. Во мне жил хозяин этой фабрики, возмущенный тем, как плохо ее охраняют, и поджигатель, который не хотел, чтобы сторож исполнял свой долг.

Я вошел в непроницаемую темноту склада. Где же здесь подготовленный мной костер? Я представил себе, как вспыхнут сухие доски и фанера... Оказалось, что я ошибся дверью. Это был совсем другой склад. На полках лежали запасные части, винты, подшипники, инструменты. Я вышел наружу и стал думать: где же нужно мне помещение?

Я услышал дребезжащий голос:

— Кто здесь?

Я различил фигуру сторожа, который щелкал выключателем карманного фонаря, пытаясь зажечь его, и при том дрожал от страха.

— Кто? Кто?— повторял он; рядом с ним виляла хвостом паршивая собачонка, которая и привела его сюда.

Я хотел броситься в сторону, скрыться в темноте, но при первом же шаге натолкнулся на штабель досок и остановился, потому что понял, что сторож лучше ориентируется здесь и мне не убежать.

— Свои,— сказал я.— Не беспокойся. Свои.

В этот момент фонарь все-таки загорелся. Солнце уперлось мне в глаза. Я зажмурился.

— О, это вы, хозяин?— сказал сторож с облегчением.

— Все в порядке?— спросил я его.— Никто не проходил?

— Все в порядке, господин. А как вы прошли мимо меня?
— Я проверял, хорошо ли ты сторожишь. А ты сторожишь плохо.

— Да, господин,— покорно согласился со мной сторож,— но ведь забор совсем старый.

Мы с ним вышли из-за штабелей и оказались на широкой площадке, где стояли станки. Сюда доставал свет лампы у ворот.

— Такой день, хозяин,— сказал сторож.— Меня сменят в шесть часов, чтобы я мог собраться.

— Дай сюда фонарь,— сказал я.

Он подчинился. Это был старый, тяжелый, армейский фонарь. Я взвесил его в руке. Мне хорошо, что он меня узнал. Ему плохо.

Сторож отвернулся, глядя вслед побежавшей к воротам собачонке. Я резко размахнулся и, призвав на помощь небо, изо всех сил ударил сторожа по голове. Мне никогда раньше не приходилось бить человека, я принципиальный противник насилия. Но я был в безвыходном положении — ведь сторож меня узнал.

Сторож ухнул и, как продырявленный воздушный шарик, медленно опустился к моим ногам.

Я подхватил его под мышки, стараясь не потерять фонаря, и потащил за штабеля. Сторож был не лигонцем, он был тур-

ком,— невелика потеря для человечества. Но я тут же дал себе слово, что если со сторожем что-либо случится, я обязательно позабочусь о его семье. С помощью фонаря я без труда разыскал дверь в склад, где я был заточен. Куча щепок и горячего хлама словно ждала меня. Я вернулся к штабелям дров и подтащил к ним все, что мог отыскать вокруг, чтобы огонь занялся скорей и ярче. В эту ночь некому тушить пожар — пожарные сами бегут в Моши. Но рисковать я не мог.

Когда я уже вернулся в склад и только чиркнул спичкой о коробок, я вдруг услышал в тишине ночи, прерываемой лишь треском цикад и мычанием лягушек, что к фабрике приближается машина. Я замер, сидя на корточках в складе, молясь, чтобы машина проехала мимо. Моя рука между тем поднесла спичку к ветоши, щепкам, бумаге, и огонек быстро побежал по мусору, набирая силу.

Машина взвизгнула тормозами у ворот.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Я думал, что лучше бы мне до рассвета поспать, но сон не шел. Я выкурил пачку сигарет, пересчитал все звезды над островом, потом опустился к берегу и искупался в теплой, парной воде сонного озера. Потом я сидел на берегу и глядел на черный склон горы, стараясь увидеть там огонек костра или отблеск фонарика. В деревне забрехали собаки. Снова гудящая цикадами тишина. Гулко плеснула рыба недалеко от берега... И тут меня разбудил звонок.

Оказывается, я задремал, сидя на песке, положив подбородок на колени. Я вскочил, спросонья решив, что я дома и кто-то звонит в дверь. Зуммер гудел сверху — заработала наша прискорбная связь. Я стрелой взлетел на холм. Это был Отар.

— Вы что не спите?— удивился я.— Четвертый час.

— Я сплю,— сказал Отар.— Просто захотелось узнать, как ты там.

— Не беспокойтесь. Ничего нового.

— Ну ладно, извини, что разбудил. Ты датчики смотрел?

— В полночь. Все по-старому.

Я не поверил Отару. Я знал, его беспокоило, намерен я совершать глупости или нет.

— Спокойной ночи,— сказал я.— Скоро рассвет.

Небо над Танги начало светлеть. Связист, проснувшийся от вызова Отара, снова заснул, закрыв голову курткой от комаров. Я зажег фонарик и еще раз проверил приборы.

Пленки меня порадовали, как радуют мрачные результаты анализов врача, поставившего правильный диагноз. Земля вела

себя как надо — землетрясение состоится в шестнадцать часов.

Ну ладно, почти рассвело. У меня тоже хобби — встречать рассветы в Лигоне. Я спустился к берегу, стараясь не разбудить солдат, потихоньку отвязал лодку.

Легкая лодочка, которую я с вечера предусмотрительно отвел за скалу, глубоко осела под моим сравнительно небольшим телом. Разбирая весла, я дебатировал с собой вопрос, не украсть ли у мирно спящего солдата автомат, но затем отказал себе в таком соблазне: если что-нибудь случится, для недругов майора Тильви нет ничего приятнее, как растрезвонить на весь мир о том, что вооруженный легким стрелковым оружием русский «так называемый геолог» шляется по горам мирного Лигона.

Я причалил к кустам на берегу, в полукилометре от деревни, где на высоком обрыве над берегом виднелись черные на рассвете верхушки мандариновых деревьев. Привязав лодку, я поднялся наверх, пересек мандариновый сад и оказался перед воротами монастыря. Я рассчитывал в этих краях на одного союзника — старого настоятеля.

Я разулся у ворот. Монастырь просыпался. У колодца плескались голые до пояса, здоровые молодые монахи. Оранжевыми знаменами сушились их тоги на веревках за колодцем. Я подошел к купальщикам и поинтересовался, где их наставник. Один из них, совсем мальчишка, побежал в большой серый от старости деревянный дом, где нас уже принимал почтенный старик.

— Иди,— показал мне появившийся на ступеньках монах.

Солнце еще не вышло из-за гор, и от дальних строений, где жила монастырская прислуга, в синем воздухе белой змеей полз вкусный дымок. Стаей пролетели летучие собаки, возвращаясь домой после трудовой ночи.

Старик Махакассапа сидел на циновке. Перед ним горела керосиновая лампа, отчего сумрак в комнате казался гуще.

— Здравствуйте, пандит Махакассапа,— сказал я.— Простите, что побеспокоил.

— Садись,— сказал старик.— Что за новости ты принес?

Несколько монахов вошли в комнату, присели на корточках у двери и, хотя они вряд ли понимали хоть слово по-английски, сразу придали нашей встрече характер конференции на высшем уровне. Иногда кто-нибудь из них громко зевал, разгоняя сон, порой они начинали громко перешептываться.

— Землетрясение будет после полудня,— сказал я.

— Люди в деревне предупреждены,— сказал старик.— Они вынесут вещи на улицу.

— А вы?

— Я выйду на улицу, не беспокойся, молодой человек.

Что ж, можно переходить к сути дела. Мне надо было сказать об этом так, чтобы старик не удивился, что я вмешиваюсь не в свои дела.

— Лами,— сказал я,— жила в вашем монастыре.

— Да,— сказал старик, не меняясь в лице,— ее покойный отец поручил ее мне.

— Покойный?

— Капитан Васунчок умер вчера. Ты не знал об этом?

— Нет... Ему же было лучше! Лами мне говорила.

— Лами не знает об этом,— сказал старик.— Если ей не поведал князь Урао. Но я думаю, что князь Урао ничего не сказал. Он украл ее, потому что думал, что капитан жив.

Была пауза. Я прервал ее:

— Вчера солдаты из города и полицейские искали контрабандистов Па Пуо. Но не нашли их.

— Князь Урао успел перенести груз в другую пещеру.

— Но там Лами...

— Я знаю, молодой человек, что ты выделяешь Лами среди других девушек, и твоя забота о ней мне понятна. Но не страдает ли твое дело от того, что ты побежишь по горам искать девушку?

— Нет,— сказал я.— Люди уже покидают город Танги.

— Князь Урао оскорбил меня,— сказал старик.

— Вас?

— Он оскорбил в моем лице всю сангху. Оскорбление наполнило меня печалью за участь князя. Он плохой человек и обречен...

За окном, словно по сигналу, запели птицы.

— ...И потому,— закончил Махакассапа,— я беспокоюсь за участь Лами.

Я допил чай, поставил стакан на блюде.

— Сейчас придет староста деревни,— сказал старик.— Я жду его. Староста знает, где Па Пуо.

МАЙОР ТИЛЬВИ КУМТАТОН

К тому времени, когда мы заперли визжавшего, перепуганного Матура в комендатуре, сдали медикам обожженного сторожа, расставили посты у механических мастерских, лесопилки и в других важных точках города, чтобы грустные события не повторялись, ночь уже перешла через экватор. Город немного притих. Я доплелся до кабинета и, не раздеваясь, прилег на диван. Я лежал с открытыми глазами.

Мне показалось, что по коридору кто-то идет. Медленно, осторожно. Шаги остановились у двери. Я знал, что люди, ко-

торые пойдут на все, чтобы помешать мне, могут решиться меня убить. Это не значит, что я трус, но позорно погибнуть, лежа на диване!..

Я вскочил, стараясь не поднимать шума, взял со столика кобуру и на цыпочках отбежал к двери, так, чтобы, когда она откроется, оказаться за ней.

В дверь тихо постучали костяшкой пальца, словно проверяя, здесь ли я. Я молчал. Я видел, как медленно опускается ручка двери, и это напомнило мне кадр из какого-то фильма ужасов. Я вынул пистолет из кобуры.

Я не сразу узнал человека, потому что свет от настольной лампы почти не достигал двери. Этого человека я меньше всего ожидал увидеть здесь, ночью. Меня охватил стыд за то, что я, комиссар округа, прячусь за дверью, словно царь, опасющийся заговорщиков.

Отец Фредерик сделал шаг внутрь и остановился, осматриваясь.

— Вам не спится, святой отец?— спросил я, выходя на середину комнаты. Надеюсь, он не догадался, что я прятался за дверью.

— О, господин майор, вы меня так испугали.

— Как вы прошли мимо солдата?

— Солдат спал, я не стал его будить.

— Хорошо,— сказал я, проходя за стол и указывая миссионеру на другой стул.— Что привело вас, святой отец, ко мне в такое необычное время? Если вы беспокоитесь за участь вашей школы, детей вывезут с утра.

— Я знаю, знаю... я очень благодарен. Я пришел совсем не за тем.

Я осторожно выдвинул ящик письменного стола и положил пистолет внутрь. Лишь важное дело могло заставить миссионера заявиться ко мне в четыре часа ночи. Как странно, думал я, разглядывая его белое, длинное лицо. Вот я был мальчишкой, бегал по улицам, мы дрались с учениками миссионерской школы, а отец Фредерик разнимал нас, и он был точно таким же старым. Прошло двадцать лет, появились новые государства и города, сколько людей умерло и родилось, а миссионер все шагает по улицам Танги, направляясь к белой, словно сложенной из детских кубиков церкви с острым длинным шпилем. Враг ли он мне? Враг ли он моей стране? В университете мы устраивали демонстрации, чтобы изгнать из Лигона миссионеров. Они пришли сюда с англичанами, даже раньше, чем англичане, и воспитывали рабов, которые потом служили новым хозяевам. Я это понимал, но отец Фредерик настолько сросся с нашим Танги, что трудно было считать его колонизатором и создателем рабов.

— Вы знаете, майор...— сказал отец Фредерик глубоким грудным голосом. Он говорил по-лигонски не хуже меня, я как-то видел написанную им грамматику лигонского языка.— Я провел в этом городе большую часть жизни. И я люблю эту страну и надеюсь, что похоронят меня здесь, у церкви.

Миссионер на несколько секунд замолк. Потом продолжал, без связи с предыдущим:

— С возрастом становится все меньше и меньше друзей, как воды в реке к концу засухи. Моим самым близким другом был капитан Васунчок, хотя мы с ним никогда не афишировали эту дружбу.

— И семейство князей Урао,— добавил я.

— Что же, вы правы. Я много лет знаком с вдовствующей княгиней. И в свое время возлагал большие надежды на князя Као. Мне хотелось бы, чтобы он вырос полезным для своей страны человеком. Но, к сожалению...

Я посмотрел на часы. Четверть пятого. Мне так и не удастся поспать. Отец Фредерик заметил мой взгляд.

— Я буду краток,— сказал он.— Ведь я пришел не для воспоминаний. Я давно знал, что князь имеет дополнительный источник доходов, чтобы финансировать свою политическую деятельность. Он, в сущности, большой, избалованный, сорока-летний ребенок, воображающий себя генералом, премьер-министром, диктатором.

Я не перебивал отца Фредерика.

— С моей точки зрения, контрабанда наркотиков — самое низменное из человеческих занятий, ибо они отнимают у человека не только тело, но и душу. Я долгое время не хотел в это верить, несмотря на доказательства, которые приводил мне покойный капитан Васунчок, но, когда я убедился, наконец, в этом, я пришел к единственно возможному для меня решению. Я решил сделать все, чтобы пресечь торговлю наркотиками. И спасти этим не только тех людей, которым предназначается опиум, но и самого князя. Я знал лишь одного человека, обладавшего смелостью, чтобы бороться с князем. Это был капитан Васунчок. И с тех пор я передавал ему все, что мог почерпнуть из разговоров с князем или из тех слов, которыми князь и его приближенные обменивались в моем присутствии. С моей помощью капитану удалось узнать, когда с севера прибывает очередной груз опиума, и Васунчок попытался перехватить его. Это было за две недели до вашего прилета. К сожалению, капитана постигла неудача. Он был ранен. Затем мне удалось узнать еще об одном грузе. Вчера отряд солдат уезжал к сосновой роще, но я не знаю, чем это кончилось. Думаю, что ничем, потому что во главе отряда был капитан Боро, который вряд ли посмел что-либо предпринять без разрешения князя.

— Вы правы,— сказал я.

— Вчера Васунчок умер. Я глубоко убежден, что виновником его смерти, как ни тяжело это говорить, был князь Урао.

— Да.

— Тогда я решил прийти к вам. Вы здесь новый человек, и вряд ли князь успел опутать вас, как других.

— Нет,— сказал я не улыбаясь, хотя, конечно, был некоторый мрачный юмор в том, что мы обсуждали мою собственную продажность,— он даже и не пытался этого сделать.

— Я позволил себе говорить долго, чтобы вы поняли меня и поверили мне. То, что я скажу,— правда, но вам придется делать усилие над собой, чтобы поверить в нее, так как эти сведения исходят от меня, белого миссионера.

— Я верю вам, отец,— сказал я.— Я ведь сам из Танги. И мой отец был с вами в одном японском концлагере.

— Да, я помню его. Он погиб там... Довольно давно, может, полгода назад, в доме князя было совещание с другими сепаратистами. Я никогда не вмешивался в их дела, так как полагал, что каждый народ сам избирает себе правление и в случае, если правительство ему не нравится, некого винить, кроме самих себя. Тогда, может, вы помните, была вспышка сепаратистских настроений в связи с очередной попыткой правительства лишить князей их привилегий. Князья готовились к восстанию, которое сорвалось из-за их разногласий, но когда обсуждалось, как обороняться от лигонских войск, они решили заминировать некоторые дороги и здания в Танги...

— Что! Вы знали об этом и молчали?

— Я думал тогда, что это пустая похвальба князей. Об этом открыто говорилось на обеде, который давал князь Урао своим сторонникам. На этом обеде, кроме меня, был и тогдашний губернатор и капитан Боро. Они даже имели название для этого плана: «Треугольник».

— Но что заставило вас изменить...

— Судите сами. Вечером я навестил княгиню Валимору в загородном доме, а затем ездил на своей машине в Моши, чтобы поглядеть, как будут размещены школьники. По дороге из Моши я встретил гроб с телом капитана Васунчока. В очень подавленном состоянии я вернулся в город и поспешил к князю, так как его мать просила узнать, когда он покинет город. Слуги отлично меня знают, и потому я прошел к дому без предупреждения. Князь находился в библиотеке со своими помощниками. Так как я в последние недели взял за правило останавливаться у дверей и слушать, о чем говорит князь, то и на этот раз я услышал о том, что они намереваются привести в действие операцию «Треугольник». Я сразу вспомнил о бах-

вальстве князей на обеде, и мной овладела тревога... Что я знаю об истинных интересах и намерениях Урао? А вдруг в своей дьявольской игре он захочет, чтобы землетрясение сильнее ударило по городу, чтобы вы не смогли вывезти ценности и людей, а затем свалить вину на военное правительство? Может быть, так?

— Да,— сказал я.— Это одна из причин. Есть и другие. Но вы узнали, когда и что он намерен взорвать?

— Нет,— сказал Фредерик.— Я ничего не знаю. Когда я вошел в библиотеку, они прервали разговор. В последние дни мне кажется, что князь о чем-то догадывается. Может быть, у меня на старости лет разыгрались нервы. Мне даже казалось, что за мной следили.

В самом деле, полгода назад князя готовились к восстанию.

— Вам надо подумать,— сказал отец Фредерик.— Разрешите мне уйти? Не хотелось бы, чтобы меня видели около этого дома.

— Спасибо, отец,— сказал я.— И не беспокойтесь за ваших учеников. Грузовик будет в восемь у школы.

Я проводил миссионера до двери и остановился, размышляя, с чего начинать. Действовать надо было быстро. Я подошел к окну, чтобы посмотреть, стоит ли у подъезда дежурная машина. Машина стояла. Уже начало светать, и отец Фредерик, широко шагающий по дорожке вдоль газона, был до колен скрыт утренним туманом. Я смотрел ему вслед. Добрый старик, подумал я вдруг об отце Фредерике, всегда давал нам, мальчишкам, конфеты. Это было давно, но вкус конфет сохранился. Тогда были голодные времена, и больше нам никто не давал конфет.

Сверху, со второго этажа, мне виден был и газон, и окружающие его кусты, и проходящая дорога, и даже деревья вдали, за дорогой. За кустами стоял человек, так же как и отец Фредерик, по колени в тумане. Он вышел из-за кустов. Миссионер не видел его, он шел опустив голову и задумавшись. Я вдруг понял, что миссионеру грозит опасность. Я хотел крикнуть ему, но окно было закрыто, и я, вместо того чтобы выстрелить прямо сквозь стекло и вспугнуть того человека, стал открывать окно. Я увидел, как сверкнул маленький, сверху нестрашный огонек, и тут до меня долетел тихий щелчок. Отец Фредерик, не останавливаясь, прошел еще три шага и во весь рост упал вниз, в туман. И исчез.

Убийца побежал к кустам и скрылся в них. Отец Фредерик все-таки был прав. Его похоронят в Танги, около церкви, если она останется стоять после землетрясения. Я бросился вниз. Последний день Танги начался с выстрела.

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ СРОЧНО ИЗ ЛИГОНА 6.20.

ВАШ ЗАПРОС СООБЩАЕМ ВРК ПРИНЯЛ СПЕЦИАЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ РАЗРЕШАЮЩЕЕ КОМИССАРУ ВЛАСТЬЮ ВРК НАЦИОНАЛИЗИРОВАТЬ ЛЮБОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ИЛИ СОБСТВЕННОСТЬ В СЛУЧАЕ ЕСЛИ ВЛАДЕЛЕЦ ПРЕПЯТСТВУЕТ НОРМАЛЬНОЙ ЭВАКУАЦИИ ВОПРОС КОМПЕНСАЦИИ БУДЕТ РАССМОТРЕН ПОЗДНЕЕ.

СРОЧНО, ГОСПОДИНУ КНЯЗЮ.

Сегодня утром, в пять часов, я следил, как вы приказали, за отцом Фредериком. От вас он пошел к себе и некоторое время находился в своем доме. В четыре часа отец Фредерик вышел из дома. Я шел за ним на некотором расстоянии. Когда я догнал его, он уже входил в дом коменданта. Так как вы сказали, чтобы он ни в коем случае туда не вошел, я вынужден был выстрелить. Не знаю, мертв он или нет, потому что после выстрела я вынужден был бежать.

Джонсон.

КНЯЗЬ УРАО КАО

Есть ли высшая справедливость, подумал я, прочтя в постели записку портье Джонсона? И кто направляет безжалостную руку судьбы? Клянусь всем святым, у меня и мысли не было убивать отца Фредерика.

Зная человеческую натуру, я подозревал, что миссионер побежит с доносом к майору. Я полагаю, что отцом Фредериком руководила не корысть, а неправильное понимание чувства долга, а может, просто страх перед смертью и воображаемым высшим судом. Я приказал следить за ним, ибо полагал, что он мог подслушать наши разговоры.

И вот записка... Что ж, мои руки чисты, думал я. Будем считать отца Фредерика праведником, позаботимся о его погребении, щедрым dare на его школу.

Итак, я лежал в постели, размышляя, насколько лучше было бы для Фредерика и христианской церкви, если бы он умер в японском концлагере и попал в число мучеников. И в этот момент я услышал — ночью слышно далеко, — что кто-то подъехал к воротам и препирается со стражником. Я лежал спокойно, пытаюсь сообразить, кто бы мог примчаться ко мне так рано. Кто-нибудь из соседних князей, напуганный слухами о землетрясении? Или отряд с гор, который я ожидал с минуты на минуту? Перебранка у ворот смолкла, и слышно было, как машина тормозит у дверей. Я сел, протянул руку, чтобы достать халат. В коридоре раздался резкий знакомый голос, но я не сразу сообразил, кому он принадлежит.

— Ничего,— произнес голос.— Мы его разбудим.

Дверь распахнулась, и ко мне в спальню, словно в свою казарму, вторгся майор Тильви Кумтатон, с левой рукой на перевязи, с пистолетом в правой руке, а за ним два автоматчика в форме гвардейской бригады. Из-за их спин выглядели виноватые, растерянные рожи лакеев. Вот так, подумал я, попал в плен и Наполеон. Никто не захотел жертвовать жизнью ради своего императора — ни одна сволочь даже не крикнула, чтобы предупредить меня. Я встал и накинул халат.

— Чем обязан такому вторжению?— спросил я.

— Вы останетесь здесь,— сказал майор.

В его глазах сверкал фанатизм догматика. Главное было — не поддаваться на провокацию. У меня здесь слишком мало людей, и они ненадежны. Мои горцы придут утром.

— Вы понимаете, какую ответственность берете на себя, врываясь ночью в дом члена высшей палаты парламента?— спросил я.

— Парламент распущен,— ответил майор. Вся сущность раба была в этом ответе. Вот холуй, которому дозволено измыться над помещиком, перед которым он пресмыкался всю свою жизнь.

— Тем не менее я надеюсь, что в этом государстве сохранились хоть какие-то правовые нормы,— заявил я.

— Не вам диктовать правовые нормы,— сказал майор.

— Почему же?

— Если вы взяли на себя право убить беззащитного старика Фредерика, довести до смерти Васунчока, если вы с помощью бандитов торгуете наркотиками...

— Остановитесь!— воскликнул я.— Вы пожалеете о своих словах. У нас судят за клевету.

— Не тратьте время на парламентские речи,— съязвил майор.— Где находится план операции «Треугольник»?

— Что?— вырвалось у меня.— Он был у вас?

— Отец Фредерик успел мне все рассказать.

— Подлец!— не выдержал я. И майор не понял, что я имел в виду лжеца Джонсона. Нет, не отца Фредерика, я ему не судья.— Вы разрешите мне одеться?— спросил я.— У вас есть ордер на мой арест?

— Вы арестованы без ордера,— усмехнулся майор.— Ввиду чрезвычайного положения. Вы расскажете, какие объекты города заминированы вами, или придется обыскивать дом?

— Я не знаю ни о какой операции «Треугольник».

Я попытался бровями приказать лакею, чтобы он бежал за помощью. Тот сделал вид, что не понимает.

— Дайте ключи от сейфа.

Он попал в точку. Планы операции хранились там. Ох, легкомыслие и доверчивость, которые могут стоить жизни.

— У меня нет ключей от сейфа.

— Ключи,— приказал майор.

Предательство порождает предательство, как лавина тянет за собой всё новые камни.

— Ключи у него в кармане пиджака, господин майор,— раздался голос от двери. Это был голос моего лакея, которого я кормил и поил десять лет.— Разрешите, достану?

Я стоял, парализованный новым предательством, глядя, как лакей подошел к гардеробу, открыл его и протянул майору связку ключей.

— Проводите меня к сейфу,— сказал майор лакею.

Солдаты остались у дверей.

Я сделал шаг к гардеробу, чтобы одеться, но один из солдат рывкнул: «Назад!» — словно я был простым воришкой.

О подлость и одиночество...

ГОСПОДИН ДИРЕКТОР МАТУР

Я сидел на железной койке в тюрьме и чувствовал, что из меня вытащили кости. Меня жестоко толкали и ударяли солдаты, пока везли сюда, и я в любой момент ждал, что меня расстреляют. Я был разорен и обесчещен, я был унижен и раздавлен, дети мои будут нищими ходить по улицам, протягивая руку за подающим, и моя жена, которую покинет мой любимый брат Саад, будет вынуждена выйти на панель... Как я докажу этим людям, что я не желал никому зла, что я хотел, чтобы все были довольны и добры друг к другу? Как мне доказать священную истину, что я в душе поэт и всю свою жизнь старался жить честно и достойно памяти моих родителей? Неужели я когда-либо осмелился бы поднять руку на человека, если бы не был в помрачении рассудка, насланного на меня злыми духами? Ведь я ничего не сделал: фабрика цела, сторож жив...

Вдруг меня настигло жуткое подозрение: они хотят оставить меня здесь на время землетрясения, потолок обрушится и заживо погребет под развалинами. Не в силах вынести ожидания смерти, которое страшнее самой смерти, я бросился к железной двери и начал молотить в нее, взывая к состраданию тюремщиков.

Тяжелые сапоги застучали по коридору. Я отпрянул от двери, она распахнулась, и солдаты втолкнули нового пленника. Это был князь Урао, его, видно, подняли с постели — он

был в красном стеганом халате, подпоясанном поясом с кистями.

Появление князя столь удивило меня, что я забыл о надвигающемся бедствии. Мы наконец сравнялись в правах. Нет, я не злорадствовал, во мне проснулся философ. Где твоя спесь, князь Урао, который заставлял меня, бедного мальчишку, давать ему списывать контрольные работы и избивал в уборной миссионерской школы, если я осмеливался ему не подчиниться? Где твоя спесь, князь, который третировал меня, словно мальчика на побегушках, полагая, что я, гордый наследник брахманов, принимаю эти унижения как должное?..

Глаза князя привыкли к темноте. Он сидел на койке, словно проглотил длинный шест, и его птичья взлохмаченная голова медленно поворачивалась, как у грифа, попавшего в клетку.

— Ты здесь, Матур?— спросил он без всякого выражения.

— Да, князь,— сказал я.— Мы с вами здесь. И мы равны.

— Равны ли?— спросил князь. Он подумал немного и добавил:— Нет, мы с тобой не равны.

Я внутренне улыбнулся.

— Вас арестовали военные? Вы пытались помешать эвакуации?

— Какой эвакуации?

За решеткой светлело, и я разглядел, что у князя мутные, пьяные глаза, словно он не понимает, что происходит.

— Но ведь будет землетрясение?

— Я член высшей палаты парламента,— сообщил он мне доверительно.— Я пользуюсь парламентской неприкосновенностью.

— Вы сообщили об этом майору Тильви?

— Он жестоко поплатится.

В голове князя не было убежденности. Ничего не было, пустой голос человека, который смотрит на рушащийся вокруг мир и не осознает, что сам он — часть этого мира.

— Отец Фредерик умер,— сказал князь, запахиваясь потуже в халат: в камере было прохладно.— Мы скорбим об этом.

Я не понимал, к чему он это говорит. Ну, умер миссионер. Надо же было ему когда-нибудь умереть.

— Это наркотики?— спросил я.— Они перехватили груз?

Князь поманил меня пальцем. Я приблизился.

— Меня скоро освободят,— сказал он шепотом.— Но не смей доносить об этом. Меня все предали. Но ты не посмеешь.

— Я не намерен вас продавать,— сказал я.— Я всегда оставался вашим верным другом.

— Знаю, знаю,— отмахнулся князь и продолжал шепотом:— Мои люди сейчас спускаются с гор. Я уеду с Лами в

Европу. У меня капиталы в Швейцарии. Мне больше нечего делать в этих диких горах. Лами ждет меня. Только тише, никому ни слова...

ЛИГОН БРИГАДИРУ ШОСВЕ СРОЧНО ИЗ ТАНГИ 7.40.

ПЕРВЫЕ ПАРТИИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ДОСТИГЛИ МОШИ ЖДУ ВТОРУЮ КОЛОННУ МЕДИКАМЕНТЫ ВЕРТОЛЕТ ОБЕЩАННЫЙ ИЗ МЕТИЛИ ПРЕСЕЧЕНА ПОПЫТКА КНЯЗЯ УРАО ВЗОРВАТЬ ДОРОГУ К ТАНГИ МОСТ МЕХАНИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ У ТАНГИ ЗАДЕРЖАНЫ ГРУЗОВИКИ С ГОРЦАМИ ПЛЕМЕНИ КХА ШЕДШИЕ В ГОРОД ПОДДЕРЖКУ КНЯЗЮ УРАО КНЯЗЬ УРАО АРЕСТОВАН

ТИЛЬВИ КУМТАТОН.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Староста пришел, когда уже взошло солнце. Он был в выцветшем армейском мундире с тремя медалями на груди. Махакассапа был недоволен его опозданием и что-то строго выговаривал здоровяку. Тот оправдывался. Потом Махакассапа сказал:

— У старосты свои счеты с Па Пуо. Вчера он не посмел спорить с капитаном Боро. Если они за ночь не ушли дальше.

На прощание я еще раз попросил Махакассапу после полудня покинуть дом. Тот только улыбнулся.

На монастырском дворе, под деревьями, сидели в ряд с десяток крестьян из деревни. У двоих из них были длинные, по-моему капсюльные, ружья, остальные были вооружены бамбуковыми копьями. За поясами у них были заткнуты чуть изогнутые ножи. При виде этой маленькой армии у меня отлегло от сердца.

Совсем уж неожиданное подкрепление мы получили, когда наш отряд вышел из ограды монастыря. За оградой стоял «джип», в котором сидел сержант Лаво. При виде меня сержант Лаво построил такую зверскую рожу, что я предположил, что сейчас меня скрутят и отправят в Танги, чтобы я не занимался самостоятельной охотой на контрабандистов. Но оказалось, Лаво решил, что я собрался по холодку проверить приборы в роще, и сел в «джип», чтобы меня сопровождать.

Не доезжая до сосновой рощи, мы свернули в заросли на тропу. В одном месте мы пересекли низинку, где по сырой земле протекал ручеек. Там я увидел следы легковой машины. Все правильно, здесь вчера проезжал князь Урао.

Минут через пять пришлось оставить «джип». Крестьяне, громко разговаривая и смеясь, гурьбой пошли вверх. Вряд ли я смог бы втолковать, что надо быть осторожными. Мы имеем

дело с профессионалами, Я завидовал Лаво, у которого был автомат. Я чувствовал себя беззащитным, но я принадлежал к этому веселому войску. И когда один из крестьян хлопнул меня по плечу и предложил толстую, в кукурузных листьях, сигару, я раздал оставшиеся у меня полпачки «Шипки» — и боевой союз еще более укрепился.

— Эй! — крикнул ушедший вперед сын старосты, который столько раз перевозил нас на остров. И сразу все замолчали.

Лаво, пригнувшись, перебежал к сыну старосты. Впереди кусты расступились, неподалеку поднималась серая скала. Все смотрели вправо. Меня подмывало подойти поближе, и я даже сделал шаг в ту сторону, но вдруг услышал хлопок выстрела и увидел, что Лаво и сын старосты присели в кусты. Лаво дал очередь из автомата. Староста крикнул что-то крестьянам, затрусил к кустам и стал пробираться сквозь них, звеня медалями. Лаво дал еще одну очередь из автомата. Никто не ответил. Он выпрямился, сделал шаг вперед, но тут же новый выстрел заставил его отпрянуть. Не знаю, сколько времени прошло в этой непонятной мне перестрелке. Ни Лаво, ни другие не выказывали желания двигаться вперед. Вдруг справа раздался гортанный крик.

— Пошли, — сказал Лаво. Он выпрямился и смело вышел на открытое пространство.

Мы прошли метров сто по тропинке под самой скалой и увидели старосту. Он сидел на большом плоском камне. Я огляделся. Никаких пещер, никаких контрабандистов.

Увидев нас, староста поднялся и пошел вперед. И только поравнявшись с камнем, я вдруг увидел, что за ним, вытянувшись во весь рост, лежит человек. Он лежал, отвернув от меня голову, словно его сморила усталость, но около головы гравий потемнел от крови. Крестьяне проходили, не глядя на него, словно он был плодом моего воображения. У старосты в руках был новенький автомат.

Тропинка шла по густому кустарнику, поднимаясь все выше. Потом староста отвел куст в сторону, и я увидел низкий вход в пещеру.

Староста заглянул внутрь и крикнул. Голос его отразился от скалы и вернулся. Лаво отцепил от пояса фонарь и осветил внутрь. Пещера уходила глубоко в гору. На каменном полу лежали смятые пожухшие ветви — видно, на них спали. Луч фонаря задержался на нескольких окурках, на забытой веревке, на кучке углей.

— Они ушли, — сказал Лаво, словно извиняясь передо мной.

Часы мои остановились. Я не знал, сколько времени. Меня могли бы и покормить: заключенных следует кормить. Князя Урао увели, и он долго не возвращался. Я пытался выглянуть в зарешеченное окошко, для чего подтянул к нему койку. Но я все равно видел только покрытое тучами мрачное небо. Может, меня забыли?

Стоя на койке, я не заметил, что дверь открылась и вернулся князь Урао. Солдат, втолкнувший его в камеру, тут же ушел.

Я пригляделся к князю, стараясь обнаружить на его лице следы побоев, но следов не нашел. Князь казался спокойным.

— В любой момент, — сказал я, — может начаться землетрясение. И мы будем погребены заживо. В любой момент.

— К тому времени меня здесь не будет.

— Вас выпустят?

— Конечно, выпустят. У них нет улик. Они не посмеют, — говорил он, словно твердил латинские спряжения. — Скоро придут воины из племени Кха, и эти солдаты разбегутся, как крысы...

Он не понимает! Мы одни в городе! Все ушли...

Я влез на койку и, встав на цыпочки, прижав лицо к решетке, принялся звать на помощь... Никого...

Вдруг в дверь постучали. Три раза.

Отодвинулся глазок, и кто-то заглянул в камеру. Не слезая с кровати, я закричал:

— Сюда, скорее!

Кто-то возился с засовом. Я подбежал к двери.

Дверь приоткрылась, и человек с той стороны прошипел: «Тише!»

Открывавшаяся дверь откинула меня в сторону. Я узнал капитана Боро. Он закрыл за собой дверь и сказал:

— Князь, скорее! Я рисковал всем, пробираясь к вам.

Князь открыл глаза.

— А... — сказал он спокойно. — Это вы, капитан. А где мои люди?

— Их грузовик задержали. Им рассказали о землетрясении, они сели в грузовик и поспешили к себе в деревни.

— Только ты? — спросил князь. — Только ты не предал меня?

— Скорее, князь, — ответил Боро. — В любой момент они могут вернуться. У них мало людей, их всех отправили на аэродром разгружать самолеты с продовольствием. Они могут вернуться.

— Идем,— сказал князь.

— А я?

— У меня нет места в машине,— сказал Боро.— Я всю ночь скрывался в сарае, меня ищет майор Тильви. Но я счел своим долгом...

— Я не забуду, Боро,— ответил князь.— Ты можешь и в будущем рассчитывать на мое покровительство. Ты уедешь со мной в Швейцарию.

— Вы не имеете права!— закричал я.

Капитан Боро пропустил князя вперед, я попытался пробиться к двери, но капитан вытащил пистолет и прицелился в меня.

— Прибить его?— спросил Боро, словно о бродячей собаке.

— Пускай живет,— сказал князь.— Вы же знаете мою доброту. Он ничего не скажет. И запомни,— добавил он, стоя в дверях и запахивая свой халат, словно тогу императора,— если заговоришь, умрешь. Когда все кончится, мы снова станем друзьями.

И он улыбнулся своей застенчивой и зловещей улыбкой испорченного мальчика, показав отличные белые, красивые зубы.

Хлопнула дверь, звякнул засов. И я остался один.

Я не знаю, сколько я простоял посреди камеры, опустив руки, не в силах сделать шага,— я был забыт, я был обречен.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

— Они пошли в горы,— сказал староста.

— Мы пойдем?— спросил я.

Я боялся, что он откажется. У него в деревне родные, о них надо заботиться. Если бы он отказался, я бы не мог возражать.

— Немного пойдем,— сказал староста, подбирая английские слова.

Мы пошли дальше. У контрабандистов тяжелый груз, а мы идем налегке. Тропинка шла все время вверх, иногда повисая над скалами, порой убегая вниз, в узкие щели, прорезанные ручьями. Солнце поднялось, мон, наверное, беспокоятся, я старался не думать о том, что скажет Отар и как разгневется. Вспольный, потому что я веду себя, как не следует вести человеку в служебной командировке. Охотники громко переговаривались, шутили, курили, но я уже обратил внимание, что всегда один из крестьян шел в шагах пятидесяти впереди.

На седловине горы, покрытой густой невысокой травой, мы

остановились передохнуть. Я рухнул на траву, спугнув какую-то змею, но так устал, что не обратил на это особого внимания. Минут через пять я отдышался и смог сесть.

Остальные уселись в кружок, курили. Мне не следовало рассиживаться здесь, словно я слабее других. Я поднялся и начал взбираться за старостой и Лаво к недалекой вершине горы. У вершины я догнал их. Отсюда открывался вид в долину, по дну которой, появляясь в зеленой путаной вате деревьев и снова исчезая, текла извилистая тонкая речка.

— Лонги,— сказал староста и показал рукой направо.

Деревню отсюда не было видно, но места были почти знакомые. За следующим хребтом мы впервые встретились с Па Пуо.

Лаво достал из футляра на поясе большой армейский бинокль и начал внимательно разглядывать долину. Старосте надоело ждать, он протянул руку, но Лаво с биноклем не расстался.

— Э!— он показал вниз, туда, где речка пересекала зеленое пятно поляны.

Я ничего не видел. Лаво протянул мне бинокль.

Махонькими точками вдоль реки передвигались люди. Воздух был чистым, но от жары колебался, и потому люди словно плыли сквозь прозрачный поток.

— Па Пуо,— сказал староста.

— Мы пойдем туда?— спросил я неуверенно.

Староста пожал плечами и стал спускаться к своим спутникам.

— Я останусь здесь,— сказал я. Голос у меня был пасмурный, как у младенца, вымаливающего конфету.

— Нет,— сказал староста.— Ты звони. Телефон. Самолет прилетит. Я звонил, самолет не прилетит.

— Хорошо,— сказал я.— Тогда быстрее.

— Быстро, быстро!— староста подгонял своих спутников, они подбирали копыя, ружья, подтягивали пояса.

Староста первым повернул к озеру, назад, где пеной зеленого прибора нас ждал лес. Оттуда навстречу нам вышли люди.

ЮРИЯ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЫНЫЙ

Когда я проснулся, солнце ослепительно светило в окно, в листве дерева суетились золотистые пичужки, под верандой громко разговаривали солдаты. Отара Давидовича не было. Его раскладушка была убрана. Не ясно, спал ли он вообще.

Поднявшись, с трудом расправив затекшие, ноющие члены моего тела, я добрался до стола, на котором обнаружил записку:

«Дорогой Юрий Сидорович!

Я уехал в Моши. Вернусь часам к одиннадцати. Попытайтесь дозвониться до Володи. Если Володя приедет без меня, он знает, что делать. Пожалуйста, будьте дома к одиннадцати — надо будет вытащить из дома аппаратуру, важно, чтобы приборы работали непрерывно. Кофе в термосе.

Котрикадзе».

Я отвинтил крышку термоса, налил кофе и начал дозваниваться на остров. Безрезультатно.

Отар Давидович вернулся в половине первого. Он сразу спросил:

— Володя не приезжал? Не звонил?

— Нет.

— Так,— сказал Отар Давидович.— Займемся аппаратурой.

Около часа мы перетаскивали приборы в сад. Отар Давидович молчал, да и я не разговаривал, потому что, несмотря на кажущуюся простоту, разборка аппаратов, переноска их и установка на новом месте требовала больших физических усилий и крайней осторожности.

Работа была в разгаре, когда Отар Давидович сказал:

— Дальше я справлюсь один. У меня к вам большая просьба. Возьмите, пожалуйста, машину и найдите майора. Я беспокоюсь за Володю.

— Я сделаю все возможное,— заверил я Отара Давидовича.— Будьте совершенно спокойны.

Мне пришлось идти пешком: капот «джипа», на котором вернулся Котрикадзе, был распахнут, шофер чинил мотор. Через десять минут я уже был в губернаторском дворце, где мне удалось узнать у дежурного, что майор уехал в механические мастерские. Я решил сходить туда пешком, благо все расстояние в Танги сравнительно невелики.

Мой путь лежал мимо маленькой церкви, подобной тем, что изображаются на немецких или швейцарских рождественских открытках. Дверь в церковь была открыта. Оттуда доносился чей-то монотонный голос. Любопытство заставило меня заглянуть внутрь. Свет из узких высоких окон освещал старика, лежащего в гробу. Его лицо вялело собой зрелище полного умиротворения и покоя, словно этот человек долго шел, устал и заснул. Полная пожилая женщина в темной одежде стояла

у гроба. Я пошел дальше. Люди рождаются, умирают, и город, доживающий свои последние часы, кажется постоянным и вечным, куда постояннее живущих в нем людей...

В механических мастерских было пусто. Несколько рабочих покрывали брезентом вытасченный на двор пресс. Один из них спросил, кого я ищу. Я сказал, что майора Тильви. Рабочий сказал, что майор уехал на аэродром, а это в двух милях от мастерских. Я поблагодарил его и пошел дальше. Раза два меня обгоняли повозки с домашним скарбом. У домов городской окраины был странный вид, словно все жители собирались выехать на дачу: вещи стояли на улице, в палисадниках — шкафы, кровати, сундуки, но сами дома были пусты. На крыше одного из домов сидел человек и снимал черепицу. Два других подхватывали плитки, которые он ловко кидал им, и складывали в аккуратный штабель.

На маленьком аэродроме мне сказали, что майор только что был здесь, а какой-то лейтенант с повязкой Красного Креста на рукаве вмешался и поправил:

— Вон он.

Я взглянул на поле и увидел, что майор Тильви направляется к вертолету, стоящему в стороне от взлетной дорожки.

Когда я добежал до машины, винты уже вертелись, поднимая пыль и сухую траву. Я стал отчаянно махать руками, чтобы привлечь внимание пилота. Вертолет завис над землей, словно раздумывая, в какую сторону ему лететь, дверца в нем открылась, и оттуда выкатилась веревочная лестница, как бы приглашая меня подняться. Я подбежал к лестнице и остановился. Блестящее брюхо вертолета нависало надо мной, и, когда я, вцепившись руками в боковины лестницы, поставил ногу на ступеньку, прогнувшуюся под моей тяжестью, меня сразу понесло куда-то вбок, я потерял равновесие и рухнул на землю. Я тут же поднялся, подумав, что на моем израненном теле появится еще один синяк, и вновь направился к лестнице. Из люка высунулся сам майор Тильви и знаком показал мне, чтобы я отошел. Вертолет мягко опустился на землю, и вскоре его винты, прекратив вращение, опустились вниз, как уши побитого зайца.

— Входите!— крикнул мне майор Тильви.— Мы теряем время. Вы что, раньше никогда по лестнице не поднимались?

— Простите,— сказал я.— Профессор Котрикадзе обеспокоен судьбой товарища Ли...

— Я говорю, входите!

Я подчинился. Майор Тильви — представитель правительства, и я должен с уважением относиться к его просьбам.

Внутри вертолет оказался просторным. Мне никогда ранее не приходилось совершать путешествия на вертолетах, и пото-

му я их недооценивал. Вдоль боковых стен тянулись скамейки, на которых сидели солдаты. Один солдат сел на пол, и майор Тильви показал мне на освободившееся место. Я хотел все объяснить майору, но в этот момент с оглушительным треском заработал мотор.

ТАНГИ ОТЕЛЬ АМБАССАДОР ДИРЕКТОРУ МАТУРУ ИЗ ЛИГОНА 12.50.
ОЗНАКОМИЛСЯ УСЛОВИЯМИ СТРАХОВКИ СПИЧЕЧНОЙ ФАБРИКИ
УЩЕРБ ОТ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ ПОЛИСОМ НЕ ПОКРЫВАЕТСЯ ТЕЛЕ-
ГРАФИРУИ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДАЛЬНЕЙШИХ
ДЕЙСТВИЙ В ИНОМ СЛУЧАЕ ВЗЫСКИВАЮ ТЕБЯ УБЫТКИ ЧЕРЕЗ
СУД ЛЮБЯЩИЙ БРАТ СААД.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Из кустов вышли и замерли от неожиданности князь Урао и бывший комендант Танги капитан Боро с толстой сумкой в руке.

В первый момент меня более всего поразило одеяние все- сильного князя: пурпурный стеганный халат, подпоясанный золотым витым шнурком, и домашние, разорвавшиеся от ходьбы по камням туфли.

Все молчали. Ну просто остолбенели. Староста обернулся ко мне, словно я сейчас дам ему ценный совет.

Светлые узкие глаза князя проследовали за взглядом старосты и замерли на моем лице. Теперь староста смотрел на меня, крестьяне смотрели на меня, князь и капитан Боро смотрели на меня.

— Их надо задержать,— сказал я старосте.

— Итак,— сказал князь.— Я вас не сразу узнал. Теперь я понимаю, кто стоит за спиной майора Тильви.

Князь склонен к театральным эффектам и в тот момент изображал византийского багрянородного императора (если ему, конечно, приходилось когда-нибудь слышать о Византии).

— Вот кому майор Тильви продал ваши горы! Вот кого он пригласил разрушить наши дома!

После этого князь отвернулся от меня и сказал небольшую и страстную речь по-лигонски, наверно аппелируя к свободолюбию местных жителей. Те неуверенно переминались с ноги на ногу, потому что одно дело гоняться за контрабандистами, другое — обидеть князя.

После окончания страстной речи князя ничего не произошло. Крестьяне всё так же стояли, стараясь не глядеть на грозного владыку. Видно, князь разгневался, он повысил голос и начал сурово корить крестьян. В тот момент я не догадывался,

что мои спутники из деревни — бывшие монастырские рабы, так что князь для них — авторитет относительный.

Капитан Боро взял князя под локоток и начал его успокаивать. Я воспользовался паузой для попытки повлиять на старосту.

— Если мы задержим их, — сказал я, — они отдадут Лами.

Староста отрицательно покачал головой.

— Мои люди, — сказал он, — не будут задерживать князя.

Князь, не вняв увещаниям капитана Боро, протянул свою длинную руку к кобуре капитана и начал расстегивать ее, чтобы добыть пистолет. Боро испугался, стал отдираТЬ пальцы князя. Они оба замолчали и боролись за оружие, сопя и тяжело вздыхая. Зрелище могло бы быть смешным: маленький, круглый Боро и длинный князь в пурпурном халате, но никто не смеялся. Я с некоторым облегчением увидел, как сержант Лаво поднял автомат и наставил его на дерущихся.

Староста сказал две или три фразы. Довольно громко. Он велел князю и Боро идти своей дорогой. Иного перевода я не придумал.

От этих слов князь сразу отрезвел. Его рука опустилась. Боро снова застегнул кобуру.

Мы стояли, а они проходили между нами, как сквозь строй. Князь прихрамывал — видно, разбил ноги в кровь, но шел он, задрвав птичью голову.

Вертолет, летевший совсем низко, появился неожиданно. Мы глядели наверх, а машина быстро спускалась на седловину. Ее винты прижали траву. Вертолет еще не коснулся земли, как люк отворился и оттуда начали выпрыгивать солдаты в голубых беретах, быстро и четко, как на учениях. И тут же разбегались веером.

Опомнившись, капитан Боро почему-то бросился в мою сторону. Он размахивал пистолетом, забыв о его прямом назначении, и неся, как носорог. Я не хотел вмешиваться в схватку, но должен признаться, что дороги я ему не уступил. Капитан врезался в меня, и мы оба покатались по траве. Удар был настолько силен, что я на секунду отключился. А может, прошло больше секунды, потому что следующее, что я помню, — это участливое, разрисованное йодом и заклеенное пластырями лицо добрейшего Юрочки Вспольного, который склонился надо мной и спрашивает:

— Вы не ушиблись, Владимир Кимович? А то Отар Давидович очень беспокоится.

Это было похоже на немецкую сказку: помните, там все по очереди идут в подвал, видят кувшин, который может упасть, начинают плакать и не возвращаются? Пропал Володя, теперь Вспольный.

В два сорок я, так и не связавшись с островом, не дождавшись вестей от Вспольного, пришел в гадчайшее состояние духа. Но работа остается работой, и, кроме меня, ею некому было заняться.

Я проверил, нормально ли работают приборы. Они работали почти нормально. Но если верить им, землетрясение уже началось. Потом я тщательно зарядил кинокамеру, сунул в сумку запасные пленки и вышел из дома. Солдат я отпустил. Они уехали на грузовике, который подбирал отставших. Со мной остался только шофер «джи́па», который полагал, что ему безопаснее с господином профессором, который ни за что не станет подвергать риску свою драгоценную жизнь.

— Поехали?— спросил он, когда я вышел из ворот.— В Моши?

— Нет,— сказал я.— Я останусь в городе. Я буду снимать кино. Довезите меня до центра и уезжайте.

— Нет,— шофер раскусил хитрость.— Здесь хорошо, там плохо.

Я надеялся, что, если мы не будем приближаться к зданию, ему ничто не угрожает.

Мы ехали по улицам не только мертвого, но и выпотрошенного города. Скоро, подумал я, начнут издавать пособия: «Методика подготовки к землетрясению и эвакуация населения и оборудования». В них обязательно будет: «Как показывает опыт проведения (почему бы не ввести это слово?) землетрясения в округе Танги в марте 19.. года, оправдал себя съём кровель с несейсмостойких сооружений...» Тут я увидел двух спокойно бредущих по улице солдат. Один из них заглянул в пустой дом, другой остановился перекинуться несколькими фразами с моим шофером.

— Не подходите больше к домам, скоро начнется,— сказал я солдатам; они не поняли, шофер перевел им, и солдаты засмеялись.

— Хорошо, хорошо,— сказал один из них, и они пошли дальше, поглядывая по сторонам, полагая, что приказ командования охранять пустой город вздорен, но от этого не перестает быть приказом.

Я снял площадь и дворец губернатора. В панораму попала церквушка. Когда она была в объективе, я услышал звон колокола. Какой-то сумасшедший сидел на колокольне — вот кто

наверняка погибнет. Поднялся ветер, тучи опустились к крышам.

— Давай к церкви,— сказал я шоферу. Он понял.

Мы подъехали к открытым дверям. Я вбежал внутрь и замер. Посреди церкви, между двумя рядами скамеек, стоял открытый гроб. В гробу лежал старик миссионер, я его видел раньше. Все убежали и забыли о нем. Я подумал сначала, что надо бы вынести гроб, но время было слишком дорого, чтобы тратить его на мертвых. Оно нужнее живым. Наверное, этот старый священник не имел здесь друзей, он был чужим этому народу и остался один, когда люди ушли. Я обогнул гроб и взобрался на колокольню, куда вела по стене винтовая лестница. Но там было пусто. Оказалось, что колокол отвязан и его раскачивает ветер. Я потерял еще три минуты, снимая панораму города сверху. Это мне следовало сделать раньше, но все недосуг. Я заставлял руки вести камеру медленно и угловаривал себя, что время еще есть, и в то же время критик, живущий во мне и следящий за каждым моим шагом, нещадно клял меня за легкомыслие. Мировая наука обойдется без этой панорамы, а вот быть погребенным под развалинами церкви — неразумно.

Кончив снимать, я сбежал вниз. И только хотел уйти из церкви, как заметил за гробом нечто черное. За постаментом, на котором стоял гроб, сжавшись в комок, пряталась женщина. Этого еще не хватало! Я попытался поднять ее.

— Идемте отсюда,— говорил я ей как можно спокойнее.— Сейчас здесь нельзя оставаться...

Женщина подняла ко мне лицо. Она была немолода, но лицо почти без морщин, широкое, гладкое, усталое.

— Нет,— сказала она по-английски.— Я останусь с ним.

— Скоро церковь рухнет.

— Хорошо,— сказала женщина.— Я останусь с ним.

Господи, ну что же делать в такие минуты? Женщина не притворялась, она хотела остаться со старым миссионером.

Я попытался потянуть ее за рукав. Она вцепилась в край гроба. Выбежав из церкви, я бросил камеру в «джип» и сказал шоферу:

— Пошли.

Он послушно спрыгнул с машины и побежал за мной. Не хватало еще сейчас начаться землетрясению. Будут три невинные жертвы.

Женщина сидела у гроба, закрыв лицо руками.

— Берись,— сказал я шоферу.— Быстро.

Мы подхватили жутко тяжелый гроб и, надрываясь, потащили его к выходу. Я шел первым, спиной к входу, и видел,

что женщина, как сомнамбула, поднялась и последовала за нами.

Мы опустили гроб шагах в двадцати от входа в церковь. Я бы и не смог пронести еще ни шагу дальше.

Шофер стоял по ту сторону гроба, смотрел на меня, шевеля пальцами, чтобы восстановить кровообращение. Видно, я казался ему идиотом. Чтобы снять с себя такое подозрение, я показал за его спину.

Шофер обернулся. Женщина, наклонившись над гробом, гладила спокойное лицо старика.

Неожиданно для меня шофер поклонился женщине.

— Поехали,— сказал я.

Шофер подчинился. Он подал машину задом, и мы попятись к улице. Шофер сказал, не отрывая глаз от женщины в темном:

— Княгиня Урао Вамилор.

Мы ехали мимо низкого одноэтажного здания военной комендатуры, когда я услышал отдаленный крик.

Я выключил камеру. Крик послышался снова.

— Слышите?— спросил я шофера.

Тот кивнул и рванул «джип» в открытые ворота. Мы миновали плац. Крик — как будто кричал исплакавшийся голодный ребенок — доносился из-за забранного решеткой окна.

— Скажите ему, чтобы выходил оттуда,— попросил я шофера.

Тот перевел мои слова. Из-за решетки донесся невнятный ответ.

— Он не может выйти. Это военная тюрьма.

Я взглянул на часы. Пять минут четвертого. Наши коллеги в Москве сидят у сейсмоскопов, ждут, когда пойдут большие пики.

Мы побежали с шофером по длинному коридору. Три дальних двери были окованы железом. Узник, догадавшись помочь нам, молотил в среднюю дверь. К счастью, она была лишь закрыта на засов.

К нашим ногам мешком вывалился старый знакомец — директор Матур. Он пытался подползти к моим ботинкам с явным намерением их облобызать, но я успел отступить.

Мы подхватили грузного, потного, обессиленного директора под руки и поволокли к выходу.

— Спасибо,— бормотал он, узнав меня,— я никогда не забуду бескорыстной помощи великой Советской страны...

— Лучше старайтесь идти.

— У меня нет ног...

Первый толчок застал нас у самого входа в здание. Он, к счастью, был не сильным — земля дернулась из-под ног, слов-

но кто-то живой шевельнулся там, в глубине, вырываясь наружу. Отдаленный, утробный гул поднимался изнутри.

Ноги директора Матура ожили и рванули его вперед.

— Куда ты?— крикнул я.— В машину!

Но он не слышал — он несся по улице, движимый паникой, которая далеко не всегда подсказывает лучший путь к спасению.

Я выхватил из машины камеру. Шофер стоял у меня за спиной.

— Поедем?— спросил он.

— Нет,— сказал я.— Ложись!

И тут последовал второй толчок. Я еле успел отпрыгнуть от машины. «Джип» подскочил, как живой, наверное, на полметра и покатился вперед, набирая скорость, пока не врезался в стену барака. Барак подался, и «джип» исчез, словно суслик в норе.

Шофер упал на землю. Но я еще держался на ногах. Надо снимать процесс разрушения. Таких кадров еще не было. Не обращая внимания на грохот, на ураган, налетевший на город, я бежал по улице, держась середины. Шофер бежал за мной. Ему страшнее было остаться одному.

На центральной улице меня настиг третий толчок — он был сильнее первых. Я в этот момент снимал, но толчком меня бросило на землю и покатило, словно сухой лист. Остановил меня шофер, вцепивший мне в ботинок.

Дальше я снимал сидя, стараясь не слышать и не видеть ничего, что не вмещалось в видеоискатель...

Потом, когда фильм все-таки был проявлен и мои коллеги в Москве после просмотра пожимали мне руку, уверяя, что ничего более драматического и умело снятого им не приходилось видеть, я старался не улыбаться. Камера прыгала в руках, порой в кадре оказывалось лишь небо, я боролся с приказами собственного тела, которое желало одного: вжаться в землю, держаться за нее, предательскую, коварную землю, старающуюся стряхнуть с себя дома, деревья, людей — все лишнее, включая директора Матура, который полз по площади неподалеку от нас.

Я не первый раз вижу землетрясение. Правда, к таким толчкам я не успевал — лишь видел их последствия, но должен признаться, что первобытный ужас, овладевающий человеком, необорим, как сон после трехсуточного бодрствования. Мне помогло лишь то, что в моем мозгу сидела упрямая мысль: ты должен снимать, никто, кроме тебя, никогда не снимал этого...

Через пять минут после встречи с Володей мы уже снова поднялись в воздух.

Капитан Боро пытался все время что-то объяснить майору, но солдаты его придерживали. Князь был совершенно безучастен, он сидел на полу, закутавшись в красный халат, и смотрел в одну точку. Раньше он мне казался значительно моложе. Это был потрепанный жизнью фат лет за сорок.

Вертолет опасно кренился, спускаясь в ущелье, и я не стал выглядывать в окно, чтобы не закружилась голова.

Сержант Лаво крикнул что-то, пилот положил машину набок, князь потерял равновесие и пополз к стенке машины, чуть не натолкнувшись на меня. Потом машина выпрямилась, один из солдат распахнул люк, и они все начали вставать и выпрыгивать наружу. За грохотом винтов ничего не было слышно. Я тоже поднялся и вслед за Володей побежал к двери. Земля была близко. Я прыгнул, и очень удачно, даже не ушибся. Но оказалось, опоздал к главным событиям.

Посреди поляны, подняв руки, стояли несколько человек. Вокруг солдаты в синих беретах. Володю я увидел чуть в стороне. На земле сидела Лами, протянув к Володе связанные руки, а Володя пытался зубами разодрать узлы. Это было неразумно. Я подошел к ближайшему от меня солдату и спокойно потянул у него из ножен широкий солдатский нож. Солдат взглянул на меня дикими глазами.

— Не волнуйся,— сказал я ему по-лигонски.— Мне нужно развязать девушку.

Я подошел к Володе и, протягивая ему нож, сказал:

— Так будет удобнее.

Девушка меня не заметила. Она смотрела на Володю и плакала.

Но это был не финал. Внезапно горы зашатались, я видел это собственными глазами, земля ушла из-под ног, и я оказался на тюках с опиумом. Следующий толчок отбросил меня в сторону, и мне пришлось вцепиться в траву. «Монокль» куда-то улетел, все происходившее было усугублено тем, что мир для меня был окутан туманом.

Но хуже всего был грохот, гул, рвущий барабанные перепонки... Время стало бесконечно длинным. Мне казалось, что земля может расступиться и проглотить меня. Именно проглотить, потому что я тогда понял на своей шкуре, как тонка оболочка нашей планеты.

И все-таки, лежа на земле, без очков и даже без «монокля», я, в силу своей наблюдательности, многое заметил и запомнил.

Я видел, как первым или вторым толчком опрокинуло набок вертолет, я видел, как Володя распластался по земле так, чтобы прикрыть своим телом девушку, я видел, что над лежащими и кричащими от ужаса людьми стоит, пытаюсь удержать равновесие, майор Тильви, я видел, как из опрокинутого вертолета красным пятном вывалился князь Урао и, падая и снова поднимаясь, побежал к склону горы, к деревьям, я видел, клянусь вам, как упавший на землю майор Тильви стреляет вслед князю, но тот, словно тропическая бабочка, удаляется от нас, карабкается вверх по откосу и как навстречу ему несется легкий поток камней; я видел, как камни встретили князя, отбросили его назад и скрыли под собой — лишь языками пламени высывались из-под них полы красного халата.

А потом, когда все стихло и земля лишь вздыхала, сжимаемая вялыми судорогами, пошел тяжелый, холодный дождь...

Лигон. 16 марта (ТАСС.— ЛигТА). Вчера в горных районах республики Лигон произошло сильное землетрясение. Почти полностью разрушен город Танги и ряд окрестных населенных пунктов. Озеро Линили вышло из берегов, волнами смыты две прибрежные деревни. В горах произошли многочисленные обвалы. Благодаря своевременно принятым мерам число жертв незначительно...

КАНДИДАТ В ЧЕМПИОНЫ ПОРОДЫ

ПОВЕСТЬ О ПРОИСШЕСТВИИ
МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОМ И НЕВЕРоятНОМ

Мой Варяг — ирландский сеттер. Друг человека-добытчика. Чистейших кровей — родословная, как у Габсбургов. И все у него прямо по знаменитой книжке Сабанеева «Охотничий календарь». Шерсть длинная, золотисто-каштановая, на лбу белая звездочка, нос коричневый, глаза как спелый фундук, тело легкое, крепкое, хвост саблей. Мне его два года назад подарил сам Руднев. Да, именно он, Виктор Семенович. Видите ли, я его лечил — после той аварии, помните? А потом знакомство завязалось. И мне на юбилей он преподнес щеночка и стихи — каким великим я стану охотником. А я за полтора года ни разу не вывел Варяга на выставку — не получилось. Руднев варваром меня называл! И вот прошлым летом, когда я сам был низвергнут из врачей в пациенты, случилась эта история.

1

В августе меня перевели из клиники, где я пребывал после инфаркта, в институтский сердечный санаторий. Чувствовал я себя уже сносно, и неудивительно, что вскоре принялся кланяться: привезите да привезите Варяга — два месяца собаку не видел. Наташа, жена моя, ноет: «Ну как его довезешь до «Дубков» в автобусе с пересадками!» Но везти Варяга не хочет не потому, что трудно, а чтобы я себе душу не травил. Увижу пса и начну строить планы, как бы выбраться с ним на охоту. А я ее перехитрил. Позвонил Рудневу и попросил, чтобы он помог ей привезти собаку. И в воскресенье к санаторию подкатил знаменитый оранжевый «Москвич» — один Руднев знает, что там под его капотом. Впереди Наталья Павловна, сзади Даша, моя дочь, с мужем Юрой. А первым из «Москвича» вылетел рыжий мохнатый метеор и чуть меня не сшиб — видели бы вы, что творилось!

И поехали мы в одно хорошее место — километров за двадцать. Там и речка, и рощица. Рядом овсяное поле. Безлюдно. И есть большой пенёк — как стол. Даша с Юрой — в речку. Наталья Павловна раскидывает на этом пне скатерть-самобранку: два больших термоса с хорошим, не по-санаторски заваренным чаем и все такое. А мы с Виктором Семеновичем в тенечке любимся на небо, на облака, на листву. Он сосет трубку. Я жую травинку. И на мне, понимаете, не осточертевшая больничная пижама, а родные задрипанные хлопчатые джинсики. И мы смотрим, как Варяг «челноком» прочесывает рощицу — как работают в нем эти самые инстинкты десятков поколений собачьих Габсбургов.

А он прочесывал так плотно, так хорошо и не ковырялся носом в следах, словно какая-то там ищейка, а шел все время верхним чутьем и так благородно держал голову, что Виктор Семенович только покосился на мою благоверную — и слышали бы, с какой горечью вздохнул:

— Такая собака без работы пропадает, а ведь охота уж два дня как открыта — с двадцать шестого! В этом году задержали...

И тут же он был круто прерван бабой Натой, то есть Натальей Павловной, — ведь мы с ней уже дедушка с бабушкой:

— Прошу вас, обещайте, что сегодня больше про охоту ни полслова! Незачем Сереже душу томить.

А мой Варяг уже ушел от нас далеко в сторону — мелькнет метрах в ста и пропадет, даже не слышно, как он шмыгает сквозь кусты. Но вдруг выскочил откуда-то — и ко мне. И делает «анонс»: доклад, что нашел дичь и надо идти за ним туда, где она прячется.

Есть навыки обязательные, без которых охотничья собака — не собака: например, когда птица ранена, собака должна догнать подранка, прижать его к земле лапой или осторожно взять зубами и подать хозяину, но не душить. Но анонс — это другое: это высший собачий пилотаж. Его не всякий дрессировщик может добиться и не каждая собака способна освоить. А ведь, честно говоря, я и охотник и собачник пока что липовый — только и начал с легкой руки Виктора Семеновича. Он мне вместе со щенком подарил две книжки про собачью педагогику, и я старался обучать Варяга дома и на прогулках. А в поле, снисходя к моей неумелости, натаскивал он сам. Натаска — это целая наука! Но ни Виктор Семенович, ни я до анонса не дошли. А Варяг сам дошел — в полтора года! Мы даже не сразу поняли, отчего он, подбежав, легонечко припадает к земле, смотрит в глаза, тихо поскуливает, делает вид, что хочет отбежать, но не отбегает.

Вдруг Виктор Семенович словно проснулся, вскочил и говорит: «Пошли».

Варяг удостоверился, что мы идем следом, и поспешил вперед. Когда сквозь кусты уже проглянуло поле, он замер. Потом перешел к «потяжку» — стал ступать медленно, бесшумно, будто плыл в невесомости... и застыл в стойке, подняв лапу. Так всегда рисуют и лепят легавых собак, это их классическая поза.

А у нас и ружья-то нет!

Руднев свистнул. И представляете, Варяг с края овсяного поля поднял крупную тетерку!

Виктор Семенович запричитал от восторга:

— Ах ты умница! Ах ты прелесть! Сам научился, да чему — анонсу! Ты понимаешь, Сергей Дмитриевич, что это такое? Ведь этому только сеттеры-гордоны сами научаются, и то не всегда! А он-то ирландский, у них это один раз на сотню, и он же может передать это потомству!..

Мы вернулись к пеньку, и Руднев принялся рассказывать, что было, — с жаром, с истинной страстью. Даже показал, как Варяг шел в потяжке и как застыл в стойке. А поскольку Наталья Павловна не пришла в восторг, он вдруг распустился:

— Надо срочно ехать на охоту, чтобы закрепить такой замечательный навык! И завтра же найти Варягу пару, чтобы в ноябре были щенки! Тогда к трем годам он возьмет большую золотую медаль, а в семьдесят девятом, как выставят новых щенков, — вторую! А собака, которая дважды берет большую золотую, становится чемпионом породы! Он же верный кандидат, могу даже на свою машину поспорить!

Даша вылезла на крик из речки, присела в купальничке рядом и переглядывалась с Натальей Павловной. Юра слушал его монолог, стоя по пояс в воде, и Варяг смотрел Виктору Семеновичу в рот, словно был ошеломлен перспективой.

Мы уселись вокруг пня, принялись чаевничать, а я начал исподволь готовить бабу Нату к очевидной необходимости. Начал я издали: есть всеобщий закон — в интересах дела надо поддерживать рабочую форму. А способ один: как можно больше и лучше заниматься своим делом. Музыканту — играть, хирургу — оперировать, охотничьей собаке — охотиться.

Наталья Павловна слушала-слушала, потом вдруг всплеснула руками, словно сейчас расхохочется. Но сказала грустно:

— Что ты говоришь, дед! Честное слово, все мужчины, даже седые и толстые, — это, оказывается, дети, которые не могут успокоиться, пока не доиграют игру, которую не смогли доиграть в детстве.

Я не стал возражать. За тридцать три года я изучил Наталью Павловну достаточно и понимал, что продолжать не стоит. Но Виктор Семенович этого не знал и говорит:

— Дело не в играх. Я, конечно, не врач, но убежден, что и Сергею Дмитриевичу и Варягу нужно поехать на охоту. У меня есть знакомый писатель, а у него на Валдае изба. Там озера! Воздух! И всего в километре от избы сейчас утки кормятся на пожнях!..

Наталья Павловна даже побелела:

— Ни за что! Он у меня один! Это безрассудство! Вам обоим за пятьдесят, а вы рассуждаете точно мальчишки! Я лучше знаю, как поставить Сергея на ноги.

— Как же?— не без ехидства спросил Виктор.

— Моя приятельница, редакторша с телевидения, после инфаркта водила своего мужа в Теплый Стан заниматься йогой. Там у них целая группа. Ее муж помолодел буквально на двадцать лет. Он забыл, что такое нитроглицерин!..

— Ну что вы, какие могут быть йоги в Теплом Стане!— попытался отшутиться Виктор Семенович.

— Настоящие! Московские! С индийским дипломом! И я должна сказать, что жалею, что вы всучили нам собаку, которая угрожает жизни моего мужа!

...А я же не сказал, как Виктор Семенович выглядит! Ростом — мне по плечо. Квадратный. Пружинистый. Черные волосы щеткой. Брови и усики как у молодого грузина. Глаза голубые, яркие. Глаза сверкнули. Усики взъерошились. Он повернулся круто. По-военному — на нем были босоножки из ремешков, так у него даже каблуки щелкнули. Сел в машину. Смотрит только перед собой — ни на кого. И сигнал нажал. Библикнул коротко — знаете, как шоферы поторапливают, когда пассажиры мешкают. И у бабы Наты глаза сверкают — настоящая звезда экрана во гневе! Она же у нас с прошлой весны на телевидении стала выступать: в передаче «Экран — учителю». Разъясняет там, как надо объяснять вывод формулы объема конуса современному школьнику, если он, понимаете ли, знает принцип «приращения бесконечно малых».

Да, слава, даже собачья,— дело сложное. Она еще не пришла, а неприятности уже наступили. Два дорогих мне человека очень друг на друга обиделись.

2

На следующий день Даша с Юрой привезли с дачи в город наших внуков Митю и Данилу и отбыли к теплому морю. Но внуки у нас — люди современные, надежные. Они занялись своими дслами, бабушка — своими.

Наталья Павловна твердо принялась осуществлять свои планы насчет гимнастики йогов. Первого сентября она сразу из своего института под водительством телевизионной редакторши поехала в Теплый Стан к нашему «простому московскому його». Йог ворковал, что хатха-йога — гимнастика не только тела, но и, так сказать, души: после инфарктов, порождаемых душевными волнениями, она особенно полезна, если не возражает лечащий врач.

А Наталья Павловна блаженно слушала йога, смотрела на настоящий диплом настоящей йоговой академии в Бомбее, что висел на серых узорчатых обоях двухкомнатной стандартной квартиры, и постепенно впадала в то особое состояние, в какое впадают новообращенные, особенно дамы, увидевшие свет новой веры. Но так как знала, что обратиться меня в эту веру затруднительно, она решила пожертвовать собой и к моему возвращению из «Дубков» предстать передо мной примером благодетельного трехдневного воздействия хатха-йоги, для чего немедленно записалась в ту группу. И она, да еще после работы, столько сил вложила в эту самую йогу, что еле доплелась до дому, где уже назревали драматические события, именуемые теперь в семье не иначе, как «Наш собачий детектив».

Винной всему оказалась пришедшая к Варягу слава. Ведь ссора ссорой, а с той минуты, как Варяг был высажен из апельсинового «Москвича» в нашем дворе на Башиловской, даже сама баба Ната ни от кого не скрывала, какую блистательную карьеру напороочил ему Виктор Семенович и почему напороочил. И новость о прорезавшемся таланте произвела впечатление даже на людей, до того никаких симпатий к Варягу не испытывавших. Например, Аида Федоровна, соседка из квартиры над нами, увидев Варяга, сначала тяжело охнула: «Опять этот пустолайка явился, конец покою...» — а всего через пять минут побежала к себе за вкусными утиными косточками. Даже Гасан Давыдыч Пузык, благодетель нашей жэковской сантехники и собачий ненавистник, укушенный за последние четыре года при исполнении служебных обязанностей шестью собаками различных пород, с неожиданным дружелюбием ударился в практическую математику. Он стал, брызгая от азарта слюнями, подсчитывать, что от Варяга каждый раз должно рождаться по шесть щенков, и половину чемпионского потомства мы должны брать себе и продавать не меньше чем по сотне за штуку. «Золотая собака, — сказал он, — выгодное животное», а Варяг неблагодарно от него отстранился, ибо не любит винного запаха...

Добрых три или четыре дня жизни моих внуков и почти целиком двух классов их школы были наполнены грядущей

славой нашего пса. Ажиотаж начался еще до первого сентября — ведь их одноклассники большей частью живут в шести панельных девятиэтажках — домах, окаймляющих наш квартал. И еще в четырнадцатизэтажной кирпичной кооперативной башне. К будущему чемпиону породы началось паломничество, и на него обрушилось столько внимания, что в первый день Варяг удивился, а на третий отвернулся от супа с овсянкой, потому что ожидал на завтрак только мороженого.

А внуки наши — в деда и бабу. Ведь я бы тоже, как Митя, бездумно наслаждался отблесками славы, падающими на нас. Зато Данила все взвесил и решил ограничить паломничество. Он даже постановил — а Митька, как старший, подчинился — выводить Варяга только на пять минут и в разговоры с любопытными более не вступать.

Митькиного приятеля Эдика Соломатина, человека самоотверженного, он впустил в квартиру только потому, что из принесенных им для Варяга двух брикетов мороженого падали на пол вереницы белых капель и Эдик молил: «Хоть сами съешьте!» Съели втроем — Варягу из воспитательных соображений не досталось.

Вторично Данила отступил от своих принципов, когда в дверях появилась жительница кооперативной башни, Митькина одноклассница Ольга Скородумова, не по одиннадцати своим годам крупная черноглазая девица с короткой стрижкой и в солидных очках. Очень важная особа. Я никогда — ни до, ни после — не слышал, чтобы мальчишки даже между собой называли ее иначе чем полным именем — не Олей и не Олькой или Лелькой, но всегда лишь Ольгою.

В пятом «А» у нее и сейчас сразу несколько пионерских должностей по совместительству. В том числе она бесценно возглавляет классную стенгазету, и Дмитрий, случается, с неожиданным для него терпением корпит за обеденным столом над сочинением заметки в этот почтенный орган, ибо «Ольга велела завтра принести». Она может и хорошую шишку набить на лбу — даже сыну Аиды Федоровны, нашей соседки сверху, такому малосимпатичному семикласснику, вечно задирающему Митьку, потому что Митька, как известно всей округе, никого не способен ударить, так как «ударенному будет больно». И наконец, сверх всего, юная Скородумова была славна тем, что ее папа работает на Петровке, 38, почему по будням носит щеголеватый серый мундир с майорскими погонами, университетским значком, ленточками четырех медалей и солидные, как у самой Ольги, очки. По всеобщему мнению, когда Скородумов-папа эти очки снимает, чтобы протереть стекла, он становится точь-в-точь телевизионный майор Томин. И ребята даже пытались выведать у Ольги, не с ее ли папы

списан тот майор, но не получили никакого ответа — ни положительного, ни отрицательного — и признали за Ольгой и учреждением, в котором майор работает, право на некие тайны.

А по моим наблюдениям, в семье Скородумовых у Ольги чин повыше отцовского. В одну из суббот я вместо Даши или Юры беседовал с Митькиной классной руководительницей по поводу его недостаточной решительности при ответах на уроках, а с майором Скородумовым беседа шла по поводу избыточной Ольгиной решительности во время перемен. Я и Ольга со своим папой вышли из школы вместе, но я сразу поотстал — ведь у них было что сказать друг другу наедине. Их слова мне слышны не были, по жестам и, так сказать, «по выражению спины» за виноватого у них шел майор.

И как понимаете, увидев Ольгу перед своей дверью, Данила только посторонился вежливо — тем более Скородумова явилась не из какого-то праздного любопытства, а по делу. Она решила учредить в классной газете рубрику «Наши чемпионы» и для начала в первом номере поместить портрет Варяга в каком-нибудь интересном ракурсе. И даже принесла с собой фотоаппарат «Смена-4». А когда Варяг ею был собственноручно запечатлен — сидя, лежа, стоя, на поводке у Мити и еще с учебником географии в зубах, — Ольга извлекла из аппарата катушку с пленкой и, всучив ее ребятам, сказала, что она свою часть работы сделала — им осталось только все проявить, закрепить и отпечатать к завтрашнему дню, а у нее самой другие хлопоты, у нее «отец на руках». И удалилась.

У ребят и мысли не мелькнуло отложить исполнение возложенной на них миссии. Но пока шли приготовления да пока заряжали бачок пленкой, как на грех, непрестанно звенел то дверной звонок, то телефонный.

Явился в яркой зеленой рубашке Гасан Давыдыч. Умильно сказал Варягу: «Золотая собака!» — и огорчился, что нет бабы Наты — он хотел одолжить у нее трояк до полочки.

Славик Рыбкин, из дома четырнадцать по Нижней Масловке, главный любопытный из Димкиного класса, конечно, не был впущен для обозрения Варяга. Он пустил от обиды слезу и несколько раз трахнул кулаком и даже ногой по запертой перед его носом двери. И тотчас же мама Эдика Соломатина осведомилась по телефону, намерен ли ее сын сегодня готовить уроки, а сообщение о том, что он занят исполнением общественной работы, почему-то восприняла с недоверием.

И дважды какой-то неприятный скрипучий голос спрашивал Наталью Павловну. А затем по моему поручению позвонил навестивший меня в тот день в «Дубках» писатель, приятель Виктора Семеновича, и попросил непременно предупредить

бабу Нату, что в санатории испортились телефоны, пусть она не беспокоится — до понедельника их вряд ли починят. Этот звонок, единственный, был кстати: подошедший к телефону Данила вежливо спросил, сколько минут надо проявлять пленку. Совет был дан. Приятель Виктора Семеновича поболтал с ним еще немного. Сообщил, что у Виктора Семеновича неприятность: он собрался на охоту, а какой-то шофер-новичок помял ему крыло и разбил фару. И получил в ответ информацию, что ребята, проявив пленку, собираются пойти купить фруктовой водички, ибо у них есть восемьдесят восемь копеек.

Словом, работа проходила в обстановке, совершенно не позволявшей сосредоточиться. И вот, представляете, при всем этом пленка оказалась на диво удачной! Ее подвесили в кухне на капроновой леске, натянутой для сушки белья. У них было на троих шестьдесят четыре копейки, но ведь и две бутылки из-под проявителя и закрепителя тоже кое-что стоили. Их отмыли, пристегнули Варягу поводок и отправились в соседний дом — в магазин «Квас».

А там — одно квасное сусло в пол-литровых банках, вещь, удобнейшая на даче, но непригодная к немедленному употреблению. И за соседней дверью — в «Минеральных водах» — только дефицитнейшая и очень противная на вкус «Нафтуся», которую почечные больные ищут по всему городу, но пить ни один нормальный человек не станет. Зато из тени винного отдела продуктового магазина, что в нашем собственном доме, вышел и пересек ребятам дорогу такой толстый дядька с короткой круглой бородкой, в желтой рубашке, в настоящих, с сединой — под цвет его волос — джинсах и с авоськой, полной чебурашек «Байкала», что ребята рты разинули.

Митя, Данька и Эдик застыли на распутье, ибо всем троим вход в винный отдел был родителями запрещен. Но толстый бородач так любовно пристраивал свою авоську с «Байкалом» меж сиденьями беленьких «Жигулей», стоявших у тротуара, что жажда пересилила.

А было шесть часов вечера, и, кроме «Байкала», на запретном прилавке продавалось пиво и прочее. И еще не успели мальчишки с Варягом войти в злополучный отдел, как страждущие в очереди дядьки заворчали, что здесь не хватало только собак и мальчишек.

Разделиться было невозможно: в столь недружелюбной атмосфере локоть друга и брата необходим... ну, как воздух, если только можно так сказать о локте. Митька сначала вышел с Варягом наружу, потоптался поблизости, попытался привязать его к ручке соседней двери — закрытой, как всякая соседняя магазинная дверь. Но это была не ручка, а новомодная алюминиевая плоскость, за которую ничего не привяжешь.

Зато всего в пятнадцати метрах, по бокам подъезда почтового отделения, стоят на высоких тонких железных стойках синий и красный ящики для писем. Все было отлично — изобретатель этих стоек, наверное, подумал и о том, как удобно будет к ним еще и привязывать собак.

Но когда, спустя какие-то семь или десять минут, мои внуки и Эдик Соломатин вышли из магазина с двумя чебурашками освежающего и тонизирующего напитка «Байкал», Варяга около синего ящика не оказалось!

3

И они сначала ничуть не испугались. Они решили, что Митька просто плохо привязал поводок к стойке этого ящика и отвязавшегося Варяга из вредности поманил во двор кто-нибудь из ребят, которые не были сегодня допущены для свидания с будущим чемпионом породы, — тот же Рыбкин.

Но и во дворе, залитом вечерним солнцем, Варяга не было. Они бегали вокруг бойлерной, звали его, и он бы выскочил на зов, если бы шнырял в кустах, которыми обсажен двор.

Тогда они кинулись к кооперативной башне, и Эдик, первым сбежав со склона, обыскал кусты вокруг нее и тоже безрезультатно.

Тут им подумалось, что, быть может, это баба Ната вернулась раньше обещанного времени, заметила у почты Варяга и, решив проучить внуков за беспечность, увела его домой. Семь этажей на лифте — пустяки, но в пустой квартире Варяг существовал только в негативном изображении на просохшей пленке, которую сбросил с лески на пол ветер, пронесшийся, когда открыли входную дверь.

Они оставили в квартире бутылки и вновь кинулись на улицу. Ведь Варяг, если он почему-то сам отвязался, мог из простого собачьего любопытства перебежать дорогу и шастать вокруг кинотеатра «Прага», что против нашего дома. И тут уж они не только бегали и звали, но и принялись спрашивать подряд всех, кто дожидался у кинотеатра начала следующего сеанса, не видели ли они тут красивую рыжую собаку.

Красивой собаки здесь не видел никто, но рассудительный Данила сообразил, что окрестность-то со скамеек по-настоящему не видна. Зато вся она видна с наружной галереи второго этажа кинотеатра.

И они взбежали на галерею по лестнице и собаки вновь не увидели. Однако первый же человек, которому Митька задал уже ему самому надоевший вопрос, — почтенный, очень высокий и тощий, который, прикрыв глаза, грелся на еще

теплом солнышке, падавшем на галерею,— вдруг очнулся от своей дремоты:

— Рыжая собака? Сеттер? Молодой?— Он сложился по полам, наклоняясь к Митьке, и даже придержал свою крохотную шляпку, чтобы вдруг не свалилась.— Который был привязан у синего почтового ящика?.. Его отвязал какой-то мужчина.

Митька, конечно:

— Какой еще мужчина?

— Простите, я же не следил специально. Я как раз сюда поднялся и увидел, как этот мужчина переходил через дорогу — отсюда, от кинотеатра. И сразу направился к собаке. Там еще ремешок был туго затянут — он с ним довольно долго возился. Я думаю, это его сеттер, и даже не стал замечать, как этот мужчина выглядел, потому что смотрел не на него, а на пса. Очень красивый молодой сеттер.

— Чемпион породы!— всхлипнул Митька.— А вы не видели, куда он его повел?

— Не знаю. Не заметил. Не следил. Посмотрел раз — переходит. Посмотрел другой — отвязывает. А потом нет ни его, ни собаки...

И почтенный гражданин, зачем-то сняв свою шляпку, выпрямился и очень высоким голосом громко спросил поверх голов всех, кто стоял на галерее:

— Товарищи! Пожалуйста! Кто видел, как от почты на той стороне уводили собаку? Рыжую. Красивую. Порода — ирландский сеттер!

И тут подошла, как говорил Митька, очень красивая девушка в красивых розовых брючках в цветочек, а в руках ее книжка со скорбным названием «Сто лет одиночества».

— Я видела,— говорит.

— Куда?— спросили в один голос Митька и Соломатин.

— Я не заметила. Какой-то гражданин ее отвязал, и потом он стоял с ней на тротуаре. Она тянула поводок, а он стоял.

— А как он выглядел, этот дядька?

— Я не заметила... Он, знаете, был в такой зеленой пакистанской рубашке... А вы пойдите на почту. Ведь, смотрите, как раз позади этого ящика — витрина телефонной переговорной. Может быть, кто-нибудь смотрел оттуда на улицу?

...У меня — вот уже сколько времени прошло — и сейчас сердце ноет, когда я вспоминаю их рассказы об этой истории и представляю себе, что творилось у мальчишек на душе.

Ведь когда они стали спускаться с этой галереи, Митька вдруг сел на ступеньку и охнул: «Дед!»

Эдик Соломатин удивился:

— При чем тут дедушка?

— Он послезавтра — нет, пятого утром должен приехать из санатория, — мрачно говорит Данила. — Он после инфаркта. Знаешь, что с ним теперь может быть из-за Варяга? Еще инфаркт!

... И вот я вижу, как они идут от кинотеатра через дорогу — к почте, к междугородной переговорной. День-то теплый, светлый — солнце вовсю. Зелень, хоть и московская, пыльная, хоть и уже тронувшаяся в желтизну, но еще живая, пышная даже у нас на скучной Башиловской. А на бульваре, на Нижней Масловке, в считанных шагах от почты, — совсем мощная. Трамваи вдоль бульвара негромко шмыгают — красные, веселые. Люди идут с работы не как утром — без напряжения, успокоенно. А эта троица понурившись идет от веселого света в тень, рассекающую улицу вдоль, и приходит к двери переговорной рядом с тем синим ящиком на ножках, словно рядом с гробом. Свет не мил, и никакой почти надежды. Вот уже сейчас войдут.

И тут Данька чуть ли не на всю улицу:

— Гасан!

— Что Гасан?

— Гасан Давыдыч приходил в зеленой рубашке!.. Он же все твердил: «Золотая собака, золотая собака!» Ворюга!..

И все сразу, не сговариваясь, снова к бойлерной.

И Гасан Давыдыч оказался там, так сказать, как штык. На посту. Но он, наверное, уже все-таки одолжил трояк до полочки, и как день было ясно, что вряд ли мог кого бы то ни было увести даже час назад.

Вернулись к почте. Там, прислонясь к дверям переговорной, нервно курил молодой белобрысый низенький морячок с золотыми загогулинами на рукавах форменки и напряженно прислушивался, не раздастся ли голос, приглашающий в телефонные кабины.

— Скажите, пожалуйста, товарищ капитан, — спросил Митька, — вы давно тут ждете?

— Полтора часа, и я еще не капитан, — расстроено сказал морячок.

— А вы не видели — здесь была привязана собака?

— Рыжий кобель?

— Рыжий!

— Видал, видал... — сказал морячок и бросился от них в зальчик переговорной, потому что из динамика раздалось: «Великий Устюг — Удалову, вторая кабина! Великий Устюг — Удалову, вторая кабина!» Он юркнул в дверь с огромной цифрой «два», поднял трубку и почти сразу нервно застучал по рычажкам телефона, а потом высунулся из двери и, не

выпуская трубки из руки, чуть не плача, выкрикнул: «Не слышно же ничего!»

Тогда в динамике прогудело: «Великий Устюг, перейдите в третью кабину». Морячок рыбкой выскочил из одной двери и нырнул в соседнюю, и, как только застучал по рычажкам, в динамике раздалось: «Великий Устюг, вызываемая не явилась, подойдите к дежурной... Великий Устюг, подойдите к окошечку». И морячок громко стал упрашивать окошечко все-таки соединить его еще раз — ну хоть еще через полчаса, и вот сейчас же непременно предупредить Великий Устюг, что он будет ждать и не уйдет. Потом он подошел к двери, вытащил длинненькую золотого цвета заграничную коробочку — таких никогда не выставляли на витрине в табачном ларьке на углу, — горестно в ней пошарил, вытянул сигарету с синеватым фильтром и тяжко вздохнул:

— Последняя...

Данила, понимая, что моряку не до них и не до собаки, все-таки пробормотал:

— Товарищ капитан, так вы видели?

— Видал, видал...

— В зеленой рубашке? Который увел?

— Кажется, — неуверенно сказал моряк. — А наверняка не знаю. Я запомнил, что он в джинсах был. Он наклонился, когда кобеля отвязывал... Да никакие это не джинсы. Дешевка. Ярлычок-то сзади индийский: «Милтон».

— А как он выглядел? — спросил Эдик.

— Сзади? Крупный. А вообще-то я не приглядывался. Но крупный. Тут как раз крикнули: «Великие Луки, подойдите!» — я ослышался и побежал, а это не меня.

— И вы не видели, куда он повел собаку? — прошептал Митька.

— Почему не видел? Видел! Мне же сразу сказали, что это не меня. Я и вернулся, а он уже с той стороны кустов — вместе с собакой. На дороге. И машина подошла.

— Какая машина?

— Обыкновенная... Ах, вот ты что! Какая она была?.. Ой, ребята, а вам-то это зачем?

Митька уже сквозь слезы:

— А это наша собака, дедушкина. А дедушка был в больнице с инфарктом. Знаете, что будет?

— Знаю, — сказал морячок. — Выдерет. Чтобы ушами не хлопали.

— Не выдерет, — сухо ответил Данила. — Не умеет. Просто будет второй инфаркт. От горя.

Моряк возмущился:

— Инфаркт от горя! Из-за собаки? Во дает ваш дедушка!

Митя даже задрожал от обиды:

— Как вы так можете! Дед у нас на войне...— Но тут Данила заткнул ему рот — буквально. Ладонью. Митька его, конечно, оттолкнул:— Ты что?

— Замолчи! Ты же знаешь, наш дед не любит!

— А зачем руки распускаешь?

И моряк стал их мирить:

— Да не надо, ребята! Ну, vykнул я неудачно от злости. Второй час здесь парюсь, а она там в Устюге не идет на переговорную... А что, хорошая собака? Я ее видел, но я же в них не понимаю: мы-то, как говорят, больше по электричеству. Я же судовой электрик.

— Очень хорошая,— сказал Митька,— золотая собака.

— И что же это была за машина?— задумался судовой электрик.— Тип этот, когда стоял ко мне спиной на дороге, наверное, махнул рукой, ведь около него, по-моему, три машины останавливались: одна — такси, другая — не такси и, кажется, еще такси... А я опять пошел спрашивать дежурную, дадут мне разговор или нет... Наверное, он в такси сел. Не знаю, как вы эту собаку найдете. Тут, чтоб найти, надо всю Петровку, 38 поднять на ноги. А там и без ваших собак дел хватает поважнее.

И это замечание, что могут быть дела и поважнее, очень задело Данилу. Когда они отошли от переговорной, он принялся передразнивать:

—«Поважнее, поважнее!.. Мы по электричеству!.. Великий Устюг — Удалову!» А почему МУР не будет заниматься? Это же кража!

Соломатин подтвердил:

— Настоящая кража. И к тому же крайне золотой собаки! Надо туда звонить. И даже домой подниматься не стоит.— Он это очень убедительно сказал и покосился на окна своей квартиры.— Лучше позвонить из автомата. У нас еще гривенник и две двушки. А для «02» даже двушки не надо.

Мысль, для взрослого смешная — позвонить насчет собаки в уголовный розыск, для ребят была крайне важна. Психологически она стала точкой, на которую можно было опереться. Они знали твердо, что на Петровке, 38 сидят люди, которые могут всё.

Но мальчишки народ трезвый. Играя, они могут кататься на воображаемых машинах и общаться с выдуманными собеседниками. А в жизни они, в отличие от нас, не приемлют суррогатов и подделок. Мы с Митькой как-то были в Третьяковке, и под одной картиной он увидел табличку: «Авторская копия». И картина для него умерла! Хотя она, может быть, была лучше основного варианта.

Или еще: я могу раз в месяц отзвонить старому другу, которого угораздило получить квартиру в Бирюлеве или Ивановском,— и прямо как повидались. А Митька или Данила проболтают с приятелем битый час по телефону, а потом скажут: «Давай выходи! Я сейчас оденусь и эти марки возьму с собой». Хватит, мол, поиграли — подавай ему теперь настоящее общение.

И поэтому они не стали звонить по «02».

Ни по автомату, ни из дома.

Не стали оттого, что человеку, с которым бы их соединили по телефону, не видно глаз собеседника. Данила четко объяснил: они — мальчишки, речь — о собаке, по телефону — либо не поверят, либо скажут, что есть дела поважней, и не станут слушать про чемпиона и про деда. Либо, наконец, предложат, чтобы позвонили не они, а взрослые. А вот если бы им досталось говорить глаза в глаза с живым инспектором с Петровки, ему можно доказать и как все важно, и как все срочно — чтобы не было беды, если послезавтра приедет дед Серега, а Варяга до его возвращения еще не найдут. Глаза в глаза и слышат, и поймут.

Мысль, что пес может кануть в Москве, как иголка в сене, не допускалась. Полнейшая уверенность, что для каждой иголки есть свой магнит. Все логично. Теперь — что делать? Ехать на Петровку?

Во-первых, нет обязательного родительского разрешения на такое дальнейшее путешествие. Во-вторых, денег всего четырнадцать копеек.

И вот уже Эдик у них совсем отважился идти на голгофу к маме и просить у нее хотя бы сорок копеек, чтоб вместе с теми как раз хватило бы на билеты до Петровки — на автобусные и на троллейбусные: ведь пересадка же! И тут Данька вновь пришла счастливая догадка:

— Ольгин отец! Он же из МУРа!

Они понять не могли, как не вспомнили раньше Скородумова-папу! К тому же Ольга обронила, что он у нее «на руках» — значит, дома.

Поскольку Митька еще не пал столь низко, чтобы записывать или запоминать телефоны одноклассниц-пятиклассниц, отправиться в кооперативную башню пришлось без звонка. Лифтерша, сидевшая у подъезда на лавочке, назвала этаж и номер квартиры Скородумовых и подтвердила, что хозяйин — дома. Но когда электроколокольчик отзвонил по Митькиной привычке дважды и даже его эхо замерло, то в ответ ему за дверью Скородумовых не послышалось ни звука.

Тогда позвонил Данька — и тоже дважды. И снова — никакого шевеления. И лишь когда к звонку потянулся, уже

только на всякий случай, Эдик Соломатин, где-то в квартире, в самом дальнем ее месте, раздались странные звуки — словно бы кто-то сначала ронял на пол нечто очень тяжелое, а потом еще сильно ударял сверху ладонью: грох-шлеп, грох-шлеп. Но через десяток секунд стало ясно, что это все-таки шаги, правда такие, будто у шагающего не две ноги, а три.

И это было совершенно правильное впечатление, потому что открывший дверь майор милиции Скородумов стоял за ней на костылях. Левая нога была на весу. На ней довольно свежая гипсовая повязка, и на незакрытых повязкой кончиках пальцев следы засохшей крови — их Данила вмиг заметил. На правой ноге — обыкновенный шлепанец без задника. А одет работник МУРа был не в свой серый мундир, а в старенькие с дырочкой на коленке индийские джинсы «Милтон», слегка припудренные все тем же гипсом, и в зеленую, быть может тоже пакистанскую, рубашку. Только очки были все те же — с толстыми стеклами.

Он посмотрел сквозь них своим пронизательным взглядом и говорит:

— А Ольги нет. Она в молочную пошла. Скоро будет. Заходите.

— А мы не к ней,— ответил Эдик,— мы к вам. У нас к вам очень важное дело.

— Это великолепно,— сказал сотрудник МУРа.— Я теперь как раз тоскую без важных дел. Айда со мной в лоджию!— И загрохал костылями.

А в лоджии на протянутой вдоль нее веревке были развешаны для проветривания Ольгины платья, пиджаки и серые форменные мундиры Скородумова, и среди них — парадный, к которому приколоты не колодки с ленточками, а сами медали, и первой была медаль «За трудовую доблесть» — совершенно естественная для человека, чей повседневный труд связан с большим риском.

Майор сел в шезлонг, положил гипсовую ногу на маленькую табуреточку, протер очки, откинулся и улыбнулся:

— Ну-с, дорогие товарищи, я вас слушаю. С чем пришли?

Но Данька, который все время поглядывал то на мундир с медалями, то на ногу Скородумова, не утерпел и спросил:

— Где вас так?

Майор милиции вздохнул и сказал:

— На работе.

— Давно?

— Позавчера.

Ребята очень уважительно переглянулись: для раненного всего позавчера сотрудник МУРа сегодня передвигался на костылях очень мужественно.

И Митька спросил:

— А чем это?

— Счетной машинкой,— ответил раненый.

Понадобилась пауза, чтобы построить мало-мальски логичную картину, как и при каких обстоятельствах счетная машинка могла послужить в руках преступника оружием. Придя к выводу, что это могло произойти только при стычке с бандитами, напавшими на сберкасса, Эдик спросил:

— А кто?

— Я сам,— сказал майор в штатском.— У себя в кабинете.

— Это что — на Петровке, 38?

— Да, там,— сказал Ольгин папа. И тут он поймал движения Данькиных взглядов от медалей к его ноге и сразу как-то странно вздрогнул, поспешно снял очки, и взор его, такой всегда пронизывающий, стал заволакиваться.

Он закрыл своей большой ладонью лицо, которое в эту минуту как никогда было похоже на лицо майора Томина, и начал не то чихать, не то всхлипывать; но тут ребята сообразили, что он делает, и сами стали прыскать и всхлипывать.

— А я-то никак не могу понять, отчего вы такие подробности выпытываете: где, когда, чем, кто!— сказал, утирая слезы, Скородумов.— Я же там, на Петровке, в финчасти работаю. Экономистом. Я одну папку с бумагами стал искать на столе, а ее нет и нет. Потом смотрю — из-под бумаг ее угол, а я уже раскипятился и дернул. И не сообразил, что поверх папки стоит счетная машинка. И — грох машинку на ногу! И — производственная травма, жуть как нелепо! Перелом плюсовых косточек стопы. Это,— он кивнул в Митькину сторону,— твой дедушка тебе объяснит... Слушай, а почему я его теперь не встречаю? Мы же с ним по утрам часто до Новослободской ездили вместе.

— У него был инфаркт,— сказал Данила.

— Ух ты, какая неприятность!.. Слушайте, а может, чем-нибудь помочь надо? У вас ведь дело какое-то. В чем дело?

— Оно у нас уголовное, товарищ майор,— с ехидной улыбкой ответил Митька.— Мы думали, это по вашей специальности, а вы — экономист!..

— Что это ты меня так величаешь? Мы же не на службе, ты — не подчиненный,— сказал Скородумов.— Для вас я Алексей Петрович.

И тут — в следующую секунду — из-за спин у ребят раздалось резко и даже грозно:

— Зачем пришли?

В дверях лоджии стояла Скородумова-младшая и сердито вертела на пальце колечко с ключом. И ясно было, что она крайне недовольна разглашением ее семейной тайны. Но этот

ее угрюмый тон разом вернул ребят от дела, которое было смешным, к делу, которое было совсем не смешным.

Данила сказал:

— Варяга украли. Увезли от почты на такси. Мы его на минуту оставили, а дед Серега вернется послезавтра.

— Ох, ох, ох! — сказал работник финчасти МУРа. — Собака у добрых людей — родное существо, и после больницы такая пилюля вашему дедушке ни к чему. Надо немедленно что-то делать! Вот что: надо сразу дать объявление в приложении к «Вечерке». Давайте сочинять... Лелюшка, найди лист бумаги, карандаш, а приложение возьми на журнальном столике.

Он развернул рекламное приложение и спросил:

— Так как же тут пишут? «Куплю гараж...» «В троллейбусе маршрут 13 или 42 забыт чемоданчик с документами...» Вот! «Пропала собака, японский хин. Убедительная просьба знающих о ее местонахождении сообщить по телефону 289-43...» И так далее.

— А зачем его могли украсть? — проснулся Эдик.

— Продать, наверное, — сказал Скородумов.

— Или для собачьих боев, — сказал Митька. — Как в «Белом клыке». Возьмут какого-нибудь ротвейлера, дед говорил, что ротвейлеры — самые свирепые собаки, и строят с Варягом! Чудоб дрались. А сеттер — меньше и слабее, и ротвейлер его задушит.

— Да, — сказал майор. — Действительно, страшно. Хорошо, что сейчас всего без четверти семь, а вот позднее, перед сном, про это не стоит рассказывать... Давайте писать объявление. Я предлагаю так: «Пропала собака, ирландский сеттер, молодой самец, рыжий, белая звездочка на лбу, кличка Варяг». У него же есть звездочка? «Исчезла вечером 2 сентября в районе Башиловской улицы. Убедительная просьба знающих о ее местонахождении сообщить по телефону...» Номер... Отлично! Согласны?

— Не исчезла, а украдена, — сурово сказал Данила.

— Чтобы так написать, надо сначала доказать, что она украдена, а не сбежала. Тут уж начинаются юридические тонкости, — вздохнул Скородумов.

— И это всё? — с ужасом спросил Митька.

— Нет, не все, — сказал Алексей Петрович, — теперь посчитаем знаки: один, два... семнадцать... сорок два... во семьдесят... сто двадцать три... сто восемьдесят девять, включая интервалы. Сто восемьдесят девять на семь копеек — это обойдется... Вот нет моей машинки, отвык без нее считать. Тысяча девятьсот минус пятьсот семьдесят, и еще минус семьдесят, и плюс... Получается тринадцать рублей двадцать три

копейки. Лелюшка, дай мой кошелек. Вот тебе тринадцать рублей и мелочь. Завтра после уроков поедешь сама в редакцию — помнишь, где мы с тобой давали объявление?

— А у тебя там паспорт спрашивали,— сурово сказала Ольга.

— Верно, паспорт. Ну ничего, придумаем. Ты пока держи деньги у себя. Самое главное сейчас, ребята, это — действовать.

— А может, все-таки лучше нам на Петровку, 38? — спросил Данила.

— Конечно, недурно бы и на Петровку, но Петровка не убежит,— сказал Скородумов.— Лучше пока сделаем все, что можем, сами. А уголовному розыску оставим только то, что не сможем сами сделать. Ох, как же эта счетная машинка меня не вовремя! Если бы я мог, я бы сейчас во все это включился, а теперь мне придется сиднем сидеть. Но это даже лучше. Я у вас буду, как начальник штаба, разрабатывать стратегию поисков.— И спросил:— А фотографии Варяга готовы? Леленька, ты же ходила его снимать!— И добавил:— Вот вам первое срочное дело.

...Зачем фотографии? Ну как зачем! Вам непонятно, а ребятам-то совсем не надо было объяснять. Они вмиг сообразили, зачем нужны фотографии. Да чтобы показывать их жителям Москвы, не знакома ли им такая собака, не видели ли ее где-нибудь поблизости. А может быть, развесить снимки на стендах «Не проходите мимо!» под большим заголовком: «Разыскивается чемпион». Но в первую очередь — устроить всеобщий опрос московских таксистов. Узнать у каждого, не на его ли машине эту собаку увезли и куда ее увезли.

Митька сказал, что пока готова только пленка и она вроде бы ничего получилась, хотя они проявляли сами всего первый раз. Майор попросил принести пленку ему: он как-нибудь построится со своей ногой в ванной и сам все отпечатает, чтоб получилось лучше. Но Ольга сказала, что в ванной ничего не выйдет: у нее там майки и рубашки замочены, чтобы стирать, и еще отцу со своей ногой лучше посидеть в шезлонге или полежать на диване.

— Видите, какая у меня хозяйюшка,— сказал Алексей Петрович.— И командир, как была наша мама... А как же все-таки с фотографиями? Ведь надо все время действовать. Надо чувствовать, что вот ты в каждый час сумел вколотить как можно больше дел. И когда ваш дедушка приедет и все увидит — и что вы не сидите сложа руки, а действуете, и как идет поиск,— он поверит, что все непременно уладится, и ему будет не так обидно и горько.

— А он не должен увидеть,— убежденно сказал Данила.—

Он должен Варяга увидеть дома. У нас времени только до вечера четвертого. Ну, до утра пятого. Нельзя за это время не найти.

— Ну, раз нельзя, так нельзя,— протянул Алексей Петрович, поднялся, прогрохал на костылях в комнату, достал из стола пачку фотобумаги и сказал Ольге, чтобы она сейчас пошла к нам печатать фотографии, она это умеет. И, по его расчету, сегодня стоило бы еще успеть с первой же фотографией в таксомоторный парк, который рядом — в конце Башиловской, за мостом. Вернее, уже в начале Тимирязевской улицы. Но туда лучше отправиться все-таки с бабушкой. Где бабушка? Занимается? Чем? Йогой? Ого! Ну, когда вернется.

И все пошли в нашу квартиру печатать фотографии.

Правда, Эдик Соломатин у подъезда замялся и сказал, что он потом придет, поскольку мама не успокоится, пока он не посидит за уроками. Тем более, сегодня мало задали. Конечно, в начале четверти можно бы и не учить, но у него такая вот мама. Она сначала ругается, а потом расстраивается. И когда ругается — ничего, а когда расстраивается — невыносимо. А Скородумова сурово сказала, чтобы обязательно приходил. Сейчас еще и других ребят вызвать придется. Потому что одним не справиться. Сколько в Москве таксомоторных парков? Двадцать! А ведь их надо не только объехать. Надо же каждому таксисту показать фотографию!..

Потому-то спустя час, к приходу бабы Наты, наша квартира гудела от лучших людей пятого «А» и четвертого «Б». На оконные стекла были наклеены для просушки фотоизображения Варяга в пяти вариантах: сидя, лежа, стоя, на поводке у Митьки и с учебником географии в зубах. И Славик Рыбкин, задыхаясь от негодования, кричал Эдику:

— Это всё вы! Если бы вы меня пустили, я бы от вас ничем не ушел, и туда бы с вами пошел, и его одного ничем бы не оставил!..

А в ванной продолжались фотоработы, и внуки с энтузиазмом сообщили Наталье Павловне, что Варяг украден, но они подняли на ноги оба класса и поисками руководит Ольгин папа, Алексей Петрович,— хоть он из финчасти, но все-таки из МУРа.

4

Наталья Павловна сразу: «Дед звонил? Ему сказали?» И как только узнала, что в «Дубках» не работают телефоны, взмолилась: «Господи, только бы до понедельника не починили! Я же ему врать не умею!» И — за валокордин: всю хатху-йогу как отшибло.

И почти сразу же общее собрание участников будущего розыска переместилось к Скородумовым, потому что фотографии были уже отпечатаны, а Ольгин папа позвонил, осведомился, пришла ли Наталья Павловна, и сказал, что у него продуманы планы на завтра и надо их обсудить.

Бабу Натю встреча с Алексеем Петровичем возвратила в состояние некоторого, пусть и нестойкого, но все-таки равновесия. Он был очень сосредоточен и искренне заинтересован в том, чтобы все кончилось хорошо. Попросил Митьку с Данилой еще раз рассказать в подробностях все: о девушке, и о моряке, и о Гасане Давыдыче — как он пришел, что говорил и каков оказался в бойлерной. И даже о седом дядьке с бородкой, которого угораздило накануне происшествия запастись водичей «Байкал» и грузить ее в свои «Жигули». И даже о том, давно ли я охотник. И еще очень заинтересовался тем неприятным голосом, который дважды спрашивал бабу Натю — каков он был, этот голос. И неожиданно сам прогнусавил почти точно так, как говорил по телефону тот неизвестный, и сказал, что, видимо, голос был нарочно изменен — на случай, чтоб ребята потом не опознали.

Было видно, что он поработал над собой те два часа, какие ушли на печатание снимков, и слегка освоил смежную в его учреждении профессию.

Он выложил на стол туристскую карту Москвы, на которой, воспользовавшись телефонной книгой, обозначил кружочками все двадцать городских таксопарков и предложил добровольным детективам, договорившись, кто с кем поедет, по двое или по трое, самим наметить маршруты от Башиловской до разных таксопарков. Допустим, одной группе — третий парк и двенадцатый: они недалеко один от другого, на улице Вавилова, метро «Ленинский проспект». Другим — пятый и шестой парки, что у Краснохолмского моста, метро «Пролетарская». Третьей группе — второй парк и девятый, хоть они и не рядом, но все-таки в одном районе. Кому-то должны были достаться маршруты менее благодарные — всего один парк, да к тому же в Медведково, в Тушино, в Выхино, в Химках или у Новых домов.

— Вы в самом деле хотите их отправить в Выхино?— тревожно спросила баба Ната, когда они со Скородумовым вышли из комнаты в лоджию.

— А почему бы и нет?— Алексей Петрович аккуратно пристроил загипсованную ногу на табуреточку и стал протирать стекла очков. — Они же взрослей, чем нам кажутся, и вообще у страха мам и бабушек глаза чересчур велики. Если они все-таки поедут, по двое, по трое, да еще с чувством важности возложенного на них доброго дела, они и в пути будут осмотри-

тельны и никаких неприятностей не случится. Зато все будут знать, что сделано все возможное. Это надо знать еще и вам, и вашему мужу, а этим честным и чистым людям, просто пока еще не очень рослым, совершенно необходимо.

— Значит, вы совсем не верите, что собаку удастся найти?— испуганно спросила Наталья Павловна.

Скородумов вздохнул:

— Я поговорил по телефону с одним своим товарищем, а он в этом недурно разбирается, и он, кстати, кое-что посоветовал. А когда я сказал, что по такой-то причине у нас на поиски всего двое суток, этот товарищ расхохотался! И предложил разобрать — ну с вами, допустим, — всего три возможных версии и подсчитать, сколько времени потребует путь, диктуемый каждой из них.

— Какие версии?— не поняла Наталья Павловна.

— Обыкновенные, — сказал Алексей Петрович. — Первая: произошла случайность. Шел нечестный человек, увидел без присмотра дорогую собаку, решил поживиться и увез в такси. Версия вторая: преднамеренная кража, Варяга подкараулили, но в обоих случаях собаку будут продавать. Вот расчет времени. Если мы сами за эти два дня чудом не узнаем, куда отвезли собаку, найдя всего-навсего в Москве именно того шофера такси, то придется обратиться в милицию и в Общество охотников, и, быть может, либо на Птичьем рынке, либо у некоего покупателя собаку удастся обнаружить. Когда? Через полмесяца. Месяц. Два!

— А я в понедельник поеду за Сережей в «Дубки», в санаторий! И что я ему скажу?— взмолилась Наталья Павловна. — И как я ему скажу? И как у меня язык повернется?

— А! Так Сергей Дмитриевич уже в санатории!— протянул Скородумов. — Тогда, быть может, все не так страшно, тем более он, по-моему, уравновешенный мужчина.

— Он мальчишка, — рассердилась Наталья Павловна. — Просто ему случайно не пятнадцать, а пятьдесят два. Он уже совсем не хочет помнить, что с ним случилось, и хочет жить так, как он жил, когда у него не было рубца на сердце!

— Это лучше! Это во всех отношениях лучше!— развеялся Алексей Петрович.

...Да, быть может, в нас, пятидесятилетних ныне, мальчишество бродит всю жизнь, потому что в юности было-то не до него. Я тогда остался жив — один из всей батареи — да чудом! И попал в партию раненых, которых вывозили самолетом — да еще в Москву! — И в госпитале меня с того света вытащили за ноги — за вот эти, перебитые. Антибиотиков тогда не было — многого не было, а у меня начался сепсис, заражение крови... Я на костыли в первый раз встал на восьмой

месяц — понимаете? Мой врач Илья Михайлович — это я из-за него решил на доктора учиться, светлая ему память — сказал тогда: «Считайте, мальчик, что вы снова родились, и это — чудо!»

...Мальчик? Да мне же еще и девятнадцати не стукнуло, и я же после всего был, как в госпитале меж ранеными говорилось, «тонкий, звонкий, прозрачный и ушки топориком». Вот когда переменил уже костыли на палочку, я пошел однажды в город — в увольнительную. А чтобы все время не козырять, одолжил у соседа — он москвич был — гражданский пиджак. Надел поверх гимнастерки и забыл курево в пиджак положить. Зашел в Елисеевский магазин — его тогда сделали коммерческим магазином: все дорого, но без карточек. За папиросами очередища, а инвалидам — без очереди. Я и сунулся без очереди. И слышу: «Эй, пацан! Ты чего это под калку работаешь? Ишь ты, палочку взял, хромоту показывает, а гимнастерка-то, верно, папкина?» Я оборачиваюсь к этому пожилому дядьке — ну, как я сейчас, — к тому, который меня называл пацаном. А там, в Елисеевском, полно зеркал, и позади него как раз зеркало, и вижу в нем себя — чужой пиджак на мне как на вешалке, а из гимнастерки торчит совершенно цыплячья шея... Ну не трясти же перед ним документами, перед этим дядькой. И ушел без папирос. Но я отвлёкся...

Меж тем Алексей Петрович сказал, что этот его товарищ, сведущий в делах розыска, человек вообще очень насмешливый. И поэтому третью версию они с Натальей Павловной разбирать не станут. И даже он, Скородумов, об этой версии, с ее разрешения, сейчас умолчит.

А в общем-то, главное — во второй и в третьей версиях, что похищение было преднамеренным — хотели похитить именно Варяга, и только его. Кстати, Варяг — чемпион породы!

— Да какой он чемпион! — простионала баба Ната. — Это наш приятель неделю назад в «Дубках» раскричался, что его надо на выставку, на охоту, на испытания, и тогда — через два года будут медали. А мы развесили уши и раззвонили!

— Отлично! Это гирька для этих версий. И телефонные звонки не забудьте прибавить. И измененные голоса! — заключил Скородумов. — А теперь о шансах. При двухдневном сроке главный шанс — это одиннадцатый таксопарк. Единственный из всех. Потому что двадцать парков — это слишком много. Просто нереально. А этот — в километре отсюда: в начале Тимирязевской улицы. И тамошние водители, выезжая на линию, иногда отправляются по нашей улице к гостинице «Советская», к Белорусскому вокзалу, к аэровокзалу — к бой-

ким местам, где могут быть хорошие пассажиры. И наверное, разумней всего — повесить рядом с воротами парка, а если разрешат, то и в проходной два-три объявления с фотографией собаки — это будет бросаться в глаза. И вот если Варяг был вдруг увезен не на случайно проезжавшей машине, а на машине, вышедшей из этого парка на линию, и если ее шофер сегодня не заболел, не уедет наутро в отпуск и не пройдет мимо ваших объявлений в таком настроении, когда ни на что смотреть не хочется, — это и есть тот единственный шанс, который нам нужен, чтобы все закончить до возвращения Сергея Дмитриевича.

— А если все-таки поговорить с шоферами? — спросила Наталья Павловна.

— Лучше бы. Конечно, лучше. Но знаете, сколько их там? Тысячи две. И все приходят на работу в разное время. А у вас всего два дня.

— Но как же они? Ребята? Они же собираются расспрашивать шоферов! — удивилась Наталья Павловна и посмотрела в сторону комнаты, где очень бурно обсуждали завтрашние маршруты.

— Пускай они пока поездят по карте, — сказал Скородумов. — Я просто еще не сумел изобрести ничего другого, и утро вечера мудренее. А вы бы, не откладывая, написали сейчас три-четыре объявления и поехали бы в одиннадцатый парк. Я и сам бы с вами поехал, да вот эта нелепица! — и он даже стукнул костылем по гипсу. — А заодно вы там немного представите себе ситуацию.

Когда наша баба Ната с Митькой, Данилой, Ольгой и Славиком Рыбкиным, который из всех один категорически отказался их покинуть, проехали на семьдесят втором автобусе ровно две остановки от начала Башиловской до начала Тимирязевской и сошли неподалеку от стеклянной проходной одиннадцатого таксомоторного парка, время было уже совсем не детское. И они увидели длиннющий хвост из многих десятков одинаковых, салатного цвета «Волг» с пыльными стеклами и тусклыми из-за этого зелеными глазками. И этот хвост не убывал, потому что стояло одной машине уйти за ворота, как в конце уже пристраивались сразу две или три.

Машин и шоферов, живших своей особой жизнью, было столько, что сразу и мысли не осталось расспросить о Варяге — даже хотя бы одного-двух из тех, кто здесь, в этой очереди, подремывал за баранкой «Волги», чтобы, очнувшись через минуту, прыгнуть с ней на несколько шагов вперед и осадить в пяти сантиметрах от бампера передней машины, еще минуту подремать, и снова прыгнуть, и снова осадить.

Даже Славику Рыбкину незачем было объяснять, почему,

постояв в некотором оцепенении у ворот, Наталья Павловна, не подходя ни к одному шоферу, кивнула ребятам, чтобы они оставались на месте, и пошла к стеклянной проходной, на ходу извлекая из сумочки тюбик канцелярского клея и листки объявления с приклеенной к ним фотографией Варяга.

Ей разрешили наклеить одно объявление в проходной на доске. А остальные она, возвратясь, отдала ребятам, и те прилепили их по обе стороны ворот и еще одно, четвертое, на ближний фонарный столб.

Под фотографией на каждом было написано:

«Товарищи шоферы!

2 сентября около 6 часов вечера эту замечательную рыжую собаку увезли в машине от дома № 1 по Башиловской улице. Ее хозяин — тяжело больной человек. Умоляю тех из вас, кто видел, как увозили эту собаку, или вез ее в своей машине, позвонить по телефону в любое время».

А низ объявления был разрезан на маленькие талончики с нашим номером телефона на каждом, как это всегда делают люди, которым хочется поскорее продать сервант от чешского гарнитура либо обменять свою квартиру на другую — конечно, срочно. Удобное изобретение: не надо тратить времени на поиски карандаша и бумаги.

Ну, вы по одному тону этого сочинения видите, что у Натальи Павловны после беседы со Скородумовым и визита в парк было ощущение полной бесполезности всего предприятия и полной безысходности. И остаток вечера оно все усиливалось и усиливалось — от всего, что угодно. От сочувственных взоров мамы Славика Рыбкина, которой баба Ната сочла нужным собственноручно доставить ее дитя в беспокойную квартиру над самым магазином «Обувь». От первого телефонного отклика, прозвучавшего через минуту после того, как, войдя к себе домой, она сменила уличные туфли на домашние тапочки.

— Это вы вешали объявление около таксопарка? — спросил хихикающий женский голос. — А у нас тут напротив прибудился один рыжий кобель с усами. Может, он вам подойдет? Только его на цепь надо привязать!..

У Натальи Павловны даже не было сил возмутиться:

— С усами нам не нужно, — только и сказала она, прежде чем положить трубку. Напоила Митьку и Даньку чаем, и они тотчас, как донесли головы до подушек, хором засопели.

И тут в тишине бабу Нату стиснуло такое чувство одиночества и такая нужда найти надежную опору, что она чуть было даже не позвонила Виктору Семеновичу.

Но не стала, найдя тому несколько причин: что уже поздно — около двенадцати;

что Виктор Семенович вряд ли сможет чем-нибудь помочь; что он все-таки отправился, как собирался, на охоту.

А в половине первого ночи раздался новый звонок. Наталья Павловна, очнувшись, настороженно подняла трубку и услышала теперь уже не женский, хихикающий, а мужской, сиплый, измененный голос:

— Эт-то вы повесили... объявление в одиннадцатом парке?

— Да, я,— сказала баба Ната.

— Про... собаку?

— Да, я,— Наталья Павловна решила набраться терпения.

— Рыжую... Это се-еттер был?

— Да, сеттер. Ирландский сеттер.

— Молодой?

— Да, молодой,— терпеливо сказала Наталья Павловна.

— Вы не написали,— сказал сиплый голос.

Наталья Павловна мне говорила, что именно это, в общем невинное, замечание взбесило ее больше всего, но в ту же секунду она поклялась внуками, что будет нести свой крест безропотно.

— Да, я не написала,— как можно спокойно сказала Наталья Павловна.

— Я охотник,— сказал обладатель голоса.— Потому и спрашиваю.

— А кто вы еще?— как можно еще спокойней спросила Наталья Павловна.

— Так я же ска-зал, что из парка,— обиженно ответил сиплый голос.— Из одиннадцатого. Моя фамилия Мих-нё... Вы же написали, что в любое время.

— Как?— вскрикнула баба Ната.

— Ми-хнё... Я водитель. Я хотел как лучше. Я, ка-ажет-ся, видел вашу собаку.

— Что?!

— Видел.

— Где вы сейчас?

— Я ок-оло дома в автомате. У меня телефона... на квартире нет.

— А где ваш дом?

— Башиловская три, где магазин «Квас».

— Так я же в соседнем доме! В первом! Я сейчас к вам выйду! Или, может быть, вы придете ко мне? Придете? Я только оденусь.

— Хо-рошо,— сказал сиплый голос.— Зайду. Какая квартира?

Наталья Павловна надела сарафанчик, заглянула в холодильник и, удовлетворившись его содержимым, поставила чайник. Но чайник закипел, а никто не являлся. Даже лифт

не зашумел ни разу — ну хоть бы кто-нибудь приехал! Хоть бы на этаж ниже!

И она прокляла себя за доверчивость: ведь человек назвал только фамилию — надо быть круглой дуручкой, чтобы от первых слов про собаку растаять и всему поверить.

И она еще прокляла — нет, не подлых, а просто тупых людей, которые способны смеяться над чужой невзгодой только потому, что эта невзгода для них самих несущественна. Понимаете, когда у этих же людей бывает даже точно такая же, пусть и малая невзгода, она кажется им уже не пустяковой, а горькой и важной оттого, что она не чужая, а своя. А тут — почему бы не позвонить каким-то там чудакам, если чудаки сами написали, что сидят и ждут, чтобы им позвонили в любое время дня и ночи. Чего им сидеть ночью попусту — может, им никто не звонит?

Но вот тут все-таки раздался звонок в дверь. И по словам Натальи Павловны, он ей показался уже и нежеланным, и непонятым. Ведь ночью в многоэтажном доме звонку в дверь непременно должен предшествовать четко осязаемый в тишине комплект звуков, хотя бы раздвигающихся и потом сдвигающихся лифтовых дверей. А звонку предшествовала совершеннейшая тишина, и Наталья Павловна опешила.

Но ведь каждая вторая женщина тайно или явно верит в чудеса, и Наталья Павловна как раз из тех вторых, кто тайно в них верит. И поэтому дверь она открыла.

А на площадке стоял мальчик. Не совсем мальчик — у него пух на губе уже почти образовал мягонькие усики, и все же он был мальчик — росточком только чуть выше Ольги Скородумовой, с голубыми глазами, с детским румянцем во всю щеку, недавно намочивший под краном длинные, «под пажа», не очень густые волосики, чтобы его в меру модная прическа выглядела в лучшем свете. Одет он был в костюм недурного, но слишком для него взрослого покроя и в рубашку, усыпанную колдовскими значками карточных мастей: красные червы и бубны, черные трефы и пики.

— Почему вы не на лифте? — спросила баба Ната.

— Лю-ди спят, — опасливо просипел пришелец. — Он грохочет очень.

— А что у вас с голосом? — спросила баба Ната.

— Прох-ватило в машине. Пас-сажиры с той стороны все время окна опускают, — заикаясь от насморка, ответил гость.

— А сколько вам лет? — спросила баба Ната и, спохватившись, что держит долгожданного пришельца на площадке, исправилась: — Здравствуйте, проходите, меня зовут Наталья Павловна.

— Восемнадцать исполнилось, — не сводя с нее глаз,

испуганно сказал юный таксист,— первого апреля. Здравствуй-те. Очень приятно. Я — Мих-нев,— и он чихнул,— то есть Петя.

— Вы давно в третьем доме живете? Я вас во дворе почему-то никогда не встречала,— сказала Наталья Павловна.

— Я только полмесяца там живу,— разочарованно пробормотал Михнев.— На квартире.— Я в автодорожный засыпался на письменной математике. Из-за шар-галки. И пошел работать в парк. До армии. Я — из Волоколамска.

— А почему вы так долго шли?— настырно спросила Наталья Павловна.

— Н-неудобно. В-все-таки в чужой дом. Ходил переодеться,— стыдливо опустив голубые глаза, прошептал Петя Михнев.

— Идемте на кухню,— подытожила баба Ната, словно закончила выводить теорему. Она решительно открыла холодильник, насмешливо шелкнула по стройной бутылке светлого стекла, стоявшей на полочке в дверце, и распорядилась:— Сейчас вы выпьете у меня горячего молока с медом.

— Спасибо!— радостно сказал Петя.— С удовольствием! У меня, с моей квартирной хозяйкой, сейчас не согреешь.— И, вновь покраснев, добавил с сожалением:— А у вас по т-телефону был такой кра-асивый голос! И молодой!..

Ему, видно, очень неуютно жилось в чужой квартире у брюзгливой, как оказалось, хозяйки — в таком большом доме, в таком большом квартале, на такой улице, где у него совсем нет знакомых людей. И ему, видно, очень трудно было работать на такси в ужасно большом и пока ему неизвестном городе с невероятным количеством улиц и переулков и приезжих людей, которые не знают, как их нужно везти с Солянки на Ордынку, и считают, что каждый таксист должен это знать еще до своего рожденья.

И он мгновенно охмелел от горячего молока бабы Наты, как не охмелел бы даже от водки, которую он, по его словам, пока ни разу в жизни не пил. И в молочном хмелю он выложил на наш кухонный стол свою жизнь: и свои невзгоды, и свои надежды, то наивные, то разумные.

При этом Наталья Павловна ни на минуту не забывала, что перед ней — единственный, столь желанный свидетель, обязанный сообщить нечто, способное уберечь ее мужа от нового инфаркта. Но она терпеливо, с той жалостью, на которую способны только бабушки, даже сравнительно молодые, слушала, как Петя Михнев рассчитывает укрепить в армии свой мягкий характер и надеется, что он и там будет заниматься автомобильным делом, а вернувшись, поступит на подготовительный, откуда его примут в институт без экзаменов.

Наконец был вскипячен и допит уже третий, и предпослед-

ний в холодильнике, пакет молока, и Петя Михнев сам вспомнил о важной цели своего визита и подробно доложил бабе Натe дорожную ситуацию, в какую он в тот день попал.

Около шести вечера он ехал — нет, не по Башиловской, а по Нижней Масловке — уже не из парка, а с пассажиром, простите, он не помнит откуда, но главное — на Петровско-Разумовскую улицу. И вот за два квартала до нее с Башиловской почти перед носом Петиной «Волги» очень дерзко выехал «жигуль» и сразу вывернулся в левый ряд, то есть, как сказал Петя, он его «подрезал».

Все его аргументы были серьезны. Даже научны — там, где точны. Но я не автомобилист, и они — не по моему разумению. Наталье Павловне легче — в своей геометрии она привыкла ко всяким пересечениям в бесконечности, а я не привык и сведу все до минимума.

Словом, дерзкое поведение «жигуля» будто бы потребовало от целой серии сложных шоферских маневров, из которых Петя вышел с честью. А затем от светофора на углу Петровско-Разумовской улицы лихой «жигуль» пошел прямо на Верхнюю Масловку, а Петя свернул направо.

Я не мог запомнить, где там разрешено ехать только прямо, только направо, или налево, или только назад, но изо всей этой информации вытекало, что владелец «Жигулей», поехавший по Верхней Масловке, скорее всего, никуда, кроме самой Верхней Масловки или улицы 8 Марта, длина которых вместе полтора километра, не целил. И то, как он лихо «подрезал» Петю, свидетельствовало, что владелец машины опытен даже в нарушении правил, а на Ленинградский проспект, и на Красноармейскую улицу, и на Планетную знающий человек поедет иначе. И если владелец, что вероятно, живет на Верхней Масловке, машину можно, потрудившись, разыскать.

Усвоив все это, Наталья Павловна спросила Петю, чем же все-таки были примечательны эти «Жигули».

Они оказались автомобилем одной из последних моделей — «нольшестые», или, официально, «2106», знаете, с такими, как бы фасеточными, будто мушиный глаз, очень крупными задними фонарями. Цвет — «белая ночь»; между нами говоря, один из самых распространенных. Машина новая и чистенькая. Серия номера то ли «ММК», то ли «ММХ». Самого номера Петя не запомнил.

— Петя, — сказала баба Ната, — а зачем мне искать эти «Жигули»?

— Как зачем? — удивился Петя. — Ведь на них увезли вашего... этого... Варяга. Когда мы стояли под светофором у Петровско-Разумовской, то дядька на «жигуле» выскочил немного вперед, а я остановился, немного не доехав до самого

угла. И у него был рыжий сеттер на заднем сиденье, лапами на спинку. Молодой. И он лаял в заднее стекло.

— Он не любит езды в машине,— сказала Наталья Павловна.— Он беспокоился всю дорогу, пока мы везли его неделю назад в «Дубки»... Петя, когда у вас завтра начало работы?

— На линию мне с двенадцати,— сказал Петя.— А у моего дяди в Волоколамске тоже сеттер. И я тоже ох-хотник. Немножко.

— Вы сможете утром пойти вместе со мной в соседний дом и рассказать все это нашему доброму другу?

— Естественно,— сказал Петя.

Оба умолкли.

А минуты через две Наталья Павловна подняла голову, посмотрела на Петю, встала, подошла и начала гладить его по голове, как Митьку, как Даньку:

— Петя! Петя! Петя! Проснитесь! Проснитесь! Хотите — оставайтесь ночевать у нас, но только проснитесь. Я вам дам раскладушку, а утром еще раз напою таким же молоком. Хотите?

— Спасибо,— сказал Петя.— Очень хочу, потому что вы — как моя мама.

Вот таким оказался, если сказать красиво, тот добрый голубь, который около часу ночи, стараясь не беспокоить жильцов подъезда шумом лифта, принес на кухню к Наталье Павловне веточку с листком надежды.

— О!— сказал Алексей Петрович Скородумов, когда Наталья Павловна утром, еле успев отправить Митьку и Данилу в школу, появилась в его лоджии вместе с вестником.— Петя! Нам повезло, что вы засыпались в автодорожный. Ведь тот моряк, который исстрадался в ожидании разговора с городом Великий Устюг, видел, как близ почты останавливались три машины: две — такси, одна — не такси. Поговорю-ка я со своим приятелем, жаль только, что провод у меня короткий, телефон сюда не дотянуть.

И, взгромоздившись на костыли, он прогрохал в комнату к телефону, а возвратясь и уложив свою гипсовую ногу, огорошил бабу Нату двумя бестактнейшими вопросами: нет ли среди знакомых ей людей владельца «Жигулей» цвета «белая ночь» марки 2106 и не живут ли на Верхней Масловке или поблизости даже самые далекие, хотя бы шапочные ее знакомые. И Наталья Павловна даже побледнела — как с ней бывает — от обиды за своих, даже хотя бы и шапочных, знакомых.

Но она честно и кропотливо перебрала в памяти все автомашины, какими владели ее друзья, и ее сослуживцы, и даже

родители одноклассников Даньки и Митьки — тех, которых она знала. И точно так же добросовестно перелистала имена, фамилии, лица и даты, а потом не без злорадства доказала Скородумову, какими непристойными были уже сами эти подозрения, вызванные, извините, чьей-то леностью ума — одной привычкой искать кошельки под фонарями только потому, что там светло.

— М-да,— сказал Скородумов.— И больше не посоветуешься. Я же своего товарища поймал буквально за полу плаща. Сейчас он уже на полдороге от Речного вокзала к Шереметьеву. Сегодня суббота — день свадеб. А у него в Ленинграде — любимый племянник... Петенька! Милый Петенька! Но если он все-таки поехал еще куда-то? А?

— Тогда ханá,— скорбно сказал Петя менее сиплым, чем вчера, голосом.— Если бы знать, я бы весь номер запомнил. А мне только обидно было: вот выскакивает он на такой новенькой коробочке, подрезает тебя, словно ему на пожар или он на работу опаздывает. А перестроился, как ему надо, и, понимаете, от светофора так поехал, будто ехать ему осталось уже совсем недалеко. Не спеша. Как к дому подруливают.

— Наталья Павловна, дорогая,— сказал Скородумов и стал задумчиво возить костью по кафельному полу лоджии,— это еще какой-то шанс! Хотя, к сожалению, призрачный. А вообще что мы теряем? Ребятишкам теперь незачем в Тушино и в Медведково за семь верст киселя хлебать. Жажда деятельности у них великолепная. Вот придут из школы и сами решат, что им тут делать и как делать. Им же нельзя говорить, что шансы — призрачны. Для них же тогда все и кончится.

— Знаете что,— сказал Петя,— я бы у трамвайщиков спросил. У водителей. Не проезжал ли кто-нибудь из них в это время по Масловке и не запомнил ли случайно «жигуля» — куда свернул или где поставил машину. Это бы, конечно, лучше мне — я бы свою фуражку надел со значком: они — трамвайщики, я — таксист. Но мне уже скоро в парк и домой надо зайти, на квартиру. Вы извините, я пойду. Можно? Попрощался и ушел.

— Вожатыми я займусь сама,— сказала Наталья Павловна.— И сразу. У меня сегодня библиотечный день, а уроки у ребят кончаются во втором часу. И я успею до этого.

Баба Ната села в первый же подошедший трамвай — естественно, с передней площадки, чтобы сразу быть около вожатой и на следующей же остановке затеять необходимый разговор. Дверца водительской кабинки была открыта. Пожилая, приятного вида вожатая, судя по тому, как она вручила бабе Нате книжечку билетиков, была в добром настроении — наверное,

ехала без опоздания, а быть может, и чуточку раньше, чем нужно, ибо явно не торопилась и, видно, не прочь была даже перекинуться словечком-другим с приятной пассажиркой, заглядывавшей к ней в кабину.

Баба Ната конспективно и в то же время полно, как могут только женщины в разговоре с женщинами, поведала вожатой все: о беде, о страхе за меня, об этих «Жигулях» и о своем намерении, пересаживаясь с трамвая на трамвай, найти именно того водителя, который вчера около шести вечера мог видеть на Верхней Масловке вот такую машину.

— Господи,— сказала вожатая,— да кто на них смотрит! И ведь из них же, наверное, половина белые. Они же везде так и шастают, так и путаются!— Однако, приметив в глазах Натальи Павловны истинный ужас, утешительно добавила:— Но вы спрашивайте, спрашивайте все-таки! Вдруг кто заметил. Только те, что вчера вечером работали, и сегодня в той же смене — с двух. А ездить во всех вагонах не к чему. Вы после двух постоите вот здесь, на кругу, и за полтора часа все к вам сами приедут. И спрашивать их будете не на ходу.

Надо сказать, что услышанное бабу Нату очень ободрило, поскольку значительно упрощалась техника поиска.

Она возвратилась в том же вагоне к дому. Зашла в булочную. В продуктовый. И оттуда с двумя хорошо растянутыми грузом эластичными авоськами направилась к Скородумовым, ибо детективы из пятого «А» и четвертого «Б» намеревались после уроков, не заходя по домам, собраться у них на очередное совещание, а истые бабушки, как вы знаете, считают совещания внуков невозможными на голодный желудок.

А через час из подъезда кооперативной башни во двор высыпали поисковые группы, и Алексей Павлович из своей лоджии услышал пропетые внизу незабываемым голосом Славика Рыбкина, хоть и не вполне мелодично, но зато внятно, знаменитые строки:

Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет,
Значит, с ними нам вести незримый бой.
Так назначено судьбой, тара-па-пам...

Процесс обхода и осмотра оказался делом монотонным и утомительным и ничем не запомнился. И тем не менее между тремя и пятью часами дня 3 сентября 1977 года двадцать три школьника облазили все дворы и закоулки Верхней Масловки и педантично обревизовали все обнаруженные там «Жигули», независимо от модели и окраски.

Но все белые машины, кроме одной, оказались машинами самой первой модели, со старыми сериями «МКЕ», «МКУ»

и «МКЧ», а та, единственная, была машиной модели 2103, причем новенькой, но все же с номером совсем другой серии

Увы, кроме этого, в ходе поисков было сделано открытие, от которого, право, могли опуститься руки. Оказывается, некоторые машины прямо на глазах уезжали из своих дворов, не желая ждать, пока их осмотрят!

И встретились такие, что укатили, нагруженные палатками и даже легкими лодками, привязанными к багажнику на крыше. А была середина субботнего сентябрьского теплого дня, и это означало, что уезжать они начали еще на рассвете и могут не вернуться до самой глубокой ночи завтрашних суток.

Вот, говорят, в науке отрицательный результат ценен почти так же, как положительный. А когда вам надо в течение двух дней найти машину, на которой увезли похищенного кандидата в чемпионы породы «ирландский сеттер» и вернуть этого кандидата домой, какова она, цена отрицательного результата?

Спасатели! Трогательные люди! Руки-то у них действительно опустились от расстройства.

...А баба Ната тоже битых два часа то поджидала трамвай на конечном кругу, то проезжала разнообразия ради в каком-то из них остановку-другую и тоже без результата. И вдруг результат обрушился — существенный и вполне положительный.

Она села в последний, наверное, оставшийся ей трамвай и, едва на первой остановке заговорила с вожатой — юной, рыжеватой и очень официальной девицей в красивых дымчатых очках, — как услышала: «Знаете, белые «Жигули» с такими задними фонарями всегда стоят вон у той зеленой башни. Даже две машины, обе новые, обе белые, одинаковые».

На следующей остановке Наталья Павловна сошла с трамвая и застыла у бетонной стены злополучного дома.

Но в тот момент никаких машин около дома не стояло. И довольно долго она непонимающе смотрела на витрины первого этажа, за которыми, как сообщала вывеска у подъезда, поселилась редакция нового, а потому еще мало известного научно-популярного журнала. И там, за витриной, несмотря на субботний день, некто, укрывшийся от посторонних глаз плотняной шторой в полоску, бойко тарыхтел на пишущей машинке.

У ближнего забора, и по сей день еще украшенного огромной вывеской, приглашающей прохожих поступать в ПТУ № 17, торчала серая с траурным кантом будочка автомата. Наталья Павловна набрала номер Алексея Петровича Скородумова и, пока дожидалась ответа, разглядывала распахнутые ворота маленькой автобазы, что напротив зеленого дома. За ними

стояли во дворе два серых автофургона, в каких по ларькам развозят все, что угодно,— от арбузов до сигарет... Наконец Алексей Петрович взял трубку

5

К тому времени обследование Верхней Масловки завершилось, и всеобщее огорчение было так велико, что добровольцы из четвертого «Б» и пятого «А» сразу разбрелись по своим домам, а в скородумовскую квартиру и носа не сунули. И когда Наталья Павловна позвонила, там были только свои — оба Скородумова и оба наших внука.

— По-моему, это все-таки шанс,— сказал Скородумов и ребятам, и в трубку одновременно.— Во всяком случае, другого нет. Если бы не проклятая нога, я бы не пожалел времени, чтобы подежурить у этого зеленого дома

Наталья Павловна на том конце провода поняла, что Скородумов хочет разрядить обстановку. Должна же сохраняться надежда. И Скородумова-младшая поняла его так же. И потому тотчас рванулась к двери, но в ней затормозила, резко обернулась и, глядя мимо отца, свирепо скомандовала Митьке и Даниле:

— Пошли! Будем торчать хоть до ночи! Попробует она не приехать, эта машина!

— Мы знаем этот дом,— сказал Данила — Пусть баба Ната нас там не ждет, она и так измоталась в трамваях.

Однако, выйдя из телефонной будки, баба Ната вдруг вздрогнула. Окинула — нет, прожгла взглядом бетонную, зеленую в крапинку, стену и почти бегом бросилась в сторону, противоположную нашему дому и дому, где живут Скородумовы. Там неподалеку — всего в одной трамвайной остановке — есть скромная парикмахерская. А мысль, пронзившая Наталью Павловну, была сложна. В этой парикмахерской работала Ларочка, мастерица, вот уже пять лет регулярно приводившая бабинатину голову в надлежащий дамский порядок. И, представьте себе, эта Ларочка жила именно в зеленом доме. И у нее был муж — как прежде казалось, приятный и порядочный человек. Но он, как вспомнила Наталья Павловна, недавно отпустил коротенькую шкиперскую бородку. И две недели назад Ларочка удачно купила ему хорошие джинсы и зеленую пакистанскую рубашку. И он мечтал о хорошей легавой собаке. И он накануне бабинатиной поездки ко мне в санаторий поехал в автоцентр ВАЗа получать «Жигули» — причем, как было задумано, именно «Жигули» цвета «белая ночь», ибо светлая машина, особенно в темноте, кажется больше, чем на самом

деле, что уменьшает опасность столкновения. Да, да! Сладкие минуты предвкушения собственной женской красоты всегда расцвечены благородными радостями взаимного обмена информацией, какую не извлечь ни из научных, ни из ненаучных журналов. Поэтому Ларочка, бесспорно, знает обо мне, например, то, чего не знаю о себе я сам. И это ее право! Со многими ли приятелями или приятельницами, если вычесть тех, с кем вы работаете или учитесь, Наталье Павловне, мне или вам удастся встречаться по сорок-пятьдесят раз в год?.. Только с самыми дорогими!.. Унять сомнения и сделать прическу, и этим вернуть душе хотя бы две капли покоя — вот что возжаждала баба Ната!..

И вот теперь я прямо скажу: ни одно из «розыскных мероприятий», предпринятых в тот день Натальей Павловной, не дало такого блистательного результата, как это.

Ибо час спустя она вышла из парикмахерской с поистине королевской прической, возвращенной верой в ближних своих и сладким чувством стыда из-за того, что в панике этого дня она, увы, все-таки посмела допустить скверное подозрение о человеке, которого давно знала как человека хорошего. И она же в этом убедилась, не задав ни единого вопроса, а только увидев привычную Ларочкину улыбку и услышав приветливое: «Наталья Павловна! Как я вам рада...» Однако в тот час произошли еще другие события, никак не менее значительные.

До зеленой башни от нас меньше километра. Но иной километр тягостней трех тысяч, если в его конце предстоит утрата последней надежды.

Поэтому даже Ольга, которая раздраженной рысью пронеслась через двор до самой Нижней Масловки, вдруг осадилась у школы, что соседствует с нашими домами. И далее они еле плелись по тротуару, тщательно изучая все, что попадалось по пути, — деревья, витрины, прохожих, дырки в асфальте.

Вот перед ними предстал уже последний в этом крестном пути объект — дом художников со сплошь застекленным верхним этажом. Здесь они вяло поспорили, живут ли за такими большими окнами художники или только работают... До зеленой башни осталось каких-нибудь двести метров.

А там, уткнувшись в витрину первого этажа, пригретые закатным солнцем, дремали «Жигули» цвета «белая ночь» с огромными разноцветными задними фарами — хорошо видным издали отличием, по которому любой знающий о нем человек всегда может среди множества других машин опознать модель 2106. И Митька потом подтвердил, что белые машины действительно кажутся больше, чем они есть. Потому что в первую секунду у всех троих успела пронестись в голове одна и та же мысль, что это стоят не «Жигули», а санитарная «Вол-

га», доставившая сюда врача по вызову. Но уже в следующую секунду их глаза сами собой уставились в четкие белые буквы «ММХ» на номерном знаке, черневшем в углублении между этими фонарями из разноцветных прямогольников.

Они даже не произнесли друг другу ни слова, а осторожно — точно автомобиль мог испугаться и улететь, как бабочка, — подкрались к машине и увидели лежавший прямо за задним стеклом новенький плетеный собачий ошейник без номера. А в следующую секунду послышался скрип, и они поняли, что дверь редакции нового научно-популярного журнала плохо прикрыта и словно бы сама подсказывает, куда им надо идти. И они вошли в эту дверь и увидели в небольшом коридоре несколько других, запертых, и одну слегка приоткрытую. Причем из этой слегка приоткрытой двери доносились два очень громких и очень свирепых мужских голоса. И первая фраза, которую они различили, была такой:

— Ни одна собака этого не поймет!

И эта фраза неопровержимо свидетельствовала, что путь, который сюда их привел, был правилен.

А за этой фразой вдруг последовал тяжкий удар. И тотчас еще удар. И стон. И какой-то хруст, словно что-то разорвали. И еще слова, между нами говоря, изрядно оскорбительные. И, наконец, ужасный — можно сказать, убийственный вопрос, так хорошо всем запомнившийся по самому страшному эпизоду из фильма «Мертвый сезон»:

— Скажи, кто с тобой работает? Я спрашиваю: кто с тобой работает? — И еще удар, ибо схватка шла не на жизнь, а на смерть.

Все трое разом ринулись в эту дверь, и она, отлетев, стукнула ручкой об стенку, словно бы завершив следующую прозвучавшую в комнате фразу дополнительным восклицательным знаком:

— Никто с тобой не может работать!

И двое раскрасневшихся мужчин, сидевших каждый за отдельным письменным столом в трех метрах один от другого, воззрились на пришельцев с неожиданным весельем.

— Здравствуйте! — сказал тот из них, чей голос кричал: «Кто с тобой работает?» — Здравствуйте! Будем знакомы. Меня зовут Карл Григорьевич. А это — Роман Ефимыч. А вас как зовут?

И, не дожидаясь ответа, Карл Григорьевич наклонился и стал собирать рассыпанные на полу около его стула машинописные листки, причем закончил это так быстро и ловко, будто он с детства только и делал, что рассыпал у стола машинописные листки и потом их собирал. Когда он затем поднялся, выяснилось, что он очень высок и на голове у него торчком стоят вьющиеся, как пружинки, волосы. И лицо Карла Гри-

горьевича, которое и так было достаточно длинным, из-за этих «пружинок» казалось еще более вытянувшимся.

— Ну вот видишь, Карл? — строго выглянул из-за груди толстых папок, громоздившихся на его столе, Роман Ефимович, который был, напротив, невысок и не тонок фигурой и без волос, какие могли бы стоять торчком. — Видишь, к чему приводит твоя манера решать творческие вопросы? Люди с улицы прибежали на твой крик!

— Не с улицы, — поджав губы, ответила Ольга. — Из коридора. С улицы мы не на крик прибежали. Мы из-за машины прибежали. Это чья? — И она показала на «Жигули» за витриной.

— Машина? — переспросил Карл Григорьевич. — Это моя машина.

— А где собака? — угрюмо спросил Данила.

— Собака? — переспросил Карл Григорьевич. — У меня дома.

— А где дом? — растерянно спросил Митька.

— Как где? — удивился Карл Григорьевич. — Улица Островитянова, семь...

— Поехали! — скомандовала Ольга. — Отдавайте собаку!

— Ее нельзя сейчас отдавать, — мягко ответил Карл Григорьевич. — У нее сейчас щенки.

Ужасный это был для них день — третье сентября.

Карл Григорьевич так и сказал:

— Ужасный это был у вас день! Появляется надежда и рушится, и опять появляется и опять рушится, и опять, и опять, и опять. А дед у вас очень любит Варяга! Да?

— Очень, — сказал Данила.

— А у меня жесткошерстный фокстерьер, — гордо сказал Карл Григорьевич и тут же спросил: — А это у вашего деда не первая собака?

— Первая, — вздохнул Митька. — В том-то и дело, что первая. А он о ней мечтал всю жизнь. И нам рассказывал, как он мечтал. Он до войны жил со своей бабушкой в Ленинграде, а в «Пионерской правде» много печатали про собак, и про пограничников, и про ребят, которые собак вырастили для пограничников. И он тоже мечтал, чтобы вырастить и чтобы про него напечатали. А у них с его бабушкой возможности не было держать собаку. И он играл сам с собой, будто собака уже есть. Он же ребенок был. Шел по Васильевскому острову — в школу или в булочную — и играл, будто рядом идет его овчарка. Чепрачная. Знаете — с черной спиной?

— Да, — сказал Роман Ефимович и погладил свою голую голову. — Я тоже когда-то играл вот так. И ему действительно будет тяжело.

— Вот что я сейчас сделаю,— отчеканивая каждое слово, сказал Карл Григорьевич.— Я вам сейчас скажу одну совсем неприятную вещь. Вы люди серьезные, и вам надо знать, насколько все на самом деле сложнее и безнадежней.

— Насколько? — строго спросила младшая Скородумова.

— Намного,— сказал Карл Григорьевич.— Этот ваш таксист Петя совсем молодой? Так? И вы все живете в этом районе недавно?.. Шестой год. А люди ездят на своих машинах не только как удобней ехать, но еще — как привычней. Вот я езжу уже двадцать лет. И ездил по Масловке, когда этого роскошного проезда на Ленинградский проспект недалеко от ваших домов еще не было. И когда мне надо было попасть с Масловки к друзьям на Красноармейскую, то я доезжал до трамвайного круга и — налево по Чеховской улице до самого дома! Понимаете? Так что тот человек, который увез вашу собаку, если он ездит по этим местам давно, спокойно мог покатить таким вот маршрутом дальше Масловки — на Красноармейскую и на Часовую...

— И на Ленинградский проспект, и на улицу Алабяна, и на Волоколамское шоссе,— назидательно прибавил Роман Ефимович.

— Ромка, ты всегда говоришь и пишешь лишние слова! — перебил его Карл Григорьевич.— Им уже хватает разочарований. Давайте, как говорит Олин папа, оставим хотя бы единственный шанс. Всего один. Остальные лопнули. И все же допустим, что владелец машины живет в районе Красноармейской и Часовой и машину можно найти. Но время, время! Сейчас пятнадцать минут восьмого. И даже если бы у нас была не одна, а три или четыре машины, мы все равно не смогли бы до ночи объездить и осмотреть весь этот район.

— А если завтра? — с надеждой спросил Митька.— У нас ведь есть еще целый завтрашний день.

— День есть. День есть у вас,— радостно сказал Карл Григорьевич.— Только завтра у вас не будет ни меня, ни моей машины. Потому что завтра в девять утра я сяду в поезд Москва — Берлин и вернусь уже через две недели. Слушайте! До сих пор это все делалось совсем не научно. А настоящая наука — мы с Романом Ефимовичем всегда об этом пишем в журнале — начинается с количественного подхода. С числа и меры. А для этого нам надо в ГАИ. Мы не будем просить, чтоб ГАИ стала искать собаку. Мы просто узнаем там для начала, каковы количественные исходные данные. Поняли? И тогда мы научным путем получим этот новый шанс — всем шансам шанс! Собирайтесь!

Карл Григорьевич встрепенулся и схватил собранные им с полу страницы. Он сложил их стопочкой и постучал ребром

этой стопочки по столу, чтобы странички легли поровнее. Потом вскочил и положил эту стопочку перед Романом Ефимовичем.

— Ну, ирод!— сказал Карл Григорьевич свирепо.— Конечты напишешь заново. Но если окажется, что ты меня не послушался, имей в виду, я больше тебе не редактор!

— Ладно, ладно, иди!— хмуро проворчал Роман Ефимович в ответ.

И после этого Карл Григорьевич с Романом Ефимовичем почему-то расцеловались, что было уже совсем неожиданно.

А проехать на Красноармейскую улицу, оказывается, можно не только по Чеховской, начинающейся у трамвайного круга. Карл Григорьевич свернул много раньше в переулок с очень красивым названием — Эльдорадовский, есть такой в нашем районе. И через три минуты белые «Жигули» последней модели резко остановились около отделения ГАИ.

Карл Григорьевич сказал, что пойдет в ГАИ один. Порылся в кармане замшевой куртки, висевшей в машине на крючке. Достал из него удостоверение сотрудника журнала и, прежде чем выйти из машины, с минуту пристально его рассматривал, словно бы видел в первый раз.

Воротился он минут через сорок, но очень мрачный. И, ничего не говоря, сразу круто развернулся и покатил назад — в тот же Эльдорадовский переулок.

Первый вопрос он задал, когда уже выехали на Нижнюю Масловку. Он спросил:

— Где ваш дом?

А второй он задал, когда «Жигули» вкатились в наш двор. Он спросил:

— Бабушка дома?

— Может быть, дома, а может, у нас,— грустно ответила Ольга Скородумова.

— У вас,— хмуро ответил Данила, выглянув из приоткрытой дверцы.— В наших окнах света нет.

— А в тех, которые на улицу?— спросил Митька.

— Тоже нет,— ответил Данила.— Я посмотрел, когда подъезжали.

И Карл Григорьевич повернул к кооперативной башне.

Но, выйдя у подъезда из машины, ребята — все трое — как-то странно затоптались на месте, а потом Ольга сердито сказала:

— Даже идти не хочется. А вы не можете пойти к ним сами? Один?— И назвала этаж и квартиру.

Карл Григорьевич понимающе вздохнул и направился к лифту.

А вздохнул он потому, что ему предстояло пересказать двум уже огорченным людям еще более огорчительное сообщение о

действительном положении дел, которые описал ему Федор Васильевич — довольно уже пожилой худенький капитан, дежуривший в отделе ГАИ.

Федор Васильевич был в добром расположении духа, поскольку никаких неприятных происшествий за субботний вечер, на который выпало его дежурство, в районе пока не произошло. И он стал еще радужнее, когда Карл Григорьевич показал ему удостоверение сотрудника журнала, потому что Федор Васильевич был и подписчиком, и читателем, и почитателем именно этого научно-популярного издания. Более того, он был тоже владелец собаки, и притом жесткошерстного фокстерьера, и потому легко представить себе, как он был возмущен похищением нашего кандидата в чемпионы и как сочувственно отнесся к опасениям о здоровье дедушки, перенесшего инфаркт, то есть о моем.

А потом Федор Васильевич взял аккуратный листочек бумаги, и красивой шариковой ручкой вывел на нем изящную единичку, и сказал, что машин с номерами серий «ММК» и «ММХ» всего-навсего двадцать тысяч, и все они — «Жигули». Оттого что теперь номера для «Жигулей» выдают сразу при продаже машин в фирменном центре тольяттинского завода, что на Варшавском шоссе, и получилось, что у «Жигулей» свои серии номеров.

И, поставив пониже единички двойку, а далее тройку и четверку, Федор Васильевич пояснил, что, поскольку «ММК» и «ММХ» — это серии из последних, то и машин последней марки среди них особенно много. И каждая десятая или восьмая окрашена в цвет «белая ночь». А значит, если посчитать наобум, в городе их семьсот или шестьсот, и в каждом районе их, в общем, немного.

Но, во-первых, картотека закрыта, а девушка, которая ею заведует, объявится лишь в понедельник, и поставленный срок — утро понедельника — уже несбыточен. Во-вторых, когда заведующая картотекой переберет около тысячи карточек, отыскивая адреса этих двадцати или тридцати «Жигулей», то машины, которую ищут, среди них может не оказаться, даже если она действительно пребывает где-то поблизости. Ведь ее хозяин мог совсем недавно переменить квартиру, и машина числится в каком-то из двадцати семи других районов. А может быть, что хозяин — не хозяин этой машины, а ездит на ней по доверенности, полученной им от тещи! И вообще похититель собаки может ехать сейчас беззаботно на своих «Жигулях» по шоссе в Симферополь или хотя бы в Калугу. И потому такой поиск — дело не для любителей, а для профессионалов. И, увы, для него нужно время, время и время. И надлежащие юридические основания.

Тогда Карл Григорьевич спросил, подавленный неумолимостью аргументов, представших пред ним одновременно и в научной и в достаточно популярной форме:

— А как же бывает, когда ищут преступника?

А Федор Васильевич вежливо и терпеливо ответил:

— Тогда вопросы задают не мне, а счетно-решающей машине в городском управлении и ставят на ноги всю службу ГАИ города и все патрульные группы.

И еще Карл Григорьевич спросил:

— Значит, нам самим надеяться совсем не на что?

А Федор Васильевич ответил:

— Вам? Почему же не на что? На случай! Случай — великое дело!

И когда Карл Григорьевич привел бабе Нате и Скородумову этот ответ Федора Васильевича, Алексей Петрович задумчиво протянул:

— На случай. На случай. «И случай, бог изобретатель...» И еще на наш третий вариант. Впрочем, не знаю.

А Наталья Павловна сказала:

— Я больше так не могу. Не могу ждать несчастья.

— Но быть может, несчастья все-таки не произойдет? — утешительно спросил Скородумов, а Карл Григорьевич промолчал, потому что у него была своя собака.

— Произойдет или не произойдет, — сказала Наталья Павловна, — но ждать я больше не могу. Я поеду в «Дубки» не в понедельник, а завтра с утра и сама подготовлю Сережу к этому известию и сама все расскажу. Во-первых, там под боком врачи. А во-вторых, если ничего не случится, то мы дождемся, пока кто-нибудь приедет в «Дубки» на такси, и я привезу Сергея Дмитриевича домой.

Вот видите, какое крутое решение она приняла. Прямо скажу, оно было, если бы осуществилось, чревато весьма неприятными последствиями. А Карл Григорьевич, услышав о нем, спросил бабу Натю:

— Простите, вы поздно ложитесь спать?

— Поздно, — сказала баба Ната. — И не знаю, буду ли вообще сегодня спать.

Тогда Карл Григорьевич посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас почти десять. До моего дома отсюда минут сорок, дома мне надо на сборы с полчаса и еще сорок минут на путь сюда. Вы позвольте, я загляну к вам на три — пять минут около двенадцати. У меня есть одна идея. Полезная. Только для ее осуществления мне надо съездить домой.

— Ну что вы! — ответила Наталья Павловна. — Какие могут быть еще идеи, коли в девять утра уходит ваш поезд!

— Если я успею к двенадцати, у меня еще останется целых

девять часов! А номер квартиры я спрошу внизу, у ваших мальчишек!

И Карл Григорьевич в мгновение испарился, чтоб не дожидаться от нее возражений. И в нашу квартиру позвонил как раз под бой курантов Спасской башни. А как только баба Ната открыла ему дверь, он протянул ей в ладонях месячного щенка-фокстерьера.

— Знаете, он вам должен помочь,— сказал Карл Григорьевич,— и вам помочь и вашему мужу. Вы возьмите его с собой в «Дубки», и Сергею Дмитриевичу он поможет. Хотите — назовите его тоже Варягом. Хотите — Вавилой. А родословную я привезу потом. Он тоже может стать, как это у вас говорилось, кандидатом в чемпионы породы!

И уже в пять минут первого добрый Карл Григорьевич вошел в лифт — времени до отъезда у него оставалось в обрез...

6

Дальнейшие события предопределили мудрый принцип разделения хозяйственных обязанностей поровну, утвержденный в семье Славика Рыбкина, а также еще и любовь его мамы к легендарной в наших краях сметане, которую будто бы прямо из одного совхоза привозят в молочный магазин, расположенный в трех трамвайных остановках от нас, — на следующей после зеленого в крапинку дома.

Именно в силу названных обстоятельств Славик и был послан в упомянутый молочный магазин к открытию, то есть к семи. Причем это было не проявлением жестокости его мамы, а всего лишь актом самосохранения. Потому что накануне Славик так намаялся и напереживался, что свалился с ног еще в начале восьмого и его с трудом переложили с дивана в постель. И ничего удивительного, что иголки, на которых он всегда сидел, а также лежал, впились в его тело еще минут за сорок до того, как сентябрьское солнце удосужилось приподняться где-то над станцией метро «Новослободская». И Славик сразу же оделся и сразу же принялся проситься, чтоб его отпустили спозаранок гулять.

В пять утра, конечно, никто его никуда не пустил. Но без четверти семь маме все-таки надоело, что он колобродит и канючит; она встала и дала ему кошелек, сумку и банку, чтобы приятное было разумно соединено с полезным.

Славик, как понимаете, идет пешком. Солнце в затылок. Масловка сияет. И вдруг на еще прошедшей весной вздыбленной строителями земле, между зеленым домом и тротуаром, стоят, оказывается, лицом к Славику блестящие «Жигули-2106» цвета «белая ночь» с номером серии «ММК».

Один физик, мой пациент, очень милый человек, сокрушался, что ему всегда не везет: в частности, он мог открыть «эффект Мессбауэра» и, представляете, говорит, не открыл! Я не помню, в чем этот эффект,— он рассказывал про рентгеновские частицы, энергию, кристаллы,— да не в них дело.

Я его спрашиваю: «А почему не открыли?»—«А оттого, говорит, что я слишком много знал. Я, говорит, точно знал, что если опыт вот так поставить, то ничего получиться у меня не должно. Беда моя в том, что я уже был профессором. А Мессбауэр был чуть ли еще не студентом и не знал, что ничего не должно получиться, и открыл то, чего не открыл я».

Вот и наш Славик, как этот Мессбауэр, не знал, что машину у зеленого дома уже искали, и не знал, что больше ее самим искать бесполезно и что это уже было доказано научно и изложено популярно, как раз когда его вчера перекладывали с дивана.

И поэтому Наталью Павловну поднимает с постели звонок. И Славик из той автоматной будки, из которой она накануне звонила Скородумову, пытается ей втолковать про зеленый дом, про эти «Жигули», про номер и еще про белый чехол на заднем сиденье, на котором он сквозь окошко будто увидел собачьи следы.

А надо сказать, что заснуть баба Ната смогла лишь незадолго перед тем, как Славик у себя дома вскочил с кровати. Если помните, она еще накануне сама говорила, что не заснет из-за волнений, уже пережитых и еще предстоявших.

Правда, как только после ухода Карла Григорьевича она устроила в коробке из-под австрийских зимних сапог постельку для щенка, столь своевременно для утешения подаренного, оказалось, что глаза Натальи Павловны слипаются совершенно и нужны превеликие усилия, дабы устроить постель себе самой.

Но именно в эту минуту щенок Вавила, он же Варяг-второй, вылез из коробки и, найдя посреди комнаты самое видное место, сделал на нем очень аккуратную лужицу. А когда Наталья Павловна принялась лужицу вытирать, он вцепился в ее тряпку мертвой фокстерьерской хваткой и потребовал, чтобы с ним поиграли. Затем он заскулил, и ему пришлось дать молока. Затем, поспав минут пятнадцать, Вавила снова вылез из коробки и стал проситься к бабе Нате в кровать. Далее пошло по кругу: лужица — тряпка — скулеж — молоко — лужица. И, поправ в четыре часа утра лучшие истины педагогики, Наталья Павловна взяла Вавилу под одеяло, где, наконец, он пригрелся и угомонился.

А в семь пятнадцать позвонил Славик.

И ведь надо было сначала понять, кто звонит! И к тому же

вспомнить клятву прошлой ночи — нести свой крест безропотно! И вяло подумать: «А вдруг!» И поднимать мальчишек. (О том, чтобы пройти к очередной машине самой, как понимаете, речи не было.)

Митя с Данилой собирались в этот поход, как в школу, опираясь только на чувство долга, смешанное с легким раздражением против этого выскочки Рыбкина. И Ольге с Эдиком они сообщили по телефону о Славиковом вызове тоже лишь в силу психологической инерции двух прожитых в общей заботе дней. Но все-таки через двадцать минут все четверо были на трамвайной остановке. Еще через пять сошли с трамвая у дома-башни с редакцией в витрине первого этажа. Но Рыбкина около машины не увидели.

В этом был какой-то подвох. Однако машина все же стояла, и они к ней подошли сразу в грустной уверенности, что Рыбкин вызвал их зря и нарочно! Что он подсматривает сейчас откуда-то, наслаждаясь удачной проказой, а потом, наверное, выскочит и закричит что-нибудь вроде «Эй вы, сыщики-пищики! Сыщики-пищики!» — и тому подобное.

Но все оказалось истинным — и машина, и цвет, и модель, и номер, и пятна на сиденье, похожие на собачьи следы. А Славик Рыбкин, который действительно высовывался из-за телефонной будки, оттуда почему-то ничего не кричал — он только им делал издалека странные знаки руками. А потом, когда два сцепленных вместе трамвайных вагона медленно поползли от остановки и закрыли собой ворота автобазы, что напротив зеленого дома, Славик акробатическими прыжками в считанные секунды покрыл расстояние от будки до автомашины и в такие же секунды доложил о тяжком осложнении обстановки.

Оказывается, Славик, обнаружив машину, очень боялся от нее отойти — даже к телефонной будке. Представляете, а вдруг похитители чемпионской собаки в три вот таких же прыжка выскочат из зеленого дома, нырнут с Варягом на руках в «Жигули» и снова скроются в неизвестном направлении!..

Но ему в это утро невероятно везло: он топтался, топтался и увидел на тротуаре гвоздь. Обыкновенный большой ржавый гвоздь из тех, что время от времени выпадают на тротуары и на автомобильные дороги неведомо откуда — наверное, вместе с градом. И с простотой истого гения Славик мгновенно сообразил, что если этот гвоздь поставить торчком под заднее колесо «Жигулей», то преступники при первом же обороте колеса окажутся в полном смысле слова пригвожденными вместе с машиной.

А у ворот автобазы грелся на солнышке сухонький сто-рож — грелся и смотрел на Славика недружелюбно. Потому что у людей, чья профессия охранять автомобили, ко всем

машинам — симпатия, даже к чужим, а ко всем мальчишкам — недоверие: они так вот покрутятся-покрутятся у тех «Жигулей», а потом на крыле обнаружится Слово. И Славиковы эволюции показались сторожу подозрительными. Он поднялся со своего стульчика. Подумал, стоит ли переходить улицу, — может, ничего и не случилось, тем более что мальчишка в телефонной будке разговаривает с кем-то крайне убедительно. Но привычка — превыше логики. Сторож все-таки улицу пересек, машину осмотрел и в момент, когда Славик выскочил из будки, чтобы вернуться к пресловутым «Жигулям», обнаружил под задним колесом гвоздь.

Тут Славик Рыбкин и убедился впервые в жизни, что даже самая благородная цель не в состоянии оправдать сомнительных средств. И об этом прискорбном конфликте он доложил вовремя, потому что, как только около «Жигулей» очутилось теперь уже четверо мальчишек с очкастой девчонкой, а один из мальчишек уже был уличен в злодействе, сторож вытащил из-за ворот метлу, снова пересек улицу и стал свирепо кричать, чтобы все немедленно убирались прочь. Он много чего кричал и размахивал метлой, и, поскольку скандал мог попросту сразу спутать все карты, Ольга мгновенно что-то прикинула в уме и кратко командовала: «За мной!»

И точас первой пошла на другую сторону улицы, немного наискосок — подальше от автобазы.

Смею заметить — у этой девочки отличная способность быстро ориентироваться на местности. Там, наискосок, — довольно высокий зеленый забор из штакетника: он отделяет от улицы недурной садик, выращенный перед шестизэтажным, по-моему, домом. В заборе калитка, и Ольга очень здраво рассудила, что если они станут за калиткой в саду и будут там на дорожке потихоньку разговаривать, посматривая куда надо, то к ним никто не сможет придаться.

И наблюдательную позицию они получили роскошную: машина оттуда видна отлично, а они за кустами, слегка даже нависающими над калиткой, не видны совсем. Но только они заняли эту позицию и собрались коллективно подумать, что им делать дальше, как из-за угла зеленой башни вышел довольно молодой высокий человек в зеленой рубашке и в джинсах и, держа в руках какую-то большую непонятную решетку, направился к «Жигулям».

Правда, решетка оказалась всего-навсего автомобильным багажником, который молодой человек взгромоздил на крышу и стал очень аккуратно подравнивать, а затем терпеливо привинчивать, и что-то у него не получилось. Тут между ним и ребятами прополз к Нижней Масловке трамвай. А когда медленно прополз и другой в противоположную сторону, оказалось,

что молодой человек открыл задний багажник и извлекает укладку с инструментами. А потом он открыл капот и начал возиться в двигателе. И снова между ними проехал трамвай, а потом два грузовика, и ребят даже начала бить дрожь — от напряжения и от того, что они, говоря по-честному, не знали, как дальше действовать.

...А как они ненавидели того молодого человека! Он же был для них противник, враг. И это очень тяжело вот так, затаившись, видеть совсем рядом противника, который делает какие-то обыкновенные дела, но и эти обыкновенные дела для тебя тоже вражеские. Как бы мирно они ни выглядели, все они — против тебя.

Славик не выдержал и полез в калитку.

— Ты что? — спрашивает Ольга.

— Я там должен стоять. Я здесь больше не могу.

— Не высовывайся! — шипит Данила.

— Я тихонечко, — молит Славик. — Я на одном месте буду стоять, но только там — в открытую.

И представляете, в момент, когда Славик высунулся, вдруг раздался воющий звук автомобильного мотора — такой, как бывает, когда машина должна тронуться с места и шофер слишком сильно нажал на педаль газа. И тут же раздался отчаянный крик Славика:

— Варяг! Варяг!

Ольга, Митя, Данила, Эдик сразу уставились в те «Жигули» — а там капот и крышка багажника по-прежнему торчат вверх. Только хозяин поднял голову и оторопело на Славика смотрит.

Тогда все четверо выскочили из калитки на улицу. И — ничего не видно, потому что опять ползет двухвагонный трамвай. Но вот он прошел, и, оказывается, по дальнюю сторону зеленой башни — на выезде от домов, расположенных сзади нее, — уже у самой мостовой мигает указателем правого поворота другой беленький «жигуленок», и хозяин его терпеливо пропускает медленно катящийся по той стороне синий «Москвич»-«пикап». Оба левых окна, обращенных к ребятам, открыты, и за рулем виден массивный седой мужчина с круглой, совершенно белой шкиперской бородой, а в заднее окошко высунула нос собака — ирландский сеттер, копия Варяга, ну, конечно, насколько об этом можно было судить на расстоянии чуть ли не сотни метров.

Когда рассказываешь — получается долго. А глаза-то фиксируют все, как киноаппарат. Три секунды — «пикап» проехал, «жигуленок» вывернул и неспешно пополз к улице 8 Марта. А когда он поворачивал, Славик снова крикнул: «Варяг!» — и тогда собака высунула как следует голову и дважды гавкну-

ла. И кто-то, видимо сидевший рядом с ней в глубине, оттянул ее от окна за ошейник, чтобы не высывалась и не гавкала.

И Митька, и Данила сразу сообразили, что машина — это те самые «Жигули» модели 2103, которые они видели у дома позади башни, а за ее рулем — дядька, который позавчера накупил у них на Башиловской целую сетку бутылок «Байкала». И хотя номер у машины не такой серии и задние фары — каждая из двух, а не из девяти прямоугольников, и вид у дядьки до отвращения приличный, сомнений не было никаких: собака сзади — их украденный Варяг. Ведь голос-то! Голос!

Они стояли на тротуаре оцепеневшие, а сторож у автобазы встрепенулся на Славикины вопли и погрозил метлой.

И тут Эдик как закричит:

— Такси! — и замахал руками.

И все замахали, потому что со стороны улицы 8 Марта плелась старенькая «Волга» с зеленым огоньком, причем она была почему-то даже не салатного, а какого-то нестандартного грязно-рыжего цвета. И двигатель у нее уже издали стучал. И кузов у нее уже издали скрипел. И хотя она ехала медленно, было видно, что останавливаться ради них ее шофер не собирается.

Но мы же знаем, что Эдик Соломатин — человек поступков. Он как понял, что такси не остановится, так и кинулся на мостовую и расставил руки: не пушу! Хорошо, скорость была маленькая.

Шофер выскочил.

Вот если бы я этот детектив придумывал, как говорится, из головы, то в этом месте шофером должен бы оказаться Петя Михнев, так как мне проще было бы все закруглить. Тем более, закругляться давно пора. Но закруглялось-то иначе! И шофером был не юный Петя, а ничем на него не похожий мужчина лет уже сорока, с серым недовольным лицом человека, у которого начинается обострение язвы двенадцатиперстной кишки и который ищет не приключений, а диетическую столовую, ибо есть ему полагается каждые три часа.

Шофер выскочил и еле дух перевел — так он испугался, что вот мог Эдика задавить. И ему больше всего хотелось теперь как следует Эдику дать по шее. Но Эдик, вместо того чтобы уворачиваться, вцепился ему в плечо и крикнул:

— У нас собаку украли! Дедушкину! Сеттера! Вон на той машине! На «Жигулях»! Догоняйте!

А Митька с Данькой и Славик уже захватили заднее сиденье, и Ольга уже бухнулась на продавленное переднее кресло, к тому же так сердито, словно такси ею вызвано и опоздало. И шофер растерялся. Представляете, сколько

страсти было не только в словах ребят, но и в каждом движении!

...Немолодой, худосочный, лысоватый, нездоровый человек. Как все таксисты — лишенный житейских иллюзий: сама его служба заставляет быть практичным и трезвым. И всего какую-то минуту назад он думал об одном — покарать мальчишку, безобразничавшего на проезжей части улицы! А на него обрушены такие стоны и такие взгляды, что он скребет свою лысину, крикает, садится за руль и, как только за Соломатиным захлопывается задняя дверца, разворачивает колымагу, которой через день «на списание», и пускается в погоню неведомо за кем!

И приходит в настоящую ярость, когда на первом же перекрестке — у Мирского переулка — перед носом вспыхивает красный светофор!

И вылезает из кабины, чтобы с высоты роста получше рассмотреть, где они там, эти «Жигули», куда они собираются сворачивать от трамвайного круга, до которого ему самому еще почти полкилометра — целых две остановки.

Но, на их удачу, день стоит ясный, солнце светит в спину, улица просматривается далеко, а в восемь утра в воскресенье машин еще мало, и, плюхаясь за руль, шофер рапортует своим единомышленникам — он же теперь им тоже единомышленник:

— На Часовую пошел!

И еще на желтый пересекает перекресток, скрежеща, выскакивает переулками на Часовую, и теперь уже всего в полутора кварталах перед собой вылавливает зорким глазом из утренней дымки силуэт удирающей дичи — все мы потомки охотников! Все!..

И расстояние сокращается. И уже можно понять, что заднее стекло «Жигулей», по-прежнему пока еще не спешащих и о погоне за ними не ведающих, затянута синей полупрозрачной пленкой. А потом становятся видны в машине силуэты голов — двух, считая водителя, человек, и, кажется еще, действительно иногда мелькает нечто вроде собачьей головы.

Об удаче я сказал. А на их неудачу светофоры-автоматы о происходящем не знают и думать не думают, чтоб создать режим наибольшего благоприятствования. Таксист хитрит, высматривает, нет ли милиционеров, нарушает правила. Но конечно, всем назло, у поселка Сокол — у выезда к Волоколамскому и Ленинградскому шоссе, когда разрыв между машинами сократился метров до пятидесяти и никого меж ними уже не было, — «Жигули» аккуратно свернули направо под указующим перстом зеленой стрелки, а эта проклятая стрелка тотчас погасла! И через дорогу у бровки, да еще лицом к их машине, ехидно расставив ноги, стоит могучий черноусый автоинспектор

в белом шлеме и роскошной кожаной куртке. И он словно бы угадал тайные мысли таксиста и назидательно пригрозил ему своей полосатой палкой: «Не смей». И машина застыла на самом углу.

Шофер снова выскочил. Вытянул шею вслед «Жигулям». Сел. Отрапортовал: «На Волоколамку пошел». И в этот самый миг денежный счетчик старенькой «Волги» щелкнул немного громче прежнего. Потому что на нем поменялись разом три цифры, и вместо двух нулей и девяноста восьми копеек обозначился ноль один рубль и ноль-ноль.

И шофер как проснулся. Нахмурился. И таким, знаете, безразличным тоном спрашивает:

— А деньги-то у вас есть? Платить?

Рыбкин ойкнул. И все заднее сиденье, до сей секунды в азарте гомонившее, как вымерло. И шофер молчит. Но тут Ольга подняла кулак с зажатым в нем кошелечком и с очень большим достоинством сказала: «Есть!» И с таким же достоинством на следующий вопрос ответила: «Хватит». И на следующий: «Шесть рублей». И на Митькин первый вопрос: что это — остаток от тех тринадцати, которые отец давал на объявление в «Вечерке». А на его второй вопрос — уже сердито: «Сколько осталось — столько осталось». А Рыбкин вспомнил, что мама дала два рубля на сметану.

Ну вот, не мне же вам объяснять, что по разным улицам ездят по-разному.

Ведь Волоколамское шоссе до Тушина — как линейка. На нем, правда, большие подъемы и спуски, но ведь оно прямехонькое. И пока на Соколе стрелка поворота включилась снова и такси вырулило на это шоссе около здания Гидропроекта, никаких белых «Жигулей» впереди видно уже не было. Только когда доехали до самой вершины моста через железную дорогу, что-то вдали, кажется, мелькнуло — и все. И у Покровского-Стрешнева еще с полминуты пришлось постоять перед светофором, а полминуты — это, как минимум, еще полкилометра разрыва. И впереди то и дело, как на грех, возникают канареечные с синими полосами автомашины ГАИ — не разгонишься.

Шофер мне сказал потом, что его перестало беспокоить, хватит ли в конце концов денег у ребят. Он бы заехал на Башиловскую и получил от родителей. А что заплатят и не обидят, он, говорит, почему-то не сомневался. К Покровскому-Стрешневу он уже все знал о Варяге, кое-что обо мне и о бабе Нате, о таксисте Пете, вчерашних поисках, даже о щенке Бавиле. Он только не мог понять, кто же из пятерых мне внуки, а кто не внуки. Точно знал, что мой внук — Соломатин. И остальные, кажется, — тоже, кроме Данилы и Ольги, которые вели себя чопорно, поспокойней.

А вот мучило его другое. Что он, как маленький, влип в эту историю с дурацкой погоней, которая на самом-то деле была неизвестно за кем, и неизвестно, чем должна и чем даже хотя бы могла теперь кончиться!

Вот он выскочил из туннельчика под каналом имени Москвы — как раз где от Волоколамского шоссе ответвляется широкая главная улица нового Тушина, выскочил, притормозил прямо перед милиционером и крикнул:

— Белые «Жигули» — куда?

Милиционер показал: «Прямо».

А что за белые «Жигули» там, впереди? Вдруг другие, вывернувшие у Покровского-Стрешнева? И вообще, а что дальше-то?

Он и у ребят спросил: «А что дальше-то? Вот догоним, что будете делать?» И они там позади зашущукались.

А у метро «Тушинская» он увидел, что «Жигули» проскочили речку, а потом — что не повернули к станции «Трикожаная». Дальше до самой кольцевой дороги сворачивать некуда. А там, к Ленинградскому шоссе, — вряд ли: глупо было бы ради этого заезжать сюда. Значит, либо влево, в Рублево, либо прямо — к музею «Архангельское», в тупичок, либо направо — на Красногорск. А потом куда? До Истры? До Волоколамска? До Великих Лук? До Риги? Смехотища!..

Конечно, он решил, что далеко не поедет. Чуть дальше Опалихи на счетчике выскочит «8 руб. 00 коп.» — и он может остановиться и честно сказать: «Хватит! Покатались!» Ну, о том, чтобы высадить на шоссе, и речи нет. Дал бы им по пятнадцать — двадцать копеек на нос, вернулся бы к Опалихе, сделал бы крюк до платформы, а электричка довезет — у них же там рядом с трамвайным кругом станция, как раз этой, Рижской дороги. Или, может, не к Опалихе. Там, пока дождешься пассажира, больше потеряешь. И конечно, мелочиться, заезжать потом к родителям за этим рублем — себе дороже.

А перед кольцевой дорогой машин навстречу шло много — одна за другой, и все на хорошей скорости. Владелец белых «Жигулей», хоть он сейчас и ушел вперед, все-таки ехал все время аккуратно: можно ехать быстро — ехал быстро, нельзя — ехал медленно. И если бы он собирался у кольцевой сделать левый поворот, он бы стал здесь пережидать эти машины и такси его бы нагнало. И шофер еще почему-то решил, что «Жигули» тоже вряд ли пошли к «Архангельскому», а повернули к Красногорску. И когда он повернул туда сам, то снова спросил своих пассажиров — уже настойчиво:

— Ну, а дальше-то что? Вот если даже догоним, что будете делать?

— Скажем! — твердо сказал Данила. — Скажем им все!

— А если тебя и слушать не станут?

— А вы?— с надеждой спросил Славик Рыбкин.

— А я при чем? Пришей-пристебай! И меня не станут. Я же таксист, а не оперативник, чтоб меры принимать.

Ольга сказала:

— Надо вызывать Наталью Павловну. Попробуют они ее послушать!

— Это что, прямо на дорогу?— захихикал Митька, который сразу представил себе, как баба Ната величественным автоинспекторским жестом останавливает «Жигули» с похитителями.

— Мы же не будем ждать!— возмущился Данила.

— Да, на дорогу,— безапелляционно ответила Ольга и открыла кошелечек.— Она возьмет в Москве такси. Подберет тебя или Славика где-нибудь здесь, и поедете вдогонку. На, бери душки!..

Шофер сказал с некоторым облегчением:

— Сейчас пост ГАИ будет. У Красногорска. И московский автомат рядом. Последний.

— Ну, Скородумова, ты — Архимед!— весело сказал Митька.— А вот они куда-нибудь свернут, и мы за ними — ведь нам же надо! Тогда что?

— А мы у поворота тоже кого-нибудь высадим!— азартно сказал Рыбкин.— Будет еще поворот, тоже высадим! Мы четырех можем посадить. А я буду знать, где они скрылись!

Таксист притормозил, потому что уже подъехали к знаку «Пост ГАИ, скорость 40 км», и дальше тихонечко покатыл, прижимаясь к бровке шоссе, чтобы кто-то из них высадился у телефонной будки. А Ольга протянула Мите извлеченные из кошелька монетки и скомандовала:

— Вылезай!

— Сама вылезай!— взвился Митя.— Мы же с Данькой обязательно должны сами туда приехать. Туда, где будет конец. Как раз мы! Он же наш, Варяг! Он же сразу покажет, что он наш. А ты ведь ему не своя. Может, он к тебе пойдет, а может, и не пойдет. И не докажешь!..

Машина уже стояла, а они еще пререкались, а время шло! Что могло выручить? Конечно, самоотверженность Эдика Соломатина — тем более, он сидел у правой дверцы. Он сгреб с Ольгиной ладони монетки, выскочил и помахал им вслед.

А за постом ГАИ стояли две очереди. Одна — из машин, поставленных на бровке, а вторая — из их шоферов и владельцев подле флегматичного автоинспектора. И когда брэнчащая «Волга», набрав скорость, миновала голову той очереди из машин, таксист — он от себя этого не ожидал — совершенно растерялся. Потому что первыми в ней стояли те самые белые «Жигули» с рыжей собакой на заднем сиденье! И хозяин их,

чей облик просто невозможно было не опознать, в эту минуту очень сердито пустил по ветру две аккуратненькие штрафные квитанции, плюхнулся за руль и захлопнул дверцу.

Подарок бога-случая был столь невероятен, что шофер такси ошел и среагировал только секунд через восемь или десять, причем среагировал совершенно неправильно: он вильнул к бровке и затормозил. А белые «Жигули», с шипением набирая скорость, быстро пронеслись вперед.

Но дальше все было очень буднично. Обогнав такси почти на километр, «Жигули» вдруг перестали уменьшаться в размерах и свернули влево — в Опалиху.

У поворота был высажен очень огорченный Рыбкин.

Главная магистраль Опалихи не для гонок: ни гладкости, ни прямизны, боковые улочки — тем более. У магазина, в пятидесяти метрах от которого, осторожно ковьяля по кочкам, преследуемые «Жигули» свернули с боковой улочки влево, высадили Данилу, как младшего; в ответ на возражения Ольга показала свой кошелек — дескать, а кто расплачиваться будет? Ну, и, совершив еще всего стопятидесятиметровый зигзаг, такси остановилось у не очень высокого — метра два — и не очень стройно стоявшего, но все же сплошного забора дачи, ворота которой минуту назад закрылись за теми «Жигулями». Мотор «Волги» заглох. Счетчик ее сразу отчетливо щелкнул — на нем одновременно сменились две цифры: вместо семи рублей сорока восьми копеек сделалось семь пятьдесят, и шофер поспешно его выключил.

Ольга, Митя и таксист выбрались из машины. Шофер недоверчиво осмотрел видневшийся из-за забора мезонин красивого, добротного бревенчатого дома и блестящее от солнца огромное окно там, наверху, с какими-то игривыми полотняными занавесочками. Покачал головой и вздохнул:

— Ничего себе малина!

А за забором шла какая-то невыносимо веселая жизнь. Сначала хлопала автомобильные дверцы — что-то из машины вынимали. Деревянные ступеньки крыльца гулко отвечали на шаги. Высокий женский голос очень возбужденно говорил: «Вот уж не ждала, вот уж не ждала!» Что-то глухо бормотали разные мужские голоса, похожие на многие другие мужские голоса. Раздался громкий двухголосый лай, и по шуму и по тому, как он перемещался по всему дачному участку, было ясно, что там за забором, то повизгивая, то влаивая, то рыча, то снова взвизгивая, носились по траве две веселые собаки.

Ребята простояли у забора в неподвижности минут пять. Потом Митя с надеждой спросил неведомо кого:

— Собачий бой?

Ольга ответила:

— Что-то не похоже.

А шофер вздохнул:

— Ну, а что теперь-то делать?

Подумал, достал из машины фуражку с таксистским значком, надел, сразу принял какой-то очень официальный вид, вынул ключ зажигания, зачем-то поднял стекло у своей дверцы и дверцу захлопнул с таким видом, будто собрался куда-то надолго уйти.

А где-то в доме веселый женский голос вдруг спросил:

— Боря! А кто во второй машине приехал?.. Ну, во второй, которая вот и сейчас стоит. Разве это не с вами?..

И как только глухая калитка открылась, оттуда сначала вылетел Варяг, потом какой-то черный спаниель, а затем в ней остановилась женщина в спортивных брюках с белыми лампасами — видимо, ровесница бабы Наты, только похудошавей ее. Варяг сразу прыгнул на Митьку, стараясь лизнуть его в лицо, а спаниель побежал в сторону леса, и женщина нервно закричала сразу на обеих собак: «Джигит! Джигит! Ко мне! Варяг, фу! Варяг, фу!»— и примирительно добавила:

— Ты не бойся, мальчик, он не укусит. Это же охотничья собака.

Митька с Ольгой схватили Варяга за ошейник сразу с двух сторон, и Митька агрессивно сказал:

— А я не боюсь! Это моя собака!

— Твоя?— ахнула женщина.— Как здорово!

Она почему-то очень развеселилась и крикнула, обернувшись к видневшейся за распахнутой калиткой веранде: «Сергей Дмитриевич, идите сюда! Смотрите, как интересно! Здесь один милый молодой человек претендует на вашего Варяга!..»

...Кому крикнула? Конечно, мне.

Кто она? Это — жена Виктора Семеновича. И дача его. И на белых «Жигулях» Варяга и меня привез его друг — мы все втроем еще в пятницу хотели отбыть в деревню на Валдай, к тамошним озерам и лесам, которые в озера смотрят, и полям — низменным лугам, на которых утки жируют перед осенним перелетом. Было уговорено увезти меня тишком из «Дубков» на Валдай на три последних дня перед выпиской — с Варягом, конечно! И мне бы хорошо, и Варяг бы набирал рабочую форму, всем так необходимую, да подвел шофер-новичок, тюкнувший крыло оранжевого «Москвича».

Нет, и не так уж это далеко: всего пять — пять с половиной часов по Ленинградскому шоссе и еще полчаса в сторону... Но, понимаете, ведь другу Виктора Семеновича не к чему было сразу, в ночь с воскресенья на понедельник, возвращаться в Москву. Это мы двое собрались ради удовольствия. А он — ради дела: он там писать любит. Поэтому нам дозарезу был

нужен второй автомобиль — «Москвич» Виктора Семеновича: ведь не оставишь друга на Валдае «без колес»!..

...Нет, только не уподобляйтесь Наталье Павловне: все-таки я — врач и себе не враг. Мы все предусмотрели: я был надежно прикрыт лучшими лекарствами! И сестрички в моей больнице приготовили мне в дорогу на всякий случай такой набор, что не у всякой бригады «скорой помощи», — за ним заехал друг Виктора Семеновича.

И вот, казалось, до мелочи рассчитали. И начало прошло как по нотам! Наталья Павловна, раз ее предупредили насчет телефонов, до понедельника в санаторий не позвонила бы. Варяг выслежен и уведен. Конечно, когда сидишь в засаде против собственных окон — ну там на скамеечке около кинотеатра, то чувствуешь себя прескверно. И газетой надо прикрываться, чтобы случайно попавшиеся соседи по дому не приметили, не узнали. И я, например, рассчитывал на более трудный вариант, что ребята выведут Варяга во двор, пустят побегать, и я его откуда-нибудь из-за угла поманю — он же ко мне стрелой пойдет. Но тогда действительно — все на секунды, а какой я теперь бегун?

И вдруг известие — идут в магазин за водой!

И все великолепно, кроме одного — оранжевой автомобильной краски! Точней, характера Виктора Семеновича.

У нас был точный график: утром в пятницу он едет на ремонт — фара, новое крыло, окраска, сушка, окраска второй раз, — ну, к пяти, к шести-то он освободится. В семь едем.

И вот в начале седьмого мы с Варягом появляемся в квартире этого писателя — да, да, в доме позади зеленой башни. И я сочиняю в нескольких вариантах успокоительную телеграмму. Последний был такой: «Умоляю не волнуйтесь мы Варягом порядке оба будем понедельник утром целую целую целую очень виноватый дед». Понимаете, все было рассчитано, чтобы успокоились и не сердились: кстати, это писатель посоветовал «целую» повторить три раза. Но мы сидим и ждем, что вот-вот позвонит Виктор Семенович и я, прежде чем мы выедем к месту встречи, продиктую эту телеграмму по телефону. Все в порядке — никто не страдает. А Виктора Семеновича нет ни в семь, ни в девять, и лишь в десятом часу он звонит в совершенном огорчении: крыло и фару поменял, краски нет! Но утром он ее достанет и в двенадцать — в час выедем. Нет, нет! Ехать по Ленинградскому шоссе четыреста километров, извините, неглиже — с некрашеным крылом, свыше его сил!.. Он, видите, уважает и себя как автомобилиста, и свое дитя, свою машину, еще более. Один день охоты пропал, но другой все же у нас есть!

Утром я снова в заточении в квартире нашего друга-писа-

теля и почитываю роман, до которого все у меня руки не дошли, — с уместным к случаю названием «Сто лет одиночества». И жду уже не охоты, а минуты, когда мне можно будет наконец отправить эту успокоительную телеграмму. А машину красят лишь поздним вечером. И у меня с Виктором Семеновичем уже до возвращения в «Дубки» остались одни сутки. Все прахом! И ничего не остается, как отправить свою телеграмму и поехать хотя бы в Опалиху — к нему на дачу, чтобы уже только набраться духу перед предстоящим возвращением с повинной головой...

Но скажите мне, пожалуйста, как мужчина мужчине: вот если бы у вас была собака чемпионских статей и таких выдающихся способностей и если бы ее необходимо было срочно вывезти на охоту! Срочно! И у друга вашего есть три свободных дня! И вы сами ничем в эти дни не связаны!..

Разве вы не скажете про себя: да неужели же я не имею права?!

Все предусмотрено.

А вот появления уникального рыжего такси, Мити, Ольги и еще Данилы с Эдиком и Славиком, расставленных в качестве живых указателей, и вообще всего этого бума из-за моего дурацкого инфаркта никак себе не представляли.

Мы приехали, взошли на веранду. Прошло каких-то пять минут, и уже чувствую: хорошо сидим!

И тут-то жена Виктора Семеновича этак весело меня зовет. И даже вот такусенькой мысли не было, кого я за калиткой увижу! Вышел — и ни полслова вымолвить не могу.

А теперь представьте сцену: жена Виктора Семеновича и таксист смотрят то на меня, то на Митьку, будто сейчас сообразили, что мы пришельцы из космоса. А мы трое — Митька, Ольга и я — все понимаем сразу.

Одиннадцатилетняя Ольга смотрит на меня с ненавистью, на какую способны только обманутые женщины, а в Митькиных глазах совершенно мистический ужас, хотя он точно знает, что я — не привидение.

— Дед! — говорит Митька. — Милый! Ты понимаешь, что сейчас будет? Сейчас сюда придет баба Ната!..

Шофер плюнул. Пошел к рыжей «Волге», приоткрыл дверь. Постоял. Захлопнул. Подошел к жене Виктора Семеновича и этак требовательно спрашивает:

— Пакета молока не найдется?

А Митька говорит:

— Дед! Садись в такси и езжай в «Дубки», пока она не приехала. Ведь будет конец света!..

И в это время разносчица телеграмм с нашей почты звонила и звонила понапрасну в нашу пустую квартиру.

А в это время Алексей Петрович Скородумов с категоричностью майора милиции уже заставил Наталью Павловну, взяв такси, подъехать к подъезду его кооперативной башни — и никаких возражений! Он сейчас кой-как оденется и доковыляет до лифта, а дальше все ерунда!

И, пристроив в машине свою гипсовую ногу на уложенный вкось косяк, он мягко задал бабе Нате прямой вопрос: не живет ли кто-либо из наших знакомых где-нибудь за Красногорском на даче — в Снегирях, Гучкове или Опалихе? И, узнав, что там живет не кто иной, как сам Виктор Семенович, принялся доверительно бормотать, что моя, конечно же, не очень остроумная фантазия настолько естественна для мужчин, что его товарищ, специалист по розыску, услышав от Алексея Петровича о пророчествах насчет светлого будущего собаки, сразу сказал: «Он тайком поехал на охоту!» Надо быть мужчиной, чтобы ощутить, как это естественно для нашего брата. Включая неумение рассчитать последствия.

— А что он скажет внукам? И что скажут внуки? — твердила в ответ Наталья Павловна.

— Внуки-то поймут, — отвечал Алексей Петрович. — Они же мужчины, хоть еще и малы ростом. И мыслят так же, как и мы. Важнее, чтобы вы поняли! Вы же еще позавчера клялись безропотно нести свой крест.

— Я его несу, — говорила Наталья Павловна. — Я его несу уже тридцать четвертый год.

И Скородумову очень хотелось, чтобы путь до Красногорска, где стоял у шоссе Эдик, и тем более до Опалихи стал в этот день хотя бы вдвое длиннее.

7

Да, я потом познакомился и с таксистом Петей тоже. Он бывал у нас, пока не ушел в армию, но чаще приходил не в той рубашке с роковыми значками карточных мастей, а в другой — усыпанной перекрещенными дуэльными пистолетами.

Кстати, Петя перепутал не только модель машины и серию номера. Наш приятель его ничуть не «подрезал». Он его, напротив, пропустил. Ведь Петя мчался как оглашенный. Я сидел в тот момент в «Жигулях» со своим кандидатом в чемпионы и все видел. Не знаю уж, как это у Пети одно наложилось на другое! Вообще-то приятель Алексея Петровича говорит, что с очевидцами это случается то и дело. Он по себе знает.

РЕЙС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОВЕСТЬ

Глава I. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ДЖОНА ЛЕРУА

У меня английское имя Джон, французская фамилия Леруа, я родился в Бельгии, и среди моих родителей, бабушек, дедушек и прадедушек, насколько я знаю, не было двух человек одной национальности. И с женами та же история: первая была марокканка, вторая — итальянка, третья... Впрочем, третьей еще нет, но если будет (в чем я сомневаюсь), то наверняка эскимоской или папуаской. Люблю экзотику. Но еще больше — мой город с его суматохой, веселой ночной жизнью, развлечениями и приключениями.

Однако больше всего я люблю себя. И ради бога, не говорите, что это нехорошо, что я эгоист. Что такое эгоист? Это человек, который делает все для себя, но не для меня. Так вот, можете меня обвинять в чем хотите, только не в эгоизме, потому что я все делаю именно для себя.

Конечно, вы можете пожать плечами и даже фыркнуть. Такой, мол, себялюбец и эгоист, каким я себя расписываю, и вдруг работает в полиции, да еще в отделе по борьбе с воздушным терроризмом, где в любую минуту надо быть готовым пожертвовать собой ради спасения невинных людей, где смертельный риск — повседневность!

И тем не менее это так. Почему?

Ну, во-первых, нам здорово платят. Ничего не скажешь. Оговорюсь: набивать карман за счет бескорыстных рождественских и других подарков от преследуемых мною преступников, как это делают мои коллеги из отделов по борьбе с контрабандой наркотиков, по соблюдению правил торговли и т. д. и т. п., не приходится. Похитившие лайнер террористы оказавшиеся в их руках агентам воздушной безопасности взятки не дают.

Зато часто ли такое происходит?

Конечно, самолеты сейчас угоняют во всем мире частенько — и на борту каждого, заметьте, по сотне, а то и две пас-

сажиров. Но автомобилей пока угоняют все же больше. И мои коллеги из отдела по розыску угнанных машин буквально с ног сбиваются. А я вот год работаю в своем отделе, и схватиться грудь грудью с воздушными пиратами еще не довелось. Но звучит-то красиво — отдел по борьбе с воздушным терроризмом! Все прямо глаза закатывают от ужаса и волнения, когда я небрежно сообщаю, кто я. И засыпают вопросами — как я не боюсь, да сколько раз рисковал жизнью, скольких террористов поймал, ну и всякую другую ерунду, которую могут спрашивать только дураки. Не могу же я разочаровывать их — и, уж будьте спокойны, не скуплюсь на всякие жуткие истории. Если бы подытожить мои рассказы, то получится, что, не будь меня — Джона Леруа, уже давно не только наш, но и вообще весь мировой гражданский воздушный флот находился бы в руках террористов.

Конечно, всякая медаль имеет свою оборотную сторону. Заставляют тренироваться. И еще как! Семь потов сойдет. Но я парень здоровый: у меня «черный пояс» — третий дан по дзю-до, второй дан по каратэ, я был чемпионом города по боксу и не последний в саватте. Рост — сто девяносто, вес — девяносто пять. А стреляю из пистолетов любых марок, как цирковой артист. Кстати, когда закончил службу в армии, я два года в цирке и выступал, правда, не как стрелок, а как гимнаст. Паршивая работа!

Хорошо, что взяли в полицию. В первый день начальник мне прямо сказал:

— Физические данные, подготовка — лучше не сыщешь, а вот по части нравственности тебе до ангелов далековато.

Я говорю:

— Так ведь самолетами придется летать, не крылышками помахать.

— Ах, ты к тому же и остряк, — говорит начальник и отпускает.

И вот я начал летать. Такая служба. Летать, а в случае если захватят лайнер, погрозить гадким мальчикам пальцем и поставить их в угол. Между тем гадкие мальчишки, насколько я знаю по рассказам коллег, бывших в деле, по газетам и закрытым сводкам, шуток не понимают, они начисто лишены чувства юмора, а заодно и чувства милосердия. И стараются таких, как мы, мешающих им работать, отправить туда, где я, вопреки мнению моего начальника, как раз могу очень быстро превратиться в ангелочка.

Ну да ладно, есть среди моих коллег потери, но я-то жив, а это главное.

А теперь я вам скажу кое-что, чему поверить трудно. Да, да. За год, что прослужил в отделе по борьбе с воздушным

терроризмом, я с воздушными преступниками только на газетных страницах да на киноэкране и встречался! Но не успел перейти в другой отдел, как чуть не сразу же встреча состоялась. Да еще какая, так что еле ноги унес. Ох...

Расскажу.

Вызывает меня начальник и спрашивает:

— Леруа, сколько было пассажиров в этом рейсе?

— Каким?— спрашиваю.

— Из которого ты только что вернулся.

— Не знаю, человек сто пятьдесят,— пожимаю плечами.

— А точнее?

Молчу.

— А кто сидел перед тобой?

— Старик какой-то,— мямлю,— наверное, бизнесмен.

— Бизнесмен? Старик?— хмыкает начальник.— Это был чемпион Аргентины по плаванию. Ну, а сзади?

Молчу.

— Не знаешь,— констатирует начальник.— Отвечу, почему. Потому что, кроме своей соседки, ты вообще ничего не видел. Тихо! Тихо! Тихо! Не оправдывайся. Словом, так: не годишься ты для нашей работы, не только из-за этого последнего рейса, а вообще. Я давно к тебе присматриваюсь. Но терять тебя тоже неохота — ты же голыми руками с двумя быками справишься...

— Быки самолеты не угоняют,— ворчу.

— Все остришь. Словом, так: переходишь в отдел по борьбе с контрабандой наркотиков. Я давно договорился, а сейчас они торопят — есть срочное дело, и как раз для тебя. Желаю удачи.

Нет, мой начальник никогда не отличался сентиментальностью. Выкинул, как окурок. Все-таки год я у него прослужил, хоть бы теплое слово сказал.

Через два дня начал работать на новом месте, у нового начальника.

Проработал три месяца. Сначала служба мне понравилась — ошиваешься по ресторанам, барам, приглядываешься, кое за кем слеживаешься, кое-кого прихватываешь. Наркоманы, думаю, народ неопасный — как тряпки, бессильные, ничего не соображают, дохляки.

Черта с два оказалось! Взяли одного, продержали в участке, а с ним такое творится! Орет, бьетса головой о стену, кусается, царапается — пришло время колоться, а порции-то нет, в участке сидит. Наркоманы — люди конченные. Злейшему врагу их судьбы не пожелаю: за секунды радости — годы мучений, а потом все равно смерть, да какая...

Словом, вытащили того парня на допрос. Скажешь, где

брал,— отпустим. Молчит. То ли не знает, то ли боится. И вдруг как прыгнет, вырвал у сержанта пистолет. «Дайте порцию,— орет,— а то всех убью!» Пока сержант делал вид, что ищет шприц, я на парня бросился, скрутить хотел. Ну, дохляк, полсотни килограммов небось весит. Куда ему против меня. И откуда у него столько силы и злости! Все мои дзю-до, каратэ, саватага потребовались, чтобы с ним справиться. Чуть глаза не потерял. Царапины на лбу месяц заживали. Вот вам и дохляк. Но все же скрутил. В камеру бросил. Он там ночью себе вены перегрыз — не выдержал.

И пошло, и пошло. Выследили мы группу переправщиков, заманили в засаду, а как пошли брать, так такая стрельба началась, куда там война! Машина у них оказалась бронированная, стекла пуленепробиваемые, стреляют из автоматов, из ручных пулеметов, гранаты слезоточивые и осколочные, между прочим, тоже бросают. Как жив остался — до сих пор не понимаю. Все же мы их прихлопнули, а когда увидели, что у них в машине было, поняли, в чем дело: на три миллиона! Три миллиона! За такие деньги не то что полдюжины полицейских, а и родную мать можно на тот свет отправить.

И что интересно. Если б мы их живьем взяли — считай, каждый бы по двадцать лет, не меньше, схватил. А когда их главаря, того, кому все эти порошки принадлежали, ну, на кого они работали, судили — он из суда на своем, тоже небось бронированном, «кадиллаке» спокойноенько укатил. Оказывается, нет доказательств его вины! Нет, и все тут. Там столько адвокатов собралось, что их разве переспоришь.

Зато в этом отделе нашему брату, полицейскому, можно в карман будь здоров сколько положить. Торговцы наркотиками — это тебе не террористы, они люди щедрые, а главное, есть чем платить. На адвокатов, судей, таможенников, полицейских тысячи потратят — миллионы сохраняют.

А вот как жизньохранишь? С главными заправилами начальство имеет дело, не наш брат рядовой. Мы больше с мелюзгой — «пушерами», переправщиками, клиентами, словом, с теми, кто за своих хозяев лет на двадцать за решетку усаживается. Им это не нравится, и они сопротивляются. Да так, что мы, рядовые агенты, того и гляди, на всю жизнь в могилу попадем. Эх, обратно бы к моим тихим террористам!

Вот так служу на новом месте. Зарплата меньше, заработки больше, спокойствия меньше, опасности больше. Пойти, что ли, в цирк?

И тут вызывает меня начальник, новый, и говорит:

— Получай очередное задание. Эту четверку, Рокко, помнишь? По нашим сведениям, они деньги получили, получили

заказы, образцы переработки — и возвращаются в Токио. С посадкой в Москве. Рейс 321. Они тебя не знают. А японцы не знают их. Мы, конечно, сообщили приметы. Да подстраховаться не мешает. Так что полетишь в том же самолете, в Токио укажешь нашим японским коллегам. Они их брать не будут, будут выявлять связи. Может, наконец, поймают ту шайку. Они за ней год уже охотятся, да все без толку. Теперь повезло, мы на них вышли. Так что поможем, японцы народ обязательный, придется — оплатят. Вот билет, вот деньги, документы, в аэропорту предупреждены, оружие тебе незаметно передадут после контрольного пункта. А так пойдешь со всеми пассажирами, понял? Чтобы ничем не выделялся. Эти переправщики — народ дошлый, у них прямо радары на лбу, опасность чувят за сто километров. Все ясно?

— Все, — говорю.

Неудачная история. Договорился с одной пойти поужинать... Досадно.

Ничего, вернусь. Иду в отдел. Собираюсь. Прощаюсь с ребятами. Это ритуал: у нас такие клиенты, что не знаешь, то ли вернешься, то ли нет. Все хлопают меня по плечу, словно вратаря перед началом игры.

Выхожу, сажусь в свою новую малолитражку (мне ее к Новому году подарил хозяин одного кафе, где я обнаружил место сбора «пушеров»). Не стал я закрывать кафе: хозяин хороший человек, он мне симпатичен, и я ему, наверное, раз он мне такой новогодний подарок сделал. Но я ему тоже газовую зажигалку преподнес).

Я люблю большие аэропорты. Каких только не повидал, пока служил в прежнем отделе: в Америке, в Европе, в Азии. Огромные, все в огнях по ночам или под солнцем сверкающие, аж глазам больно; есть мрачные, есть яркие, один похож на колоссальную летающую тарелку, вроде имени Шарля де Голля, другой, как лондонский Хитроу, на старую крепость. Каких только нет!

И суету в них люблю. Все эти тысячи пассажиров, что спешат или, наоборот, ждут как бараны своего рейса.

И тебе азиаты в белых своих подштанниках, а женщины в сари, с браслетами, с красной точкой на лбу, и африканцы в таких роскошных грандбу, что и не поймешь, как такое сшили, а уж девушки у них — сил нет! Шеи длинные, фигуры точеные... Зубы сверкают, глаза сверкают, серьги сверкают...

Японки, когда в кимоно, — тоже красиво, только уж очень маленькие, щебечут, что тебе птички, и ничего нельзя понять. Зато уж европейцев, особенно когда чем-нибудь недовольны, понять легко — орут, возмущаются. Бедняжки стюардессы

только и делают, что извиняются. А чем они виноваты, если где-то там над океаном грозовой фронт?

И снова пассажиры — в шапках, в пробковых шлемах, в шубах, в шортах, загорелые, бородатые, черные, желтые, белые, со всего света прилетающие и по всему свету разлетающиеся.

И тысячи, десятки тысяч чемоданов всех цветов, размеров, видов, старые и новые, сплошь залепленные отельными наклейками и еще чистые. Их несут, катят на колесиках, везут на тележках, грузят на носильщиков. Потом взвешивают, ссорясь с приемщиками из-за каждого лишнего килограмма, и чемоданы исчезают на транспортерах в грузовых недрах, чтобы потом их подвезли к трапу самолета.

Многие пассажиры и не знают, что пока чемоданы доберутся до самолета, их обнюхают в поисках наркотиков собаки, просветят в поисках оружия рентгеновские установки, проверят электронные шупы. А когда поток пассажиров вывалится из автобуса у трапа самолета, каждый должен будет указать свой чемодан, и только тогда его погрузят. Это для того, чтобы кто-нибудь не сдал в багаж чемодан с бомбой внутри, а сам, выкинув зарегистрированный билет в корзинку, не отправился спокойно домой в ожидании радостного сообщения: самолет взорвался в воздухе вместе с его любимой бабушкой (теткой, женой, тещей). Бабушкой, которую он только что в аэродромном автомате застраховал на миллион!

Такие невинные шутки одно время были очень популярны в Штатах, например.

Я люблю украшенные цветами и вьющимися растениями балконы в зданиях аэропорта, сверкающие стеклом, металлом и крахмальными скатертями рестораны, где безупречные официанты обслуживают вас быстро и споро, зная, что вы торопитесь, шумные бары, где пассажиры накачиваются перед отлетом, чтобы их не укачало в самолете, веселые кафе, где целуются у всех на виду расстающиеся влюбленные, додickивывают секретарям последние инструкции убывающие по делам бизнесмены, а не чающие, наконец, услышать объявление о посадке юные богатые балбесы выслушивают наставления строгих родителей, столь же занудные, сколь и бесполезные.

Сидишь, пьешь себе пиво, чувствуешь, что «босс». По крайней мере другие так думают.

Или киоски! Целый мир пестрых, ярких, красивых, благоухающих духами и табаком киосков, где продаются парфюмерия и сигареты, фотоаппараты и радиоприемники, часы и сувениры, вина и галстуки, журналы с заманчивыми обложками, газеты с сенсационными заголовками, шоколад, конфеты, сыры, фрукты...

Господи, что только там не продается, в этих бесчисленных киосках, за прилавками которых стоят такие хорошенькие, элегантные продавщицы, что дух захватывает.

Нет, аэропорты всего мира — это особый мир.

Люблю аэропорты! Это, как теперь модно говорить, «модель» жизни. Кто во мрак летит, кто к солнцу, кто вверх, кто вниз. А кругом эти муравьи-люди суетятся, торопятся куда-то. А что торопиться, конец-то для всех один...

Оставляю машину на трехдневной стоянке — моя командировка наверняка больше не продлится.

Но все по порядку. Итак, оставляю машину, иду в аэропорт и становлюсь в очередь регистрировать билет. У всех двадцати пяти стоек народ, но у нашей больше всех; я не тороплюсь, высматриваю своих «подопечных». Они наверняка явятся последними.

Действительно, очередь почти растаяла, когда они появились. Я их сразу узнаю — по приметам, по снимкам скрытой камерой, которые нам прокручивали в отделе, наконец, раза два мне довелось их увидеть во время слежки.

Они изображают две супружеские пары, отправляющиеся в веселую туристскую поездку в Страну восходящего солнца. Мужчинам лет по тридцать — тридцать пять, женщины лет на десять моложе. Мужчины видные, рослые, солидно, но не броско одеты. За темными очками скрывают глаза. И хорошо делают. Столкнешься с таким взглядом — надолго сон потеряешь. Я-то про них кое-что знаю. Вон у того, с небольшим шрамом возле уха, полдюжины покойников на совести. Убийца, был замешан в грабежах, но ни разу не сидел — ловкач. Теперь вот переправляет наркотики — выгодней. Второй тоже здоровый парень, бывший боксер — нос сломан, скулы побиты, на бровях следы цапок. Ему лучше в руки не попадаться. Боссы наркотического бизнеса знают, кому доверять свои интересы. Эти двое цепные псы будь здоров!

С ними их «жены».

Посмотришь со стороны, две молодоженки, влюбленные в своих мужей, хоть и современного вида, но вполне добропорядочные. Недавно сыграли свадьбу (разумеется, с благословения родителей) и вот едут в эдакое коллективное свадебное путешествие.

Черта с два! По нашим досье я хорошо знаю этих двух добропорядочных гадюк. Та, что постарше, хоть ей и нет двадцати пяти, Белинда (а может, у нее другое настоящее имя, но за ней их столько числится, что, право же, все равно, как ее называть, она небось и сама забыла), тоже имеет на своем счету убийство, два ограбления, три года тюрьмы и еще полдюжины украшающих ее биографию подобных деталей. В нар-

котическом бизнесе, по-моему, с пеленок и сама колется.

Другая моложе, совсем девчонка, только начинает. На нее в досье ничего пока нет, но известно, что она дочь богатых родителей, с образованием, но с дурацким характером — хочет быть самостоятельной, видите ли! Своего добилась — ушла от папы с мамой, и теперь ее крепко держат в руках эти бандюги. А они не папа с мамой — от них не сбежишь. Кукиш! Если уж ты попал к ним в сети, то навечно.

Внешне «жены» респектабельны, одеты со вкусом, держатся скромно, естественно — школа у них есть, даже у этой зеленой девчонки. Только страх в глазах — меня не обманешь, я-то вижу. Куда там! Одним словом, обе парочки регистрируют билеты и куда-то исчезают.

Ничего, не убегут.

Я спокойно иду со всеми пассажирами, прохожу контроль — меня, как и других, осматривают, моя сумка проплывает через рентгенкамеру. В последнюю секунду, когда я покидаю кабинку безопасности, где всех обыскивают и другие пассажиры не могут меня увидеть, таможенник ловко и быстро вкладывает в мой карман пистолет.

Выхожу к дверям, ведущим к автобусам, и с изумлением обнаруживаю моих «молодоженов». Как и где они прошли досмотр? Среди пассажиров я их что-то не заметил. Странно.

Наконец стюардесса приглашает на посадку.

Садимся в автобус и катим к самолету. Это «боинг». Огромная машина все-таки!

Мои подопечные занимают места в первом классе, вот так-то. Конечно, они ведь не государственные служащие, как бедный Леруа. У них миллионные сделки и миллионные доходы. Если к ним попадает килограмм героина, они продают его и покупают новую машину или бриллиантовые серьги, как у этой Белинды. Если же килограмм героина попадает к бедному Леруа, то он спешит сдать его в управление, да еще на него подозрительно смотрят — не утаил ли полграммчика.

Ну да ладно, сажусь в туристском классе — тоже неплохо.

Стюардессы разносят всякую ерунду.

Как всегда, бесконечно долго приходится почему-то ждать. Наконец запускают двигатели, начинается движение, мы долго катим по рулежным дорожкам...

Но вот самолет, вздрагивая, все быстрее несется по взлетной полосе, отрывается, и наступает тишина.

Некоторое время я сижу, потом встаю и прохаживаюсь по самолету. Слово невзначай заглядываю в отсек первого класса. Неизвестно зачем — будто мои подопечные могли выйти на ходу. Беспокойство напрасно — вот они сидят и пьют шам-

панское; в первом классе его дают бесплатно и сколько хочешь. Сидят, пьют, чему-то смеются. И в ус себе не дуют. Интересно, как бы они повели себя, если б знали, что я на посту, что в конце пути их ждут мои коллеги, а в конце месяца наверняка тюрьма.

Сажусь на свое место и тоже заказываю шампанское. Нарочно! Ничего, начальнику придется подписать мои счета, поворчит, но подпишет. А куда деваться? Попробуй проверь. Сижу, пью, опускается экран, гаснет свет, начинается фильм. Обычный детектив с умными бандитами и дураками полицейскими. Почему нас всегда изображают дураками? И заметьте, в конечном счете мы всегда побеждаем, иначе зритель не придет в кино. Но почему побеждаем — непонятно. Между тем мы, полицейские, совсем не дураки, мы даже очень не дураки. Если, конечно, не идеалисты. Среди нас есть и такие (а где их нет?). Вот они действительно дураки.

Ну да ладно, черт с ним, с фильмом. Посмотрю-ка лучше на своих соседей, других пассажиров...

Глава II. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ РОККО

Я затрудняюсь сказать, почему меня прозвали Рокко. Может быть, потому, что у меня много братьев, и, когда на экраны вышел известный фильм, а я появлялся где-нибудь с ними, ребята почтительно шептали: «Вон Рокко и его братья».

Нас боялись не зря. Мы любили драться и не любили, чтобы нам противоречили. Дрались, хулиганили, подворовывали... Такой уж был наш квартал. Когда отец с матерью умерли, с годами мои братья разъехались кто куда.

Я и сейчас не представляю, где они и что делают. Слышал, что один в море матросом, другой в тюрьме, третий погиб во время аварии на строительстве... А всего нас было семеро. Каждый выбрал свой путь, свою профессию, свое ремесло.

Мое ремесло — преступление. И я не вижу, чем оно хуже другого.

Так считается, но это предрассудки. Если б вы только знали, сколько людей в моей стране совершают преступления, но их почему-то не трогают. Так что дело не в том, что совершено, а в том, каким образом. И еще — кем.

Убийство, грабеж, изнасилование... За это полагается ели не смертная казнь, то уж двадцать — тридцать лет тюрьмы наверняка. Так что, поймай меня с поличным, давно бы уж я покинул нашу грешную землю. Так ведь не поймали.

Но я-то все это делал.

А вот приведу вам другие примеры, когда, как ни странно, убийство оказывается не убийство, грабёж не грабёж. Ну хоть смерть моего брата, того, что разбился на строительстве моста. Он что, сам погиб? Да нет, его убили. Судите сами.

Строился мост. С высоченными пролетами. Брат был сварщик и висел в своей люльке чуть не на стометровой высоте. Не он один. Люльку раскачивало — ветрище там сильнейший. И по правилам полагалось, чтобы высотники еще пристегивались специальными ремнями, — техника безопасности.

Они и пристегивались. Только ремни были такими старыми, изношенными, что в случае чего не то что человека взросло-го — ребенка не выдержат.

Высотники подняли шум, потребовали новые ремни. А высотников много, ремни дорогие, и, конечно, компании раскошелиться неинтересно. Она отказалась. Те забастовали. Начались всякие передраги, споры, переговоры. В конце концов компания согласилась заменить ремни в течение месяца, но лишь те, которые будут признаны ветхими. Кем признаны? Экспертами той же компании.

Короче говоря, пока эксперты возились, а месяц еще не кончился, у брата ветром сорвало люльку, он повис на ремне, ремень не выдержал...

Полагалось что-то там выплатить семье. Но семьи у него не было.

Вот и вся история. Так разве это не убийство и президент той компании или подрядчик не убийцы? Убийцы! Но никому и в голову не пришло их судить. Да вы и сами знаете сотни подобных случаев, только газету раскрой.

Может быть, привести вам пример с ограблением? Пожалуйста.

Помню, еще маленьким был. Жили мы всей нашей многочисленной семьей в квартале не очень, прямо скажем, фешенебельном, но вполне приличном, и квартира была довольно большая. Конечно, она становилась все теснее по мере появления на белый свет моих братьев, но ничего, жили.

И вдруг хозяин дома повышает цену на квартиру — мол, выросли цены на ремонтные работы, на коммунальные услуги, на то, на се. Трудно пришлось, но сначала отец выдержал. А через год опять повышение цен, потом снова. Понравилось хозяину. Тогда мы переехали в квартал победнее, в квартиру поменьше. Потом снова переехали. И так переезжали, пока не оказались уже совсем в какой-то дыре.

А хозяева домов всё повышали и повышали цены.

Так разве это не грабёж? Грабёж. Но ведь хозяев этих никто не арестовывал, в суд не тащил, за решетку не сажал. А другого моего брата, который к такому вот хозяину как-то

ночью залез в квартиру и успел прихватить разные вещички, пригрозив тому пистолетом, поймали и осудили за грабеж. Согласен — грабеж. Ну, а хозяин этот — жертва моего брата — тоже ведь грабитель. Их бы в одну камеру...

Так что, ради бога, не говорите, что только я и мне подобные — преступники, что только мы совершаем преступления. Готов спорить на миллион, что половина — да что там, девяносто процентов! — всех этих солидных, добропорядочных джентльменов, которых я каждый день встречаю на улицах, в ресторанах, на пляжах, вечерах, в самолетах и на кораблях, если судить по совести, такие же преступники, как я (а то и хуже)!

Просто у них есть и другие профессии — банкир, домовладелец, коммерческий директор, а у меня одна — преступление.

Конечно, в нашем деле тоже есть градации и специальности. Раньше чем стать переправщиком, я работал вором, грабителем, наемным убийцей, телохранителем у одного дона мафии... Но в конце концов вот стал переправлять наркотики.

Не думайте, пожалуйста, что это легкое дело. Очень сложное, поверьте! И риск огромный. Но зато какой заработок! Мелочами я не занимаюсь: сотня граммов или килограмм — это не для меня. Это пусть «любители» провозят — стюардессы самолетов, пароходные стюарды, разные юнцы под долбогривыми париками...

Я профессионал, работаю по-крупному. У меня фирма. И есть репутация. И я ею дорожу. Ко мне обращаются солидные клиенты. До сих пор я их не подводил. Они это знают и мои услуги ценят. Ох как дорого ценят!

К этому делу я присматривался давно. Мой дон имел интересы в рэке — в игорных автоматах и фальсифицированных боксерских матчах, но при случае не пренебрегал и другим, в том числе наркотиками. Несколько раз он поручал мне собирать «дань» с пушеров.

Эти пушеры получали определенное количество порошка, продавали его своей клиентуре, оставляли себе положенный процент, остальное сдавали моему дону. А он им поставлял товар.

Бывали, конечно, разные неприятные инциденты — то кто-нибудь из клиентов надует пушера, то конкурент стащит у него товар или денег клиент вовремя не отдаст. Тогда пушер не в состоянии отдать свой долг. Одни изворачивались — где-то доставали, другие скрывались, исчезали навсегда. Об отсрочке никто не просил: знали — бесполезно.

Стоило кому-нибудь из этих пушеров запоздать с отдачей

долга или оказаться не в состоянии его уплатить, в дело вступал я и еще двое-трое моих помощников. Такого должника мы доставали из-под земли и наказывали — перебивали дубинкой гортань, переламывали все пальцы на руках, выкалывали глаз. Это на первый случай, чтоб исправился. Так что немало в нашей работе было этих «коммерсантов», кто на всю жизнь теперь обречен говорить шепотом или видеть одним глазом. О том, что они делали со своими неплатежеспособными клиентами, и думать не хочется. Впрочем, о наркоманах мне всегда не хочется думать.

Сколько я их перевидел — веселых, красивых, здоровых девок и ребят, превратившихся в скелеты, ставших идиотами, психопатами, человеческим отребьем, готовых сжечь город, убить отца родного, да что хочешь сделать — лишь бы не лишиться своей понюшки, своей ампулы, своей порции «белой смерти».

Участвовал я и в получении товара. По-разному его доставляли — по воздуху, морем, контрабандным путем. Кое с кем из переправщиков поговорил. Да и деньги я же им передавал. И понял, что можно заработать большие капиталы. Не те, конечно, какие клал себе в карман мой дон, но тоже ничего. Надо только иметь голову на плечах и руку в таможне.

Я попросился на эту работу у дона. Он отказал. Еще раз попросился, он опять отказал. За это его, наверное, бог и наказал. Однажды, когда мы с ним катались на его парусной яхте (он любил этот спорт, а меня брал с собой для охраны), дон свалился за борт и утонул. Большое несчастье. Спасти его я не мог — плавать не умею.

Особенно никто не плакал, его место быстро занял один из его помощников. И помнится, чтобы утешить меня в потере дорогого человека, подарил мне домик у моря. Добрый был человек. (Его потом тоже убили... простите, он тоже умер.)

А я перешел в новую область — наркотический бизнес! Хорошо звучит. Солидно. Своего дела заводить не стал. Денег не хватило бы, да и конкурентов опасных много. А стал переправщиком.

Во всяком бизнесе нужна идея. Если почитать биографии знаменитых миллионеров, то выясняется, что каждого из них в какой-то момент осенила идея. Что-то новое придумал, до чего никто раньше не додумывался. И вот это новое приносило миллионы.

Возникла замечательная идея и у меня. Может быть, и другие задумывались о таком, но у них не хватало смелости, а у меня хватило.

Предлагая свои услуги переправщика, я гарантировал сохранность товара. То есть если с товаром что-то случится, я выплачиваю его стоимость. Но зато за переправку я брал втрое, вчетверо больше, чем другие, и с мелкими партиями дело иметь отказывался.

И что ж вы думаете — ко мне прямо очередь установилась! Судите сами. Крупный заказчик закупает где-нибудь в Токио, Гонконге, в Таиланде — уж не знаю где — полсотни, сотню, а то и побольше килограммов товара. Это несколько миллионов. За переправку платит двадцать тысяч — гроши. И вдруг — раз! — и весь товар попадает в руки таможенников или налетают пограничные катера, и груз приходится топить. Словом, уплыли миллионы. Пусть не часто, но такие случаи бывают.

И вот являюсь я и говорю: «Если товар пропадет, ваши миллионы возмещаю, но платить мне будете за переправку не двадцать тысяч, а сто!» Конечно, он соглашается. Я как бы и переправщик и страховщик в одном лице.

Ясно, что этих миллионов у меня не было и, случись что, я вовсе не собирался да и не смог бы их возместить. Но я как рассуждал: буду работать так, чтоб не попасться; попадусь — буду защищаться до последнего патрона и вряд ли уцелею, уцелею — сбегу на край света, где меня ни полиция, ни, главное, мои клиенты не разыщут. Ну сколько я продержусь — не всю жизнь, конечно, но год, два, если повезет, три. Так за это время я со своими повышенными гонорарами столько зарабатываю, что немалые вклады размещаю по разным банкам во всех концах света и перейду на какую-нибудь тихую приличную работу — заведу сеть подпольных публичных домов, игорных автоматов, а то, глядишь, открою частное сыскное агентство — будут преступников ловить. Наконец, вложу деньги в законный бизнес — домовладение, отельная и ресторанный индустрия и т. д. Скольких я знаю таких, как я, так же наживших капиталы. А теперь уважаемые граждане, депутаты, благотворители, богачи. Разве что во сне им приснятся былые дела...

Словом, я как летчик-испытатель или канатоходец в цирке: года два-три прохожу по лезвию ножа, порискую, зато зарабатываю возможность жить спокойной, обеспеченной жизнью.

Основал фирму. Сначала взял в компаньоны Утино Носа. Я его давно знаю, в свое время, когда я еще у дона работал, он мне помогал выбивать из пушеров долги. Когда-то был отличным профессиональным боксером, потом что-то случилось — пришлось бросить ринг. Когда он избивает человека, страшно смотреть. Чувствуется, что это для него в жизни

главное удовольствие, словно перед ним не какой-то жалкий бедняга, а все его противники, которым он когда-то проиграл на ринге и с которыми теперь сводит счеты. Жуткий парень!

Потом, когда понял, что супружеская пара вызывает меньше подозрений, чем два таких типчика, как мы, взял в фирму Белинду. Ее я тоже знаю уже года три. У нас с ней был роман, как принято выражаться. Одно время я даже очень увлекся ею. Потом прошло. Но друзьями остались, и надежными. Я знаю, что ради меня Белинда на все пойдет, что на нее я могу рассчитывать, как на самого себя. И она на меня тоже.

Но втроем ездить не годится. Поэтому взяли еще одну. Ру ее зовут. Во всяком случае, так представилась — документов я у нее не спрашивал. Это Белинда ее привела и за нее поручилась — с меня этого достаточно. Сначала Ру произвела на меня впечатление маменькиной дочки (выяснилось, что я не очень-то ошибся: действительно, родители у нее богатые), но потом смотрю — девка железная. Я проверил ее в одном деле.

Так получилось, что машину, на которой мы с ней ехали (и с «товаром» в багажнике), задержал дорожный полицейский: заболтался я, превысил скорость, а он на своем мотоцикле тут как тут. (Вот на таких мелочах и горишь — скорость превысил! Если б мог, я бы сам себя за это высек.)

Дорога пустынная, только нас трое. И такой вьедливый служака попался — крутит, вертит мои права, только что на зуб не пробует. Я извиняюсь, Ру ему глазки строит, улыбается вовсю, а она очень хорошенькая. Тот ни в какую. Трубку вынул, чтоб я подышал, — не выпил ли, проверил, в порядке ли тормоза у машины, и вдруг говорит:

— Откройте багажник.

— Это еще зачем, — я взбеленился, — не имеете права!

— Имею, — говорит, — я все права имею. Открывайте!

Оружия при мне нет, в такие поездки я его с собой не беру. Что делать?

А он вынимает из кобуры пистолет, направляет на меня и кричит:

— Открывай багажник! И смотри, медленно, одно лишнее движение — стреляю.

Ну что тут делать? Редчайший случай — нарваться на опытного полицейского, который ничего наверняка не знает, но нутром чувствует, что что-то не так. Сейчас открою багажник — и все. От такого не бежишь.

— Слушай, — говорю, — я спешу, не задерживай, вот у меня тут сотняга завалилась — она мне ни к чему.

— Ах, попытка подкупа полицейского при исполнении слу-

жебных обязанностей!— кричит.— Едем со мной. Интересно, что у тебя в багажнике, что ты так боишься его открыть!

Совсем уже редкость — попался честный полицейский. Навероятно!

И в этот момент Ру, про которую он забыл (да и я тоже), неслышно поднимает с земли здоровенный камень — и бац ему в висок! Он как сноп рухнул. Откуда у этой пигалицы такая сила взялась?

Подскакиваю к нему, смотрю — дышит.

— Плохо дело,— говорю,— только отъедем, он придет в себя и тут же передаст всем патрульным. Часа не пройдет — нас возьмут.

И нарочно морщу лоб: что, мол, делать...

Тогда моя очаровательная маменькина дочка спокойно садится в машину, дает задний ход, останавливается, а потом включает скорость и на полном ходу переезжает тело. Как ни в чем не бывало достает из машины фляжку с виски, подходит к мертвому полицейскому и вливает ему добрых полфляжки в рот. Потом поворачивается ко мне и смотрит вопросительно, словно ученица: «Хорошо ли я знаю урок, господин учитель?»

— Молодец,— говорю.— Так сработала, словно всю жизнь полицейских давила.

— Да нет,— говорит,— это первый. По телевидению видела, не помню уж, в каком фильме, «Убей его», что ли...

— А что пьяного из него сделала, вообще всю эту штуку инсценировала — тоже телевидение?

— Тоже. Помните «Труп в мешке»? Ну как же! Только там не полицейского, а страхового агента.

— Да,— говорю,— ты далеко пойдешь. А знаешь, что его вдова теперь пенсию не получит? Как же — попал под машину в состоянии алкогольного опьянения, на посту...

— Ну и что,— отвечает,— не я ж его вдова. И потом, он дурак: взял бы вашу сотню, ничего не случилось бы. Что они, сотни, на дорогах валяются? Сам виноват. Ишь миллионер нашелся — сотня ему не нужна! Небось жалованье-то у него грошовое.

— Грошовое,— подтверждаю.— Слушай, а сколько тебе лет, Ру?

— Девятнадцать, а что?— и смотрит на меня.

Глаза у нее огромные, светлые, лицо чистое-чистое, как персик, губы не красит — ну прямо сама чистота и невинность.

— Ничего,— говорю,— далеко пойдешь.

— Надеюсь,— говорит и отворачивается.

С тех пор я понял, что могу на эту Ру положить не меньше, чем на Утиног Носа и Белинду. Надежная команда собралась.

Уже год работаем. И никаких проколов пока нет. Все в порядке, денюжат заработали кучу. И помощников своих не обидел. Утиный Нос все свои деньги, по-моему, проматывает в боксерских и скаковых тотализаторах. Так что за него я спокоен: он крепко привязан — ему все время деньги нужны. Белинда, я знаю, сама колется. Это меня беспокоит, но не очень. Она понимает, когда и где, очень осторожна, и дело не страдает. Белинда соображает, что к чему.

А вот маленькая Ру вызывает у меня некоторую тревогу. Она, видите ли, любительница «красивой жизни». Как стала зарабатывать, сняла хорошую квартиру, купила гоночную машину, цветной телевизор (который может смотреть часами). Ну, это ладно. Плохо другое — уже несколько раз она говорила, как мечтает съездить к родителям, расфуфыренная, в золоте и бриллиантах, на собственном «кадиллаке» и доказать этим, что богатства можно добиться не только честным трудом, как ей это вдалбливали с раннего детства. Оказывается, на этой почве она с родителями и порвала — все вокруг говорило ей, что честно живут лишь бедняки, дураки да неспособные. А те, у кого есть капитал, нажили его не очень-то ортодоксальным путем. И в кино, и по телевидению, и в книгах, и в газетах — всюду рассказывается об этом. А отец, честный малый, хоть и богатый (бывают, наверное, такие), твердит другое. В конце концов после особенно бурной ссоры она ушла, решила доказать свое. И как видите, доказала. В моей команде она, конечно, бедняком не останется. Но вот то, что она хочет все это изложить в подкрепление своей правоты родителям (а как я недавно узнал, и какому-то совсем уже старомодных взглядов юноше, который дожидается, пока она, нищая, несчастная и раскаявшаяся, вернется в отчий дом), — вот это меня не устраивает.

Пойдут расспросы, она еще, глядишь, расхвастается, и кончится это для меня и моей фирмы весьма плачевно.

К счастью, пока еще до бриллиантов и «кадиллаков» далеко. А с меньшим она к родителям возвращаться не хочет.

Одним словом, я решил так: пусть работает, а когда соберется в путь, что ж, жалко, конечно, терять такого помощника, да и молодая она, но ничего не поделаешь, придется ей с моей помощью совершить другое путешествие без обратного билета.

Я ведь тоже иногда смотрю телевидение...

А пока работаем.

Но вот нынешнее дельце — просто замечательное.

Уж не знаю, почему этот японец так торопился отделаться от своего товара, а мой клиент его приобрести, но они мне такой куш отвалили, что хоть бросай все дела и уходи на покой. (А что, может, так и сделаю...)

Все тридцать килограммов мы доставили в лучшем виде. Как? Вот уж этот вопрос вам бы задавать не следовало — я же не спрашиваю, как вы обманываете вашего налогового инспектора или где прячете деньги от жены.

У каждого из нас свои маленькие тайны. А моя фирма только на них и держится.

Если мои конкуренты узнают, каким образом я умудряюсь провозить через два континента и два океана тридцать килограммов героина, не попадаясь при этом, то я могу закрывать мою фирму. Все начнут делать то же самое, а рост предложения снижает цены, и клиенты быстро укажут нам наше место.

Короче говоря, сдали мы товар, получили с клиента то, что причиталось, отдохнули недельку на побережье — и снова в путь. Теперь наши чемоданы набиты деньгами. И еще несколько пакетиков с порошком — образцы продукции, которую наш клиент заказывает тому японцу. Все это мы доставим в Токио, сдадим, получим вторую половину нашего гонорара и, как уже договорились заранее, махнем на Гавайи. Недели на две.

А там посмотрим. Я подумаю, как быть дальше. Может, пора бросать? Уже столько заработал. Это, знаете, как в рулетку — идет к тебе фарт, а ты весь выигрыш снова и снова ставишь. И он все растет в два, четыре, восемь, шестнадцать раз. А потом может случиться, что — раз! — и все проиграешь.

Ох, деньги! С матерью дети расстаются, мужья уходят от жен, влюбленные ссорятся навсегда, даже курить люди бросают... А вот с деньгами ох как трудно расставаться! Ну нельзя выпить десять бутылок шампанского, съесть десять килограммов икры. Приходится в какой-то момент остановиться. А вот с деньгами остановиться невозможно — еще, и еще, и еще... Все больше, все больше... И так без конца. Всем может насытиться человек, только не деньгами!

Или это я такой один? Да нет, и Утиный Нос, и Белинда, и даже эта крошка Ру, и мой бывший дон, и другой, который занял его место, и эти пушеры, и мой сегодняшний клиент, и тот японец... Все, кого я знаю, все миллионеры, миллиардеры...

Интересно, есть на земле люди — я имею в виду, конечно, не дураков и сумасшедших, а нормальных, здоровых, умных людей, — для которых деньги не главное?..

Едем на аэродром.

Сценарий обычный: две молодые уважаемые супружеские пары (насчет уважаемости, во всяком случае внешней, Утиный Нос, конечно, подкачал) отправляются в туристскую поездку в экзотические страны. Приезжаем в аэро-

порт, ставим машину на месячную стоянку, подхватываем чемоданы (тяжелые, черт, какие все-таки тяжелые эти деньги!) и идем регистрировать билеты.

Мы летим в первом классе, чемоданы при вылете не смотрят, тут проблем нет. А вот самих нас в кабинках безопасности досмотрят. У нас у всех четверых пистолеты. В далекий путь я без артиллерии не пускаюсь. Опыт подсказывает. Пройти таможду в Токио трудностей не представит, там, по-моему, половина таможенных инспекторов на жалованье у нашего японца. Да он и сам будет встречать. Небось, как прошлый раз, прямо к трапу подъедет на своей машине. Уж не знаю, кто он такой,— подобных вопросов в нашем деле не задают,— но иной раз я думаю, не начальник ли он токийской полиции или министр внутренних дел? Так он держится.

Здесь, я думаю, с пушками трудностей тоже не будет. Важно только пройти не там, где все остальные пассажиры нашего рейса, а через другую щель, где сегодня дежурит мой друг и внештатный сотрудник моей фирмы. Каждый наш отлет приносит ему такие деньги, что он, наверное, мечтает, чтоб мы летали по десять раз в день.

Зато и он каждый раз не замечает наших орудий тяжелого калибра, уютно устроившихся под мышкой. Ну что же, бизнес есть бизнес — торговать можно всем, в том числе и бдительностью...

Пока все идет отлично. Правда, среди пассажиров нашего рейса, насколько я сумел заметить, есть парочка подозрительных типов: один высокий, крепкий, спортивный парень, все шарит глазами, другой средних лет, сухонький, поджарый. Я таких знаю — они выхватывают из кармана пистолет, словно фокусник голубя, и никогда не промахиваются. Надо за ними присмотреть. Даю соответствующую инструкцию Утиному Носу. Сам буду следить за «спортсменом». Так я его мысленно окрестил.

Подгоняют автобусы.

Садимся, едем, подъезжаем к самолету. Наши чемоданы, как и чемоданы других пассажиров, ровненькими рядами выстроились у трапа.

Я подумал: а что бы произошло, раскройся наши чемоданы и полети по полю миллионы? Небось все эти уважаемые люди и джентльмены — и вон тот генерал, и этот священник, даже малые детушки, бросив свои куклы, даже та вон парализованная старуха, которую сын, наверное, или внук везет в каталке, вышколенные стюардессы, внушительный первый пилот с орденскими колодками на мундире,— все всё бросят и помчатся за разлетающимися на ветру бумажками, словно коллекционер бабочек на цветочном лугу.

А может, кто-то не помчится? Тот вон носильщик с серым лицом, больной, наверное. Или заправщик в грязном желтом комбинезоне, а может, эта девчонка в джинсах, что прижимается к своему очкарику, — у них любовь, а, говорят, она сильнее денег.

Ерунда — сильней денег нет ничего! Поверьте мне. Не верите? Ну что ж, дело ваше.

Но чемоданы наши в целости и сохранности уплывают в люк. Мы поднимаемся по носовому трапу и занимаем свои места.

Пассажиров в первом классе немного. Стюардесса ловит каждый взгляд — не нужно ли чего. Заходит старший стюард — улыбается, спрашивает, все ли в порядке. А это что такое? Мой «спортсмен» тоже заглядывает, словно ищет что-то, не находит, исчезает. Э, мне это не нравится...

Глава III. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ АЛЕКСЕЯ ЛУНЕВА

Кое-кто у нас думает, что работники милиции постоянно живут напряженной жизнью, полной бессонных ночей, неожиданных тревог и опасностей.

Бесспорно, есть в нашем министерстве такие подразделения, у сотрудников которых жизнь беспокойней, чем, скажем, у архивариуса, бухгалтера, корректора. Хотя я отлично понимаю, что, например, в период подготовки годового отчета бухгалтер иной раз не спит ночами...

Однако у большинства из нас работа как работа. Другой вопрос, что приятней иметь дело на работе с порядочными, честными людьми, чем с преступниками. Но ведь и с красивыми и здоровыми людьми тоже приятней иметь дело, нежели с больными, между тем у нас сотни тысяч врачей и медсестер.

Каждый на своем участке, по своей специальности. Но далеко не всякая связана с непосредственной опасностью. Я бы даже сказал, немногие связаны. Тут дело в другом, дело в том, что если ваш сосед по дому, упившись, возьмет охотничье ружье и начнет угрожать своей жене и детям, то вы немедленно позвоните в милицию, а работник милиции в аналогичном случае вступит в схватку с преступником, и это уж независимо от того, работает ли он в отделе по борьбе с особо опасными преступлениями, или в паспортном столе, или занимается баллистическими экспертизами. Постоянное чувство личной ответственности за любой беспорядок, подчеркиваю — личной, и привычка лично любой беспорядок пресекать — вот это, пожалуй, главное, что нас всех отличает. У других граждан это

называется сознательностью, у нас — профессиональным долгом.

Я лично, лейтенант Алексей Лунев, служу в довольно спокойном подразделении. И тем не менее мои рабочие дни, обычные дни расписаны точно, регулярно, я бы даже сказал, педантично, чему, к слову говоря, моя жена Елена Павловна, в просторечии Лена, несмотря на солидный четырехлетний семейный стаж, до сих пор не устает удивляться и что нашему сыну Вадиму совершенно безразлично.

Ему гораздо важнее распорядок его дня.

И этому подчинены все другие распорядки.

Мы просыпаемся в семь утра, все трое, все сразу.

Лена начинает хлопоты по хозяйству, я — зарядку, Вадим — умывание. Он к этому приучен по «Мойдодыру» и, как ни странно, находит в водных процедурах немалое удовольствие. Правда, потом в ванной комнате приходится производить солидную уборку.

Закончив зарядку, убрав гантели и двойники, к водным процедурам приступаю я. Этого никто не любит — я, видите ли, задерживаю их завтрак.

В конечном счете все улаживается. Мы одеты, обуты, сыты, умыты и покидаем все втроем родной дом для борьбы и побед.

Вадима в детский сад доставляю я. Зимой это делается на санках, летом преимущественно на руках. Как мы ни точны в нашем распорядке, но почему-то всегда опаздываем. Проанализировав это непонятное явление, прихожу к выводу, что причина тому — постоянные отклонения Вадима от курса на пути в детсад.

Хотя, не спорю, причины уважительные. То встречается пес, такой обшарпанный и бездомный, что Вадим пытается вступить с ним в сочувственную беседу, то, наоборот, жирная и ленивая кошка улеглась посреди улицы, и Вадим старается, ворча что-то себе под нос, оттащить ее — иначе задавят машины, которые по нашему тупику ходят раз в неделю. Но кошка тяжела, не проявляет желания к сотрудничеству, и, наконец, отчаявшись, Вадим зовет меня на помощь. Потом на пути оказывается пустая консервная банка, которую, разумеется, надо поддать ногой, какой-то поломанный изолятор, который надо прихватить с собой, старая коробка, внутренность которой надо исследовать, и т. д. и т. п.

Когда же я его везу на санках, закутанного так, что только торчит розовая пуговица носа и две толстые гладкие румяные щеки, или несу на руках (дополнительное к основным силовое упражнение), тут уж ему деться некуда, не отбежишь.

В конце пути я вручаю Вадима воспитательнице Наташе, очень несолидной, по мнению Лены. «Ей самой еще в детский сад ходить», — неодобрительно фыркает она. Лене не нравится, что я каждое утро общаюсь с этой очень юной и очень красивой девушкой, но ничего не попишешь — Вадима-то отвожу я.

Вадим чмокает меня в щеку, стараясь сделать это погромче, что, по его разумению, выражает большую степень любви, и исчезает в шумных недрах детсада.

А я спешу к автобусу. Мой путь до службы занимает ровно двадцать пять минут. Если б в управлении были старинные часы с боем, то они гулко и внушительно пробили бы девять раз, когда я пересекаю порог отведенного мне помещения. Но таких часов у нас нет.

Начинается обычный рабочий день.

Стоит ли его описывать? Весь? От звонка до звонка? Вдруг вам станет скучно? Упомяну лишь некоторые эпизоды этого рабочего дня. Например, занятия по самбо.

Не упрекайте меня в незнании спортивной терминологии. Именно — занятия по самбо, а не по борьбе самбо. Борьба самбо освобождена от опасных приемов, потому это и вид спорта, в ней можно соревноваться. А самбо включает много приемов опасных, не для меня, разумеется, для моего противника, что вполне нормально, поскольку приемы самбо в отличие от приемов борьбы самбо применяются не к другу — сопернику на ковре, а к вполне реальному противнику — преступнику. На асфальте улицы, в глухом лесу, мало ли где еще... Нас не много, занимающихся, но мы — специалисты. Я, например, Коршунов, Тверской, Рунов имеем звание «мастер спорта», остальные — перворазрядники.

Кстати, первый разряд у меня еще по нескольким видам спорта — по вольной борьбе, например, по боксу, по стрельбе.

Меньше всего мне бы хотелось, чтобы вы думали, будто я хвастаюсь. У остальных ребят такая же картина. И здесь нет ничего удивительного, нас специально отбирали. Это так же естественно, как и то, что в ГАИ служат люди, отлично знающие автомобиль, в следственном управлении — имеющие юридическое образование, а в речной милиции — умеющие плавать, так что хвастаться тут нечем.

Наш инструктор Чумаков — теоретик, профессор своего дела. Но он и действительно профессор на кафедре в Инфизкульте. И не только теоретик — шестикратный чемпион страны, заслуженный мастер спорта, судья международной категории. Во время войны самбо не раз спасало ему жизнь в тылу врага. Он в тренировочном костюме, в очках, с блокнотом в руке.

Тренировка продолжается два часа.

Чумаков хорошо поставленным, негромким голосом профессорски ясно и логично объясняет каждый прием, его «теоретическое обоснование», «конструкцию», составные элементы, последовательность проведения.

Потом все это показывает — точно, безупречно, ясно. Сначала медленно, потом молниеносно, неотразимо. Он больше чем вдвое старше любого из нас, но сохранил поразительную быстроту реакции, силу и резкость. А главное, какой он «техник»! Virtuoz!

После тренировки отдыхаем, долго плескаемся в душе, некоторые идут в бассейн.

Вы не подумайте, что наша физическая подготовка сводится к такой вот тренировке.

Нет. Мы занимаемся, например, легкой атлетикой на стадионе, и не только толканием ядра или метанием копья. Я, например, беру в высоту сто восемьдесят пять сантиметров, что при моем росте и весе не так уж плохо. Люблю бег с барьерами. Здорово развивает гибкость. Между прочим, если хочешь попасть ногой в голову стовосьмидесятисантиметрового силуэта, нужна гибкость незаурядная. Во всяком случае, шпагат и так и с прыжка мы делаем не хуже любой балерины. Ходим плавать, прыгать с вышки, играем в футбол, баскетбол, волейбол, зимой в хоккее. А на лыжах устраиваем гонки и на пятнадцать и на тридцать километров. Не прогулку, не поход, а именно гонку на время, на разряд, чтобы выкладываться до конца. Ну и, конечно, биатлон.

Я как-то прикинул: наверное, нет ни одного вида спорта, которым бы мы не занимались. Разве что художественная гимнастика и фигурное катание, да и то на каток ходим.

О том, что все мы мотоциклисты и автомобилисты, я уж не говорю. Правда, личных автомобилей у нас нет, у Коршунова только «Запорожец» — как раз подходяще при его росте и весе за сто килограммов. Рунов все время предлагает сделать ему фигурное отверстие в крыше, чтоб он мог сидеть за рулем не сгибая головы.

А мотоциклы у многих есть, у меня только нет: на другое деньги потратил — на Ленину шубку. Когда принес домой, она долго плакала, так и неясно, от радости или от сочувствия ко мне, что я от мотоцикла ради нее отказался. Но все же ей двадцать пять стукнуло — не каждый год такое!

Нашими автоделами мы занимаемся на специальном автодроме. Потому что мы не просто катаемся, а несколько необычно: по ухабам, по лесу, поперек шоссе и кюветов, с бешеной скоростью, обгоняя друг друга, неожиданно тормозя, поворачи-

чивая так круто, что на двух колесах несемся, ведем одной рукой, со стрельбой на ходу, догоняем грузовик и на полном скаку перепрыгиваем в кузов. То же и с ездой на мотоцикле.

Мало ли какие могут возникнуть ситуации. Двигатель тоже изучаем, чтобы в случае чего быстренько исправить. Покрышку меняем — не успеете опомниться, продырявливаем на ходу из пистолета с полсотни метров тоже.

Меньше всего я люблю тренировки в стрельбе, особенно в тире. Не выношу этот запах и грохот.

Но ничего не поделаешь — программа такая.

Мы стреляем из нашего служебного оружия. Лежа, сидя, стоя, в движении, с обеих рук, на разные расстояния. Против солнца, в сумерках, в темноте на звук. По силуэтам, по быстро исчезающим мишеням и по мишеням движущимся.

Из автоматов и винтовок тоже стреляем.

Изучаем материальную часть разного оружия — трудно сказать, с чем нападёт на тебя преступник.

А вот лекции я люблю.

У нас много всяких теоретических дисциплин, в основном юридических. Хотя изучаем, например, как оказывать первую помощь, и не только при легких, но и при довольно серьезных ранениях. Впрочем, это уже не только теоретически.

Лекции у нас всегда интересные, и читают их больше специалисты. Любые лекции — и по международному положению, и по экономике, и по вопросам литературы и искусства. И технические, и специальные, и на историческую тему. С демонстрацией диапозитивов, кинофильмов...

На прошлой неделе, например, выступал у нас Малеев, кандидат юридических наук. Его лекция называлась «Воздушное пиратство вне закона».

Он приводил интересные факты. Например, в 1969 году в мире был похищен 91 самолет, и так почти каждый год.

Сейчас существует ряд международных соглашений — например, Гагская конвенция 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Монреальская конвенция 1971 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Советский Союз участник и той и другой. Всюду принимаются действенные меры, на аэродромах устанавливаются специальные приборы, скоро такие установят и у нас.

В разных странах задерживают людей, подозреваемых в намерении захватить самолет. В 1969 году таких задержали 4459 человек, в 1970-м — 5117, в 1975-м — 2108...

А вот освобождать уже захваченные самолеты не так-то просто. Для этого требуется высокая профессиональная

подготовка и исключительная самоотверженность тех, кому это поручено.

Интересная лекция.

Я подумал: всякое преступление отвратительно. Истину эту доказывать излишне. Когда я вижу, как здоровый балбес требует у первоклашки, чтоб тот отдал ему полученные от мамы на завтрак деньги, я с трудом удерживаюсь, чтобы не надавать преступнику подзатыльников. Да, да, преступнику. А как же? Он же грабитель, и неважно, что ему десять-одиннадцать лет, а сумма украденного не достигает рубля. Ведь жертве-то и вовсе семь-восемь лет...

Конечно, история знает чудовищных уголовных преступников вроде Джека Потрошителя или извозчика Комарова, но ставить под угрозу жизнь ста — двухсот пассажиров, среди которых большинство женщины, дети, старики, ради получения даже очень крупной суммы денег могут, с моей точки зрения, только люди психически ненормальные.

Но оказывается, совершают подобные преступления люди не только вполне нормальные, но и не движимые никакими политическими идеалами, чем так любят прикрываться воздушные террористы.

Обыкновенные уголовники, только посмелей, понаглей, погнусней, чем другие. Недаром, требуя освобождения своих сообщников, они никогда не забывают потребовать и денег. А теперь частенько только денег и требуют.

Из той же лекции мы узнали, что для воздушных пиратов предусмотрены во всех странах суровые наказания — в США до двадцати лет тюрьмы, в Италии тоже, в Мексике — до тридцати, в Польше и Японии вплоть до смертной казни и т. д.

У нас за угон самолета дают от трех до десяти лет, «а с применением насилия или угроз либо при наличии аварии или иных тяжелых последствий — до пятнадцати лет и вплоть до смертной казни».

К сожалению, как вы понимаете, практическими и теоретическими занятиями наша работа не ограничивается.

Мы боремся с особо опасными преступниками, для того и наши занятия.

Особо опасные преступления в нашей стране совершаются сравнительно редко. Но и редко — недопустимо. И вот есть мы. Те, с кем мы имеем дело, не карманники, не сопливые хулиганы или мелкие воры. Это люди отпетые, в большинстве рецидивисты, они, как правило, вооружены и готовы на все. Для них нет ничего святого. И порой диву даешься, откуда в нашем обществе берутся такие. Но они есть, и с ними надо бороться. Как раз нам. Это трудно, почти всегда связано с риском. Хотя бывает, повторю, не часто.

Но когда бывает, зовут нас, и мы всегда, в любую минуту наготове.

Пока час за часом проходит мой обычный день, у Вадима проходит его. Наверняка не менее насыщенный. Обычный рабочий день в детском саду...

У Лены тоже тянется рабочий день. Я говорю — тянется, потому что она вечно ворчит, что он тянется. Лена работает чертежницей в конструкторском бюро, иногда берет работу на дом. С одной стороны, это источник гордости: «Я для семьи ничего не жалею, даже дома работаю», с другой — тревоги: вдруг Вадим опрокинет доску, тушь и вообще распорядится чертежами по-своему. Он явно готовит в этом направлении какой-то коварный план, но делает вид, что мамина работа его не интересует, — усыпляет бдительность.

Лена, как все женщины, тратит свой обеденный перерыв не на обед, а на закупки продуктов для дома. В зависимости от удачности улова находится и ее настроение после возвращения в течение первых пяти минут, пока она все достает и размещает в холодильнике. И хоть мы обычная семья, где случаются и ссоры, и обиды, и недовольства, — хорошее настроение у нас преобладает.

Вадим, сколько я помню, за свою долгую жизнь никогда не плакал. Я — тем более. Лена — очень редко, и всегда из-за моей работы.

Происходит это неожиданно.

Скажем, Вадим, доставленный мною из детсада и с энтузиазмом поведавший о всех происшедших там за день эпохальных событиях, давно дрыхнет.

Погас экран телевизора. Совместными усилиями вымыта после ужина посуда и совершен вечерний туалет. Мы ложимся спать. И вдруг, уткнувшись мне в шею носом, Лена начинает тихо всхлипывать.

— Что случилось, Ленка, ты чего? — беспокоюсь я.

Но она продолжает молча и очень тихо плакать. Беспомощно шарит по тумбочке в поисках какого-нибудь платка, салфетки. Я зажигаю свет, приношу платок, опять гашу, опять спрашиваю, в чем дело. После десятого вопроса она шепчет в ответ:

— Я боюсь за тебя... Я всегда боюсь за тебя... Я не могу так.

Я преувеличенно бодро вопрошаю, чего она боится, раз двадцать повторяю неубедительное: «Это просто смешно» и «Не валяй дурака» — и умолкаю.

Тогда она совсем уже еле слышным голосом бормочет:

— Имей в виду: если с тобой что-нибудь случится, я не знаю, что сделаю...

Звучит довольно туманно.

Ну что со мной может случиться? И почему что-нибудь со мной может случиться? Но такие аргументы на нее не действуют. Поэтому я двигаю, как в хорошо знакомой шахматной партии, наиболее подходящую фигуру.

— Перестань, Ленка, накаркаешь...— говорю я мрачно. Эта фраза действует безотказно.

Иногда где-нибудь на прогулке (мы по воскресеньям устраиваем с ней зимой лыжные, а летом пешие марш-броски) она останавливается, смотрит на меня злым взглядом и шипит:

— До чего я тебя ненавижу! Зачем ты меня обманываешь? Ну зачем? Писаниной занимаешься на работе... делами... за «Динамо» выступаешь...— Она фыркает.— Знаю я твою писанину! Я все знаю! Имей в виду, я пойду к генералу! Да, да! Пойду и скажу... скажу...

Порыв иссякает, и она тихо добавляет:

— Скажу, что мне надоело все время жить в страхе. Я прямо как жена летчика-испытателя, честное слово.

Я мгновенно провожу диверсию и начинаю ее упрекать в том, что она, мол, намекает на высокие оклады летчиков-испытателей, а я — конечно, что я, лейтенантик, куда мне...

Она берет меня под руку, вяло возражает. Глаза ее печальны.

Но такие вспышки бывают очень редко. Человек не может без конца жить в напряжении. Нам об этом говорили на лекции по психологии. Да я и сам это знаю.

И вообще, чего она боится? В конце концов, она же знала, выходя за меня замуж, мою профессию. Ну, а раз я милиционер, то всякое может случиться, хотя, в сущности, работа сотрудника Министерства внутренних дел ничем не отличается от работы служащего Министерства среднего машиностроения или Министерства мясной и молочной промышленности.

Однако вернемся к моему обычному рабочему дню.

Он заканчивается ровно в восемнадцать часов. И я отправляюсь за Вадимом. Воспитательница Наташа вручает мне его из рук в руки и ласково улыбается. Однажды Лена заметила эту улыбку и через два дня, словно невзначай, сказала:

— Эта их инфантильная воспитательница совершенно не умеет себя держать. Представляю, чему она их там учит. Бедный Вадим...— и вздохнула.

«Бедный Вадим» сейчас сидит у меня на плечах (его любимая позиция) и, как всегда, обстоятельно докладывает свой рабочий день.

Мы возвращаемся домой.

Лена целует холодную с улицы, бархатную щеку Вадима,

целует уже слегка шершавую щеку мужа и с места в карьер начинает рассказывать о том, как прошел рабочий день у нее...

Как все-таки чудесно жить на свете, когда ты здоров, молод, счастлив... Впрочем, когда не молод, не очень уж здоров и не во всем тебе удача, тоже здорово жить на свете. Ведь живешь!

Я думал об этом на прошлой неделе, когда мы хоронили капитана Рубцова, да, да, того самого, что посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Он, между прочим, тоже был молод, и здоров, и, наверное, счастлив, потому что у него месяц назад родилась дочь.

А вот не получилось...

Погиб от ножа. Взял этого бандюгу на прием, но что-то, видимо, не так, соскользнула рука, тот и ударил. Главное, удар-то ерундовый был в плечо. Отпусти его Рубцов, и все в порядке, тем более наши уже подбегали. Да разве Рубцов отпустит! Как в клещи зажал. Тот его еще, потом еще и еще. Восемь ударов нанес, три смертельных. Но Рубцов его так и не выпустил.

Скромно хоронили, по-военному. Пышных траурных церемоний у нас не принято устраивать. Просто всегда помним о нем.

Так что главное счастье на свете — это жить, любить, радоваться, что живешь. Не только для себя живешь — для людей.

Ну, а если ради этих людей приходится иногда отдавать жизнь, что ж поделаешь — такая профессия...

И не считайте меня пессимистом, это я так, в связи с Рубцовым.

Зря волновать людей, тем более близких, спецификой моей службы не вижу никакого смысла.

К вечеру я все узнаю об обычном дне Вадима и Лены. А вот о моем обычном дне они не узнают ничего. Это я вам рассказал о нем. А если я расскажу Лене, то наведу ее на разные ненужные мысли.

Так что перейдем лучше к другим делам.

Например, отпускным.

Мы с Ленкой давно мечтаем путешествовать. Иногда даже намечаем на карте маршрут. Вадима это оставляет равнодушным. Он энергично подключается лишь тогда, когда мы проделываем наши заочные путешествия на глобусе. Тут другое дело! Глобус вертится, вдоль него какая-то блестящая железка. Все это очень интересно, и Вадим не может остаться в стороне.

А мы с Ленкой хотим попасть в Прибалтику, в ее старые уютные городки, в дюны вдоль бесконечного песчаного пляжа, хотим в Тбилиси, Ереван, Баку — восточные шумные столицы, посмотреть древние храмы и музеи, подняться в горы, спуститься к волнам жаркого Черноморья, мы хотим побродить меж карельских синих озер, по молдавским зеленым холмам, по уральским горам, пожариться на солнце в Бухаре и Самарканде. И вот — в тайгу, которой нет конца и края. Которая прямо пугает своей необъятностью, как Вселенная.

Как-то я присутствовал при разговоре одного моего друга — инструктора самбо и дикпурьера — его друга.

Этот дикпурьер объехал весь мир — полсотни стран, наверное. В Париже побывал, в Нью-Йорке, в Африке, в Южной Америке, в Австралии. Всю жизнь в пути.

А мой друг объехал весь Союз. Так вот он того дикпурьера спрашивает:

— Ты омуля на Байкале ел? Нет? А вино прямо в подвалах в Молдавии пил? Тоже нет? А восходы в Петропавловске-на-Камчатке наблюдал? А заходы в Заполярье? И на Памире воздухом не дышал? И по Алтаю не ходил? И Ташкент не видел? Так что ж ты видел, дорогой? Ты же красоты земли не знаешь!

Ну, Нью-Йорки, Парижи — бог с ними. Тут свою-то страну объездить жизни не хватит. Но, как говорится, к этому надо стремиться.

Вот мы с Ленкой и стремимся. Пока по карте.

Впрочем, я-то кое-что все же повидал. Это когда был в армии. Я служил в воздушно-десантных войсках. Удивительные войска! Там проходишь такую школу, что на всю жизнь десантником остаешься. И не только по приобретенным навыкам и умениям, а в душе. Сам черт тебе не брат! Десантники ничего не боятся.

Между прочим, в милиции немало есть нашего брата десантника. Я-то после демобилизации, когда мне предложили в МВД идти, не сразу согласился.

Пригласили на беседу, спрашивает меня полковник:

— Пойдешь к нам служить?

Честно признаюсь, я тогда и представления не имел, что такое милиция, — недооценивал; помню, меня ею бабка в детстве пугала, когда я каши не хотел есть.

Но на полковника этого милицейского смотрю с уважением, поскольку у него орденских планок в пять рядов и парашютный значок с цифрой «100».

— А что буду делать? — спрашиваю.

— Что захочешь, — улыбается, — к чему склонность есть. У нас для каждого работа по душе найдется.

— У вас, товарищ полковник,— говорю, осмелев,— наверное, для меня ничего интересного не найдется.

— Вот что, сержант, ну что мы с вами будем друг друга уговаривать. Мы тут экскурсию в нашу школу устраиваем. Посмотрите все своими глазами. Тогда и поговорим.

Повезли нас в эту школу. И поверите, я потом ночь не спал, все вспоминал. Чего только там не рассмотрелись!

И лаборатории у них научные, и классы автовождения, и всякой техники специальной...

Нажимает преподаватель кнопку, и опускаются шторы, появляется киноэкран, раздвигаются стены, возникают цветные телевизоры, карта всей области. Голос из динамика рассказывает о преступности, а на карте вспыхивают цветные лампочки.

Экзамены машины принимают.

Тир — так у нас такого в дивизии не было. Все автоматизировано. А класс оружия! Фото! Всякой криминалистической техники!..

Но особенное впечатление на меня произвел спортзал и зал для занятий самбо. Я к тому времени уже был перворазрядник и в чем, в чем, а в самбо разбирался. И сразу оценил, какое здесь совершенное оснащение, а главное, как владеют самбо ребята, что там занимались. Высокий класс!

А потом нам многое рассказали из истории милиции, показали filmy, привели к стене, на которой большие фото. Много фото, и высечены имена. Это всё погибшие при исполнении служебного долга. В схватке с преступниками.

Разные там лица — молодые и не очень, красивые и так себе, могучие, словно из камня высеченные, и совсем ребята. Одно общее — глаза. Взгляды у всех твердые, смелые. И я понимаю, что в свой смертный час ребята эти глаз не опускали.

Словом, на следующей беседе, когда полковник спросил меня:

— Ну как?

Я ответил:

— Подаю заявление!

— Не спеши,— улыбается.— Хорошо подумал? Кем стать хочешь: ученым, экспертом, следователем, воспитателем в колонии, оперативником, сыщиком, а может, кинологом? (Я и не знал тогда, что это значит. Думал, кино крутить. А оказалось — это все знать про собак.) Есть у нас и политработники, и внутренние войска, и железнодорожная милиция, и охрана метро, и речная милиция. И воздушная. Есть ГАИ, паспортный стол, есть детские комнаты, участковые, опорные пункты, есть штабная работа, спортивная, вневедомственная охрана. Конная милиция тоже есть. Нам радисты нужны, снайперы, вертолетчики, водолазы, авто- и мотогонщики-виртуозы, самби-

сты-чемпионы, опытные педагоги, бухгалтеры, экономисты, лингвисты, даже историки, даже музейные работники. На инструменте не играешь? Поёшь, может? Нам руководители в ансамбли тоже нужны. И свои киностудии у нас есть, и студии художников, и газеты и журналы... Выбирай. Куда хочешь? — Хочу, где с убийцами и бандитами сражаются! — брякаю. — Или вот в воздушную милицию — я ведь парашютист...

— Ясно. Значит, в отдел по борьбе с особо опасными преступлениями или в воздушную. Хотя, прямо скажу, с парашютом там вряд ли придется прыгать.

Словом, нашли для меня в милиции подходящее место.

Однажды только, когда женился и Лена стала понимать, в каком подразделении я служу, попыталась она осторожно, конечно (характер мой она уже изучила), отговорить, вернее, уговорить перейти в другое.

— Ты же умный человек, — толкует, — ты бы мог стать ученым, специалистом. Ну для чего тебе со всяким сбродом иметь дело, там и убить могут. Что, других нет, кто больше подходит?

— Нет, — говорю, — я самый подходящий. Посмотри на меня. Ну кто с таким справится? Даже тебе не по плечу.

— Да ну тебя, — обижается, — я серьезно.

— А если серьезно, Лена, — говорю, — брось этот спор. Я люблю свое дело. Я считаю его самым важным. Конечно, вор, жулик, спекулянт наносят большой вред. Но убийца с ножом или пистолетом ведь непосредственно посягает на жизнь человека. Не деньги, не вещи у него отнимает — жизнь. Значит, тот, кто оберегает эту жизнь, кто борется с убийцами, насильниками, с особо опасными преступниками, тот делает главное дело. (Это, разумеется, немного преувеличено — в конечном счете все мы делаем общее дело, и звенья нашей работы тесно взаимосвязаны, но так для Лены наглядней.)

— Но это же опасно!

— Лена, а прыгать с парашютом не опасно? А летать на истребителе-перехватчике, а испытывать самолеты, а охранять границу? Я военный человек, хоть и служу теперь в МВД. Опасность, риск всегда сопровождают жизнь военного человека даже в мирное время.

— Вон Сережка, который в паспортном столе...

— Перестань! Завтра объявится особо опасный преступник, всех поднимут на поиск, и в решающую минуту лицом к лицу с преступником может столкнуться как раз твой Сережка.

— Ну хорошо, еще три года, пять, — подходит она с другого конца, — ты уже постареешь (это значит, когда мне

стукнет лет двадцать пять — двадцать семь), что будешь делать?

— Вот тогда пойду учиться; в академию, между прочим, до тридцати пяти принимают. Я могу стать инструктором по самбо, по стрельбе, по мотоспорту. Да мало ли есть для меня специальностей, когда я стану через три — пять лет седобородым, как ты считаешь, стариком...

— Я вижу, с тобой бесполезно спорить, — надувается она.

— На эту тему — да, — твердо говорю я и целую ее.

Больше мы к этому разговору не возвращались.

А вот к разговорам о путешествиях не раз.

Кое-где нам все-таки удалось с Леной побывать. Мало, конечно. Так чего спешить — вся жизнь впереди.

Однажды мне достали путевки на пароход. По Волге. Замечательное путешествие! Все эти бескрайние луга, поля, что проплывают на берегу, темные густые боры, веселые рощи, перелески, крохотные деревушки, широкие села, белые в зелени города...

Да, и потом еще удалось нам провести вместе отпуск под Москвой зимой.

Уходили с Леной на лыжах в такую даль, что, кажется, еще немного — и куда-нибудь в Тулу или Рязань придем. Лыжня Ленка отличная. Никак не хочет от меня отстать. Она очень сильная и выносливая, а не хватит сил, на самолюбию выедет.

Один раз отдыхали на море. На Азовском. Но тут нам не повезло. Какие-то шторма, дожди, ветры. Купаться удалось лишь несколько раз, загорать и того меньше. И наверное, потому у нас с Леной появилось к югу настроенное отношение.

Вот, в общем-то, и все наши отпуска. Не густо, конечно, но ведь и до серебряной свадьбы нам далековато. Сколько мы вместе? Всего ничего.

В этом смысле у Вадима жизнь куда богаче. Он уже дважды выезжал на лето с детским садом километров за сто от города. А для него это — Австралия. Там такие впечатления, что потом ползимы он — по своей манере крайне обстоятельно — нам повествует об этом. Значительное место в его рассказе занимают бабочки, жучки, птицы, стрекозы и, разумеется, воспоминание на всю жизнь — еж! Еще долгое время после того лета весь животный мир для Вадима подразделялся на два вида: «больше ежа» и «меньше ежа».

Например, читая ему сказку о Коньке-горбунке и упомянув о ките, я немедленно услышал вопрос: «А кит больше ежа или меньше?»

Вопросы кончились, когда мы впервые (уж не знаю, почему с таким опозданием) повели Вадима в зоопарк.

Это явилось потрясением.

Повидав слона, бегемота, верблюда, он вдруг понял, сколь жалок размерами был еж. Вадим очень переживал за ежа, он плакал и с тайной надеждой все спрашивал:

— А большие ежи бывают?

— Бывают,— отвечал я и повел его смотреть дикобраза.

Дикобраз немного утешил Вадима — он все же был больше ежа, но не настолько, чтобы принести окончательное утешение. Некоторое время он крепился, но потом все же спросил:

— А больше слона ежи бывают?

— Бывают,— неожиданно вмешалась Лена,— если они хорошо кушают. Если съедают весь суп, например.

Но Вадим оказался хитрей. Он сразу раскусил наивный Ленин педагогический прием, проследил логическую связь и, тщательно все продумав, изрек:

— Пусть еж кушает суп.— И, забывая последний гвоздь в несостоявшийся воспитательный маневр матери, торжествующе добавил:— Я не еж!

По внешности, конечно, нет. А что касается характера, это еще подлежит изучению...

...Когда-нибудь на земле переведутся все преступники (или хотя бы наиболее опасные), и тогда отпадет потребность в милиции (только ГАИ останется).

Тогда я как раз и пойду учителем физкультуры в школу, или стану лесным парашютистом-пожарником, или, на худой конец, буду руководить хором в милицейской самодеятельности (ах, да, милиции-то не будет, ну ладно, в самодеятельности какой-нибудь кондитерской фабрики).

Удивительная профессия у милиционеров — делать все возможное, чтобы остаться без работы!

Глава IV. ПОЛЕТ

Откинувшись в кресле, я вспоминаю свою службу в отделе по борьбе с воздушным терроризмом. Только, бывало, проснусь — звонок: «Леруа, к шефу, и давай пошевеливайся!»

Приезжаю и получаю рейс. Это значит, что я должен отправиться с таким-то рейсом куда-нибудь к черту на кулички. Иногда один, иногда вдвоем, даже втроем, на Ближний Восток, например. В общем-то, не такая уж тяжелая работенка — сидишь себе, смотришь фильм, слушаешь музыку, пьешь, ешь за счет службы. А если лечу один и знаю, что мои коллеги

меня не видят, то и выспаться можно. Потому что у меня своя тактика. Я присматриваюсь к пассажирам еще там, на аэродроме, намечаю подозрительных. Ну сколько их может быть? Один, два. И приклеиваюсь к ним. Сажусь в самолете рядом.

Конечно, трудно определить, «кто есть кто», хоть глаз у нашего брата и наметанный. Поди разберись, кто террорист, кто нет. На лбу они себе, во всяком случае, вывесок не вешают.

Ну хоть эти девицы из компании Баадер — Майнхофф. Все с высшим образованием, да каким — социологи, юристы, философы. У всех родители солидные, может быть, не миллионеры, но уж никак не нищие — банкиры, адвокаты, бизнесмены. Доченькам дорогим все дали — и машины, и колледжи, и университеты, и туалеты.

Ан нет! Пустились девицы в авантюры. Сперва вопили, что борются за справедливость, за бедняков, за угнетенных. «Собственность — это, мол, кража!» А потом сами стали банки грабить. Оказывается, красть чужую собственность — не кража! А? Как вам нравится?

Значит, если у них деньги — то честно заработанные (хоть и грабежом), если у меня — кража! Вот так.

Разложил бы я на месте родителей этих милашек да так выпорол, что они сразу бы сообразили, у кого чьи деньги.

И вот теперь они уже не капиталы стали похищать, а самолеты! Ну, понимаю — мужчины, эти бандюги, которые в их шайку входят (хотя, впрочем, тоже ведь интеллигенты). Но девки-то!

Так что когда я вижу среди пассажиров какую-нибудь изящную чистенькую девушку с дорогой сумочкой через плечо, то вглядываюсь особенно внимательно — не лежит ли у нее в этой сумочке пара гранат. Кто ее знает...

Так о чем я говорил? Ах, да. Значит, если подозрительных никого нет, я спокойно заворачиваюсь в одеяло и сплю себе всю дорогу. Потом, конечно, докладываю начальнику, что была там одна группа... весь рейс был в напряжении... не отдохнул, не спал, не ел...

Да, все же я жалею о той службе. Хотя, конечно, бывали и там переделки. Правда, не со мной — с коллегами.

Дело в том, что эти террористы, а по-моему, просто бандиты, тоже не лыком шиты: мы их распознаем, но и они нас распознавать научились. Среди двух десятков захваченных на нашем континенте в этом году самолетов по крайней мере в половине летели наши агенты, такие вот, как я. И что? Четверых пристукнули сразу же, а остальные сидели тише воды,

ниже травы, лишь бы бандиты не догадались, кто они такие. Тут ведь все зависит от тебя самого — готов ты, например, дать себя продырявить ради всего этого стада баранов, что сидят в салоне и которые, если ты их спасешь, не то что спасибо не скажут, а еще жалобу напишут, что шум в кабине мешал им спать...

А теперь вот в полной безопасности, поев, похлебав шампанского (за счет службы), пребываю на седьмом небе (в буквальном смысле).

Нет, нынешняя моя работа не такая уж плохая. Довезу голубчиков до Токио, сдам с рук на руки японским коллегам. Побуду пару деньков, пусть коллеги меня сводят в свои знаменитые бани, покажут Осакусу с ее веселенькими ночными заведениями, у них там есть что посмотреть.

И — домой.

Дома тоже ждут всякие приятные дела.

Штука в том, что мы тут с одним моим коллегой нащупали неплохой бизнес.

Значит, так. Выслеживаем группу пушеров, не крупных, наоборот, чем меньше, тем лучше — начальство не заинтересуется. Выслеживаем. Это азбука профессии — у нас информаторов, которых мы держим на крючке, хватает, потом на допросах у самих наркоманов кое-чего добиваемся. Надо их придержать чуть немножко, потом только покажи порцию — они тебе все на свете выложат (вот это как раз самое опасное, а то такое наговорят, что с ног собьешься — и все зря).

Конечно, это не очень законные методы, но в нашем деле, если придерживаться закона, далеко не уедешь.

Словом, выслеживаем мы группу пушеров, а они всегда собираются в каком-нибудь ресторанчике завалищем, в ночном баре или где-нибудь в этом роде. Устраивают там себе штаб-квартиру.

Наркоманы уже знают: если требуется «зелень», надо зайти в такой бар, и хозяин сам тебе скажет, к кому и как обратиться, где кого найти. У хозяина глаз наметанный — он наркомана сразу определит, а не уверен, так устроит проверочку — ну там следы уколов посмотрит или на жаргоне поговорит, два-три вопроса задаст. Таким образом, хозяин заведения как бы контрольная инстанция, без него новому клиенту до пушера не добраться.

А иногда хозяин служит даже передаточным звеном — ему оставляют товар для клиента, а клиент — деньги для пушера. Ну, естественно, получает за это свой процент.

И вот, выследив группу пушеров, мы их не замечаем — ну, заберем, доставим в управление, и какой нам с этого толк? (Иногда, конечно, производим аресты, чтоб начальство виде-

ло, какие мы старательные.) Делаем по-другому. Приходим к хозяину, выкладываем фото, которые незаметно сделали, называем имена, даты, цифры, суммы, ссылаемся на показания арестованных наркоманов (иногда подлинные, чаще выдуманные) и смотрим на него невинными глазами.

И если он не дурак (а я что-то среди них ни одного дурака или непонятливого не встречал), то неожиданно проникается он к нам такой симпатией, что обязательно норовит сделать какой-нибудь подарок к Новому году, к национальному празднику, на рождество, пасху, день рождения (а дней рождения, как теперь выяснилось, у меня чуть не сотня в году).

Все зависит, конечно, от его возможностей, то есть от процента, который он получает от пушеров (и на чьи плечи, разумеется, переложит стоимость подарка). Тут уж, конечно, царит справедливость. Мы никого не грабим, мы все же честные люди и понимаем, что и у хозяев этих баров жизнь по нынешним временам не масленица. (А потом, кто ж рубит сук, на котором сидит!)

Так вот, как раз перед отъездом мы нащупали такое гнездо, такую аферу, такого кровососа — владельца сразу трех ночных баров и так его прижали, что он поклялся всеми святыми подарить нам по квартирке в лучшем доме на лучшем этаже с террасой и подземным гаражом.

Мы с другом прикинули — он еще дешево отделался. Ничего, годик подождем и снова заявимся с подошником... От нас не убежишь. Надо только смотреть в оба, чтобы другие не перехватили. Вы что ж думаете, мы одни такие в нашем отделе? Наивные люди!

Хотите, я вам скажу, какое самое страшное несчастье для работников отдела по борьбе с контрабандой наркотиков?

Не знаете? Чтобы эта контрабанда прекратилась. Чтобы исчезли наркоманы!

Тогда нам придется жить на одно жалованье. А такой беде я и врагу не пожелаю.

Вот такие приятные философские мысли приходят мне в голову, пока я дремлю в своем кресле.

Пассажирам надоело сидеть, они то и дело встают, подходят к знакомым, идут в уборную, откуда возвращаются, распространяя вокруг запах одеколона. Слышны смех, излишне громкие крики (кое-кто нанес небось немалый ущерб запасу спиртных напитков в баре). Из салона первого класса выходит один из моих подопечных — тот, что с переломанным носом, и не спеша направляется в хвост самолета в туалет. (С чего бы это? В первом классе есть свой.) По пути внимательно разглядывает пассажиров. На мгновение наши взгляды

встречаются. Я весь съеживаюсь, дрожь проходит по спине. Ну и взгляд! Да, не хотел бы я встретиться с этим типом на ринге, тем более в темном переулке. Да вообще где-нибудь. Как хорошо, что мы летим в самолете, из которого не выйдешь на ходу. А если б я должен был следить за ним на улицах города пешим порядком или в машине, даже в поезде? За такими последишь! Они тебя в одну минуту засекут, и тогда уж за мою жизнь я не дал бы и полгроша.

Он так же не спеша возвращается на свое место. Ох и спинуща! Сколько он может весить? Небось под сотню. Интересно, схватись мы, справился бы я с ним с моими дзюдо и каратэ? Наверняка нет. Он бы одним этим своим взглядом меня парализовал. Удав! Нет, в таких случаях лучше вспомнить, как я когда-то бегал стометровку...

На световом табло загораются обычные предупредительные надписи: «Застегните ремни...» — и раздается бархатный голос стюардессы: «...через несколько минут мы совершим посадку в московском аэропорту Шереметьево. Стоянка один час».

Смотрю в окно. Ага, вот и аэродром. Куда хватает глаз — выстроились белые самолеты с красным флажком на хвосте. Да и самолетов других авиакомпаний хватает.

Мы тяжело садимся, подпрыгиваем, снова шлепаемся, снова подпрыгиваем, наконец стукаемся еще раз так, что в самолете все звенит и трещит. Пассажиры ворчат. Они правы — нашему пилоту не самолеты, а самосвалы водить.

Словно хромая, мы катим по бесконечному пути к зданию аэропорта. Честное слово, будто поезд постукивает на стыках. Ну и пилот!

Наконец останавливаемся.

Начинается долгая обычная процедура. Замолкают двигатели, открываются двери, подкатывают трапы.

Потом, еще оглушенные полетом, выходим.

У правого колеса (ростом с меня) толпятся механики, летчики, еще какой-то народ, что-то разглядывают, качают головами, спорят, машут руками.

Мы садимся в желтые автобусы и мимо круглой, похожей на большой стеклянный гриб штуки катим к длинному серому зданию аэропорта.

Одного автобуса не хватает, подгоняют другой, но я врываюсь в первый, поскольку мои подопечные находятся в нем.

Впрочем, куда они денутся? Останутся в Москве? Сомневаюсь. Здесь, по моим сведениям, наркотиками особо не расторгнешься: русские ребята серьезные, с ними шутки плохи.

Нас приводят в транзитный зал — длинный, одна стена

стеклянная. Все очень мило. Можно выпить, полистать журналы.

Бросаю взгляд на моих подопечных. И настораживаюсь. Они чем-то явно обеспокоены. Сгрудились вокруг русской стюардессы постарше — видимо, о чем-то ее спрашивают, советуются.

Я уже собрался было подойти прислушаться, как мой сосед, какой-то толстенький человек, спрашивает меня:

— В Москве бывали?

— Нет, — говорю.

— Я-то бывал. Замечательный город! Очень интересный. Советую побывать.

— Спасибо за совет, — ворчу.

— Ну ничего, хоть снаружи увидите, по улицам проедете за те же деньги. Повезло. Если, конечно, не торопитесь.

Видя, что я не понимаю, охотно объясняет (есть, знаете, такие люди, которые обожают всем все объяснять или первыми сообщать всякие новости, особенно неприятные).

— Повреждение у нашего самолета. Не видели? С правым шасси что-то случилось. Исправлять будут. Так что рейс переносится на завтра. Сейчас отвезут в отель. Да вы не беспокойтесь — отель великолепный, «Аэрофлот», я в нем однажды ночевал. Покормят прекрасно. Все будет о'кэй. Но из отеля не выпустят, уж такой порядок — мы ведь транзитники. Я вам советую...

Он еще что-то болтает, но я не слушаю.

Вот так номер! Застряли. Но в Токио-то нас — моих подопечных и меня — ждут именно с этим рейсом. Как же теперь? Все ломается! Понятно, почему они так заволновались: у них там, наверное, все обговорено — кто встречает, как пройти таможду с их набитыми деньгами чемоданами, куда ехать. И вдруг такое дело...

Смотрю в их сторону. Что за черт! Повеселели, благодарят за что-то немолодую стюардессу, передают ей билеты, деньги.

Эге-ге! Я устремляюсь туда же. И когда мои подопечные отходят к бару, радостно болтая, а стюардесса уходит к какой-то двери, я догоняю ее и спрашиваю по-английски (по-английски какая стюардесса не говорит?):

— Простите, мои друзья, — и киваю в сторону четверки, — сказали, что вы сможете мне помочь. Они говорят, вы очень любезны. (Весь в напряжении: угадал или попал пальцем в небо?) Я выдаю ей мою обольстительную улыбку № 1, которую трачу лишь в исключительных случаях.

— Пожалуйста, — отвечает она, — вам на тот же рейс? Места еще есть, но только в первый класс. Придется доплатить.

Она сообщает время вылета советского самолета по маршруту Москва — Токио (через сорок минут), сумму доплаты, забирает мой билет, деньги и исчезает.

Я вытираю пот со лба. Ну-ну!

Еще бы немного, и Мегрэ-Леруа спокойно бы дрых в отеле «Аэрофлот», а мои подопечные благополучно летели на советском лайнере в Токио, где по прибытии растворились в пространстве.

Ну и дела!

Не проходит и двадцати минут, как появляется моя спасительница, вручает мне новый красивый зеленый билет с красным флагом на обложке, сдачу, которую я пытаюсь ей всучить и от которой она возмущенно отказывается.

В это время, словно сговорившись, из разных дверей появляются две стюардессы.

Одна забирает пассажиров нашего рейса и ведет их к автобусу, на котором они поедут в отель. Другая приглашает мою четверку и меня за собой.

Подопечные смотрят на меня сначала изумленно, потом подозрительно, о чем-то шепчутся. И вдруг к нашей теперь уже пятерке присоединяется еще один летевший с нами, такой средних лет, поджарый, с энергичным лицом. Он в последний момент, видимо, тоже перерегистрировал билет. Спешит.

Уж лучше бы он не спешил...

Мы покидаем транзитный зал, садимся в желтый автобус, подъезжаем к самолету. Нам предъявляют наши чемоданы, выгруженные из «боинга». Четверка испускает вздох облегчения. Мне наплевать — мой чемодан пустой.

Нас торопят. Мы поднимаемся в ИЛ-62. Красивый, длинный самолет.

Нам указывают места — у русских они нумерованы. Четверка и мы с «сухарем» располагаемся в салоне первого класса. Кроме нас, там лишь какая-то японка с ребенком.

Захлопываются двери, зажигаются табло, стюардессы, такие же хорошенькие, как наши, идут вдоль рядов, разносят конфеты, следят, чтобы все застегнули ремни.

Взывают двигатели. Самолет долго едет по аэродрому, затем замирает, как бегун на старте, и, стремительно набирая скорость, мчится по взлетной полосе.

Мы в воздухе.

Я впервые лечу на ИЛ-62. Хороший самолет. Летит, не спотыкается. Легкость какая-то у него в полете. Отделка внутри у «боинга», конечно, лучше, зато здесь кормежка будь здоров. Даже икра!

Захожу во второй салон. Осматриваюсь — кто летит со мной?

А, черт их разберет — кто. Ну, моя четверка, я и этот «сухарь» — ясно. А так... Ага, вот японцы. Молодые красивые девушки. Мордашки прямо как фарфоровые. И ребята тоже ничего. Мелковаты, но такие жилистые, крепкие. Догадываюсь, что это какой-то танцевальный ансамбль. С ними еще две-три старухи и сморщенный старик — наверное, руководители. Ох, до чего ж пожилые японцы страшные!

И еще есть японцы. Несколько семей с маленькими детишками. Вот япончата очень симпатичные, похожи на кукол.

Есть еще какие-то нерусские — сразу видно. Два здоровенных бородача в джинсах и майках с изображением губастого толстяка с цепями на шее. Великовозрастные хиппи. В хвосте сидят, наверное, туристы и, наверное, американские — женщины и мужчины, из которых самым молодым лет по сто. Уже выпили, уже орут.

Еще две-три семьи вполне европейского вида с детьми. У одной пары — пятеро, и все девочки.

В первом ряду какой-то полупарализованный старик, с ним монашка с красным крестом на крахмальном чепчике.

Остальные русские.

Наверное, дипломаты едут или возвращаются к месту службы. Тоже с детьми. Какая-то делегация — у всех на лацкане одинаковый значок — небось на конгресс. Все солидные, важные, в очках. Профессора, наверное.

И еще спортивная делегация — судя по виду, гимнастки или художественные гимнастки — молоденькие крепкие девчата в тренировочных костюмах.

Ну и еще разный народ.

Смотрю, мой «боксер» выбирается из своего кресла и тоже начинает прогуливаться.

И поглядывает на меня и на «сухаря». В общем-то, ничего удивительного в этом нет — мы единственные, кто летел с ними в поломавшемся самолете. Но мне это все-таки не нравится. Очень мне не нравится, как он смотрит на меня.

Я решаю заговорить с «сухарем».

— Повезло нам, — говорю, — летим вот, а другие пассажиры нашего рейса в Москве застряли.

— Да, — говорит, — повезло. Не знаю, как вам, но мне опаздывать никак нельзя. Никак.

— Простите, — спрашиваю, — если не секрет, вы, наверное, бизнесмен? Контракт может уплыть, — улыбаюсь.

— Да нет, какой бизнесмен, я парикмахер. Спешу на международный конкурс. Опоздаю — вылечу из игры. А у меня все шансы. Кроме русских, других конкурентов не вижу.

— Да?— я удивлен.— Парикмахер? А что, русские очень сильны в этом деле?

— Ого-го! Еще как сильны, особенно женщины!

— А что за конкурс?— спрашиваю.

— Как, вы не знаете?— и пошел, и пошел мне рассказывать.

Но я не слушаю. Я с беспокойством слежу за «боксером». Его явно интересует наша беседа с «сухарем». Неужели они догадываются? Впрочем, большого значения это не имеет, поскольку до Токио они не сбегут, а там за ними будут следить японцы, я же исчезну, и подозрения их рассеются.

Вот так и летим.

Скоро я думаю тоже поспать. Никуда мои подопечные не денутся...

Глава V. ЛОВУШКА

Когда везешь в чемодане, или на себе, или в тайнике машины, или иначе опиум, героин — любой наркотик, каждый грамм которого, в случае если его обнаружат, обойдется тебе в год тюрьмы, а войдя в тюрьму молодой, красивой, полной сил, как я сейчас, выйдешь из нее (если выйдешь) дряхлой, больной старухой, то есть лишь одно средство не реветь, не быть волком, не выпрыгивать на ходу из самолета — думать о другом.

Вы спросите: «Дорогая Белинда, как это можно в такие минуты думать о другом?»

Оказывается, можно. Это приходит не сразу, постепенно, с годами. Как всё: как равнодушие, как жестокость, как безразличие к чужой жизни и судьбе, как стремление жить лишь сегодняшним днем, да что там днем — минутой.

От вас не буду скрывать, вы ведь не судьи, не прокуроры, — на моей совести есть убийство. Вы думаете, это мешает мне спать? Убитый приходит ко мне по ночам? Я испытываю угрызения совести? Да нет, я о нем и не думаю...

Страх, да, страх я испытываю всегда, везде — оттого и стала сама покалываться. Нажмешь шприц, и на какое-то время страх уходит.

Да знаю, знаю! Что вы меня предостерегаете? Сама знаю, чем кончу. Достаточно посмотреть на других, на всех этих самоубийц, которые растягивают самоубийство на годы. Да, я тоже такая. Ну и что? Что прикажете делать?

Голод. Вот если вы испытываете голод, что вы делаете? Садитесь за стол. Голод проходит.

Так и я. Страх, как голод, он где-то внутри, он гложет меня, его надо прогнать, излечиться от него. А чем? Только вколоть дозу...

Вы можете сказать, что хороший бифштекс здоровья не нарушает, а доза... Правильно, я ведь не спорю. Но я-то испытываю не голод, а страх. Эх, да разве вы знаете, что это такое!

Вы можете сказать, что есть другой метод лечения: перестать возить контрабанду, расстаться с этим кошмарным делом, жить, как другие, честно...

Но вы же наивны, вы ничего не понимаете. «Жить честно!» Как? Как может в моей стране жить честно такая женщина, как я? Иметь машину, домик, виллу у моря, кое-какие драгоценности, кое-что, чтобы надеть на себя. Да хоть просто, по-человечески, без драгоценностей? Такая женщина, как я, — одинокая, без наследства богатых родителей, без солидного мужа, без приличной специальности (да и она не гарантия)...

Она может жить так, как я, если у нее не будет предрассудков, угрызений совести, колебаний. Зато будет железное желание так вот жить. И ради этого идти на всё.

Я смотрела однажды фильм. Там к старику пришел черт и предложил ему молодость, богатство, всякие там радости, зато после смерти старик попадет в ад и будет гореть в вечном огне. Вот и у меня так. Только вечный огонь начался у меня еще при жизни, на земле.

А черт-соблазнитель — это Рокко.

Господи, зачем только я его встретила!..

Я расскажу вам немного о себе, и вы поймете.

Я родилась лет двадцать пять тому назад. Удивлены? Как, мол, это лет двадцать пять, что я, точно не знаю своего возраста? Не знаю, представьте себе!

Я не только этого не знаю. Я даже не знаю, у кого и от кого родилась, и где, и как меня назвали! Шокированы? Да? Вам, благополучным и порядочным, такое и в голову не придет? Ну и ладно. Плевать мне на вас! Зато вы не были в Сингапуре и Рио, на Гаваях и Мадагаскаре, не жили в «Хилтонах» и «Шератонах»... Да, конечно, у меня не было матери, нет мужа, нет детей, нет покоя, а скоро и не будет здоровья, у меня нет надежды прожить до пятидесяти, да, наверное, и до тридцати, и нет уверенности, что я завтра еще буду на свободе.

Ну что ж, каждому свое.

Вам нравится ваша жизнь, мне — моя.

Да не потому, конечно, у меня такая жизнь, что нравится, а потому, что такая досталась, и изменить уже не могу, не все же сильные, как вы, не могу вот...

Когда я стала соображать, что стол — это стол, а стул — это стул, что не надо плакать, потому что получишь шлепок, а шлепок — это больно, то приютившая меня семья и сама забыла, откуда я взялась.

Кто-то родил, где-то бросил, кто-то подобрал (и за это спасибо), кто-то назвал Белиндой.

В этой семье (наверное, добрых, в конечном счете, людей), где и своих детей было еще штук пять, я продержалась недолго. Как только выяснила, что есть другая жизнь — с деньгами, вечерними огнями, сытостью, веселыми местечками и танцевальными залами (а было мне тогда неполных шестнадцать), я решила уйти в эту новую жизнь. Как? Были разные способы. Те, что рекомендуют журналы (их я читала, вынимая из корзины в дрянном отеле, где работала горничной), те, что рекомендуют священники (в церковь меня таскала приемная мать), ну, и те, что я познавала, наблюдая жизнь вокруг себя.

Со своими приемными родителями я рассталась без сожалений, да и они, по-моему, рады были от меня избавиться. (Много позже, когда я поняла, что они все-таки сделали для меня доброе дело, а если честно, то, скорее, чтобы похвастаться перед ними — чего я добилась, стала их разыскивать — думала подкинуть денег, да так и не нашла.)

Сначала довольствовалась тем, что платили клиенты, потом стала их подпаивать и незаметно еще кое-что вынимать из бумажников.

Наконец, вошла в компанию с двумя парнями. Я знакомилась со случайным встречным, приводила его «к себе» (мы квартиру снимали), а туда неожиданно врываются мои сообщники, один изображал разгневанного мужа (я тихо «плакала» в углу — мол, скрыла, что замужем). Перепуганный насмерть «гость» готов был отдать последнее.

Потом нам эти спектакли надоели, упростили дело. Я знакомилась с каким-нибудь мужчиной в ресторане, в баре, подпаивала, вела пустырями «к себе». Мои сообщники нападали на него, оглушали, избивали, раздевали, грабили.

Но однажды нарвались. Такой хлипкий и пьяненький казался. А как мои налетели, он их одной левой расшвырял — то ли боксер, то ли дзюдоист был, я в этом тогда не очень разбиралась. И всех нас, голубчиков, доставил в полицию.

И я два года отдохнула за решеткой.

Я о многом тогда передумала. И решила: когда выйду, буду работать честно. Все, покончено с подлой жизнью!

И стала жить честно.

Нет, я стала пробовать жить честно.

Сначала устроилась официанткой. В хорошее кафе меня,

конечно, не взяли, пошла в пятиразрядное. Клиенты все пьяные, грубые, говорят гадости...

Я всё терпела. А потом стал приставать хозяин. Я его раз отшила, два, на третий он меня уволил и сказал на прощанье:

— Запомни, Белинда: такие, как ты, честным трудом не живут.

— А какие живут?— спрашиваю, пока свою сумку укладываю.

— Да никакие, наверное,— сказал, подумав,— просто пойми: когда человек достигает определенного положения, а счет у него в банке — определенной суммы, то то, что он делает, всегда честно. Ясно? Ты пока еще в этой лодке не сидишь... Да и я тоже,— добавил с сожалением.

Но выгнал.

Вы, случайно, не социолог? Нет? Это такие люди в очках, которые сидят дома в удобных креслах, у каминов или за письменными столами и изучают людские беды. Очень сочувственно изучают, но из кабинетов своих не выходят. Иначе им бы было не до изучения.

Значит, не социолог? Жаль. Я бы вам дала (бесплатно, между прочим) интересные материалы. Знаете, в скольких кафе, барах, забегаловках я пыталась работать за два года после выхода из тюрьмы, за те единственные два года, когда старалась быть честным человеком (боже мой, какой я была непроходимой дурой!)?

В девятнадцати! Ровно в девятнадцати. Я потому так хорошо эту цифру запомнила, что единицы не дотянула до двадцати. И каждый раз, словно они все сговорились, получалось одно и то же. Я так к этому привыкла, что, поступив на очередное место, сразу же начинала подыскивать следующее. Так что перерыва в стаже не было.

Утром меня увольняют из кафе «Два поцелуя», а вечером я уже работаю в кабаре «Мертвая луна», через месяц хозяин «Мертвой луны» выбрасывает меня на улицу со словами: «Дура, счастья своего не понимаешь!», а я через два-три часа уже тружусь в баре «Веселый труп».

Вот так меня от борта к борту и гоняли. Прямо не жизнь, а партия в бильярд.

Сколько я за это время перевидала мерзости, пакости, всяких негодяев, подонков! Не знаю, может быть, и живут где-нибудь на свете порядочные добрые люди. Мне не попадались. В моем городе таких нет. Во всяком случае, я за свою жизнь не встречала.

А вы? Встречали? Ну что ж, значит, вам повезло. Или, может быть, вы живете в другой стране?..

И вот однажды, как раз год прошел моих мытарств, подзывает меня очередной хозяин очередного бара — лицо бледное, глаза испуганные, — шепчет, еле язык ворочается:

— Белинда, видишь, вон там, в углу, высокий, со шрамом возле уха. Немедленно к нему! Садись, угождай, подливай. Что ни прикажет, выполняй. И забудь на этот раз свои капризы. Иначе и тебе и мне несдобровать. Это сам Рокко!

И смотрит на меня, будто сказал «Гитлер». Рокко, Рокко — подумаешь, имя и то какое-то дурацкое. А хозяин чуть не плачет, весь дрожит от страха.

Передался мне его страх. Подхожу к этому Рокко тихенько, робко, подсаживаюсь, спрашиваю:

— Что-нибудь принести, господин Рокко?

— Нет, — говорит. — Тебя как зовут?

— Белинда, — отвечаю.

— Сколько лет?

— Не знаю, — пожимаю плечами, — года двадцать два — двадцать три.

— Не знаешь? — смеется. — Ну что ж, женщины обычно не помнят своего возраста, и чем дальше, тем у них память на это становится хуже.

Молчу.

— Ну вот что, Расскажи-ка о себе, Белинда.

И смотрит на меня.

Я раньше читала про гипнотизеров. Знаете? Которые, как посмотрят на тебя, так что они хотят, то и делаешь.

Вот, по-моему, этот Рокко был гипнотизером. Смотрит на меня, а я глаз не могу отвести и все ему рассказываю. Всю свою жизнь, буквально всю, без утайки. Долго.

Хозяин раза три подходил.

Рокко только брови нахмурит, и тот прямо шарахается, словно ветром его сдувает.

Кончила я свой рассказ. Сижу. Молчу.

— Да, — говорит задумчиво, — не много ты веселого повидала. Значит, теперь решила жить честно?

Я киваю.

— И не получается?

Я мотаю головой.

— Всех велят ублажать, ты отказываешься, тебя выгоняют, на новое место приходишь, и все сначала?..

Я опять киваю.

— Ну, вот этот мешок с вином, — показывает глазами на хозяина, — велел тебе меня ублажать, да?

Киваю.

— Развлекать, подавать, подливать?..

Киваю.

Он встает, подзывает хозяина, расплачивается и говорит:

— Я пошел. Девочка пусть проводит меня.

— Конечно, господин Рокко, пожалуйста,— хозяин прямо тает весь,— она до завтра не нужна. Спасибо, что пришли, господин Рокко, мы всегда рады...

Он еще что-то бормочет, я снимаю фартук, надеваю пальто и выхожу на улицу.

Часа три утра, мы поздно открыты. Холодно, небо черное, звезды яркие. В домах темно. Тихо.

И так мне вдруг стало тоскливо, так горько. Ну почему? Почему нельзя жить по-людски, чтоб не барахтаться в этой выгребной яме, чтоб знать свою маму, свой день рождения, свое имя... Ох, как всего этого хочется! И тогда моя тоска превращается в ненависть.

В ненависть к этим дурацким звездам там на небе, которым на все наплевать, к этим темным домам, за окнами которых дрыхнут те, кому повезло, к этой черной ночи, во тьме которой любой подлец сделает с тобой все, что захочет. Любой... И мой подонок-хозяин, и этот красавчик — Рокко...

Ничего, сейчас он увидит, я ему покажу. Пусть бьет, пусть убивает!

Но он выходит, улыбается, обнимает за плечи, и я не сбрасываю его руку, ведет к себе, и я плетусь за ним, как собачка...

Так началось мое короткое счастье. Оно длилось год, это по календарю.

Он уезжал неожиданно, не приходил на свидания, разыскивал меня на моих новых местах работы. Никогда не давал мне денег (да меня это и не интересовало), никогда не брал у меня, как другие (меня это вначале удивляло).

Мы любили друг друга.

Потом любовь прошла. Просто так, сразу, уж не знаю почему. Наверное, потому, что была очень сильной. Не могла выдержать.

Расстались по-хорошему. Я и сейчас для него сделаю все, это единственный человек, как я думала, который никогда не причинил мне зла. И за это я благодарна ему навсегда.

Теперь-то я понимаю, что именно он причинил мне самое большое зло. И потому, что приучил к легкой богатой жизни, и потому, что ввел в мир, где я приучилась колотиться, и потому, что из-за него поселился в душе моей этот постоянный страх, из-за которого я не знаю минуты покоя.

И потому, что после него я уже никого не могу полюбить... Хотя теперь я знаю про него все, знаю все его преступления, все его страшные дела. Знаю, какой это ужасный человек. Все

равно. Если б мне сказали, что я всего один только год проживу на свете, но тот год, что мы были с ним, с радостью соглашусь...

Господи, что это я расхныкалась? Вам не надоело? Простите, больше не буду.

Короче, организовал он свою фирму — он, я, Утиный Нос и эта девчонка Ру. Это я ее приобрела.

Знаю ее еще с тех пор, когда работала по кафе. Она как-то приходила с товарищами своими — студентами, один очкарик там был, тихий такой. Потом-то уж она только с ним и ходила. И видимо, понравилась я ей. Только меня выгонят и я на новом месте, и они туда же начинают приходиться. Ссорятся со своим очкариком, красные, взъерошенные, как петухи. Однажды она ему пощечин надавала. У того очки на пол. Ползает, ищет, ничего не видит без них. Она сразу в слезы, тоже ползает, искать помогает. Там же на полу мирятся, целуются. Забавные...

Иногда приходила одна, делилась со мной своими делами, мыслями.

Если б могла, мол, ушла от родителей, от всей этой благополучной жизни (а она не из бедных), доказала бы, что сама пробьется, что она смелая, сильная, без предрассудков, вот как по телевизору показывают...

Ох, как она начнет про телевизор, так становилось непонятно, откуда у нее на что-нибудь еще берется время. Кажется, она только у телевизора время и проводит. Все фильмы, передачи, программы, особенно про преступления, убийства всякие, наизусть выучила. Эх, девочка, знала бы ты эту жизнь не на экране...

Дело до того дошло, что однажды прибежала, прямо захлебывается от восторга — родители подарок ей сделали. И что вы думаете? Наручный телевизор японский. Ну как часы, чуть побольше. Экран со спичечную коробку. Теперь она может ходить по улице, ехать в автобусе, обедать, ужинать, сидеть на своих лекциях, обниматься со своим очкариком и одновременно со всем этим смотреть телевизор. Ну не здорово?

И вот ее я втянула в нашу «фирму».

И подумала: какая же я подлая! Какая гнусная! Девчонка эта, которая всю грязь, всю мерзость на своем экране раньше видела, теперь сама, по моей милости, в нее окунается.

Значит, Рокко — меня, я — ее... А кто-то в свое время ведь его... А кого-то когда-нибудь Ру...

Такая вот эстафета...

Мы, что ль, виноваты? Так уж мир устроен. И ничего тут изменить нельзя.

Правильно говорит Рокко: «В этой жизни на час вперед

и то загадывать нельзя. Так вот, этот час надо прожить по-лучше».

Так и живем.

И Рокко, и Утиный Нос, и я, и Ру...

Кстати, насчет Ру напрасно я так уж сильно терзаюсь. Оказалось, что телевизор подготовил ее отлично. Она там всяким бандитским навыкам и приемам научилась лучше, чем я за всю свою горемычную жизнь. Разве только убийства еще не совершила. Ну, это уж вряд ли. Все же девчонка.

Хотя помню, был у меня однажды разговор с Рокко, и я ему эту мысль высказала.

А он как-то странно посмотрел на меня.

— Думаешь, убить человека она не сможет?— спрашивает.

— Ты что, смеешься?— говорю.— Никогда! А убила бы — с ума сошла. Для нее же это на всю жизнь потрясение. Чтоб до этого дойти, сам знаешь, надо, чтобы тебя годы такой вот жизни, как у меня, готовили, а не телевизор...

— Ты так думаешь?— усмехается.— Как знать, как знать...

Дурацкий разговор какой-то.

А вот я человека убила.

Это произошло так. Мне нужно было передать большой пакет «зелья» одному клиенту. Мы договорились встретиться на каком-то пустыре поздно вечером. Я шла спокойно: не первый раз, всегда так делали.

Прихожу. Смотрю, стоит ждет.

Обычно я передаю чемоданчик с порошками — он мне портфель с деньгами. Пока он на выбор несколько пакетиков вскрывает, проверяет, я пересчитываю деньги. Вообще-то это формальность. В нашем деле если кто-то кого-то обманет — я имею в виду солидных «коммерсантов»,— это быстро узнается, и тогда обманщику доверия нет. К тому же обманутый его из-под земли достанет, отомстит. Это вопрос престижа.

Действительно, все в порядке. Порошки — как заказали, деньги — все.

Собираемся расходиться.

И тут, словно из-под земли, четверо. В руках ножи, велосипедные цепи, лет по восемнадцать им, мальчишки.

— Ты бросай чемодан,— ему говорят,— а ты — портфель,— это мне.— И шагом марш, пока целы!

Представляете картину? Ну ладно, мне Рокко еще поверит, если я без денег вернусь, ну а тот как будет отчитываться за пропавший товар?

Мальцы подходят всё ближе. Я их знаю. Они опасны, как волки,— могут броситься в любую секунду и пощады не знают; удивительно, что они нас сразу же не прикончили, а еще дают возможность уйти. Но могут передумать.

Мы смотрим на них — ножи, цепи, палки; были бы пистолеты, они их давно бы вынули. Тогда мы с моим клиентом смотрим друг на друга. Нам не надо слов, и так поняли.

Он выхватывает из подмышки пистолет, я — из сумочки. Он стреляет быстро-быстро и точно. Раз, два, три. Я тоже стреляю, и тоже точно. Также три раза.

Только он укладывает троих, я — одного. Чувствуется, у него это не впервые. Он быстро подбегает к ним, убеждается, что со всеми четырьмя покончено, делает мне прощальный знак рукой и исчезает в ночи.

Я еще некоторое время стою неподвижно, потом подхожу к «моему» и смотрю на него.

Он, наверное, самый молодой из них — не больше семнадцати. А сейчас, когда он вот так лежит на спине, раскинув руки, словно загорает на пляже и смотрит в звездное небо, так вообще выглядит мальчиком. Чистое лицо, ни морщин, ни царапин, ни шрамов, большие светлые глаза, длинные ресницы, удивленный взгляд.

Вот этот взгляд мне больше всего и запомнился.

Чему он удивлялся: что в него стреляли, что его не испугались — двое, да к тому же одна женщина, против четверых, — что не выполнили их приказа?

Или — что можно умереть от пули в семнадцать лет? На грязном ночном пустыре? Ничего не повидав, ничего не успев?

Я спрятала пистолет в сумочку и ушла.

Реакция пришла потом — тихая такая истерика, дрожь, судорожные рыдания, бормотала чего-то, сама не помню чего. Это когда я уже рассказывала Рокко обо всем.

Истерику мою он быстро прекратил — надавал пощечин, принес воды. Я успокоилась.

Он снова и снова допрашивал меня, выяснял подробности. Потом озабоченно сказал:

— Выследили. Хорошо, если сами молокососы, они больше не придут. А вот если их подослали, если они только исполнители...

— Но ты понимаешь, — говорю тихо, — что мы их убили, четверых, они же мальчишки.

Он только досадливо поморщился.

— Ну и правильно сделали. Не велика потеря. Да, жаль, меня не было. Я б одного в живых оставил, уж он бы мне все выложил (посмотрели бы вы в этот момент, какие у Рокко были глаза, — да ему бы любой все выложил!). Но пустырь закрываем. Вообще весь этот район... Там больше коммерцией заниматься нельзя.

«Нельзя заниматься коммерцией!» Вот так я убила человека.

Ну, а теперь об этом деле.

Это было великолепное дело! Все-таки Рокко — голова, даже две, три. Потому что трудно, имея лишь одну голову, так все обдумывать, предусматривать, предвидеть. С такой головой ему не контрабандой заниматься, а руководить крупнейшей промышленной корпорацией или банком. Быть президентом, генеральным директором, вот кем ему быть!

Впрочем, большой разницы нет. Ну какая разница между какой-нибудь большой компанией и преступным синдикатом? Да никакой. И там и там идет грабеж, только в первом случае с тайным нарушением закона, а во втором — с явным.

Короче говоря, его идея с «фирмой» великолепна. За это недолгое время мы заработали — я, например, — больше, чем за всю предшествующую жизнь. Конечно, риск есть. А где его нет? В общем, поработаем еще немного — и на покой (впрочем, покойницей меня сделает, и гораздо скорей, мое «зелье», теперь я колюсь уже два раза в день).

Так вот, эту последнюю операцию мы провели блестяще. Такую громадную партию товара доставили без сучка и задоринки. Заработали кучу денег, везем поставщику гонорар и с него получим еще дай бог.

Решили съездить на Гавай, немного отдохнуть. Право же, мы это заслужили.

Странная у нас команда. Вот поедем в какой-нибудь тихий гавайский городок. Остановимся в лучшем отеле. Будем валяться на пляже, купаться, по вечерам проводить время в барах и казино.

Никаких романов друг с другом, никаких романтических отношений. У Ру, по-моему, одно в голове — разбогатеть и доказать своим родителям и этому недоделанному жениху свою самостоятельность и везучесть. Еще она любит приключения, прямо мечтает о приключениях, совсем не амурных.

Утиный Нос — тоже. Женщинами особенно не интересуется, ему всё пари да пари. Он хочет, когда заработает как следует, открыть букмекерскую контору. Только этого никогда не произойдет, потому что все деньги он как раз в букмекерских конторах и просаживает. Неудачник...

Я. Что я? Все становится мне безразличней и безразличней. Вколю себе дозу — и ладно. На какое-то время наступает покой, а потом снова этот проклятый страх. Скорее бы уж все кончилось...

Ну, а Рокко заботят деньги.

Итак, забрали мы наши набитые деньгами чемоданы, забрали пистолеты (теперь это стало привычкой), без всяких трудностей (молодец Рокко!) прошли контроль воздушной безопасности и сели в самолет.

Тут-то и начались всякие неполадки. Наш «боинг» повредил шасси, и нам грозила ночевка в Москве, а это значило опоздать в Токио, где нас ждали.

Но Рокко и тут нашел выход из положения. Обменял билеты, и мы пересели на самолет «Аэрофлота», который летит прямым из Москвы в Токио.

Пересели и через сорок минут вылетели.

Казалось бы, все в порядке. Лети и радуйся. Но тут новая неприятность. Вернее, пока еще не неприятность, но тревожный сигнал. Кажется, мы попали в ловушку. Во всяком случае, с нашего «боинга» на тот же самолет «Аэрофлота» пересели двое типов, которые вызывают у Рокко большое беспокойство. По его мнению, это полицейские агенты, которые следуют за нами. А если так, мы «засвечены» и в Токио нас ждут совсем не те, на кого мы рассчитываем.

Глава VI. ПОХИЩЕНИЕ

Сидим в первом классе, пьем шампанское, смотрим в иллюминаторы. Высота чуть не десять километров, а внизу всё как на ладони, ни облачка. Да, страна! Как подумаешь, что из конца в конец пролететь ее чуть не полсутки требуется! Полднюжичи Европ, обе Америки втиснуть можно. А грабить в ней, говорят, некого! Нет миллионеров.

Странно. Наверное, грабителей хороших нет. Эх, дали бы мне! Или полиция у них здорово работает? Впрочем, о таких вещах лучше не думать. Полиция...

Может, у русских она и хорошо работает, а вот у нас не очень. Я этих двух сразу засек — того «спортсмена» и второго — поджарого.

— Зря беспокоишься, Рокко,— Утиный Нос мне говорит,— я понаблюдал — они, по-моему, только здесь в самолете и познакомились.

— А ты,— говорю,— хотел бы, наверное, чтобы они в форме летели или с вывеской на груди «Мы из полиции»? Они тебе такой спектакль разыграют, что и не опомнишься, как в наручниках будешь.

— Ты думаешь?— Утиный Нос забеспокоился.

Это с ним редко бывает, обычно он не любит волноваться. Помню, когда вместе по пушерам работали, он такое над ними вытворял, что даже меня выворачивало. А сам, как мясник, стоит себе спокойно, ногти чистит — он чистюля, Утиный Нос,— и нож или там дубинку аккуратно вытирает. Потом вдруг схватывается: «Пошли, пошли, а то конторы закроются. Сегодня, знаешь, матч...» И бежит. Вот только это его может

вывести из равновесия, что не успеет в букмекерскую контору — заключить пари на очередного идиота, которому вечером другой идиот будет вышибать на ринге остатки мозгов!

Ру спит в своем кресле, посапывает, как младенец. (Да уж, младенец, с бульжником в руке!)

Белинда — вот та волнуется. Она всегда волнуется. Вообще-то ей пора бросать наш бизнес — нервы не выдерживают, да еще колетса, а это уж последнее дело. Но куда ей деваться? Привыкла. Привыкла к деньгам, к легкой жизни, к нам, ко мне. Только к страху никак не привыкнет.

Я ей сказал однажды (так, для проверки):

— Слушай, Белинда, ты не устала? Не надоело со мной мотаться, рисковать на каждом шагу, бояться?..

— Ну, а если надоело, — усмехается, — ты что мне можешь предложить взамен? Законный брак с церковным обрядом? Тихую жизнь в белом домике у речки? Может, детей заведем? Или ферму — будем кур разводить?

— А что, — говорю серьезно, — почему бы нет? Мы еще молодые, можем многое успеть.

— Не валяй дурака, Рокко, — сердится, — было время, любили друг друга и то не поженились. Такие, как мы, не женятся, им и любить-то заказано. А уж теперь и подавно. Ну какой ты муж? Какая я жена? Убийцы мы, воры, контрабандисты, по нас петля плачет...

Слышу уже истеричные нотки и сразу прерываю:

— Заткнись! Я тебе раз навсегда запретил подобные разговоры вести! А то...

Она втягивает голову, словно ждет, что я ее ударю (бывает такое).

— Извини, Рокко, — говорит, — что-то нервничаю сегодня. То ли эта задержка самолета, то ли не спала. Извини, я сейчас вернусь — пойду лицо освежу.

Как же! Знаю, зачем она уходит в туалет, — сейчас вколет себе очередную дозу. Белинда даже знойным летом не носит теперь платьев без рукавов, чтобы не видны были следы уколов на руке.

Возвращается спокойная, медлительная, немного сонная. Сначала у нее всегда так после укола.

— Слушай, — говорю, — дело плохо. По-моему, эти двое — ты знаешь, о ком я говорю, — держат нас на поводке. Давай решать, что будем делать.

— С Утиным Носом говорил? — спрашивает.

— С ним говорить нечего, ты же знаешь. Когда надо дать волю рукам — он ас. А насчет мыслей... Ру тоже не советчица. Нам решать.

— Как тебе представляется обстановка?— спрашивает. Вижу, с ней все в порядке, она в форме.

— Я думаю, где-то мы споткнулись: или за клиентами следили, или продал кто-то...

— Это исключается,— говорит она решительно,— ты ты молодец: так поставил дело, что, кроме нас, никто не подпущен.

— Тут я молодец,— ворчу,— а в остальном шляпа. Так?

— Перестань, Рокко,— берет меня под руку,— ты же отлично знаешь, что во всем молодец. Без тебя мы бы пропали, да вообще бы ничего не было — ни нас, ни фирмы.

— Ладно, ладно. Так вот, обстановка. Пусть не продали, пусть мы не ошибались — я тут все передумал десять раз, не вижу ошибок,— но, так или иначе, на наш след напали. Спрашивается, почему не взяли еще дома, ну хоть в аэропорту, с поличными? Потому что хотят знать наших приятелей в Токио. Это как дважды два...

— А зачем за нами людей посылать?— перебивает Белинда.— Куда мы из самолета денемся?

— Вот именно. Ты умница. Могли сообщить приметы — встречайте, мол; нет — посылают нянек. Зачем? Ну, конечно, для подстраховки: вдруг по приметам не узнают, вдруг мы в пути переоденемся, нацепим парики, ты бороду отрастишь,— смеюсь,— я — косы. Или выходить будем поодиночке. К другим пассажирам пристроимся. Мало ли что, но это значит, что в лицо нас японцы не знают. Не оттуда идет прокол. Другой вариант: по каким-то соображениям наша полиция не хочет с япошками делиться этим делом. Хочет сама все выяснить. Тогда в Токио не их полиция будет ждать, а наша, и притом тайно от японской.

— А зачем им это? Они в Интерполе все связаны...

— Э, Белинда! Они там в Интерполе как пауки в банке. Что на поверхности лежит — то, конечно, общими силами, никуда не денешься. А если поглубже, надо еще посмотреть. Ну к чему нашим дорогим отцам-полицейским выдавать нас с нашими миллионными чемоданами японским коллегам, когда можно эти миллионы самим взять, не себе в карман, разумеется, но для нашей страны, а не для Японии? Государственные интересы. Логично?

— Логично-то, логично,— Белинда сомневается,— но, думаю, все проще. Если нас «засветили», то наверняка в Токио весь аэропорт набит полицией, а эти едут для связи, для участия в допросах — словом, как представители. Мы же все-таки не японские граждане. Может, они нас сразу и обратно повезут. Только уж не в первом классе,— усмехается.

— Тоже может быть,— соглашаюсь.

— А чем нам это грозит?— спрашивает.

Я смеюсь:

— Ничем хорошим. От чемоданов не откреститься. Сто человек видели, как их с нами вместе в самолет доставили. Ну, образцы можно в самолете выбросить, пистолеты — в уборной. Так ведь сразу же найдут и в два счета докажут, что наши. Словом, лет по десять, а то и по двадцать можем работать...

— Двадцать лет!— Она бледнеет.— Нет, уж лучше смерти!

— ...Это если им все остальное неизвестно,— продолжаю,— но раз они за нами следят, возможно, знают и про другие наши дела. А когда возьмут, начнут копать, и тогда уже ни за что нельзя поручиться. Может, как раз преподнесут столь желанную тебе смертную казнь,— смеюсь.

— Перестань!— шипит.— Нашел время шутить. Скажи лучше, что делать. Не может быть, чтобы ты не придумал! Ну, Рокко!

— Да есть у меня одна идея,— говорю задумчиво,— экспромт, так сказать. Но не подготовлены мы, не имеем тренировки в этом новом деле, а потом, не все еще обдумал.

— Ну что, что?— торопит.— Раз задумал, значит, все будет в порядке. Я в тебя, Рокко, как в бога, верю. А насчет подготовки не беспокойся — не подведу. Чего только ни приходилось делать — никогда тебя не подводила. Ты только скажи, что...

— Тише, перестань суетиться,— обрываю ее.— Ты-то, может, и не подведешь, а Утиный Нос, а Ру?

— Ну, Утиный Нос, если только надо действовать,— заверяет,— никогда не подведет!

— Я тоже так думаю. Больше того: в том, что я задумал, он особенно полезным окажется. А вот Ру?

— Ну что ж Ру... Ты и для нее найдешь работу. Лишней не будет. В крайнем случае вдвоем справимся... Так что за план? Скажи, наконец. Думаешь, когда японец прилетит, прорваться через кордон? Может, там этот японец псможет, в конце концов, деньги-то ему везем. Пусть подумает.

— Думать поздно. Если аэродром оцеплен, если нас полиция ждет, японец не ждет. Миллионы миллионнами, а жизнь дороже. Нет, Белинда, в Токио нам прилетать нельзя;— говорю решительно,— будем брать самолет!

Она таращит глаза и прикрывает рот ладошкой.

— Самолет?

— Самолет, самолет,— говорю спокойно.— Ну, чего уставилась? Не мы первые, не мы последние. Сейчас это стало очень модным. Скоро будут больше брать самолетов, чем банков. Завладеем машиной, повернем на Сингапур, на Цейлон, а еще

лучше — подальше, на какие-нибудь маленькие острова, с маленьким царьком, султаном, президентом, чертом-дьяволом. Один из наших чемоданов — ему, чтоб дал убежище, остальные — нам. Переждем трудное время, а там видно будет... Ну как?

— Не знаю,— говорит неуверенно,— вроде все правильно. Но захватить целый самолет... Тут же сотни людей. Летчики наверняка вооружены и эти агенты.

— Другого выхода нет,— говорю.— Будем разрабатывать операцию!

Конечно, женщины обычно умных советов дать не могут. Но все же Белинда опытная — с ней не грех посоветоваться.

Ру по-прежнему безмятежно спит, а Утиный Нос прохаживается по салонам и бросает на наших «опекунов» зловещие взгляды. В конце концов я приказываю ему сесть на место — не хватает еще, чтобы они разгадали наши планы.

Захватить огромный самолет с десятками пассажиров, среди которых наверняка есть здоровые, решительные мужчины, а двое, тут уж сомнений нет, вооруженные полицейские агенты,— дело нешуточное. Будь у нас гранаты, мы пригрозили бы взорвать самолет. Но гранат нет, и нет даже ничего похожего.

А главное, дело для меня новое, непривычное. Ну да ладно, не боги горшки обжигают. Деваться все равно некуда. С моим послужным списком мне петли так или иначе не миновать. Так чем я рискую?

До Токио еще лететь и лететь. Время подготовиться есть. Операцию надо начать, когда мы будем ближе всего от границы и ближе всего по прямой от каких-нибудь островов — от Цейлона, на худой конец, от Сингапура. Эх, жаль, карты нет...

Я присматриваюсь к пассажирам. В первую очередь к тем, что с детьми,— японцы, русские. Какие-то спортсменки, какие-то туристы (ну, им по двести лет), какой-то музыкальный японский ансамбль, судя по всему, балетная труппа. Девчонки не в счет, а вот парней надо остерегаться — у японцев молниеносная реакция, многие владеют дзю-до, джиу-джитсу. Еще, смотрю, двое здоровенных хиппиобразных бородача. Но эти, по-моему, через час-два так накачаются, что и с места встать не смогут.

Насчет русских сказать трудно — они для меня народ незнакомый, сразу не разберешься. Во всяком случае, определить, есть ли среди них агенты воздушной полиции, не берусь. Да и есть ли у них такая полиция? И летают ли ее агенты на самолетах? Черт их знает...

Наконец план мой созревает полностью.

Я созываю свою «команду». Как раз обед (или ужин; в наше время с самолетными скоростями и расстояниями не пой-

мешь, когда завтракаешь, когда ужинаешь). Мы сидим все рядом и шепчемся. Когда я излагаю свой план, эта маленькая дуруха — что бы вы подумали! — приходит в восторг. Только что в ладоши не хлопает. Ну? Как вам это нравится?

И я начинаю думать (зная про нее то, что я знаю), что она, пожалуй, окажется на высоте, что для нее пустить пулю в лоб любому, на кого я укажу, — пара пустяков. Боюсь, как бы еще не пришлось ее сдерживать.

Утиный Нос — тут я спокоен. Это профессионал и понимает, когда надо бить, а когда только угрожать.

Белинда тоже сделает свое дело. Может, с охами и ахами потом, может, с запоздалыми истериками, но сделает. Будет дрожать от страха, но рука у нее не дрогнет. Можно не сомневаться.

Самое трудное — пройти к летчикам. У них дверь наверняка заперта и наверняка бронированная. Кстати, говорят ли они по-английски? Стюардессы-то говорят. А есть ли у стюардессы внутренняя связь из салона с кабиной летчиков?

План наш мы разрабатываем очень точно, сверяем часы прямо как штабные офицеры перед боем.

Я заговариваю со стюардессой. Выясняю, когда мы будем пролетать Иркутск. Насколько я помню, это где-то близко от границы. Или я ошибаюсь? Как бы между прочим спрашиваю, летала ли она на других зарубежных линиях? Летала. В Дели, например. А летчики? Конечно. А посадок до Токио не будет? Она удивленно смотрит на меня. Нет, конечно, разве я не смотрел билет? Ну все-таки, такое расстояние, вдруг горячего не хватит? Она улыбается моей наивности. Господин пассажир может быть спокоен. Все рассчитано. Она, например, летала в Токио тридцать восемь раз, и никогда ничего не случилось. И смотрит на меня ясными серыми глазами. Я делаю вид, что успокаиваюсь. А ты-то вот зря такая спокойная. Сегодня в твоем тридцать девятом рейсе кое-что случится.

Сколько ей лет? Наверное, двадцать — двадцать два. Но замужем — кольцо на пальце. Или у русских девушки тоже носят кольца? Наверное. Стюардессам же запрещено выходить замуж. Почти во всех авиакомпаниях. В «Аэрофлоте» небось тоже.

Стоит такая красивая, аккуратная, элегантная девушка, доверчиво смотрит на меня, готовая оказать услугу пассажиру. Мне нравится, что русские стюардессы не улыбаются каждую секунду, как наши, словно рекламируют зубную пасту.

Интересно, как она посмотрит на меня своими ясными глазами через полчаса, когда я выну пистолет...

Сейчас надо думать только об одном — о главном, сосредоточиться на этом.

Я благодарю сероглазую стюардессу, сажусь на место, закрываю глаза. За окнами сумерки. То ли вечер подступает, то ли мы летим в тучах.

Сколько я так сижу? Полчаса? Минуту? Десять секунд? Наконец сбрасываю с себя оцепенение, смотрю на часы. Пора!

Встаю, оглядываю салон. Время выбрано удачно. После обеда большинство пассажиров спит или дремлет.

А наши «опекуны»? «Спортсмен» спит, а поджарый нет, читает какой-то журнал — да, с этим надо держать ухо востро. Стюардессы куда-то исчезли. Тоже, наверное, отдыхают.

Я обмениваюсь взглядом со своими.

Они нахмурены, но спокойны. Белинда бледна, как мертвец, Ру, наоборот, от возбуждения вся покраснелась, глаза сверкают. Утиный Нос нащупывает пистолет под мышкой.

Первой встает Белинда и идет в хвост самолета в туалет. Поджарый провожает ее внимательным взглядом. Вот черт!

Потом поднимается Ру и уходит в носовой туалет. Через минуту я направляюсь туда же и делаю вид, что жду, пока туалет освободится.

Утиный Нос остается сидеть.

Наконец в хвосте самолета появляется Белинда. Она внимательно оглядывает салон, неторопливо раскрывает сумочку и вынимает пистолет.

В то же мгновение со своего места вскакивает Утиный Нос. Одним махом он минует кухню. Пистолет у него уже в руке.

Ру выскакивает из туалета. Она начинает действовать с невероятной быстротой. Наклонившись к ошеломленной молодой японке из первого класса (которую мы заранее наметили), она схватывает с ее колен крохотного мальчонку и, прижав одной рукой к груди, другой лезет за пистолетом.

Одновременно с этим я, выхватив свой, громко кричу по-английски:

— Похищение! Всем оставаться на местах! Руки на затылок! При первом движении взорвем самолет!

(Взрывать нам его нечем, но слово «взрыв» пугает людей, а проверять наше вооружение вряд ли кому-нибудь придет в голову.)

Пассажиры — кто торопливо, кто медленно — выполняют приказание. Они в полном оцепенении. В салонах царит тишина. Даже дети молчат. А некоторые продолжают спать (как, между прочим, и кое-кто из взрослых).

Рассказываю долго, а происходит все буквально за две-три секунды.

Пока Белинда и Утиный Нос держат под прицелом пассажиров, Ру с япончиком в одной руке и пистолетом в другой устремляется к кабине пилотов. Я за ней.

И вот тут происходит неожиданное.

Уж не знаю, откуда она взялась, перед Ру вырастает та сероглазая стюардесса. Она ловко выхватывает из ее рук ребенка и загоразживает своим телом...

Я чувствую, как холодный пот выступает у меня на лбу. На похищении ребенка, на использовании его как заложника при переговорах с пилотами основана главная часть моего плана. А сейчас начнется борьба между стюардессой, заслонившей ребенка, и Ру, которая будет пытаться его вырвать.

Выскачат летчики, они, конечно, вооружены, их пятеро, и вряд ли мне одному с ними справиться.

Но я все-таки недооценил Ру!

Нет, она не вступает со стюардессой в борьбу! Она просто приставляет к ее груди пистолет и спокойно нажимает спуск. Приглушенный близким телом, звучит выстрел. Стюардесса падает как подкошенная, продолжая заслонять ребенка в последнем предсмертном усилии.

Япончик отлетает в сторону, поднимается на четвереньки, потом встает и доверчиво смотрит на нас. Его черные глазки-пуговики не выражают ни малейшего страха, он спокоен. Он ждет.

Стюардесса лежит на спине, неловко подвернув руку. Большие серые глаза стеклянно смотрят в пустоту. Губы приоткрыты. На белой блузке, все расширяясь, проступает алое пятно.

Что ж, не повезло. К сожалению, молодость и красота не гарантируют от смерти. Не довелось ей закончить свой тридцать девятый полет в Токио...

А вот доведется ли нам куда-нибудь долететь? Теперь, после убийства стюардессы, всех четверых нас ждет смертная казнь!

Так что стесняться уже нечего. Все эти старики, дети, туристы и спортсмены, дипломаты и ученые — все, все, кто сидит там, в салоне, и летчики, и остальные стюардессы,— все они не имеют теперь никакого значения!

Их жизни имеют ценность лишь постольку, поскольку могут спасти наши. Иначе грош им цена...

Мы у двери пилотской кабины. Около нее, белая как полотно, стоит другая стюардесса. Видимо, она сидела здесь где-то со своей сероглазой подружкой, когда мы начали операцию.

Она бледна, но в глазах ее нет страха. Что за девочки!

Теперь мы с Ру действуем спокойно и расчетливо, точно в соответствии с моим планом.

Ру берет на руки по-прежнему сохраняющего безмятежное спокойствие япончика, прижимает к его голове пистолет. Ребенку это мешает, и он пытается своей крохотной рукой отвести тяжелое черное дуло. Не получается, и он покорно прекращает свои усилия. Удивительно воспитанные эти японские дети!

Я подхожу к стюардессе и говорю:

— Не волнуйтесь. Если будете выполнять наши указания, с вами ничего не случится. Скажите пилотам по-английски то, что вы видите, ничего больше, и скажите, чтобы немедленно открыли дверь, иначе погибнет ребенок, а мои товарищи начнут побоище в салоне. Предупредите, чтобы пилоты отвечали вам только по-английски. Действуйте.

Стюардесса кричит через дверь на сносном английском языке:

— Товарищ командир, самолет захватили бандиты! Главарь здесь у двери, требует, чтобы вы открыли. Рядом его сообщница. Она держит под угрозой пистолета ребенка.— Потом, помолчав, добавляет тихо:— Они убили Наташу...

И только тогда начинает плакать.

Проходит секунда, другая. Дверь открывается, и на пороге возникает плечистый парень в рубашке с закатанными рукавами. Лицо его непроницаемо. Взглядом он мгновенно охватывает всю картину: тело убитой стюардессы, Ру, держащую пистолет у виска япончика, меня с направленным на него оружием.

Мгновение он молчит, потом спрашивает на хорошем английском языке:

— Ваши требования?

— Вернитесь в кабину,— говорю,— садитесь на место. Всем сидеть ко мне спиной и не поворачиваться. Пистолеты выложите. Резких движений не делайте.

Он молча возвращается в кабину и садится на свое место — это второй пилот. Он что-то говорит по-русски своим товарищам. Те, не оборачиваясь, бросают в проход пистолеты. Я стою зади у двери.

— Где мы находимся?— спрашиваю и приказываю:— Между собой и с землей говорить только по-английски. Первому, кто скажет слово по-русски, продырявлю затылок.

— Пролетели Иркутск,— говорит первый пилот, голос у него не дрожит.

— Поворачивайте на восток,— говорю.— Когда окажетесь за границей, скажу дальнейший маршрут. Предупредите пограничников, чтобы не валяли дурака. Самолет похищен. Дайте карту.

Летчик, не оборачиваясь, протягивает мне карту. Я смотрю и тут же спохватываюсь:

— Через Китай не лететь! Эти кретины не посчитаются, что самолет гражданский, — собьют. Летите через Индию на Цейлон. Там разберемся!

— Вы что, смеетесь? — первый пилот презрительно хмыкает. — Где возьмем горючее? Без дозаправки ничего не получится.

— Не валяйте дурака — от Москвы до Токио без заправки, а...

— Мы пролетели две трети пути. А вы хотите вернуться, да еще пролететь вдвое больше. Не верите — посмотрите на карте.

Я смотрю. Он прав. Никуда не денешься.

— Где ближайший аэродром, где вы можете приземлиться?

— Надо запросить.

— Сколько времени требуется на дозаправку?

— Не знаю. — Он пожимает плечами. — Они же не готовы.

— Радируйте, что мы садимся, чтобы все было готово. Полчаса стоим, ни минуты больше. И предупредите: при малейшей подозрительной возне самолет взлетит на воздух. Если они не знают, — добавляю, — объясните: в самолете полно детей. А стесняться мы не будем. И не вздумайте сами валять дурака — чтобы все радиопереговоры велись по-английски. И не пытайтесь мне объяснять, что на аэродроме не знают этого языка.

— О'кэй, — говорит.

Радист надевает наушники, колдует над своими кнопками и сообщает, что самолет захвачен воздушными пиратами (это мы — пираты), что никаких требований политического характера не предъявлено. Но приказано лететь курсом на Цейлон через Индию. Требуется дозаправка, через сорок минут самолет произведет посадку, чтобы все было готово. В случае неподчинения пираты угрожают взорвать самолет. Все.

— Новосибирск закрыт туманом, — сообщает мне летчик. — Можем сесть только в... — И он называет какой-то русский город.

Я делаю знак Ру проверить, как там в салоне, а сам внимательно продолжаю следить за пилотами.

— Имейте в виду, — говорю на всякий случай, — все время мои товарищи держат под прицелом не только салон целиком, но и какого-нибудь одного ребенка конкретно. Один неосторожный жест, и ребенок мертв. Запомните.

(В таких случаях надо все время держать людей в напряжении и угрожать им.)

Возвращается Ру все с тем же япончиком под мышкой.

Он по-прежнему тих и безмолвен. Нет, на такое способны только японские дети, честное слово!

Ру говорит, что в салоне все спокойно. После волны паники, чьих-то стонов, истерик, детских криков все успокоилось, находятся в состоянии прострации. Молчит даже мать того япончика.

Утиный Нос и Белинда на своих постах. За них можно не беспокоиться. Спрашиваю, как «опекуны». Отвечает, что сидят, дрожат от страха, боятся пошевелиться.

Стюардессам Утиный Нос разрешил разнести пассажирам воду, лекарства из аптечки, водить детей в туалет.

За окном совсем темно.

Чувствую, как самолет повернул и летит в другом направлении. Начинается снижение.

— Аэродром плохой,— говорит пилот.— Сюда обычно «Илы» не садятся. Посадка будет не из легких.

— Посадка — ваше дело,— говорю,— мое — продырявить вас, если будете валять дурака, и взорвать эту коробку, если аэродромные власти чего-нибудь затеют. Предупредите их еще раз.

— Уже предупреждал,— ворчит пилот.

— Предупредите опять. Не помешает.

Он включает радио и передает мое предупреждение. Потом говорит:

— Начинаем посадку. Буду держать техническую связь с аэродромом. Прошу не мешать.

— Говорить только по-английски!— приказываю.

— Не мешайте, я сказал,— кричит,— посадка очень сложная!

Но с землей говорит по-английски. Говорит он все же не как англичанин, хуже, чем второй пилот. И наверное, на аэродроме тоже сидят не профессора Кембриджа. К тому же речь идет о специфических вещах. Поэтому, как я ни напрягаю внимание, мне далеко не все понятно. На всякий случай периодически повторяю свои угрозы.

Но они не слушают меня. Они заняты своим делом. Видимо, посадка действительно очень трудная. Аэродром, наверное, какой-нибудь запасной. Тем лучше. Вряд ли там предусмотрены такие же меры безопасности, как в крупных городах. Спокойней.

Наконец мы у земли. Я вижу, как навстречу с бешеной скоростью несутся сигнальные огни, освещенный самолетными прожекторами асфальт.

Самолет касается земли очень жестко. Стукаемся, слышен звон, что-то падает, на мгновение гаснет и вновь зажигается свет. Ревут двигатели. Мы мчимся по взлетной полосе. Потом

долго катим по рулежной дорожке в какой-то дальний конеп аэродрома.

Останавливаемся.

Летчики озабоченно что-то рассматривают на приборной доске. С беспокойством качают головами.

Глава VII. РАБОТА КАК РАБОТА

Я хорошо помню эту историю, случившуюся много лет назад. Впрочем, говорить «помню» неправильно. Эту историю я знаю по прочитанным очеркам и корреспонденциям в газетах тех лет.

В тот год в теплом синем небе над зелеными виноградниками, что раскинулись вблизи Еревана, пролетал самолет. Неожиданно самолет дернулся, завалился на крыло и стремительно понесся к земле.

Он упал в виноградники. Из поломанного самолета колхозники вытащили четырех человек. Один разбился насмерть, двое получили серьезные ушибы и переломы, один чудом остался невредим. И тем не менее он был весь в крови, избит, полузадушен, глубоко изрезан ножами.

Чьими? Тех троих.

В живых остался только он. Двух других вылечили, судили и расстреляли.

А Эдик Бахшинян, летчик Армянского отделения Гражданского воздушного флота, поправился и продолжал летать. Его наградили орденом Красного Знамени. Боевым орденом.

Трое преступников задумали бежать за границу; они долго и поразительно тщательно готовились к этому (вплоть до того, что один научился управлять самолетом), взлетели на воздушном такси и, напав втроем на летчика (один из преступников был мастером спорта по борьбе), потребовали перевезти их за границу.

Бахшинян отказался, но, увидев, что бандит садится за штурвал, согласился, а когда взял управление в свои руки, то направил самолет в землю, чтобы погибнуть вместе с преступниками. Они душили его, резали ножами, но так и не смогли оторвать рук от штурвала...

Тогда еще угон, похищение, уничтожение самолетов не стало поветрием. Эти преступления были единичными. Бессмысленный терроризм не коснулся воздушных трасс. И уж совсем далеко все это было от наших границ.

К сожалению, за последние годы были и у нас случаи нападения на самолеты.

Зачем?

Вот что рассказывал нам кандидат юридических наук, начальник сектора воздушного права Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации Ю. Малеев.

«Материалы советских судебных органов показывают, что попытки угона самолетов (речь идет о нашей стране) являются, как правило, результатом умышленных действий группы лиц, вступивших в преступный сговор с целью бежать за границу. Выявились два четких мотива такого побега: или стремление избежать заслуженного наказания за уже совершенное преступление, или попытка придать дополнительную остроту какой-нибудь из антисоветских кампаний на Западе».

Разумеется, подобные случаи в нашей стране уникальны. Но бывали.

Подвиг Эдика Бахшиняна, светлый образ стюардессы Надежды Курченко напоминают нам об этом.

И наша задача, моя и моих товарищей, чтобы таких случаев не было вовсе. Ну если все же? Что происходит тогда? Я хорошо себе это представляю.

Вот в московском кабинете генерала раздается звонок, и голос дежурного четко докладывает о чрезвычайном происшествии — захвате иностранными преступниками советского лайнера ИЛ-62, следующего по маршруту Москва — Токио, который через сорок минут приземлится в далеком городе для дозаправки. Преступники требуют, грозя перебить детей, чтобы их доставили в район Цейлона.

В этих случаях, согласно существующим международным соглашениям, во имя сохранения жизни невинных людей, полагается выполнить требование воздушных пиратов.

Казалось бы, все ясно.

Но, как я узнал позже, тут возникло совершенно непредвиденное обстоятельство.

При посадке навигационное оборудование самолета получило повреждение. Не столь значительные, чтобы нельзя было лететь, однако такие, при которых серьезно снижается безопасность полета. В нормальных условиях дальнейший полет был бы, разумеется, запрещен. Но в данном случае преступники категорически настаивают на продолжении пути.

Они грозят, что, если их требование не будет выполнено, они каждый час будут убивать одного пассажира. До тех пор, пока самолет не поднимется в воздух.

Только что, открыв двери, они выбросили из самолета труп человека.

Что же происходило в те ночные часы на аэродроме далекого города?

К тому моменту, когда огромный лайнер приземлялся на

взлетной полосе, когда он несся по бетону, когда ревели, тормозя, двигатели, были приняты все возможные меры к его приему.

Но дело в том, что в сложной полетной обстановке, когда Новосибирск и другие ближайшие крупные аэродромы были плотно закрыты туманом, за короткий срок невозможно перестроить расписание воздушного движения, и, выполняя требования преступников, ничего другого не оставалось, как посадить самолет на этот аэродром, могущий принимать ИЛ-62, но уже давно не делавший этого, поскольку существовали другие, куда более совершенные.

Посадить лайнер ночью на незнакомый и лишенный некоторого важного оборудования для ночной посадки аэродром, да к тому же когда за спиной стоит человек с направленным на тебя пистолетом, нелегко даже очень опытному летчику.

И так совершенная первым пилотом посадка могла бы служить образцом работы в подобных обстоятельствах. Но все же случилось повреждение. Лететь при нем можно, но безопасность полета намного снижена. В этих условиях, выполняя требования налетчиков, перелетать Гималаи, а может, и океан, следовать неизвестным маршрутом, садиться на неизвестных, а возможно, совершенно неприспособленных к приему такого самолета аэродромах граничит с самоубийством. Летчик так и сказал главарю бандитов.

Вся сложная громадная машина, созданная для борьбы с подобными преступлениями, глубоко продуманный, точно отлаженный механизм, включающий меры и действия на все, даже самые, казалось бы, невозможные случаи, могущие возникнуть в этой ситуации, пришла в действие автоматически буквально через минуту после того, как стало известно о захвате самолета.

Я словно вижу это воочию. В одно мгновение заработали все наши невидимые, но крепкие, ни на миг не замирающие линии связи между штабом и его подразделениями и дальним аэродромом. Все офицеры спокойно приступили к выполнению положенных по расписанию, стократ оттренированных обязанностей. С аэродромов поднялись самолеты и вертолеты со всем необходимым для проведения любой операции.

Будто сотни могучих рук протянулись со всех сторон к застывшему на ночном аэродроме лайнеру, готовые схватить преступников, готовые спасти людей. Руки, управляемые одним мозгом — штабом.

...В Москве, в штабе, в кабинете генерала, идет срочное совещание. Необходимо принять решение.

Я представляю, каково сейчас начальству.

Что выбрать?

Поднять в воздух самолет и отправить, как того требуют преступники, в дальний путь, рискуя жизнью десятков людей?

Или настаивать на том, что лайнер для полета непригоден, рискуя каждый час подбирать очередной труп, который налетчики будут выбрасывать из самолета,— быть может, детей?

Ни то, ни другое решение не годится.

Остается третье. Единственное.

Освободить самолет.

Но это решение надо принять, взять ответственность за него. Пусть, выслушав все советы и мнения, все возражения и предложения, пусть, все взвесив и все учтя, пусть перебрав все варианты, но принять единолично — нашему генералу.

Теперь он, и только он, отвечает за жизнь этих десятков людей, запертых на далеком аэродроме в поврежденном самолете, во власти преступников.

И никакие санкции и одобрения еще более высоких начальников, никакое единодушное мнение подчиненных не снимет с него этой страшной ответственности.

Формальную — может быть, человеческую — нет.

И генерал принимает решение: атаковать самолет, освободить пассажиров, захватить, а если не будет другой возможности, уничтожить преступников. А как бы я, лейтенант Лунев, поступил на его месте? Я потом много раз задавал себе этот вопрос. И каждый раз отвечал: наверное, так же.

Так или иначе, непривычно рано раздастся у меня телефонный звонок. Снимаю трубку. Дежурный сообщает, что машина за мной уже вышла. Вадим не проснулся. Но Лена уже вскочила, натягивает халатик, никак не может попасть ногой в туфлю.

— Что случилось? — Глаза ее полны тревоги.

— Ничего, Ленка, спи, срочная командировка, — успокаиваю ее.

— Что-нибудь серьезное? — растерянно спрашивает она. Улыбаюсь. «Серьезное»!

Не отвечаю. Да она и сама поняла. Лена бестолково суетится в ванной — собирает мне пасту, зубную щетку, бритву.

Когда она возвращается в комнату, я уже застегиваю плащ.

Подхожу к Вадиму, целую в розовый нос.

Потом обнимаю ее, говорю:

— Все будет в порядке, Ленка, не опоздай с Вадимом в садик.

А что сказать? Сбегаю вниз по лестнице, машина с включенным мотором уже ждет.

Летим долго, хоть и на скоростном самолете.

Я, Коршунов, Тверской, Рунов, другие...

Пока мы летели, переговоры с преступниками продолжались. Нам сообщили местные встречавшие нас товарищи, что по требованию налетчиков самолет был дозаправлен. Тянули сколько могли, но в конце концов пришлось это сделать. Бандиты грозили, что убьют еще кого-нибудь. Они все больше нервничали, и чувствовалось, что им ничего не стоит привести свою угрозу в исполнение.

Самолет приземляется в дальнем углу аэродрома.

Ночь — тихая, безлунная, но ясная, свет идет от звезд.

Издаലെка, из лесов, слышатся крики ночных птиц, тарактит где-то движок, где-то голосисто поют деревенские девчата.

Пахнет лесными далями, остывающим бетоном, бензином...

На фоне ночного неба хорошо различаю длинную сигару ИЛ-62 с крупным пунктиром светящихся иллюминаторов.

Выглядит грозно и зловеще.

Я смотрю на гигантскую черную тушу самолета, что возвышается надо мной, пытаюсь представить, что там внутри происходит.

Я представляю себе всех этих измученных, запуганных, отчаявшихся людей, старых и молодых, женщин и мужчин, здоровых и больных, наших и иностранцев.

У каждого из них где-то есть своя жизнь, кто-то их ждет, кто-то провожал. Каждого в конце пути встретят какие-то радости, какие-то приятные события, люди, дела (ну, может, не каждого, но наверняка большинство).

Там летят японские артисты — они возвращаются домой довольные, их чудесно принимали у нас, а быть хорошо принятыми в Советском Союзе для танцоров и балерин — это что-нибудь да значит. Там летят наши ученые — они наверняка долго готовились к своему научному конгрессу, их ждет интересная работа, диспуты с коллегами, увлекательные доклады. А наши гимнастки-студентки, ручаюсь, рассчитывали на высокие награды в этом первенстве мира по художественной гимнастике, на этом светлом празднике, который небось только и снился им последнее время. А этих старых туристов-американцев ждут новые города, неизвестная и хорошо известная им страна — Японская империя.

Там и дети — им легче всего. Они ничего не понимают. Ну что делает сейчас этот ребенок, о котором сообщали летчики, которого держат заложником возле их кабины? Может, плачет, а может, спит, а может, с любопытством трогает пальцем непонятную блестящую игрушку, которую тетя держит все время около его виска.

Я представляю себе и эту «тетю» (японцы сообщили нам приметы бандитов). Совсем молодая девушка, хорошенькая, элегантная, хрупкая на вид. Чудовище! Как может быть такое!

Ну, троих других я тоже себе хорошо представляю: два настоящих бандита, профессиональные убийцы, и вторая женщина — наркоманка, преступница. Но первая-то, судя по данным на нее, воспитанная дочка порядочных родителей!

Представляю себе летчиков — этих здоровых, сильных парней, для которых вдвойне невыносимо бездеятельно и бесполезно сидеть, выполняя указания каких-то подонков.

Мне подумалось, что их героизм в том и заключается сейчас, что они сдерживают себя. Ведь куда легче было бы вступить в борьбу, в такие минуты о своей жизни не думаешь. Но речь-то идет не о твоей — о жизни других и многих. Вот и сиди молчи, выполняй...

И еще с особой тоской я представляю себе стюардесс — этих красивых, приветливых девушек, но ведь совсем девчонок, которым бы разреветься да позвать «мама!», но которые сами успокаивают пассажиров, нянчат детей, оказывают, какую могут, помощь, не оглядываясь на нацеленные на них пистолеты...

Сердце сжимается, когда я думаю о той, которую убили. Убили все-таки, мерзавцы! Какая она была? Постарше других, помоложе, задумчивая, веселая, высокая, миниатюрная — какая?..

Кто ее ждет — отец, мать, брат, жених? Небось беспокоились каждый раз, отговаривали летать — самолет, вдруг что случится, разобьешься еще...

Самолет не разбился.

А ее вот нет. Уже нет. А они ждут. Ничего не знают.

Ну что она видела в жизни, эта девчонка, кроме дальних стран и городов! Так разве в этом жизнь?

Меня охватывает жгучая ненависть к этим четверем. Голыми бы руками их задушил — и неважно, женщины они или мужчины, — голыми руками!

Вот сидели бы в этом самолете Ленка с Вадимом (а ведь там сколько женщин, двадцать семь детей!), что бы я тогда чувствовал здесь, на земле? Да и там, если б был с ними?

Нет страшнее преступления, чем похищение людей! Только смерть! Только смерть похитителям!

Я гоню эти мысли. Перед операцией нельзя давать волю чувствам. Голова должна быть ясной и холодной. Думать только о деле. О том, что надо делать, как, в какой последовательности.

Чтобы ничто не отвлекало, ничто не рассеивало внимания, не ослабляло напряжения. Сейчас, в эти предстоящие минуты, да какие там минуты — секунды, доли секунды, крошечная деталь, каждый миг времени — все будет иметь решающее значение. Все будет невероятно важно, вырастет в гору.

И все же не могу прогнать это видение: моя Ленка, всегда веселая, белозубая, румяная Ленка, с серым лицом, с ввалившимися глазами, в которых затаилось отчаяние, мой курносый Вадим, притихший, словно чувствующий всю огромность несчастья.

Это последний заряд для меня, заряд ненависти.

А теперь прочь из головы, из сердца, из души все, что может отвлечь!

Теперь только выполнение задачи. Это ведь работа. Работа как работа.

Сейчас кончается последняя отсрочка.

Летчик сказал, что, раз они настаивают, он готов поднять машину в воздух, хоть и не гарантирует безопасного рейса, но может это сделать лишь в светлое время. Ночью, пусть его застрелят, это невозможно.

Воздушные пираты согласились после долгих споров, угроз и уговоров ждать до утра.

Теперь утро приближалось.

У нас оставалось два, самое большее — три часа времени.

Что известно?

Как тщательно ни следил главарь бандитов за переговорами между летчиками и аэропортом и несмотря на то, что переговоры эти велись по-английски, пилотам все же удалось передать существенные данные.

Между прочим, летчики всех авиакомпаний мира имеют теперь свой особый код, с помощью которого незаметно для воздушных пиратов они всегда сумеют передать то, что захотят.

И этому нельзя помешать, разве только прекратить всякую связь между самолетом и землей, что невозможно хотя бы потому, что пираты не смогут тогда диктовать свои условия и выслушивать ответы. Не говоря уже о необходимых технических переговорах.

Итак, известно, что лайнер захвачен четырьмя вооруженными людьми. Что они очень опасны, так как убили уже двух человек, им нечего терять, а следовательно, они пойдут на все.

Известно, что это не политические террористы, поскольку никаких требований в этом плане они не выдвигали. Единственное, что их, видимо, интересует, — это улететь куда-нибудь, как можно дальше, в какую-нибудь далекую от Европы маленькую страну.

В Москве долго анализировали ситуацию.

Стало ясно, что налет совершен четырьмя пассажирами, которые пересели из застрявшего в Шереметьево «боинга», в том числе двумя женщинами, что план захвата лайнера не

был заранее подготовлен, иначе преступники располагали бы взрывчаткой, гранатами, возможно автоматами.

Отсюда следовал вывод, что решение об угоне самолета возникло у них во время полета. Что-то заставило их принять подобное решение на отрезке пути между Москвой и Иркутском.

Видимо, бандитов напугали два других пассажира «боинга», пересевшие вслед за ними в ИЛ-62.

Судя по виду этих двух, можно было предположить, что они являются или агентами полиции, или членами какой-нибудь соперничающей банды.

Возможно, уже в полете между ними возник разговор, в результате которого четверо поняли, что в Токио прилетать им нельзя, и единственное, что остается,— это вынудить летчиков перевести их в другое место, как можно дальше.

Связались с Токио, и все стало ясно.

Вот что нам сообщили, когда мы прилетели на этот дальний аэродром. Никакого облегчения задачи это не принесло.

Наоборот, теперь уже не приходилось сомневаться, что речь идет об очень опытных, решительных, ни перед чем не останавливающихся бандитах, имеющих на своем счету ряд убийств и других преступлений.

Они попали в безвыходное положение, особенно после совершенных уже в самолете убийств.

Даже если оставалось пятьдесят, двадцать пять, да хоть один процент за то, что самолет с поврежденным навигационным оборудованием сможет долететь до намеченного преступниками пункта, они будут настаивать, так как в этом случае у них будет хоть один шанс на спасение. В случае же сдачи властям смертной казни им не удалось бы избежать. Но летчики категорически настаивают на том, что лететь крайне рискованно.

Таким образом, в конечном итоге, ситуация подтвердила решение генерала: риск, что отдельные пассажиры могут погибнуть во время освобождения самолета, был куда меньше, чем вероятность гибели всего самолета в случае, если он полетит по маршруту, указанному бандитами.

Уж я-то представляю, какая колоссальная работа была проделана за эту бессонную для десятков, для сотен людей ночь.

Вызывались специалисты, непрерывно работали линии связи между Москвой и Токио, Москвой и далеким аэродромом, между различными учреждениями, ведомствами, подразделениями Министерства внутренних дел. Регулярно в самые высокие инстанции докладывалась обстановка, шли совещания,

поиски, восстановление картины преступления, выявление личности преступников. Когда принимается решение исключительной важности, решение, от которого зависит жизнь многих ни в чем не повинных людей, важна каждая мелочь, каждая деталь. Принявший решение должен быть уверен, что оно единственно правильное, что сделано все возможное для его обоснования. И другого решения быть не может. Так нас всегда учили. И это одинаково относится и к лейтенанту, и к генералу.

Сомнений не оставалось. Надо было атаковать самолет. Генерал сделал свое дело.

Теперь черед был за нами. Нам предстояло сделать свое. ...Мы двигаемся во мраке, быстро, бесшумно приближаясь к самолету со стороны хвоста, чтобы нас нельзя было увидеть.

Аэродром оцеплен милицией в несколько рядов. Люди заняли позиции на опушках близлежащих лесов, в оврагах окружавшего аэропорт поля, в кустарниках. Снайперы, вооруженные винтовками с инфракрасными прицелами, находятся в здании аэропорта, в навигационной башне, на крышах ангаров и других аэродромных построек. Они залегли вдоль взлетной полосы и рулежных дорожек. Внимательные, настроенные.

Лишь тихие потрескивающие голоса слышатся в портативных рациях, лишь порой в небо взлетают ракеты, оставляя красный или зеленый дымный след.

Застыли с заведенными моторами пожарные и санитарные машины. Притаились машины специальные.

Руководители атаки стоят у передатчиков и телефонов.

Ни одного гражданского лица не осталось в аэропорту. Все полеты в зоне прекращены.

В Москве, за тысячи километров, сидят у аппаратов офицеры милиции. Ждут сообщений.

Речь идет о жизни десятков людей...

Но разве если б речь шла о жизни всего лишь одного, принималось бы меньше мер, меньше людей участвовало в спасательной операции, меньше ответственности чувствовали бы мы?

Да нет, конечно, все было бы так же.

...Мы приближаемся вплотную к самолету. Теперь он нависает над нами своим огромным, кажущимся снизу черным, телом, своими гигантскими крыльями.

Он кажется таким высоким. До его дверей, до трапов, до фюзеляжа так далеко... Он так герметично и надежно закрыт от какого-либо вторжения извне.

До истечения срока ультиматума, то есть до того, как рассветет, остаются уже не часы, а минуты.

Где-то вдаль, на самом краю горизонта, небо бледнеет, желтеет.

И вот наступает момент, когда я трижды мигаю карманным фонариком — «Все готово для атаки».

Казалось, проходит вечность, и на командном пункте мигают три ответные вспышки — «Начинайте атаку!».

Операция по освобождению самолета начинается...

Не проходит и нескольких секунд — мы в самолете.

Глава VIII. В САМОЛЕТЕ

Когда летчик сказал мне, что лететь — равносильно самоубийству, я ответил ему:

— Наплевать, вы должны понять, пилот, что, если мы окажемся в руках полиции, нам смертная казнь обеспечена. А так есть все же шансы спастись. Ясно? Это я к тому говорю, чтобы вы знали — терять нам нечего.

— Вам, может быть, нет, — пытался возразить летчик, — но ведь самолет набит пассажирами. Плевать вам на взрослых, так хоть детей пожалейте — их же двадцать семь.

— Вы что, идиот, — я рассердился по-настоящему, — или притворяетесь? При чем тут пассажиры, дети? Да я не двадцать семь — двадцать семь миллионов детей готов отправить на тот свет, чтобы спасти свою шкуру. А вы мне — дети... Так вот, слушайте: если через час мы не поднимемся в воздух, я пристрелю одного из пассажиров. Еще через час — второго, и не гарантирую, что это будет взрослый.

— Я должен сообщить о ситуации начальству, — говорит летчик. — Без его разрешения я самолет в воздух в таком состоянии не подниму.

И я понимаю, что в этом деле его не переубодишь.

— Сообщайте, — ворчу. — И мои условия тоже.

Ждем.

В салоне, который я приказал ярко осветить, пассажиры неподвижно и молча сидят. На них словно напал столбняк. Дети только тихо плачут, что-то бормочут, но большинство спит.

Белинда так же спокойно, как в первую минуту, стоит с пистолетом в руке в хвосте самолета. Казалось, ее не коснулись усталость и волнения. Молодец все-таки. Внимательно следит за каждым движением, за этими десятками затылков (пассажирам мы приказали не оборачиваться).

А у первого ряда кресел стоит Утиный Нос, и его взгляд тоже непрерывно скользит по салону.

В отсеке возле пилотской кабины сидит на откидном стульчике Ру все с тем же япончиком на коленях. Тот спит себе,

посапывает носом. А она не отнимает пистолета, приставленного к его гладким, черным волосам.

— Ну как, Рокко,— спрашивает Ру,— все в порядке?

Ей-богу, ей все это нравится, для нее идет игра!

С моего разрешения стюардессы унесли тело их убитой подруги в кухню.

Стою у входа в кабину летчиков и внимательно слежу за переговорами с аэродромным начальством.

— У них нет соответствующего горючего,— безразличным тоном сообщает пилот.— Для «Ила» необходимо особое, которого здесь нет.

Врет пилот или не врет? Я не разбираюсь в этих делах. В конце концов, разные марки автомобилей требуют разных сортов бензина. Может быть, и у самолетов так?

— Скажите, чтобы подвезли!— приказываю.

— Везут, но на это требуется время.

— Сколько?

В ответ пилот молча пожимает плечами.

Ждем.

Так дальше продолжаться не может. Надо их встряхнуть.

Смотрю на часы и нарочно громко говорю Ру:

— Если хоть один из летчиков перешагнет порог кабины, стреляй в мальчонку. И скажи мне, если кто-нибудь из них попробует говорить по радио.

Вхожу в салон, куда мы пересадили этих двух типов. Подхожу и жестом приказываю поджарому следовать за мной. Второй при этом весь сжимается, вобрав голову в плечи. Герои!

Прохожу к головной двери, приказываю стюардессе открыть. Струя свежего ночного воздуха врывается в самолет.

Поворачиваю этого типа лицом к выходу, подвигаю на край и стреляю ему в затылок. Грохот выстрела гулко разносится окрест.

Опрокинувшись вперед, тело исчезает в ночи.

Запираю дверь. Стюардесса стоит белая, едва держится на ногах. Иду к кабине летчиков, говорю:

— Можете выбросить свои часы: вы теперь будете знать точное время по моим. Каждый час — один пассажир. Пока не взлетим.

— Но ведь все равно нет еще горючего!— на этот раз кричит пилот. Он не может сдержать себя.

— Пусть поторопятся,— говорю,— если не хотят еще покойников. Передайте.

Летчик поворачивается к рации.

Ждем.

Летчики молча сидят в своей кабине, стюардессы продолжают неслышно ходить по салону, разнося воду, подавая последние остатки лекарств, кому-то массируют сердце, кому-то делают укол. Некоторым пассажирам стало плохо.

Белинда, не скрываясь и не выпуская из руки пистолет, вколола себе уже третью за эту ночь порцию и теперь борется с разными видениями, плывущими перед ее глазами. Хоть бы не подвела!

Утиный Нос — вот тот не испытывает ни малейшей усталости. Он внимательно следит за пассажирами. Надежный парень.

Ру перекладывает спящего ребенка с одного колена на другое и тяжелый пистолет из одной руки в другую. Пистолет-то тяжелей япончонка. Но ей хоть бы что. Железная!

А я спую по самолету, слежу, чтобы ноги не расслабились, подбадриваю своих, особенно Белинду, поглядываю на часы, периодически напоминаю летчикам, что срок ультиматума истекает и, возможно, следующей жертвой я выберу кого-нибудь из них...

На щеках у меня иссиня-черная щетина, глаза болят, но пистолет я держу твердо — пусть кто попробует шелохнуться! Но что это?..

Глава IX. НЕ ЛЮДИ, А ЧЕРТИ!

Я, Джон Леруа, бывший агент отдела по борьбе с воздушными террористами, ныне сотрудник отдела по борьбе с контрабандой наркотиков, красавец, атлет, любимец женщин, я многое повидал в жизни.

Я бывал в разных интересных странах и городах. А какие у меня были романы!

И какая есть квартирка, и какой должен быть загородный домик, и какие машины!

И все это я бы отдал, согласился превратиться в того дряхлого америкашку с бельмом, сухой рукой и хромого, что сидит в последнем ряду, лишь бы не пережить то, что я пережил в эту ночь.

Я даже не представлял себе, что один человек может испытать столько страха, волнений и остаться в живых. Надо сходить в медицинский институт и продать им мое сердце после смерти. Пусть заспиртуют и выставят в каком-нибудь музее — самое крепкое сердце за всю историю человечества!

Вы знаете, у нас в отделе работал один парень. Он был сумасшедшим. Не удивляйтесь — у нас в полиции много су-

масшедших. Они потому туда и идут. Или такими становятся. Ну какой нормальный человек пойдет работать в полицию, если приходится переживать то, что я пережил в эту ночь?

Я, конечно, тоже рано или поздно стану психопатом.

Есть такая научная теория, что все преступники — люди психически не совсем полноценные, во всяком случае — с отклонениями от нормы. Не знаю. Те, кого я встречал, очень даже нормальные и прекрасно знают, чего хотят. А вот полицейских у нас «с приветом» встречал очень часто.

К чему это я? Ах да, тот парень из нашего отдела. Сначала никто ничего не замечал. А потом он стал очень мрачным, молчаливым, словно застывшим. Как-то, когда мы шли по улице, показал мне на высоченный дом и совершенно спокойно заметил: «Вон с той крыши я брошусь». Другой раз приоткрыл чемоданчик, который нес в руке (а там ничего нет, кроме веревки), и шепчет: «Это я чтобы повеситься, все времени не выберу».

В конце концов он таки застрелился.

Но что я хочу сказать? Однажды я спросил у него:

— Ну, что ты такой мрачный, все о самоубийстве говоришь? Зачем тебе самоубийством кончать? Что, ты плохо живешь?

— Очень плохо, ты не понимаешь,— говорит.

— Ну чем плохо,— допытываюсь,— что ты чувствуешь?

— Представь,— отвечает,— что ты стоишь на высоченной скале над пропастью. И кто-то неожиданно толкает тебя в спину, и ты начинаешь, именно начинаешь, падать в эту пропасть. Понимаешь, что не за что удержаться, всякая надежда потеряна, внизу тебя ждет ужасная смерть. Потом, когда человек летит вниз, он, наверное, уже теряет ощущение реальности, может, и рассудок. Но вот этот первый момент — самый ужасный, невыносимый. Он длится секунду, может, две. Так вот, у меня это ощущение — двадцать четыре часа в сутки. Понял? Ем, работаю, хожу, лежу ночью без сна — и все время это кошмарное чувство. Можно так жить, скажи? Нет, лучше самому в эту пропасть прыгнуть...

Вот тогда-то он и показал мне крышу высокого дома.

Я его уговаривал, советовал. Ничего не помогло, пустил себе пулю в лоб.

К чему это я? Ах да. Так вот, теперь я понимаю, что чувствовал тот парень, которому казалось, что он летит в пропасть. Тогда я его не понимал. Теперь понимаю. Понимаю, что значит умирать целую ночь подряд. Все время испытываешь невыразимый ужас, чудовищный ужас падения в бездну, неотвратимой гибели.

Но расскажу все по порядку.

Значит, летим. Летим и беседуем с моим соседом — парикмахером. Он восторженно повествует мне о прическах — оказывается, это целое искусство, особенно дамские. Их миллион сортов. И, например, сделать прическу «Улитка в скорлупе» блондинке — это то же, что мужчине ходить в юбке (если он не шотландец). Это скандал, это вопиющая безграмотность! Не меньше, чем сделать прическу «Пизанская башня» брюнетке или «Ниагарский водопад» — рыжеволосой.

Это он внешне кажется сухим, волевым, энергичным. А в действительности какой-то восторженный идиот, который, кроме причесок, ни о чем говорить не может, а о них говорит так, словно описывает любимую женщину.

Я слушаю вполуха, а сам поглядываю за моей четверкой. Мне все больше и больше не нравится их поведение. Чего это они ходят-бродят по самолету, присматриваются к пассажирам, особенно к детям, высматривают, примериваются.

Словно хотят выпрыгнуть на ходу.

Уж не намерены ли они, как только мы приземлимся, открыть аварийные трапы и, выбросив желоба, съехать по ним и скрыться в суматохе аэродрома? Надо надеяться, что наши коллеги предусмотрели такую возможность и соответствующим образом расставили своих людей.

Но все же я прикидываю, как буду действовать в этом случае. Это смотря кто первым будет спускаться. Если женщины, то обоих мужчин я пристрелю. Вступать с ними в рукопашную — дураков нет. Они слишком опасны. Если, наоборот, они выскочат первыми, то уж девчонку-то я задержу. А может, только все испорчу этим, раскроюсь? Может, надо им бежать, японцы тоже мешать не будут, а незаметно проследят за ними. Ведь конечная цель операции — выявить их связи с местными токийскими поставщиками наркотиков, а если я начну в них стрелять или хватать их, то какая уж тут слежка. С другой стороны, не задержу — могут смататься.

Вот положение! Неизвестно, как поступить.

Ладно, думаю, подождем, что будет дальше, до Токио еще далеко, может, прояснится ситуация.

— ...А уже эти локоны вы накладываете сверху, и тогда получается словно крупная чешуя, только не спутайте с «Буксиром в порту», при «Буксире в порту» локоны выворачиваются... — бубнит мой сосед.

Но мне не до него. Смотрю, моя подопечная, та, что постарше, Белинда, поднимается и не спеша идет в хвостовой туалет. Неужели опять колотиться? Она же недавно это делала — я сразу понял, глаз на эти дела у меня, слава богу, наметанный.

Тем временем девчонка тоже уходит в носовой туалет. Рокко за ней. Странно, он же знает, что туалет занят. Стоит, ждет...

Ох, как все это мне не нравится. Не знаю уж, какой я полицейский, плохой или хороший, но нюх у меня будь здоров, не проходит все же время даром, обучаешься кое-чему. Ну вот всем сердцем — нет, не умом, всем нутром чувствую, что сейчас что-то произойдет! И ничего не могу сделать. Как тот парень, что падал в пропасть, — не за что зацепиться, не на чем удержаться. Сию минуту начнется падение...

Может, другой на моем месте, не колеблясь, прострелил бы этому Рокко и его сообщнику башку, может, скомандовал «Руки вверх!» или быстро приблизился к ним и, незаметно угрожая пистолетом, разоружил... Не знаю, что сделал бы другой на моем месте. Я не делаю ничего. Я сижу на своем месте и потею от страха. Словно сквозь вату доносится до меня занудный голос:

— ...Но челки на выпуклом лбу — это вам не челки на прямом. Тут нужна двойная обтекаемость, иначе вам не только «Шапки Мономаха» не сделать, а и «Дуба с желудями», что сегодня особенно модно...

Вот тогда все и происходит.

Происходит молниеносно.

Рокко выхватывает пистолет и громко кричит:

— Похищение! Всем руки на затылок!

Девчонка вырывает у какой-то японки маленького ребенка с такой быстротой, с какой карманники сумочку у зазевавшейся прохожей. Унося ребенка, она вместе с Рокко исчезает в направлении кабины пилотов. А на их месте у первого ряда возникает «боксер» с расплюснутым носом.

Первое, что он делает, это приказывает мне и парикмахеру перейти из салона первого класса в туристский.

В руках у него пистолет, а в глазах я читаю сожаление, что никто не встал, не приподнялся, чтобы можно было всадить такому пулю в лоб, что мы с парикмахером ни на секунду не задерживаемся и плюхаемся на первые же свободные места. Где-то в десятом ряду.

Мне не надо оборачиваться, чтобы знать, что Белинда стоит в хвосте салона у нас за спиной и что в руке она держит не губную помаду и не флакон одеколона.

Она негромко командует:

— Руки на затылок, не оборачиваться, первого, кто обернется — пристрелю.

Ее тихий голос слышен в салоне так же ясно, как если бы она орала в мегафон.

В самолете мертвая (самое подходящее слово) тишина.

Мы все сидим, положив руки на затылок и стараясь вдавиться в кресла.

Где-то там, за занавесками возле кабины пилотов, слышен приглушенный выстрел, возня, затем голос Рокко, он что-то кому-то приказывает, потом громкий голос стюардессы, передающий приказания летчикам, еще какие-то голоса.

Мой сосед парикмахер растерянно смотрит на меня и шепчет:

— Что это значит? Надо выяснить у стюардессы.

— Сидите и помалкивайте, — говорю, — самолет захвачен преступниками, уж не знаю, зачем.

Но я прекрасно понимаю, зачем.

Они догадались, что «засвечены». И скорее всего, потому что приметили меня и поняли, кто я. Поняли, что в Токио им путь закрыт. Теперь попытаются угнать самолет в какую-нибудь страну подальше. И там попытаются скрыться.

А вот что они сделают со мной? Убьют сразу? Постараются выяснить у меня, что известно полиции? Пристрелят со злости?

В эту минуту я за свою голову не то что гроша ломаного — кроличьего вздоха бы не дал. Прощай, дорогой Джон Леруа, да будет земля тебе пухом...

Но у бандитов другие дела. Идут, видимо, переговоры с летчиками, с землей, они выдвигают требования, с ними спорят, они угрожают, им уступают. Словом, обычная история, которая происходит при захвате самолета. Все это мне хорошо известно, все же кое-чему нас учили.

Наконец я чувствую, как самолет разворачивается на новый курс. Какой? Судить трудно, но, видимо, к границе Индии или Ирана. Куда же мы полетим? И хватит ли горючего? Там ведь Гималаи.

Из носового салона появляются стюардессы. Только самой хорошенькой, сероглазой нет. Бледные лица, заплаканные глаза, но держатся. Молча делают свое дело. Белинда эта разрешает нам опустить руки, еще раз предупредив, что при малейшем подозрительном движении будет стрелять, стюардессам разрешает принести пассажирам воды, разных успокоительных порошков, детям разрешает выйти в туалет.

До чего гуманные бандиты!

Где-то там, в носу самолета, в пилотской кабине, идут переговоры, решается наша судьба.

Вернее, она решается на земле, на ближайшем аэродроме, в ближайшем городе.

А еще вернее, она решается в Москве.

О случившемся уже доложили, конечно, русскому полицейскому начальству. Там совещаются, решают, как быть, принимают меры.

Какие?

Вот это главное.

Выполнят ли требования этих четырех мерзавцев, как предписывают международные соглашения, или откажутся? Тогда тут такая мясорубка начнется, что только держись. И первого в котлету превратят Джона Леруа!

Они, вообще-то, русские, знакомы с этим делом — как освободить самолеты? Мы не знаем. Были у них два-три случая угона. Даже убили стюардессу. Словом, ничего не знаю об этом.

Да и черт с ним! Мне сейчас наплевать на всю мировую практику борьбы с воздушным пиратством. Меня интересует только вот этот наш конкретный случай, а в нем совершенно определенное лицо — Джон Леруа, который во что бы то ни стало должен остаться в живых.

Во что бы то ни стало!

Самолет начинает снижаться. Как это я не подумал, без дозаправки он, конечно же, никуда не долетит. Во всяком случае, туда, куда наверняка хотят бандиты.

Сейчас сядем заправляться.

У меня мелькает безумная надежда. Может, нас всех освободят, выпустят? Потребуют огромную сумму выкупа и освободят?

Я бы на их месте именно так поступил. Почему не заработать? Все равно терять нечего.

Но тут же меня окатывает волна ужаса. Всех освободят, а меня пристрелят! Я же полицейский, их злейший враг. Если уж на то пошло, то все произошло из-за меня.

Самолет приземляется тяжело, со стуком и толчками. Наверное, незнакомый летчикам аэродром или неподготовленный.

Я знаю, что сейчас происходит на земле. Аэродром оцепляют, подтягивают полицию, вокруг самолета в укромных местах расставлены бронетранспортеры с пулеметами, пожарные на своих пеноструйных машинах стоят наготове на случай взрыва самолета.

В здании аэропорта готовят операционные, собирают врачей, подгоняют санитарные автомобили.

Наш лайнер рулит очень долго в какой-нибудь дальний конец аэродрома, чтобы не пострадали здания и другие самолеты при взрыве. Незаметно на него нацеливают незажженные пока прожектора.

Специальные команды уже наготове, они подбираются к самолету...

По крайней мере, так происходило бы у нас.

Не всегда у нас это дело удается — освободить самолет.

Самое удачное — это тогда, с «Люфтганзой». Хотите, расскажу? Хотите? Ну тогда слушайте.

С курорта летел «боинг» «Люфтганзы». Человек полтораста пассажиров, не считая экипажа. Вдруг четверо поднимаются с автоматами, орут: «Похищение! Всем руки на затылок!»

Ну все, конечно, начинают первое упражнение гимнастики. Двое из пиратов к летчикам ворвались: «Поворачивай на проселок!» Двое других раскидали по проходу взрывчатку, полили виски и коньяком из бара (не пожалели, вот люди!) и стоят, смотрят, не шевелится ли кто. Никто не шевелится.

И началось жуткое воздушное путешествие. Четыре дня по свету мотались — никакая страна их не принимала, никто их требований не выполнял. Они совсем озверели — первого пилота убили: он сумел, когда вел разные технические переговоры с аэродромами, сообщить, сколько пиратов, чем вооружены, где расположились в самолете. Так они его на колени поставили в центре прохода и в затылок пулю пустили, чтоб все видели. А в самолете дети, женщины, сердечные больные. Начались истерики, у кого-то приступ...

Вот так они болтаются из страны в страну, от аэродрома к аэродрому и не знают, что за ними другой «боинг» летит. Нашей службы, до краев набитый такими вот Леруа. Летит себе тихонько, огней не зажигает, радиосигналов не подает, чтоб пираты не засекали.

И ведет его отчаянный парень, я его немного знаю, только не знаю, как его компания держит, — большой любитель к бутылке приложиться и вообще шалопаи. Но ас! Летчик (когда трезвый) уникальный. Так оказалось, что в похищенном самолете стюардессой его невеста. Мне потом говорили, что его едва ли не связать пришлось, когда наши пошли освобождать «боинг». «И я пойду! — орет. — Я их там на куски изрежу! Дайте я пойду!»

Ну совсем где-то в Африке нагнали пиратов. Незаметно в темноте сели. Подобрались к самолету и атаковали. Здорово получилось.

Двери взорвали точно и синхронно, хотя дело и рискованное: чуть переборщишь — и заложников перебьешь. Потом набросали внутрь шоковых гранат. Такие теперь изобрели — от них осколков не бывает, но такой грохот и такой яркости световая вспышка (прямо как при атомном взрыве, говорят), что повреждений нет, а просто все обалдевают, цепенеют, приходят в состояние шока. Все — и захваченные и захватчики. На шесть секунд. Вот в этом вся соль: надо не больше чем за шесть секунд обнаружить и обезвредить террористов

Самолет-то огромный, несколько салонов, а на каком-нибудь «Боинге-747» еще второй этаж. Так что дело не простое.

Но поскольку тот летчик (молодчага все-таки, я бы так не смог) точно указал, где эти бандиты находились, то их тут же всех и укокошили.

Шесть секунд вся операция, и никаких потерь!

Потом газеты всего мира целую неделю только об этом и писали.

Представляете, как на меня после этого девушки смотрели, когда узнавали, к какой я службе принадлежу! Тем более, что я эдак туманно намекал, что кое-какое отношение к той операции имею. Да, хорошее было времечко!

Среди тех, что эту операцию осуществили, меня, конечно, не было. Это я вам так, доверительно сообщая, не надо дальше распространять. Жаль, конечно. Но зато ведь не было меня и среди тех наших ребят, кого пристукнули. А мог же оказаться. Надо считать — повезло.

Я и считаю.

Так, если повезет, происходило б у нас. Как у русских, я не знаю. Может быть, у них ничего этого нет — они не очень-то привыкли к таким делам. Может, просто заправят, и все, летите себе, голубчики, добрый вам путь...

Самолет останавливается, двигатель замолкает, и наступает жуткая тишина.

Там, возле кабины летчиков, продолжаются переговоры. Теперь в тишине, напрягая слух, я могу кое-что разобрать. Рокко требует, летчики передают это властям, те отвечают, летчики сообщают Рокко ответ. Он спорит. Что-то не получается.

Потом долго никаких разговоров.

В салоне — еле слышные перешептывания, хныканье детей, стоны тех, кому сделалось плохо, ласковые голоса стюардесс, помогающих больным, ухаживающих за детьми. Но слышен и храп, кто-то спит — ах, это те два здоровых бордача.

Периодически за нашей спиной слышно сухое покашливание Белинды. Это она дает понять, что внимательно следит за нами. А впереди я вижу «боксера». Ну и морда! Глазки так и бегают, пистолет в опущенной вдоль тела руке. Но меня не обманешь — уж я представляю, с какой быстротой он начнет стрелять, если потребует. И с какой точностью.

Вдруг в салон входит Рокко, он решительным шагом направляется ко мне!..

Холодный пот течет у меня по спине, ноги отнимаются; если б даже я захотел сейчас встать, то не смог. Пришел мой

смертный час. Он убьет меня! Прямо сейчас! Я закрываю глаза, мне трудно дышать...

Но Рокко молча делает знак моему соседу парикмахеру следовать за ним, а мне лишь шепчет: «Следующая твоя очередь».

Они уходят в нос самолета.

Видимо, открывается дверь, потому что в салон, где царит страшная духота, проникает струя свежего воздуха.

Ясно — они выпускают несколько заложников в обмен на что-то или одного этого парикмахера, чтобы рассказал, что происходит в салоне. (Иногда воздушные пираты так делают) Но почему его?

И вдруг кровь застывает у меня в жилах — я слышу звук выстрела!

Затем закрывается дверь — приток свежего воздуха прекращается.

Я достаточно разбираюсь в этих делах, чтобы понять: через определенные промежутки времени они будут убивать заложников, одного за другим, пока не будет выполнено какое-то их требование. Какое? Тут я вспоминаю, что не было дозаправки. Я бы услышал.

В чем дело? Русские отказались? Или какие-то другие причины?

Одно ясно — Рокко сказал мне об этом недвусмысленно — следующей жертвой стану я!

И еще одно: теперь уже ждать от бандитов, чтобы они сдались, не приходится. Они хладнокровно на глазах у всех совершили убийство. А ведь до этого был выстрел; быть может, застрелили кого-нибудь из летчиков или того ребенка?

Ну что ж, я их понимаю — терять им нечего. И без этих убийств им была обеспечена смертная казнь или пожизненное заключение — не только за захват самолета, но и за все их прошлые дела. А уж теперь...

Одно я так никогда, наверное, не пойму — почему из десятков пассажиров в качестве своей первой жертвы они выбрали этого беднягу парикмахера? Вот тебе и «Пизанская башня», и «Буксир в порту»...

Понимаю, если б меня, но его...

А меня может спасти только чудо!

Опять тянется невыносимое ожидание.

В салоне духота. Слышно тяжелое дыхание, надрывный кашель, детский плач. Многие пассажиры, не выдержав напряжения или наглотавшись снотворного, спят.

Стюардессы по-прежнему ходят по салону, помогая чем могут.

Периодически слышен голос Белинды:

— Не вставать! Руку из кармана! Буду стрелять!

Это она на всякий случай: мол, не дремлет, все видит, все замечает.

А вот «боксер», тот-то уж наверняка все замечает, от его кабаньих глазок ничто не укроется.

Слышу снаружи какой-то шорох, возню, шум мотора, стук. Ага, это подошел заправщик. Слава богу! Требование бандитов выполняется — идет заправка самолета. И я уношусь в мечту — вот мы поднимаемся в воздух, летим, летим и, наконец, приземляемся на каком-нибудь индийском или иранском аэродроме. Налетчики сдаются, а нас всех выпускают и отправляют домой.

Ох, как хочется жить! Только бы жить!..

На меня постепенно тоже нападает оцепенение. Невозможно, чтобы столько времени нервы были натянуты, как струны у рояля.

Надежда сменяется равнодушием. Ну убьют, ну освободят, не все ли равно, пусть будет что будет...

Наверное, я задремал. Очнулся, посмотрел в иллюминатор: по-моему, стало светлей; бросаю взгляд на часы; видимо, скоро рассвет. Но который час? Черт его знает, я ведь не знаю, где мы.

Вот тогда-то, когда и я, и, наверное, другие пассажиры, да и сами бандиты меньше всего об этом думали, все и происходит!

Да, ту ночь я не забуду никогда. И никогда не забуду эти короткие секунды, пока все происходило.

И людей этих тоже никогда не забуду...

Как они оказались в самолете? Откуда? В какой момент? Я ведь профессионал, но не могу ответить на этот вопрос. Их было немного, но с какой фантастической быстротой, с какой невероятной точностью они действовали! Не люди, а черти!

Сейчас я вам это опишу подробно.

Но учтите, все продолжалось не больше времени, наверное, чем мне потребовалось, чтобы написать эту фразу. Так что я вам как бы прокручу это в замедленной съемке. Ну, знаете, как по телевизору во время футбольной передачи повторяют забитый гол. Поняли?

Так вот: первый, с кем они покончили, был «боксер». Он действительно с поразительной быстротой поднял свой пистолет. Но если уж говорить о поразительном, так это то, что парень, в которого он целился, оказался быстрее! Тот парень даже не поднимал руки — казалось, он стреляет не целясь, даже не глядя на «боксера», откуда-то снизу. Я глазам бы

своим не поверил, если б не дырка у «боксера» во лбу. Маленькая дырка!

Я вам, кажется, уже говорил, что мог бы выступать в цирке с номером стрельбы из пистолета. Но я бы такого не сумел! Этот парень явно выбрал не ту профессию — в цирке Медрано или на ярмарках он бы с такими данными давно стал миллионером.

Нет, как он его!..

Поверите, у меня будто гора с плеч. Когда я увидел, как грохнулся этот подлец, я словно вновь родился! Я понял, что буду жить! Жить! Жить!..

Обернувшись, я увидел Белинду. Она не успела даже руки с пистолетом поднять, как пистолет этот у нее выбил другой парень и одной рукой так скрутил ее, что она превратилась в куклу. Знаете такую куклу? Вроде человек, а в то же время неподвижный манекен, только глаза блестят. Ох и злобы в этих глазах! На весь мир хватило бы. Но что же это был за прием? Я такого не знаю, даже разглядеть не успел. Они невероятно, феноменально, просто не по-людски быстры, эти ребята. Какие-то метеоры! Будто в старых кинолентах, помните, где все так быстро-быстро движется, что и уследить не успеваешь? Это очень смешно.

В фильмах. Не здесь.

И не для всех. Для налетчиков, например, какой уж смех...

Но главное происходило в голове самолета — занавески были сорваны еще Рокко, чтобы он мог видеть все, что делается в салоне. И с моего места мне тоже было видно.

Значит, там дело происходило так (можете мне поверить — зрение у меня дай бог, я все разглядел).

Диспозиция была следующая: эта маленькая змея сидела на откидном стульчике для стюардесс, на коленях у нее лежал ребенок-японец, в руке был пистолет. Теперь я понимаю, чем они держали летчиков: грозили, видимо, пристрелить ребенка, если те будут артачиться. А Рокко стоял в проеме двери, которая ведет в пилотскую кабину, и следил за летчиками.

Когда те двое парней свалились на бандитов словно снег на голову, девчонка промедлила лишь секунду и, направив пистолет в голову ребенка, нажала спуск.

Я потом долго не мог забыть выражение ее глаз. Думаете, отчаянное? Испуганное? Злое? Не угадали. Абсолютно равнодушное! Словно делала привычное дело. Сидит такая где-нибудь на ткацкой фабрике за каким-нибудь станком или еще где, раздаает звончек, свисточек — словом, сигнал, она и нажимает кнопку, ну такой трудовой процесс, работа такая.

И вот так же спокойненько она нажимает на спуск своего пистолета, а что сейчас пуля разнесет голову ребенка, ее совершенно не интересует.

Только пуля в ребенка не попадает. Один из тех успевает разгадать, предусмотреть, предупредить ее жест — он все с той же поражающей меня быстротой успевает подставить свою руку и принять пулю на себя.

Я после, как профессионал, анализировал, почему он так поступил, пожертвовал рукой? И понял: другого выхода у него не было. Любое другое решение потребовало бы больше времени: выстрелить в нее, оттолкнуть, схватить — ничего этого при всей своей феноменальной быстроте он бы сделать не успел.

Только пожертвовать рукой..

Или ребенком.

Так вот, за пол... нет, за четверть, нет, за сотую, наверное, долю секунды он успел все рассчитать, все продумать, решиться на эту жертву и провести свое решение в жизнь!

А может, он не рассчитывал, может, не продумывал?

Может, когда увидел, что смерть угрожает ребенку, он первым делом заслонил его?

Почему? Не знаю. Может, в них это заложено, в этих ребятах, может, они просто не представляют, как можно иначе. Не знаю, может быть, у нас все по-другому. Во всяком случае, я бы так, наверное, не поступил.

Одну пулю он принимает в руку, а в пистолете-то еще восемь. Но эта стерва не успевает их выпустить. Второй парень уже скрутил ее так же, как Белинду. Что все-таки это за прием? Жуткое дело!

И не потому, что женщина. Ясно, что и мужчину они могут так же.

В чем я убеждаюсь очень скоро.

Пока этот парень скручивает девчонку, раненый, у которого теперь действует только одна рука, вступает в схватку с Рокко.

Еще в первое мгновение он ногой выбил у Рокко пистолет. Когда же он отвлекся на девчонку, Рокко пистолет подобрал и теперь, направив его в грудь атакующего, хочет выстрелить. Но парень здоровой рукой снова вышибает оружие, и пуля летит в потолок.

Рокко бросается на него. У него-то обе руки целы. И тут происходит что-то непонятное: парень словно взлетает в воздух. Его ноги обвивают шею Рокко, оба падают, но Рокко не может сделать ни одного движения. Он взят на болевой прием! Поняли? Одной рукой. Ну и ногами, конечно. Но рукой-то

одной тот взял Рокко на болевой прием! А между прочим, свои девяносто килограммов Рокко так и весит.

Ну, тут из кабины выскакивают летчики.

Они этого Рокко быстро скручивают, и, честно говоря, без особой нежности.

Вот и все.

Схватка закончена. Она длилась секунд пять, может, шесть...

Бандиты взяты. Мы освобождены. А главное — я жив!

Выволакивают «боксер», уводят Белинду, эту маленькую змею, Рокко. Осторожно выносят тело сероглазой стюардессы. Это ее убили бандиты, когда прозвучал первый выстрел.

На борт сразу же поднимаются врачи. Они перевязывают руку того парня, качают головами — ранение, видимо, серьезное, оказывают первую помощь пассажирам (некоторые не выдержали всего этого — с ними обморок).

Всех эвакуируют из самолета. В первую очередь детей.

И вы не поверите мне, тот маленький японец, которого держали заложником и которого ценой руки спас русский полицейский, спал! А? Что вы на это скажете?

За детьми следуют женщины, старики; мы — я и оба эти бородача — выходим последними. Они протрезвели, идут тихо, оглядываются.

Я выхожу на свежий воздух.

Как это замечательно — свежий воздух!

Заря захватила небо. По нему разливается желтизна, где-то за горизонтом скоро поднимается солнце, уже появились розовые краски.

Дует свежий ветерок. Он несет запах деревьев, трав...

На аэродроме большое движение. И я вижу, какие огромные силы были приведены в действие. Я много чего вижу. Да, у русских на этот счет техника имеется не хуже, чем у нас! Вот уж не подумал бы. Самолеты-то у них, поди, раз в год угоняют, не то что у меня на родине. А вот ведь все предусмотрено, есть у них и техника и люди.

Не люди, а черти!

Глава X. И СНОВА ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ АЛЕКСЕЯ ЛУНЕВА

— Ну что, товарищ Лунев, товарищ старший лейтенант Лунев, — улыбается врач и косит глаз на мои еще лейтенантские погоны, — прощайте. Знаете, госпиталь, наверное, одно из немногих мест, где лучше, чтобы тебе говорили «прощайте», чем «до свидания». Желаю успеха!

— Спасибо за пожелание, — говорю, — и за все спасибо.

Я ничего не понимаю в медицине. Когда меня тогда вывели с перевязанной рукой из самолета (сам шел), мне казалось, что это ерундовое ранение. Провалиться же пришлось в госпитале страшно долго; три операции... Из-за чего? Нерв какой-то поврежден, кость раздроблена...

Тогда же на аэродроме все было так здорово! Уже потом я понял, насколько серьезные были у нас противники, когда читал протоколы их допросов. Ну, а операцию мы провели неплохо. Не обвиняйте меня в нескромности. Я ведь это только вам говорю.

А по службе — «задание выполнено», доложили, и все.

Но задание-то было (это опять-таки только вам) чертовски трудное. И вот то, что все прошло, как любят выражаться космонавты, нормально, что не было потерь, никто из пассажиров и из наших не пострадал (разве что рука моя, так это не в счет, издержки производства), то, что не зря готовились, не зря тренировались, что «все системы» себя оправдали, — вот это главное.

Во всяком случае, первое, что я испытал тогда, спускаясь по трапу, это чувство удовлетворения.

Меня сразу утащили на разные операции, уколы, перевязки, рентгены и всю эту муру.

Я протестовал, отбивался, пока старший врач не прикрикнул на меня:

— Слушайте, Лунев, мы, врачи, ведь не лезем задерживать преступников, это ваша работа, так уж, будьте любезны, и вы не лезьте в нашу! Я врачом работаю дольше, чем вы на свете живете. Шагом марш в операционную!

Ну что тут будешь делать.

На следующее утро ко мне допустили только одного посетителя — женщину, японку. Вернее, двоих — еще ее сына, того малыша, которого бандиты держали заложником.

Японка говорила очень быстро и много, а переводчик переводил всего несколько фраз — он так и пояснил:

— Понимаете, она очень красиво говорит, цветисто — я суть передаю.

Она сказала, что не забудет никогда то, что я сделал для нее, для ее мужа, для ее отца (многих родственников перечислила), последним назвала Сосо — так зовут мальчугана.

Смешной, наверное, Вадиму ровесник. Аккуратненький, чистенький, кожа гладкая, глаза черные-черные. И не разглядишь в щелках. Очень воспитанный, тихий.

Мать сказала, что теперь я ее сыну вроде второго отца, потому что благодаря мне он как бы снова родился на свет. А иначе... (тут она всякую мистику развела — переводчик

объяснил). Теперь, говорит, каждый год в этот второй свой день рождения Сосо будет мне присылать открытку, рассказывать о себе. Когда научится писать, конечно.

Пригласила в гости в Японию.

Потом подтолкнула ко мне сынишку. Тот подошел, чего-то пролепетал (поблагодарил — объяснил переводчик), погладил мою перевязанную руку и поклонился. Низко, а руки по швам держал. Мать тоже так.

Ну, вот и расстались.

Я действительно получил очень красивую открытку — роща зеленого бамбука и маленький пруд. На обороте один большой неумелый иероглиф — это, видимо, Сосо изобразил. До сих пор так и не знаю, что он означает. Может быть, солнце? Потому что в углу открытки также неумело, уж наверняка тем же Сосо, нарисовано солнце и человек — небось он сам.

Мне потом Коршунов рассказывал, как все было.

Пассажиров увезли в город, разместили в отеле.

Все благодарили, особенно американские туристы — они сказали, что это было замечательным дополнением к их туристической программе.

Бородачи подошли, спросили, кто у нас начальник, и обратились с просьбой — нельзя ли хоть на полчаса выдать им главаря бандитов.

Они дают слово, что то, что от него останется, вернут обратно.

Японцы составили делегацию и поехали к председателю горсовета официально выразить благодарность.

Советские пассажиры жали руки моим товарищам, а женщины всплакнули, целовали нас.

Летчики и стюардессы были безутешны. Они тяжело переживали гибель подруги.

А на следующий день все пассажиры полетели дальше — рейс продолжался.

Жизнь тоже.

Не для всех, правда.

Преступников судили. На открытом заседании. Понаехали журналисты, в том числе иностранные. Выступило много свидетелей. Я тоже. И еще их полицейский — с таким смешным сочетанием имени и фамилии: Джон Леруа. Мы с ним много общались, и я прозвал его «Петрович». Он спросил, почему. Не знаю, говорю; Джон, Леруа, пусть еще Петрович прибавится. Смеется.

Он работал агентом отдела борьбы с воздушным терроризмом, потом в отделе по борьбе с контрабандой наркотиков и считает, что из-за него весь сыр-бор загорелся. Мол, заме-

тили его во время пересадки в Москве Рокко и компания и поняли, что к чему.

На процессе выяснилось, что он таки прав. Бандиты все рассказали. Они, между прочим, ничего не скрывали. Назвали всех своих клиентов, поставщиков, все свои связи, всех сообщников.

Удивляться тут нечему. Я давно заметил, что пресловутая воровская солидарность, когда пойманный преступник якобы молчит, словно воды в рот набрал, и не выдает сообщников,— легенда, романтическая сказочка.

Они так валят друг на друга, так стараются друг друга утопить, лишь бы сделать это раньше остальных, что любо-дорого смотреть!

Поверьте — нигде вы не сыщете столько предательства, подлости по отношению друг к другу, злобы, зависти, готовности выдать сообщника (если, конечно, самому хуже не будет), сколько в преступной среде.

А легенды о солидарности сами же воры и поддерживают.

Белинду приговорили к пятнадцати годам, Рокко и вторую женщину — ту, что убила стюардессу, — к смертной казни.

Это никого не удивило. В том числе и самих преступников.

Белинду направили на лечение — она, оказывается, уже была наркоманка со стажем.

Рокко, выслушав приговор, только усмехнулся. «Надо было раньше выходить из игры», — пробормотал.

А та молоденькая произнесла целую речь: в последнем слове во всем обвинила своих родителей, несовершенство современного общества, непонимание взрослыми молодых, отсутствие подлинной свободы личности, чтобы каждый делал, что хочет, «и, — добавила она, — убивал, кого хочет». Словом, несла всякую ахинею.

Ее даже подвергли медицинской экспертизе, но признали абсолютно нормальной.

Хотели приехать ее родители. Им разрешили даже с адвокатами. Но девчонка заявила, что не желает их видеть, ненавидит и, если они приедут, она покончит с собой.

Да, так вот этот Леруа. Мы много с ним беседовали, он интересовался всякими техническими подробностями — какие, например, приемы самбо применяли.

Когда прощались, сказал:

— До свидания, друг, может, еще встретимся, желательно в другой обстановке (смеется). Что тебе сказать? У вас одно, у нас другое, по-разному мы к одним и тем же вещам и делам относимся. Но хочу, чтоб знал: таких, как ты, я всегда буду уважать. Тебе от этого толку мало, потому что я не-

многого стою, и уважение такого человека, как я,— не велик подарок. Зато, скажу тебе по секрету, я никого никогда в жизни не уважал, нет вокруг меня таких, не встречал, что поделаешь. А вот тебя — уважаю. Ты человек! И ребята твои тоже. Будь здоров.

Он уехал. И уж не знаю, где теперь и что делает...

На следующий день после всей этой истории, когда я лежал в госпитале (как раз только что ушли Сосо и его мать), прилетела Лена.

Она не плакала, не распускала нюни.

Вошла деловитая, нахмуренная, с какими-то банками с компотом (наверное, условный рефлекс: раз в больницу — значит, тащи компот).

Подошла к постели.

— Какая рука?— спрашивает.

Я здоровую руку выпростал из-под одеяла, она к ней прижалась щекой, да так сильно... Долго-долго сидела неподвижно.

— Ну и черт с ней,— говорит неожиданно,— главное, что жив, правда?

— То есть как это черт с ней?— спрашиваю.— Это с кем черт? С моей рукой? Легко бросаешься. Она мне еще пригодится. Через месяц все пройдет.

— Конечно,— говорит,— это я так, к слову. Вадим просил, чтобы ты долго не задерживался. У него какие-то важные дела к тебе.

— Какие?

— Не знаю, не говорит. Сказал: «Папе расскажу». Я спросила: «А мне?»—«Ты мама»,— отвечает. И знаешь, таким тоном, будто говорит: «Ты еще маленькая». Как тебе это нравится!

— Ну что ж, правильно: у нас, мужчин, знаешь, свои дела. Вы, женщины, в них ничего не понимаете,— эдак свысока цежу.

Лена возмущается:

— Вадим — мужчина? Соплячок!

— Ну ладно, не ревнуй,— успокаиваю ее.— Если Вадим разрешит, посвятим тебя в тайну.

Тайна оказалась важнейшей, грандиозной, можно сказать. Вадим принял решение: он станет милиционером! К этому великому решению он пришел не сразу, не без колебаний и мучительных сомнений.

Пришел через полярника и космонавта, летчика и моряка, водолаза и шофера, кондуктора и хоккеиста, телевизионного мастера и ночного сторожа в детском саду, через водопроводчика и участкового врача... Словом, через всех, с кем сталкива-

да его не очень-то долгая жизнь и иллюстрации в книжках, которые я ему читал.

Но теперь выбор был сделан окончательно и бесповоротно: он станет милиционером!

Если возможно, то конным. Если нет, то хоть «мотоциклетным». Милиционером он, судя по всему, намерен стать очень хорошим. Во всяком случае, когда он тщательно ощупывал и осматривал мой новенький орден, то пообещал: «У меня тоже такие будут, много, как у дяди». Выяснилось, что «дядя» — это мой генерал, который заезжал за Леной, когда они летели ко мне.

Ну что ж, Вадим, в добрый путь.

Когда вышел из госпиталя, мы поехали с Леной в санаторий. На юг. Купаться, в общем-то, было уже поздно, хотя я бодро окунался по утрам.

Так что плавали в закрытом бассейне.

По вечерам сидели на балконе, смотрели на море. Оно и осенью красиво. Особенно если светит луна. Хотел сказать, что море все в серебристой чешуе, потом подумал: до чего избитое сравнение, но лучше все равно не скажешь. Действительно, будто гигантская серебристая рыба перед тобой плещется. Вдали мигают огни пароходов. Зажигается и гаснет маяк у входа в бухту.

Высоко-высоко проплывает, перемигиваясь сам с собой красными огоньками, самолет. Лети, лети спокойно, мы тебя в обиду не дадим..

Мы с Леной строим планы на будущее.

Дают новую двухкомнатную квартиру. Лена с энтузиазмом планирует расстановку (несуществующей) мебели, оформление стен, окон, а главное, немислимые удобства и красоту кухни (которой тоже пока нет).

— Может быть, теперь,— замечаю я безразлично,— окончательно посвятишь себя дому?

— Домостроевец,— мгновенно парирует она.— Еще бы! Теперь с твоим старшелейтенантским огромным, а не скромным лейтенантским жалованьем я могу ничего не зарабатывать...

— Бери работу на дом,— вставляю я.

— Поразительно, до чего вы, мужчины, ничего не понимаете в жизни,— продолжает Лена, не обратив внимания на мою реплику.— Тебе, надеюсь, известно, что у тебя есть сын по имени Вадим Алексеевич, который, представь себе, растет? А соответственно растут и расходы на него. Не сегодня-завтра он пойдет в школу.

— Ну уж, не сегодня-завтра...

— Да, да, не заметишь, как время пролетит!

Наш вялый спор продолжается еще некоторое время. Но какой может быть спор под запах олеандров, туи и еще каких-то экзотических южных растений, о которых я не имею представления!

Я думаю о своих товарищах, о Коршунове, о Тверском, о Рунове, веселых моих товарищах, всегда готовых на шутку, на смех, на какое-нибудь интересное «мероприятие» — рыбалку, театр, турпоход, концерт, лыжную вылазку, баню...

О моих товарищах, с которыми столько соленого пота пролито на тренировках, столько чернил на лекциях...

Добрых товарищах.

Я вижу их в те секунды, в самолете, суровых, быстрых, твердых. Какая уж тут доброта в глазах! Лед.

Вспоминаю, как мы работали,— единый, точно слаженный механизм.

Я должен вам сказать, что я и мои товарищи, в общем-то, добрые и веселые. Мы все жизнерадостные, все оптимисты. Мрачных мизантропов, ворчливых, ревнивых, завистливых, желчных среди нас нет.

Но не обольщайтесь! Если потребуется, мы будем беспощадными, даже жестокими. Рука у нас не дрожит и сомнений не бывает, когда надо выполнять наши служебные обязанности.

Наши служебные обязанности — это бороться с особо опасными преступниками. А к таким жалости нет! Гуманность прекрасное чувство. Только не надо, чтобы гуманность к к одним превращалась в безразличие, а то и жестокость к другим.

Когда мы жалеем преступника, мы перестаем жалеть его жертву. А вот это недопустимо.

...Мы хорошо тогда отдохнули. Я укрепил, как полагается говорить в таких случаях, свое здоровье, свои нервы (на которые и раньше никогда не жаловался).

Укрепление нервов мне пригодилось, как только я пришел на медкомиссию.

Не буду вам описывать этот печальный период моей жизни. Освидетельствования, переосвидетельствования, мои протесты, возмущенные рапорты, начальственные резолюции, беседы в кабинетах от непосредственного начальника до заместителя министра...

Ничего не помогло. Есть, оказывается, начальство поважнее любого министра. Это врачи. Их приговор обжалованию, к сожалению, не подлежит.

И потом есть еще совесть.

— Сходите в спортзал, пойдите в тир, Лунев,— сказал мне в конце концов генерал,— если посчитаете, что все осталось

по-прежнему, что ранение вам не мешает, скажите. Обещаю вам: вернетесь в подразделение.

Я пошел в спортзал, пошел в тир.

Уж лучше бы мне туда не ходить! Одно дело, когда слова «Не пригоден к...» написаны в твоей медицинской карточке, совсем другое, когда ты убеждаешься в этом собственными глазами.

Ребята вначале помогали, а потом утешали как могли.

Но я и сам все понял.

Видите ли, можно быть очень здоровым, сильным, даже ловким мужчиной в обычной жизни. Но это не значит, что ты годишься в олимпийские чемпионы.

Можно очень неплохо владеть приемами самбо, стрелять, метать ножи. И задержать хулигана, даже грабителя, даже какого-нибудь подонка пострашней это тебе позволит. Но когда ты имеешь дело с преступниками особо опасными, так сказать бандитами-профессионалами, которые сами великолепно владеют и приемами рукопашного боя, и холодным и огнестрельным оружием, для которых человеческая жизнь абсолютно ничего не значит, а порой и своя собственная,— тогда уже ты не можешь быть просто мастером нашего дела. Ты должен быть супермастером, виртуозом, каким я был, теперь уже это не прозвучит хвастовством. Был.

А иначе ты не только ставишь под угрозу собственную жизнь, но и, что неизмеримо важнее, жизнь тех, кого ты призван защищать.

Вот так. Я это понял. Я не в обиде.

И теперь я работаю в штабе. У меня иные обязанности. Я теперь сам читаю лекции — передаю опыт, так сказать. Повысили меня в звании, повысили в должности. Нахожусь на руководящей работе. Солидно звучит. В спортзал хожу так, для себя, и в тир хожу; впрочем, мы все в милиции, где бы ни работали, занимаемся соответствующей подготовкой.

Я вообще много времени отдаю спорту: хожу на лыжах с Леной, на каток с Вадимом, летом плаваю. Словом, кто не знал меня раньше, пощупав мои мускулы и увидев, как я стреляю, провожу приемы самбо, поднимаю гири, работаю на гимнастических снарядах, решит, что я прямо-таки гроза бандитов.

Только сам я знаю (да мои товарищи), что все это лишь бледное отражение того, каким я был.

Ничего. Привык. Оказывается, к бумажной писанине, как я это презрительно называл, зря так относился. Когда вошел в курс дела, по-настоящему понял: за этими сухими строчками стоит жизнь, стоят большие дела, людские судьбы, горькие

и радостные, стоит покой и безопасность людей, возмездие и неотвратимость наказания для преступников.

Как на войне.

Есть передовая со стрельбой, разрывами снарядов, атаками, непосредственным риском жизни.

А есть штабы, над которыми снаряды не рвутся (хотя тоже бывает), где разрабатываются операции, намечаются пути наступления и маневра. А без этого все атаки оказались бы бесполезны.

Так что дело не в том, где работать, а в том, как. Конечно, это выражение я слышал сто раз, но только сейчас понял его реальное значение.

Подавал в академию. Надеюсь, примут.

По-прежнему работаю в милиции — а что может быть почетней?

Но кто доволен дальше некуда, так это Ленка. Ну как вам нравится? Прямо — рот до ушей — не устает улыбаться.

— Чему радуешься? — спрашиваю. — Муж — инвалид. Спасли в архив, — прибедряюсь, — говорят, скоро переведут в ночные сторожа. Наш ларек папиросный охранять.

— Вот и чудесно! — смеется. — Буду знать по крайней мере, где муж ночи проводит: стоит из окна выглянуть — видно. И перестань плакаться. Внеочередное звание получил, орденом наградили, должность выше. И оклад, кстати...

— Ну какое это имеет значение! — взрываюсь.

— Для тебя, может быть, никакого, — парирует, — не ты по магазинам бегаешь. А для меня имеет. Но согласна, это не главное. Зато по крайней мере у тебя человеческий рабочий день — как вы говорите, «от звонка до звонка»...

— Это мы не про рабочий день говорим, — ворчу.

— Неважно. У меня теперь душевный покой — это что, тебя не трогает? Я за тебя не боюсь...

— И зря. Вот нагрянет проверка, — замечаю зловеще.

— Пусть нагрянет. Я за тебя спокойна. Работник ты у меня образцовый — что стрелять, что лекции читать. Нет, все чудесно.

— Чудесно, чудесно... — ворчу.

— Да, чудесно! — и смотрит на меня с вызовом. — Я теперь спокойна, что мой муж доживет до ста лет. И желательно, с одной и той же женой.

А в общем-то действительно чудесно. Ну чего я ворчу? Все же осталось по-прежнему: у меня любимая работа, замечательная семья, интересные, как принято выражаться, перспективы.

Иногда немножко щемит сердце. Ребята-то вот всегда рискуют жизнью. А я в безопасности и покое. Ну да что по-

делаешь — такая теперь у меня служба. Хотя у милиционера никогда не знаешь, сколько продлится покой. Может, год, а может, и минуту.

Когда мы собирались на новогодний вечер (подбросив, разумеется, Вадима бабке), Лена, выгладив мой китель, аккуратно приколола орден.

— Не низко?— говорю.

— Нет,— отвечает,— там надо оставить место для следующего.

И, взявшись за руки, как в первые дни, мы отправились на новогодний праздник...

От автора. Следующим орденом старший лейтенант Алексей Лунев был награжден за мужество, проявленное при задержании особо опасных вооруженных преступников, напавших на женщину в ту самую новогоднюю ночь.

Посмертно...

В этом году исполняется столетняя годовщина со дня рождения автора «Алых парусов» и «Бегущей по волнам», замечательного советского писателя Александра Степановича Грина.

Три рассказа, которые вошли в этот сборник «Мира приключений» — «Нож и карандаш», «Обезьяна», «Бочка пресной воды», — были опубликованы более пятидесяти лет назад (первый из них тогда еще под названием «Талант») В собраниях сочинений А. С. Грина их не включали, как, впрочем, и еще многие десятки его превосходных рассказов, и с конца 20-х годов не переиздавали Между тем рассказы эти и сегодня живы. Потому что воспето в них самое могучее и самое дорогое в человеке — то, что и делает его человеком: талант и сила духа, неумное стремление быть собою и отдавать себя другим, способность преодолеть все преграды и сделать невозможное возможным.

Ведь невозможно же, в самом деле, представить, что «обезьянничанье», слепой инстинкт подражания, может развиться у обезьян до такой степени, что они смогут сыграть целый акт из поставленной людьми пьесы! Ну, а если люди, которым они подражают, труппа актеров, заброшенных случаем в тропический лес, сыграли этот акт поразительно талантливо? А если сила их таланта способна покорить не только зрителей-людей, но и обезьян? Как тогда? И Грин всей силой, всем волшебством своего писательского таланта убеждает нас, читателей, что тогда невозможное становится возможным и даже неизбежным.

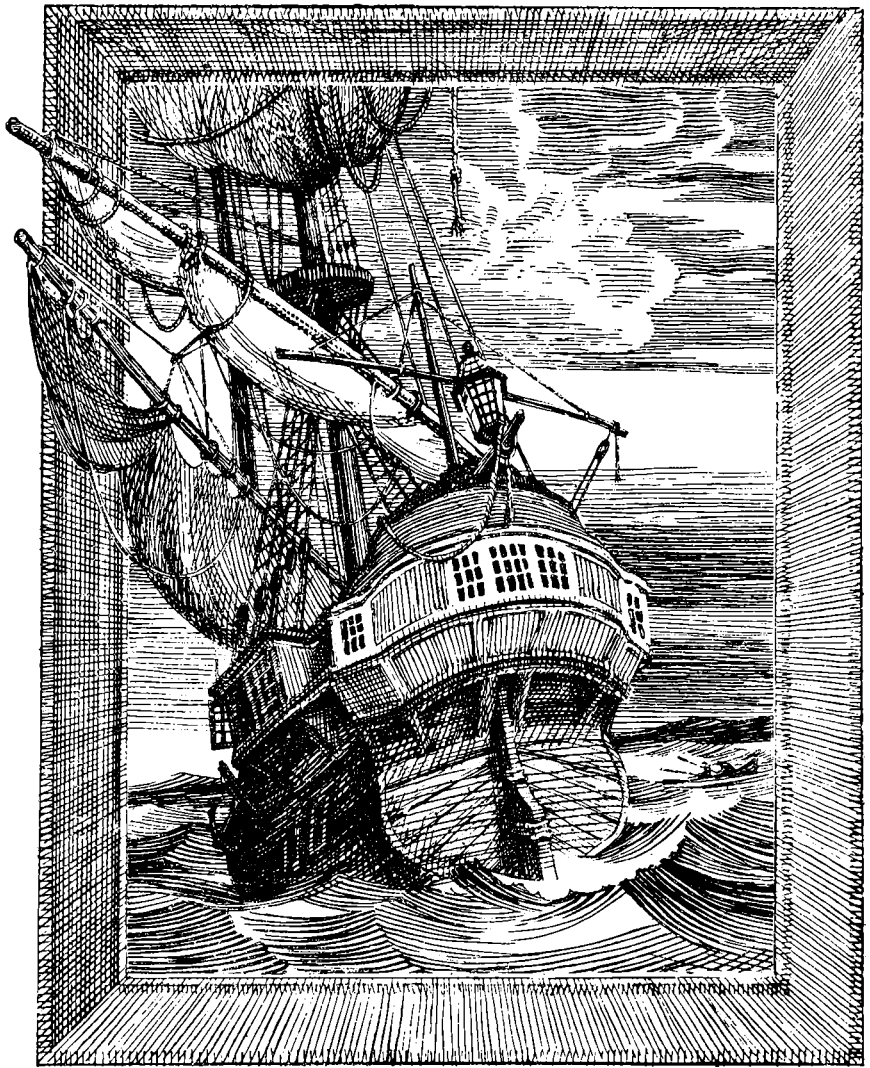
Ну, а если подвиг совершают сами люди? Двоим морякам, едва не погибшим от жажды, удастся не только доплыть на лодке до пресной воды, преодолев расстояние почти в сто километров, им удастся преодолеть в самих себе величайший соблазн и не польститься на сверкающий самородок золота, не польститься на него потому, что они люди, а человеку не подобает ради золота оставить умирать без воды товарищей, команду судна

Да, если уж подвиг совершают люди, они зовут за собой всех, кто об этом узнал. И когда юнга О'Мультан, сраженный нервным параличом, находит в себе силы обличить преступника и набрасывает на листке бумаги черты лица убийцы, доктор из больницы, где он лежит, спешит по его зову в суд спасти невинно осуждаемого моряка.

А за ним спешим и мы, читатели. Нас тоже зовет подвиг. Вот почему до сих пор в разных уголках Советского Союза возникают юношеские клубы «Алые паруса», а в Феодосии и в Старом Крыму уже несколько раз в гриновские дни, в конце августа каждого года, появляются Зурбаган, Лисс, Гель-Гью — гриновские, воображаемые, но для ребят, которые их возводят, вполне достоверные города.

И вот почему страна, созданная талантом Грина и давно уже вошедшая в наш язык под названием Гринландия, и сегодня жива в воображении не только ребят, но и взрослых, и когда художник и архитектор Савва Бродский украшал Музей А. С. Грина в Феодосии, он был охвачен стремлением не просто украсить музей, а ввести зрителей в эту самую Гринландию: показать им каюту капитана Геза из «Бегущей по волнам», познакомить с картой Гринландии. И этот музей, не похожий на другие литературные музеи, влечет к себе людей. За первые девять лет существования его посетило более полутора миллионов человек. И каждый слышал, верно, призыв капитана Грэя — делать чудеса своими руками. В то, что на это способен каждый человек, Грин верил сам и призывал верить нас. Об этом и те три рассказа, которые вы сейчас читаете.

Вл. Россельс

БОЧКА ПРЕСНОЙ ВОДЫ

I

Шлюпка подошла к берегу. Измученные четырнадцатичасовой греблей Риттер и Клаусон с трудом втащили суденышко передней частью киля на песок, между камней и накрепко привязали к камню, чтобы шлюпку не отнесло отливом.

Перед ними, за барьером скал и огромных, наваленных землетрясением глыб кварца, лежал покрытый вечным снегом горный массив. Позади, до горизонта, под ослепительно синим, совершенно чистым небом развевался уснувший океан — гладкая, как голубое стекло, вода.

Опухшие, небритые лица матросов подергивались, мутные глаза лихорадочно блестели. Губы растрескались, из трещин в углах рта проступала кровь.

Буылка воды, выданная из особого запаса шкипером Гетчинсоном, была выпита еще ночью.

Шхуна «Бельфор», шедшая из Кальдеро в Вальпарайсо с грузом шерсти, была застигнута штилем на расстоянии пятидесяти морских миль¹ от берега. Запас воды был достаточен для нескольких дней рейса с попутным ветром, но очень мал при затянувшемся штиле.

Судно стояло на тихой, как поверхность пруда, воде уже одиннадцать дней; как Гетчинсон ни уменьшал порции воды, ее хватило всего на неделю, тем более что пищу прекратили варить. Сухие галеты, копченая свинина и сухой шоколад лишь усиливали мучения; хоть бочка, в которой еще осталось литров двадцать воды, была заперта Гетчинсоном на замок, повар, просверлив бочку, сосал ночью воду через медную трубку, а затем, наполнив изо рта литровую бутылку, прятал этот запас в свой сундук.

Ночью было немного легче, но с восходом солнца все шесть матросов шхуны, Гетчинсон и его помощник Ревлей почти не

---

¹ Английская морская миля равна 1,85 км.

вылезали из воды, держась за канаты, переброшенные через борт, на случай появления акул. Жажда была так мучительна, что все перестали есть и тряслись в лихорадке, так как множество раз в день переходили от прохлады изнуряюще долгого купанья к палящему кожу зною.

Все это произошло по вине Гетчинсона, который со дня на день ждал ветра. Если бы своевременно была послана шлюпка на берег, чтобы привезти двухсотлитровую бочку пресной воды, команда не бродила бы теперь, подобно теньям, в унынии и бессилии. Наиболее твердо держались Риттер и Клаусон. Свои ежедневные четверть литра воды они пили на ночь, после захода солнца, так что, промучившись день, в течение которого облегчали свои страдания купаньем, вечером хоть наполовину, но утоляли жажду. Прохладная ночь содействовала облегчению. Матросы, выпивавшие порцию воды днем, как только ее получали, сразу, скоро теряли эту влагу, потому что от жары и слабости сердца потели, а Риттер и Клаусон все же могли ночью спать, тогда как других мучила бессонница или тяжелая дремота, отравляемая видениями рек и озер.

К вечеру десятого дня командой овладело отчаяние. Старик Гетчинсон еле двигался. Умиравший от дизентерии повар валялся среди нечистот, редко приходя в сознание и умоляя всех прикончить его. Два матроса бессильно лежали на своих койках в мокрой одежде, чтобы хотя через кожу всасывалось немного влаги. Один матрос, тайно от Гетчинсона, пил время от времени морскую воду, смешанную с уксусом; теперь, полуобезумев от невероятных мучений, он бродил у борта, желая и не решаясь покончить с собой. Четвертый матрос с утра до вечера сосал кусок кожи, чтобы вызвать слюну. Этот матрос неоднократно приставал уже к помощнику шкипера Вольту, чтобы тот объявил жребий на смерть одного из команды ради нескольких литров крови.

Только два человека могли еще двигаться и делать что-нибудь — это были Риттер и Клаусон. Гетчинсон уговорил их ехать на берег за водой. Из последнего запаса была выдана им бутылка мутной воды, драгоценная коробочка с лимонной кислотой, разысканная Вольтом, и несколько апельсинов. Они заслуживали такой поддержки, так как должны были спасти всех остальных.

Вечером Риттер и Клаусон выехали, имея двухсотлитровую бочку, два ружья, пачку табаку и три кило галет.

Утром они высадились на берег с замирающими от бешеной жажды сердцами. Купанье слегка освежило их. Как они плыли и долго ли, они не помнили. Все ямы, впадины берега, пустоты среди скал казались им наполненными свежей, холод-

ной водой. Шатаясь, падая от изнурения, матросы перебрались через барьер огромных камней и вступили в глубокую расселину среди скал, где среди тени и сырости томительно пахло водой. Вскоре слышали они ровный звук бегущей воды и, почти ослепнув от желания пить, начали метаться из стороны в сторону, не замечая ручья, который в десяти шагах перед ними обмывал выпуклый низ скалы. Наконец Клаусон увидел воду. Он подбежал к скале и, растянувшись ничком, погрузил лицо в холодный ручей. Более терпеливый Риттер наполнил ведро и сел с ним на камни, поставив ведро между колен. Когда он наклонил голову к ведру, она тряслась от мучительного нетерпения скорее напиться.

Клаусон, захлебываясь, глотал воду, не замечая, что плачет от облегчения, соединенного с тошнотой, потому что желудок, отвыкнув от большого количества холодной жидкости, противился вначале непомерному количеству воды. Клаусона стошнило дважды, пока он окончательно наполнил желудок водой. Ему казалось, несмотря на это, что жажда еще не утолена. Переводя дыхание, матрос, приподнявшись над водой, тупо смотрел на нее, а затем, болезненно вздыхая, снова припал к спасительному источнику.

С такими же конвульсиями, мучаясь и блаженствуя, напился Риттер. Он выпил больше половины ведра. Его крепкий желудок не возвратил ручью ничего.

Вода действовала на страдальцев, как вино. Их чувства были до крайности обострены, сердце билось звонко и быстро, голова горела.

Сев друг против друга, они начали смеяться. Отрывисто, отрываясь, тяжело дыша, хохотал Клаусон. Ему вторил Риттер, оглушая ущелье неудержимым, щекочущим тело смехом. Веселое, бегущее, как тысячи ручейков, чувство насыщения водой струилось по обессилевшим мускулам матросов. Все еще вздрагивая, они снова начали пить — теперь не так бурно, стараясь вбирать воду небольшими глотками, смакуя ее вкус и наслаждаясь ее освежающим движением по распухшему пищеводу.

— Вот так штука! — кричал Клаусон. — Никогда не думал, что выживу! Я с ума начал сходить...

Не так скоро окончательно была утолена ими жажда, как это можно подумать, если не испытал такой жажды сам. Дело не в том только, чтобы налить желудок водой. Должно пройти время, пока влага внутренними путями организма проникнет в кровеносные сосуды и там разжижит кровь, стесняющуюся от долгого безводья. Когда это произойдет, затрудненное работающее сердце начинает биться полным, отмеченным ударом, и нарушенная правильная жизнь человека делается

опять нормальной. Клаусон еще несколько раз порывался пить, но Риттер удержал его.

— Ты можешь умереть,— сказал он.— Недолго и опиться. Я слышал об этом. Ты весь распухнешь и почернеешь. Воздержись. Ляжем лучше, уснем.

Они забрались между двух глыб, каких было много раскидано по ущелью, и уснули, но долго спать не могли: их разбудил голод.

Пока они спали, солнце перешло на другой край ущелья и осветило вкрапленный высоко в отвесную поверхность скалы золотой самородок, напоминающий узел золотых корней, выступивший из кварца.

Казалось, золото вспыхнуло под жгучим лучом солнца. На главной выпуклости золотого видения горело белое пятно. Самородок, тысячу лет дремавший над безвестным ручьем, сеял свой мягкий свет подобно кружению тонкой, золотой пыли.

II

Проснувшись, матросы были теперь сильны и живы, как много дней назад. Они наелись, снова попили и довольно скоро наполнили бочку в шлюпке водой ручья.

Придя к ручью последний раз, чтобы захватить, кроме бочки, еще два полных ведра воды, матросы присели на камни. Оба были мокры от пота. Вытирая рукой лоб, разгоряченный Клаусон поднял голову и осмотрел высоты отвесных скал.

Увидев самородок, он вначале не поверил своим глазам. Клаусон встал, шагнул к скале, тревожно оглянулся кругом. Через минуту он спросил Риттера:

— Ты видишь что-нибудь на скале?

— Да, вижу,— сказал Риттер,— но я вижу, к ужасу своему, золото, которое не поможет спастись нашей команде. И если ты вспомнишь свои мучения, то не будешь больше думать об этом. Мы должны привезти им воду, привезти жизнь.

Клаусон только вздохнул. Он вспомнил свои мучения, и он не противоречил.

Шлюпка направилась к кораблю.

На третьем действии «Золотой цепи», поставленной после продолжительного перерыва в Новом Сан-Риольском театре, сидевший в ложе второго яруса Юлий Гангард, натуралист и путешественник, был несколько озадачен одной сценой, в отношении которой долго старался что-то припомнить, но безуспешно. Это был как раз тот момент, когда, по пьесе, смертельно раненный Ганувер падает и, лежа, протягивает руки к Дигэ, принимая ее за Молли, в то время как круг озверевших гостей, мерно ударяя в ладоши, вопит песню. Не песня, не каждое движение актеров в отдельности, но совершенно неуловимое стечение впечатлений, подобно легкому движению воздуха, вынесло Гангарда из театрального настроения в область неверных воспоминаний — тронуло и прошло, оставив неутоленный след.

Некоторое время он был задумчив, рассеянно говорил со своим приятелем, почти не слыша его замечаний, и, когда занавес спустился, вышел один в буфет, где, стоя у прилавка, выпил коктейль.

Он думал, что странное веяние, коснувшееся его во время описанной сцены третьего действия, прошло, но, рассмотрев толпу, заметил, как сквозь перебегающие обычные мысли возвращается, приближаясь и ускользя, настойчивое воспоминание — с закрытым смыслом, в спутанных очертаниях сна. Оно было как твердый предмет, попавший в ботинок, — ощутительно и неизвестно по существу. Больше того, оно вывело его из равновесия, требуя разрешения, и он стал самым положительным образом искать в памяти, что такое почти припомнилось ему во время игры.

В это время через шумную тесноту фойе пробирался, рассыпая улыбки, худощавый нервный человек с живым, напоминающим мартышку лицом, и, рассеянно взглянув на него, Гангард разом связал потуги воспоминаний в одно отчетливое и загадочное зрелище, которому был свидетель год назад, очень далеко отсюда. Вновь встал перед ним лес, из леса вышли звери с мохнатыми, круглыми, человеческими глазами, и повторилось острое изумление, усиленное замечательным совпадением поз: здесь, на сцене, и в лесу — там.

Продолжая думать об этом, он разговаривал теперь с одним из своих поклонников, молодым человеком, не умеющим

отличить пули от пороха, но, несмотря на это, мечтающим или, вернее, болтающим о далеких путешествиях языком томного петушка, зачислившего себя в орлы.

— Скажите-ка мне, Перкантри,— прервал его трепет Гангард,— как театралу плохому и случайному: кто это играл Ганувера?

— О! Неподражаемый Бутс, конечно,— сказал Перкантри, изящно шевеля талией,— кстати, вы знаете его историю? Ну конечно, знаете, и в строгих каменных чертах вашего лица я уже уловил симпатию к Бутсу. Как же: он был в Африке, хотя и случайно. Он ехал в Преторию с трупной — ха-ха! — вы хотите сказать — Гагенбека? О нет, сам великий Давид Петарон, антрепренер, вез его в первоклассном салоне; кормил конфетами и так мягко вспоминал о контракте, как будто горел желанием вписывать туда всё новые и новые суммы. Да, «Сингапур» толкнулся о мину, после чего на шлюпках, при хорошей погоде и попутном ветре, вся братия высадилась где-то севернее или южнее Занзибара, сказать не могу. Да, их потрепало, конечно, и в том были экзотика, и таинственный лес, и хищные звери, и все. Ну, естественно, реклама чудовищная. Теперь Бутс здорово раздул щеки.

Сославшись на телефон, Гангард оставил Перкантри и прошел за кулисы. Он ничего не понимал, догадок у него никаких не было, но какая-то нить уже связывала актера и путешественника, и еще отчетливее, с большими, тревожно обращенными в прошлое глазами Гангард увидел сцену в лесу.

Бутс, кончив роль, переоделся; уже брал он цилиндр, когда явился Гангард.

— Я не задержу вас,— сказал гость после обмена приветствиями с наполовину искренней лестью.— Привычка говорить через переводчика научила меня экономно составлять фразы, и потому я кратко расскажу о странных наблюдениях моих на восточном берегу Африки. Сначала коснемся вашей игры, вернее, той сцены, которая повергла меня в недоумение. Я говорю о моменте падения Ганувера, когда он, стараясь поймать подол платья Дигэ, принимает ее за свою невесту, а гости, стоя вокруг умирающего, хлопают и поют.

— О! Я не был в ударе...— начал Бутс, но Гангард остановил его жестом.

— Ваша игра прекрасна,— сказал он.— Теперь слушайте. В лесу, в лунную ночь, я увидел на тесной, ярко озаренной поляне, как из чащи, спускаясь по лианам, вышло стадо обезьян-сопунов — довольно редкая разновидность человекоподобных.

Бутс стал вдруг крайне внимателен и, описав сигарой что-то подтверждающий полукруг, согласно кивнул.

— Итак,— продолжал Гангард, пристально смотря в напряженные глаза Бутса,— эти обезьяны, отчасти напоминающие кокетливо одетых в меха шоферов, особенно если принять во внимание автомобильные очки, с движениями быстрыми, как движения пальцев вяжущей чулок женщины, спустились с деревьев и наполнили поляну по странному сигналу своего предводителя. Был это фыркающий, тоскливый и глубокий, как вздох, крик, после чего на поляне произошло смятение, подобное фальшивой тревоге пожарного обоза, когда он выезжает на упражнения. Обезьяны толкались, бесцельно переходя с места на место. Часть их еще скакала по веткам, но скоро все сплотилось в одну сумасшедше быструю кучу, и нельзя было понять смысл этого сборища. Наконец, крики, тревожные, грустные крики знающих что-то свое зверей перешли в хор, в режущий ухо вопль, иногда пересекаемый густым ворчанием самцов.

Но вот все они расступились. В середине круга стало два зверя; согнувшись, руками касаясь земли, они гримасничали, блестя круглыми, в меховых очках глазами, и один зверь, раскачиваясь, упал. Дикий крик издал он, пронзительный, резкий вопль, какой издает обычно антропоид, если его подстрелят. Он упал, стараясь схватить за хвост другого, который, увертываясь, вытягивал руки и потрясал ими, выказывая всем видом крайнее исступление.

Я, конечно, не помню мелочей общего движения этих шоколадных фигур в лунной пустоте чащи. Прошло несколько времени, когда, казалось, видя всеобщее замешательство, они перейдут в драку, но упавшая обезьяна оставалась лежать по-прежнему среди некоторого свободного пространства, и я не видел ничему объяснения. Тогда — обратите на это внимание — круг обезьян, утихнув, привстал, окружив лежащего в середине тезиснее, и некоторые из них, медленно покачивая головами, стали соединять и разъединять руки, правда не хлопая, но совершенно так, как в глубокой рассеянности поступает человек, трогая рукой руку, не зная, то ли потереть их, то ли, сжав, на чем-то сосредоточиться. Это движение, этот однообразный жест, полный грустной механичности, вскоре стал общим, после чего на высоте дерева раздался короткий крик, и, соскочив оттуда в гущу действия, вновь явившаяся обезьяна стала поднимать лежавшую.

Вот, собственно все. Когда Молли, ваша блестящая, высоко даровитая артистка Эмилия Аренс, прибегает к раненому Гауверу и поднимает его, в то же время разгоняя хищную толпу самозванных гостей, я вижу, что ее драматический момент в

точности совпадает — конечно, в грубых чертах — с поведением той обезьяны, которая спустилась с дерева. Она зарычала; круг обезьян отступил и рассеялся; все смешалось. Лежавший зверь тоже вскочил, и произошло обычное, бессмысленное для нас скаканье взад-вперед, после чего целый дождь пружинных прыжков разнес все сборище по окружающим полянам деревьям и, еще несколько повозившись на высоте, сопуны скрылись, а я вернулся в палатку, чувствуя, что подсмотрел нечто, едва ли встречаемое натуралистами.

Крайне заинтересованный, я провел на этом месте еще три ночи подряд, и каждый раз, с несколькими вариациями, сопуны проделывали это же непонятное действие. На четвертую ночь я подстрелил одного из них, именно того, который падал посередине круга, желая узнать, не является ли какое-нибудь органическое страдание зверя причиной этих ночных загадочных сборищ. Итак... но... хочу ли я что-нибудь сказать этим? Нет Я только рассказал факт

— Где это происходило?— спросил Бутс, едва Гангард смолк.

— На морском берегу, между Кордон Брюн и устьем небольшой речки, называемой туземцами Ис-Ис. На картах она отмечена не везде.

— Мы выехали из Кордон Брюн,— сказал потрясенный актер,— выехали на нефтяном пароходе... Но скажите еще одно: не начинается ли длинный овраг от песчаной полосы, там, где вход на эту поляну?

— Да, и я пересек овраг в отдаленном его конце.

— Отдаленном от моря?

— От моря.

— Пройдя большие серые камни?

— Их пять штук, они расположены прямой линией под углом к лесу.

— Слушайте,— сказал, помолчав и усмехаясь, Бутс,— на этой поляне я и мои товарищи, между прочим небезызвестная в Европе Мери Кортес, разыграли от нечего делать для себя и для прочей спасшейся публики третье действие «Золотой цепи». И стая обезьян собралась смотреть на нас. О! Я все хорошо помню. Их так густо нанесло вокруг по вершинам, что кое-кто хотел выстрелить, чтобы их разогнать, так как они иногда мешали своим сопением и чрезвычайным волнением, но Мери Кортес взяла их под свою защиту, объявив, что им выданы контрамарки. Да, мы весело провели несколько дней, по-африкански весело. Теперь что же? Как вы объясните все?

Гангард долго молчал.

— Я, кажется, напрасно застрелил сопуна,— сказал он с внезапной неподдельной грустью, что-то обдумывая.— Да,

конечно, так, дорогой Бутс. Эти замечательные нервные существа были, надо думать, поражены действием. Они видели притворное горе, и притворную смерть, и притворную любовь во всей недоступной им человеческой сложности и, ничего не поняв, все же что-то оставили для себя. Им прозвучал сильный призыв из навсегда закрытого мира. Увы! Бедняги могли только перенять внешность и тщательно повторить ее. У вас никогда не было более потрясенных зрителей. Мы встретимся поговорить об этом подробно, а пока что я так расстроился, что поеду домой и — не сердитесь — пришлю вам чучело моего сопуна. Это ваш меньшой брат — маленький Бутс.

НОЖ И КАРАНДАШ

I

— Если бы он не заболел, — сказал капитан Стоп шкиперу Гарвею, — клянусь своими усами, я выбросил бы его в этом порту. Но это его последний рейс, будьте покойны. Такою юнги я не пожелал бы злейшему своему врагу.

— Вы правы, — согласился Гарвей.

— Вчера, после восьми, когда я сменился с вахты, — продолжал капитан, — прихожу я к себе в каюту, а навстречу мне он: выскочил из дверей и хотел уже задать стрекача. Я поймал его и хорошо вздул, потому что, изволите видеть, за пазухой у него торчала украденная у меня бумага. Негодяй повадился воровать ее для своих проклятых рисунков. Помните, как в прошлом месяце пришлось заново перекрасить кубрик? Все стены были сплошь разрисованы углем да растопленным варом!

— Что говорить! — сказал шкипер. — Я сам застал его на вахте с карандашом и, должно быть, вашей бумагой. Слюнит и марает у фонаря. Кроме того, он слабосилен и неповоротлив.

— Жаль, что его сегодня скрутила болотная лихорадка! Я с удовольствием прогнал бы его: не пожалел бы дать свои деньги на проезд домой.

Разговор этот происходил на палубе шхуны «Нерей». Давид (предметом разговора был недавно поступивший юнга Давид О'Мультан) заслужил немилость капитана непомерной страстью к рисованию. Он рисовал все, что попадалось на глаза, и на чем угодно: оберточной бумаге, досках, папиросных коробках... В портах он рисовал улицы, сцены портовой жизни, дома, корабли и экипажи; в местах же необитаемых — странные фан-

тазии, в которых девственные леса, птицы, бабочки-раковины сплетались в грациозно сделанные арабески: узор и картина — вместе. Все матросы «Нерея» были изображены им. Нарисовал он и капитана, но Стоп, увидев рисунок, был поражен весьма нелестным сходством рисунка с собой и порвал его на клочки.

Когда О'Мультана отпускали на берег, он всегда опаздывал к назначенному сроку возвращения, приходя с дюжинами различных картинок. Рассеянный, задумчивый Давид вообще не годился для напряженной морской работы и сурового корабельного дела. Каждый день он попадался в какой-нибудь оплошности, за что его жестоко били и оглушали самыми отчаянными ругательствами.

— Словом, — заключил капитан, — мямля эта мне не подходит. На корабле малярам делать пока у меня нечего, ватервейс покрасить могу и я.

— А что теперь с ним? — спросил Гарвей. — Лучше ему?

— Не знаю. Боцман дал ему хины и лимонаду. Мы здесь простоим неделю, за это время он встанет, и я наконец уволю его. Баста!

«Нерей» стоял в маленьком попутном порту Лиссе на рейде, в четверти мили от гавани.

— Ну, а как ваши дела, Стоп? — спросил Гарвей.

— Дела плохи, — мрачно заявил капитан. — На шерсти я потерял восемь тысяч, на джуте одиннадцать, а между тем за долги грозят опустить судно. Вы знаете, что в моем сундуке лежат пятьдесят тысяч золотом, которые я должен передать здешнему купцу Сарториусу. Деньги эти получены за его опиум, проданный мною в Мальбурге. На днях Сарториус придет за деньгами... Так вот, Гарвей, дела мои так плохи, что, не будь я честным моряком Стопом, я с удовольствием прикарманил бы эти деньги и глазом бы не моргнул.

Моряки разговаривали довольно громко, сидя на корме под тентом, за столом, украшенным тремя пустыми и тремя полными бутылками старого вина. Невдалеке у штирборта два матроса чинили ванты. Ветер дул в их сторону. При последних словах капитана один из них, некто Грикатус, человек сорока лет, с черными маленькими усами, вздернутым носом и глубоко запавшими темными глазами, сказал Твисту, товарищу:

— Слышь, Твист, что капитан сказал?

— Что-то о деньгах...

— Ну да... «У меня, говорит, чужих денег пятьдесят тысяч. Украсть бы их!..»

— Похоже на то, — пробормотал Твист, — верно... кажется, он так и сказал. Выпивши, значит, болтает.

— Ну, вот что, — сказал между тем Стоп Гарвею, — месяц

мы не видели берега, и сегодня следует погулять. Я отпущу всех до утра: сторожить останутся старик Пек, да... этот Давид. И мы с вами проведем сутки на берегу. Кстати, зайдем в здешний клуб, попробовать счастья в игре.

— Ладно, — сказал шкипер.

Капитан свистнул вахтенного, освободил его, отдал распоряжения, и через час команда «Нерея» во главе с капитаном, вся одетая по-праздничному, выбритая и жадная, схлынула с двух шлюпок на Лисс разорять прекрасные заведения.

На «Нерее» осталось двое: преданный капитану старик матрос Пек и больной Давид.

II

Давид лежал в кубрике один (Пек жил в каюте боцмана). Он спал, с перерывами, все утро и весь день и проснулся в полночь. Озноб и жар прошли, остались — большая слабость, головная боль. Такое временное облегчение свойственно перемежающейся лихорадке.

Давид знал, что все, кроме него и Пека, на берегу, но, очнувшись, был все же неприятно поражен полной тишиной судна. Легкие скрипы, шорохи сонно покачиваемой ночной зыбью шхуны звучали сумрачно и неприветливо. Над столом горела висячая лампа: огонь ее давал скупой свет и много теней, кутавших углы кубрика в жуткую тьму. Над трапом в полукруге люка блестели звезды; под полом пищали крысы.

Давид встал, придерживаясь за койку, выпил из остывшего кофейника несколько глотков кофе, съел холодную котлету и пободрил. Спать ему не хотелось. Подперев голову кулаком, О'Мультан стал мечтать о том времени, когда он делается знаменитым художником. Мечта потянула к деятельности. Вынув из сундука неоконченный рисунок, Давид только что провел несколько штрихов, как вдруг услышал тихий плеск весел — лодка, видимо, плыла к шхуне. «Наверное, это наши. Отчего же так тихо? Обыкновенно приезжают без шапок и поют», — подумал Давид.

Лодка явственно стукнулась о борт «Нерея». Давид прислушался, ожидая обычного гвалта, но была полная тишина. Давид подождал немного, но все же ничего не услышал, и это его встревожило. Он тихо поднялся к люку и выглянул на палубу.

Он увидел невдалеке, у правого борта, одинокую, согнувшуюся фигуру человека, стоявшего спиной к кубрику. В темноте нельзя было различить, кто это. Давид хотел уже окликнуть его, но в этот момент человек быстро припал к палубе, — с

кормы блеснул огонек трубки подходившего Пека, — и присел за грот-мачтой. Внезапная слабость, предчувствие ужасного сквали Давида. Он хотел крикнуть и не мог. Трубка Пека вспыхивала теперь совсем уже близко, озаряя мясистый нос и седобровые глаза старика.

— Эй, что за лодка?! Кто тут?! — закричал Пек, поравнявшись с мачтой.

Ворчливый голос этот на мгновение ободрил Давида, лишив все происходящее ужасающей загадочности, но в тот же момент человек, присевший за мачтой, стремительно выскочил, замахнулся и нанес оторопевшему старику быстрый удар по голове. Пек, не вскрикнув, упал.

На минуту спасительное возбуждение вернулось к Давиду. Чувствуя, что ему так же придется пасть от руки неизвестного убийцы, он стал тихо сползать по трапу, не будучи в силах, как очарованный, отвести взгляд от темной коренастой фигуры. Шорох движений заставил неизвестного вздрогнуть и обернуться лицом к кубрику, и тусклый свет штангового фонаря упал на его черты. Полное ястребиное лицо с выпяченной нижней губой не было знакомо Давиду. Думая, что его заметили, он стремглав бросился вниз, судорожно отшвырнул люк «подшкиперской»¹ и, забежав в тесный угол, зарылся среди брезентов. Страх перешел в истерическое оцепенение, а затем в полное беспамятство.

Почти вслед за этим с моря донеслась громкая, грубо порхающая песня пьяных возвращающихся матросов. Убийца, махнув в отчаянии рукой на ускользнувшие пятьдесят тысяч, поспешно прыгнул в лодку, и скоро его весла умолкли во сне океана.

III

— Подсудимый Грикатус! — сказал месяц спустя после этого судья бледному, унылому матросу, сгорбившемуся на скамье подсудимых. — Вы обвиняетесь в том, что 14 февраля 1917 года, забравшись в отсутствие экипажа на шхуну «Нерей», убили, с целью ограбить судно, матроса Пека. Что можете вы привести в свое оправдание?

Свидетельские показания складывались совсем не в пользу Грикатуса.

— Я не виновен! — сказал Грикатус. — Все это путаница и напраслина. Страдаю невинно.

Меж тем матрос Твист утверждал, что Грикатус очень ин-

¹ Подшкиперская — чулан под кубриком, где сохраняются корабельные материалы: пенька, канаты, фонари и т. п. (Примеч автора.)

тересовался суммой в пятьдесят тысяч и не переставал говорить о ней даже тогда, когда растрепанная компания смотрела на дно бутылок через горлышко, как в телескоп. Содержатель кабака «Ночная звезда» показал, что Грикатус ушел раньше всех, предварительно хватив шляпой о косяк двери и завернув страшную божбу в том, что он, Грикатус, будет богат. Береговой сторож, дежуривший у волнореза, заметил человека, отважавшего чью-то шляпку и выплывшего на рейд.

Судебный процесс подходил к концу, как вдруг торопливо открылась дверь и в залу суда вошел доктор лечебницы Монпелье, где лежал Давид О'Мультан. Доктор держал клочок бумаги; быстро положив клочок этот перед судьей, он сказал:

— Вот все, что требуется для этого дела. Давид, сраженный нервным параличом, как вам известно, был целый месяц не в состоянии ни говорить, ни двигаться. Сегодня в десять часов утра он проявил признаки сознания. Знаками он объяснил мне, что ему нужны бумага и карандаш. Когда принесли требуемое, он, немного подумав, быстро и отчетливо набросал тот самый рисунок, который я имею честь и счастье представить вам, господин судья. Как видите, здесь изображено характерное лицо — по-видимому, точное изображение лица убийцы. Под рисунком подписано: «Портрет преступника. Найдите его...» Если это обстоятельство может пролить свет на дело, я думаю, что исполним свой долг.

Рассмотрев правильный, четкий рисунок, весь состав суда не мог более ни ошибаться, ни колебаться. В крупном ястребином лице с толстой нижней губой все признали известного лисского вора Джека Ловайда, служившего год назад поваром у губернатора этой провинции. Джек был известен в маленьком порту как устроитель всякого рода темных делишек, вечно шлявшийся по передним и кухням.

Пока выследили и поймали преступника, сознавшегося без кривляния в том, что, подслушав разговор пьяного Грикатуса о купеческом золоте, украл шляпку, выплыл к шхуне и убил Пека, — прошло много времени; Грикатус досыта насиделся в тюрьме.

Сарториус взял Давида к себе, и, посыпав, где надо, золотом, дал свету нового оригинального художника. Несколько военных рисунков О'Мультана на выставке «Просветителей» привлекли общее внимание. Характерной особенностью рисунков этих было то, что в каждом воине, поражающем врага, были всё те же неизгладимо запечатлевшиеся черты: круглое ястребиное лицо и толстая нижняя губа... — след нервного потрясения.

Раскрывая страницы новой фантастической повести, читатель ожидает, скорее всего, очутиться на борту звездолета, несущегося во весь опор к дальним мерцающим мирам. Где же, кажется, еще и искать приключений, как не в космосе? Но последнее время в нашей Галактике возникли своеобразные «часы пик» — слишком уж много разлеталось там звездных кораблей самых различных конструкций, ведомых совершенно одинаковыми капитанами. Именно поэтому было решено дать космической теме временную передышку, хотя бы в одной этой книге «Мира приключений». Правда, в рассказе Дмитрия Биленкина «Создан, чтобы летать» корабль, как вы заметили, все-таки есть, но будьте снисходительны — это старый, отработавший свое корабль, который никуда не летит. Не о звездолете этот рассказ, не о космонавтике, он о мальчике, охваченном страстным романтическим порывом, — его сердце открыто новому, поиску, неведомому, неоткрытому. К мальчику в первую очередь, а не к кибермозгу относятся слова «создан, чтобы летать». Если хотите, мы именно так и представляем себе читателя «Мира приключений», поэтому рассказ и послужил «флажком» всего сборника.

Правда, в повести Георгия Шаха «О, марсиане!», что следует из самого заглавия, Землю в очередной раз посещают наши соседи по Солнечной системе. К сожалению, как это достоверно установлено наукой, несуществующие. Однако это не помешало им вызвать некоторое замешательство в небольшом городке и стать причиной множества происшествий, иногда забавных, а иногда и не очень. Признаемся заранее, настоящие марсиане там почти и не появляются, так что повесть Г. Шаха целиком обращена в сегодняшний день — это не часто встречается в фантастике.

То же самое можно было бы сказать про «Повесть о дружбе и недружбе» братьев Стругацких, если бы перед нами не была сказка, действие которой, как это и положено всякой настоящей сказке, происходит в совершенно непонятных, загадочных местах, куда, впрочем, попадает вполне реальный советский пионер.

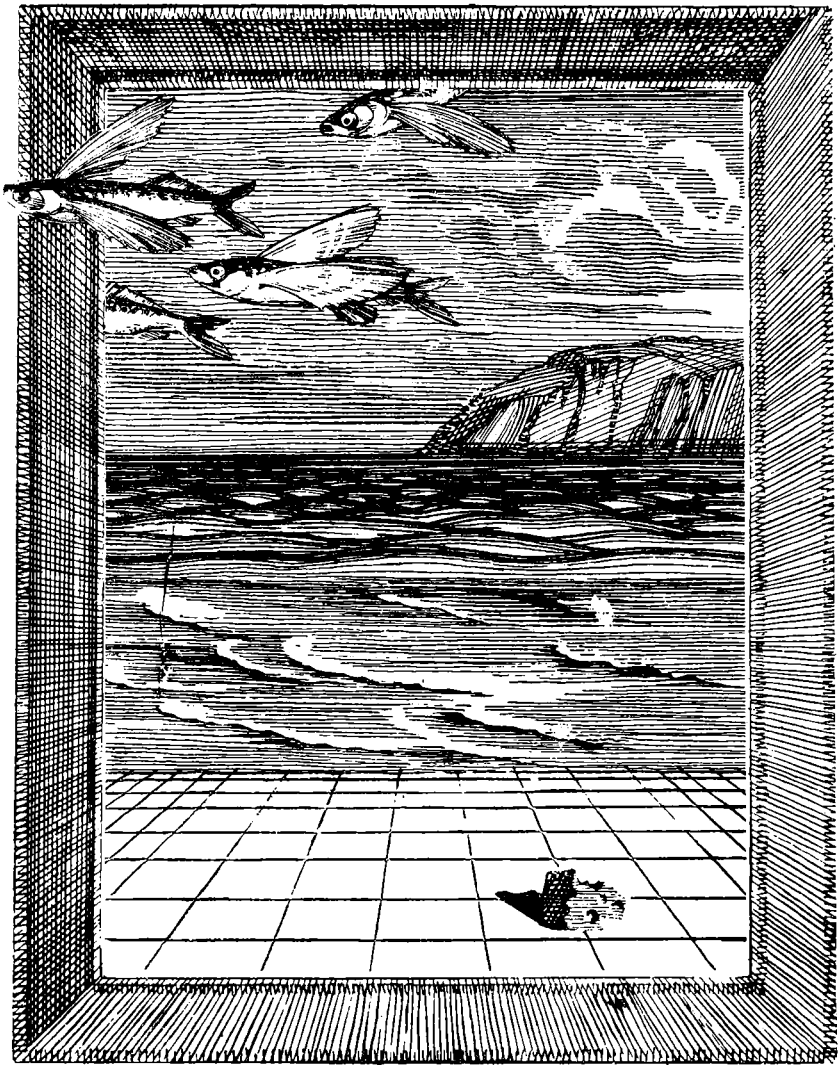
Три произведения посвящены будущему.

Оно может быть разным. Может быть таким, каким предстает в повести Андрея Балабухи «Майский день», таким, каким его хотим видеть все мы; наша страна вместе со всеми миролюбивыми силами человечества борется

за наступление того праздничного дня, когда последний военный крейсер будет порезан автогеном. Как и все остальное оружие...

Вовсе не райские идиллии ожидают людей в том блистающем мире. Им — такова уж судьба человеческая — не уйти ни от горя, ни от смертей, ни от трагедий. Все же нельзя не почувствовать, что только в дружбе, в любви, в мирном созидательном труде люди могут стать по-настоящему счастливыми.

Но можно себе представить — ведь фантастика рисует воображаемые картины — и другое будущее. Где происходит действие повести уже упомянутого Дмитрия Биленкина «Конец закона» и рассказа Егора Лаврова «Дождя сегодня не будет»? Кажется, в изображенных ими неназванных странах никогда не бывает солнца, там все время идет унылый, осенний дождь. Может быть, потому складывается такое впечатление, что при общественных отношениях, которые царят в этих странах, там как-то не котируются акции радости, хотя к услугам каждого масса развлечений, акции творчества, хотя есть бизнес, акции счастья, хотя не исключен успех. Мы уверены, что народы Земли в конце концов справятся со всеми подстерегающими их злыми демонами. И любой прогрессивный фантаст — тем более фантаст советский — мрачные свои «пророчества» создает именно для того, чтобы они никогда не сбылись.

МАЙСКИЙ ДЕНЬ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

А. Блок

I

В это майское утро все было прекрасным: и море, очень синее и очень спокойное, такое спокойное, что кипящие кильватерные струи из-под раздвоенной кормы «Руслана» уходили, казалось, в бесконечность, тая где-то у самого горизонта; и небо, очень синее и очень прозрачное, с удивительно уютными и ручными кучевыми облачками, томно нежившимися на солнце. От палубы пахло совсем по-домашнему, как от пола в той допотопной бревенчатой хоромине в Увалихе, где Аракелов отдыхал прошлым летом. Каждое утро хозяйка, болтливым колом катавшаяся по дому баба Дуся, мыла некрашеный, отполированный годами и шагами пол, надраивала его голиком, и вокруг распространялся аромат дерева, солнца, воды... Собственно, почему солнца? И почему воды? На этот вопрос Аракелов ответить не мог. Ему так казалось — и все тут. Этот запах будил его, он еще несколько минут лежал, вслушиваясь в равномерное шарканье голика и невнятное пение-бормотание бабы Дуся, и его наполняло чувство полного отрешенного отдыха.

Так оно было и сейчас. Свои шестьсот часов он отработал. Теперь можно позволить себе роскошь поваляться в шезлонге в тени «Марты», глядя, как сливаются и тают вдали пенные полоски, говорливо рвущиеся из-под кормы; можно почувствовать себя на борту «Руслана» просто пассажиром, таким пресыщенным туристиком, совершающим очаровательный круиз «из зимы в лето». Шестьсот часов — по шестидесяти на каждой из десяти глубоководных станций — программы дают на это право. Жаль только, кейфовать ему недолго: завтра «Руслан» пойдет на Гайотиду-Вест, а оттуда на перекладных —

сперва дирижаблем «Транспасифика» до Владивостока, потом самолетом — Аракелов за три дня доберется домой. А там и до отпуска рукой подать...

Эх! Аракелов, вкусно перехрустев всеми суставами, заложил руки за голову и стал смотреть, как резвится в полукабельтове от борта «Руслана» небольшая — голов десять — двенадцать — стайка дельфинов-гринд. Здоровенные зверюги чуть ли не в тонну весом вылетали из воды, с легкостью заправских балерин совершали этакий «душой исполненный полет» и гладко, почти без брызг возвращались в море. Это выглядело так противоестественно, что невольно захватывало дух.

Через полчаса Аракелову пришлось все же встать и вслед за неумолимо сокращавшейся тенью передвинуть шезлонг метра на два в сторону, под самый бок «Марты». Аракелов похлопал рукой по прохладному металлу ее борта: лежи, лежи, чудовище, мы с тобой славно поработали. Только тебе еще маяться и маяться, а я уже все. Впрочем, тебе-то что, ты железная... Это про нас только говорят, что мы железные. А на самом деле мы вовсе не железные. Мы черт знает насколько не железные. Не то что ты! А пока — отдыхай... Сколько ж тебе отдыхать? Дня два, пожалуй. Помнится, следующая станция милях в пятидесяти севернее Караури. Точно, два дня. Значит, когда ты пойдешь туда, вниз, я буду спокойноенько перекусывать в буфете какого-нибудь Омска-Томска...

«Марта» была глубоководным аппаратом из третьего поколения потомков «Алвина» и «Атланта». Маленькая двухместная машина, скорее похожая на самолет, только с перевернутым почему-то вниз хвостовым оперением. Этакий несуразный пятиметровый самолетик, тяжеловесный такой самолетик, даже на взгляд тяжеловесный, хотя в воде он и мог дать сто очков форы любому истребителю. Ну, это я, пожалуй, подзагнул, подумал Аракелов. Это слишком. Но все равно, посудинка хороша. Аракелов снова с нежностью погладил рукой стальной борт.

В сущности, их ничто не связывало. «Марта» работала только в верхних горизонтах, до семисот метров, тогда как Аракелов — глубинник — редко ходил меньше чем на тысячу. И все же... Все же оба они были оттуда. Аракелов — наполовину человек, наполовину батияндр, одушевленная машина для исследования глубин; «Марта» — глубоководный аппарат, который Аракелов с удовольствием очеловечивал. В чем-то они были близки друг другу...

Аракелов достал из-под шезлонга предусмотрительно запасенный термос, налил в стаканчик соку — стаканчик мгновенно вспотел, — выпил и поставил термос на крыло «Марты».

Крыло было массивное, короткое, и это больше всего отличало «Марту» от самолета. Зато пара манипуляторов, выдвигавшихся как раз там, где у самолета шасси, усугубляла сходство. Перебирая эти сходства и различия, Аракелов запутался окончательно. И ладно, лениво подумал он. Похожа, не похожа... Ну и что?

По узкому трапу с ботдека спустилась Марийка и, улыбаясь, пошла к Аракелову. Аракелов помахал ей рукой. Он прикрыл глаза, но из-под приспущенных век откровенно любовался ею. Высокая, статная, она была Аракелову выше плеча — это при его-то ста девяноста восьми! Но самым удивительным в ней была походка — не женщины, а феи-акселератки, из тех, что в лунные ночи танцуют на лесных полянах и под их хрустальными туфельками не сминается трава...

Марийка вытащила из щели между тупым носом «Марты» и лебедкой второй шезлонг и расставила его рядом с аракеловским.

— Ж-жарко,— выдохнула она.— Я посадила Володьку за обсчет, а сама сбежала... Отдыхаешь, дух?

— Угу-м,— неопределенно промычал Аракелов.

Духами называли батиандров. Повелось это с тех пор, как кто-то из газетчиков окрестил их «духами пучин», антиподами «ангелов неба» — космонавтов. «Ангелы неба и духи пучин...» Чье это? Из какого-то стихотворения... Аракелов попытался вспомнить, но не смог. А может, и не знал никогда. Впрочем, «небеса» и «пучины» в обиходе быстро отпали, но «ангелы» и «духи» прижились. Тем более, что флотские традиции живучи, а с исчезновением пароходов и кочегаров надо же стало называть кого-то духами...

— Попить-то дай,— сказала Марийка. Именно сказала, а не попросила и даже не приказала.— Что там у тебя? Небось опять соки хлещешь?

— А как же... Грейпфрут и манго. Упоительное сочетанье-це. Услада желудка.

— Так угостишь?

Марийка медленно, с видимым наслаждением потягивала коктейль. Потом протянула Аракелову пустой стакан:

— На, заberi... услада желудка. И куда же ты теперь?

— В Ленинград, куда ж еще. Отчитаюсь, а там и отпуск.

— И сколько тебе набежало?

— Дней пятьдесят... Точно не знаю, не считал еще. А что?

— Так просто... Решил уже, куда поедешь?

— Нет,— сказал Аракелов, хотя перед глазами его мгновенно прокрутилась целая короткометражка: пронизанный солнцем сосновый бор, тот, что километрах в трех к северо-

западу от Увалихи, мягкий, пружинящий под ногами, словно хорасанский ковер, мох, в котором кеды утопают по самые наклейки на шиколотках, одуряющий смолисто-хвойный запах... И чуть впереди — шагов на десять, не больше — Марийка в синих джинсах и свитерке, с волосами, тщательно упрятаннами под косынку... Такой он ее никогда не видел. Но такой она должна была быть — там, в Увалихе, вместе с ним. Каждое утро просыпаться под бабы Дусино пение, пить парное молоко и до одури бродить по лесу, а иногда — уходить с палаткой или даже без, просто так, с одеялом в скатке, чтобы ночевать у костра где-нибудь на берегу Щучьего озера... Отпуск! Если бы он получился таким!

— Нет, — повторил Аракелов. — Ничего я еще не решил. А ты? У тебя ведь тоже отпуск?

Марийка кивнула.

— Не знаю... Море — надоело. В горы податься, что ли? Вот ребята на Памир зовут... Искупаемся, а? — Это было сказано безо всякого перехода, с естественной для Марийки последовательностью.

— Давай, — сказал Аракелов. — В бассейне, по-моему, никого.

— Ага, — отозвалась Марийка. — Сейчас. Лень вот что-то. Уходить не хочется. Да и разговор у нас с тобой увлекательный. Интеллектуальный.

— Просто на диво интеллектуальный, — согласился Аракелов. — Душу радует и умы волнует. Так что давай иди.

— И пойду. Вот только посижу еще немного.

— Сиди, — милостиво разрешил Аракелов. — У тебя программа когда кончается?

— Через две недели.

— И в институт?

— Конечно.

— Ясно... — Аракелов помолчал. — Я тебя встречу, пожалуй. Если, конечно, в городе буду. Ты самолетом?

— Самолетом.

Они помолчали. Потом Марийка спросила:

— Ты уже завтракал?

— Нет еще. А ты?

— Тоже нет. А неплохо бы...

Аракелов посмотрел на часы.

— Еще минут сорок.

— Да, сейчас бы... Чего бы это такого? Котлет, например, картофельных с грибным соусом, а? Как ты думаешь?

— Не знаю. Я их последний раз пробовал года четыре назад. В Таллине. В столовой на Виру.

— Никогда не была в Таллине.

— Кстати, о котлетах. Я, между прочим, по пельменям большой специалист. Как ты к ним относишься?

— Положительно.

— Это хорошо. Терпеть не могу, когда усладу желудка приносят в жертву сохранению фигуры.

— Ничего с моей фигурой не будет.

— Так придешь ко мне на пельмени?

— В шесть часов вечера после отчета?

— Точно.

— Я подумаю.

— Только не слишком долго. Мне ведь всего два дня осталось. Даже полтора, собственно.

Если она согласится прямо сейчас, загадал Аракелов, то все будет. И то, что было, и то, чего не было. И Увалиха будет. И отпуск. И все, все, все...

Но прежде чем Марийка успела открыть рот, наверху, на ботдеке, всхрипнув, проснулся громкоговоритель:

— Аракелова на мостик! Аракелова на мостик!

Аракелов чертыхнулся.

— Иди,— сказала Марийка.— Иди. Мастер¹ ждать не любит.

— Что там еще стряслось?

— Вот потом и расскажешь. Иди. А я пока смесь твою допью. Договорились?

— Договорились,— кивнул Аракелов.— Так как насчет пельменей?

— Я подумаю.

— Подумай,— сказал Аракелов. Он безнадежно вздохнул и встал.— Ну, я пошел.

Марийка смотрела на него снизу вверх, и лицо у нее было... Аракелов так и не успел определить какое, потому что вдруг — неожиданно для самого себя — наклонился и поцеловал ее. Губы у нее были мягкие, прохладные, чуть горьковатые от сока.

— Убирайся,— шепотом сказала Марийка, отталкивая его.

Но интонация совсем не соответствовала смыслу слов.

Аракелов выпрямился и, не оборачиваясь, зашагал по палубе. Не оборачиваясь, потому что обернуться было страшно.

Уже у самого трапа на мостик он нос к носу столкнулся с одним из трех радистов «Руслана».

— Что там стряслось, Боря?

¹ Мастером на международном судовом жаргоне называют иногда капитана.

— Мэйдэй¹, — коротко ответил тот и, довольно бесцеремонно отодвинув Аракелова, побежал дальше.

Мэйдэй! Только этого не хватало! Что там ещестряслось?

II

— Еще кофе, капитан? — Кора держала в руке кофейник — удлинненный, изящный, с эмблемой «Транспасифика» на боку: стилизованное кучевое облачко, кумула-нимбус, намеченное небрежными, округлыми голубыми линиями, на нем маленький золотой самолетик со стреловидным оперением, а надо всем этим восходящее солнце, которому золотые лучи придавали сходство с геральдической короной. Такой же знак был и на чашке, которую Стентон решительно отодвинул.

— Нет, спасибо. Докурю и пойду в рубку. Давно пора бы появиться этому чертову тунцелову...

— Не волнуйтесь, капитан. — Кора улыбнулась. Она всегда улыбалась, называя его капитаном, от чего уставное обращение превращалось чуть ли не в интимное. На Стентона эта ее улыбка действовала примерно так же, как стеклянный шарик провинциального гипнотизера: притягивая взгляд, она погружала Сиднея в какое-то подобие транса; он, правда, старался не выдавать себя, но вряд ли это удавалось ему успешно, во всяком случае, он был уверен, что Кора прекрасно все замечает. — Ну потеряем мы полчаса, так наверстаем потом...

Он поднялся из-за стола. Кора — тоже. Не многим женщинам идет форма, Стентон знал это прекрасно, но про Кору сказать такого было нельзя. Как, впрочем, было нельзя и сказать ей об этом: в бытность свою стюардессой она наслушалась еще не таких комплиментов... Кора быстрым движением поправила — непонятно зачем, подумал Стентон — свою короткую и густую гриву цвета дубовой коры.

— Пойдемте, капитан! — Удивительно, сколько оттенков можно придать одному и тому же слову! Теперь оно прозвучало как-то залихватски, вызвав в памяти призраки капитана Мариэтта и Майн Рида, но сквозило в нем и скрытое уважение, объясняемое не только субординацией.

— Вы к себе, Кора?

---

¹ Радиотелефонный сигнал бедствия. Состоит из слова MAYDAY, повторенного три раза, и слова ici («здесь»). Полный аналог радиотелеграфного сигнала SOS. Иногда сигнал «мэйдэй» буквально переводят с английского, как «майский день», хотя подобное толкование неверно, как неверно и распространенное толкование сигнала SOS — «спасите наши души». На самом деле оба сигнала подбирались по удобному созвучию и сочетанию знаков азбуки Морзе.

— Да. С Факарао передали список грузов, надо прикинуть, что куда...

С таким суперкарго, как Кора, не пропадешь. У нее было какое-то чутье, интуитивное ощущение корабля: почти без расчетов она всегда могла точно указать, в какой из тринадцати грузовых отсеков дирижабля и в какое место этого отсека надо уложить тот или иной груз, чтобы обеспечить равномерность нагрузок. Однажды Бутч Андрейт, второй пилот и большой любитель всяческих пари, взялся проверять ее работу на корабельном компьютере. В итоге ему пришлось угостить Кору обедом в уютном болгарском ресторанчике в Окленде, причем хитроумная Кора пригласила весь экипаж, благо условия пари предусматривали такой обед, «какой она захочет». Получилось, надо признаться, весьма неплохо... Пожалуй, именно в тот вечер Стентон впервые обратил на нее внимание — не только как на первоклассного суперкарго.

— Хорошо, — сказал Стентон. — Посылка для тунцелова готова?

— Конечно, капитан.

Он быстро прошагал через весь коридор, бегом спустился по винтовой лестнице на грузовую палубу «В» и распахнул дверь рубки.

Пассажиры на транспортных дирижаблях — явление почти исключительное. Иногда это бывают сопровождающие при грузах, еще реже — какие-нибудь особые представители различных ведомств, по тем или иным причинам не имеющие возможности воспользоваться пассажирскими рейсами. И когда они появляются на борту, их специально приводят сюда — позабавиться и посмотреть на реакцию. Как правило, реакция, увы, не страдает разнообразием: нервная икота, легкий сердечный приступ... И не удивительно — сразу же за овальной металлической дверью начинается ничто, по которому, однако, спокойно расхаживает экипаж и в котором свободно висят пульты, штурвалы, кресла... Даже опытным пилотам, впервые попадающим на дирижабли, стоит некоторого труда преодолеть психологический барьер и шагнуть на абсолютно надежный и бесподобно прозрачный пол рубки, незаметно переходящий в стены. Зато здесь действительно чувствуется полет — не то что в тесной кабине самолета или ракеты. Ты висишь на высоте трех — пяти километров, нет ни вибрации, ни рева двигателей, и земля скользит под тобой с удивительной плавностью, земля близкая и прекрасная, а не та, далекая и почти чужая, какой представляется она со стационарной орбиты...

Бутч Андрейт оторвал лицо от нарамника умножителя и обернулся к командиру:

— Есть. Вот он, голубчик. По дальномеру — двадцать две мили.

Стентон кивнул:

— Давно пора. И так мы уже выбились из графика... Кой черт его сюда занесло? Тридцать с лишним миль от точки randevу! Ты связался с ним, Джо? — обратился он к радисту.

— Только что. Капитан приносит извинения. Они готовы.

— Хорошо. Заходи на подвеску, Бутч.

Стентон подошел к своему креслу и сел, положив руки на подлокотники: по традиции посадку всегда осуществляет второй пилот, и Сидней всем видом показывал, что происходящее его не касается, он просто любит панорамой океана. В кресле справа Бутч Андрейт положил руки на штурвал. Горизонт медленно и плавно пополз вверх — совсем немного, настолько, что дифферент на нос почти не почувствовался. Молодец, подумал Стентон, на постепенной смене эшелона они выиграют по крайней мере четверть часа. При таком дифференте на вертикальный спуск уже непосредственно над тунцеловом останется метров полтора, даже сто... Ювелир! Скорость падала одновременно с высотой, теперь суденышко уже было видно невооруженным глазом, и не точкой, а четким силуэтом.

— Генеральный груз...¹ — брюзгливо проговорил Андрейт, глядя прямо перед собой. Его большие руки, казалось, совершенно спокойно и неподвижно лежали на штурвале, но Стентон легко различал под этим мнимым спокойствием готовность к моментальному движению. — Генеральный груз, черт бы его побрал...

— Не ворчи, Бутч. — Стентон оттолкнулся руками от подлокотников и встал. — Думаешь, на пассажирском веселее было бы? Утешал бы ты сейчас на палубе «Лидо» какую-нибудь дебелую матрону, для которой мал бассейн или вода в нем не той температуры...

— Может быть... Да только утешать старую каргу и то веселее, чем развозить посылочки по тунцеловам...

— А ты взгляни с другой стороны, Бутч. В этой посылочке не одна сотня дельфиновых жизней.

— То есть?

— А ты даже не поинтересовался, что там?

— Зачем, собственно?

— Это ультразвуковой пугач для дельфинов. Они попадают в тунцеловные кошелю. Что-то около десяти тысяч в год. А такой пугач их отгонит.

— Любопытно, — сказал Андрейт безо всякого энтузиаз-

---

¹ Генеральный груз — разнородный груз, доставляемый в разные адреса.

ма.— Знаешь, Сид, за что я тебя люблю? За идеализм. Дельфинчики... Между прочим, ты потому и на Кору смотришь только с двух кабельтовых...

— Стоп,— оборвал его Стентон. Оборвал, пожалуй, даже резче, чем хотелось.— Хватит, Бутч. Займись-ка лучше подвеской, пора.— С этими словами он встал и вышел из рубки

Во втором трюме его встретили Кора и один из матросов ее команды. Стентона всегда забавляло смешение морских и авиационных терминов на дирижаблях: пилот и матрос, швартовка и взлет... Одно слово — воздухоплавание!

Дирижабль быстро пошел вниз, это чувствовалось даже в наглухо закрытом и лишенном иллюминаторов трюме — по характерному ощущению, знакомому всякому, кто спускался в скоростных лифтах; кажется, шахтеры называют его «подпояской». Стентон сказал об этом Коре, она улыбнулась, но улыбка сейчас получилась чисто формальной, надетой: было время работы.

— Как передаем?— спросил Стентон.— На палубу?

— На воду,— ответила Кора.

Это было много проще. Значит, не нужно зависать точно над судном, достаточно сбросить контейнер где-то рядом, пускай парни с тунцелова выуживают его сами. С легким металлическим шорохом почти у самых ног Стентона раздвинулись створки малого грузового люка — квадрат два на два метра, сквозь который стали видны волны. Казалось, Стентон смотрел на них с балкона третьего этажа какого-нибудь приморского отеля. Сбоку, на самом краю поля зрения, виднелся тунцелов — черный корпус, белые надстройки, желтая палуба.. До него было меньше кабельтова.

Матрос легко скантовал к люку ящик и столкнул вниз. Стентон проводил посылку взглядом. Еще в воздухе вокруг контейнера вздулись два поплавок — тугие ярко-оранжевые колбасы, заметные даже издали. В тот же миг металлические створки сомкнулись, и после дневного света белые плафоны осветительной сети показались тусклыми и унылыми. Дирижабль уже дал ход, как вдруг пол под ногами легко дрогнул, потом надавил на подошвы — не то чтобы сильно, но так, что Стентон успел это почувствовать. Значит, их подбросило. По ощущению — метров на тридцать — сорок. словно сбросили аварийный балласт. Впрочем, никакого аварийного балласта на дирижаблях «Транспасифика» нет — не та конструкция. А значит...

Уже у самых дверей рубки Стентон ощутил второй толчок, слабее первого.

Дирижабль, спускаясь, описывал циркуляцию малого радиуса. Под самым полом рубки проскользнули мачты тун-

целова, потом Стентон заметил на поверхности океана — впереди по курсу и румба на три вправо — яркий кружок, раскрашенный черно-оранжевыми секторами: Бутч сбросил сигнальный буй. Это второй толчок. А первый?

— Седьмой трюм, Сид,— не оборачиваясь, сказал Андрейт.— Сработал большой люк.

Стентон уже сидел в своем кресле. Он протянул руку и вдавил клавишу селектора:

— Командир к суперкарго. Кора, что было в седьмом трюме?

Хотя Кора ответила почти мгновенно, он все же успел подумать, что седьмой трюм — это хорошо, потому что это самый маленький из всех тринадцати грузовых отсеков дирижабля. И еще он успел обругать автоматику, потому что самопроизвольное открытие большого люка — это... А если бы открылся люк второго трюма, пока они стояли там и провожали взглядом посылку...

— Седьмой трюм,— сказала Кора.— Глубоководный аппарат «Дип Вью — 10 000». Отправитель — компания «Корнинг гласс уоркс». Владелец — ПУТЕК¹. Адресат — океанографическая лаборатория Международной базы Факарао.

— Спасибо.

— Почему «было», Сид?— спросила Кора, но Стентон ее уже не слушал.

— Кора, через пять минут я буду в седьмом трюме. Прошу вас быть там же. И прихватите сопровождающего фирмы, как его... Кулиджа.— Он отключил селектор.— Подвесимся над бумом, Бутч. Джо, свяжись с Базой Факарао и с управляющим перевозками. Я пойду посмотрю, как все это выглядит на месте.

Кора ждала его сразу за дверьми трюма.

— А Кулидж где?— спросил Стентон.

Он прошелся по трюму: люк уже был закрыт, и казалось, здесь ровным счетом ничего не произошло. Все было как положено. Вот только... Это что такое?

В самолете количество проводов измеряется десятками километров. В дирижабле — сотнями. Но чтобы провода, да еще так небрежно, явно на скорую руку сплетенные, выходили из распределительной коробки и волочились по полу...

— Что это такое?!

— Капитан...— Кора стояла перед ним, и в лице ее было что-то неживое.— Кулидж... там.

У Стентона заныли скулы.

---

¹ ПУТЕК — Pacific Undersea Test and Evaluation Center — Тихоокеанский центр подводных исследований и измерений.

— Где?

Кора молча показала рукой вниз.

Так! Стентон понял, что это — конец.

— Зачем?

— Ему нужно было что-то проверить... Он попросил разрешения поработать в аппарате, и я... Я разрешила.

Стентон положил руки ей на плечи.

— Вот что, Кора. Запоминайте. Это приказ. Вы ничего не знали. Это я дал разрешение Кулиджу работать в аппарате во время транспортировки. Поняли? Я. А вы ничего не знали.

Стентон резко повернулся и вышел из трюма. Картина была до отвращения ясной. Этот идиот залез в свой «Дип Вью», разряжать аккумуляторы ему жалко стало, и он присоединился к бортовой сети. Нашел распределительную коробку — руки бы ему, подлецу, оторвать, — подсоединился, запитал внешние вводы аппарата... А когда замкнул цепь, автоматически сработал замок люка. Смотреть надо, куда присоединяешься, болван!

III

Дуракам счастье, подумал Аракелов. Плюхнуться с дирижабля в Тихий океан — и угодить на плоскую верхушку гайота...¹ То же самое, что выпрыгнуть из самолета над Ленинградом и угодить в собственную постель... Свалился он в километре к северу, югу, востоку или западу, все равно, — и не пришлось бы сейчас даже помышлять о спасательных работах. Ведь «Дип Вью» рассчитан на десять тысяч футов, грубо говоря — на три километра. А глубина в этом районе вдвое больше... Впрочем, не такое уж счастье: сидеть, потирая синяки, и смотреть, как медленно истощается твой жалкий кислородный ресурс...

— Мы к ним ближе всех, — сказал штурман. — Два с половиной, максимум три часа фул-спита². Отозвался еще какой-то японец, у него донный робот-двухтысячник на борту, но ему идти минимум часов семь. Так что рассчитывать на него не приходится.

— Сейчас туда идут две патрульные субмарины из отряда Гайотиды-Вест. Буй с маячком с дирижабля сбросили, но точного места это не дает, только ориентировочный квадрат поиска... Если патрульники обнаружат этот самый «Дип Вью», они сэкономят нам по крайней мере час работы, а то и больше, — добавил капитан.

¹ Г а й о т ы — плосковершинные подводные горы, открыты Хессом во время второй мировой войны.

² Ф у л - с п и т — полный ход.

Зададаев, руководитель группы подводных работ экспедиции, или, по его собственному определению, «оберсубмарин-мастер», хлопнул Аракелова по плечу:

— Итак, вводные, Александр Никитич. «Дип Вью» лежит на грунте ориентировочно на глубине девятисот метров. Кислородный ресурс аппарата — девять часов, энергетический запас — семьдесят два часа, последнее, впрочем, принципиального значения не имеет. Самостоятельно отделить аварийный балласт и всплыть Кулидж не может — аппарат к погружению подготовлен не был, не вынуты контрольные чеки. По данным, сообщенным фирмой-изготовителем, всего контрольных чек девять. Таким образом, ваша задача сводится к следующему: обнаружить глубоководный аппарат, вынуть контрольные чеки и подать сигнал Кулиджу; если он почему-либо не сможет включить систему отделения балласта — осуществить это снаружи. Все.

Аракелов кивнул. Ясно. В принципе — простейшая спасательная операция в горизонте ноль девять — один ноль.

— Тогда пошли, — сказал Зададаев. — Лучше подготовиться заранее, чтобы к подходу была готовность ноль.

— Международники... — ворчал Аракелов, выходя вслед за Зададаевым из рубки. — М-международники, чтоб им.. Голубой флажок с глобусиком.. Эмблемочка! Другую бы им эмблемочку!

— Какую? — любопытно спросил Зададаев.

— Лебедь, рак и щука на лазоревом поле.

Зададаев коротко хохотнул:

— За что вы их так, Александр Никитич?

— Вечно у них ЧП на ЧП... Кто в лес, кто по дрова. А потом люди тонут. Нет, ну какой болван пустит инженера obsługi в аппарат во время транспортировки? Под суд за это надо! Я ж говорю — лебедь, рак и щука на лазоревом поле..

— А равнодействующая куда?

— Туда, куда я полезу. На дно. К дедушке Нептуну

— Ладно, — сказал Зададаев. — Не ворчите. Вот вырчим парня, тогда лайтеся сколько влезет.

— И облаюсь, — пообещал Аракелов. — Всенепременнейше. Чтобы всей этой банде Факарао жарко стало. — Это ему понравилось, и он повторил: — База Факарао... Не База, а банда

Они спустились на главную палубу.

— Вот что, — сказал Аракелов. — Вы идите, Константин Витальевич, скомандуйте там, а я еще задержусь немного. Время есть.

Зададаев кивнул и ушел, и Аракелов направился на корму. Марийка поднялась ему навстречу, и они встали рядом, облокотясь на планширь. Море было все таким же синим и спокой-

ным, дельфины все так же неутомимо резвились в полукабельтове от «Руслана», и вообще ничего не изменилось от того, что где-то там, в ста с небольшим милях к востоку и почти на километровой глубине, лежал на боку (Аракелов и сам не мог взять в толк, почему именно на боку, но виделось ему только так) стеклокерамический кокон «Дип Вью», а в нем этот лопух Кулидж считал оставшиеся ему часы. Часы, оставалось которых только чуть больше восьми. Если, конечно, его не вытащат. Аракелов смотрел на море, но видел уже не томную, блаженную гладь, а ту черную, тугую, холодную бездну, в которой он окажется через несколько часов. В этой бездне можно работать, может быть даже жить, но привыкнуть к ней нельзя, пусть тебя уже семь лет называют «духом пучин». Это не воды шельфа, это бездна, и в ней нельзя полагаться ни на что: ни на зрение, ни на слух,— только легкий зуд эхолотатора указывает путь — как в детской игре «холодно, холодно, холодно, теплое, еще теплее, горячо, совсем горячо...».

Сейчас Аракелов был уже не здесь, но еще и не там, и здесь его удерживало только Марийкино присутствие. Она поняла это.

— Ну, ты иди. Я тоже пойду, займусь делом. Мне надо в «Марте» посидеть, на следующей станции она по моей теме работать будет. Ты сюда с собой приемник не брал?

— Нет.

— Жаль. Ну да ладно; схожу к себе. Все под музыку веселее будет. Знаешь, совсем не могу в тишине. Нужно, чтобы фон был. Ну иди, иди, все равно тебя уже нет.

— Я буду вечером,— сказал Аракелов.

— Ты же устанешь как бес.

— Все равно. Вечером я буду. А сейчас в самом деле пойду.

В холле перед кают-компанией сидели вертолетчик Жорка Ставраки, Генрих и двое ребят из палубной команды. Когда Аракелов поравнялся с ними, Жорка приветственно помахал рукой:

— Везет же тебе, дух! Нырнешь сейчас — и еще три дня к отпуску набегит... Нам бы так, простым смертным...

Аракелов остановился.

— Ну, давай поменяемся. Я здесь за тебя потреплюсь, а ты за меня вниз сходи, ладно?

— Ха, кто меня пустит? Я бы и рад...— Жорка развел руками.— Да и вообще не люблю я этого — темно и сыро. Летать рожденный нырять не может!

— Летать?— Генрих могучей дланью шлепнул Жорку между лопаток.— Порхатель ты, ясно?— И, обращаясь к Аракелову, спросил:— Заглянешь вечером?

Аракелов рассмеялся.

— Постараюсь,— пообещал он.— Но ручаться не могу.

Он сделал Жорке ручкой и сбежал по трапу вниз, в «чистилище».

«Чистилищем» его называли не зря. Потому что прежде всего Аракелова в течение получаса чистили всеми известными современной медицине способами, в том числе и весьма далекими от эстетики. Потом он ел горьковато-солонатовый баролит, чувствуя, как все внутренности наполняются чем-то упругим, пухнувшим и тяжелеют. Казалось, больше нельзя проглотить ни грамма, но надо было съесть еще как минимум полкило, и он глотал, морщась, с трудом подавляя тошноту, глотал, потому что знал: каждый — нет, один-единственный несъеденный сейчас грамм там, внизу, обретет имя «смерть».

Теперь все подчинилось жесткому, до долей секунды распisanному графику. Прямо из-за стола его под руки повели в «парилку», где на него со всех сторон обрушились горячие волны вонючего пара, впитывавшегося в тело, в каждую пору кожи, нещадно щипавшего слизистую носа и глаз, из которых горохом скатывались слезы. Это продолжалось сто тридцать пять секунд, а потом пол под ним начал проваливаться вниз, и Аракелов ухватился за поручни, окружавшие пятачок, на котором он стоял, не потому, что спуск был резким, а потому что его шатало. Теперь нужно было сделать три шага к люку «купальни». Три шага. Первый. Второй... Теперь люк. Два оборота влево. Ручки на себя. Вперед! Снова ручки на себя. Два оборота вправо. И вот он внутри. Теперь уже обратного хода нет. Впрочем, обратного хода не было с той секунды, когда он проглотил первый грамм баролита.

Еще два шага. Эти шаги всегда даются особенно тяжело. И — бассейн. Мерзкая, маслянистая, желеобразная масса, в которую плюхаешься, как в болото. Она чавкает, глотая тебя, и ты начинаешь глотать ее, дышать ею, делать самое, казалось бы, противоестественное, и весь организм, весь, до последней клетки, бунтует против этого, но ты все равно дышишь и глотаешь, глотаешь и дышишь, и постепенно становится все легче, легче, постепенно тело приобретает звенящую и упругую силу, ловкость; это приходит на исходе третьей минуты, и этот момент тоже пропустить нельзя. Надо быстро выбраться из бассейна обратно в сухой объем «купальни». Впрочем, сухим его назвать трудно, потому что с потолка сейчас низвергается не душ — настоящий тропический ливень, смывающий с тебя остатки гнусного желе. Под секущими струями этого дождя нужно сделать еще три шага — к люку баролифта. Опять два оборота влево, ручки на себя, вперед, снова ручки на себя... Этот люк двойной, и всю операцию приходится по-

вторять снова. Но это уже конец. Теперь ты в самом баролифте, где светло и уютно, а давление поднято до того, которое будет ждать тебя внизу.

Ты ложишься на диван, вернее, он только называется диваном, на самом деле это весьма неудобное сооружение, гибрид прокрустово ложа со стандартной больничной кушеткой, и диван обнимает тебя десятками датчиков, щупальцами, лентами, и это надо терпеть полчаса, пока контроль не удостоверится, что с тобой все в порядке и ты готов к выходу вниз.

А когда полчаса кончаются, щупальца и ленты отпадают от тебя, как щупальца осьминога, которому нажали на хрящевой колпачок, и ты встаешь. Уже не человек, не тот Аракелов, который восемьдесят минут назад вошел в «чистилище», — батиандр, «дух пучин», покрытый гладкой, жирно блестящей, маслянистой на ощупь кожей, с выпученными немигающими глазами, с пленкой между пальцами рук. Теперь снаряжение: моноласт, шлем, браслеты — эхолокатора, компаса и глубиномера, — пояс с ножом и сеткой...

Ну вот ты и готов, Аракелов. Теперь остается ждать.

Слава богу, подумал Аракелов, что Марийка не видит меня сейчас. Хорош... прямо первый любовник... Дух пучин!

IV

Серебристая изнанка морской поверхности беззвучно лопнула, и с обзорного экрана ударил в центральный пост ослепительный солнечный свет. Несколько секунд Джулио делла Пене, щурясь, привыкал к нему, потом поднялся, разминая затекшие от долгого сидения ноги, в два шага пересек тесную рубку и, встав на нижнюю ступеньку трапа, стал открывать замок люка. Одновременно с последним — шестым — поворотом штурвальчика и мелодичным контрольным звонком тяжелой стальной крышка резко откинулась и замерла, как поставленная на ребро монета.

В тот же миг в лодку хлынул воздух, и делла Пене почувствовал, что пьянеет. Так пьянеешь от первой затяжки, когда несколько суток не курил.

Тридцать четыре года над головой делла Пене распахивались люки подводных лодок. Самой первой была старенькая дизель-электрическая, доживавшая последние годы в учебном отряде. Мало кто сегодня помнит эти корабли-ветераны — длинные и узкие, как барракуды, с высокими боевыми рубками и стомиллиметровым орудием на палубе... Но именно на такой — даже не ракетной, а еще торпедной лодке молоденький гардемарин делла Пене ушел в свой первый учебный поход...

Потом были другие — могучие атомные левиафаны, в которых чувствуешь себя Ионой во чреве китовом, причем не просто Ионой, а Ионой-должителем, особенно к концу десятимесячного автономного плавания. И наконец, был «Тельхин». Красавец «Тельхин», воплощение целесообразности и мощи — двадцать четыре ракеты «Редикул-4А», двадцать четыре месяца автономности и всего двадцать пять человек команды, подобранной зато один к одному; офицерская лодка — две дюжины офицеров и он, командир «Тельхина», капитано ди фрегатта Джулио делла Пене... Чем, ну чем уступал «Тельхин» какому-нибудь «Микеланджело» или «Рафаэлю»? Плавательный бассейн и теннисный корт на подводной лодке — могли представить себе такое даже бессмертный создатель «Наутилуса»? Какими же убогими показались после этого контр-адмиралу делла Пене юркие субмарины Океанского патруля, отдаленные потомки «Биберов» и «Зеехундов»! Впрочем, за восемь лет он почти свыкся с ними.

Тридцать четыре года... И каждый раз, когда лодка всплыла и распахивался люк, делла Пене замирал, вдыхая морской воздух, впитывая его всем существом, купаясь в нем, потому что как бы ни была чиста и свежа внутрикорабельная атмосфера, кондиционированная, ароматизированная и еще черт знает какая, в ней неизбежно ощущался привкус искусственности. Никакими ухищрениями химиков его не удавалось отбить. А морской воздух... Попробуйте неделю-другую посидеть на оборотной воде, а потом вдоволь напиться ключевой!

До сеанса связи оставалось тринадцать минут. Собственно говоря, делла Пене всплыл чуть-чуть рановато, но в последние годы он изредка позволял себе подобные вольности. Тем более, что там, внизу, кругами ходила вторая субмарина его звена.

Делла Пене поднялся по трапу и сел на верхней ступеньке, опершись спиной на откинутую крышку люка. Из нагрудного кармана рубашки он вынул сигареты и зажигалку. Зажигалка была французская, напалмовая — опять же использование военной техники в мирных целях. Веяние времени... Делла Пене улыбнулся и закурил.

Океан был спокоен и ласков. Именно таким должен был увидеть его пять веков назад великий португалец, чтобы наречь Тихим. Будь вода чуть зеленее, а волна чуть короче, и делла Пене смог бы вообразить себя сидящим не на башенке патрульной субмарины, а где-нибудь на берегу Лигурийской Ривьеры. Стоит повернуть голову направо и посмотреть вдоль пляжа, как взгляд натолкнется на впившийся в горизонт зуб небоскреба Итальянской телефонной компании.

Впрочем, делла Пене не любил себя тешить иллюзиями. Не пристало это военному моряку. Даже если он уже восемь лет не военный моряк. Даже если военного флота уже не существует...

Пора! Делла Пене спустился вниз, сел в кресло. Несколько движений — и над субмариной взвился антенный зонд, а прямо перед делла Пене осветилась панелька рации.

— Патруль шестнадцатый в квадрате РХ вызывает Гайотиду-Вест. Как слышите меня? Прием.

Гайотида ответила сразу же.

Из динамика донесся голос дежурного диспетчера — сегодня это был Захаров.

— Гайотида-Вест к патрулю шестнадцатому. Слышу вас хорошо. Прием.

— Докладываю: патрулирование во вверенном мне квадрате РХ закончено. Прошу разрешения на передислокацию в квадрат ОХ. Прием.

Делла Пене был не прочь поболтать с Захаровым, может быть, договориться о встрече вечером — посидеть, сыграть в шахматы или го — два старика, два адмирала. Только Захаров был в прошлом вице-адмирал и держал свой флаг не на подводной лодке, а на крейсере. Но, во-первых, связь запрещено использовать для личных разговоров, а во-вторых, слишком въелась в делла Пене привычка ни о чем не говорить по радиоклером¹.

— Шестнадцатый, передислокацию. запрещаю.

Значит, какое-то изменение в обычной, рутинной патрульной службе. Руки действовали сами, в автономном режиме: правая включила вызов ведомой субмарины по гидроакустическому каналу и, как только на панели акустической связи замигала квитанционная лампочка, перебросила вверх тумблер ретранслятора: теперь Чеслав услышит все, что будет говорить диспетчер Гайотиды; левая одновременно включила бортовой магнитофон, а когда Захаров назвал координаты района поисковой операции, сразу же перенесла их в память курсопрокладчика.

— ...По обнаружении глубоководного макаемого аппарата² «Дип Вью» всплыть на поверхность и вступить в радиоконтакт с советским научно-исследовательским судном «Руслан». Позывные «Руслана»...

Делла Пене, продолжая слушать, встал и задрал люк —

¹ К л е р — открытый, незашифрованный текст.

² Аппараты для глубоководного исследования делятся на автономные, то есть способные самостоятельно передвигаться под водой (например, батискаф), и макаемые — все время связанные с надводным кораблем (например, батисфера).

вот когда теснота патрульных субмарин даже удобна. Потом вернулся в кресло.

— Как поняли меня, шестнадцатый? Прием.

— Гайотида-Вест, вас понял. Следующая связь — вне графика. Прошу вести дежурство на моей волне. Прием.

— Добро.— И совсем уже не по-уставному Захаров добавил, не удержался-таки, старый черт:— Славную работенку я сосватал тебе, Джулио? С тебя бутылка, адмирал! Отведи душу!

И делла Пене стал отводить душу Это было подлинно блестящее аварийное погружение: еще не успела вернуться в свое гнездо зонд-антенна, как лодка встала почти вертикально, так, что делла Пене удерживался в кресле только благодаря пристежным ремням, и, ревя обеими турбинами, стремительно пошла вниз, словно над ней кружил бомбардировщик, в любую секунду готовый сбросить кассету глубинных бомб. Такой маневр был бы не под силу даже «Тельхину», подумал делла Пене. Мысль эта была одновременно и горькой и гордой.

На пятистах метрах делла Пене выровнял субмарину и лег на курс, идти которым предстояло минут тридцать — сорок. Он по гидроакустике связался с Чеславом. Собственно, до выхода в район поиска этого злополучного «Дип Вью» им не о чем было договариваться, так как вся захаровская инструкция была записана и на бортовой магнитофон ведомой лодки. Поэтому делла Пене уточнил дистанцию между лодками — место ведомого было на два километра позади и на полкилометра правее ведущего в том же глубинном поясе. По выходе в район поиска они должны были сблизиться и работать в более тесной паре. Конечно, по гидроакустике можно было бы и просто поболтать, но делла Пене этого не хотелось. В сущности, он недолюбливал Чеслава, хотя упрекнуть его в каких-либо служебных просчетах при всем желании не мог. Просто его раздражал этот тощий, вечно лохматый парень, всюду шлявшийся в расстегнутой до пупа рубашке-безрукавке и бежевых шортах с разрезами на боках. К тому же Чеслав не знал ни слова по-итальянски, так же как делла Пене по-чешски, и объясняться им приходилось на английском. Правда, с Захаровым тоже... Но Захаров — это Захаров, и с ним они вечером обязательно сыграют партию в го. С Чеславом же они слишком разные люди. Чеслав — просто молоденький подводник, кончивший двухгодичные курсы Океанского патруля. А Захаров, как и делла Пене, потомственный военный моряк.

Потомственный... Сколько же поколений рода делла Пене связало себя с морем? Поколений двадцать, если считать по четыре на столетие. Первым был Пьетро делла Пене, который

командовал галерой в армаде Андреа Дориа и потерял руку в абордажном бою с пиратами алжирского султана Барбароссы Второго. Потом были другие, множество других, пока очередь не дошла до Луиджи делла Пене, который первым изменил морской поверхности ради глубин. Именно он, Луиджи, сперва вытащил из затонувшей подводной лодки последнего оставшегося в живых члена экипажа, а потом, пройдя боновое ограждение Александрии, торпедировал английский линкор «Вэлиент». Мало кто из них, этих бесчисленных делла Пене, был похоронен в фамильном склепе на кладбище Кампо Санто. Там спали вечным сном рыцари и художники, купцы и аббаты, жены и дочери рода делла Пене. Правда, на многих могильных камнях можно было прочесть и имена моряков. Но надгробия эти являлись лишь символами, ибо не может человек уйти из этого мира бесследно. Ибо должна существовать могила в освященной земле, пусть даже в могиле этой покоится не тело, а лишь прозвела, маленький восковой крест с именем того, кто погиб в море. А тела лейтенантов, капитанов и адмиралов делла Пене, зашитые в парусину, с тридцатишестифунтовым ядром или тяжелым колосником в ногах соскальзывали с перекинутой через планширь доски, чтобы через десятки лет раствориться в морской воде, превратиться в нее, окончательно соединив себя с Мировым океаном.

Впрочем, это не его судьба. Джулио делла Пене еще через два-три года окончательно выйдет в отставку и вернется в родную Геную, чтобы спокойно доживать век в уютной квартире одного из домов на Бернабо-Бреа...

Как и большинство профессиональных военных, делла Пене ненавидел войну. Потому что это грязное ремесло. Потому что это страшное ремесло. Но пока оно существовало, кто-то должен был этим заниматься. И этим занимались из поколения в поколение делла Пене, род не самый известный и не самый славный, но всегда стоявший плечом к плечу с Дориа и Магелланами, стоявший насмерть, недаром девизом их было «Семпер фиделис»¹. Делла Пене помнил, какая волна радости захлестнула его десять лет назад, когда был наконец подписан Договор о всеобщем и полном разоружении. Эта волна подняла его — и не только его, но и всех, кто был тогда рядом с ним, а было это в Рио-де-Жанейро, куда «Тельхин» зашел с дружественным визитом, — бросила на берег, и была музыка. и были крики, и костры на площадях, и незнакомые целовались с незнакомыми, и тогда он ни разу не подумал о том, а что же будет дальше. Впрочем, дальше ему повезло: не в пример многим, кому пришлось просто выйти в отставку и до-

¹ Сем пер фиделис (Semper fidelis — лат.) — всегда верный.

живать свое на берегу или искать себе другую профессию, ему удалось попасть в Океанский патруль, почти не изменив ни флоту, ни субмаринам.

И сейчас его субмарина, надсадно воя обеими турбинами, ввинчивалась в толщу воды, раздвигая ее, а вместе с ней — незримый прах поколений военных моряков делла Пене.

Когда взрыв разворотил турбинный отсек субмарины и вода под давлением в полсотни атмосфер ринулась внутрь лодки, круша все на своем пути, делла Пене не успел подумать о том, что и ему не придется ложиться в склеп на кладбище Кампо Санто. В его распоряжении оставалось около пяти секунд, и за это время он включил гидроакустику и отдал команду Чеславу. Потом переборка за его спиной лопнула, и вода ворвалась в центральный пост.

Если бы Чеслав был военным моряком, привыкшим автоматически выполнять любой приказ,— возможно, он остался бы в живых. Но он был лишь выпускником курсов Океанского патруля. И пока смысл отданной команды доходил до него, он не раздумывая бросил свою лодку вперед, туда, где раздался взрыв. Он не мог понять логики приказа, он не мог уйти, когда там, впереди... И уже бессмысленно жал и жал от себя дошедшую до упора рукоятку, турбины не выли — визжали в немыслимом, невозможном форсированном режиме, визжали еще целых четыре минуты, пока новый взрыв не заставил их замолчать.

v

Только этого мне и не хватало, подумал Аракелов. Только этого... Но — чего? Что могло случиться и что случилось там, внизу? Связи с патрульниками не было. Все, чем мы располагаем пока, — два подводных взрыва с интервалом в четыре минуты. Два взрыва в том самом районе, где должны были находиться субмарины. Так что пока еще ничего не известно. Может быть, пройдет еще полчаса, и субмарины всплывут, и свяжутся по радио с Гайотидой или с нами, и доложат об обнаружении «Дип Вью». Да, подумал Аракелов, может быть. Но он знал, что быть этого не может. Просто потому, что там, внизу, вероятность благоприятности всегда меньше половины. Просто потому, что если там что-то происходит, то происходит самое худшее из возможного. И чутьем опытного батияндра Аракелов понимал, что патрульники уже никогда не выйдут на связь. Это были не эмоции. Это было знание, пусть даже знание интуитивное.

Но взрывы, взрывы? При чем здесь взрывы? Это нужно было понять прежде всего. Нужно было думать, думать, думать. Так же, как думают сейчас наверху, на мостике и в пультовой, так же, как ломают сейчас голову на Гайотиде-Вест.

Аракелов положил руки на клавиши телетайпа.

«Вас понял. Когда выйдем в точку?»

«Через двадцать минут».

«Следующая связь через двадцать минут. Если не будет новых данных. Конец».

«Вас понял».

Аракелов отошел от телетайпа и опустился на диван.

Взрывы, взрывы... Какие еще сюрпризы преподнесла на этот раз пучина? Сюрпризы — это в ее характере. Сволочном ее характере. Это только для тех, кто плавает по поверхности или погружается в батискафе или субмарине, море — однородная среда с повышающимся пропорционально глубине давлением. Для того чтобы понять характер пучины, надо стать батиастром, надо войти в нее, слиться с ней, но не отождествляя себя с этой массивной, тяжелой, холодной и бесконечно чуждой средой, а противопоставляясь ей. Стать духом пучин, оставаясь человеком, — только так можно познать характер моря.

Но... какого же характера этот новый фокус? Что могло погубить две субмарины?

Патрульные субмарины Аракелов прекрасно знал. Мощные, надежно защищенные одноместные корабли, оснащенные турбинами Вальтера, маленькие и верткие, способные проникнуть в любую расселину, в любой подводный каньон в пределах своего горизонта. А горизонт у них не бедный — полторы тысячи метров вниз. До сих пор они считались практически абсолютно надежными. За последние десять лет было всего три случая их гибели, причем две лодки просто-напросто выбросило на берег цунами, а третью по собственной глупости загубил сопляк стажер. Мелкие аварии — другое дело. Мелкие аварии бывали. И всегда объяснялись либо техническими причинами, либо неумелыми действиями водителей. И то и другое возможно всегда. Но гибель двух лодок сразу? У двух лодок не может быть двух одинаковых дефектов. Два водителя не могут ошибиться одинаково, по шаблону. Во всяком случае, вероятность этого исчезающе мала. И считаться с ней, пока существуют более вероятные объяснения, не стоит.

Значит, поищем причину вовне. А может быть, рано все же искать причину? Вдруг взрывы эти не имели никакого отношения к субмаринам? Вдруг через какие-нибудь пятнадцать — двадцать минут они восстанут из мертвых и заговорят со

своей базой или с нами? Заговорят, всплыв на поверхность или выйдя в эфир через буйковые радиогидроакустические ретрансляторы? Это было бы прекрасно, подумал Аракелов. Это было бы просто замечательно. И даже не потому только, что два водителя, два здоровых и веселых парня с Гайотиды-Вест оказались бы живыми тогда, когда он мысленно уже похоронил их. Но и потому еще, что операция по спасению «Дип Вью» снова стала бы заурядной. Тогда как сейчас... А что, собственно, сейчас, после гибели субмарин?

Только то, что, если погибли две, погибнет и третья. О себе Аракелов пока не думал, о себе думать было рано — выходить ему предстояло еще не сейчас.

Он встал, подошел к телетайпу.

«Связь с Гайотидой-Вест. Срочно».

«Вас понял».

Аракелов поднял глаза на табло часов. Цифры секунд менялись томительно медленно, как отснятые на рапиде. Наконец пультовая доложила:

«Гайотида-Вест на связи».

«Что предпринято для поиска и спасения погибших субмарин?»

Аракелов знал, что официально субмарины еще не считаются погибшими или даже пропавшими без вести: рано. В конце концов, эти взрывы не аргумент. Но он прекрасно знал и другое: Зададаев, который сейчас сидит на связи, найдет нужную формулировку для запроса. Ему же, Аракелову, искать формулировки сейчас было некогда.

«В квадрат поиска направляется два звена патрульных субмарин из смежных квадратов».

«Срочно остановить их. Дать общий вызов через все буйковые радиогидроретрансляторы».

«Зачем?»

«Там, где погибли две...»

«Погибли?»

«Уверен».

«Понял». Зададаев не первый год работал с духами и верил их чутью не меньше, чем приборам.

«Где погибли две, погибнет третья».

«???»

«Гипотеза. Но риск слишком велик».

«Вас понял».

«Где бы они ни находились, пусть всплывают на поверхность и возвращаются на Гайотиду. Или ложатся в дрейф. Конец».

Аракелов посмотрел на часы. Итак, у Кулиджа кислородного ресурса остается на пять часов. Пять часов с минутами,

которые не делают погоды. А у него, Аракелова, остается часа три. Часа три на то, чтобы понять, что же происходит там, внизу. Когда эти три часа кончатся, он в любом случае пойдет вниз. Это первая заповедь всех, кто ходит вниз: для спасения человека должно быть сделано все. Даже бессмысленное уже. Не только живого, но и мертвого нельзя оставлять его там. Потому что тогда не пойдет вниз другой. Только этот неписанный закон дает людям уверенность. И нарушить его Аракелов никогда не решился бы. Через три часа он пойдет вниз, даже если его ждет судьба двух погибших субмарин. Через три часа, потому что не меньше часа ему понадобится на самую операцию, а на всякий случай нужно взять двойной запас времени. Но эти три часа, которыми он еще волен распоряжаться, должны быть использованы до конца. А это значит — думать, думать, думать...

Аракелов оперся руками на станину телетайпа и так и замер, согнувшись, словно стараясь прочесть на остановившейся мертвой ленте что-то очень и очень важное. Внезапно лента тронулась.

«Внимание. Сейчас дадим изображение».

«Понял. Жду».

Аракелов поднял голову к экрану, выступавшему из стены над пультом телетайпа. Изображение уже появилось: в бледном свете прожекторов медленно уползало назад дно, покрытое похожим на мелкий белый песок глобигериновым илом. Там и сям извивались пяти- и восьмилучевые офиуры, а среди разбросанных по дну морских огурцов медленно ползали похожие на улиток гастроподы. Колония губок напоминала клумбу тюльпанов; они на добрый метр тянулись вверх и мягко покачивались из стороны в сторону. А рядом, наполовину уйдя в ил, лежали два неправильной формы куска металла. Первый мог быть чем угодно или остатком чего угодно. Но второй... Теперь гибель по крайней мере одной из патрульных субмарин стала фактом. Патрульник борт шестнадцатый... Аракелов на миг склонил голову, а когда снова поднял ее, то металлических обломков на экране уже не было — только ил, редкие кругляши полиметаллических конкреций да раскоряченные звезды офиур...

Патрульники погибли. Обломков второго Аракелов не видел, но интуитивная уверенность переросла теперь в абсолютную. И он — единственный батиаандр. Единственный. Почему он вдруг подумал об этом? Нет, это был не страх. Страх он узнал бы. Страх — штука привычная, и со страхом он умел не считаться. Это была ответственность. Единственный — значит выручить Кулиджа должен он. Только он. А для этого он должен уцелеть.

Он вызвал Зададаева.

«Что с японцем?»

«В четырех часах хода. На него не рассчитывай».

«Что с патрульниками Гайотиды?»

«Всплыли и дрейфуют. Изображение мы транслировали и на Гайотиду».

«Вас понял».

Аракелов подумал с полминуты, потом решил.

«Мне нужна «рыбка».

«Рыбкой» именовали в быту второй глубоководный аппарат «Руслана». Настоящее его название состояло из семи букв и четырех цифр, причем буквы шли в такой последовательности, что произнести больше трех подряд не сумел еще никто. Зато на рыбу он действительно был похож: четырехметровая сербристая сигара аппарата сплющивалась с боков, рули направления и глубины напоминали плавники, хотя и непропорционально маленькие для такой туши, а спаренные объективы стереоскопической телекамеры довершали сходство — этикие немигающие бездонно-глупые рыбы глаза. Обычно «рыбка» тащилась за «Русланом» на буксире, выдерживая заданную глубину, но иногда ее спускали с привязи, и она плавала на свободе, повинувшись только приказам собственного недоразвитого — истинно рыбьего — электронного мозга.

Именно это и было нужно теперь Аракелову.

«Вас понял», — ответил Зададаев.

«Заглубите ее на шесть сотен. Потом спиралью радиусом порядка километра — вниз до девяти. Анализы — стандартный набор. Акустический контакт — непрерывный. Жду. Конец».

«Понял, — отстучал Зададаев. — Добро».

Изображение на экране медленно смещалось — «Руслан» отрабатывал на самом малом ходу. В блеклом эллипсе электрического света проплывало дно. Фиксация: ерунда, какая-то старая канистра. Рядом с ней — бутылка. Дальше... Фиксация: еще один металлический обломок... Дальше...

Пять минут... Десять... Пятнадцать... «Рыбка» уже заглубилась на шестьсот метров и сейчас начала описывать первую циркуляцию — битком набитая электроникой торпеда, оставляющая за собой цепочку пузырьков отработанного кислорода.

Двадцать минут... Двадцать пять... Время, время, время! У Кулиджа осталось всего двести пятьдесят пять минут. Следовательно, у Аракелова — сто тридцать пять. А потом — вниз.

Только бы «рыбка» прошла!

Лента в окошке телетайпа дернулась и поползла.

«Нету «рыбки», Саша. — Всего второй раз за три года сов-

местной работы Зададаев назвал его по имени. — Взорвалась. На втором витке».

«Понял».

На самом деле Аракелов ничего не понимал. Что происходит? Что там за чертовщина? Но понять можно было одним-единственным способом — думать. Думать. И еще раз думать.

А что думает сейчас в своем стеклянном пузыре Кулидж? Что думают наверху, в пультовой, Зададаев и ребята? И что думают на Гайотиде-Вест?

VI

В тринадцать ноль-ноль пришел сменщик, и в тринадцать пятнадцать Захаров, сдав дежурство, закрыл за собой дверь диспетчерской. От затылка поднималась и растекалась по черепу тупая боль. В ушах резкими ритмичными толчками отдавался ток крови. Пожалуй, давно уже его не хватывало так крепко.

Захаров постоял несколько минут, потом осторожно пошел по коридору, следя за тем, чтобы шаги получались ровными и размеренными: так было легче. Свернув за угол, он оказался у дверей, ведущих на террасу. Услужливая пневматика распахнула стеклянные створки, и он вышел наружу, на прохладный ветерок, от которого стало легче дышать. Он сел на деревянную скамью и достал из внутреннего кармана плоскую коробочку. Стараясь не делать резких движений, Захаров вынул из нее две ампулы, взяв их в левую руку, убрал коробку обратно, потом приставил ампулы присосками к шее — сразу под обрезом волос. Через минуту ампулы отпали, как насытившиеся пиявки. Теперь оставалось только посидеть с четверть часа, пока скажется действие лекарства. Захаров расслабился и стал ждать.

Скамейка купалась в тени — солнце стояло на юге, и башня Гайотиды закрывала его. Широкая полоса тени, отбрасываемой башней, падала на воду и на понтоны волновой электростанции.

Мимо прошла группа туристов, человек десять — двенадцать. Судя по нескольким долетевшим до него словам, это были испанцы. Впрочем, подумал Захаров, мало ли где говорят по-испански... Ему и самому случалось водить по Гайотиде туристские группы, и он назубок знал весь набор восторгов и цифр, который обрушивается на головы охочих до экзотики туристов. Гайотида — восьмое (девятое, десятое — смотря на чей счет) чудо света. Гайотида — самая крупная международ-

ная стройка. Стройка века. Ура, ура, ура! Впрочем, если отбросить иронию, это и в самом деле грандиозно — бетонная башня диаметром в двести с лишним метров, основанием упершаяся в плоскую макушку гайота почти на километровой глубине, а вершиной поднявшаяся на полсотни метров над уровнем океана. Гигантский промышленно-научный комплекс, создать который удалось лишь совместными усилиями более чем десятка стран. Собственно, Гайотида — это название собирательное. Так называется целый искусственный архипелаг из четырех однотипных станций-башен, удаленных на полтора-два — двести миль друг от друга. Каждая из них имеет собственное наименование: Гайотида-Вест, Гайотида-Норд и так далее.

Несколько десятков лет назад, вскоре после открытия Хесом гайотов, появилась гипотеза о существовавшей некогда в Тихом океане великой суше — Гайотиде, от которой до наших дней только и дошли гайоты да жалкие островки Маркус и Уэйк. Кто его знает, была ли такая земля. Слишком уж их много, этих гипотетических Атлантид, Пасифид, Микронезид и прочих «ид». Но Гайотида была построена, хотя до сих пор многие не уверены, что создание ее оправдается хотя бы в отдаленном будущем.

А экономика — это все. И потому, кроме донных плантаций и комбинатов по добыче из воды редкоземельных элементов, кроме волновых и геотермальных электростанций, сделавших Гайотиду энергетически автономной, кроме лабораторий, мастерских и эллингов Океанского патруля, здесь появились туристские отели и искусственные пляжи, бары и магазины сувениров, потому что туристов тянет на свежатинку, а с собой они приносят валюту, и не считаться с этим, увы, нельзя.

Группа давно уже прошла, а Захаров все еще сидел, расслабившись, глядя прямо перед собой, пока не почувствовал наконец, что боль начала спадать, а потом ушла совсем, оставив только легкую тошноту и тяжесть в голове. Тогда Захаров встал и, войдя внутрь, подошел к ближайшему телефону. Разговор был коротким. Потом скоростной лифт за каких-нибудь полторы минуты вознес его на четырнадцатый этаж. Здесь были кинозалы, дансинги и бары.

«Коралловый грот» — излюбленное место туристов — изнутри был отделан настоящим кораллом. Сам бар находился как бы в огромном стеклянном пузыре, за стенками которого в ярком свете хитроумно запрятанных ламп шныряли между ветвями полипов пестрые коралловые рыбки.

«Черная шутка» — так называлась когда-то бригантина одного из известнейших пиратов, де Сото. Удивительно, как живуча эта флибустьерская романтика! Разлапистые адмирал-

тейские якоря, пушки и горки чугуновых ядер, грубо сколоченные столы и бочонки вместо стульев, официанты в красных платках с пистолетами за поясом и обязательной серьгой в ухе — с каким восторгом клюют на это до сих пор!

Но те, кто работает на Гайотиде, не бывают здесь. Может быть, сперва... А потом — потом идут в «Барни-бар».

Когда-то Барни был одним из лучших фрогменов — боевых пловцов американского военного флота. Потом он завел себе бар где-то на Восточном побережье, а при первой же возможности перебрался сюда. Он сразу понял, что среди всей этой экзотики нормальным людям нужен самый обычный бар, обычная стойка, обычные столы и кресла. И не просчитался.

Захаров вошел в бар. Здесь было прохладно — кондиционеры работали на полную мощность — и почти пусто. У стойки сидел Аршакуни и негромко беседовал о чем-то с Барни. Захаров поздоровался с ними.

— Что стряслось, Матвей?— спросил Аршакуни.

До чего же трудно говорить! Горло сжало, и слова приходилось проталкивать — так бывает при хорошем гипертоническом кризе.

— Джулио,— сказал Захаров.— Джулио делла Пене и Чеслав Когоутек. Погибли. Полтора часа назад.— Последние слова он произнес по-английски, чтобы Барни понял тоже.

Аршакуни встал.

— Я не знал,— сказал он.— Я был в ремонтном... Как?

— Взорвались.

— Почему?

— Не знаю. И никто пока не знает.

Барни поставил на стойку стаканы и бутылку. В прозрачной жидкости купалась мохнатая зеленая ветвь. Барни плеснул водку в стаканы, бросил туда же лед.

— Джулио любил граппу. Выпейте за него.

— И ты,— сказал Захаров.

— Я при исполнении.

— И ты!— приказал Захаров.

На какое-то мгновение оба вернулись в прошлое — грозный вице-адмирал и старшина. Барни поставил на стойку третий стакан, налил.

— Есть, сэр,— с выработанным долгими годами флотской службы автоматизмом ответил он.

— Если бы они умерли на земле,— медленно проговорил Аршакуни,— я сказал бы: «Да будет земля им пухом». Но они погибли в море, и я не знаю, что сказать.

— Ничего,— сказал Захаров.— Ничего не говори, Карэн. Потому что нужного ты все равно не скажешь.

— Возьмите так,— сказал Аршакуни, зажав стакан в кула-

ке.— И чокнемся. Нет, не стеклом — пальцами. Так пьют у нас в Армении за помин души.

Они выпили. Граппа была холодной, но внутри от нее сразу же все согрелось, и Захаров почувствовал, как растаяла какая-то льдинка, застрявшая в горле и мешавшая говорить. И в этом ощущении трех соприкоснувшихся на мгновение рук тоже было что-то хорошее и настоящее.

— Джулио любил граппу,— снова сказал Барни.

— Он был итальянцем,— ответил Аршакуни.

— Нет. Смотрите.— Барни повертел бутылку в луче света.— Видите?

Жидкость струилась, обтекая зеленые мохнатые стебельки, и они качались, извивались, словно водоросли.

— И в этом для него было море. Он просто очень любил море. Хорошо, что он остался там.

Да, Джулио, подумал Захаров, помнишь, как не хотел ты ложиться в фамильный склеп на Капмо Санто? Будь ты сейчас с нами, Джулио, ты согласился бы с Барни. Ты выпил бы с нами — за то же. Если бы ты был с нами... Если бы не я сам послал тебя туда! «Славную работенку я сосватал тебе, Джулио? С тебя бутылка, адмирал! Отведи душу!» Ты не отвел, ты отдал ее, Джулио...

Барни налил по второй.

— Выпейте, адмирал. Вам сейчас надо выпить.

Захаров знал, что пить ему нельзя, но все-таки Барни был прав, и они с Аршакуни молча выпили.

— Почему те, кто погибает, самые лучшие? Сколько нас было и есть, и прекрасные люди, но те, кто погиб,— лучшие?

Аршакуни посмотрел на Захарова своими темными глазами — посмотрел пристально и добро.

— Мы есть, а их больше нет.

— Какие люди, какие люди... Джулио, Чеслав...

Аршакуни положил ему руку на плечо.

— Мне пора идти, Матвей. Меня ждут в ремонтном.

— Иди,— сказал Захаров.

Аршакуни ушел. У начальника ремонтных мастерских всегда очень мало времени. Захаров посмотрел ему вслед, потом повернулся к бармену:

— Налей мне еще, Барни.

В этот момент кто-то обратился к нему сзади — по-русски, но с таким невообразимым акцентом, что Захаров не сразу понял:

— Простите, мне сказали, что вы — дежурный диспетчер. Что слышно о «Дип Вью»?

Захаров обернулся. Высокий блондин в форме американ-

ской гражданской авиации со значком «Траспасифика» на груди. Очевидно, с того дирижабля. И лицо... Странно знакомое лицо...

— Да,— сказал Захаров по-английски.— Я был дежурным диспетчером. До тринадцати ноль-ноль. «Дип Вью» ищут. И может быть, спасут. Вот только кто спасет двух подводников, погибших при поисках?

Получилось зло, резко и зло, и Захаров сам почувствовал это.

— Извините,— сказал он.— Погиб мой друг.

— Я не знал. Простите.

Летчик спросил виски.

— Двойной. Со льдом.— И, перехватив недоуменный взгляд Захарова, пояснил:— Мне можно. Теперь можно. Позвольте представиться: Сидней Стентон, командир этого дирижабля. Собственно, бывший командир. Меня уже отстранили — до окончания расследования. Следственная комиссия прилетит завтра. Так что сегодня мне можно.

Захаров в свою очередь представился.

— Стентон, Стентон... Почему мне кажется, что я знаю вас?

— Не знаю,— ответил Стентон.— По-моему, мы с вами до сих пор не встречались.— И сразу же переменял тему:— Как вы думаете, его спасут?

— Кого?

— Кулиджа. Который в «Дип Вью».

— По всей вероятности.

— Хоть бы его спасли,— тихо сказал Стентон.— Только бы его спасли...

— Вы знали его?

— Нет. Но он бы меня узнал. Если его спасут — я набью ему морду. Ох, как я набью ему морду! За все: за него, за Кору, за себя, за ваших подводников...

Захаров повернулся к бармену:

— Налей нам еще, Барни. Нет, мистеру Стентону повтори, а мне хватит. Мне минеральной.— И, обращаясь к Стентону, добавил:— Пойдемте за столик, мистер Стентон. Там уютнее. И легче поговорить.

VII

«Дип Вью» больше всего походил на увеличенный в десятки раз глубинный поплавок Своллоу. Трехметровая сфера была образована множеством пятиугольных стеклокерамических сегментов, вложенных в титановую решетку. Последнего, впро-

чем, Аракелов не видел, это он вычитал из описания, врученного ему Зададаевым еще наверху. Видел он просто гигантскую граненую пробку от хрустального графина, этакий слабо светящийся... Аракелов попытался подобрать подходящее стереометрическое определение, но в голову ничего не приходило: слишком много граней. Одним словом, дофигаэдр. Тоже неплохо. Аракелов улыбнулся. Сходство с пробкой довершал расположенный под сферической гондолой металлический цилиндр, наполовину ушедший в ил. Это был наполненный дробью аварийный балластный бункер, вес которого и не давал «Дип Вью» всплыть. Изображение на экране было четким. Аракелов видел даже две контрольные чеки — металлические спицы с красными жестяными флажками на концах.

Отсюда все выглядело предельно просто. Выйти, доплыть до аппарата — это каких-нибудь несколько десятков метров, — вынуть контрольные чеки. Девять штук. И все. На это уйдет максимум час. С двойным запасом — два. Время еще есть. Картина была соблазнительна в своей доступности, но в нее никак не укладывались взорвавшиеся субмарины. И взорвавшаяся «рыбка» тоже. Аракелов прошелся по камере баролифта. С ума впору сойти. А что? Это был бы неплохой выход... Особенно если учесть, что он — единственный батияндр на ближайшие тысячи миль и, кроме него, Кулиджа выручить некому.

Взять и выйти. А там будь что будет.

Нет, милый. Не имеешь ты на это права — не будь что будет. Ты должен выйти и сделать. Потому что больше сделать это некому.

Замигал вызов телетайпа. Аракелов подошел, посмотрел. На ленте было всего одно слово:

«Спускать?»

Аракелов прикинул: думать ему все равно где, а когда он сообразит, в чем дело, внизу он сразу же сможет выйти наружу. Или — выйдет через девяносто с чем-то минут, когда на размышления времени уже не останется. Со всех точек зрения спускаться имеет смысл.

«Спускайте», — отстучал он.

Через минуту пол под ногами дрогнул: баролифт отделился от корпуса «Руслана». Аракелов подошел к иллюминатору — как раз вовремя, чтобы увидеть, как исчезли наверху раскрытые створки донного люка. Баролифт превратился теперь в макаемый аппарат, в принципе мало чем отличающийся от того же «Дип Вью». Он медленно опускался в глубину, связанный с «Русланом» пучком фидеров и тросов. При такой скорости, прикинул Аракелов, спускаться придется минут пятнадцать.

Вода за стеклом иллюминатора постепенно меняла цвет:

из зеленой она стала голубой, потом синей, наконец — пурпурной. Так, подумал Аракелов, значит, прошли около двухсот метров. Для опытного батияндра само море — достаточно точный глубиномер. Триста метров — вода из темно-пурпурной стала иссиня-черной. Аракелов включил внешние прожектора. В самое стекло иллюминатора ткнулась рыбина — она была похожа на каменного окуня, сантиметров сорок — пятьдесят длиной. Баролифт шел вниз, и рыба вскоре отстала.

Нечто, взрывающее субмарины. Может ли это нечто быть связано с самим «Дип Вью»? Пожалуй, нет. Во всяком случае, это исчезающе маловероятно. А что более вероятно?

В лучах прожекторов видимость была вполне терпимой. Аракелов до боли в глазах пялился туда, где за пределами освещенного пространства сгущалась холодная и тягучая тьма. Но ничего не увидел. Ничего, объяснявшего эти проклятые взрывы. Бывает так: не видно, но чувствуется. А тут — ничего. Ничего и никого. Рыб и то не видно больше. Только вода.

Вода, взрывающая субмарины. Бред!

Но это не просто вода. Это она — черная, тугая, упругая. Пучина. И в ней возможно все.

Аракелов подошел к телетайпу. И в этот момент баролифт мягко трянуло. Дно.

Замигал вызов, поползла лента. Зададаев спрашивал, когда выход.

«Не знаю», — отстучал Аракелов.

«Не понял».

«Я тоже. И пока не пойму, не выйду. У меня еще час десять резерва. Погибли субмарины. «Рыбка». Если что-нибудь случится со мной — кто выручит Кулиджа?»

«Понял. Час десять при двойном запасе на работу?»

«Да».

«Понял. Что делать?»

«Мне нужен анализ воды».

«На что?»

«Не знаю. Полный».

«А по глубинам?»

«Полный».

«Не успеть».

«Запросите Факарао. У них здесь была многосуточная станция. Конец».

«Понял. Ждите».

Аракелов сам толком не знал, зачем ему эти данные. Просто это была единственная ниточка, по которой стоило пойти. Идти по ней можно было еще минут семьдесят. А потом — потом в любом случае выходить. Но это потом. А пока надо думать.

О чем? О воде. О пучине. Не могу я думать просто так. Нужно хоть за что-то зацепиться. За что же зацепиться? Если за субмарины? Что с ними могло произойти? Взрыв — это ясно. Но почему? Отчего? У двух сразу... Нет, не сразу. С интервалом в четыре минуты. Субмарины идут строем уступа. Если в походном порядке — ведомая на два километра позади и на полкилометра правее по ходу; если в поисковом порядке — на полкилометра позади и на двести пятьдесят метров правее. Так. В этом что-то есть... В каком порядке шли субмарины?

Аракелов связался с Зададаевым. На выяснение ушло еще несколько минут. Диспетчер Гайотиды-Вест ручаться не мог, но, по всей видимости, порядок был походный, субмарины еще не успели перестроиться для поиска. Что ж, будем исходить из этого.

Итак, субмарины идут в походном порядке. А на пути у них сидит... Кто? Ну, скажем, такой осьминог-мутант. Кракен. Здоровый такой. С боевым спаренным лазером в трех руках. Или ногах? Подождал, высчитал упреждение, а потом — трах ведущую! Сидит, потирает щупальца — как, мол, я их, а?! Через четыре минуты подходит ведомая. И ее тоже — трах! Логично. Картинка — любо-дорого!

Ловушка. Какая может быть ловушка? Кто может ставить на дне ловушки? Человек? Нет, пожалуй. На могильник — ВВ, ОВ¹ или радиоактивные отходы — не похоже, взрыв каких-нибудь затопленных бомб или снарядов был бы куда мощнее. А всякие засекреченные подводные базы, на которых о разоружении слыхом не слыхали, — бред собачий. Как осьминог с лазером.

Так кто же может ставить на дне ловушки?

Телетайп: «Примите физико-химический анализ воды по данным Факарао».

Аракелов стал следить за лентой, на которой теперь зарябили символы и цифры. Они ползли нескончаемой чередой, но это было не то, не то, не то... Нормально, нормально, в пределах нормы... Соленость... Количество взвешенных частиц. Норма. Газовый состав... Кислород... Мало. Очень мало. Но и это не то. Совсем не то. Никогда еще не взрывались субмарины из-за недостатка кислорода в воде. Вот отсутствие рыб это объясняет. Но мне сейчас на это наплевать. Сероводород... Этим можно тоже пренебречь. Концентрация, правда, великовата. Ну и концентрация! Про такую Аракелов и не слышал — хоть лечебницу открывай, но сейчас это его не касалось. Нефть... Нет. Что еще? Норма, норма, норма... Ничего.

Пустой номер.

¹ ВВ — взрывчатые вещества; ОВ — отравляющие вещества.

А он в осаде. Потому что с каждой потерянной им минутой растёт напряжение наверху. Нет, никто, конечно, не обвинит его в трусости. Но... И это «но» страшнее всего. Потому что они будут правы. Ведь он не рискнул выйти в пучину. Туда, где взорвались две субмарины и «рыбка».

Могучие субмарины, оснащенные турбинами Вальтера, способные развернуться на месте в любой плоскости, выполнить практически любую фигуру высшего пилотажа. «Рыбка», полторы тонны электроники и металла, неторопливо плывущие сквозь толщу, оставляя за собой серебристую цепочку пузырьков отработанного кислорода...

И осьминог-мутант. Сидит и ждет. А потом — трах-тарарах по ним лазером... По пузырькам прицелился... Почему по пузырькам?

Черт его знает, почему. Просто потому, что и лодки, и разведчик оставляют за собой пузырьки. Лодки не военные, им демаскироваться не страшно. А «рыбке» — и подавно.

Время, время... Если через полчаса он ничего не придумает...

Он придумает. Иначе быть не должно. И не будет.

Потому что он не может, не имеет права идти на авось. Боишься, Аракелов? Нет. Не имею права.

Тебе скажут — трус. Или не скажут — подумают, но и этого довольно. И Марийка станет отводить глаза и уже не подсядет рядом...

Не думай об этом. Думай о деле.

И тут его осенило: он использовал «рыбку» просто как некий самодвижущийся предмет, ему важно было, взорвется она или нет. А всю аппаратуру, которой «рыбка» была набита битком, он упустил из виду. Болван!

Он затребовал телеметрию «рыбки».

Опять пустышка! Только этот дурацкий сероводород. Все остальное — в норме. Но этот сероводород... Что может сделать сероводород? В Черном море его хоть отбавляй, но ведь не взрывались же там подводные лодки! Стоп! Во-первых, концентрация газа там ниже. На несколько порядков ниже. Во-вторых, сероводород там лежит глубже. И в этом слое субмарины, пожалуй, и не ходили никогда. Но что же все-таки может дать сероводород? Причем такой концентрированный?

Ничего. Если его не соединять с кислородом, конечно. Тогда пойдет реакция... Но кислорода в морской воде предостаточно, однако с ним сероводород не реагирует. Правда, это связанный кислород. Свободного же здесь мало. Ничтожно мало. Так что этим можно пренебречь.

Аракелов подошел к иллюминатору, прижался лбом к стеклу. Проектора баролифта до «Дип Вью» не доставали, но над

ним висела телекамера со своим прожектором, и Аракелов видел его как на ладони. Каких-нибудь полсотни метров... Выйти?

И ведь лежит, проклятый, не взрывается. И баролифт пока не взрывается, хотя лежит на дне уже почти сорок минут. Не взрываются!

Болван, какой болван! Он же сам, сам дал «добро» на спуск! Ему и в голову не могло прийти, что с баролифтом может что-то случиться; ведь баролифт — это нечто стабильное, надежное и естественное. Как раковина для улитки. Инерция мысли... А ведь он уже внизу. На дне. И не взорвался.

Не взорвался!

И вдруг словно покатались со всех сторон пестрые осколочки смальты, складываясь в великолепную, яркую, безукоризненно четкую мозаику. И вот уже Аракелов увидел, как субмарина пропарывает тьму, оставляя за собой цепочку пузырьков отработанного кислорода. Она входит в сероводородное облако. Свободный кислород — и сероводород. Начинается реакция — и вот серная кислота уже проедает металл в том месте, где вырываются наружу кислородные пузырьки. Потом вода вламывается в двигательный отсек, она крушит все на своем пути, сворачивает с фундаментов турбины, рвет и ломает переборки... Взрыв! Безопасные, трижды безопасные субмарины, оснащенные турбинами Вальтера, безопасные и безотказные везде, только не в этих проклятых сероводородных облаках!

Аракелов хотел броситься к телетайпу, но замер.

Наверху, на самом краю поля зрения, зародилось какое-то движение, которое Аракелов скорее не увидел, а ощутил. Неясный сгусток тьмы выпал вниз, на мгновение закрыв собой софит телекамеры. Он двигался легко и мощно, как гигантская манта. И Аракелов так и подумал бы — манта, если б... Если б не странный мгновенный металлический взблеск. Нет, это была не манта.

«Марта». Аракелов больше не видел ее, она снова скользнула в придонную тьму, но он был уверен, что не ошибся. Сейчас она появится там, возле «Дип Вью»... И она появилась, теперь уже высвеченная ярким лучом лазерного прожектора.

«Марта»! Какой кретин!.. Ведь у «Марты» предел семьсот, а здесь девятьсот с лишним...

Одним прыжком Аракелов оказался у люка и с маху всей ладонью ударил по кнопке замка. Пока диафрагма — медленно, слишком медленно! — раскрывалась, он несколькими движениями напялил снаряжение: браслеты, пояс, ласт... И едва отверстие достаточно расширилось, Аракелов, с силой оттолкнувшись, вырвался наружу и поплыл, мощными взмахами ног и рук посылая тело вперед.

— Но как же это могло быть? Ведь подготовка космонавтов... Не понимаю,— сказал Захаров.— Не могу понять.

Они сидели за угловым столиком в «Барни-баре». Стентон рисовал что-то пальцем на полированной столешнице. Потом он оторвался от этого глубокомысленного занятия и, так и не ответив Захарову, поманил хозяйина:

— Повторите, пожалуйста.

— Может, хватит?— спросил Захаров.

Стентон улыбнулся.

— Станный вы человек, адмирал. Чертовски странный. Какое вам дело? Ну, напьюсь я, так кому от этого хуже? Только мне.

— Остается только добавить: «И чем хуже, тем лучше». Лозунг распространенный. В высшей степени. И в высшей степени дурацкий. Когда вы собирались набить морду этому, как его... Кулиджу, вас можно было понять. Это было по крайней мере эмоционально обоснованно.

— С этим сукиным сыном я еще разберусь,— пообещал Стентон.— Он свое получит.— Это было сказано таким тоном, что Захаров невольно посочувствовал этому неведомому Кулиджу.

— За что, собственно?

— За все. За наглость. Инженеры... Супермены чертовы!.. Если он знает, как отличить плюс от минуса, значит, ему все можно... Можно подсоединяться куда попало, можно ни о чем не думать... Руки за такое обрывать надо!

Барни стоял рядом и выжидательно переводил взгляд с одного на другого.

— Ладно,— сказал Стентон.— Бог с вами, адмирал... Кофе здесь водится?

— Разумеется,— ответил Барни с некоторой обидой за свое заведение.— Какой вы хотите: по-бразильски, по-турецки, по-варшавски?..

Стентон прихлебывал кофе мелкими глотками. Захаров посмотрел на него. Теперь ему было понятно, почему лицо летчика с самого начала показалось знакомым. Они в самом деле никогда не встречались. Но зато портреты Стентона несколько лет назад промелькнули во многих газетах: хотя космонавтов нынче хоть пруд пруди, запуски все же привлекают пока внимание прессы. К тому же Стентон— это особый случай.

— И все-таки я никак не могу взять в толк, как это могло быть?— снова спросил Захаров.

Стентону не хотелось говорить об этом.

— Очень просто. Организм — штука сложная, не все можно предсказать заранее.

Захаров не стал настаивать. Он взял свой стакан, поболтал — ледяные шарики неожиданно сухо шуршали и постукивали о стекло. Так шуршат льдины, расколотые форштевнем и скользящие вдоль борта к корме; так перестукивает галька в приборе... Вода была холодной и удивительно свежей на вкус. Приохотил Захарова к ней Аршакуни. Так они и пили — Захаров с Карэном «Джермук», а Джулио — граппу...

Стентон допил кофе, закурил. Он сам не мог понять, почему вдруг рассказал этому грузному и седому русскому больше чем кому бы то ни было. Наверное, просто сработал «закон попутчиков»... Но есть вещи, которых не рассказать, не объяснить никому.

Как расскажешь мечту о черном небе? Стентон и сам не знал, с чего это началось: с фантастических ли романов, читанных-перечитанных в детстве, с документальных ли фильмов о программах «Аполлон» и «Спейс шаттл», которые он смотрел не один десяток раз. Но в один прекрасный день он понял, что умрет, если не увидит черное небо — увидит сам, а не на экране телевизора.

Ни денег, ни связей у Стентона не было. Но семнадцатилетний подросток из Крестед-Бьютта, Колорадо, с таким упорством три месяца подряд планомерно осаждал сенатора своего штата, что в конце концов тот махнул рукой и дал ему рекомендацию в военно-воздушное училище в Колорадо-Спрингс. Пять лет спустя Стентон окончил училище и был отпущен с действительной службы ВВС, так как решил поступить в университет. Университетский курс он одолел за два года — другие справлялись с этим, значит, должен был справиться и он. Теперь он стал обладателем диплома авиационного инженера. Но и это было лишь ступенькой. Еще через год Стентон защитил магистерскую диссертацию. В ВВС его не восстановили — там шли уже массовые сокращения, а двумя годами позже ВВС и вовсе перестали существовать. Однако Стентону это было только на руку.

Когда НАСА объявило о начале конкурса пилотов для проекта «Возничий» — многоцветного транспортно-пассажирского космического корабля, — Стентон подал документы. И через четыре месяца получил извещение о зачислении в группу пилотов проекта. Беспрерывная почти десятилетняя гонка кончилась. Он победил!

К тому времени подготовка пилотов космических кораблей значительно упростилась. Если для кораблей «Джемини» и «Аполлон» она длилась тысячами часов, то уже для «Спейс шаттл» она сократилась до восьмисот — девятисот, а в проекте

«Возничий»— до двухсот с небольшим. Но и за это время из шестисот кандидатов в отряде осталось лишь шестьдесят. Стентон оказался в их числе. Возможно, будь подготовка более длительной... Впрочем, нет.

Ведь и так всех их осматривали десятки специалистов, они крутились, качались и тряслись в десятках тренажеров, но... Первый же полет оказался для Стентона последним. Одно дело вести истребитель по кривой невесомости и совсем другое — когда невесомость длится... Стентону хватило суток. На вторые сутки его в полубессознательном состоянии эвакуировали на Землю. Он оказался первой — и единственной пока — жертвой заболевания, вошедшего в космическую медицину как «синдром Стентона»... Впрочем, от такой славы радости Стентону было мало.

Черное небо... Несколько часов видел его Стентон. Столько лет усилий — и несколько часов... А потом месяцы в госпиталях и санаториях, месяцы безделья, на смену которому пришла служба сперва на самолетах, а потом на дирижаблях «Транспасифика».

Черное небо оказалось недоступным. Может быть, единственно недоступным в жизни, но зато и единственно желанным. И голубое так и не смогло его заменить.

А теперь, возможно, придется распрощаться и с голубым... И что тогда?

— И что же будет?— спросил Захаров.

— Вы телепат?

— Временами. Так что же?

— Не знаю,— сказал Стентон.— Все равно. Без дела не останусь. Вернусь в Крестед-Бьютт и открою бар. Как Барни. «У неудавшегося космонавта». Прекрасное название, не правда ли?

— А почему вы не остались работать на Мысе? Или в Хьюстоне? В наземниках, естественно.

— И провожать других наверх? Нет, это не для меня. Я хочу летать. Сам, понимаете, сам.

«Я бы умер от зависти,— подумал Стентон.— Я бы умер от разлития желчи, провожая наверх других. Но в этом я тебе не признаюсь».

— Это я понимаю,— сказал Захаров.— Знаете, Стентон, Джулио тоже было трудно у нас в патруле. После атомных лодок наши патрульники — труба пониже и дым поуже, как говорится. В десять раз меньше, в десять раз тихходнее... И все же лучше, чем на берегу. Так он считал

— Он остался моряком и на патрульнике. А я на дирижабле не остался космонавтом, адмирал. Это плохая аналогия.

Захаров кивнул.

— Моряком он остался, правда. Только вот каким? Вы знаете, Стентон, как это — стоять на мостике корабля? Не судна, нет, но — корабля? Корабль — это не оружие. Не дом. Не техника. Корабль — это ты сам, понимаете, Стентон, это ты сам! Это ты сам на боевых стрельбах идешь на сорока пяти узлах, и мостик под ногами мелко-мелко дрожит от напряжения и звенит, и ты сам дрожишь и звенишь...

Захаров замолчал. Ему не хватало слов, слова никогда не были его стихией.

Стентон внимательно смотрел на него.

— А вы поэт, адмирал...— В голосе его Захаров не почувствовал иронии.

— Нет,— сказал Захаров.— Я моряк. И Джулио был моряк.

Стентон помолчал немного.

— Кажется, я понимаю...

— Вы должны это понять, Стентон. Можно порезать корабли. Можно видеть, как режут корабли. Я видел. Мой «Варяг» был лучшим ракетным крейсером Тихоокеанского флота. И его резали, Стентон. Резали на металл. Я плакал, Стентон. Это не стыдно — плакать, когда погибают люди и корабли. Флот можно уничтожить. И это нужно было сделать, и я рад, что это сделал при мне, что я дожил до этого. Не удивляйтесь, Стентон, я военный моряк, и я лучше вас могу себе представить, что такое война. И больше вас могу радоваться тому, что ее не будет. Никогда не будет. И военного флота никогда уже не будет. Но моряки будут. Понимаете — будут. Потому что моряки — это не форма одежды. Это форма существования. Они могут быть и на море, и на суше.

— И в небе,— сказал Стентон.— В черном небе.

Захаров отхлебнул из стакана. Боль снова медленно поднималась от шеи к затылку. Сколького же теперь нельзя! Нельзя волноваться, нельзя пить, нельзя... Плевать, сказал он себе. Плевать я хотел на все эти нельзя. Он поставил стакан и, опершись на стол локтями, в упор взглянул на Стентона.

— Да,— сказал он.— И в небе. И в черном, и в голубом.

Народу в баре заметно прибавилось. Захаров взглянул на часы... Пора.

— Когда вы улетаете?— спросил он.

— Не знаю... Сегодня вечером сюда подойдет другой дирижабль, мы перегрузим все на него — фрагтовщики в любом случае не должны страдать. Завтра прилетит комиссия. Объединенная следственная комиссия «Транспасифика» и АПГА...

— Простите?

— АПГА — Ассоциации пилотов гражданской авиации. И будут нас изучать под микроскопом. Сколько? Не знаю...

— Ясно,— сказал Захаров.— Что ж, если у вас выдаться свободная минута, Стентон, прошу ко мне. Сегодня и, по всей вероятности, завтра я буду здесь. Впрочем, насчет завтра точно не знаю, может быть, мне придется улететь. Но пока я здесь — буду рад вам. Посидим, чаю поьем по-адмиральски. Правда, рому приличного не обещаю, но чай у меня превосходный. И поболтаем. Мы, старики, болтливый народ...

— Спасибо,— сказал Стентон. Он был уверен, что не воспользуется приглашением.— Я не знаю, как у меня будет со временем, но постараюсь.

Захаров взял бумажную салфетку, синим фломастером написал на ней несколько цифр.

— Вот мой здешний телефон — звоните, заходите. Рад был познакомиться с вами...

— Я тоже, товарищ Захаров.— Эти слова Стентон произнес по-русски. Увы, русский язык был чуть ли не единственным предметом, который в отряде НАСА давался ему с трудом.

— Барни, запиши все на мой счет,— сказал Захаров.— И не спорьте, не спорьте, Стентон. Сегодня вы мой гость.

Барни покачал головой:

— Нет, адмирал. Сегодня — за счет заведения.

Стентон встал. За стойкой Барни колдовал с бутылками. В двух конических стаканах, искрившихся сахарными ободками, возникал под его руками красно-бело-синий «голландский флаг». Проходя вдоль стойки, Стентон попрощался с барменом и направился к себе. Командиру дирижабля, даже отстраненному командиру, стоило все же понаблюдать за разгрузкой. Правда, это обязанность суперкарго, и Кора справится с ней прекрасно, однако...

Тем временем Захаров, поднявшись еще на три этажа, входил уже в приемную координатора Гайотиды-Вест. Девушка за секретарским пультом приветливо улыбнулась ему.

— День добрый, пани Эльжбета,— сказал Захаров.— Шеф у себя?

— Да.

— Есть у него кто-нибудь?

— Нет. Только он сегодня не в духе.

Еще бы, подумал Захаров, будешь тут не в духе. ЧП первой категории в твоей акватории, да еще с твоим личным составом...

— Спросите, пожалуйста, примет ли он меня.

— По какому вопросу?

— По личному.

— Может быть, вам лучше сперва обратиться к фрекен Нурдстрем?

Фрекен Нурдстрем была непосредственным начальником Захарова, и с ней Захаров уже говорил.

— Нет, пани Эльжбета, мне нужен именно он.

Брови Эльжбеты, подбритые по последней моде — нечто вроде длиннохвостых запятых, — чуть заметно дрогнули.

— Хорошо, я сейчас узнаю.

Она нажала одну из клавиш на своем пульте и негромко и быстро проговорила что-то по-польски. Выслушав короткий ответ, она снова повернулась к Захарову:

— Пан Збигнев ждет вас.

— Спасибо.— И, машинально одернув куртку, Захаров шагнул в кабинет координатора.

Кабинет был просторен. Легкая штора цвета липового меда закрывала огромное — во всю дальнюю стену — окно. В отфильтрованном ею солнечном свете два больших выпуклых экрана — внешней и внутренней связи — на левой стене казались янтарными. Золотистые блики играли и на стеклах книжного стеллажа, занимавшего все остальное пространство стен. По самой приблизительной оценке здесь было две-три тысячи томов. Захаров никак не мог взять в толк, к чему они тут. Какие-то справочники, журналы — это естественно, не бегать же каждый раз в библиотеку. Но такое собрание...

Координатор поднялся из-за подковообразного письменного стола, бескрайностью и пустышностью напоминавшего какое-нибудь средних размеров внутреннее море, и вышел навстречу Захарову.

— Витама пана,— сказал Захаров, пожимая Левандовскому руку.

— Здравствуйте, Матвей Петрович.— По-русски координатор говорил совершенно свободно. Только неистребимый акцент — твердое «ч», чуть картавое «л» да назойливые шипящие выдавали его происхождение.

Левандовский жестом предложил Захарову кресло, сел сам.

— Так что у вас за дело, Матвей Петрович?

— Мне нужен отпуск, пан Збигнев. Дней на пять-шесть. Я решил бы это с фрекен Нурдстрем, но дело не терпит отлагательств, и подавать рапорт по команде я не могу.

— Отпуск...

— Да. За свой счет. И — с завтрашнего дня.

— А кто заменит вас в диспетчерской?

— Сегодня вернулся Корнеев, так что без меня обойтись можно. Так считаю не только я, но и фрекен Нурдстрем тоже.

— Что ж,— сказал Левандовский,— если бы все проблемы можно было решить так легко...

— Но это еще не все.— Захаров сжал руками подлокотники и подался вперед:— Мне нужен билет на завтрашний конвертоплан до Гонконга и на самолет от Гонконга до Генуи. И визы, естественно.

— Так,— сказал Левандовский.— А нельзя ли поподробнее, Матвей Петрович?

— Мне нужно в Геную, пан Збигнев. У Джулио... У дела Пене там жена и сын. И я не хочу, чтобы о его смерти они узнали из газет или официального письма. Официальное письмо о смерти... Я видел их. Их называли похоронками. Похоронки пришли на моего деда и двух его братьев. Они сохранились у нас в семье. И я не хочу, чтобы такое письмо, пусть даже на бланке Гайотиды, а не на газетной бумаге военных лет, не хочу, чтобы такое письмо читали внуки дела Пене. Понимаете, пан Збигнев?

Левандовский встал, прошелся по кабинету.

— Понимаю, Матвей Петрович,— после паузы сказал он.— Понимаю. Да и писать такое мне было бы непросто... Я думал уже, как это написать...

— Значит...

— Значит, вот что.— Будучи неудавшимся ученым, но прирожденным администратором, талант которого в конце концов и привел Левандовского на Гайотиду, он привык решать все быстро и окончательно.— Значит, вот что. У нас на верфях Генуи размещено несколько заказов. Вот вы и отправитесь туда в командировку. Так мне будет проще оформить вам документы. А за десять дней — на большой срок командировку я дать не могу — вы сумеете раза два выбраться на верфи.

— Конечно,— подтвердил Захаров.— Но...

— Большого от вас и не требуется. Думаю, такое злоупотребление командировочным фондом мне простится.

— Да,— сказал Захаров, вставая.— Спасибо.

— Это вам спасибо, Матвей Петрович. Я не думал о таком варианте, но теперь... Иначе, пожалуй, было бы просто нельзя. Документы вам подготовят к утру. Конвертоплан уходит в час, так что это мы успеем.

— Добро,— сказал Захаров.— Разрешите идти?

Левандовский улыбнулся.

— Идите, идите, Матвей Петрович. Отдохните — выглядите вы, честно говоря, не ах,— а завтра часов этак в... — он прикинул,— в одиннадцать зайдите ко мне.

Когда Захаров вышел, Левандовскому показалось на миг, что в кабинете стало слишком пусто. Он вернулся к столу, сел в кресло-вертушку и вдавил клавишу селектора:

— Бетка, скомандуй, чтобы к утру были документы Захаро-

ву — он летит в Геную. Билет, виза... Сама знаешь. И разыщика мне, пожалуйста, командира патрулей. Ему тоже нужны будут документы — он полетит в Прагу...

XI

Всплытием явно никто не управляет: «Дип Вью» стремительно шел вертикально вверх, и Зададаев напряженно следил за белой точкой на экране гидролокатора — казалось, аппарат неизбежно должен удариться о днище «Руслана». Очевидно, так показалось не только ему, — на самых малых оборотах «Руслан» задним ходом отработал полтора-два кабельтова. Зададаев улыбнулся: у кого-то на мостике сдали нервы... Уж что-то, а позиция «Руслана» была определена правильно. Зададаев сам ее выбрал, а делом своим он занимался не первый год. И не успела белоснежная громада судна окончательно остановиться, как впереди, метрах в пятистах по курсу показался «Дип Вью». Как это обычно бывает при аварийном всплытии, аппарат вырвался из моря, словно пробка из бутылки шампанского. Сверкнув на солнце стеклянными гранями и металлическими полосами решетки, он взлетел метров на пять в воздух, а потом с грохотом рухнул в воду, взметнув гигантский фонтан брызг. Тотчас к месту его падения рванулся катер, уже спущенный с «Руслана». Переваливая разбегавшиеся концентрические волны, катер обнажал то сверкающий диск винта, то ярко-красное днище — от форштевня до самых боковых килей. На носу катера, держась за леера, стоял матрос с багром.

Зададаев снова посмотрел на экран гидролокатора: «Марта» медленно, по спирали поднималась к поверхности. С ней тоже явно все было в порядке. Зададаев облегченно вздохнул. По крайней мере, все целы, все целы, подумал он и перевел взгляд на пульт баролифта. Там перемигивались разноцветные огоньки контрольных лампочек, и в такт их коротким вспышкам оператор перебрасывал рычажки квитанционных тумблеров. Зададаев проследил его движения. Так, ясно: через минуту-другую баролифт тоже пойдет вверх. Собственно, операцию можно считать законченной.

— Изображение, — негромко сказал Зададаев.

Над пультом вспыхнул маленький экран внутренней связи. Аракелов сидел на диване сгорбившись и опустил голову на руки. Потом он выпрямился и стал медленно снимать ласт.

— Поднимайте, — скомандовал Зададаев и вышел из пультовой. После ее полумрака яркий солнечный свет показался болезненно-ослепительным, и с минуту Зададаев стоял, щурясь

и ожидая, пока привыкнут глаза. Потом он закурил и неторопливо поднялся на мостик.

Капитан прохаживался по крылу мостика, как пантера по клетке, и выражение его лица не обещало ничего хорошего. Зададаев про себя от души порадовался этому. Конечно, ему и самому не поздоровится — за все подводные работы отвечает именно он. Но... Ему не привыкать, Аракелова он прикроет, а вот тому, в «Марте»... Это хорошо, что Ягуарыч завелся, подумал он, достанется кое-кому на орехи... Собственно, капитана звали просто Виктором Егоровичем, но прозвище Ягуарыч, которое он вполне оправдывал, укрепилось за ним давно и прочно.

Зададаев подошел к ограждению мостика. «Марта» уже всплыла на поверхность и теперь медленно огибала «Руслан», направляясь к слипу.

— Что ж, — сказал Зададаев, — вот, похоже, и все. Операция закончена.

— Для кого закончена, а для кого и нет, — отозвался капитан голосом, не обещавшим водителю «Марты» ничего хорошего.

— Да, — согласился Зададаев, — за такое гнать надо. В три шеи.

— И погоню! — рыкнул Ягуарыч. — Как пить дать. За судно и дисциплину на нем отвечаю я.

— Ну, сейчас отвечать придется кому-то другому, — улыбнулся Зададаев.

Ягуарыч только засопел. Такой реакцией Зададаев остался вполне доволен: она обещала взрыв мегатонн этак на тридцать.

— Пойду встречать духа.

— Естественно, — не слишком любезно отозвался капитан, но Зададаев не обратил на это внимания.

— Добро, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

— Он тоже хорош, твой дух... — проворчал капитан.

И хотя ворчание на этот раз было довольно миролюбивым, Зададаев мгновенно ошетинился:

— Совершенно верно, хорош. И когда он вытащил измерители течений, вы, помнится, были того же мнения.

Месяца два тому назад эта история наделала немало шума на «Руслане». Работы на очередной станции уже сворачивались, когда с борта вертолета, собиравшего буйковые регистраторы, сообщили о потере связки из семи измерителей течений. Полипропиленовый трос, которым они крепились к бую, оборвался, и приборы ушли на дно, на четырехкилометровую глубину. Не говоря уже о том, что измерители течений — игрушки достаточно дорогие, вместе с ними ушла и накопленная за шесть суток информация. А самое главное — ставилась под

удар вся последующая работа: их комплект был на «Руслане» единственным. Пока доставят новые, пройдет минимум недели две — это при самом благоприятном стечении обстоятельств. В целом ситуация невеселая.

Аракелов в это время уже закончил работу по программе станции и готовился к подъему на борт. Работал он на этот раз в горизонте три и пять — четыре ноль, то есть от трех с половиной до четырех километров глубины. Это решило дело: начальник экспедиции и капитан явились к Зададаеву и чуть ли не силой заставили его направить Аракелова на поиски пропавших измерителей. Сопrotивлялся Зададаев не из окаянства: в принципе батиадр мог работать под водой без подъема на поверхность семьдесят два часа. Из них шестьдесят представляли собой нормальный рабочий цикл; еще шесть были резервными; а шесть последних только давали ему шанс спастись при какой-то катастрофической ситуации, не гарантируя от необратимых последствий по возвращении. Чтобы батиадр не забыл об этом, жидкий кристалл на цифровом табло его часов постепенно менял цвет: зеленый сперва, к концу рабочего цикла он постепенно желтел, а потом начинал полыхать тревожным багровым светом. В жаргоне акванавтов прочно обсоновались термины: зеленое, желтое и красное время.

Шестьдесят часов Аракелов уже отработал. И скрепя сердце Зададаев разрешил ему вести поиск в продолжении желтого времени. «Пять часов, и ни минутой больше», — отстучал он, передавая Аракелову задание. Он прекрасно понимал, что шансы найти связку с измерителями за пять часов ничтожны. Но повторный спуск батиадра допускался согласно требованиям медицины не раньше чем через пять суток. А потому попытаться было необходимо.

Желтое время у Аракелова давно вышло, а он все еще не появился в баролифте. Зададаев сидел в пультовой и курил не переставая. Наконец батиадр вернулся. Зададаев вздохнул и скомандовал подъем.

В ответ на разнос, который устроил ему Зададаев, Аракелов рассмеялся: «Да что вы, Константин Витальевич! Какой из меня лихач? Трезвый расчет, не больше. Просто я нашу медицину как свои пять пальцев знаю и ввожу поправочный коэффициент на перестраховку. Знаете, у нас на курсах практику вел старик Пигин, так он любил говаривать: «Подводники делятся на старых и смелых; мальчишки, доживайте до седых волос!» Вот я так и стараюсь...» Зададаев рассмеялся: ну что ты с таким будешь делать? На вопрос о потерянных приборах Аракелов, пригорюнившись, развел руками: «Простите, Константин Витальевич...» Зададаев махнул рукой: ладно, мол, главное, сам цел, но Аракелов продолжил: «Не сумел я их сам вытащить, при-

дется теперь аквалангистам поработать, я трос к скобе баро-
лифта привязал...»

Несколько дней после этого Аракелов ходил в героях, а начальник экспедиции и капитан клялись ему в вечной любви. Это было всего два месяца назад. А сейчас...

Зададаев взглянул на капитана и увидел, что тот улыбается.

— Иди, иди... Господин оберсубмаринмастер. Встречай своего духа.

Капитан тоже ничего не забыл. Зададаев кивнул ему и сбежал по трапу.

Прежде всего он зашел в лазарет. Дежурил Коновалов — каково, однако, с такой фамилией быть врачом, сообразил вдруг Зададаев. Раньше это ему почему-то не приходило в голову. Впрочем, терапевтом Коновалов был неплохим, хотя от обилия практики на «Руслане» отнюдь не страдал. Минут пятнадцать они поболтали о том о сем, потом Зададаев попросил снотворное.

— Зачем?— В глазах Коновалова вспыхнул алчный огонек.

— Да так, не спится что-то,— уклончиво ответил Зададаев.

— Давайте-ка я вас посмотрю,— радостно предложил Коновалов.

— Спасибо, Владимир Игнатьевич, как-нибудь в другой раз,— отказался Зададаев со всей возможной любезностью.— Сегодня никак не могу, дела. Вот на днях непременно загляну, покажусь толком, может, в самом деле что-нибудь там не в порядке,— постарался он утешить эскулапа.

— Знаю я вас,— тоскливо вздохнул Коновалов,— здоровы больно. Разве что ногу кто ломает, так и то не мне, а Женьке работа,— завистливо добавил он.

Зададаеву стало смешно.

— В следующий раз — обязательно,— серьезно пообещал он.— А сейчас просто дайте мне какое-нибудь снотворное.

Коновалов встал, подошел к шкафу в углу приемной, выдвинул один ящик, потом другой, наконец достал ампулу для безукольной инъекции.

— Вот,— сказал он, протягивая ампулу Зададаеву.— И безобидно, и надежно. Приставьте ее к сгибу руки присоской, через сорок пять секунд содержимое впитается, а через пять минут вы будете спать сном праведника.

— Спасибо,— сказал Зададаев, бережно укладывая ампулу в нагрудный карман рубашки.— И клятвенно обещаю, что на днях приду для самого детального осмотра — как только будет время.

— Оставили-таки лазейку,— ухмыльнулся Коновалов.— Так я и знал: придете, когда курносый рак на горе свистнет...

— Что вы,— возмущенно возразил Зададаев,— минимум на день раньше!

И поспешно ретировался, потому что Коновалов явно искал взглядом предмет потяжелее, собираясь расправиться с посетителем, как Лютер с чертом.

Зададаев взглянул на часы: до тех пор, пока медики выпустят Аракелова из «чистилища», оставалось еще больше часа. Пожалуй, можно было и пообедать. Не только можно, но и нужно — за всей суетой днем он не успел этого сделать. Зададаев направился в столовую.

Народу здесь было мало. Зададаев подошел к окошку раздачи, посмотрел меню. По такой жаре стоило бы взять чего-нибудь такого... Ага, окрошка. Увы, окрошки не оказалось. Кончилась. Оно и понятно — время уже отнюдь не обеденное. Пришлось взять холодный свекольник (и то последнюю порцию) и плов. Плов, надо сказать, у здешнего кока получался изумительный, сплошное таяние и благоухание. И если плов значился в меню, Зададаев брал его не раздумывая. Поставив на поднос тарелки и высокий стакан с кофе глясе, Зададаев направился к заранее облюбованному столику. В открытый иллюминатор временами плескал в столовую не то чтобы ветер, но все-таки глоток-другой свежего воздуха; прямо над головой лениво крутился вентилятор, заставляя чуть заметно подрагивать кончики бумажных салфеток в пластмассовом стакане.

Зададаев придвинул к себе тарелку со свекольником и принялся за еду. Только сейчас он понял, насколько проголодался. Пожалуй, возьму вторую порцию плова, подумал он.

За соседним столиком потягивали кофе океанолог Генрих Альперский и вездесущий Жорка Ставраки. Говорили они негромко, и Зададаев не стал прислушиваться.

— Константин Витальевич,— обратился вдруг к нему Генрих,— что тут Жорка заливает?

— М-м-м?— промычал с набитым ртом Зададаев, пытаясь придать этим нечленораздельным звукам вопросительную интонацию.

— Я не заливаю,— обиделся Ставраки.— Я просто рассказываю, как наш дух труса спраздновал.

— Ну и как?— спросил Зададаев, чувствуя, что быстро звереет. Нет, подумал он, так нельзя. Спокойнее надо. Ведь ясно же, что так и будет. Только не легче от того, что ясно...

— Очень просто,— охотно пояснил Ставраки.— Побоялся из баролифта выйти. Патрульники с Гайтиды-Вест взорва-

лись, вот он и струсил... Хорошо еще, что не все у нас такие — нашлась светлая голова, «Марту» угнала и сделала дело, спасла этого американца... Так ведь?

— Неужели так, Константин Витальевич? Не верю, — убежденно сказал Генрих. — Я Сашку не первый день знаю, не мог он...

— Нет, не так, Георгий Михайлович, — сухо сказал Зададаев, сдерживаясь, чтобы не наговорить резкостей. — Аракелов действовал абсолютно правильно, и все его действия я полностью одобряю. А той светлой голове, что «Марту» угнала, насколько я понимаю, сейчас мастер дает выволочку по первому разряду. И вряд ли я ошибусь, если предположу, что этой светлой голове небо с овчинку покажется.

— Неужто выговор вкатит? — сочувственно спросил Ставраки.

— Надеюсь, выговором ваш герой не отделается.

— Спишут? — ахнул Генрих. О таком он еще, пожалуй, и не слышал.

— Все может быть, — не без злорадства сказал Зададаев.

— А кто это, Константин Витальевич?

— Не знаю, я раньше с мостика ушел.

— Я не знаю, но предполагаю... — начал было Ставраки, но Зададаев оборвал его:

— Вот и оставьте свои предположения при себе, Георгий Михайлович. Право же, так будет лучше. Для всех.

— Я же говорил, не мог Сашка струсить, — сказал Генрих облегченно.

— Не мог, — согласился Зададаев. — Хотя некоторые доброты рады будут истолковать его действия именно так.

Ставраки, не допив кофе, демонстративно поднялся и, не прощаясь, ушел.

— Ну зачем вы так, Константин Витальевич, — сказал Генрих. — Жорка не со зла, ну трепло он, это правда...

— Аракелову от такого трепа лучше не будет, — сказал Зададаев. Он лениво ковырял вилкой плов: есть уже не хотелось. Тем не менее он заставил себя доесть все и потянулся за кофе. — Аракелов сейчас в таком положении... — Зададаев пошевелил в воздухе пальцами, подбирая слово, — в таком двусмысленном положении, что ему подобные разговоры хуже ножа. Ведь после взрыва субмарин Гайотиды и нашей «рыбки» он не имел права лезть на рожон. А какой-то дурак полез и... — Зададаев безнадежно махнул рукой: — Просто не знаю, что и делать.

— Да-а... — протянул Генрих. — Не хотел бы я сейчас поменяться с Сашкой местами...

— Завтра мы проведем разбор спасательной операции.

Поговорим. всерьез, по гамбургскому счету. Потому что недоговоренность — штука пакостная, она всегда дает пищу любимым кривотолкам. А ведь Ставраки такой не один... И всех надо если не переубедить, то...

— Хорошо,— сказал Генрих.— Только я сперва поговорю с Сашей сам.

— Обязательно,— согласился Зададаев.— Но уже утром. Сегодня я его сразу загоню отдыхать... Ну, мне пора.— Он поднялся и вышел из столовой.

Когда он вошел в «чистилище», Аракелов лежал на диване, а Григориани делал ему массаж.

— С возвращением, Александр Никитич,— сказал Зададаев.

— Спасибо,— невнятно отозвался Аракелов. Он лежал на животe, уткнув лицо в руки.

— Долго еще?— спросил Зададаев.

— Зачем же долго?— проворчал Григориани, немилосердно разминая мощную аракеловскую спину.— Совсем недолго. Одна минута еще, две, может быть,— и все. И совсем молодой и красивый будет. Правду я говорю, Саша?

Аракелов не ответил. Минут через пять Григориани выпрямился и хлопнул Аракелова по спине:

— Вставай, дух, одевайся побыстрее, а то прохватит — сквознячок здесь...

Аракелов поднялся, несколько раз передернулся всем телом, как вылезший из воды пес.

— Ох, Гиви,— сказал он,— после твоего массажа целый час собираться надо, каждая мышца не на своем месте.

— Как раз на своем, кацо,— откликнулся Григориани, моя руки.— Как раз на своем! После моего массажа каждая мышца на десять лет моложе делается...

— Знаю.— Аракелов уже натянул брюки и свитер и стоял перед Зададаевым в положении «вольно».— Спасибо, Гиви. Я пошел.

— Да,— сказал Зададаев,— мы пошли. До свидания, Ги ви.

Они молча поднялись на палубу А и пошли по длинному коридору, однообразным чередованием дверей по обеим сторонам напоминавшему гостиничный. Перед аракеловской каютой они остановились. Аракелов открыл дверь, и они вошли внутрь.

— Ну, теперь докладывай.

Зададаев сел на диван и закурил. Аракелов устроился в кресле. Он сжато доложил свои соображения.

— Ясно,— сказал Зададаев.— Значит, сероводород... Надо будет связаться с Гайотидой, предупредить их... Интересно... Если память мне не изменяет, впервые дрейфующие облака

сероводорода были обнаружены лет семьдесят назад. Но до сих пор они никому не мешали. А ведь все субмарины Океанского патруля ходят на турбинах Вальтера. Значит, придется теперь что-то менять... Создавать службу слежения за этими самими сероводородными облаками.

— Константин Витальевич...— начал было Аракелов.

Зададаев посмотрел на него и улыбнулся.

— Эх, вы... А еще без пяти минут военный моряк... Все правильно. Не волнуйтесь.

«Только вот как тебе не волноваться,— подумал Зададаев.— Я бы на твоём месте ещё не так волновался. А ты ничего, молодцом держись. Во всяком случае внешне. Молодцом!»

— Константин Витальевич, кто в «Марте» был? Внизу не разглядеть — освещение не то...

— А то я не знаю.

— Простите. Да и времени мало было: когда я подплыл, «Марта» уже четыре чеки из девяти вынула, потом ещё одну, а к остальным ей манипуляторами не подобраться было. Те я сам вытащил. А вообще-то манипуляторы у «Марты» надо бы на одно колено удлинить...

Ух ты! Он ещё об этом думать может! Значит, не только внешне, значит, в самом деле молодец. Военная косточка! Зададаев знал, что Аракелов поступал в своё время в военноморское училище. Правда, как рассказывал со вздохом сожаления сам Аракелов, ему «так и не пришлось с лейтенантскими звёздочками перед девушками покрасоваться» — подошло разоружение, и из училища их выпустили не военными, а гражданскими моряками. Вот тогда-то Аракелов и подался на только что открывшиеся курсы батияндров.

— Так кто? — повторил Аракелов.

— Не знаю, Александр Никитич. Да и не важно это.

— Важно.

— Допустим. Но не сейчас. Сейчас вам отдохнуть надо — это прежде всего.

— Я должен знать, Константин Витальевич. Мало того, что этот идиот самовольно вниз полез, он же...

— Понимаю. Все понимаю...— Зададаев глубоко затянулся и выпустил дым целой серией аккуратных колец. Разговор надо было поворачивать: совсем не нужно Аракелову знать...— Вот только одного я не понимаю: как «Марта» выдержала? Ведь у неё же предел семьсот, а там девятьсот с лишним!

— Девятьсот восемьдесят.

— Тем более.

— Запас прочности,— сказал Аракелов.— Спасибо нашим кораблям.

— Запас прочности,— протянул Зададаев.— Запас прочности,— повторил он.— Это хорошо, когда есть запас прочности. Ну вот что: давайте-ка раздевайтесь и ложитесь. Быстро! Это приказ.

Пока Аракелов раздевался и укладывался в постель, Зададаев достал из кармана ампулу, посмотрел на свет. Жидкость была совершенно прозрачной и бесцветной. Потом он подошел к Аракелову и прижал ампулу к его руке.

— Что это?— спросил Аракелов.— Зачем?

— Ничего особенного,— охотно пояснил Зададаев.— Просто снотворное. Легкое и безобидное. Вам прежде всего отдохнуть надо. Выспаться. Ибо сказано: утро вечера мудренее. Вот вы и будете сейчас спать. Как младенец. Вот так...— Он быстрым движением отделил пустую ампулу от кожи и бросил ее в пепельницу.— И все. Спокойной ночи.

Аракелов закинул руки за голову — тропический загар на фоне белой наволочки казался особенно темным. Они помолчали.

— Спасибо,— сказал вдруг Аракелов.— Спасибо, Константин Витальевич, я...

— Спите, спите,— ворчливо перебил его Зададаев. Он забрался в узкую щель между диваном и столом и курил, пуская дым в открытый иллюминатор. Потом аккуратно пригасил сигарету и еще с минуту просто смотрел на море, вспыхивавшее в лучах уже довольно низкого солнца. А когда он обернулся и посмотрел на Аракелова, тот безмятежно спал.

Тогда Зададаев тихонько вышел из каюты и осторожно, стараясь не щелкнуть язычком замка, закрыл за собой дверь.

Да, Ставраки не один, думал он, медленно идя по коридору. Много их, всяких ставраки. И любой рад будет обвинить Сашу в трусости. И не потому совсем, что каждый из них плох сам по себе. Отнюдь нет! Но ведь это так очевидно: один думал и собирался, а второй — взял да и сделал. Смелость города берет! Безумству храбрых поем мы песню! И этот второй — герой. Даже если он сделал только полдела, а вторую половину сделать не смог. Все равно ура ему! А первый, естественно, трус... И главное, этот герой... Будь кто угодно другой — тогда многое стало бы проще. Эх, Саша, Саша...

Около трапа, ведущего на главную палубу, Зададаев остановился. Подумал, потом стал подниматься. Схожу к Ягуарычу, решил он, узнаю, чем кончилось дело. Да и насчет завтрашнего посоветоваться стоит: голова хорошо, а две лучше.

Стентон задержался в рубке, глядя, как медленно растворяется в ночном небе туша уходящего дирижабля. Собственно, самого дирижабля почти не было видно — лишь позиционные огни да темный силуэт; следить за его движением можно было по звездам, которые он заслонял. Потом остались только огни, но и они постепенно слились со звездной россыпью, затерялись в ней. Теперь оставалось одно: ждать завтрашней комиссии. Это часов двенадцать. Даже больше — они прибудут рейсовым конвертопланом Сан-Франциско — Гонконг. Потом будет расследование. А потом... Впрочем, сейчас лучше не думать, что потом.

Стентон прошелся по рубке, сел в свое кресло. Пульт перед ним был не то чтобы мертв — скорее, спал. Спали лампочки индикаторов, цифровые табло, отдыхали на нулях стрелки приборов. Бодрствовал только островок швартовочного блока: якоря... трап... подсоединение к сетям и коммуникациям причальной мачты... позиционные огни. И все. Стентон положил руки на подлокотники. Пальцы ощутили знакомые потертости от пристежных ремней, знакомую трещинку в пластиковой обивке, а рядом с ней аккуратную круглую дырочку, оставшуюся от упавшего сюда горячего сигаретного пепла. И почему это на обивку кресел ставят такой нетермоустойчивый пластик?

Нет, он не прощался с кораблем. И вообще был чужд всякой сентиментальности. Просто впервые за последние годы он совершенно не знал, куда себя деть. Спать пойти, что ли?

Он встал, еще раз окинул взглядом пульт и вышел из рубки. На каютную палубу можно было подняться лифтом, но Стентон пошел пешком: транспортник не круизный суперлайнер, а подняться по лестнице на каких-нибудь двадцать метров — только полезный тренинг. Так сказать, вечерний моцион.

Капитанская каюта была первой от носа. Внутренность ее мало чем отличалась от любой каюты на любом морском лайнере: кровать в задернутом сейчас занавеской алькове, небольшой письменный стол у левой стены, рядом с ним диван, и только вместо иллюминатора было большое окно. Даже, собственно, не окно: просто вся стена была прозрачной, и сквозь этот распахнутый в ночь прямоугольник заливала каюту своим мистическим светом яркая тропическая луна. Стентон подошел к окну. Внизу, под самым дирижаблем, падали на воду блики света из бесчисленных окон Гайотиды и весело перемигивались разноцветные огоньки буйков, обозна-

чавших понтоны волновой электростанции, пирсы, границы пляжной полосы. Дальше до самого горизонта океан был темен, и только лунный свет лежал широкой серебряной полосой. Этаким млечный путь. Или нет — сельдяной. Дорожка, мощенная рыбьей чешуей... У самого горизонта медленно ползли огни какого-то судна. А еще дальше, невидимый за выпуклостью земного шара, полным ходом шел к Гайотиде «Руслан». И на нем — Кулидж. Пальцы Стентона сами собой сжались в кулаки. «Доберусь я до тебя, сукин ты сын,— подумал Стентон.— Обязательно доберусь. А пока...»

С Бутчем и Джо он договорился, они не выдадут. Кора и подавно, она заинтересована в этом больше всех. Кармайкл и команда просто ничего не знали, а потому никак не могут опровергнуть утверждения командира. С этой стороны все в порядке. Слабое звено одно — сам Кулидж. Только бы он не проболтался! Слава богу, на «Руслане» его сразу же уложили в лазарет: нервный шок. Перетрусил, стервец. Впрочем, надо быть справедливым: на его месте перетрусил бы если не все, то, во всяком случае, многие. Итак, до прибытия на Гайотиду Кулидж не проболтается. Гарантии, увы, нет, но надеяться на это можно. А здесь... Здесь Стентон должен встретить его первым и предупредить. Правда, придется говорить с ним по-хорошему. Не бить морду, как следовало бы, а просить — просить лжесвидетельствовать перед комиссией. Да, именно так это и называется — лжесвидетельство. Плевать! В конце концов, Кулиджу от этого хуже не будет, а значит, уговорить его удастся. Должно удастся, потому что иначе... Кора. Стентону, в конечном счете, все равно. Черное небо потеряно давно, потеряет он теперь голубое... Так что же? Можно жить и на Земле. А Кора — она не должна пострадать.

Вот только как первым прорваться к Кулиджу? Стентон задумался. Можно, конечно, обратиться к Захарову. Наверное, тот сумеет помочь. Это мысль.

Луна поднялась выше и теперь отражалась в воде не узкой дорожкой, а дробилась на мириады серебряных блесков. Совсем как тогда, подумал Стентон. Он взглянул на лунный диск: полнолуние миновало дня два назад. Да, совсем как тогда...

Тогда они на трое суток застряли в Лос-Анджелесе: какая-то задержка с какими-то грузами. В подробности Стентон вдаваться не стал — на это есть управляющий перевозками. Погода стояла чудесная, и они — Бутч Андрейт, Кора и Стентон — решили устроить себе небольшой пикник. У Бутча нашлись друзья — Стентон был уверен, что, окажись они случайно где-нибудь в Антарктиде, Бутч и тогда сказал бы: «Заскочим в Мак-Мердо, у меня там приятель есть...» Впрочем, оказались

эти друзья вполне приятной парой: Коллинс писал сценарии для Голливуда, а его жена... как ее звали?.. Какое-то необычное имя... Ах да, Саксон. Саксон заведовала отделом в рекламном агентстве. Впятером они уселись в «кантри-свайр» Коллинсов и махнули в заповедник Джошуа-Три. Там они провели два чудесных дня, ночуя в палатке у костра, а на обратном пути остановились поужинать в Санта-Барбаре. Ужин уже подходил к концу, когда на пороге вдруг появился парень в морской форме и крикнул:

«Лаурестесы! Выходят лаурестесы!»

Большой эффект могло бы произвести только объявление новой мировой войны.

«Скорей!— завопил Коллинс, вскакивая из-за стола.— Скорей, опоздаем!»

Ни Стентон, ни Кора, ни даже всезнайка Бутч ничего не понимали, но ринулись вслед. Все последующее запомнилось Стентону, как безумная ночная феерия. До этого вечера он никогда не мог подумать, что нерест паршивой рыбешки в шесть дюймов длиной может вызвать такой ажиотаж. Уже потом ему рассказали, что летом, в лунную ночь — «вторую ночь после полнолуния и на седьмой волне после высшей точки прилива», — по всему побережью от мыса Концепшен до мексиканской границы выходят из моря лаурестесы и парами прыгают по пляжу, чтобы зарыть свои икринки во влажный песок. И вдоль всего берега их ждут любители этого своеобразного состязания: по калифорнийскому закону ловить лаурестесов можно только голыми руками, и у мокрой, скользкой рыбки в темноте есть немало преимуществ перед человеком.

Но все это Стентон узнал уже потом. А тогда картина показалась ему просто сумасшедшей. Полуголые люди тенями носились по кромке воды, по пляжу, метались по колену в море, поминутно нагибаясь и выхватывая что-то маленькое и серебристое, отблескивавшее в свете луны. Они тоже поддались безумию. Стентон закатал брюки до колен, Кора скинула юбку, оставшись только в бикини и белой блузке, и они вслед за всеми бросились ловить быстрых, как ртуть, рыбешек, тут и там взблескивавших на гребешках волн. В какой-то момент рядом со Стентоном оказался тот самый моряк, который первым крикнул о лаурестесах. Без брюк, но выше пояса одетый по всей форме, он исполнял фантастическую джигу. Внезапно он завопил нечто совершенно неопишемое и задрал ногу, между пальцами которой билась маленькая рыбешка. После этого Стентон уже не удивлялся ничему. А потом он неожиданно столкнулся с Корой, и они вместе вышли на берег. Карманы Стентона были набиты рыбешками, а Кора наполнила ими полиэтиленовый пакет. Кто-то уже развел костер, над которым

кипело в котелке масло. Коллинсов и Бутча они в темноте потеряли и потому пристроились к компании у этого костерка. Рыбок кидали в кипящее масло, и они моментально покрывались тонкой хрустящей корочкой, как картофельные хлопья, зажаренные по-французски. Ели их как пресноводную корюшку — вместе с головой и потрохами, и это было удивительно вкусно, и Кора сидела рядом, так близко, что Стентон мог коснуться ее, стоило только чуть-чуть шевельнуть рукой... И Стентон знал, что ей это не будет неприятно.

Правда, на следующий день Стентон проснулся с заложенным носом, а к полудню уже чихал вовсю, словно нанюхавшийся перца кот.

«За все надо платить,— улыбаясь, сказала Кора и принесла ему какие-то капли из аптечки.— Это — за грехи вчерашней ночи, капитан!»

Стентон долго пытался понять, что именно имела она в виду.

Как давно это было! И как нужно это было бы не тогда, а сейчас, сейчас! Впрочем, нет — и тогда и сейчас. Пожалуй, только теперь Стентон понял, насколько нужна ему Кора и что страх потерять дирижабль — в значительной степени страх потерять ее. Если бы можно было сейчас встать и пойти к ней! Но именно теперь этого нельзя. Ни в коем случае. После того, что он сегодня сделал, это было бы похоже на предъявление счета.

В дверь постучали.

— Да,— сказал Стентон.

Дверь приоткрылась, бросив в каюту треугольник желтого электрического света.

— Можно, капитан?

Кора! До чего же нелепо устроен человек: тосковать, мечтать увидеть, увидеть хоть на миг, а когда этот миг приходит — не знать, постыдно и глупо не знать, что делать!..

— Да, Кора,— как можно спокойнее сказал Стентон.— Прощу.

Кора вошла, беззвучно закрыв за собой дверь.

— Сумерничаете, Сид?

— Да. Сижу, смотрю. Красиво... Сейчас зажгу свет,— спохватился он.— Что-нибудь случилось, Кора?

— Не надо света. И не случилось ничего. Просто мне захотелось немного посидеть с вами. Не возражаете, капитан?

Сколько нежности может быть в одном человеческом голосе! У Стентона перехватило дух. Сколько ласки может быть в человеческом голосе... Одним-единственным. Ее голосе.

— Конечно, можно,— сказал он.— И пожалуйста, Кора, не называйте меня больше капитаном, хорошо? Какой я капитан...

Кора села на диван. Их разделял теперь только угол стола. Стентон пытался разглядеть, что на ней надето,— явно не форма,— но для этого в каюте было слишком темно: луна поднялась уже так высоко, что лучи ее не попадали в каюту; прямоугольник окна слабо светился, но не освещал.

— Сид,— сказала Кора после минутного молчания,— я хочу поблагодарить вас, Сид. И не думайте, что я такая уж стерва. Если я приняла вашу помощь... вашу жертву... то не потому, что считаю это естественным. То, что сделали сегодня вы,— это не помочь даме выйти из машины. Я знаю. Но... поймите меня, Сид! Ведь, в сущности, вы очень мало обо мне знаете. Пожалуй, я знаю о вас и то больше. Знаю, что вы начинали почти с нуля. Знаю, как добивались приема в Колорадо-Спрингс. Но... нас с вами нельзя равнять. Вы — американец. Англосакс. Вы — Сидней Хьюго Стентон. А я — Кора Химена Родригес. Понимаете — Родригес. Пуэрториканка. «Даго». Такие, как вы, всегда лучше нас — потому уже, что их предки прибыли сюда на «Мэйфлауэре». Не знаю только, как «Мэйфлауэр» смог вместить такую толпу... А вы знаете, каково это — быть «даго»? Паршивым «даго»? А быть девчонкой-«даго» еще хуже... Да, я пробилась. Просто потому, что однажды попала на обложку журнала — фотографу чем-то понравилось мое лицо. И благодаря этому мне удалось устроиться в «Транспасифик» стюардессой. Через три года я стала старшей. И дальше я пойти не могла. Если бы не эти неожиданные курсы суперкарга для дирижаблей — кем бы я стала? И кем я стану, если потеряю то, чего достигла? А вы — вы всегда сможете добиться своего. Вы достаточно сильны, Сид. И — полноправны. Теперь вы понимаете меня?

— Да,— сказал Стентон.— Понимаю. Но благодарить меня не надо. Я сделал так, как считал нужным. Я не знал всего того, что вы рассказали, но это не важно. Я только хочу, чтобы вы поняли — я...— Он замолчал, подбирая слова, но Кора не дала ему продолжить.

— Не надо ничего объяснять, Сид. Я ведь не дура.

Стентон встал. Разговор явно зашел куда-то не туда, и теперь непонятно было, как же его кончить.

— Я знаю,— серьезно сказал он.

Кора тоже поднялась. Теперь они стояли почти вплотную.

— И еще одно, Сид. Я пришла не только поблагодарить вас. Я пришла к вам. На сегодня или навсегда — как захотите...

Так, наверное, чувствуют себя при землетрясении — земля качается и плывет под ногами, сердце взмывает куда-то вверх, к самому горлу, и нет сил загнать его на место... Стентону не нужно даже было идти к ней — он только протянул руки и обнял Кору. И так было бесконечно долго, пока где-то на краю сознания не всплыл тот давний день, и Стентон отчетливо услышал веселый голос Кору: «За все надо платить, капитан!»

Он резко отстранился.

— За все надо платить, Кора?— спросил он с сухим смехом, разодравшим ему гортань. Он закашлялся.

Мгновение Кора стояла, ничего не понимая. Потом вдруг поняла.

— Ка-акой дурак! Боже, какой вы дурак, Сид!

Хлопнула дверь, и Стентон остался один. Он подошел к окну и прижался лбом к стеклу. Броситься за ней, догнать, вернуть! Но сделать этого он не мог. И знал, что никогда не простит себе этого.

Стентон подошел к туалетной нише, открыв кран, сполоснул лицо. Потом закурил и довольно долго сидел, глядя на мертвые циферблаты контрольного дубль-пульта над столом. Почему так? Если с тобой происходит что-то на море или в воздухе, то стоит отстучать ключом три точки, три тире и снова три точки, стоит трижды крикнуть в микрофон «Мэйдей!»— и все сразу придет в движение. И если можно сделать хоть что-то, если есть хоть один шанс на миллион, чтобы выручить тебя из беды,— будь уверен, что этот шанс используют непременно. Но когда приходит настоящая беда — беда, горше и больше которой для тебя нет, кто поможет тогда? Кому ты крикнешь «Мэйдей!»?

Кому кричать «Мэйдей!»?

Стентон встал и вышел из каюты. Дойдя до соседней двери, он постучал:

— Бутч!

Полуодетый Андрейт впустил его в каюту.

— В чем дело, Сид?

— Бутч, ты хвастался на днях, что у тебя припрятана где-то бутылка ямайского рома. Какого-то невероятного и исключительного. Он еще цел?

— Цел. Старый ром, двадцатилетней выдержки.

— Давай.

— Он обошелся мне в тридцать монет, Сид.

Стентон достал бумажник и отсчитал деньги. Бутч отошел к шкафчику и извлек из него пеструю картонную коробку.

— Держи. В оригинальной упаковке. Если нужно еще что-нибудь...

— Нет, — сказал Стентон. — Спасибо, Бутч. Спокойной ночи.

Он вернулся к себе. Достав из бумажника салфетку с записанным телефоном, он проверил, подключен ли селектор дирижабля ко внутренней сети Гайотиды, и набрал номер.

Трубку долго не снимали. Стентон уже собирался дать отбой, когда голос Захарова на том конце провода произнес: — Захаров слушает.

Стентон назвал себя.

— Вы предложили мне гостеприимство, товарищ Захаров. Разрешите воспользоваться им? И вашим чаем по-адмиральски. Ром я принесу — ямайский, двадцатилетней выдержки, в оригинальной упаковке.

— Добро, — сказал Захаров и стал объяснять, как найти его квартиру.

Положив трубку, Захаров с кряхтением встал с постели. Вот и выспался, подумал он, ну да ничего, завтра отосплюсь. В самолете. На часах было двадцать два десять — значит, лег он полчаса назад... Захаров улыбнулся, быстро оделся, поставил на электрическую плиту чайник и принялся убирать постель.

XI

Едва баролифт, закачавшись, стал на дно, Аракелов сравнил показания внешнего и внутреннего манометров. Все в порядке: давление внутри было чуть-чуть выше наружного. Он нажал кнопку замка, и диафрагма люка начала раскрываться. Аракелов был уже наготове: пригнувшись, он оперся руками о закраины горловины, чтобы, едва отверстие достаточно расширится, одним толчком («Трап — для умирающих батияндров», как говаривал старик Пигин) бросить тело вниз, в темноту.

И вдруг он понял, что привычной темноты нет. Снизу, из люка, шел ровный, холодный, рассеянный свет, и это не был свет прожекторов. Диафрагма раскрылась полностью, и Аракелов увидел уходящие вниз металлические ступеньки трапа. На одной из них сидел... сидело... Нет, не осьминог. И не кальмар тоже. Скорее, что-то среднее между ними — ярко-оранжевое бесформенное туловище удобно устроилось на ступеньке. Два огромных круглых глаза в упор смотрели на Аракелова, и в них читалось откровенное ехидство. Восемь ног спускалось вниз, и существо болтало ими в воде — ни дать ни взять, мальчишка, сидящий на мостках у реки. А в двух длинных ловчих щупальцах был зажат стандартный

ротный спаренный лазер образца двадцать первого года. Стволы его смотрели прямо в грудь Аракелова.

«Опять струсил?»— спросило чудовище, и Аракелов ничуть не удивился — ни тому, что оно говорит, ни тому, что говорит оно голосом Жорки Ставраки.

«Нет,— сказал он, прыгнув в воду и, отведя ствол лазера в сторону, примостился рядом с чудовищем. Ему было весело.— Маска, маска, я тебя знаю».

«Ну и знай себе. Ведь ты же не пошел...»

«Я пошел. И сделал. Без меня «Марта» ничего бы не смогла».

«Да,— по-свойски подмигнуло существо, и Аракелов впервые удивился по-настоящему: он никогда не слышал, чтобы спруты мигали.— Да, ты пошел — вторым. Вторым уже не страшно...»

«Я пошел бы и первым».

«Бы... Существенная разница. Ты просто испугался, дружок».

«Нет. Я боялся, пока не знал. А когда узнал — перестал бояться. Я тебя знаю. И не боюсь».

Спрут помолчал, играя лазером, потом насмешливо спросил:

«А кто тебе поверит?»

«Поверят,— ответил Аракелов, но прозвучало это у него не слишком уверенно.— А не поверят — плевать. Я-то знаю...»

«Вот и расскажи это своим — там, наверху. Посмотрим, поверят ли они».

«Поверят. Потому что знают меня. А я знаю тебя».

«Не знаешь!— Чудовище расхохоталось. Смотреть на хохочущий роговой клюв было жутковато.— И никогда не узнаешь».

Аракелов заметил, что оно стало как-то странно менять форму, расплываться. Так расплывается чернильное облачко каракатицы.

«Знаю. Ты — сероводород. И мне на тебя наплевать».

«Нет, дружок. Я — пучина. Сегодня я сероводород, ты прав. А завтра? Я сама не знаю, кем и чем буду завтра, как же можешь это знать ты?»

«Ничего,— сказал Аракелов.— Теперь я тебя всегда узнаю. Всегда и везде».

«Посмотрим,— хихикнуло облачко сепии, окончательно расплываясь, растворяясь в сгустившейся вокруг тьме.— Посмотрим... А пойдешь ли ты еще хоть раз вниз? Разве трусы ходят вниз? И разве их пускают сюда?..»

«Пойду!— зорал Аракелов, бросаясь вперед, на голос.— Вот увидишь, пойду!»

Он сделал мощный рывок, но голова уперлась во что-то жесткое, холодное, и он проснулся.

Было совсем темно. Значит, проспал он долго и уже наступила ночь. Он лежал на боку, упираясь лбом в холодный пластик переборки. Хотелось пить. Аракелов повернулся и сел. И тогда увидел, что за столом кто-то сидит. Кто — разобрать было невозможно: из-за плотно зашторенного иллюминатора свет в каюту не проникал. Он протянул руку к выключателю.

— Проснулся? — Это была Марийка.

— Ты? Здесь? — От удивления Аракелов даже забыл, что собирался сделать.

— Да... — В голосе ее прозвучала непривычная робость. — Понимаешь, мне нужно было увидеть тебя первой. До того, как ты увидишь других. Вот я и пришла.

Аракелов ничего не понимал. Голова спросонок была тяжелой — может быть, из-за снотворного. Он протянул руку и нащупал часы. Поднес их к глазам: слабо светящиеся стрелки показывали почти полночь.

— Ты не хочешь разговаривать со мной?

— Сейчас, — хрипло сказал Аракелов. Он пошарил по столу: где-то здесь должен быть стакан с соком. Он всегда в первую ночь после работы внизу ставил рядом с постелью сок и, просыпаясь, пил. Это так и называлось: постбаролитовая жажда. Ах да, спохватился он, Зададаев... снотворное... Значит, соку нет. Но стакан неожиданно нашелся. Ай да Витальич! Кисловатый яблочный сок быстро привел Аракелова в себя.

— Саша... — Марийка подошла, села рядом. — Ты не простишь мне этого, Сашка, да?

— Чего? — не понял Аракелов. Он обнял Марийку и вдруг почувствовал, что плечи у нее мелко-мелко вздрагивают. — Да что с тобой?

Марийка откровенно всхлипнула.

— Я так и знала, что не простишь...

— Ничего не понимаю. — Аракелов растерялся.

Марийка подняла голову.

— Значит, ты не знаешь? Тебе не сказали?

— Да чего?!

— Сашка, это ведь я...

— Ты?! — Все сразу встало на свои места. Перед Аракеловым мгновенно возникла залитая солнцем палуба и Марийка, томно раскинувшаяся в шезлонге... «Мне надо в «Марте» посидеть, на следующей станции она по моей программе работать будет». И зададаевские умолчания и увертки стали ясны. Эх, Витальич!..

— Значит, ты...— повторил Аракелов.

— Да,— сказала Марийка.— Понимаешь... Это все так получилось...

— Понимаю.— Аракелов отодвинулся от нее и оперся спиной о переборку. Ему было больно от обиды и обидно до боли.— Дух струсил, надо нос ему утереть. Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь! Я же люблю тебя, дурак! И знаю, что ты не струсил, не мог ты струснуть! Это они говорили, что ты струсил...

— Они?

— Ну да. Я в «Марте» сидела, люк был открыт, а они рядом встали...

— Кто?

— Жорка, Поволяев и еще кто-то, я их не видела, только слышала. И говорили, что ты струсил. Мол, батюндры со своей исключительностью носятся, подумаешь, дефицитная профессия, нужно им себя беречь для грядущих подвигов... А что человек погибает — ему наплевать, духу нашему... И в таком роде.

— Та-ак,— сказал медленно Аракелов.— Ясно.— Это он предвидел еще внизу.

— И я к ним не вышла. Понимаешь, не вышла. Сама не знаю почему. Побоялась, что ли?

— Чего?

— Не знаю. Я бы, наверно, им по рожам надавала. «Стоило бы,— подумал Аракелов.— Но это я могу и сам».

— И что же ты сделала?

— Когда они отошли, вылезла, поставила слип на авто-спуск. Я видела, как это делают...

— Ясно,— сказал Аракелов.

В принципе, в этом не было ничего невозможного. Отмотать метров двадцать троса на барабан носовой лебедки «Марты», застопорить судовую лебедку, а потом помаленьку стравливать трос, соразмеряясь с опусканием слипа. Для опытного водителя это не представляло особого труда. Но как справилась с этим Марийка? Ведь опыта работы с «Мартой» у нее с гулькин нос... И как никто ей не помешал? Ведь слип скрежещет так, что только в баролифте не слышно! Конечно, когда «Марта» уже пошла к воде, остановить ее было бы нельзя, но до того? Куда смотрел вахтенный? «Мда-а,— подумал он,— дисциплинка... Пораспустил народ Ягуарыч...»

— И никто тебя не остановил?

— Нет...

— Молодцы!— искренне восхитился Аракелов. На мгновение ему даже стало весело.— Хоть судно укради, не заметят,

если есть о чем посудачить!.. Но на кой черт ты полезла? Зачем?

— Затем, что я слышать не могла, как они про тебя... Понимаешь? Я уже все знала — и про патрульники, и про «рыбку». Я понимала, что ты там сидишь и думаешь...

— Вот и не лезла бы. Лучше бы сама подумала...

— Я и думала. Что тебе экспериментальные данные нужны. И что если даже «Марта»... не пройдет... Ты скорее сообразишь, что к чему.

До Аракелова дошло не сразу: слишком уж нелепо это было. Нелепо, немисливо, невозможно!

— Дура! — зарал он, забыв, что уже ночь, что за тонкими переборками каюты давно уже спят. — Ты соображаешь, что говоришь?

— Да, — тихо сказала Марийка, и Аракелов осекся. — И когда делала, тоже соображала. Только что все вот так получится — не сообразила.

Аракелов обнял ее, прижал к себе, гладил по волосам, целовал мокрое от слез лицо, шею, руки...

— Дура, — задыхаясь, бормотал он, — сумасшедшая, ненормальная... Что бы я без тебя делать стал, а?

— А что ты будешь делать со мной? — печально спросила Марийка. — Ведь ты... Ты же мне не простишь. И прав будешь.

— Ничего, — сказал он. — Это все ерунда. Понимаешь, ерунда. И прощать или не прощать я тебя не могу. Я ведь люблю тебя. Просто люблю и не могу ни винить, ни прощать.

— Я им скажу, я им все скажу, слышишь?

— Я им сам скажу, — пообещал Аракелов. — Это все не так страшно. Это все утрясется... Главное, что есть мы. Понимаешь — не ты, не я. Мы.

Марийка благодарно улыбнулась — он понял это по изменившемуся голосу:

— Спасибо, Сашка...

Он еще долго сидел, обняв ее одной рукой, а другой бережно и легко гладя по волосам — до тех пор, пока по дыханию не понял, что Марийка уже спит. Тогда он тихонько встал, продолжая обнимать ее плечи левой рукой, и осторожно уложил Марийку на постель. Она все-таки проснулась.

— Ягуарыч мне втык устроил... Поклялся списать. Вахтенным по выговору, а меня — на берег... Это, говорит, еще не все... Вот завтра утром разбор устроим... Там больше получите... Но мне все равно, понимаешь? Пусть спишут... Если ты меня в жены возьмешь... — Язык у нее заплетался.

— Спи, — сказал Аракелов. — Пустяки все это. Спи, милая.

Она и в самом деле уснула — на этот раз окончательно. Досталось же ей сегодня, подумал Аракелов. Он бесшумно оделся и вышел из каюты.

Поднявшись на главную палубу, он прошел на нос и встал, опершись вытянутыми руками на планшир и глядя на фосфоресцирующие буруны, вскипавшие у форштевней.

Да, подумал он, майский день, именины сердца...

Океан был темным, почти черным; серебряные блики лунного света только подчеркивали его черноту. Он был бескрайним и бездонным. Таинственным. И где-то там, в глубине, скрывались его таинственные порождения — Великий морской змей, чудовище «Дипстар», чудовище «Дзуйио Мару»... Подумать только — еще утром Аракелову казалось, что найти их — единственная трудная задача в жизни. Это было каких-нибудь шестнадцать часов назад... Каким же еще мальчишкой он был тогда!

А теперь... Марийка что-то сказала про завтрашний разбор... Значит, дошло до этого. Значит, завтра будет бой. Бой на ближней дистанции — как в старину. Что ж, равнодушно подумал Аракелов, бой так бой. Что еще остается? Благородно поднять флажный сигнал «Погибаю, но не сдаюсь» и благопристойно пойти ко дну...

Пойдет ли он еще ко дну? Туда, вниз? Или прав был спрут из кошмара? И уже никогда не придется Аракелову войти в баролифт? Нет, подумал он, этого не может быть.

Это может быть. Это очень может быть, трезво рассудил он. Пусть ты убежден, что был прав. Абсолютно прав. Пусть ты можешь с чистой совестью сказать: я сделал. Только поэтому живы водители четырех патрульных субмарин, тех, что шли на поиски погибших; только поэтому останутся в живых все те, кто не пойдет уже в сероводородные облака, ибо кто предупрежден, тот вооружен. Пусть поймут и поддержат тебя Зададаев, Ягуарыч — ведь не может не понять этого капитан, — Генрих и кто-то еще. Даже многие. Даже большинство. Но всегда найдутся и другие. Те, из-за кого могла погибнуть Марийка. И такие, как те. И возникнет слух — слух, который окажется сильнее любого официального одобрения. От него не спрячешься никуда: батияндров мало, очень мало, и друг о друге они знают всё. Даже будь их много, знать все друг о друге им необходимо: ведь пойти с человеком вниз можно лишь тогда, когда знаешь его до конца. Когда веришь ему, как себе. Больше, чем себе. А кто поверит теперь Аракелову? Да, конечно, он был прав, но говорят...

И придется жить, ежедневно борясь с этим «говорят». Разве можно так жить?

А ведь ему еще только тридцать два...

Менять профессию? Уходить? Значит, проклятый оранжевый спрут был прав?

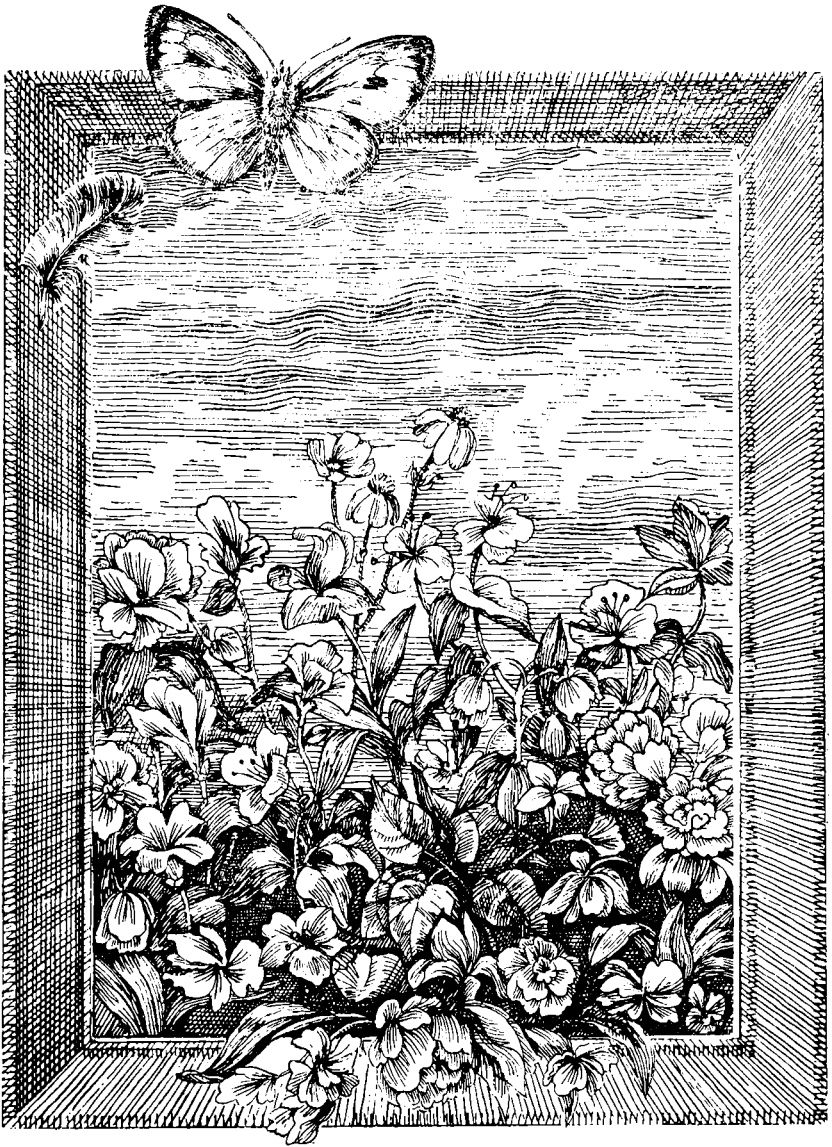
Нет, решил Аракелов. Нет. Ни за что.

Бой так бой. И чем скорее, тем лучше. Аракелов почувствовал, как рождается и крепнет в нем холодная, упрямая злость. Нет! Он еще будет внизу. Он еще поймает всех этих Великих морских змеев и чудовищ «Дзуйио Мару». Он еще спустит с них шкуру. Спустит шкуру, сделает сумочку и подарит Марийке.

Аракелов поднял глаза к горизонту и увидел, как впереди, прямо по курсу, взошла звезда. Яркая, автоматически отметил он. Наверно, планета. Только какая? Внезапно звезда погасла, потом вспыхнула вновь. Снова потухла. И загорелась опять.

И тогда Аракелов понял, что это. Это была не звезда. Это был лазерный маяк на вершине Гайотиды.

ПОВЕСТЬ О ДРУЖБЕ И НЕДРУЖБЕ

СКАЗКА

Ровно в девятнадцать ноль-ноль тридцать первого декабря прошлого года Андрей Т. лежал в постели и с покорной горечью размышлял о прошлом, настоящем и будущем. Как легко подсчитать, до Нового года оставалось всего пять часов, но никаких радостей это обстоятельство Андрею Т. не сулило, ибо он не просто лежал (смешно думать, что ему вдруг захотелось в последние часы старого года поваляться под одеялом), а соблюдал постельный режим: горло его было завязано и болело.

Андрей Т. лежал в постели и с покорной горечью раздумывал о том, какой он все-таки невезучий человек. Весь его огромный опыт, накопленный за четырнадцать лет жизни, свидетельствовал об этом с прямо-таки болезненной несомненностью.

Например, стоило человеку по какой-либо причине (пусть даже неуважительной, не в этом дело) не выучить географии, как его неумолимо вызвали отвечать — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Стоило человеку забраться в стол к старшему брату — студенту (совершенно случайно, ничего дурного не имея в виду), как там оказывалась наводящая изумление японская электронная машинка, которая тут же незамедлительно выскакивала из рук и с треском падала на пол. Опять же с вытекающими последствиями. Стоило человеку проесть с трудом обретенный рубль на мороженом (сливочный, шоколадный и фруктовый шарик в соответствующем сиропе), как буквально в двух шагах от кафе обнаруживался книгоноша, распродающий последние экземпляры «Зарубежного детектива».

Да, удачи не было. Удача кончилась три года назад, когда человеку подарили к дню рождения лотерейный билет и он выиграл на этот билет будильник.

Однако даже невезение должно иметь какие-то пределы. Заболеть ангиной за несколько часов до Нового года — это уже не просто невезение. Это уже судьба. Рок.

Закон бутерброда, сказал папа. Очень может быть. Папа нередко высказывает вполне здравые мысли. Насчет закона бутерброда он впервые высказался еще на заре времен, года три назад. Андрей Т. решил тогда, что бутерброд в данном случае является именем крупного немецкого ученого и пишется через два «т». Он даже вписал этого Буттерброта в кроссворд вместо Гейзенберга, чем повергнул старшего брата в неописуемое и оскорбительное веселье. Много воды утекло с тех пор, и много бутербродов вывалилось из рук на пол, на тротуар и просто на сырую землю, прежде чем Великий Закон утвердился в сознании Андрея Т. во всей своей непреклонной определенности: бутерброд всегда падает маслом (ветчиной, сыром, вареньем) вниз, и нет от этого спасения.

Нет от этого спасения.

Если человек дал Милке Пономаревой списать контрольную, человеку ставят «банан» за то, что он списал контрольную у Милки.

Если человек тихо и никому не мешая пристроился к телевизору насладиться одним из семнадцати мгновений весны, человека поднимают, напяливают на него смиренный парадный костюм и ведут на именины к бабушке Варе, которая не держит телевизора из принципа.

И уж если человек, изнемогший от географии и литературы, взлелеял в душе чистую мечту провести праздник Нового года и заслуженные каникулы в Грибановской караулке,— всё, пиши пропало: человека поражает фолликулярная ангина, и пусть он еще спасибо скажет, что это не чума, не проказа и не стригущий лишай...

В девятнадцать ноль-пять с целью выяснить, не изменилось ли положение к лучшему, Андрей Т. произвел экспериментальный глоток всухую. Положение не изменилось, горло болело. Зря, выходит, поедал он отвратительные горькие порошки, полоскал многострадальные голосовые связки мерзкими растворами, терпел на шее колючую шерстяную повязку. Может быть, маме следовало послушаться бабушку Варю и обложить шею очищенными селедками? В глубине души Андрей Т. знал, что и эта крайняя и варварская мера не привела бы ни к чему. Пропала новогодняя ночь, пропали каникулы, пропало все то, ради чего он жил и работал последний месяц второй четверти. Сознать это было столь невыносимо, что Андрей Т. повернулся на спину и разрешил себе испустить себе негромкий стон. Это был стон мужественного человека, попавшего в западню. Стон обреченного звездолетчика, падающего в своем разбитом

корабле в черные пучины пространств, откуда не возвращаются. Словом, это был душераздирающий стон.

А папа и мама находились уже, вероятно, на месте, в окрестностях Грибановской караулки, где так удивительно отсвечивают в отблесках костра пушистые сугробы, где отягощенные снегом лапы огромных елей и сосен отбрасывают таинственные тени, где можно рыть тоннели в снегу, носиться по лесу, издавая воинственные кличи, а потом, забравшись на печку, слушать смех и споры взрослых и песни старшего брата, студента, под гитару...

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что скоропостижная ангина у Андрея Т. едва не нарушила эту традиционную семейную вылазку. Сначала мама решительно высказалась в том смысле, что раз так, то она, мама, останется с Андриюшкой и ни в какую Грибановскую караулку не поедет. Сейчас же, не желая уступать ей в великодушии, в том же смысле высказалась и папа. И даже брат-студент, совершенно лишенный родственных чувств, особенно когда это касалось малокалиберной винтовки, двенадцатикратного бинокля и упоминавшейся уже японской вычислительной машинки, и тот вызвался провести новогоднюю ночь «у скорбного одра», как он выразился, имея в виду, вероятно, постель больного. Положение спас дедушка. Узнав в последнюю минуту о неприятности, он явился и выгнал всех из дому, после чего подмигнул Андрею Т. и устроился в соседней комнате шелестеть газетами и мурлыкать под нос «Ой на гори тай жнецы жнуть...» Авторитетный человек дедушка, подполковник в отставке и депутат, но многого не понимает.

В девятнадцать ноль-восемь Андрей Т. произвел второй экспериментальный глоток всухую. Положение оставалось прежним. Тогда Андрей Т. спустил ноги с кровати, нашарил тапочки и потащился в ванную полоскать предательское горло раствором календулы в теплой воде. Задрав голову и уставя в потолок бессмысленный взгляд, клокоча и булькая, он продолжал размышлять. Собственно, что такое мужество? Мужество — это когда человек не сдается. Борьбаться и искать, найти и не сдаваться. Когда у человека ангина, бороться и искать невозможно, и остается одно: не сдаваться. Например, можно послушать приемник. Можно тщательно и со вкусом перелистать альбом с марками. Есть новенький сборник научной фантастики. Есть старенький томик «Трех мушкетеров». На худой конец, есть кот Мурзила, которого давно пора потренировать на вратаря. Нет, мужественный человек, даже больной до беспомощности, всегда найдет себе применение. Кстати, дедушка до сих пор не обучен играть в «балду».

Мир немного посветлел. Андрей Т. поставил пустой стакан

на полку и вышел в прихожую. А выйдя в прихожую, он увидел на столике под зеркалом телефон. А увидя телефон, он остановился как громом пораженный. Просто непостижимо, что такая простая вещь не пришла ему в голову раньше. Старый верный друг Генка — вот кто ему нужен! Конечно, он тоже ничем не поможет, но с ним можно говорить как равный с равным, сдержанно-мужественно посетовать на судьбу и услышать в ответ сдержанно-мужественные слова утешения и участия. Андрей Т. схватил трубку и набрал номер.

Подошел сам Генка-Абрикос, шумно выразил радость и спросил, как там у них в Грибановской караулке. Андрей Т. ответил, что ни в какой он не в Грибановской караулке, а дома, и сдержанно-мужественным голосом поведал другу о своей фолликулярной ангине и о своем одиночестве. После этого Генка-Абрикос тридцать секунд молчал, соображая, и вдруг сказал:

— Не тушуйся, старик. Не пропадем. Ровно в девять буду у тебя. Погоняем в автодром и вообще.

У Андрея Т. на миг даже сперло дыхание.

— Что?— спросил он растерянно.

— Жди меня ровно в девять,— сдержанно-мужественным тоном произнес друг Генка по прозвищу Абрикос.— Привет.

И в трубке запищали короткие гудки.

Мир не просто посветлел. Мир засиял. Андрей Т. представил себе, как Генка вваливается в эту вот дверь — огромный, толстощекий, с автодромом под мышкой и пахнувший праздничными мандаринами и морозом, и как он бубнит, раздеваясь: «Не отпускали нипочем, а я им говорю: «А ну вас к лешему совсем, говорю, там Андрюха лежит бездыханный, а вы меня держите...» Да. Генка. Верный друг. Абрикос. Андрей Т. осторожно передохнул, положил трубку и помигал, потому что у него подозрительно зашипало глаза. Друг. Да.

Он вернулся в постель и забрался под одеяло. Собственно, особенно удивляться или умиляться здесь нечего. Настоящая мужская дружба превыше всего. Сам Андрей Т. тоже не колебался бы ни минуты, а уж Генка и подавно. Он ведь человек действия, Генка-Абрикос, он идет на помощь другу не задумываясь. Как-то весенним вечером компания недорезанных басмачей из соседней школы окружила Андрея на темной окраине парка Победы и после краткого выяснения, кто есть кто, принялась не больно, но унижительно лупить его сумками со спортивным барахлом. И тут появился Генка-Абрикос. Он ворвался в круг, разя направо и налево своими чудовищными граблями, и противник пришел в замешательство. Правда, в конце концов обработали их обоих основательно, но отступили

они хоть и в беспорядке, однако с честью. Такое не забывается...

И Андрей Т. весело крикнул:

— Дедушка! Иди сюда, мне одному скучно!..

Было девятнадцать часов двадцать одна минута.

В двадцать сорок семь, когда Андрей Т., рассеянно вертя в пальцах плененную ладью, раздумывал над очередным ходом, дедушка в кресле расслабился, поник седой головой и негромко захрапел. Андрей Т. поглядел на него, откинулся на подушки и стал ждать. Несомненно, Генка-Абрикос должен был явиться с минуты на минуту.

В двадцать один тридцать четыре Андрей Т. поднялся и на цыпочках направился в ванную. Друга Генки все еще не было. Покончив с раствором календулы, Андрей Т. в задумчивости поглядел на телефон, но сдержался и снова вернулся в постель. «Мало ли что...» — туманно подумалось ему.

В двадцать один пятьдесят три Андрей Т. отшвырнул сборник научной фантастики и сел, обхватив колени руками. Дедушка спал в кресле напротив, закинув голову и явственно похрапывая. Кот Мурзила в позе Багиры, Черной Пантеры, предавался дреме на бездействующем телевизоре. На табуретке возле кровати безмолвствовал Андреев любимец и мученик, радиоприемник второго класса «Спидола», он же Спиха, он же Спиридон, он же Спидлец этакий, в зависимости от состояния эфира и настроения. А Геннадий М. по прозвищу Абрикос так и не пришел.

Андрей Т. мрачно нахмурился. Ему было неудобно, неприятно, тревожно. Саднило горло. Свет в комнате то притухал, то разгорался до ослепительного блеска. Чтобы рассеяться, Андрей взял Спиху и повернул верньер до щелчка. Зашуршала несущая частота, пробилась какая-то неясная музыка. И вдруг послышался знакомый голос. Явственный, хотя и слегка придушенный голос Генки-Абрикоса отчетливо произнес:

— Андрюха... Андрюха... Ты меня слышишь?.. Андрюха... Пропадаю, старик... На помощь...

Андрей Т. подскочил на месте (распрямылся, как стальная пружина). Он в смятении огляделся. Он затряс головой. Он сделал глоток всухую и не почувствовал боли. Шуршала несущая частота, и Спидлец монотонно раз за разом повторял голосом Генки-Абрикоса:

— Ты меня слышишь?.. Андрюха... Андрюха... На помощь, старик, пропадаю... Андрюха... Ты меня слышишь?..

Не надо скрывать: Андрей Т. растерялся. Да и кто бы не растерялся на его месте? Каким это таким образом Генку-Аб-

рикоса вдруг занесло в мировой эфир? Что с ним случилось? Где он находится? Не сводя глаз со шкалы диапазонов, Андрей Т. робко осведомился:

— Генка, ты где?

Спиридон все продолжал взывать к нему о помощи голосом Генки-Абрикоса, но тут что-то произошло со шкалой диапазонов. Она озарилась зеленоватым мерцающим сиянием и превратилась в дисплей, как на японской вычислительной машинке старшего брата, а по дисплею побежали справа налево светящиеся слова. Андрей читал, обмирая: «если хочешь спасти необходимо успеть до полуночи вход на кухне у холодильника если хочешь спасти необходимо успеть до полуночи вход на кухне у холодильника если хочешь спасти...»

Дзынь! Все исчезло, погасли бегущие слова, шкала снова стала шкалой, и монотонный голос Генки-Абрикоса оборвался на полуслове.

— Так!— громко произнес Андрей Т.— Вот оно, значит, что!

Собственно, он по-прежнему понимал мало. Ясно было только, что старый верный друг Генка попал в какую-то непостижимую беду, что поспеть к нему на помощь требуется до полуночи и... Что это там было насчет какого-то входа у холодильника? Андрей Т. отлично знал, что никакого хода у холодильника нет, а есть там по сторонам холодильника два белых кухонных шкафчика. И если даже ход этот есть, то вести он должен в лучшем случае прямо в морозное вечернее пространство на высоте пятого этажа. Да, было о чем подумать и было что взвесить, и Андрей Т. принялся обдумывать и взвешивать, как вдруг Спиха тихонько, но необыкновенно явственно сыграл начальные такты старой славной песенки:

К другу на помощь! Вызволить друга
Из кабалы и тюрьмы!..

И Андрея Т. мгновенно бросило в жар. Генка-Абрикос не обдумывал и не взвешивал тогда весной в темных аллеях парка Победы. Не обдумывал и не взвешивал, когда узнал о фолликулярной ангине и одиночестве два часа назад... Андрей Т. взглянул на светящийся циферблат над головой. Черные стрелки показывали двадцать два часа одиннадцать минут. Андрей Т. огляделся. Дедушка мирно похрапывал в своем кресле, покойно сложив на животе руки. Кот Мурзила на телевизоре, не поднимая головы, медленно распахнул свои глазищи, сверкнувшие зеленым. Андрей Т. решительно спустил ноги с кровати.

Стараясь двигаться по возможности бесшумно, он облачился в тренировочный костюм, весьма кстати висевший тут же на

спинке стула, и пробрался в прихожую. Несомненно, предстояла экспедиция, и подготовиться следовало тщательно. Андрей Т. натянул шерстяные носки и обулся в зимние ботинки. Затем он надел лыжную куртку, застегнул «молнию» до повязки на горле и подхватил в качестве оружия складной металлический штатив для фотоаппарата, тяжелый и прикладистый, как дубина былинного витязя. Прикидывая боевой штатив в правой руке, он не без удивления обнаружил в левой любимую «Спидолу». Это было довольно странно: откуда взялся приемник в левой руке, которой он только что застегивал «молнию»? И коли уж на то пошло, откуда здесь взялся этот штатив? Это же не наш штатив, у нас нет штатива, у нас никогда не было никакого штатива... Но времени удивляться и размышлять не было, настала минута действия. Двадцать первая минута одиннадцатого.

Ход у холодильника Андрей Т. увидел прямо с порога кухни. Оказывается, кухонный шкафчик справа от холодильника примыкал к нему не вплотную, а отстоял сантиметров на сорок, и в стене между ними красовалась прямоугольная зияющая дыра в рост невысокого человека. И дыра эта являла вид настолько непривлекательный, что Андрей Т. в нерешительности остановился. Ему представились скользкие выщербленные ступени, ведущие в зловонное подземелье, ржавые крючья в стенах, норовящие угодить в глаз, и еще какие-то серые, мохнатые, копошащиеся, с горящими красноватыми глазками...

Андрей Т. никогда не был трусом. Просто иногда он ратовал за разумную осторожность. Вот и сейчас он отчетливо понял, что минута действия временно прекратила течение свое и уступила место минуте здравого смысла. Перед нами как будто подземелье? Отлично. В таком случае не следует ли заняться сначала изготовлением смоляного факела? Не следует ли сменить зимние ботинки на болотные, скажем, сапоги? И вообще не пора ли вовлечь в событие дедушку, боевого офицера, имеющего, кстати, опыт преследования врага в тоннелях берлинского метро? Или еще лучше — позвонить замечательному человеку, классному руководителю Константину Павловичу, бывшему танкисту и кавалеру ордена Славы.

Известно, что есть лишь один способ делать дело и множество способов от дела уклоняться, так что трудно сказать, как бы все обернулось в дальнейшем, но тут Спиха, Спидлец этакий, вновь тихонько проиграл начальные такты славной мушкетерской песенки, и Андрея Т. вновь бросило в жар. С пронзительной откровенностью признался он самому себе, что и сапоги болотные резиновые, и факелы смоляные копящие, и всякие иные причиндалы, могущие еще прийти ему в голову, есть не что иное, как чушь несусветная и отговорки.

Что стыдно ему, здоровенному (пусть даже и слегка больному) парню, прятаться за спину ветерана Великой Войны. И что вообще топтаться без толку между холодильником и кухонным шкафчиком в то время, как друг Генка погибает и ждет помощи, попросту постыдно. И он ринулся вперед и нырнул в зияющую дыру.

Он был приятно разочарован. Не оказалось там ни осклизлых ступеней, ни ржавых крючьев, ни спящих крыс. Оказался там длинный коридор казенного вида, тускло освещенный пыльными лампами под жестяными абажурами с отбитой эмалью. Пахло канцелярией, на оштукатуренных стенах мотались под сквозняком приклепанные бумажки с выцветшими машинописными текстами. Бросался в глаза странный призыв: «Тов. пенсионеры! Просьба не курить, не сорить и не шуметь!» Справа и слева вдоль коридора тянулись ряды обшарпанных дверей с темными пятнами возле ручек, и каждую дверь украшала надпись, как правило грозная и в повелительном наклонении: «Не стучать!», «Не зевать по сторонам!», «Не сметь!» и даже «Миновать быстро и не оглядываться!»

Андрей Т. шел медленно, машинально читал надписи и думал, за какой дверью надо искать Генку, и вдруг ему пришло в голову, что ведь совершенно непонятно, куда ведет этот коридор, — по всем расчетам, он должен был с самого начала пронизать стену дома, пройти над улицей и вонзиться в балконный кинотеатра «Космос». Озадаченный этой мыслью, он даже остановился и тут же обнаружил, что коридор кончился. Впереди был тупик, и в тупике были две двери — последние. Надпись на левой двери гласила с вызовом: «Для смелых». Надпись на правой двери снисходительно ухмылялась: «Для не очень».

Андрей Т. сдвинул брови и погрузился в самоанализ.

Скромность требовала признать, что со смелостью у нас обстоит не так чтобы очень. Правда, в первой четверти Андрей Т. взобрался по пожарной лестнице до пятого этажа. Но по возвращении на твердую почву у него так тряслись руки и ноги, что взыскательные наблюдатели это заметили, и пришлось соврать, будто на него напал приступ застарелой болезни Паркинсона (за многими делами он так и не удосужился выяснить, есть ли такая болезнь на самом деле, и если есть, то болеют ли ею люди). Словом, скромность утверждала, что избрать следует правую дверь, и Андрей Т. послушался. Он решительно отворил дверь с надписью «Для не очень».

Так. За дверью была знакомая комната. В знакомом кресле похрапывал знакомый дедушка, на знакомом телевизоре жмурился знакомый кот, со знакомой кровати свешивалось знакомое одеяло.

Андрей Т. решительно закрыл дверь. Скромность, конечно, скромностью, но не такой же ценой! Впрочем, не беда, ничего не потеряно. И в конце концов, избрав сначала правую дверь, он поступил по крайней мере честно, а как известно, «честность — это больше, чем смелость, это мужество!» (из запоздалой речи бабушки Вари по поводу сокрытия двойки по поведению за совершение некоего смелого поступка на уроке по рисованию). Что ж, придется быть не только честным, но и смелым, вот и всё. Андрей Т. перешел к левой двери, стиснул зубы покрепче и толчком отворил ее.

Ничего особенного. Открылся тоннель с кирпичными стенами, низкий, сыроватый, но вполне опрятный и тихий. Цементный пол. На полу виднеются следы, оставшиеся, видимо, еще с тех времен, когда цемент не схватился. Гм. Странные следы. Не Генкины. Гм. Похоже, здесь проходила лошадь. Копыта. Гм...

Андрей Т. продвигался по тоннелю с некоторой опаской, стараясь жаться к стенам, подальше от странных следов. Он был готов ко всему, но ничего пока не происходило. Мало-помалу он приободрился, он уже и вправду ощущал себя не только мужественным, но и смелым. Спиридон, кажется, тоже пришел в хорошее настроение. Во всяком случае, он принялся напевать вполголоса: «Наши жены — пушки заряжены, вот кто наши жены...»

Внезапно стены тоннеля раздалились, вспыхнул яркий свет множества ламп дневного света, засверкал и заискрился белый и черный кафель. Андрей Т. остановился и зажмурил глаза от слепящего блеска. Когда же он разжмурился, то увидел, что стоит на самом краю плавательного бассейна.

Да, это был самый обыкновенный плавательный бассейн, точно такой же, в каком Андрей Т. некогда сдавал нормы ГТО, — выложенный кафелем, шириною метров в десять и метров пятьдесят в длину.

Ясно было, что дальнейший путь к бедствующему Генке-Абрикосу лежит на противоположной стороне бассейна через широкий дверной проем, темнеющий за легкой пеленой струйчатого пара. Ясно было также, что обойти бассейн невозможно, потому что кромка пола между его боковыми краями и стенами по-дурацки узкая и вдобавок наклонена градусов этак на сорок пять, с альпинистскими шипами не удержишься. «Придется впасть или вброд», — подумал с неудовольствием Андрей Т. и тут только обнаружил, что в бассейне нет ни капли воды.

Это было как нельзя более кстати. Пожалуй, даже слишком. Если судьба бросает под ноги заведомо смелому человеку

сухие бассейны, то надлежит смотреть в оба. Андрей Т. посмотрел в оба, и то, что он увидел, очень ему не понравилось. По всему пространству бассейна на чистом сухом кафеле были разбросаны какие-то заскорузлые тряпки и иные предметы столь же неопрятной сущности. Андрей Т. разглядел продранный шерстяной носок, старую футболку с номером, обтрепанные брюки, вывернутый наизнанку тулуп, ржавый велосипедный насос и череп. При виде черепа сердце Андрея Т. подскочило к горлу: «Генкин!» Но он тут же вздохнул с облегчением: череп был коровий, из их школьного зоологического кабинета.

Несколько секунд Андрей Т. колебался, хотя отлично понимал, что бассейна этого ему не миновать. Он поднял глаза. Черные стрелки на светящемся циферблате показывали двадцать два часа тридцать семь минут. Время поджимало. Андрей Т. поколебался еще три секунды и решительно спрыгнул на кафельное дно.

Оказавшись в бассейне, он торопливо зашагал к противоположному краю, который вдруг словно бы отодвинулся куда-то в невероятную даль. Сначала он шагал просто торопливо, потом зашагал быстро, потом очень быстро и, наконец, пустился бегом во все лопатки.

Нет, не зря коварная судьба устроила этот бассейн на его пути! И подозрительные тряпки с черепами оказались в этом бассейне, надо думать, не случайно! Не успел Андрей Т. пробежать и половины расстояния до края, как в уши его ударил глухой kloкочущий рев. Со всех четырех сторон сразу из каких-то невидимых труб хлынули в бассейн свирепые потоки мутной вспененной воды, исходящей паром как бы от сдерживаемого бешенства.

Отступать было бессмысленно, это Андрей Т. понял сразу. Оставалось наступать. И, вспомнив свои былые успехи на стометровке, он рванул вперед с таким рвением, как будто твердо поставил себе целью перекрыть все олимпийские рекорды Валерия Борзова. Возможно даже, что он и перекрыл бы эти рекорды, но он не успел. Мутные волны набросились на него, ударили по ногам и окатили с головой.

— Ай-яй-яй-яй-я-а-ай! — взвыл в ужасе Спиха латиноамериканским голосом.

— Вр-р-решь! — прорычал Андрей Т.

Мутные пенистые валы тшились опрокинуть и утопить его, но он неудержимо рвался вперед, похожий теперь уже не на Валерия Борзова, а на скоростной скутер, идущий на редане.

Потом дно ушло у него из-под ног, он бросил на произвол судьбы боевой штатив, поднял Спиридона повыше над головой и поплыл. Он отчаянно работал ногами и отчаянно загребал правой рукой, он ничего не видел сквозь бурлящую пену и клу-

бющийся пар, в ушах стоял рев волн, прорезаемый отчаянным свистом Спиридона, а он всё загребал правой и обрабатывал ногами, загребал и обрабатывал, загребал и обрабатывал целую вечность, пока не врезался в противоположную стенку бассейна с такой силой, что загудело во всем теле от травмированной макушки до самых пяток.

Через минуту он стоял наверху, на сухом полу, выложенном черным и белым кафелем. Он стоял и пошатывался от пережитых волнений, с него текло, он все еще держал своего Спиридона высоко над головой и с тупым интересом смотрел, как вода в бассейне, по-прежнему пенясь и исходя паром, всплескивается, закручивается в воронки и со скворчанием уходит в невидимые трубы. И вот уже обнажилось дно, и снова появилось на свет неопрятное тряпье вперемешку с ржавым хламом, только теперь среди всех этих старых штанов и костей сиротливо блеснул под лампами дневного света боевой штатив для фотоаппарата.

— Всех не спасешь, верно?— произнес незнакомый голос.

Тут только Андрей Т. обнаружил рядом с собой некоего дядю. Был этот дядя в комбинезоне с лямками на голое загорелое тело, отличался изрядным ростом и чем-то очень напоминал соседа по лестничной площадке по прозвищу Конь Кобылыч. Голос у него был низкий и приятный, и смотрел он на Андрея Т. ласково и приветливо.

— Хорошо еще, что сам жив остался,— продолжал он.— А ну раздевайся, давай обсушимся, да и подзаправиться не мешает...

Он в два счета освободил Андрея от мокрой одежды, быстро и ловко развесил всё на горячих трубах парового отопления и набросил Андрею на голые плечи огромное теплое мохнатое полотенце.

— Смельчак, смельчак...— приговаривал он при этом.— Если можно так выразиться, рыцарь без страха и упрека... Молодец, ничего не скажешь...

Он усадил Андрея за уютный столик у стены, быстро и ловко выставил на скатерть большой кипящий чайник, пузатый заварочный чайник и цветастую чашку с блюдцем, затем присел к столу и сам.

— В здешних палестинах так нельзя,— говорил он с ласковой укоризною.— Здесь головой надобно работать, головой. А вы всё ногами норовите, ногами. Вот и хватили шилом паточки. Не-ет, не зная броду, не суйся в воду. А то ведь дурная голова покоя ногам не даст, ничо чем не даст. Уж поверьте мне, кривой-то дорожкой ближе напрямик...

Андрей Т. слушал и давался диву, а между тем уже отхлебывал из цветастой чашки крепкий чай с молоком и поедал

нечто белое, пухлое, очень вкусное, в обычной жизни почти не бывающее, надо полагать — калач.

— Вы, мой огурчик, вступились в дело опасное и безнадежное,— продолжал новоявленный Конь Кобылыч.— Вы и понятия не имеете, куда вас несет. Вот миновали вы воду. Хорошо. Даже превосходно. А огонь? А медные трубы? Об этом вы подумали, луковка моя сахарная? Положим, что вам своей головы не жаль. Ну, а о маме вы подумали? Подумали о мамочке о своей? Не подумали. По глазам вижу, что не подумали, капуста вы моя белокочанная! А об отце?..

Все тот же огромный четырнадцатилетний опыт подсказывал Андрею, что подобные аргументы старших следует переносить молча и с невозможно виноватым видом. Тем не менее Андрей Т. поставил чашку и произнес с достоинством:

— Собственно, я ведь...

— Не подумали!— гаркнул Конь Кобылыч и подлил ему горячего из чайника и молочника.— Об отце вы тоже не подумали!

— Но ведь Генка...

Конь Кобылыч воздел руки над головой.

— Ну разумеется — Генка!— с горестной усмешкой воскликнул он.— Генка — прежде всего! Юбер аллес, если можно так выразиться. А мать пусть рвет на себе волосы и валяется в беспомощности! А отец пусть скрипит зубами от горя и слепнет от скупых мужских слез! Пусть! Главное, конечно,— это Генка!

Тут Спиридон, стоявший до того тихонько на краю стола, внезапно запел:

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг,
А так...

Конь Кобылыч протянул руку, щелкнул верньером и поставил Спиридона под стол.

— Генка — только о нем мы и думаем днем и ночью,— горестно продолжал он.— Для него мы совершаем геройские подвиги вместо того, чтобы лишний раз взять в руки учебник по литературе. Дурака Генку спасать — вот это подвиг и ура, это не то что постараться на твердую четверку по литературе выползти... Как же — Генка!

Андрей Т. насупился. Конь Кобылыч при всем своем гостеприимстве и прочих приятных качествах был пустой болтун и больше ничего. Андрея так и подмывало повернуться к нему спиной и засвистеть маршик из «Моста через реку Квай». Все, что он говорил о родителях и о Генке, было глупо и несправедливо. Есть вещи, которые нельзя не делать несмотря ни на что. Например, люди идут сражаться за Родину. Или

погибают, спасая женщин и детей. Или летят в космос. Да мало ли еще? И нечего приплетать сюда родителей и, тем более, тройки по литературе. И нечего выключать Спиридона.

Андрей Т. решительно отодвинул чашку и встал.

— Спасибо,— сказал он.— Мне пора.

Конь Кобылыч приятно улыбнулся.

— Подкрепились?— осведомился он умильно.

— Подкрепился. Спасибо,— отвечивал Андрей Т.

— Пообсохли?

— Пообсох. Спасибо.

— Самочувствие нормальное?

— Нормальное.

— Ну, будем одеваться, когда так.

Андрей Т. принял одеваться. Ему хотелось поскорее уйти, и ему была неприятна близость Коня Кобылыча, а тот вертелся вокруг и помогал натягивать, зашнуровывать, застегивать и одергивать. Когда они застегнули последнюю «молнию» (на лыжной куртке до повязки на горле), он отступил на шаг, полюбовался и сказал:

— Вот и ладненько. А теперь домой, к мамочке.

«Фиг тебе — к мамочке!»— злорадно подумал Андрей Т. Он достал из-под стола Спиридона и взглянул на светящийся циферблат на стене. Двадцать три ноль-три.

— До свидания,— сказал он и направился к дверному проему.

— Куда же вы?— вскричал Конь Кобылыч.— Вам не туда! Вам обратно!

— Туда, туда,— успокоительно сказал ему Андрей Т., не останавливаясь.— Туда, и не мимо!

— А как же мама?— вопил вслед Конь Кобылыч.— А медные трубы? Вы забыли про медные трубы!

Но Андрей Т. больше не откликнулся. Он на ходу повернул верньер до щелчка, и Спидлец немедленно взвыл: «Мы расстаемся навсегда, пускай бегут года...»

Сразу за порогом широкого дверного проема оказался тускло освещенный зал с зеркальным паркетом и с воздухом столь необыкновенно сложного состава, что уже на двадцати шагах ничего нельзя было различить за какой-то бесцветной дымкой. Однако сразу с порога же имела место уходящая по паркету дорожка черного дерева, и Андрей Т. понял, что опасность заблудиться ему не грозит. Он решительно зашагал по черным полированным квадратикам, стараясь отогнать ослабляющие воспоминания о своем подвиге в бассейне и о сладком чае с молоком и калачом. Он полагал, что главные

испытания еще впереди и к ним нужно быть морально готовым. Вскоре он достиг своего: слова Коня Кобылыча о медных трубах (а кстати, и об огне), вначале с пренебрежением забытые им, не шли больше у него из головы.

И вот в ту самую минуту, когда зловещие слова эти пустили особенно прочные корни в сознании Андрея, черная дорожка под его ногами вдруг раздвоилась. Две совершенно одинаковые черные дорожки поуже уходили в бесцветную дымку вправо и влево под углом в две трети «пи». Причем поперек правой дорожки было большими белыми буквами написано: «Для умных», а поперек левой — «Для не слишком».

Заложив руки со Спиридоном за спину, Андрей Т. стоял на распутье, и горькая мудрая усмешка стыла на его хорошо очерченных губах. Легко справившись с мальчишеским желанием выкрикнуть в пространство что-либо обидное и погрозить (в пространство же) кулаком, он произнес короткий внутренний монолог:

— Не очень-то вы балуете нас разнообразием, господа! Выражаясь вульгарным жаргоном Пашки Дробатона, второй раз хохма — это уже не хохма. Нас опять ставят перед бесчестным выбором: либо забудь о скромности, либо отправляйся домой, к мамочке. Не выйдет, господа! Как говорит мой старший брат — студент: тривиально и лежит на поверхности. Легко видеть. Прости меня, моя скромность.

Криво усмехаясь (большое искусство, освоенное в свое время ценой двухчасового безобразного кривляния перед зеркалом в прихожей), Андрей Т. двинулся по дороге для умных. Впрочем, насилие, учиненное им над собственной скромностью, не очень угнетало его. Гораздо важнее было то, что никаких новых бассейнов со свирепыми водами и вообще никаких болезнетворных физических воздействий ожидать в ближайшем будущем, по-видимому, не приходилось. Ум есть ум, господа. Если мне и дадут, то, скорее всего, по мозгам, а уж это я как-нибудь переживу.

Дорога для умных оказалась на удивление короткой. Упиралась она, естественно, в обыкновенную дверь. Не тратя ни минуты времени и все еще храня на хорошо очерченных губах кривую усмешку, Андрей Т. взялся за ручку и потянул.

Андрей Т. остолбенел. За дверью была все та же знакомая комната. В знакомом кресле храпел во все завертки знакомый дедушка, на знакомом телевизоре валялся знакомый кот Мурзила, со знакомой кровати свешивалось знакомое одеяло. Ах, вот, Андрей Т. тихонько закрыл дверь и тупо уставился на нее в упор. Вот, значит, как. Вот, значит, на чем вы меня провели. Вот, значит, что вы считаете умом. Умному, значит, дорога домой, в постельку. Ну, это мы тоже проходили. «Умный в гору не

пойдет, умный гору обойдет». А Генке, значит, там пропадать у вас? Нет уж, дудки! Андрей Т. произнес в пространство несколько обидных слов, показал (в пространство же) сдвоенный кукиш и, повернувшись спиной к бесполезной двери, рысцей пустился обратно к развилке.

Дорога для не слишком умных оказалась значительно длиннее, и Андрей Т. уже начал беспокоиться, когда впереди в белесой дымке возникло и замаячило какое-то мерцающее голубоватое пятно. Еще минута хода на рысях, и он неожиданно для себя чуть ли не носом уперся в прямоугольное матовое окно, вделанное в стену. Окно мерцало голубым неоновым огнем, а на матовом стекле было написано по вертикали большими красными буквами: «ВХОД», причем рядом с надписью была изображена большая красная стрела, указывающая в небо.

Это был поистине странный указатель, но Андрей Т. так и не успел как следует удивиться, потому что сразу обнаружил рядом нечто вроде лестницы. Собственно, это и была лестница, только не из ступенек, а из вделанных в стену металлических скоб, покрытых зеленой масляной краской. Подобную лестницу Андрей Т. видел во время школьной экскурсии на шефский завод: там она (лестница, конечно, а не экскурсия) вела на самую верхотуру гигантской заводской трубы. Здесь лестница вела в белесую дымку над головой и далее неведомо куда, потому что снизу были видны только первые шесть скоб.

Андрей Т. бросил взгляд на светящийся циферблат — ничего себе, уже четверть двенадцатого! — и стал искать, куда поставить Спиридона, ибо ясно было, что на этой, с позволения сказать, лестнице понадобятся все четыре конечности, а может быть, даже и зубы. Он уже решил было засунуть приемник в случившийся неподалеку чудовищный сервант без стекол и без полок, но тут Спидлец вдруг затянул трясущимся тенором старинный душераздирающий романс:

— Не уходи! Побудь со мной еще минутку!..

Андрей Т. в смущении остановился.

— Ты что это? — спросил он неискренне.

— Не уходи! Мне без тебя так будет жутко!.. — с рыданием в голосе объяснил Спиридон.

Сердце Андрея дрогнуло.

— Ну ладно, ладно тебе... — пробормотал он и принялся запихивать чувствительный аппарат за пазуху.

Спиридон уже вполголоса, но по-прежнему с рыданием и истерическим надрывом сообщил: «И чтоб вернуть тебя, я буду плакать дни и ночи...», после чего замолк, а Андрей Т. поплевал на ладони, крикнул для основательности и начал подъем.

Первые скобы он преодолел легко и даже не без лихости —

пол был еще виден, и в случае чего можно было бы просто прыгнуть вниз. На десятой скобе пол исчез из виду, пришлось остановиться и перевести дух. К пятнадцатой скобе все вокруг заволокло сплошной белесой пеленой и вдобавок возникло ощущение, будто стена начинает загибаться внутрь зала наподобие этакого свода. Девятнадцатая скоба шаталась, как молочный зуб,— именно здесь Андрей Т. смалодушничал и подумал, что следовало бы, пожалуй, вернуться вниз и все досконально, тщательно обдумать и взвесить. Однако как раз в этот момент угревшийся за пазухой Спиридон хрипло провозгласил, что «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». Андрей Т. устыдился и сейчас же взял одним рывком еще полдюжины скоб. Дальше он не считал. Ему стало не до счета. У него зверски заныли плечи и начали трястись ноги. Несомненно, это был приступ болезни Паркинсона, явившейся из мира выдумок и пустых фантазий, чтобы наказать Андрея за самонадеянность. О мои руки! О мои ноги! Все-таки подсунули мне болезнетворное воздействие, подлецы! Но тут ведь главное что? Бороться и искать, найти и не сдаваться. Не сдаваться? Ни в коем случае! Даже если ты болен, все равно чем — фолликулярной ангиной или болезнью Паркинсона. Какие там могут быть болезни, если погибает мой лучший друг Генка по прозвищу Абрикос? «Держись, Генка!— твердил про себя Андрей Т. и цеплялся за ледяные скобы.— Я иду, Генка!— рычал он и карабкался по влажным скобам.— Вр-р-решь, не возьмешь!»— хрипел он и повисал на липких скобах, обвинившись вокруг них подобно некоему тропическому удаву.

Но все на свете имеет конец, и в одну поистине прекрасную минуту Андрей Т. обнаружил, что больше не цепляется, не карабкается и не висит, а блаженствует, сидя на твердом полу и прислонившись спиной к твердой стене. Плечи еще ныли, но не очень сильно. Ноги еще дрожали, но служить не отказывались. Андрей Т. обследовал ладони. Ладони, в общем, были целы и невредимы, хотя и горели, как будто он целый вечер тренировал подъем разгибом на перекладине. Следовало ожидать появления водяных пузырей, но от этого еще никто не умирал.

Андрей Т. встал. Он был убежден, что Генка-Абрикос находится где-то поблизости. Но Генки не было. Была большая комната, освещенная крайне скудно.

Собственно, комната вообще не была освещена. В ней, как говорится, царил тьма, но во тьме этой в великом множестве мигали, загорались и гасли крошечные круглые окна с лампочками, и в их слабом переменчивом свете можно было рассмотреть

реть, что вся она заставлена сплошными рядами громоздких, угловатых то ли шкафов, то ли ящиков. Тянуло теплом и даже жаром, пахло странно, а впрочем, скорее приятно. И было полно звуков. Какой-то длинный шелест. Низкое монотонное гудение. Резкий хлесткий щелчок. Снова гудение. Снова шелест. Андрей Т. посмотрел, принялся, послушал и робко воззвал:

— Генка! Эй, Генка! Ты здесь?

Еще не успело увязнуть в жарком пахучем воздухе его последнее слово, как комната разразилась целым шквалом новых огней и звуков. Вспыхнули и замигали новые мириады круглых окошечек, в кромешной тьме под потолком побежали справа налево беспорядочные толпы светящихся цифр, шелест покрылся непрерывным звучным стрекотанием, а хлесткие щелчки забили часто и напористо, как выстрелы в «Великолепной семерке».

Ошеломленный Андрей Т. втянул голову в плечи и попятился, но тут комната успокоилась. Торжественный, превосходно поставленный голос объявил:

— Посторонний объект обнаружен, исследован и отождествлен как Желающий Пройти...

Одновременно на невидимом дисплее в темноте под потолком побежали справа налево светящиеся слова:

Посторонний объект обнаружен исследован отождествлен как Желающий Пройти...

— Процедура представления начинается,— продолжал Голос, и на дисплее побежали произносимые им фразы без знаков препинания, без союзов и без предлогов.— Представляюсь, имею честь представиться: Всемогущий Электронный Думатель, Решатель и Отгадыватель, сокращенно ВЭДРО. С кем имею честь?

— Собственно...— нетвердо проговорил Андрей Т.— Видите ли... Я... Андрей. Меня зовут Андрей. Я школьник.

Снова шквал огней и звуков. Голос безмолвствовал, но на дисплее, стремительно катясь друг за другом, загорелись слова:

Андрей имя осмыслено школьник учащийся школы социальное положение осмыслено конец процедуры представления конец процедуры конец...

Андрей Т. поклонился, шаркнул ногой и сказал:

— Собственно, мне к Генке нужно. Я очень тороплюсь. Как мне к Генке пройти?

Голос торжественно ответил:

— Желающий Пройти должен успешно выдержать два этапа испытания. Первый этап: я задаю вопросы. Второй этап: я даю ответы. Доложите готовность к испытанию.

Даже в лучшие времена предложение держать испытания никогда не вызывало у Андрея никаких положительных эмоций. Теперь же он так и взвился от злости.

— Какое еще испытание?— заорал он.— Какое может быть испытание, когда Генка-Абрикос там пропадает? Да провалитесь вы с вашим испытанием, и без вас обойдусь!

С этими словами он очертя голову устремился в проход между рядами шкафов-ящиков. Но ему пришлось тут же остановиться, потому что он увидел в конце прохода низкие дубовые ворота. На воротах висел массивный ржавый замок, у ворот дремал на табурете то ли сторож, то ли вахтер в ватнике, с берданкой на коленях, у ног же вахтера лежала устрашающего вида немецкая овчарка. Мощная голова ее покоилась на лапах, но треугольные уши стояли торчком, а желтые глаза бесстрастно взирали прямо в лицо Андрею.

— Понятно,— уныло сказал Андрей Т., повернулся и пошел из прохода.

— Доложите готовность к испытанию,— повторил Голос как ни в чем не бывало.

— Готов,— буркнул Андрей Т.

Голос объявил:

— Процедура ввода информации в школьника Андрея начинается. Ввод информации. Первый этап. Я задаю три вопроса. Один вопрос из наук логических, один вопрос из наук гуманитарных, один вопрос из наук физико-технических. Если школьник Андрей отвечает на все три вопроса правильно, конец первого этапа. Доложите осмысление информации о первом этапе.

— А если неправильно?— вырвалось у Андрея.

Никакого ответа не последовало, на дисплее пронесся бесконечный ряд светящихся семерок, и где-то со скрипом открылась дверь. За дверью, разумеется, была знакомая комната со знакомым дедушкой, знакомым котом и знакомым одеялом.

— Мне все понятно,— мрачно пробормотал Андрей Т.

Дверь со скрипом затворилась, а на дисплее побежали слова:

Все понятно информация объектом осмыслена осмыслена первый этап начинается первый этап первый...

— Первый вопрос формулируется!— провозгласил ВЭДРО.— Дано: столб и улитка. Высота столба десять метров. За день улитка поднимается по столбу на шесть метров, за ночь спускается на пять метров. Сколько суток потребуется улитке, чтобы достигнуть вершины столба? На размышление сто двадцать секунд. Размышление начинается!

На дисплее вспыхнуло число 120 и сейчас же сменилось числом 119. Потом пошли 118, 117, 116... Андрей Т быстро произвел расчет: за день плюс шесть, за ночь минус пять, всего за сутки плюс один. Высота столба десять метров. Значит, легко видеть... Он уже открыл было рот, но спохватился. Слишком уж легко было видеть. Не может быть, чтобы задача решалась так просто...

...100, 99, 98, 97...

Это проклятое ВЭДРО ловит на какой-то чепухе. Не выйдет! Мы до городской олимпиады доходили, нас голыми руками не возьмешь!

...81, 80, 79, 78...

Правда, на городской олимпиаде мы таки ни одной задачи не решили, но все-таки... Тьфу ты, что за ерунда лезет в голову! Значит, за первые сутки один метр, за вторые два...

...63, 62, 61, 60...

Меньше минуты осталось! Ай-яй-яй... Э... Э! Ведь в последний день она сразу залезет на шесть метров вверх до самой верхушки, и спускаться ей уже не придется! Значит...

— Четыре с половиной суток!— радостно закричал Андрей Т.

На дисплее число 41 погасло, и побежали слова:

Ответ четыре пять десятых суток осмыслено верно верно верно осмыслено верно...

Андрей Т. ликовал. Вот так-то! Нас на кривой не объедешь! Так будет со всяким, кто покусится!

— Второй вопрос формулируется!— объявил ВЭДРО.— Дано: произведение Юрия Михайловича Лермонтова «Герой нашего времени». Требуется имя Печорина. Как звали Печорина. Имя. На размышление двести секунд. Размышление начинается.

200, 199, 198, 197...

От ликования Андрея не осталось и следа. Волна слепого ужаса, черной паники окатила его. Это хуже, лихорадочно думал он. Это гораздо хуже! Как же его звали-то? Печорин... Грушницкий... Они ведь там все только по фамилиям... Княжна Мэри... Или только по именам, без фамилий... Еще там был какой-то капитан... штабс-капитан... Иван... Иван...

...146, 145, 144, 143...

С этими фамилиями мне всегда не везло... Тогда еще историк взял да и спросил меня: «Какая фамилия у Петра Первого?» А я и ляпнул сдуру: «Великий!»... Беда! Что делать-то? Ведь выставят сейчас, как пить дать выставят...

...119, 118, 117, 116...

Постой-ка... А, все равно терять нечего. Андрей Т. спросил противным, сварливым голосом:

— А что это у вас Лермонтов Юрием Михайловичем заделался, когда он всегда был Михаил Юрьевич?

На дисплее число 103 вдруг застыло в неподвижности. Комната бешено застрекотала и загудела, и разразилось такое хлесткое щелканье, словно принялся работать кнутами целый полк пастухов. На дисплее побежали длинные очереди бессмысленных семерок, погасли и сменились словами:

Лермонтов Михаил Юрьевич не не не Юрий Михайлович не не не второй вопрос не корректен не не не второй вопрос отменяется без замены без без без сбой магнитной ленты сбой магнитной ленты...

Ага! Андрей Т. снова воспрянул духом. Заело! И без замены! Попалось ВЭДРО. «Сбой магнитной ленты» — это было Андрею знакомо. Не зря же папа занимается в своем СКБ конструированием электронно-вычислительных машин, а мама в своем НИИ на этих машинах работает. Опять эти сбои замучили, жалуется, бывало, мама, а папа неодобрительно ворчит и советует переходить на машину С-1020, где можно легко обходиться без всяких магнитных лент...

Звуковой кавардак в комнате внезапно стих, и ВЭДРО по-прежнему торжественно и важно произнес:

— Третий вопрос формулируется! Дано: гиперболоид инженера Гарина. Требуется изложить принцип его действия. На размышление двести сорок секунд. Размышление начинается.

На дисплее вспыхнуло число «240», а Андрей Т. озадаченно закусил ноготь.

Книгу он знал хорошо, а некоторые места из нее знал даже наизусть. Но вот как раз то место, где Гарин объясняет Зое устройство аппарата, он как-то не любил. Вернее, не очень любил. Читал, конечно, и не один раз, и схему разглядывал, аккуратный такой чертежик... Теперь бы вспомнить только. Тепловой луч. Инфракрасный луч. «Первый удар луча пришелся по заводской трубе...» И дальше: «Луч гиперболоида бешено плясал среди этого разрушения...»

...221, 220, 219, 218...

Спокойствие. Главное — спокойствие. Что мы там имеем? «Луч из дула аппарата чиркнул поверх двери — посыпались осколки дерева». Еще: «Пенсне все сваливалось с мокрого носа Роллинга, но он мужественно стоял и смотрел, как за горизонтом вырастали дымные грибы и все восемь линейных кораблей американской эскадры взлетели на воздух...» Не то, но все равно прекрасно. Мокрый нос Роллинга... Ключ мне нужен, ключ, а не мокрый нос!

...187, 186, 185, 184...

«То-то! Идея аппарата проста до глупости...» Это я знаю,

что она проста... «В аппарате билось, гудело пламя...» Это я тоже знаю. О чем это он тогда с Зоей?.. Пирамидки. Гиперболоид из шамонита. Так я и не собрался узнать, что такое этот шамонит... Стоп! Гиперболоид вращения, выточенный из шамонита! Пирамидки! Микрометрический винт! Гиперболическое зеркало! Ура!

...153, 152, 151, 150...

Теперь сформируем. Спокойненько сформируем, не спеша. Да, тут ВЭДРО опять маху дало. Просчиталось ВЭДРО. Не учло нынешний уровень. У нас все эти гиперболоиды, фотонные ракеты и прочие машины времени от зубов отскакивают, мы их как орешки щелкаем, они нам что братья родные!

Андрей Т. с шумом выдохнул, дождался, пока на дисплее появилось число 100 (для ровного счета), и принялся со вкусом и обстоятельно описывать принцип действия и устройства аппарата для получения инфракрасных лучей большой мощности, известного под названием «гиперболоид инженера Гарина».

Он увлекся. Он говорил с выражением. Он декламировал излюбленные отрывки. Он щедро показывал руками и даже пытался расхаживать взад и вперед в тесноте между шкафами-ящиками. И — дивное дело! — по мере того как он рассказывал, всё медленнее мигали желтые лампочки, всё тише делались шумы, угасали запахи, и становилось как будто всё прохладнее. Когда же он с особенным наслаждением и во всех подробностях описал бронзовое кольцо с двенадцатью фарфоровыми чашечками для установки пирамидок из смеси алюминия и окиси железа (термит) с твердым маслом и желтым фосфором, ВЭДРО замер и затих окончательно. Возможно, заснул, а то и просто застыл с разинутым от изумления ртом.

Андрей Т. подождал немного и сказал:

— Ну?

На дисплее появилась и погасла одинокая семерка. Затем не понеслись, обгоняя друг дружку, не побежали чинно, а побрели вразнобой на дисплее светящиеся слова:

Третий вопрос ответ верен верен верен ответ верен граница верности реальность гиперболоида микрометричность винта желтизна фосфора осмыслено верно верно верно осмыслено...

Читая по складам эту бредятину, Андрей Т. ликовал и злорадствовал. Обалдело ВЭДРО! То-то же, знай наших! Видно, даже попрощаться не придется...

И опять преждевременным было его ликование. Вновь вспыхнули и замигали россыпи круглых лампочек, вновь вокруг зашестелело, застрекотало, защелкало, и ВЭДРО как ни в чем не бывало бодро объявил:

— Конец первого этапа. Второй этап начинается. Школьник Андрей задает мне три любых вопроса, я отвечаю на них правильно, конец второго этапа, конец испытания. Школьник Андрей возвращается домой, к мамочке. Доложите осмысление информации о втором этапе.

У школьника Андрея отвис подбородок.

— Это как так — к мамочке? — ошеломленно произнес он. На дисплее побежала надпись:

Без ответа вопрос риторический без ответа без без без...

— Это как так — к мамочке? — возопил возмущенный Андрей Т. — Мне не надо к мамочке! Мне не надо домой! Мне надо к Генке! Меня Генка ждет на подмогу! Это нечестно! Я на все вопросы ответил!

ВЭДРО снисходительно прогудел:

— Дополнительная информация, разъяснение. Даже тот Желаящий Пройти, кто успешно выдержал первый этап испытания, пропускается только в том случае, если я не сумею, не смогу, окажусь не в состоянии правильно ответить хотя бы на один вопрос из трех вопросов, заданных им мне на втором этапе. Поскольку вероятность такого случая теоретически исчезающе мала, а практически равна нулю, второй этап испытания рассматривается как формальная процедура, предшествующая возвращению Желаящего Пройти восвосяси. Доложите осмысление дополнительной информации.

— Осмыслил, — мрачно сказал Андрей Т. Он чуть не плакал от обиды. — Ну, а если я все-таки задам такой вопрос, что вы не ответите?

— Невозможно, — высокомерно отозвался ВЭДРО. — Я всемогущ. Во всем, что касается вопросов, ответов, загадок, задач, проблем, теорий, гипотез, придумок и задумок, я всемогущ.

— А все-таки?

— Никаких «все-таки» быть не может. Я всемогущ.

Бороться и искать, найти и не сдаваться!

— Мало ли что всемогущ, — тоном Неверного Фомы возразил Андрей Т. — А если всемогущ, то вот, пожалуйста. Первый вопрос: как мне отсюда попасть к Генке?

Ответ упал подобно удару сабли:

— Никак.

А на дисплее побежало:

Первый вопрос подвергнут ответу нейтрализован ответ верен верен верен ответ верен...

Андрей Т. в отчаянии закусил губу. Не вышло... Он кое-что смыслил в электронных машинах. Если у этого ВЭДРА достаточно обширная память (стоит только посмотреть на эти шка-

фы-сундуки) и приличное быстродействие, то его ведь и в самом деле ничем не проймешь. Но есть, наверняка есть на свете загадка, которую не знает даже эта железная скотина, но пока додумаешься до этой загадки — состаришься. А вопросов всего три... даже два уже только...

— Бросьте вы это, молодой человек,— произнес у него над ухом странно знакомый голос.

Он обернулся и увидел рядом давешнего то ли сторожа, то ли вахтера в ватнике и с берданкой под мышкой. Овчарки при нем не было.

— Разве его одолеешь?— продолжал сторож-вахтер, безнадежно махнув рукой.— Он же здесь для того и поставлен, чтобы Желающих Пройти заворачивать. Его пронять никакой возможности нет. Здесь ведь как? Хоть рыбы не есть, зато и в воду не лезть. А вы всё о друге хлопчете, о Генке своем. Друг с тобой, знаете ли, как рыба с водой: ты на дно, а он на берег. Да и это бы ничего, но только здесь вам не отломится, нет. Не ступай, собака, в волчий след — оглянется, съест...

Тут только, к своему огромному изумлению, Андрей Т. узнал в вахтере Коня Кобылыча. Правда, со времени их последнего свидания Конь Кобылыч как будто слегка поусох и съежился, но это был, несомненно, он, беспардонный болтун и оппортунист.

— Так что послушайте доброго совета,— бубнил Конь Кобылыч,— заканчивайте здесь. Ну задайте ему для проформы вопросы попроще... дважды семь там... или, скажем, куда деваются земля, когда в ней дырка... Он вам ответит, распрощаетесь вы по-доброму — и домой, в постельку, к мамочке...

— Сгиньте вы!— дрожа от ярости, просипел Андрей Т. И Конь Кобылыч сгинул.

«Вопрос, вопрос...— мучился Андрей Т.— Где же мне взять вопрос? Может, дать ему доказать какую-нибудь теорему? Из тех, о которых галдит старший брат-студент со своими лохматыми приятелями. Как ее... проблему Гольбаха, например, или эту... о бесконечном количестве пар... Нет, не годится. А вдруг докажет? А я ведь даже проверить не сумею, правильно или нет. Гм... Нет, умными вопросами машину не испугаешь. Умными... Тут все дело в том, что правильно поставленный вопрос уже содержит в себе половину ответа (из очень давней речи папы по поводу страданий над забытой ныне арифметической задачей). А неправильно поставленный? Что, если вопрос поставить неправильно? Гм... Как бы это его поставить?..»

— Почему у кошки пять ног?— выпалил Андрей Т.

ВЭДРО не снизошел до ответа голосом. На дисплее побежали слова:

Вопрос не вопрос некорректен содержит ложную информацию ложную отвергается...

Честно говоря, Андрей Т. ожидал чего-то вроде этого, но немедленно изобразил негодование.

— Как это так — отвергается? — вскричал он. — Нечестно! Сами же говорили, что всемогущий! А раз всемогущий, должны на любой вопрос...

— Разъясняя! — веско провозгласил ВЭДРО. — Дополнительная информация. Всемогущий Электронный Думатель, Решатель и Отгадыватель отвечает верно, правильно на любой корректно поставленный вопрос. Он отвергает вопросы некорректные, то есть содержащие заведомо ложную информацию, типа: «Почему у привидений короткая стрижка?» Он не отвечает на вопросы, имеющие эмоциональную подоплеку, типа: «Почему да отчего на глазах слезинки?» Он оставляет без внимания вопросы, содержащие неопределенность, типа: «В чем смысл жизни?» Он игнорирует риторические вопросы типа: «Иван Иванович, вы ли это?» Восклищение: «Нечестно!» — отвергается. Заявление: «Сами же говорили, что всемогущий!» — подтверждается. Разъяснение закончено. Второй этап продолжается.

— Все равно нечестно, — проворчал Андрей Т.

Он понял, что дело дрянь. Вторая попытка обвести вокруг пальца хитроумное ВЭДРО провалилась тоже. Ну, и с чем же мы теперь остались? Задачи ему давать бессмысленно. Если и есть на свете задачи, которых ему не решить, то я их не знаю и придумать не сумею. Дурацкие вопросы он отменяет. И прямо скажем, правильно делает. Я бы на его месте тоже отменял. Поэтому остается... что? Вернуться к себе и лечь в постельку. Я буду в постельке нежить свою ангину, а Генка будет гибнуть и пропадать. Очень мило.

Все горе ведь в чем? Всемогущий. Значит, всё может. Все задачи. Все вопросы. Все загадки. Все теоремы...

Постой-постой! Кто-то что-то мне про это говорил. То ли мне, то ли при мне... Неважно. Что же это было? Ага. Что со словом «все» должно быть связано какое-нибудь исключение, а иначе получается парадокс... Парадокс! Ну держись, ВЭДРО! Всемогущий? Я тебе покажу всемогущество, ты у меня попляшешь. Сейчас... Сейчас... Ага! Только надо сначала его подготовить. И Андрей Т. вкрадчиво осведомился:

— А можно, я спрошу просто так, не в порядке? Я не всё понимаю и хотел бы уяснить...

— Разъяснение? — весело рявкнул ВЭДРО. — Готов!

— Значит, вы можете ответить на любой корректный вопрос...

— Да.

— И можете решить любую задачу...

— Да!

— И можете придумать любую задачу и любой вопрос...

— Да!

— Любой-любой? Любую-любую?

— Да! Да! Да! Всемогущ! Думаю, придумываю, решаю! Думаю, загадываю, отгадываю! Всемогущ!

— Прекрасно,— произнес Андрей Т., задыхаясь от возбуждения.— Отлично. От скромности вы не умрете.

Хвастливое ВЭДРО секунду молчало, а затем объявило высокомерно:

— От скромности не умирают. Скромность не смертельна. Кроме того, я вообще бессмертен.

— С чем вас и поздравляю,— сказал Андрей Т.— А теперь разрешите вопросик уже в порядке.

— В рамках второго этапа испытания?

— Да. В рамках.

— Готов!

— Вопросик,— проговорил Андрей Т. и изо всех сил стиснул кулаки, чтобы не трястись.— Такой, значит, вопросик. Дано: вы можете придумать любой вопрос. Требуется ответить: можете ли вы придумать такой корректный вопрос, на который сами же ответить не сможете?

ВЭДРО сейчас же гаркнул:

— Да!

На дисплее справа налево понеслись светящиеся слова: Второй вопрос подвергнут ответу нейтрализован ответ верен верен ве...

И в ту же секунду ВЭДРО столь же горделиво и уверенно гаркнул:

— Нет!

И немедленно, тоном ниже:

— Да.

И тут же, почти уже робко:

— Нет...

На дисплее началась каша. Натыкаясь друг на друга и болезненно дергаясь, то пускаясь вскачь, то едва ползя, двигались там такие примерно строки:

Нейтрализдответ 7777 нет ответргнутвопр да 777 днетнда верневервет нгуж...

Андрей Т. рыдал от счастья. Можно было представить себе, что сейчас творится в электронных кишках этого самодовольного идиота! Анализируя начало коварного вопроса, ВЭДРО обнаруживало ключевое выражение «можете ли» и по своему всемогуществу немедленно отвечало «да». Но через долю секунды в анализатор поступало выражение прямо противоположное: «сами же... не сможете», и приходилось всё по тому же всемогуществу отвечать «нет». И не было этому конца.

ВЭДРО отчаянно боролся с этой логической икотой.

— Да!— хрипел он.— Днет! Нда! Данетданеда! Диднет! Ндет! Нечестно! Дандн!..

Включились и беспорядочно замигали все круглые лампы, сколько их было. Во всех шкафах-сундуках бешено хлестали перематываемые магнитные ленты. Панически гудела, набирая обороты вентиляторов, система охлаждения. А на дисплее уныло, словно осенние мухи, ползали вокруг странного слова «БНДЭЩ» покосившиеся семерки...

— Ндюк!..— из последних сил выкрикивал ВЭДРО.— Амндгу!..

Потом лязгнул ржавый замок, и распахнулись настежь низкие дубовые ворота, пропуская в комнату поток радостного солнечного света и свежего воздуха. Протрусила и скрылась поджавшая хвост овчарка. И прошел между рядами шкафов-ящиков с деловым видом Конь Кобылыч, но уже без берданки, в черном рабочем халате и в очках с мощной оправой, похожий на физика-теоретика из какого-то кинофильма. Он удалился в дальний угол комнаты, чем-то там щелкнул, и ВЭДРО, прощально гукнув, смолк. Наступила тишина.

— Опять тебя, родимого, зациклили,— произнес Конь Кобылыч с состраданием.— Ума много, а толку мало... Эхе-хе-хе!..

Андрей Т. спохватился и взглянул на светящийся циферблат. А взглянув, не поверил своим глазам. Черные стрелки показывали двадцать три часа двадцать одну минуту! Всего пять минут прошло с тех пор, как он начал подъем по скобяной лестнице!

— А чего тут удивительного,— донесся до него голос Коня Кобылыча.— Записывали вас на большой скорости, а пускали на нормальной...

Андрей Т. не стал спрашивать, что это означает. Придерживая за пазухой Спиху, он поспешно вышел наружу.

Он стоял в самом центре площади, посыпанной чистеньким красноватым песком, круглой и совершенно ровной, как пол в зале с белесой дымкой. Вовсю светило солнце, и это было странно в такой близости от новогодней полуночи, хотя в то же время казалось и вполне естественным, как и несколько Лун в различных фазах, разбросанных по разным участкам голубого неба. Площадь правильным кольцом окружали стоящие друг к другу вплитык хорошенькие разноцветные павильоны, причем над входом в каждый павильон красовалась художественно выполненная вывеска.

«Ф и л у м е н и с т ы,— читал Андрей Т., медленно повоора-

чиваясь на пятках,— филокартисты, нумизматы, бонисты...»

Он нимало не сомневался, что уж теперь-то бедствующий Генка пребывает где-то совсем поблизости, он даже как будто бы слышал уже и голос его, по-прежнему вызывающий о помощи, он просто знал, что отсюда до Генки рукой подать, но неизвестно было, в какую сторону подавать эту руку. Вспыхнула надежда на справочное бюро, и вот среди множества художественно выполненных вывесок он искал вывеску справочного бюро.

Но очень скоро ему стало ясно, что такой вывески он здесь не найдет. Не место здесь было справочному бюро. Не могло здесь быть и милиции, и газетного киоска, и зеленой лавки. Здесь были только учреждения (возможно, клубы?), где лелеют все мыслимые хобби, страсти, страстишки и увлечения человека. Были павильоны для вполне понятных АВИАМОДЕЛИСТОВ и для смутно знакомых ТИФФОЗИ, и для вовсе непонятных ГУРМАНОВ. Были для МЕЛОМАНОВ, были для БИБЛИОФИЛОВ, даже для АЛКОГОЛИКОВ и НАРКОМАНОВ были, хотя, казалось бы, кому в здравом уме и трезвой памяти могло взбрести в голову держать открытый притон для алкоголиков и наркоманов?..

Андрей Т. уже ощутил подступающее отчаяние, когда взгляд его остановился на вывеске ФИЛАТЕЛИСТЫ. И ему сразу стало легче и веселее. Филателисты — это все-таки нечто близкое, это не какие-нибудь тиффози или бонисты. Андрей Т. сам был филателист, а филателист филателисту не волк, не алкоголик какой-нибудь. Филателист всегда объяснит филателисту, как добраться до страждущего друга. Лучше справочного бюро объяснит. И Андрей Т. со всех ног припустил через площадь к яично-желтому павильончику под вывеской ФИЛАТЕЛИСТЫ.

Конечно, филателистом он был еще молодым, не очень опытным. Многие тайны этого почтенного хобби еще оставались для него за семью печатями, однако основные законы филателии были ему уже знакомы. Прилежное изучение журнала «Филателия СССР», ежегодника «Советский коллекционер», а также измусоленного, давно утратившего обложку французского каталога Ивера принесло свои плоды. Во всяком случае, главное он знал: а) самая красивая марка — это еще не самая ценная; б) самая ценная марка — не обязательно самая интересная; в) простое обрезание у марки зубцов не превращает ее в редкую беззубцовую разновидность.

В павильоне Андрея обступила тишина, прохлада и приятная полутьма. Вдоль стен высились застекленные шкафы, стеллажи и витрины, уставленные альбомами и кляссерами. Аль-

бомы и классеры были в приятном беспорядке разбросаны по поверхности длинного стола посередине. Альбомы и классеры громоздились на табуретах и стульях. Десятки и сотни альбомов и классеров! Может быть, тысячи!.. Андрей Т. даже не представлял себе, что такое может быть, хотя и знал, конечно, из литературы, что за последние полтора века в мире выпущено около миллиона марок...

Не помня себя, он приблизился к столу и раскрыл наугад один из больших классеров. Кровь ударила в лицо, закружилась голова, его бросило в жар: классер был набит «цеппелинами». И не подумайте, здесь были далеко не одни только марки, посвященные межконтинентальным перелетам дирижабля «Граф Цепелин», ничего подобного! Здесь были собраны все марки всех стран с изображениями дирижаблей — именно так собрал бы их сам Андрей Т., если бы был он не школьником восьмого класса, а небольшим государством с развитой промышленностью и со статьей бюджета, предусматривающей пополнение и углубление государственных коллекций.

Здесь были «цеппелины» Италии и «цеппелины» Лихтенштейна, «цеппелины» Парагвая и редчайшие «цеппелины» США, знаменитые немецкие «Поляр Фарт» и «Зюдамерика Фарт», здесь были великолепные советские серии, посвященные дирижаблестроению, и все разновидности «Малыгина», ленинградские конверты, доставленные дирижаблем ЛЦ-127 из Ленинграда в бухту Тихую, а оттуда ледоколом «Малыгин» в Архангельск, со всеми сопроводительными штампами, штемпелями и отметками...

Андрей Т. восседал в удобном высоком кресле, и в одной руке у него была большая филателистическая лупа, а пальцы другой сжимали специальный, удобно изогнутый филателистический пинцет, и настольная лампа с козырьком заливала страницы классера ярким матовым светом, и он листал и рассматривал, рассматривал и изучал, изучал и смаковал, и мир стал тесным, теплым и необыкновенно уютным — не было в этом мире ничего, кроме круга света и красоты марок, сверкавших, словно драгоценные камни.

Впрочем, был в этом мире еще Комментатор. Но он скромно оставался в тени, за границей яркого круга, и он был услужлив, ненавязчив и полезен. Не надо было шарить по страницам новенького наисовременнейшего Ивера — страница с искомой серией раскрывалась как бы сама собой, и только мелькала на мгновение ловкая смуглая рука. Не надо было копать в горах справочной литературы — негромкий доброжелательный голос без задержек сообщал все самое интересное о каждой марке, о каждом конверте, о каждом спецгашении. Не надо было тянуться за очередным классером — он сам бесшум-

но выскакивал из темноты, направляемый и раскрываемый все той же ловкой смуглой рукой.

— Беззубцовые «цеппелины»! — восклицал потрясенный Андрей, и мягкий, доброжелательный голос немедленно подхватывал:

— Совершенно верно. Причем обратите внимание — угловые экземпляры, огромные поля...

— И без наклеек!

— В идеальном состоянии.

— Не фальшивки?

— Ни в коем случае. Взгляните в лупу. Видите? Растровая сетка — квадраты, между тем как у фальшивок растровая сетка — точки...

Но вот наступил момент, когда «цеппелины» исчерпались, и тогда Комментатор предложил своим мягким голосом:

— Может быть, вас интересует тема «Космос»?

— Ну... это же просто раскрашенная бумага... — неуверенно возразил Андрей Т., повторяя заявление кого-то из собратьев-филателистов.

— В каком-то смысле, безусловно, да, — согласился Комментатор. — Торговцы марками ловко используют популярность этой темы для обдѣлывания своих сомнительных делишек... И все-таки не откажитесь взглянуть.

Да, здесь было на что взглянуть! Яркие, словно тропические бабочки, серии Экваториальной Гвинеи... Потрясающие изображение стереоскопические блоки Бутана... Тяжелые, словно медали, чеканные марки молодых африканских республик, выполненные на золотой фольге... Пиршество красок, буйство фантазии... Здесь был даже один из знаменитых сувенирных листков с изображением Юрия Гагарина, побывавших с космонавтом Георгием Гречко на борту «Салюта»! Все автографы всех космонавтов! Марки «Лунной почты»!..

— А вот взгляните-ка на этот конверт... — говорил и показывал всезнающий и доброжелательный Комментатор. — А вот обратите внимание: редкая типографская ошибка в дате — 1999 вместо 1969...

Альбомы и кляссеры следовали один за другим непрерывным и неиссякаемым потоком, и вот постепенно какое-то смутное беспокойство начало овладевать Андреем.

Почему все темнее становилось вокруг и все ярче разгорался манящий круг света, в котором возникали всё новые сокровища? Почему пинцет как будто бы сам собой тянулся к очередному шедевру, а лупа словно бы так и ловчилась, чтобы получше увеличить и вывить тонкий нюанс? И почему всё никак не удавалось разглядеть в сгущающемся сумраке доброжелательного и всезнающего Комментатора?.. И Спиридон,

Спидлец, старый верный Спиха! Как это ты очутился там, на самом далеком шкафу, в самом темном углу? Что вообще происходит?

Генка!

Андрей Т. положил лупу и пинцет и рывком отодвинулся от стола вместе с креслом.

— Извините,— пробормотал он.— Я очень вам благодарен, конечно...

— Вы еще не видели самого интересного,— мягко остановил его Комментатор.— Классику! Вы ведь знаете, что такое классика, не правда ли? Старая Германия, Черный Пенни в листах, Британские колонии...

— Всё это, конечно, страшно интересно,— виновато пробормотал Андрей Т. и встал.— Но тут такое дело... Я очень спешу... И кстати, не могли бы вы мне сказать...

— Вы не понимаете,— проникновенно и внушительно произнес Комментатор.— Мне следовало еще раньше объяснить вам... Это не рядовой просмотр, молодой человек. Это ДАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСМОТР! Для пятидесятитысячного посетителя! Вам разрешается выбрать себе любую марку! Такое выпадает раз в жизни...

Андрей Т. впервые повернулся к нему лицом.

— Дело в том...— начал он и остановился, разинув рот.

Ну конечно же, это опять был Конь Кобылыч! Он совершенно уже усох, он сделался настоящим карликом, смуглым и черным карликом с ослепительно белой манишкой и ослепительно белыми манжетами, но это, несомненно, был тот самый Конь Кобылыч!

— По... послушайте...— заикаясь, проговорил Андрей Т. и отступил на шаг.

— Да!— нестерпимым голосом взвизгнул Комментатор Конь Кобылыч.— Да, это я! Но какое это имеет значение? А это вы видели?

Рука его, сверкнув манжетой, шестиметровой молнией метнулась во тьму, выхватила из нее и грохнула на стол в круг света плоский металлический ящик с четырьмя секретными замками разных систем.

— Это вы должны увидеть, молодой человек...— сипел Конь Кобылыч, торопливо нажимая клавиши, набирая цифры на миниатюрном телефонном диске, чем-то щелкая, клацая и стрекоча.— Это мало кто видел, а вы сейчас увидите... И может быть, не только увидите... Как пятидесятитысячному посетителю... Ваше право... Конечно, придется выполнить целый ряд формальностей... Вот, прошу вас!

Крышка стального ящика откинулась. На черном бархате под плитой бронированного стекла в отсветах лампы лежала ОНА.

Единственная. Неповторимая. Уникальная. Фантастически знаменитая.

— Розовая Гвиана! — благоговейно прошептал Андрей Т

— Она! — сверкая глазами, подтвердил Конь Кобылыч.

— Но ведь ее нет даже в Британской Королевской коллекции!

— А у нас есть!

— Обладеть можно... — жалобно простонал Андрей Т.

И наступила Тишина Почтительного Созерцания.

Нет, лучше скажем так. Указанная Тишина попыталась наступить, но у нее ничего не получилось.

Вмешался забытый Спиридон. Вмешался негромко, но самым решительным образом! Он запел незамысловатую песенку, от которой у Андрея всегда почему-то бежали мурашки по спине и становилось грустно и весело одновременно. Это была песенка о Веселом Барабанщике, всего лишь о барабанщике, но Спиридон пел ее от души, и получалось как-то так, что дело не только в том, что Веселый Барабанщик в руки палочки кленовые берет. Главное, оказывается, в том, что мир огромен и сложен, и дел в этом мире у человека невпроворот, что жизнь коротка, а Вселенная вечна, и смешно тратить свои лучшие годы на ерунду, а любая марка, даже самая знаменитая, есть всего-навсего кусочек раскрашенной бумаги, и стоит она никак не больше, чем пачка других раскрашенных кусочков бумаги, которую предложат за нее на распродаже...

Но взглядишь — и ты увидишь,
как Веселый Барабанщик

С барабаном вдоль по улице идет... —

пел Спиридон, и Андрей, сдерживая накипающие слезы, слушал его и давал себе слово больше никогда, никогда...

Почтительное Созерцание не состоялось. Даже не бросив на Розовую Гвиану прощального взгляда, Андрей Т. молча двинулся вдоль стола в самый темный угол, чтобы взять Спиху в свои хозяйские руки и прижать к своей хозяйской груди. Он уже подошел к шкафу, когда за спиной его раздался нечеловеческий, каркающий звук. Он обернулся, и в то же мгновение Конь Кобылыч выхватил из-под мышки лазерный пистолет. Ослепительный луч просек темноту над головой Андрея и вонзился прямо в грудь транзисторному менестрелю.

Андрей Т. задохнулся от ужаса, а Спиридон жалобно пискнул на полуслове и замолк. Посередине шкалы диапазонов у него тлело, остывая в глазах, раскаленное вишневое пятно.

— Это подло! — закричал Андрей Т. Он сорвал Спиридона со шкафа и спрятал за спину. — За что? Что он вам сделал?

Конь Кобылыч стоял на другом конце стола и смотрел на него, выставив вперед отвратительную физиономию.

— Иди!— просипел он.— Иди и сдохни!

— Скотина вы,— сказал Андрей Т.— Такой приемник загубили, такого певуна...

Ему и самому было немножко странно, что он не испытывает никакого страха перед этим фантастическим мерзавцем с фантастическим оружием. Ему было только горько за Спиху, тревожно за Генку и досадно за потерянное время. Но зато он знал теперь, куда идти: шкаф медленно повернулся на невидимой оси и открыл проход в промозглую ржавую тьму.

Место было совершенно непонятное. Андрей Т. шагал по железным решетчатым галереям и время от времени спускался по круглым железным же трапам. Решетки галерей и ступеньки трапов были ржавые и мокрые. Справа тянулась мокрая шершавая стена. Слева тянулись мокрые ржавые железные перила. За перилами была непроглядная пропасть, и, насколько хватал глаз, ничего больше не было. Сверху сквозь переплетения балочных и решетчатых конструкций, тоже, несомненно, железных, ржавых и мокрых, сочился жиденький ржавый свет. Всё. Сначала Андрей Т. решил, что попал в какую-то необычную шахту, потом подумал о внутренностях старого океанского лайнера, потом представил себя в заброшенной тюрьме и в конце концов перестал думать об этом вообще.

В стене справа изредка попадались мокрые ржавые железные двери с разнообразно-однообразными надписями типа: «Пожарный выход». Или: «Выход здесь». Или: «Входа нет. Выход». Или даже: «А вот и выход». Один разок из чистого любопытства Андрей Т. приоткрыл дверь с надписью «Самый простой выход из» и полюбовался спящему дедушкой, после чего закрыл дверь поплотнее, вытер руку о штаны и пошел дальше, более не останавливаясь. Впрочем, чем дальше он шел, тем чаще стали попадаться двери либо заставленные штабелями пустых ящиков, либо заваленные какими-то швабрами и лопатами, либо просто забитые крест-накрест досками. Возможно, это свидетельствовало о том, что противник уже отказался от попыток остановить Андрея Т. путем запугивания, дезинформации и подкупа. Если это так, то теперь Андрею предстоял открытый бой.

Тут была одна трудность: у него не было собственного опыта настоящих боев. Участвия в случайных кампаниях после уроков в качестве сражателя или сражаемого считать за опыт в нынешних обстоятельствах, очевидно, не стоило. Правда,

на первый взгляд он мог бы опереться, с одной стороны, на боевой опыт дедушки-подполковника, а с другой — на обширный материал, вычитанный в батальной литературе и высмотренный в кино. Однако, если судить по дедушкиным рассказам, наука побеждать сводилась главным образом к науке обеспечивать свои войска в достаточных количествах боепитанием и пищевым довольствием, что опять-таки мало подходило к обстоятельствам. А из литературы и кино Андрею, как на грех, ничего сейчас не вспоминалось, кроме отчетливой, но довольно бесполезной фразы: «Наступать! Они уже выдыхаются!»

Одним словом, как ни верти, наиболее разумным представлялось следующее: приостановить стремительное продвижение, попытаться собрать информацию о противнике, спокойно оценить обстановку и тогда уже действовать в соответствии. И он стал охотно замедлять шаги и через минуту остановился, прижимая локтем к боку навеки умолкшего Спиридона, и вдруг увидел перед собой Генку.

— Генка...— прошептал Андрей Т., не веря глазам.

Абрикос был совершенно таким же, каким он видел его в последний раз, когда они прощались после школы «до следующего года»,— в распахнутой настежь кожаной куртке, с голубой сумкой Аэрофлота через плечо, со снежинками в волосах на непокрытой голове, и решительно непохоже было, что он терпит какое-то бедствие.

— Генка!— заорал Андрей Т. вне себя от радости.— Ура! Бежим!

— Я не Генка,— виновато произнес Генка.

Андрей Т. заморгал. Он увидел, что да, это, пожалуй, действительно не Генка. Вернее, не совсем Генка. Во-первых, настоящий Генка никогда не говорил виновато, просто не умел. Во-вторых (и это показалось Андрею главным), этот Генка просвечивал насквозь. Правда, не очень сильно, а так, слегка. Читать сквозь него газету было бы, наверное, затруднительно, но вот смотреть телевизор, например...

— А... а кто же ты... вы?— растерянно спросил Андрей Т.

— Я — Напоминание,— ответил прозрачный Генка и смущенно усмехнулся.

Это смущение было легко и понять, и простить. Действительно, смешно и неловко называть себя Напоминанием, если ты огромен, как танк, имеешь толстые румяные щеки, густые и кудрявые (очень попсовые!) волосы до плеч и пусть тщательно скрываемый, но вполне различимый прыщ на лбу. Но вот чего нельзя было простить, так это бьющего в глаза намека, который был, несомненно, заложен в столь лирическом имени.

— Напоминание?— проговорил Андрей Т., ошетиливаясь.— А кому же, интересно, это напоминание?

— Как это кому? Тебе, конечно,— с дурной наивностью призрака ответил Генка-Напоминание.

— Ах, мне?— Андрей Т. понизил голос до шипения.— И кто же это просил тебя мне что-нибудь напоминать?

— Никто не просил.

— А если никто не просил, так чего же ты лезешь со своими напоминаниями?

— А ты чего?

— Чего я чего?

— Чего ты тут затормозил? Испугался?

— Я испугался?

— Ты.

— Я?

— Ты.

— Я испугался?

— Я не знаю, испугался ты или не испугался,— пробормотал Генка-Напоминание, делаясь от неловкости еще прозрачнее.— Я только вижу, что ты затормозил, а времени до полуночи осталось всего ничего, вот я и...

— А тебя просили?— разразился Андрей Т.— Тебя просили напоминать? Без тебя, думаешь, не помнят? Я в напоминаниях не нуждаюсь! Я без напоминаний сто лет обходился и еще сто лет обойдусь! Мне твои напоминания...

Тут он обнаружил, что разговаривает сам с собой, и замолчал, остывая. Шмыгнул носом и поправил Спиридона под мышкой. Покосился на темную пропасть за ржавыми перилами. Еще раз шмыгнул носом. Покосился на то место, где только что маячило Напоминание. И, не давая себе больше ни секунды на раздумья, ринулся вниз по гремящим железным ступенькам.

Он ураганом несся по дребезжащим решетчатым галереям, он обвалом ссыпался по гудящим трапам, он перемахивал через какие-то ящики и мешки, он проскальзывал под какими-то нависающими фермами, он был ловок, стремителен, могуч, упруг, гибок и неудержим. Не было ему преград ни в море, ни (тем более) на суше. Не были ему страшны ни льды, ни (смешно сказать!) неведомые хозяева этого ржаво-железного балагана. Даешь Генку! Была ясная цель, была стальная решимость этой цели достигнуть, и он не нуждался ни в каких позорных напоминаниях. Жаль, конечно, что нет в руках ракетного ружья, или штурмового автомата, или, на худой конец, хотя бы боевого штатива, но ведь главное оружие — решиться!..

И вот он оказался на самой нижней галерее, над самым последним трапом, и странная, наводящая оторопь сцена открылась перед ним.

...Действие происходило на дне гигантской, метров пятидесят диаметром, кастрюли с низкими, в лошадиный рост, железными стенками. На самой середине кастрюли возвышался Генка Абрикос. Он стоял в знакомой до боли позе, расставив ноги, заложив руки за спину и угрюмо набычившись, как сотни раз стоял у доски, когда до такой степени не знал урока, что не мог даже пользоваться подсказками. Но Андрей Т. лишь мельком оглядел его, привычно отметив натренированным глазом и попорченную прическу, и подбитый глаз, и ссадины на костяшках пальцев. Все это было, конечно, очень интересно, однако по-настоящему внимание Андрея с первого же взгляда целиком поглотила удивительная публика, вольно расположившаяся у стены в левой части кастрюли на множестве кресел, стульев, диванов, кушеток и прочих седалищ. В течение первых секунд невероятная пестрота красок и форм в этой массе народа не давала Андрею сосредоточиться, и только постепенно обрел он способность выделять из нее отдельные фигуры.

Была там омерзительного вида старуха в сером штопаном балахоне, который вздымался у нее на спине двумя острыми горбами разной величины. Физиономия у нее тоже была серая, нос загибался ястребиным клювом, правый глаз горел кровавым огнем наподобие катафота, а на месте левого тускло отсвечивал большой шарикоподшипник, подбородка же у нее не было вовсе — торчали там, на месте подбородка, растопыренные желтые зубы. Словом, это была такая старуха, что от нее надлежало бежать со всех ног немедленно, стремительно и в бесконечность...

Был там страхолюдный толстяк в бесформенном костюме в красно-белую шашечку, распространившийся на четыре стула и половину тахты, целая гора нездорового ноздреватого сала. Лицо его общими очертаниями и цветом, а также выразительностью походило на небезызвестный первый блин, да вдобавок и не просто первый, а самый первый из всех блинов. Впрочем, при всей своей устрашающей наружности, толстяк этот был, наверное, не из опасных противников, ибо все свои силы без остатка употреблял на то, чтобы не расползтись и не расплыться по полу...

И был там удивительный мужчина, похожий на покосившуюся вешалку для одежды. Он единственный из всей компании стоял, подпертый костылем спереди и двумя костылями по бокам, а на нем висело расстегнутое пальто горохового цвета, из-под которого виднелись: висящий до полу засаленный шелковый шарф, свободно болтающиеся полосатые брюки и шерстяной полосатый свитер, не содержащий внутри себя, как казалось, ничего, кроме некоторого количества слегка спертого воздуха. Сдвинутая вперед и набок широкополая шляпа скры-

вала почти все лицо его, так что видеть можно было только его узкий, лаково поблескивающий подбородок и торчащую далеко вперед узкую, лаково поблескивающую трубку...

И был еще там попсовый — нет, не просто попсовый, а прямо-таки забойный молодой человек с длинными прямыми волосами, с одуловатым прыщавым лицом и с глазами столь красными, воспаленными, что они тут же вызывали воспоминание об уэллсовском Спящем, который проснулся. Помещался он в массивном кожаном кресле, развалившись поперек на манер сыщика Пауля Дрейка, покачивая ногой, перекинутой через подлокотник и облаченной в задубеневший от грязи клеш сверхъестественной ширины, колая в носу и то и дело поднося к свисавшей с губы сигарете роскошную зажигалку «ронсон»...

И еще был там могучего телосложения хмырь без шеи, в пятнистой лиловой майке, замшевых штанишках выше колен и кедах на босу ногу, с бледной безволосой кожей, испещренной затейливой татуировкой, и с колоссальной щетинистой челюстью, которая непрерывно и весьма энергично двигалась, то ли перетирая попавшие в ротовую полость булыжники, то ли умеряя зуд в воспаленных деснах. Глаз и лба у этого гражданина почти что не было, во всяком случае, чтобы их заметить, требовалась известная сосредоточенность, зато у него были колоссальные, под стать челюсти, вилоподобные длани, и ими он в рассеянности сгибал и разгибал железный дворницкий лом...

Всего их там было не менее двух десятков, нехороших и разных, и все они поразительно различались друг от друга формами и расцветками, словно бы принадлежали к различным зоологическим семействам, и в то же время в чем-то были схожи — наверное, в том, что самим обликом своим и повадками дружно и нагло бросали вызов распространенному мнению, будто бы в человеке все должно быть прекрасно, а потому, несомненно, составляли то неопределенное сообщество, которое принято называть дурной или неподходящей компанией. И странное дело, хотя каждый из них являл мерзопакость совершенно бредовую, однако у Андрея, остолбенело их разглядывавшего, шевелилось в глубине души ощущение, что они ему не совсем незнакомы, что где-то он их или таких же уже видел — то ли на репродукциях картин знаменитых художников, то ли на иллюстрациях к книгам знаменитых писателей, а может быть, и в натуре, живьем, во плоти...

Вцепившись в мокрое железо перил, Андрей Т. понемногу приходил в себя, оцепенение от первого шокового удара отпустило его, и он разом ощутил волны ледяного зловония, поднимавшиеся из гигантской кастрюли, услышал голоса, гулко

раздававшиеся в этой железной бочке, и понял, что тут происходит.

Происходил допрос. Неподходящая компания допрашивала пленника, а пленником был не кто иной, как старый верный друг Генка по прозвищу Абрикос.

— Так что же, юноша,— произнес Удивительный Мужчина, подпертый костылями,— так и будем все время молчать?

— Он полагает, что мы тут собрались играть с ним в молчанку!— пропыхтел Самый Первый Блин и рассмеялся собственной шутке, отчего весь пошел волнами, как плохо застывший студень.

— В молчанку унд в гляделку,— добавил Красноглазый Юноша, поигрывая «ронсоном».

— Уж полночь близится, а толку нет и нет,— брюзгливо проговорил Недобитый Фашист в мундире без пуговиц и на деревянной ноге.— Сколько можно уговаривать этого молодчика? Обед проговаривали, ужин проговаривали...

— Дайте его мне,— свистящим шепотом предложил Хмырь-с-Челюстью, не переставая жевать.

— Помолчите, коллеги,— сказал Удивительный Мужчина, выбросил из трубки кольцо синего дыма и снова обратился к Генке:— Как мне кажется, вы, юноша, все еще не осознали, что выхода у вас нет и говорить вам все равно придется...

— А, он будет отвечать,— дребезжащим голосом проворковала Двугорбая Старуха.— Это он с вами, скверными дядьками и тетками, не хочет разговаривать, а мне он всё расскажет. Ведь правда, моя лапочка? Ведь ты расскажешь милой доброй старушке бабушке, как формулируется закон Бойля — Мариотта?

В ответ на этот странный и неожиданный вопрос Генка только едва заметно повел плечом, и тогда в дело вступила Эстрадная Халтурщица, располагавшаяся с ногами на диване и горстями жравшая шоколадную карамель из расставленных вокруг нее коробок. Утерев ладонью пасть, измазанную шоколадом и губной помадой, она решительно заявила:

— Если уж на то пошло, гораздо интереснее было бы выяснить схему промышленного производства серной кислоты. Да и лабораторная схема не помешала бы...

— Пусть он мне насчет квадратных уравнений всё обскажет, не то я из него кишки вытяну и на барабан намотаю...— просвистел Хмырь-с-Челюстью, не переставая жевать.

— Позвольте, позвольте!— взревел Человек-Ишак, вскакивая и опрокидывая при этом свою табуретку.— Я ведь так ничего и не услышал о строении инфузории! И еще мне так и не сказали, почему при смачивании лица одеколоном мы ощущаем охлаждение...

— Не смей без очереди!— рявкнул Недобитый Фашист и треснул деревяшкой об пол.

Тут почтенная компания чудовищ словно взорвалась. Разом разверзлись все два десятка глоток, угрозы, проклятия и призывы к тишине и порядку смешались в сплошной нечленораздельный гам, железные стены гигантской кастрюли загудели, и затряслась даже решетка галереи, на которой стоял Андрей Т. Уже Недобитый Фашист схватился врукопашную с Человеком-Ишаком, уже Двугорбая Старуха вцепилась с яростью в патлы Эстрадной Халтурщицы, уже Хмырь-с-Челюстью (не переставая жевать) с угрожающим видом поднял над головой лом... Но вот Красноглазый Юноша, так и не покинувший своего кресла, отделил от губы сигарету, сунул в рот два пальца и издал оглушительный свист, от которого у Андрея засвербило в ушах. И столпотворение в кастрюле мгновенно утихло.

— Продолжайте,— сказал Красноглазый Удивительному Мужчине.

Тот выпустил в гнусный воздух кастрюли два синих дымовых кольца и вытянул в сторону Генки длиннющий костлявый палец.

— Отвечайте, юноша, и не медлите,— произнес он.— Какие страны играют ведущую роль в мировом производстве хлопчатобумажных тканей?

Генка молчал.

— Каков удельный вес США в производстве электроэнергии развитых капиталистических стран?

Генка едва заметно повел плечом.

— Какое минеральное сырье из стран Южной Азии вывозится на мировой рынок?

Генка был недвижим.

Кто бы они ни были, эти жуткие инквизиторы-экзаменаторы — диверсанты ли разведчики из другого мира или служители неведомого культа,— с Генкой им не повезло. Во-первых, Генка был прирожденным троечником и ничего этого (из физики, математики, биологии и, тем более, из экономической географии) не знал и знать не хотел. Но самое главное — он был из тех, кто никогда никому и ничего не уступает. Особенно если его припирают к стенке. Андрей Т. сам был свидетелем того, как Генку в метро приперла к стенке почтенная пожилая женщина, увешанная сумками и кошелками. Генка проехал восемь остановок, в том числе и ту, где им нужно было выходить. Он краснел, бледнел, читал газету, в которую были завернуты его ботинки с коньками, даже притворялся мертвым, но места своего так и не уступил... Да, этой банде уродов следовало бы схватить кого-нибудь послабее духом и покрепче знаниями!

— А скажи мне, малтшик,— вкрадчиво произнес Недобитый Фашист,— какими характеристиками отличается танк Т-34 от танка Т-6 «тигр»?

Это он попал в яблочко. Генка на всю школу славился великолепным знанием танковой, артиллерийской, авиационной и ракетной техники, как отечественной так и иностранной, как современной, так и давно прошедших эпох. Неужели?.. Генка есть Генка. Он едва заметно повел плечом и сплунул в сторону. Между уродами прошло движение.

— Однако же, юноша,— проговорил Удивительный Мужчина,— вы воображаете, что наше терпение безгранично. Но перед вами не тюфяки какие-нибудь, не рохли и не слабонервные интеллигенты! Попробуйте напрочь свое убогое воображение и представить себе, что станется с вами, когда после полуночи у нас будут развязаны руки!

Двугорбая Старуха облизнулась. Самый Первый Блин плотоядно потер руки. Эстрадная Халтурщица хихикнула. Хмырь-с-Челюстью сломал лом и с лязгом швырнул обломки на железный пол.

Андрей Т. взглянул на светящийся циферблат. Черные стрелки показывали без пяти минут новогоднюю ночь. Вдруг что-то лязгнуло под его ногой. Он поглядел... Шпага. Мокрая, ржавая, холодная, как всё здесь. Но — шпага. Оружие. Сила! Только силу можно было противопоставить этому купающемуся в зловонии амфитеатру разбойников. У Алексея Толстого сказано как-то не так, и вообще никакой здесь не амфитеатр, но это как раз неважно. Андрей Т. обтер рукоять шпаги полый куртки.

— Надо полагать,— говорил Удивительный Мужчина,— вы всё еще надеетесь на помощь вашего приятеля Андрея Т. Напрасно. Полночь близится, близится время Крайних Воздействий, близится ужасное для вас испытание, юноша, а тем временем!— Удивительный Мужчина возвысил голос.— А тем временем ваш так называемый друг мирно сидит себе в окружении любимых своих марок, смакует свое любимое фруктовое мороженое и о вас даже думать забыл!

— Врешь!— взревел Андрей Т. и выскочил на железные перила.— Врешь!— вскричал он и одним прыжком приземлился на самой середине железной кастрюли рядом с Генкой.— Выходите! Выходите все! На меня! На одного!

Вперед, вперед! И не сдаваться!..—

хрипло запел вдруг оживший Спиридон.

На Андрея, расставив чудовищные лапы, шел Хмырь-с-Челюстью. За ним, отставая на шаг, выдвигались, ухмыляясь

и переглядываясь, Недобитый Фашист и Красноглазый Юноша. Андрей Т. мрачно усмехнулся и сделал глубокий выпад...

Прекрасное новогоднее солнце било сквозь морозное окно.

— Пришел твой, — сказал дедушка.

— Который час? — хриплым со сна голосом спросил Андрей Т.

— Начало одиннадцатого, — сказал дедушка и удалился.

Приблизился Генка-Абрикос, совершенно красный с мороза, со снежинками в попсовых волосах и без автодрома. Он уселся на табурет и стал смотреть на Андрея жалкими, виноватыми глазами. Многословные и несвязные объяснения его сводились к тому, что вырваться от Кузи оказалось невозможно, а потом Славка принес новые диски, а потом Кузин папан приготовил шербет, а потом забарахлил магнитофон, а потом пришла Милка... Ну, разумеется — Милка! Так бы и сказал с самого начала...

— Знаешь, Абрикос, — сказал Андрей Т., прерывая на самой середине все эти малодостоверные объяснения, — хочу тебе подарок сделать. Новогодний. Бери мою коллекцию марок.

— Ну?! — воскликнул восхищенный и виноватый Генка.

В передней послышались шаги и голоса. Это вернулись родители, сбежавшие из Грибановской караулки, потому что не в силах оказались выдержать видения любимого Андрюшеньки, распростертого на ложе фолликулярной ангины.

Генка-Абрикос бубнил что-то благодарное и виноватое, а Андрей Т. лежал на спине, обеими руками держа Спиху, Спиридона, Спидлеца этакого, глядел на его страшную сквозную рану — круглую дыру с оплавленными краями — и слушал.

Будет полдень, суматохою пропахший,

Звон трамваев и людской водоворот,

Но прислушайся — услышишь,

как Веселый Барабанщик

С барабаном вдоль по улице идет...—

негромко пел Спиридон, и эта песенка, как всегда, была уместной, и от нее тихонечко и сладко щемило сердце.

Имя Георгия Шаха уже известно любителям фантастики, пристально и заинтересованно следящим за всеми новинками любимого жанра. Его новая фантастическая повесть «О, марсиане!» сделана по классическим канонам гротеска. Она написана остро, с непринужденным юмором. Действие повести протекает в маленьком провинциальном городке, в короткие дни отдыха, когда не выходит местная газета и уже ушел, сделав короткую остановку, курьерский поезд, то есть создается самая подходящая атмосфера для демонстрации «чудес».

И чудеса в Заборьевске действительно происходят, волнуя местную общественность, беспокоя милицию, травмируя обывательски настроенное меньшинство, повергая в воинственный раж единичных субъектов вроде директора Дубилова. Марсианским вторжением в наше время никого, разумеется, не удивишь. И не случайно Г Шах подает своего марсианина сдержанно, лаконично, как бы на зыбкой грани правды и вымысла. Чудесное в повести, по рецептам великих предшественников от Гоголя до Уэллса, возникает из обыденного. Оно, собственно, и призвано лишь для того, чтобы необычным — звездным, а то и потусторонним (как у Булгакова) — светом озарить заурядный замкнутый мирок, по-новому взглянуть на привычное, осмеять достойное насмешки и теплой улыбкой встретить вечные проявления человечности.

В недавнем интервью нью-йоркскому журналу «Сайенс дайджест» крупнейший фантаст современности Артур Кларк так ответил на вопрос, посетили ли, по его мнению, инопланетяне Землю: «Это не невозможно. Но должен сказать, что мне осточертели все нынешние нелепые или просто лживые книжонки о летающей посуде. С тем же отвращением я отношусь к псевдодокументальным книгам о допотопных космонавтах, мыслящих овощах и бермудских треугольниках. Меня интересует наука и научная фантастика, а не шарлатанство».

Великая эра космических полетов породила, к сожалению, и свою мифологию. Шарлатанскую, если следовать точному, на мой взгляд, определению Кларка. Одно из главных достоинств повести Г. Шаха в том, что она показывает специфическую среду, порождающую подобные мифы и технологию их распространения. Уверен, что читатель с интересом воспримет увлекательное, пропагандистски заостренное произведение советского фантаста.

Ермей Парнов

О, МАРСИАНЕ!

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ МАРСИАН

У Никодима Лутохина собралась компания — сослуживцы и приятели из местных интеллектуалов, если не считать слесаря из домоуправления, позванного за услуги по благоустройству квартиры. Гости отужинали и потягивали коньяк, пребывая в ленивом и возвышенном состоянии, когда склоняет порассуждать о загадках мироздания. Благодаря тонкому расчету хозяйки любители поговорить и добровольцы-слушатели соотносились между собой, как говорят англичане, фишти-фифти. В обществе царила гармония.

— Главная проблема контакта — это, если хотите, совместимость, — авторитетно говорил Звонский, которого считали поэтом районного значения. — Мы вот, человеки, на одной матушке-Земле совместиться не можем, а тут инопланетные цивилизации, возможно даже, иная биологическая форма жизни — попробуй найди общий язык.

— Объясниться можно с помощью математики, — вставил молодой Будушкин, давно искавший минуты проявить себя. — Цифры, они у всех одинаковы, а математические действия — умножение или там деление — тем более. Я читал у Айзека Азимова...

— А если у них двоичная система? — отрезал Звонский. — Да я об языке в прямом смысле. Кое-как объясниться, хоть на алгебраических символах, хоть на химических элементах, хоть, простите, на пальцах, — это еще куда ни шло, это, я думаю, вполне доступно. А вот понять друг друга, суметь сострадать друг другу можно ли?

Красноречие Звонского подавляло, и связываться с ним явно не имело смысла. Будушкин закивал, давая понять, что разделяет глубокие сомнения поэта. Заметив, что беседа угасает, Никодим раскрыл было рот, но осекся под взглядом жены, осознав неуместность всего, что он мог сейчас сказать.

— О чем вы толкуете, — подала голос сама Диана Луки-

нична,— какой там контакт с пришельцами, когда с домоуправом не сговоришься. Если бы не любезность Гаврилы Никитича,— хозяйка ласково улыбнулась слесарю,— так бы и жили без ванной.

— Ну, это не имеет отношения к разговору,— рискнул возразить ее супруг.

— Ах, не скажите, Никодим Лукьянович,— вступилась жена Дубилова, директора школы.— У нас ведь тоже просьба к Гавриле Никитичу. Придете, дружок?— Она заискивающе потрогала слесаря за рукав.

— Отчего же!— бодро отозвался тот.— Как говорится, контакт есть контакт!

— Путь к контакту лежит через контракт,— сострил Сарфаненко, гитарист.

— Вы всерьез отрицаете возможность взаимопонимания с инопланетчиками?— спросил Дубилов, не позволяя себе поддаться общему легкому настроению. Строго глядя поверх очков в глаза Звонскому, учитель добавил:— Это ведь, знаете, не совсем отвечает диалектическому материализму.

— Давайте-ка, друзья, посмотрим телевизор!— вскочил Лутохин.— Как раз захватим конец программы «Время», узнаем, какая завтра погода.

— А у меня свежий кофе готов. Вам подлить, Митрофан?— обратилась хозяйка к Дубилову.

Гости дружно уставились в голубой экран.

— Вторгшаяся из Арктики волна холодного воздуха,— говорила симпатичная прогнозерша,— столкнулась с мощным встречным потоком. Образовался циклон необычной силы, столбик ртути опустился ниже черты 40 градусов. Последний раз такое случилось 120 лет назад...

— Домой нам теперь не добраться, примем конец свой в урагане, согревая напоследок друг друга!— воскликнул Сарфаненко.

— Оставайтесь у нас, места хватит,— радушно пригласил Никодим.

— Нет уж, не стану доставлять хлопот, да и до работы отсюда далековато.

— Завтра суббота.

— Подумать только, такая холодина! Что с природой творится...

— Я вот читал...

— Оставьте, природа как природа.

— Смотрите! Смотрите!

Все замолкли. На экране действительно происходили странные вещи. Чья-то ладонь легла на руку диктору, сообщавшему, что программа «Время» кончилась и зрители могут посмотреть

очередные передачи. Он попытался высвободиться, но безуспешно. Мелькнуло растерянное лицо второго диктора, изображение на секунду потеряло устойчивость, размылось, заплесало, а потом в кадре появился незнакомый мужчина.

— Прошу не паниковать и спокойно выслушать мою информацию, — заявил он высоким, почти женским голосом. У него были бархатные черные глаза и мушкетерские усики. — Я — марсианин. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что я вас мистифицирую. Конечно, у меня совсем иная природная внешность. Не имеет значения какая. Важно, что мы научились принимать облик землян и находимся среди вас, не опасаясь вызвать подозрений. наших людей здесь, на Земле, не так много, но они есть практически во всех странах и крупных городах.

Теперь я скажу о том, что наверняка волнует вас больше всего. Что нам надо, с чем мы пришли? Будьте покойны: у нас нет намерения покорить вас, хотя достигнутый нашим обществом уровень техники легко позволил бы сделать это. Мы хотим лишь изучить вас и вашу планету. Если окажется возможным, используем энергетические ресурсы Земли, чтобы пополнить иссякающие источники энергии на Марсе. В этом случае мы не станем грабить вас и найдем способ щедро расплатиться.

Вы спросите, почему мы не пришли к вам в открытую? И в то же время почему понадобилось сообщать о нашем присутствии? Я отвечу...

Но Лутохин и его гости так и не услышали в тот вечер ответов на эти вопросы. Внезапно погас свет, лицо марсианина, растянувшись в линейку, отчего он, казалось, ухмыльнулся, исчезло.

Несколько секунд все сидели как замороженные. Потом Никодим кинулся к окну, крикнул:

— У всех погас. Надо же, в такой момент!

Он пошел звонить на станцию, дознаваться, в чем дело. Хозяйка принесла свечу. Компания начала приходить в себя.

— Поразительно! — сказал Звонский. — Рассуждаем, рассуждаем, а когда это наконец случается, не хотим верить.

— Вы всеерьез? — спросил Сарафаненко дрогнувшим голосом.

— А вы что, сами не видели? — вступился Дубилов. — Теперь они нам покажут!

— Но позвольте, марсианин ведь сказал, что у них нет дурных намерений, — робко возразил Будущкин.

— Не будьте ослом, — грубо сказал Дубилов, — с добрым делом в чужой дом тайком не пробираются.

Вбежал Лутохин и сообщил, что телефон не работает, а света, насколько можно судить по поднявшемуся вокруг переполоху, нет во всем городе.

— Не понимаю, чего мы сидим?— вскочил вдруг Дубилов.

— А что?

— Надо принимать меры.

— О чем вы?— спросил Будушкин.

— Среди нас марсиане. Их следует выловить, и без промедления.

— Как вы собираетесь это сделать?— осведомился Звонский.

— Пока не знаю. Знаю, что надо браться тотчас.

— Тогда беритесь. Прямо здесь советую и начать. Вам ведь, без сомнения, известно, чем пахнут марсиане, так вам и бояться нечего.

— Друзья, друзья, успокойтесь, прошу вас!— взывал Никодим.

Звонский и Дубилов стояли друг перед другом в позе изготовившихся к бою петухов. Слесарь Гаврила Никитич собирался разнять, если все-таки начнут, во что он, зная эту публику, в глубине души не верил. Жена Дубилова повисла на своем муже, а Диана — на Звонском. Сарафаненко исчез. Будушкин пробирался к выходу.

ДЕРЖИ МАРСИАНИНА!

Гражданин Гудаутов сошел с поезда дальнего следования и прошествовал в вокзальный ресторан, пребывая в отличном расположении духа. Он с энтузиазмом насвистывал популярную песенку «Грусть напрасна, потому что жизнь прекрасна, если ты живешь и любишь, как в последний раз». Слова эти находили живейший отклик в его душе, поскольку Гудаутов действительно жил каждый раз, как в последний. Во всяком случае, перед очередной отсидкой.

Гудаутова впервые назвали гражданином много лет назад, когда председатель райсовета вручил ему паспорт, а родня и местная общественность сердечно поздравили с приобретением широкого круга гражданских прав.

В следующий раз он был назван так уже в связи с нарушением своих гражданских обязанностей и попыткой присвоить не принадлежащие ему ценности. Потом Гудаутов неоднократно бывал в подобной ситуации, обращение «гражданин» ему полюблилось, он привык так представляться и даже думать о себе в третьем лице.

Вот и сейчас. «Гражданин Гудаутов,— мурлыкал он сам

себе, шагая мягкой и цепкой поступью барса к свободному столику в темном углу ресторанный зала,— гражданин Гудаутов, ты настоящий мужчина!» Давно не было у него такой удачной операции. Три туго набитых бумажника добыто в одну железнодорожную ночь. За вычетом стоимости билета и саквояжика с грязным бельем, который пришлось забыть в вагоне, чистая выручка составила 1895 рублей. А какие сюрпризы таил элегантный чемоданчик из желтой кожи, который Гудаутов подхватил на выходе и с содержимым которого не успел ознакомиться? Жизнь и в самом деле была прекрасна!

Гудаутов привычно запечатлел в памяти расположение столиков, наметил кратчайший путь на волю и взял на учет близких посетителей. Карта местности показалась ему благоприятной. Устроившись поудобней и надежно примостив чемоданчик у своей правой ноги, он позвал официанта и позволил себе расслабиться.

Прямо перед ним сидели двое мужчин и девушка. Одного из мужчин, крупного и румяного, который подносил бокал ко рту осторожными замедленными движениями, Гудаутов сразу окрестил лопухом. Второй был худ и истерически подвижен, ерзал на стуле, временами даже подпрыгивал и поглядывал по сторонам, явно не стесняясь привлекать к себе внимание. «Артист»,— определили опытный Гудаутов. Как всегда, он с большим удовольствием оглядел девушку. На его вкус она была «не ахти, но ничего».

Следующие полчаса его внимание было занято выбором блюд. Официанты в провинции не меньше, чем в столице, проявляли к Гудаутову особое почтение. Чутье, видимо, им подсказывало, что этот смуглый южный человек с бархатными глазами, барскими манерами и фамильярным обхождением умеет легко зарабатывать деньги и привык сорить ими. Словом, сердца людей, занятых в сфере обслуживания, раскрывались перед Гудаутовым. Он был приятно удивлен изысканностью и широтой выбора пищи, предложенной вокзальным рестораничком. И лишний раз похвалил себя за решение сделать остановку в Заборьевске.

Дожевывая котлету по-киевски, Гудаутов с удовольствием поймал на себе заинтересованный взгляд девицы и немедленно ответил встречным взглядом. Его не смутило, что девица поспешно отвела глаза,— все шло как надо. Тем более, что «лопух», с которым Гудаутов, учитывая разницу весовых категорий, предпочел бы не вступать в прямой конфликт, куда-то исчез, а «артиста» можно было не принимать в расчет.

Шевельнув ногой, Гудаутов вспомнил о чемоданчике. Это

несколько его утешило. «Ну, денег, конечно, там нет, не найдешь теперь дураков возить тугрики в такой упаковке. Но если человек отправился в дальнюю дорогу только с чемоданчиком, значит, в нем должно быть нечто стоящее.

Нет занятия более увлекательного, чем угадывать содержание чужого чемодана, который стал твоим. На секунду выключившись из атмосферы, Гудаутов проворонил возвращение «лопуха» и его интенсивное переглядывание с «артистом». Он не смог оценить маневра двух официантов и нескольких добровольцев из публики, которые заняли стратегические позиции в зале, отрезав путь к отступлению. Но самым большим позором для профессиональной репутации Гудаутова стало то, что он не заметил, как к нему вплотную приблизился статный администратор, и не почуял никакого подвоха, когда тот осведомился, понравилась ли гостю заборьевская привокзальная кухня.

— Недурно, совсем недурно,— благодушно ответил он.— Можете, уважаемый, поблагодарить повара от имени... э... номенклатурного командированного.

— Издалека следуете?— дружески поинтересовался администратор.

— Из столицы, конечно, друг мой,— ответил Гудаутов.

— Как там она?

Гудаутов лишь закатил глаза и многозначительно покачал головой, давая понять, что с Москвой все в порядке. Но метр этим не удовлетворился, решив, видимо, выудить как можно больше сведений о положении вещей в столице.

— Приезжих небось много?— спросил он полуутвердительно

— Хватает.— Гудаутов начал раздражаться.

— И откуда?

Это уже было нахальством.

— С Луны,— ответил Гудаутов и хотел было добавить что-нибудь покрепче, но тут вдруг до него дошло все сразу: «И пристраст неспроста, и пялитса подозрительно, и в окружение взял... Ах, чемоданчик, чемоданчик!»

Гудаутов молниеносно привел себя в состояние самообороны. В данный момент главной задачей стало не сказать ничего такого, что могло бы навести их на след. «А что им известно? Неужели по тревоге с поезда опознали чемоданчик? Я-то, идиот, выставил на обозрение! Однако никто вроде бы его и не замечает, все уставились на мой портрет. Усы не понравились, что ли?»

Гудаутов машинально провел рукой по своим мушкетерским усикам.

— А с других планет никого не встречали?— обаятельно улыбаясь, спросил статный администратор.

— Только с Марса,— быстро нашелся Гудаутов, тоже обаятельно улыбаясь. На какой-то миг ему подумалось, что местные шутники всего-то решили его разыграть. Но эта утешительная версия была перечеркнута сразу же, ибо слово «Марс» вызвало в зале необыкновенное движение.

«Артист», вскочив с места, завопил:

— Он, он, хватайте!

«Лопух», повинуясь призыву, в два прыжка преодолел расстояние между столиками. В момент оказались здесь и официанты с добровольцами. Дюжина рук цепко ухватила Гудаутова, он оказался в центре плотного кружка, который, быстро обрастая любопытствующими из персонала и посетителей, на глазах превращался в толпу.

— В чем дело? Уберите лапы!— возмущался Гудаутов, не теряя самообладания.

— Он, не пускайте!— кричал «артист», взявший на себя распорядительские функции.

— Кто «он»? Чего орешь?— повысил голос Гудаутов.— Вы, как официальное лицо,— обратился он к администратору,— будете отвечать за это беспримерное издевательство над личностью гражданина.

— Он еще хорохорится!— сказал кто-то из ближайшего окружения.

— Посмотрите-ка, какой кот!— добавил другой.

— Не запугаешь, мы вашу породу знаем!— продолжал голосить «артист».

— Вы не беспокойтесь, гражданин,— на всякий случай заявил статный администратор,— зря вас задерживать никто не станет.

— Чего время терять, отправьте его куда надо,— посоветовала какая-то дама.

— А в чем, собственно, дело?— спросил один из подоспевших.

— Платить не хочет,— разъяснил ему очевидец.

— При чем тут плата?— возмутился «артист».— Вы что, не видите, это ведь марсианин!

Кругом охнули.

— Что?— удивился Гудаутов.— Да вы все здесь спятили!

— Я сразу почувствовала, что он оттуда,— сказала дама, но без всякой враждебности, скорее даже с сочувствием.

— Какой там марсианин, чушь!— сердито заметил очевидец.— Он просто жулик!

— Я вам покажу жулика!— спокойно оскорбился Гудаутов.

— Не покажешь!

— А действительно, с чего вы взяли, что он марсианин?— обратился какой-то другой скептик к статному администратору.

— Я, товарищи, действовал по сигналу этого молодого человека,— администратор кивнул в сторону «лопуха».

— Будушкин,— представился тот.— Я, строго говоря, тоже сомневаюсь в этой гипотезе.

— Какой гипотезе?

— Ну, что марсиане сумели к нам внедриться. Я читал у Айзека Азимова...

— Это к делу не относится!— оборвали его.

— Не морочьте нам голову, юноша. Возвели поклеп на человека, учинили скандал, а теперь сваливаете на какого-то ветхозаветного Исака.

— Да я, ей-богу, ни при чем,— оправдывался Будушкин.— Это вот он, Сарафаненко, меня уговорил пойти к метру. Он его и опознал.

— Значит, сам с Марса, раз опознал. Хватайте и его, братцы!— пошутил скептик.

Вокруг засмеялись. Общественное настроение явно менялось, и Гудаутов ощутил, что вцепившиеся в него руки ослабили свою хватку.

Но тут, на его беду, появился невысокий, полный и, по всему видно, очень уверенный в себе человек.

— Позвольте,— говорил он, пробираясь через толпу,— позвольте мне, я знаю, я вам сейчас точно скажу.

Толпа послушно расступилась. Человек посмотрел на Гудаутова в фас, потом в профиль и сказал твердо:

— Это он, марсианин, я его узнал!

— Конечно он, господа, разве можно сомневаться!— истерически вскрикнула дама.

— Что же теперь делать?— растерялся администратор.

— В милицию его,— сказал очевидец,— там разберутся, ху ис ху.

— Ведите в милицию,— гордо заявил Гудаутов, поняв, что унести ноги не удастся, и вынашивая новый оригинальный план спасения.— За всё ответите!— Он энергично погрозил пальцем администратору, ловко отпихнул под стол чемоданчик и двинулся к выходу. Стражи и любопытствующие повалили за ним.

ОГРАБЛЕНИЕ ПО-МАРСИАНСКИ

Небо было как потолок, выкрашенный в черное, а звезды как прорези в нем. Вселенная чуть пошатывалась.

Звонский вдохновился на стишок, который произвел на попутчика заметное впечатление. Но главной темой их задушевной беседы были события прошедшего вечера.

— Я к тебе всей душой,— говорил Звонский,— веришь?

— Верю, как же!

— Хорошо! Посуди, что за подлец этот Дубилов. Ведь опаснейшая в социальном смысле личность.

— Подлец,— согласился Гаврила.

— Мало. Это, скажу тебе, типичный охотник за ведьмами.

— Чего-чего?

— За ведьмами. Образное выражение, понимаешь. Есть такая порода людей: хлебом их не корми, дай врага вынюхать. Уж они его в ком угодно распознают, хотя бы и в отце родном. И на костер, и в петлю, и на плаху! К примеру...— Звонский задумался.

— Барри Голдуотер,— подсказал Гаврила.

Звонский от восхищения споткнулся.

— Я ведь,— продолжал Гаврила,— давно заметил, что Дубилов охотник за ведьмами. Сынишка мой у них учится, говорит — зверь, за корень квадратный или там косинус альфа удавить готов. Давеча жена ихняя приглашала кой-какую работенку по дому сделать. Сулила. Не пойду. Тьфу мне на его ведьмины деньги!— Гаврила твердо прислонился к забору.

— Не ходи, голубчик,— поддержал Звонский.— Ко мне придешь. У меня тоже есть сломанный кран. А нет, так сломаем.

И тоже прислонился.

— Как вы считаете, товарищ Звонский,— спросил Гаврила,— выловят марсианца?

— Разумеется. А зачем?

— Как зачем?— Гаврила внимательно посмотрел на собеседника.— Они же хотят нашу энергию прикарманить. А на Земле и без того энергетический кризис. Даже экологический.

— Так марсианин обещал ведь щедро расплатиться.

— Я думал об этом,— возразил Гаврила.— Допустим, они с Землей золотом рассчитаются. А что золото? Им дом не обогреешь, и автомобиль на нем не поедет. Обратное же, что будет с международной валютной системой? С ею и так худо, чудовищная, говорят, инфляция. И нам невыгодно: золотишко на мировом рынке в цене упадет, а мы его добытчики.

— Ну, Гаврила, быть тебе министром финансов.

— Я бы мог,— сказал Гаврила и, поразмыслив, добавил:— По уму бы мог. Да вот из-за Насти нельзя меня подпустить к государственной казне. А что, если нам по кружке пива выпить? Пиво сейчас хорошо пойдет.

— Пойдет,— согласился Звонский.— А где?

— Я тут одну забегаловку знаю, неподалеку.— Гаврила сделал попытку оторваться от забора. Но это оказалось не так просто — забор обладал притягательной силой.

— Прислонись — не отслонись, — сказал Звонский, также пытавшийся принять вертикальное положение.

В забегаловке был аншлаг, пришлось занять место у подоконника. Кругом только и было слышно: «Марс, Марсу, Марсом...»

— Идет всеобщая марсианизация Заборьевска, — сострил Звонский.

Между ними вышел спор, кому платить, и, поскольку Звонский уж очень домогался этой чести, Гаврила в конце концов уступил.

На редкость холодное пиво прочищало мозги. Повертев головой, Звонский узрел знакомое лицо.

— Сейчас, Гаврила, — сказал он, беря приятеля под локоток, — мы узнаем ответ на твой вопрос. Видишь там, в углу, худощавого, с головой яйцом?

Гаврила кивнул, причмокивая.

— Это сыщик по особо важным делам. Если уж он здесь, значит, неспроста.

— За марсианцем, должно быть, — возбудился Гаврила. — Может, на след напали. А как его фамилия? Я — никому.

— Под строжайшим секретом, только тебе: Гвоздика. — Прошептав это на ухо Гавриле, Звонский стал размышлять, почему фамилия следователя должна содержаться в секрете и как могли бы воспользоваться ею злоумышленники.

Потом его блуждающая мысль вернулась к Марсу. «Чертте что, до чего публика легковерна! Впрочем, близкая — рукой подать — и от этого особенно манящая Красная планета вечно будоражила воображение. Сколько шума наделали пресловутые каналы, пока, наконец, космические лаборатории не установили с максимальной достоверностью: мираж, нет никаких каналов. И атмосферы нет, и жизни не должно быть, разве что примитивные зачаточные формы, из которых когда-нибудь через миллионы лет — сумасшедшую, невообразимую бездну времени — родится нечто путное, какие-то марсианские динозавры и птеродактили. Возможно, однако, и вовсе не родятся, не успеют, потому что человек вторгнется на территорию соседней планеты, освоит ее, колонизирует, мимоходом прервет тягучую эволюцию местного разума. Вот и вся сказка о могущественной и агрессивной цивилизации Марса. А мы, право, с ума походили: держи марсианина!..»

Звонский вздрогнул от звука резко захлопнутой двери. Все обернулись. На пороге стоял человек, лицо которого было

затянуто черным чулком. В протянутой вперед и вверх руке поблескивал какой-то металлический предмет.

— Я марсианин!— сказал он глуховатым голосом.— Всем оставаться на местах, иначе пушу в ход аннигилирующий бластер с фамагустой.

Эта фамагуста и сыграла решающую роль во всем происшествии.

Старший лейтенант Гвоздика был безгранично мужественным человеком. Кавалер всех значков ГТО, он стрелял только в яблочко, ходил на лыжах по первому разряду, с одинаковым совершенством владел приемами самбо, дзюдо и каратэ. Ко всем прочим своим достоинствам Григорий Михайлович был примерный семьянин и общественник.

Но у этого образцового детектива была, увы, своя ахиллессова пята: любовь к научной фантастике. Он знал едва ли не на зубок все произведения завлекательного жанра: отечественные и зарубежные, собранные в оранжевую библиотеку и разбросанные по карманным изданиям с яркими суперобложками, удостоенные признания, не удостоенные и совсем недостойные. Нечего говорить, что старший лейтенант знал о Марсе и его обитателях досконально все, а уж по части бластеров и других моделей космического оружия он, можно сказать, собаку съел. Не могло его утратить и аннигилирующее устройство, ибо, действительно, какая разница, хлопнут тебя из пистолета с последующей кремацией или испепелят на месте?

Но эта непостижимая фамагуста! Она была как зубная боль.

Звонский, ожидавший от сыщика решительных действий, пронзил его презрительным взглядом, но Гвоздика этого не ощутил, поскольку лихорадочно и, увы, безуспешно пытался установить этимологию слова «фамагуста».

Директриса забегаловки, она же продавец, выронила кружку, которая покатилась по наклонному полу прямо к дверям и разбилась о порожек, замочив пивом (жигулевским) штанину налетчика.

Женщина истерично вскрикнула. Марсианин отшатнулся, рука его с бластером, аннигилирующим устройством и фамагустой угрожающе взметнулась, все зажмурились в ожидании неведомого.

Положение, однако, спас невысокий, полный и очень уверенный в себе человек, стоявший у стойки. Он схватил продавщицу за руку, поднял ее, чтобы было явно видно что ей не шевельнуться, и крикнул марсианину:

— Не тревожьтесь, товарищ, она вам ничего не сделает!

— Благодарю вас,— вежливо ответил тот и шагнул

вперед.— Теперь всем повернуться к стене и поднять руки!
Живо!

Команда была исполнена. Один лишь невидимый для межпланетного гостя Гвоздика не шевельнулся. Перед его взором мелькнула пенистая волна, набегающая на усыпанный галькой берег. «Галлюцинации,— подумал он,— но фамагуста...»

Марсианин подошел к ближайшему посетителю и запустил руки к нему в карманы, потом к следующему. Гаврила, наблюдавший за ним уголком глаза, заметил, что он ограничивается наружными карманами и не посягает на внутренние, где люди хранят основной капитал. Вполголоса поделился своим наблюдением со Звонским, но тот не успел его осмыслить: как раз в этот момент очередь дошла до наших собеседников, и они покорно подверглись процедуре обыска. Звонскому представились отвратительные щупальца, тянувшиеся к горлу, а Гаврила со злорадством подумал, что в его наружных карманах пусто.

Спасителя перепуганной продавщицы марсианин обшаривать не стал, только дружески хлопнул по плечу.

— Молодец,— похвалил он,— быстрая реакция! Не посрамил землян.

— А я, товарищ,— ответил тот невпопад,— вашего коллегу видел.

— Вот как!— удивился марсианин.— Где же это?

— А на вокзале. В ресторанчике.

— Ага. Только никому об этом ни слова,— сказал марсианин и еще раз похлопал полного по плечу, на этот раз — бластером с аннигилирующим устройством.

— Будьте покойны!— Полный обмер от страха.

— Внимание,— сказал марсианин.— Я уйду. Пять минут всем не двигаться, иначе... сами знаете, что будет!

Дверь хлопнула.

Со скоростью компьютера тренированный мозг Гвоздики решал задачу высочайшей сложности: выбор цели. Здесь, рядом с ним — можно сказать, руку протянуть,— находился Глобус — расхититель госсобственности, которого Гвоздика преследовал по городам и весям в течение целого отчетного квартала. Это была захватывающая дуэль двух интеллектов, нечто вроде схватки Шерлока Холмса с профессором Мориарти. Сколько раз злокозненный Глобус с украденным кушем ускользал из-под самого носа — на паровозе, пароходе, самолете и даже вертолете! Как часто они ощущали присутствие друг друга в ресторанах, кафе, чайных и пельменных, на стадионах, в музеях, кинотеатрах и библиотеках — везде, где Глобус прожигал жизнь в ожидании возмездия, а Гвоздика, неумолимый как рок, его настигал. И вот теперь, когда настала

пора брать преступника, появился марсианин. Покончить с Глобусом было для Гвоздики делом чести, своего рода личным рекордом. Он вправе был рассчитывать на успех, ибо провел операцию безукоризненно и мог с документами в руках доказать до копейки, как Глобус присвоил и как прокутил полмиллиона.

Но упустить марсианина! Да еще с фамагустой!

«Прощай, рецидивист,— Гвоздика мысленно улыбнулся полному невысокому человеку с очень уверенными движениями.— Вернее, до свидания!» В два прыжка он покрыл расстояние до двери и пулей вылетел вслед за марсианином.

КТО ИЗ НАС МАРСИАНИН!

Свет в Заборьевске погас в 21 час 31 минуту. Спустя 12 минут дежуривший по городу младший лейтенант милиции Стенькин принял некую Лютикову Алевтину Никаноровну, которая явилась сделать государственной важности сообщение и исполнить тем самым свой патриотический долг. Занеся в протокол фамилию и домашний адрес заявительницы, установив, что она одинокая, по профессии медсестра и третий год как вышла на пенсию, Стенькин подкрутил фитилек мощной керосиновой лампы и приготовился выслушать главное.

— Уж не знаю, с чего начать. Я бы тебя, сынок, не стала беспокоить, если б не такое дело.

— Не стесняйтесь, излагайте все, как было.

— Сосед у меня марсианин.

— Вот как!— Младший лейтенант пытливо поглядел на Лютикову; она показалась ему нормальной: небольшая, сухонькая, аккуратно одета, волосы седые, коротко острижена, на правой щеке родинка, глаза карие, ясно смотрит из-под очков в золотой оправе.— Давно обнаружили?— спросил он.

— Сегодня.

— А живете вместе сколько?

— Через неделю два года будет. Прежним соседям отдельную квартиру дали, у них четверо.

— Как же это вы, Алевтина Никаноровна, два года с человеком бок о бок прожили, можно сказать, пуд соли вместе съели — кухня-то общая — и только сейчас заметили, что он марсианин?

— Замечать-то я и раньше замечала, а вот додуматься не могла. Нынче, когда по телевизору этот с усиками выступал, меня и осенило.

Стенькин, естественно, телепрограмм в тот вечер не смотрел.

рел, да и вообще видел в голубом экране одну забаву, предпочитая черпать информацию из газет. Поэтому он не стал выяснять, что там было по телевизору: мало ли, может статься, какой-нибудь профессор читал лекцию про жизнь на Марсе.

— Какие же симптомы?— спросил он.

— Разные.— Лютикова помедлила, должно быть припоминая и заново осмысливая факты.— Вот, например, интересное обстоятельство. Каждый день в ванне моется, а по субботам и воскресеньям, бывает, и дважды. Я по занятию своему гигиену весьма уважаю, но, извините, голубчик, думаю, вы не обидетесь, если я скажу, что такой чистоплотности у мужчин не бывает.

Стенькин неопределенно покачал головой, не то соглашаясь, не то протестуя.

Лютикова продолжала:

— Разве я не понимаю, что это может показаться пустяком? Подумаешь, нашла старая, чем укорить! Но скажите на милость, почему он каждое утро на голове стоит? По полчаса, проверено по хронометру. Почему стены в своей комнате раскрасил в четыре цвета? Почему огурец сахарным песком, а дыню солью посыпает? Почему на жэковские собрания его не затащишь? И вот так по всем пунктам, хотите верьте, хотите нет. Все не как у людей.

Стенькин почесал затылок.

— Как я понимаю, гражданин Лютикова,— возразил он,— сосед ваш не дерется, не сквернословит, порядка в доме не нарушает, вас не беспокоит?

— Да разве обо мне, миленький, речь!— воскликнула Лютикова, оскорбленная и негодующая.— Не о себе пекусь, по мне, лучше соседа не сыщешь. Но я с ним расстанусь без колебаний, если будет доказано, что он из отряда марсианских захватчиков!

Сказав это, бывшая медсестра поджала губы, от чего ее лицо, поначалу показавшееся младшему лейтенанту добродушным, приобрело жесткий и неумолимый вид.

Стенькин поежился.

— Ну хоть какие-то еще симптомы замечали, Алевтина Никаноровна?— спросил он, досадуя, что говорит с посетительницей несвойственным ему извиняющимся тоном, а поправиться не может.— Постарайтесь припомнить.

— Есть еще симптом,— торжествующе сказала Лютикова,— я его на конец держала. Знаете, какое увлечение у моего соседа? Он радиоманьяк. Это я его так окрестила, поскольку дни и ночи крутит-вертит всякие сопротивления, динамики, репродукторы, микрофоны и прочую технику. Вся его комната,

а там ни много ни мало двадцать квадратных метров, завалена этим хламом. А главное...— Она приподнялась со стула и, приблизившись к младшему лейтенанту вплотную, отчего тот даже отшатнулся, со значением произнесла:— Каждый день в эфир выходит.

Стенькин зажмурился. Ему почему-то представился щуплый, отмытый до жуткой белизны человечек, распахивающий окно и плавно летающий над крышей самого большого в Заборьевске дома, в котором разместился горсовет. В полете человечек чуть помахивал руками, а вместо кистей у него были обыкновенные клешни, прикрытые манжетами.

— На чем выходит в эфир?— спросил младший лейтенант, стрягивая с себя наваждение.

Лютикова посмотрела на него с недоумением.

— Как на чем? На радиопередатчике, разумеется.

«Черт-те что! — подумал Стенькин.— Я и впрямь настроился на марсианина».

— С кем же у него связь?— спросил он строго.

— Это уж вам надлежит установить. А вполне вероятно, что и другому ведомству. Лично мне все ясно, как божий день: с базой на Марсе. Докладывает, что разнюхал, получает задания.

— Ладно,— махнул рукой Стенькин.— Распишитесь здесь, товарищ Лютикова. У вас всё?

— Вот что еще, голубок,— сказала заявительница, опять превращаясь в милую пожилую дамочку,— если будете выселять марсианина, намекни начальству, комнату его нехудо бы мне отдать. Я человек вполне заслуженный, тридцать лет в больницах проработала, скоро шестьдесят стукнет, а все по коммунальным квартирам мыкаюсь.

— А марсианина, значит, на Марс?— ехидно спросил младший лейтенант.

— Куда же еще?

Стенькин смял в руке протокол.

— Это что же, гражданочка, получается? Выходит, все ваши марсианские хроники — один лишь голый навет на безвинного человека с умыслом захватить его жилплощадь? Да вы знаете, что по закону полагается за оговор?

Лютикова, однако, ничуть не испугалась. Напротив, она грудью двинулась на младшего лейтенанта, так что тот поневоле должен был шаг за шагом отступать. А голос ее при этом металлически звенел, гулко отдаваясь в коридорах.

— Хочешь, милоч, марсианина взять под крылышко? Может, у тебя с ним сговор? Ты и сам, должно быть, из их породы? Так мы вас на чистую воду выведем! Уж я об этом позабочусь, будьте покойны!

Стенькин едва удержался, чтобы не прикрикнуть на старую каргу, но тут загорелся свет и одновременно послышался за дверьми дикий шум. В помещение ввалилась целая орава людей, которых безуспешно пытался удержать сопровождавший их постовой милиционер:

— Всем сюда нельзя, граждане, имейте совесть! Марсианин и свидетели останутся, прочие могут разойтись по домам!

Услышав, что привели марсианина, Стенькин схватился за голову, а Лютикова даже взвизгнула — не то от страха, не то от восторга. Кое-как гомон улегся.

— Кто здесь марсианин?— решительно и зло спросил Стенькин.

— Я!— спокойно ответил Гудаутов, выходя на передний план. Он уселся на стульчик, который только что занимала Лютикова, закинул ногу на ногу и изобразил одну из обаятельнейших своих улыбок.

Свита, сопровождавшая его с вокзала, дружно выдавила: «Сознался!» У одних это прозвучало удивленно, у других торжественно.

— Я говорил, говорил!..— заволновался Сарафаненко.

Будушкин, собиравшийся в очередной раз сослаться на своего кумира Азимова, лишился дара речи.

— И давно вы, гражданин, стали марсианином?— устало поинтересовался Стенькин, решивший, что больше дурачить себя никому не позволит.

— От рождения,— резонно заметил Гудаутов.— Как сейчас, помню родной марсианский поселок у канала, в котором мы беззаботно резвились с другими марсианятами. Папу-марсианина, маму-марсианку. Обоих, увы, давно нет в живых. Видели бы они сейчас своего малыша!

В толпе кто-то сочувственно засопел.

— У нас живут недолго,— сказал Гудаутов, входя во вкус.— До тридцати лет. Но очень культурно. Работать никому не надо, все кругом растет, приходи — бери.

— Как же с промтоварами?— поинтересовался кто-то.

— Тоже растут. Получаем путем скрещивания. Очень сложное дело. Объяснить не могу, все равно не поймете. Не доросли вы еще.

— А что едят?

— Разное,— ответил Гудаутов, вспоминая свой недавний ужин в привокзальном ресторанчике.— Например, котлеты по-киевски, шашлык по-карски, пельмени по-сибирски.

— Все как у нас!— одобрительно воскликнул Сарафаненко.— Значит, и овец разводите?

— А как же,— оскорбился Гудаутов,— что мы, на Марсе, не люди, что ли!

— Товарищи, опомнитесь!— воззвал скептик.— Это же прохвост высшей марки, да еще над нами издевается. Он такой же марсианин, как я китайский император.

— Попрошу официальное лицо,— сказал Гудаутов, обращаясь к Стенькину,— оградить меня от оскорблений.— Если бы кто-нибудь из жителей Заборьевска приехал к нам на Марс,— добавил он с горечью,— его бы так не приняли. Мы гостей уважаем. Хлеб-соль даем, всякие почести оказываем. Неважно, откуда ты — с Луны, с Земли, с этой, как ее, Венеры, хоть с Солнца. Важно, что ты гость.— Заметив, что аудитория внимает ему развесив уши, Гудаутов и вовсе уверился в правильности избранной им тактики. Он ткнул пальцем в сторону скептика и строго сказал:— Он — скептик, он ни во что не верит. Такой человек может не верить даже в свой родной коллектив. Пусть поедет со мной, пусть любой из вас поедет, проверим.

И Гудаутов приподнялся на носках, готовый немедленно стартовать на Марс.

Все посмотрели на скептика.

— Вот еще,— сказал тот,— нашел дурака! С меня хватит!— И исчез, лишь напоследок из-за дверей послышалось приглушенное:— Авантюрист!

Пожевав губами, Будущкин сказал:

— Что ж, извольте, я готов проверить эту версию.

Стенькин решил вернуть себе инициативу.

— Ваши документики, гражданин!— потребовал он.

— Моя фамилия Гудаутов. У марсиан тоже есть фамилии. Будьте любезны,— Гудаутов протянул паспорт и командировочное предписание.

Все молча ждали, пока младший лейтенант изучал бумаги.

— У вас все по норме, как полагается обыкновенному гражданину,— сказал наконец Стенькин.— Чем докажете, что вы марсианин?

Такого поворота дела Гудаутов не ожидал. Вся его тактика строилась на предположении, что человек, объявляющий себя марсианином, должен быть признан безумным и немедленно отправлен в желтый дом. А там можно через пару дней прийти в себя и быть отпущенным официально либо, на худой конец, исчезнуть, не прощаясь.

Как должен вести себя человек, свихнувшийся на марсианской почве?

Гудаутов вдруг засмеялся, и чем больше видел вокруг себя недоумения, тем с большим смаком хохотал, визжал, почти закатывался. Терпение у Стенькина истощилось, он хлопнул кулаком по столу, требуя объяснений.

— Они мне не верят!— воскликнул Гудаутов, утирая слезы.— Сами сказали, что я марсианин, а теперь я еще должен доказывать. Нет уж, я свои права знаю. Либо отпускайте, либо доказывайте.

Стенькин взглянул на Гудаутова с уважением: марсианин знал о презумпции невиновности. Что делать? Его взгляд пробежал по лицам присутствующих, напряженно следивших за развертывающейся драмой. И остановился на остренькой физиономии Лютиковой, которая скромно примостилась во втором ряду, явно не стремясь привлечь к себе внимание.

— А ну-ка, Алевтина Никаноровна, подойдите поближе, помогите установить личность подозреваемого. Узнаете своего соседа?

— Ничуть,— ответила Лютикова, делая шаг вперед.— Этого товарища вижу впервые.

— И правильно. Он ведь совсем из других мест. Но сходство какое-то есть?

— Очень даже похожи,— заметила Лютикова, так прилежно разглядывавшая Гудаутова, что тот даже засмушался.— Как братья.

— Ну вот,— удовлетворенно хмыкнул Стенькин.— Теперь, гражданин Гудаутов, скажите, как часто вы принимаете ванну?

Гудаутов наморщил лоб, соображая, какой ответ должен пойти ему на пользу. Не решив этой задачи, он на всякий случай сказал, что каждый день, а в иные дни и по два раза.

Стенькин и Лютикова со значением переглянулись.

— Есть у вас какое-нибудь хобби?— спросил Стенькин.

— Чего?!

— Ну, увлечение. Например, радиоделом.

— Угу,— неопределенно мотнул головой Гудаутов.

Все сошлось, как дважды два. А раз так, значит, подумал Стенькин, мы имеем в Заборьевске двух марсиан. Не слишком ли много для районного центра?

Зазвонил телефон.

— Дежурный по городу,— сказал Стенькин, беря трубку. И услышал взволнованный голос Гвоздики:

— Звоню из автомата на Шекспировской. Только что некто, назвавшийся марсианином, совершил вооруженное ограбление в пивном баре. Угрожал бластером с аннигилирующим устройством и фамагустой...

— Как, как?— переспросил Стенькин, лихорадочно записывая сообщение.

— Фамагустой. Откровенно, сам не знаю, с чем это едят

Иду по следу. Вынужден на время оставить Глобуса. Всё.

— Погодите, товарищ старший лейтенант, не вешайте трубку,— сказал Стенькин. Он отвернулся, прикрыл трубку ладонью, чтобы не услышали в комнате.— У меня самого здесь марсианин...

Гвоздика присвистнул.

— Улики?

— Сам признался.

— Конец света!— вздохнул Гвоздика.— Бластером не грозил?

— Держится мирно.

— Потяни до моего возвращения.

Раздались отбойные гудки. Стенькин стоял вполоборота к присутствующим, лица его они не видели, голоса тоже услышать не могли. И все же Сарафаненко с интуицией, какая бывает у истеричных женщин и артистов, догадался.

— О!— сказал он.— Еще марсиане. Десант!

— С чего вы взяли?— рассердился младший лейтенант.— Глупости! Ох уж эти паникеры!..

Будучи, однако, человеком честным, Стенькин не смог скрыть смущения, и все поняли, что Сарафаненко догадался правильно.

Произошло всеобщее тревожное движение, сопровождаемое общим приглушенным вздохом.

Сарафаненко с необыкновенной ясностью увидел себя с гитарой на филармонической сцене, только в зале были одни марсианские рожи и все улыбались ехидной гудаутовской улыбкой: пусть, мол, поиграет, а там мы ему покажем жулика!

«Это же надо,— подумала Лютикова,— выходит, сосед и впрямь марсианин. Если эта банда захватит город, так ему могут мою комнату отдать. Нет, конечно, такого закона, чтобы человека на старости лет оставить без своего угла, но какие законы для марсиан? Не исключено, однако, сосед переедет в трехкомнатную ближе к центру». Бывшая медсестра чуть приободрилась.

«Какая странность!— подумалось Будушкину.— Однако, как говорил Звонский, когда-то это должно было случиться. Трудно поверить? А легко было современникам поверить в нашествие Тимура, в открытие Америки, в изобретение паровой машины? Обыденный разум не допускает исхода за рамки привычного порядка вещей. Даже пытаюсь заглянуть в завтрашний день, мы строим его из кирпичиков дня вчерашнего. Но у будущего свой строительный материал, своя конструкция и логика. Отчего же нельзя предположить, что именно нынче

настал черед всему этому, что Земля вступила в новую эру, марсианскую?»

И как всегда бывало у Будушкина, он размышлял об одном вяло и отвлеченно, а параллельно у него созревала совершенно иная мысль, причем в четкой и ясной форме.

— Товарищи,— сказал он вдруг,— товарищи! Если действительно в Заборьевске появились марсиане, так почему их надо допрашивать в милиции? Ведь это же, скорее всего, наши братья по разуму, с которыми следует установить дружеские отношения. Так, кстати, полагает и Айзек Азимов. Надо бы передать их в Академию наук, а до той поры в гостиницу, да в лучший номер.

— Очень правильно, молодой человек,— сказал Гудаутов, дотянувшись до Будушкина и поощрительно хлопая его по плечу.— И обязательно с ванной.

— А платить кто будет?— полюбопытствовала Лютикова.

— А я сам расплачусь. По-вашему, с Марса на Землю посылают без подъемных?

— Повременим с гостиницами!— вмешался Стенькин.— Сначала разберемся, с кем имеем дело. Может, эти субчики к нам с бластерами...— он заглянул в блокнот,— и фамагустами, а мы их в Академию наук.

Говоря это, младший лейтенант пристально вглядывался в Гудаутова и был готов при малейшем движении принять самые решительные меры. Но тот ничем себя не выдал, даже не шевельнулся, и взгляд его был по-прежнему безмятежен и добродушен.

— Фамагуста?— пробормотал Будушкин.— Где я слышал это слово?

— Бластер?— недоуменно поднял брови Гудаутов.— Блейзер, может быть, с блестящими пуговками?

«Не вооружен,— решил Стенькин.— Впрочем, возможно, не все марсиане налетчики. Среди них тоже могут быть разные, нельзя всех стричь под одну гребенку».

Гудаутов понятия не имел о космическом оружии. Занятый разработкой очередного тактического маневра, он даже не обратил внимания на зловещую фамагусту.

«Один марсианин,— размышлял он,— плюс один — это уже два марсианина. А если еще марсиане, много марсиан, если налет, как сказал «артист», что тогда? Тогда паника, суматоха, кто куда — и просто смыться».

— У меня важная заявка, — с достоинством сказал он младшему лейтенанту. — Прошу занести в протокол.

— Что еще?

— Довожу до вашего сведения, гражданин начальник,

эти двое...— он кивком указал на Будушкина и Сарафаненко,— из моего отряда.

— Как это понимать?

— Марсиане. Сами не видите?

— Что?!— завопил Сарафаненко.— Я марсианин? Да меня весь город знает, я гитарист, в филармонии на концертах выступаю!

— На Марсе каждый второй — гитарист,— отпарировал Гудаутов.

Стенькин потерянно глянул на Будушкина, свою последнюю надежду.

— Может быть, он прав, и мы все действительно марсиане,— философски заметил Будушкин, пребывавший в глубоком раздумье. И добавил:— В известном смысле.

Гудаутов развел руками и, обратившись к своим вновь обретенным соотечественникам, произнес фразу на чистейшем марсианском языке. Уголкем глаз он наблюдал за произведенным эффектом. Рука Стенькина невольно потянулась к кобуре. Лютикова тихо охнула и, уцепившись за стену, поползла к выходу.

Сомнений не было: Заборьевск подвергся массированному нападению марсианского десанта. Возможно, пришельцы успели захватить жизненные центры и кинулись бесчинствовать. Но его, Стенькина, они так просто, за здорово живешь, не возьмут. Сукины сыны, комедию ломают, потешаются...

МАРСИАНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ

Городу Заборьевску не менее трех столетий. В местном краеведческом музее есть данные, что назван он так не потому, что в нем много заборов, а потому, что расположен за бором. С течением времени, однако, бора не стало: должно быть, мало-помалу его перевели на заборы. Чего не случится за триста лет! Вот только марсианское нашествие горожане испытали впервые.

Ближе к полуночи тьма установилась на улицах крошечная. Словно какой-то озорной маляр прошелся кистью по поднебесью и наглухо зачернил все отверстия, сквозь которые пробивался на землю звездный свет. Вдобавок вязкий туман от реки окутал электрические фонари, и мерцали они без проку. Прохожему стало совсем худо — что ни шаг, рискуешь споткнуться о булыжник или угодить в лужицу. Словом, лучше ночи для захвата города космическими пришельцами не придумаешь.

— Вот они ее и выбрали,— сказал человек вполголоса и самодовольно хмыкнул. Он шел посередине пустынной улицы, ухитряясь обходить препятствия, будто ведомый неким внутренним локатором. И бормотал себе под нос:— Пусть спящий проснется. Рожденный ползать пусть взлетит!.. Это вам, уважаемый Сергей Сергееч, не дебет-кредит, и не «опять ты напортачил», и не «когда же ты ума-разума наберешься?». Я-то набрался. Все ваши гнусные делишки, все хитроумные приемчики, посредством коих вы запускаете ручищи в государственную казну, вижу. Всегда видел, а теперь скажу, кому надо, учтите. И вас, моя любезная помыкательница, поставим на место! В ногах будете ползать, просить прощения за тюрьму, за кашу, за «у всех мужья как мужья...». Прочь сомнения, настала пора действия! Вперед, и ни шагу назад — вот наш марсианский девиз!

Окончание этой странной тирады пришлось как раз на угол Шекспировской и Краснопрудской, где в новом белокаменном здании, гордости заборьевских архитекторов и городских властей, разместилась центральная аптека. Была она непомерно велика и с шиком отделана; иные критиканствующие горожане утверждали, будто денег, затраченных на ее сооружение, хватило бы на Петергоф или по крайней мере на три дюжины жилых домов. Но большинство относилось к аптеке одобрительно, резонно полагая, что не крышей единой жив человек, надо заботиться и об эстетике, а главное — оставить нечто стоящее потомкам.

Безоговорочно и с воодушевлением приняла аптечный дворец молодежь. Причиной тому был грандиозный холл со стенами из красного пластика и с навесным ажурным бревчатым потолком, опиравшимся на 65 изящных коринфских колонн. В холле, таким образом, образовалось множество укромных уголков, что делало его, особенно в ненастье, незаменимым прибежищем для всякого рода интимных и деловых встреч.

— Перст судьбы!— сказал человек, взглядываясь в освещенную витрину, где, на фоне кумачового полотнища с лозунгом «Лечись заблаговременно!» были выставлены противогриппозные медикаменты.— Конечно,— продолжал он рассуждать вслух,— можно было бы ограничиться и одним разом, но раз — это вдохновение, это порыв, а в известном смысле и случай. Нужна привычка. Нужна система. Надо навсегда отбросить слабость и подавить страх. Вперед, и ни шагу назад!

Он дрожащей рукой достал из кармана чулок, натянул его на лицо и распахнул аптечную дверь.

В зале было десятка два людей: часть стояли у прилавков,

у касс, прочие, попрятавшись за колоннами, были заняты выяснением отношений. Несмотря на то что пришелец изо всех сил хлопнул массивной дверью, никто и ухом не повел.

— Я марсианин! — крикнул было он, но как-то вяло, уже соображая, что для просторов, воплотивших эстетические амбиции заборьевских градостроителей, крик его подобен муравьиному пisku Нет, ограбить эту аптеку можно было не иначе как только с помощью портативного мегафона с усилителем.

Грабитель в полной растерянности топтался у входа, его трясло от обиды на мироустройство, а также на злокозненное стечение обстоятельств, помешавших деянию свершиться.

И тут случай пришел ему на выручку. Его узрели и признали острые глаза невысокого, полного, очень уверенного в себе человека, который торчал у ближней к входу аптечной секции, с интересом разглядывая лечебные травы и время от времени бдительно озираясь. Надо же было Глобусу, уйдя от своего преследователя, искать передышки именно в аптеке!

— Это он, смотрите, он, марсианин! — завопил Глобус, шагая назад, отчего из стоявших рядом покупателей чуть ли не получилась куча мала. Голос у него был высокий и визгливый, так что услышан он был во всех уголках холла, и отовсюду «заколонники» ринулись к месту происшествия.

Пришелец сумел использовать предоставившийся ему шанс. В несколько прыжков он добрался до ближайшего прилавка, вскочил на него и, выставив на обозрение маленькую блестящую коробочку, заявил:

— Этот человек прав. Я действительно марсианин. Всем оставаться на местах, иначе пушу в ход аннигилирующий бластер с фамагустой. Повернуться ко мне спиной, руки поднять! Эй ты, вихрастый, не слышишь, что я говорю?!

Тут с услугами выскочил все тот же Глобус. Тыча кулачком под ребро верзиле с рыжим чубом, который явно не хотел выполнять приказов инопланетчика, он шумно возмутился:

— Тебе же по-русски сказали, что надо делать, дурья голова! Давай, давай, разворачивайся. Товарищ марсианин может ведь и в пекло отправить. Ты подумал, что станется с аптекой?

Глобус, как все незаурядные жулики, был психологом. Он затронул, можно сказать, самое чувствительное местечко в заборьевских душах. Образ прекрасной колоннады, обращенной в руины, был для них настолько нестерпим, что все прочие зашикали на чубатого. Уступая давлению общественности, он

подавил в себе волю к сопротивлению и тоже повернулся спиной к грабителю.

Последовала знакомая процедура осмотра карманов с отбиранием спичек. Женщины были оставлены в покое — на этой основе позднее была выдвинута гипотеза о господстве на Марсе матриархата. Сделав свое дело и предупредив, чтобы не двигались, пришелец направился к выходу. Самообладание его восстановилось полностью; ликуя, он бормотал по своей привычке:

— Вот и все. Куда как просто. Что вы теперь скажете, уважаемый Сергей Сергенч?

Эта преждевременная расслабленность чуть его не погубила. Рыжий верзила, так до конца и не вразумленный, решил, видимо, рискнуть аннигиляцией и кинулся вдогонку. К тому же из-за колонны какой-то молодой человек подставил ему подножку.

Грабитель потерял равновесие, но сбалансировал и лишь вынужден был оттолкнуться от пола ладонью. Потерянные секунды могли оказаться для него роковыми, не вступись опять Глобус. Он ухватил рыжего за плащ и крикнул:

— Идите спокойно, товарищ марсианин, сознательные граждане Заборьевска не позволят вас спровоцировать!

Уже в дверях, недосыгаемый, марсианин сделал странную вещь. Он вновь поднял свой бластер и, угрожающе им помахивая, сказал:

— Эй ты, толстый сукин сын, попадешься мне в третий раз — аннигилирую!

— Это вы мне?— с изумлением и обидой спросил Глобус.

— А кому еще!— Выскальзывая за дверь, пришелец услышал позади звуки мощных шлепков и визг: рыжий и другие били Глобуса.

— До чего же гнусная личность!— подумал, как всегда, вполуслух грабитель, продолжая переживать происшедшее.— А ведь очень даже знаменательно, что всего один такой пособничек и нашелся.

— Вы имеете в виду Глобуса?— сказал некто, неожиданно возникая из тьмы. Железная рука сжала плечо пришельца, и, пока он находился в состоянии полнейшей прострации от страха, боли и неожиданности, другая рука твердо и мягко изъяла у него заветную металлическую коробочку.

— Успокойтесь и постарайтесь не сопротивляться, чтобы мне не пришлось сделать вам больно.— Голос был мягок, даже ласков, и это как-то не вязалось с решительными действиями незнакомца.

Пришелец совсем размяк и вдруг начал всхлипывать.

— Ну зачем вы так, возьмите себя в руки. Я оперуполно-

моченный Гвоздика, гарантирую вам беспристрастное расследование. И напугали же вы меня своим бластером! Кстати, эта штука не срабатывает от тряски?

— Нет,— машинально ответил грабитель.

— Вот и хорошо. Сейчас пойдём ко мне, побеседуем, как положено, выясним, что к чему.— Успокоительно все это приговаривая, Гвоздика, однако, не ослаблял хватки и быстро вел пришельца своим маршрутом.— А как на Марсе с преступностью?— поинтересовался он.— Индивидуальная, групповая, профессиональная, любительская... Что преобладает? Ладно, ладно, вижу, вы еще не пришли в себя. А зачем вам понадобилось столько спичек? Марсиане, случайно, не питаются серой?

Гвоздика был в превосходном настроении. Еще бы, ему удалось взять не какого-то заурядного жулика или маньяка, тут пахнет делом поважнее. И ведь он его, можно сказать, вычислил, логически установив, что следующим объектом нападения будет аптека, поскольку в столь поздний час никакие другие общественные заведения в городе не работали.

Но, как обычно случается, жизнь бьет под ребро как раз в момент триумфа. Внезапно Гвоздика ощутил непривычную для себя слабость, в ушах вновь явственно зазвучала мелодия морского прибоя, а перед глазами возникла панорама берега с накатывающимися на песок пенистыми волнами. Сознание его оставалось ясным, он хорошо понимал, что вторично стал объектом того же мощного психического воздействия. Полагая, что исходит оно от спутника, Гвоздика попытался прервать излучение ударом в солнечное сплетение, но не сумел даже собрать в кулак вялые пальцы. Все его тело обмякло, и он уже не держал грабителя, а, напротив, сам к нему привалился, чтобы сохранить равновесие.

Подавленный и запуганный пришелец почувствовал, наконец, что представитель закона не по себе, но не сразу решился этим воспользоваться.

— Вам плохо, товарищ Гвоздика?— участливо спросил он.— Сердце? Сейчас, сейчас, здесь неподалеку аптека...

«Что я мелю, господи,— спохватился он,— какая аптека, только меня там сейчас не доставало!»

Он остановился в нерешительности, испытывая желание бежать без оглядки и кляня себя за неизбежную совесть. И вдруг отчетливо услышал хриплый повелительный голос: «Не бойтесь за представителя власти, через минуту с ним будет о'кэй, идите за мной». Грабитель готов был поклясться, что голос идет откуда-то сверху. «Куда же мне идти?»— подумал он и услышал в ответ: «Прямо, прямо, а теперь сворачивайте направо».

Он покорно пошел, позабыв о Гвоздике, подчиняясь чьей-то явно превосходящей воле. «Входите в сад, двигайтесь по боковой аллее,— диктовал голос.— Видите скамью под платаном?»

Грабитель плюхнулся на указанную скамейку и вдруг вспомнил, что в оторопи забыл отобрать у Гвоздики бластер. «Не беспокойтесь о своей коробочке,— последовало разъяснение,— конфеты пусть старший лейтенант съест».

На этот раз голос прозвучал где-то близко. Грабитель обернулся и увидел высокого худого человека, попыхивающего сигаретой. В слабеньком освещении на лице незнакомца можно было разглядеть лишь длинные, до подбородка, баки, мясистый нос да отвислую нижнюю губу.

— Не пора ли, кстати, снять чулок,— сказал незнакомец.— Кто вы такой?

— Я марсианин,— не задумываясь, ответил грабитель.

— Не валяйте дурака. Это я марсианин.

Грабитель охнул.

— Так кто же вы все-таки? Впрочем, ладно, можете не говорить, имя не так уж важно. Меня интересуют ваши мотивы.

— Мотивы?

— Да. Зачем вам понадобилось воровать спички? Насколько я разбираюсь в местной коммерции, это ведь не столь уж большая ценность.

Грабитель перебрал мысленно причины, толкнувшие его на рискованное дело, и хотя они и сейчас показались ему достаточно вескими, признаться было стыдно.

— Ага,— сказал незнакомец,— значит, вам захотелось доказать самому себе, что вы не разгильдяй, как полагает ваш шеф, и не тюря, как думает о вас жена... Извините, что такое разгильдяй и тюря?

— Разгильдяй — это... как вам сказать, несобранный, неорганизованный человек, что ли,— последовало неохотное пояснение.

— Допустим. А тюря?

— Невозможно объяснить,— решительно заявил грабитель, упуская из виду, что незнакомец легко читал его мысли.

Итак, это подобие каши. Насколько я понимаю, некий синоним разгильдяя. Редкий случай, однако, когда мнение жены совпало с мнением начальства.

— Нечего остричь!— взорвался грабитель.— Побывали бы в моей шкуре!

— У вас было тяжелое детство?— участливо спросил собеседник.— Били родители? Обманывали друзья?.. Постойте!—

незнакомец хлопнул себя по лбу.— Я, кажется, начинаю понимать: у вас типичный случай подавленной агрессивности с маниакальным желанием ее высвободить.

— Чепуха!— сказал грабитель.

— Как чепуха?— обидчиво возразил марсианин.— Я могу доказать, я следил за всеми вашими полетами.

— Откуда следили, если не секрет?

— Для вас не секрет. Я, видите ли, путешествую, чтобы собрать побольше информации о жизни на Земле: природные ископаемые, экономика, культура, быт, нравы, общественное устройство и тому подобное. Но поскольку в поезде какой-то прохвост стянул мой чемоданчик, в котором вещи необычайно для меня ценные, я вынужден был высадиться в Заборьевске. А тут, скажу вам, престранная обстановочка, какой-то необычный марсианский психоз.

— Да, влипли вы в историю.

— Кто влип? Это нахальство. Я вас вызволил из цепких лап закона и вместо благодарности выслушиваю грубости.— Марсианин, разволновавшись, свирепо затянулся, закашлялся.

— Вы бы не курили,— сказал ему грабитель.— На Марсе, между прочим, тоже табаком балуются?

— Теперь балуются.

— А скажите все-таки, коллега, почему вы именно ко мне привязались?

— Не мог допустить, чтобы у землян сложилось впечатление о нас, марсианах, как о грабителях и насильниках. Понятно, коллега? Как видите, своих мотивов я не скрываю. Вернемся к вам. Кто такой Сергей Сергеич?

— Заведующий местной лабораторией треста Морречрыбпром, где я состою научным сотрудником.

— Так это и есть ваш пресловутый шеф?

— Он,— угрюмо ответил грабитель.

— Ну и что же, третирует вас, плохо обращается?

— Ходу не дает. Пятнадцать лет я работаю на Морречрыб, не хвалясь, могу сказать, что вся лаборатория на нем одном держится. Так, между прочим, и в центре думают. А до сих пор сижу в младших. Да разве во мне дело? Поверьте, товарищ марсианин, я не гонюсь за лишней полсотней, хотя она и не повредит. Мой шеф не только хам, он еще и плут. Конечно, так, с ходу, к нему не подкопаешься, отчетность у нас в ажуре. А копни всерьез, такая картина откроется— ахнешь! Нормы занижаются, ставки завышаются, там приписки, здесь отписки... Что говорить, если он ухитрился за год сам себе шесть месячных окладов отвалить в качестве премий за сверхударный труд.

— Значит, он вор?

— Вор, может быть, и слишком сильно сказано,— засомневался грабитель,— но снять его надо бы.

— Однако, если в этом вашем тресте знают, что здесь творится, почему Сергей Сергеичу все сходит с рук?

— А потому, что у него рука есть.

— И у вас есть. Даже две.

— Эта рука в переносном смысле: дружок, покровитель.

— Очень любопытно!— Марсианин извлек из кармана малюсенький серебряный шарик, подержал его секунду перед носом грабителя и спрятал.

— Что это за штука?— поинтересовался тот.

— Портативный мыслезаписец. Еще один вопрос. Почему бы вам не вывести шефа на чистую воду или... как это у вас говорится...— Марсианин опять достал шарик.— Ага, выступить с принципиальной критикой в его адрес?

Грабитель молчал.

— Бойтесь. Духу не хватает. Вы, товарищ, обыкновенный трус. Нечего удивляться, что и жена вас тюрей зовет.— Марсианин освоил это словечко и выговаривал его смачно, даже с некоторой лихостью.— И никакие дурацкие походы за спичками вам не помогут. Разве что попадетесь вторично и окончательно себя погубите. Вообще, уважаемый лжемарсианин,— прошу прощения, что вынужден вас так именовать,— вы представляете любопытный социальный феномен. Родители вас не били, друзья не предавали, нужды вы не знали. Вам ведь не приходится из последних сил добывать себе хлеб насущный, живете в достатке, не случайно столь равнодушно рассуждаете о прибавке в пятьдесят целковых — состояние для иного, вроде меня, грешного, вынужденного проживать на командировочные из расчета два шестьдесят в сутки. Установлено, кстати, по вашему стандарту, и никак не вдолбишь нашим твердолобым финансистам, что жизнь на чужой планете всегда дороже. Правда, есть еще гостиничные и представительские. Словом, вы баловень судьбы. Общество сделало все, чтобы вы жили достойно, как подобает человеку. Но вы не сумели им стать и пытаетесь превратиться в сверхчеловека — самое весомое свидетельство слабости духа. И не только у вас, на Земле, но и у нас, на Марсе, и на обитаемых планетах в созвездии Быка, и везде, где еще существует разумная жизнь. Слабость духа — вот источник всех бедствий, причина всех преступлений, питательная почва для всех несправедливостей.

«Какое демагог», — подумал грабитель не без зависти.

— Глупости,— уловил его мысленную реплику марсианин.— Слушайте, когда вам говорят правду, и постарайтесь,

наконец, взяться за ум. Нет, я далеко не считаю вас злодеем. Напротив, весьма вероятно, что вы неплохой специалист, приносите даже какую-то пользу, добросовестно исполняя свои служебные обязанности. Но пренебрегаете главным — своим гражданским долгом. Отовсюду вас призывают бороться за правду, думать о народном благе, быть нетерпимым ко всякому безобразию. Как вы отвечаете на этот призыв? Никак. Вы мааетесь, калькулируя каждый свой шаг с учетом того, как это отразится на вашей сытой, устроенной, хотя и нудноватой, но привычной и покойной жизни. Вы успешно потребляете свой кусок общественной справедливости, но не участвуете в ее расширенном воспроизводстве. И в этом смысле вы — социальный паразит!

— Вам бы лектором... — не удержался уязвленный грабитель.

— Почел бы за честь, — сухо ответил марсианин. Он давно уже поднялся со скамьи и произносил свой монолог, стоя перед собеседником, тыча ему под нос палец, разводя руками и жестикулируя иным образом. — Разумеется, земная цивилизация не погибнет от таких, как вы. За время моих скитаний по этой планете я встречал много славных, по-настоящему сильных духом людей и проникся к ним искренней симпатией. Скажу больше: вашему обществу предназначено большое будущее. Ресурсы Земли несравненно богаче ресурсов Марса, причем и материальные и духовные. Кто знает, может быть, нам удастся слить ко взаимной пользе две культуры, рожденные одним Солнцем. В этом, в конце концов, назначение и моей миссии.

«Я действительно истосковался по аудитории», — подумал марсианин. Ему привиделся храм науки в Марсополисе. Просторный актовый зал заполнен до отказа. Контрольные фонарики, аккумулирующие энергию мысли, излучают интенсивный поток света — студенты, аспиранты, профессора живо общаются. Но вот по сигналу ректора он усаживается в кресло, подключаемое к мощному усилителю. С этого момента все настраиваются только на его разум, никто не в состоянии думать о чем-либо постороннем и, тем более, вступать в диалог.

Он в родном марсианском обличье, от которого почти отвык за год земной жизни. Волнуясь, начинает:

— Я избрал темой своей кандидатской диссертации психологическую сущность землян, их этику. Нет нужды говорить об актуальности этой проблемы сейчас, когда люди выходят в космос и ставится на повестку дня установление уже не одностороннего, а обоюдного контакта. Мною скрупулезно изучены труды крупнейших марсианских ученых, прежде всего акаде-

миков Ора, Дуя, Вия и Круя, членов-корреспондентов Зена, Мона, Ума. Более всего, однако, я обязан своему научному руководителю профессору Друпу. Хочу также поблагодарить всех моих коллег, которые благожелательным отношением и дружескими советами безмерно споспешествовали моей работе. Я сознаю, что вклад мой в исследование темы скромнен, а некоторые выводы диссертации могут показаться спорными, поскольку не подкрепляются экспериментальным материалом.

Он помнил каждое свое слово, каждый взмах щупальцами. Вопросы, которые ему задавали, дружелюбные или ехидные реплики с мест и свои удачные ответы, не раз вызывавшие в аудитории дружный смех. Аплодисменты, торжественное вручение диплома, пирушку в окружении друзей и при участии членов ученого совета.

Особенно вспоминалась ему беседа у ректора Буя, который сказал: «Мы рекомендуем тебя в первую исследовательскую группу на Землю. Это — большая честь, постарайся быть ее достоин. Ты вместе с другими избранныками проложишь путь к слиянию двух культур, рожденных одним Солнцем». Горячо поблагодарив, он спросил, почему первая экспедиция на Землю должна быть секретной, ведь, идя с добром, от хозяев не прячутся? Ректор ответил: «Одни видят на Земле родственную цивилизацию, другие — природные богатства. От тебя теперь тоже зависит, какая идея возьмет верх. Будь праведен и силен духом».

«Вот проблема, — думал марсианин, отрешаясь от воспоминаний, — быть одновременно тем и другим. Не все праведники сильны духом, не все сильные духом — праведны. Хорошо, что землянин не способен читать мысли».

Он наклонился к грабителю, потрепал его по плечу, сказал, переходя на «ты»:

— Не поддавайся унынию. Может быть, я был излишне резок. В конце концов, у тебя есть желание одолеть свою слабость. А это уже кое-что.

— Прикажете благодарить за моральную поддержку? — задиристо возразил тот. — Я вот все гадаю, кто вы такой есть, какой у вас интерес ввязываться в мои дела и читать мне пошлые проповеди. И черта с два я поверил в эти бредни о марсианстве. Вы чревовещатель и гипнотизер, это точно.

Ублаженный собственным красноречием и высокими мыслями, марсианин не обратил внимания на грубый тон.

— Верить ты или нет, — сказал он благодушно, — не имеет значения. Сейчас я сотру из твоей памяти все переживания этого вечера...

— Как сотрете?— встrepенулся грабитель.— Выходит, все намарку!

— Успокойся. Вычеркиваются только факты, нравственный опыт остается. Если тебе действительно удалось переломить свою натуру, тогда...— он улыбнулся,— тогда, согласно нашему марсианскому девизу, вперед, и ни шагу назад!

В тот вечер Никодим Лутохин приплелся домой чуть ли не во втором часу ночи. Он слезно просил прощения у жены, ссылаясь на излишек принятого спиртного. Потом он строчил длинное, хорошо аргументированное заявление куда надо о противоправной деятельности своего шефа. Потом порвал его, выбросил в унитаз, аккуратно смыл и пошел спать.

БОРЬБА С МАРСИАНСТВОМ

По субботам Заборьевск обычно отсыпался за прошедшую неделю и за воскресенье вперед. На этот раз он поднялся до зари. Город был как потревоженный улей, все бегали за информацией к соседям, обзванивали родственников и сослуживцев, приняв сообщение, заслуживающее внимания, спешили немедленно передать его по кругу. Молва гуляла по домам и улицам беспрепятственно, поскольку остановить ее было некому: районная газета выходила четыре раза в неделю, а центральной прессе только и дела — следить за положением в Заборьевске.

Рассказывали, что в вокзальный ресторан ворвалась группа марсиан, находившихся в сильном подпитии, вели себя непотребно, скандалили, били посуду, досталось и официанту. На увещание метрдотеля отвечали с вызовом: погоди, мол, высадится основной десант, не то еще будет. Потом, видимо по команде, разом исчезли. Не исключено, что передвигаются они методом радиотранспортировки: дезинтегрируются на атомы, передаваемые волнами в место назначения, а там реинтегрируются. По другим данным, дело обстояло проще: марсианские шлемы, оказывается, обладают свойствами шапки-неведимки.

По некоторым сведениям, за прошедшую ночь в городе было совершено не менее шести дерзких ограблений. Не обошлось и без жертв: одного смельчака, вступившего в борьбу с марсианином, тот аннигилировал. Изымались ценности, документы, предметы одежды, продовольствие и даже медикаменты. Отсюда напрашивалось заключение, что марсиан создают где-то в укромном месте базу, и реквизиции будут продолжены. Особо отмечалась охота марсиан за спичками — либо они намеревались заняться поджигательством, либо, напротив, хотели не

допустить, чтобы заборьевцы, покидая оккупированный город, предали его огню.

Поступали, впрочем, и более утешительные вести: марсиан немного, они вовсе не агрессивны, а главное — милиция напала на их след, часть уже отсиживает, остальных выловят к исходу дня.

Особым успехом пользовались сведения о подвигах старшего лейтенанта Гвоздики, который, в одиночку схватившись с тремя пришельцами, отобрал бластеры и доставил троицу в отделение. Упоминалось также имя оперуполномоченного Стенькина, ухитрившегося распознать марсианина в совершенно нормальном на вид пассажире скорого поезда.

В кругах местной интеллигенции распространились вести, что сразу же после телепередачи в городе появился марсианин, официально предложивший установить контакт между двумя родственными цивилизациями. Перспектива эта сулила огромные выгоды, ибо в обмен на минеральное сырье марсиане предложили баснословную технику, вплоть до лицензий на производство машины времени, аппаратов, позволяющих за день выучить любой иностранный язык, а также таблеток, полностью излечивающих от пристрастия к алкоголю и табаку.

Возникали, правда, сомнения, почему руководство Красной планеты решило направить своего представителя не в одну из столиц, а именно в Заборьевск. Однако это мог быть тонкий дипломатический ход, рассчитанный на то, чтобы не породить международных раздоров. Как бы то ни было, марсианское послание было немедленно передано в центр.

Цены на рынке изрядно подскочили. На вопрос покупателей, чем это вызвано, продавцы отзывались: что ты, мил человек, с луны свалился, не слыхал про марсиан? Когда же иной любопытствующий пытался уразуметь, почему появление инопланетчиков должно повлиять на механизм ценообразования, ему отвечали уклончиво.

И вообще горожане разделились на два сектора. Одни верили в марсиан, другие не верили. Последних было несравненно больше, но на стороне первых было преимущество — вера. В спорах они брали верх. Что, в самом деле, можно возразить, когда оппонент божится, что вот этими самими, собственными глазами видел, как марсианин грозился бластером с фамагустой? Тут и самый опытный полемист спасует. Да и невольно лезет на ум читанная в обилии научная фантастика, и думаешь: а что? А почему бы нет? Век-то у нас какой — стыкуемся в космосе, ходим по Луне, фотографируем Венеру. Когда-то ведь пришельцы должны объявиться!..

Явившись поутру в неосторожно вверенную ему школу,

Дубилов отложил все занятия, велел распустить ребятню, подкинув добавок к домашнему заданию, и назначил на 10.00 учительское собрание с участием родительского актива. Пока скликали народ, он, запершись в кабинете, спешно дописывал речь, над которой протрудился всю ночь.

Аудитория была встревожена экстренным характером собрания. Такое бывает не часто, и если уж бывает, то по веским причинам. «Ждут сенсации», — подумал Дубилов. Он широко расставил локти, вперился в зал, тянул минуту, чтобы нарастить напряжение, и начал эффектно:

— Есть ли у нас в коллективе марсиане?

Полуминутная пауза, на протяжении которой слушатели лихорадочно перебирают свое прошлое, пытаются припомнить, чем, когда не угодили докладчику.

Инфарктная пауза.

— Вопрос ставлю в связи с создавшимся положением. И отвечаю уверенно: безусловно, нет!

Вздых облегчения.

— Я бы и не стал терпеть подобных лиц во вверенном мне учреждении.

Всеобщее ощущение чистоты и слитности.

— Но... — пауза на этот раз короче, предынфарктная, — скажем прямо, есть такие, кто увлекается марсианством, нет-нет да и поглядывает, образно говоря, в сторону Марса.

Внимание аудитории сконцентрировано предельно. Раздается чье-то нервическое сопение.

— Взять хотя бы... не буду называть фамилий... руководительницу шестого «Б» класса. Ведь это же факт, товарищи, что она попустительствует ученикам. Спрашивается, разве это метод воспитания полноценной смены — доверять подросткам самим выставлять друг другу оценки? Разве это есть у Макаренки, разве этому нас учил великий педагог? Нет, дорогие коллеги, так дело не пойдет... Или — возьмем опять же преподавателя физкультуры. За десять лет в школе не выращено ни одного мастера спорта. Видимо, ему не дорога честь коллектива. И как же товарищ объясняет свою нерадивость? Для нас, мол, главное, чтоб молодое поколение росло здоровым. Это — искусственное противопоставление, ошибочный, я бы даже сказал, вредный подход. Нам нужны и здоровье и мастерство.

Слушатели осмысливают молча.

— С подобными настроениями, — продолжает Дубилов, — пора кончать, выкорчевать их, как сорную траву.

— А при чем тут марсианство? — неожиданно раздается из зала звучный родительский голос.

Но Дубилова так, с ходу, не возьмешь.

— Вот вам, товарищи, живой пример,— говорит он, разводя руками.— Нужно ли отвечать на этот вопрос?

Крик из зала:

— Нет!

Дубилов:

— Ну вот, аудитория выразила свое отношение.

Пока в школе таким образом разворачивалась борьба с марсианством, Гвоздика и Стенькин посвящали друг друга в события минувшей ночи.

Дежурный принес им по стакану чая.

Старший лейтенант взялся было за сахар, но, вспомнив, достал из кармана блестящую коробочку и протянул ее товарищу.

— Угощайся,— сказал он, нажимая кнопку, от чего крышка коробочки распахнулась.

Стенькин удивился:

— Вот уж не знал, что вы сладостенка,— и взял конфету

— А ты знаешь, что сейчас ешь? Марсианский бластер.

Стенькин поперхнулся.

— С аннигилирующим устройством?— машинально спросил он.

— С аннигилирующим.

— А как же фамагуста?

— Есть такой городишко на Кипре. Пришло мне в голову, хотя и с опозданием, заглянуть в энциклопедический словарь.

— Дурачили, значит?

Гвоздика кивнул и, усмехнувшись, добавил:

— А ты как думал? Или вправду поверил в марсиан?

Стенькин покраснел.

— Я действовал по обстоятельствам. Тут такое творилось, не поверите... Инструкцией не предусмотрено.

— Ладно, не оправдывайся, давай сюда задержанных.

Через десять минут Сарафаненко и Будушкин были отпущены с миром и извинениями. На ковер вызвали Гудадова.

Выйдя из милицейского участка, Сарафаненко обрушился на Будушкина:

— Это по вашей милости я впервые в жизни провел ночь в арестантской! Я, артист! Какой срам! Что будут говорить в филармонии!

— Пустяки. Подумаешь, одна ночь.

— Для вас, возможно, и пустяки, но для художника — потрясение. Ну что вы хотели сказать этой вашей идиотской фразой «Может быть, мы все марсиане»? Начитались своего Азимова, и туда же, умничать..

— Позвольте,— защищался Будушкин,— а кто поднял шум в ресторане, кто сказал, что Гудаутов марсианин?

— Гудаутов здесь ни при чем. Еще не доказано, что он не марсианин. Проявлять бдительность — наш гражданский долг.

— И потом, раз вы художник, так вам должно быть интересно испытать переживания арестованного.

Сарафаненко махнул рукой: о чем, мол, с ним говорить...

— У вас мозги набекрень от неорганизованного чтения. Советую прекратить это занятие, пока окончательно не свихнулись... Вот так,— сказал он, обращаясь уже к самому себе,— вступайся за общественный интерес, тебя же еще и сажают.— И, рассерженный, удалился.

Будушкин постоял секунду, пожал плечами и тоже пошел. Но едва он завернул за угол, как чья-то рука ухватила его за локоть. Оглянувшись, Будушкин увидел высокого худого человека в потертом твидовом костюме. В наружности незнакомца не было ничего примечательного, разве что длинные баки, крупный нос и отвисшая нижняя губа.

— Вы не из милиции?— спросил субъект.

— А что?

— Уделите мне минуты две, товарищ. Я — марсианин.

Вконец расстроенный перепалкой с гитаристом, Будушкин не выдержал и выругался.

— О,— воскликнул субъект,— этого выражения нет в моем словаре — видимо, сленг.

— Иди отсюда,— сказал Будушкин и подумал: «Вот еще привязался!»

— Я действительно к вам привязался,— сказал носатый, делая ударение на последнем слове,— и прошу нижайше меня извинить, но выслушать.

Будушкин готов был поклясться, что не произносил вслух слово «привязался». Уж не читает ли этот тип мысли?

— Вы угадали, я читаю мысли. Вот и доказательство, что я вас не обманываю.

— Положим,— возразил Будушкин,— это еще ничего не доказывает. Современная наука зарегистрировала несколько случаев чтения мыслей, внушения на расстоянии и тому подобное. Правда, есть сомнения в чистоте эксперимента, споры продолжаются, но...

— Не спорю,— перебил его незнакомец,— хотя и вижу, что сами вы до сих пор в это не верили. В любом случае на Земле речь идет пока об отдельных индивидах, чьи парапсихологические свойства имеют природное происхождение и должны рассматриваться как отклонение от правил, в известном смысле даже болезнь. На Марсе же телекинез, мысленное об-

щение выработаны наукой, введены в генетический код и относятся ныне к разряду нормальных врожденных способностей.

— Любопытно. У меня нет оснований вам не верить, и я должен принести извинения за грубость.

— Мелочи жизни,— сказал марсианин.— Я даже остаюсь в выигрыше, поскольку смогу теперь пользоваться вашим сленгом.— Он протянул руку.— Давайте знакомиться.

— Охотно. Гена Будушкин, радиотехник.

— Меня зовут Зуй,— представился марсианин.

— А по батюшке?

— Увы, у меня нет определенного батюшки и матушки. На Марсе потомство выращивают искусственным способом.

— Вы считаете это прогрессивным?

— Мы находим такой метод деторождения рациональным. Что касается прогрессивности или регрессивности, то я не уверен, что всякое явление может оцениваться под углом зрения этих критериев.

— Я с вами решительно не согласен, Зуй,— с жаром возразил Будушкин. Он был на седьмом небе: надо же, такая удача — познакомиться с настоящим марсианином!

Продолжая дискуссию, они направились в диетическое кафе и заняли уютный столик. Геннадий заказал яичницу с поджаренной колбасой, а Зуй — пшенную кашу. Признавшись, не без смущения, что яичница ему не по карману, он твердо отклонил настойчивые попытки Будушкина взять на себя расходы, заявив, что на Марсе это не принято.

— Вы давно на Земле, Зуй?— спросил радиотехник, когда они покончили с едой и, закулив, ждали кофе.

— Около года.

— И какие впечатления?

— Я в восторге. Здесь еще столько неустроенности. Вам предстоит решить уйму проблем: предотвратить мировую атомную войну, добиться разоружения, покончить с голодом, искоренить болезни, преодолеть враждебность и разобщенность, утвердить общий язык, завершить вступление в Эру Единения, основанного на общем благе... Всего не перечислишь. Я не говорю о технических проблемах, во многих отношениях не менее сложных,— защите и восстановлении природной среды, овладении энергией ядерного синтеза и так далее.

— Побойтесь бога, Зуй, чем тут восторгаться?

Марсианин искренне удивился:

— Как чем? Подумайте, какое поле для борьбы и творчества, сколько возможностей для дерзания духа и нравственных подвигов! Эх, друг Геннадий, нам бы ваши заботы!

Будушкин улыбнулся:

— Выходит, на Марсе нет проблем?

— Ну, не то что уж и нет...— Зуй задумался.— Вот, к примеру,— оживился он,— сейчас в Марсополисе обсуждается вопрос: как быть с Землей?

— То есть?

— Природные ресурсы Марса практически исчерпаны. У нас нет трудностей с энергией, мы научились в любых количествах брать ее у Солнца. Хуже с металлами. Конечно, в девяноста случаях из ста им находят полноценные заменители, но потребность в них сохраняется. Металл остается каркасом нашей цивилизации; лишившись его, она была бы обречена на гибель...

— Постойте, Зуй, значит, то, что говорил ваш представитель по телевидению, было правдой и марсиане собираются колонизовать Землю? Это безумие! Предупреждаю,— Будушкин возбудился, чувствуя себя в этот момент уполномоченным от всей планеты,— предупреждаю, мы будем защищаться до последнего!

— Что вы, Геннадий, успокойтесь! Какая колонизация? На Марсе вот уже несколько столетий нет никакого оружия, если не считать средств защиты от хищных рептилий, вроде магнитного силового поля. Марс — мирная планета. Откровенно говоря, у нас побаиваются, как бы земляне не вознамерились покорить марсиан. В этом одна из причин решения законспирировать первую нашу экспедицию.

— Тот, что выступал по телевизору, говорил иначе. Марсианин встал, явно взволнованный:

— Я официально заявляю вам, товарищ Будушкин, что ни один марсианин не выступал на Земле с публичными заявлениями — это категорически запрещено инструкцией. Очевидно, здесь недоразумение.

— В чем же, однако, ваша проблема?

— Да все в том же: можно ли торговать и вообще сотрудничать с Землей, или это опасно и следует поискать то, что нам нужно, в другом месте?

— Можно торговать!— чуть ли не закричал Будушкин.— Можно сотрудничать, можно обмениваться идеями, можно дружить. Можно и нужно!

Какой-то посетитель строго посмотрел в их сторону, неодобрительно покачал головой и проворчал вполголоса, но достаточно громко, чтобы все могли услышать:

— Безобразия, даже в диеткафе ухитряются проносить водку, налижутесь с утра и хулиганят.

Ворчун вдруг схватился за голову, секунду вращал бессмысленными глазами, потом вскочил и опрометью кинулся

к выходу: ему чудилось, что вот-вот его накроет набегающая сзади морская волна.

— Знаете, Гена,— сказал марсианин,— и я склоняюсь к этому. Не скрою, однако, меня смущает, что кое-кто из ваших проявляет к марсианам... как лучше выразиться... нетерпимость, что ли. Да, именно нетерпимость. Это тем более непонятно, что вам о нас ничего не известно. Вы не установили пока даже факта нашего существования.

— Это верно. И я вам скажу, почему. Марс всегда был излюбленным объектом научной фантастики, и, за редкими исключениями, его обитателей изображали кровожадными монстрами, безжалостными конкистадорами и насильниками, да еще ползающими, да еще со щупальцами...

— Не забываюте,— улыбнулся Зуй,— что я принял земное обличье.

Разгоряченный Будушкин пропустил эту реплику мимо ушей.

— Да, да,— продолжал он,— именно со щупальцами. Словом, Марс стал в обыденном сознании олицетворением всего враждебного человеку, увеличенным отражением его страха, пороков чуждого ему общественного устройства. И выбор этот не случаен: цвет вашей планеты на земном небосклоне, Зуй,— это цвет крови.

Будушкин явно увлекся собственным красноречием. Оказывается, воодушевившись, он способен ораторствовать не хуже самого Звонского.

— Но ничего, все это поправимо. Мифы рушатся, сталкиваясь с фактами. Мы будем пропагандировать земно-марсианскую дружбу, мы разъясним, и все поймут...— Будушкин внезапно осекся, перед его глазами возникла раскрасневшаяся физиономия Сарафаненко, возбужденного предстоящей охотой на марсианина в привокзальном ресторане.— Разъясним, и все поймут,— вяло повторил он.

Зуй деликатно сделал вид, что не прочитал его мыслей.

— Будем надеяться на лучшее,— сказал он оптимистическим тоном.— Кстати, Геннадий, за нашей увлекательной беседой я забыл, с чем к вам обратился. У меня похитили чемоданчик с прибором, чрезвычайно ценным для исследований и небезопасным для людей, окажись он не в тех руках. В милиции чемоданчик, случайно, не попадался вам на глаза?

— Определенно нет. Там, правда, был один подозрительный тип, которого мы по дурости приняли за марсианина. Он сошел вчера с поезда.

— Ага. Каков он из себя?

— Смазливый брюнет с усиками. Я даже фамилию запомнил — Гудаутов.

— Вы оказали мне большую услугу. Однако мне надо поторапливаться. Дайте мне свой телефон, непременно свяжусь. Обещайте только сохранить нашу встречу в тайне.

У Будушкина вытянулось лицо.

— Я полагал...— начал было он, но оборвал себя.— Конечно,— сказал он сухо,— если вы требуете, я буду молчать.

— Не требую — прошу. Еще не настала пора для открытого контакта. Да я и не имею права вступать в него по своему почину. Это вопрос государственной важности, решать его должны в центре.

Они пожали друг другу руки и расстались.

О СОДЕРЖАНИИ МАРСИАНСТВА

Звонский спал плохо — снились кошмары. Является он в редакцию, а там за столом шефа восседает марсианин с чулком на физиономии, бластером поигрывает. «Нам,— говорит,— надо, чтобы ты сочинил оду о Марсе, да чтоб не хуже, чем у Державина».—«Увольте, я од в жизни не писал».—«Ай-яй-яй, нехорошо обманывать, ничем другим ты и не занимался».—«Как же я напишу, если о Марсе представления не имею?»—«Это не обязательно, ты — поэт, вообрази, как там все прекрасно».—«Не стану я, делайте со мной что хотите!»—«Мы тебя не тронем, не бойся, мы — гуманисты,— хрипит марсианин ласково и манит его пальцем.— Видишь домик там, напротив?..— прицелился бластером, мелькнула ослепительная вспышка, и от домика осталась груда пепла.— Видишь водокачку?..— от нее тоже остался пепел.— А там, кажется, новая аптека...»—«Напишу,— заорал Звонский,— напишу оду не хуже державинской!»— и разбудил себя собственным криком. Однако успел еще увидеть, как марсианин, удовлетворенно хмыкнув, стянул с себя чулок,— лицо было чертовски знакомо, но припомнить, кому оно принадлежит, Звонский не смог.

Полежав с минуту, отдышавшись, он поднялся, прошел в ванную, долго держал голову под струей холодной воды. Потом направился в кухню. На газовой плитке закипал чайник. Стол был накрыт к завтраку. Жена сидела за швейной машинкой.

— Доброе утро, Веста,— сказал он. Вестой ее назвал отец, большой любитель латинской древности.

— Здравствуй,— ответила она сухо.— Хочешь есть?

— Вчера я пришел поздно, не хотел тебя тревожить.

— На окне кастрюля с гречневой кашей. Молоко на столе.

- Я тебе должен кое-что рассказать.
— Надеюсь.
— Ты смотрела вчера телевизор?
— Это так важно? Допустим, смотрела.
— Как тебе марсианин?
— Разве там был марсианин?
— Как же, в конце программы «Время».
— Ах, этот кретин с усиками.
— Почему кретин?
— Ну не кретин. Что, он тебе понравился?
— Не об этом речь.
— О чем же?
— Дело в том, что в нашем городе происходят странные вещи... Я подвергся ночью ограблению.
— Не надо шляться по ночам. И потом, почему ты не скажешь: «Меня ограбили»? У тебя варварский язык. А еще поэт!
— Послушай, сейчас ведь ты не на уроке российской словесности. Не воображай, что владеешь словом лучше меня.
— Тебе, Иван, недостает элементарной культуры, чтобы стать приличным поэтом.
— По-твоему, я графоман?
— Я этого не сказала.
— Нет, ты скажи, я графоман?
— Ты профессиональный поэт районного значения. Так все о тебе здесь говорят, сам ведь знаешь.
— Злая ты баба!
— Какая есть. Не огорчайся, бывают ведь не только поэты, но и пенсионеры — республиканские, союзные.
Звонский рассердился и обиделся, как всегда, когда жена ставила под сомнение его дарование. Хотя и понимал, что выпад этот — от настроения. В действительности она ставит его не ниже Евтушенки и считает верхом несправедливости, что его не зовут в столицу и что он вынужден пописывать стихотворные фельетоны в районной газете да изредка публиковать тоненькие лирические сборники в областном издательстве.
— Тебя даже не трогает, что меня ограбили?
— Что грабить при твоих-то заработках!
Эта реплика окончательно вывела Звонского из себя. Но он не успел решить, что предпочтительней: выложить ей все, чего она заслуживает, либо удалиться, хлопнуть дверь и заставить ее терзаться сознанием своей неправоты. Дверь распахнулась, влетел их двенадцатилетний сын Вова. Ссора была погашена или отложена до подходящего случая.

— В чем дело, Вовик, почему ты ушел с уроков?— забеспокоилась мать.

— Нет уроков!— завопил Вова.— Будет война с марсианами. Я иду добровольцем.

Родители переглянулись, ошеломленные. Веста отбросила шитье, вскочила, положила руку мужу на плечо, инстинктивно ища опоры.

— Я тебе покажу добровольца!— поднял голос Звонский.

— Не покажешь. Не имеешь права, когда страна в опасности.

— Кто тебе сказал о войне?

— Все говорят. Алешка Сарафаненко, Верка Дубилова... Где мой лук со стрелами?

«Дубилов!— вспомнил вдруг Звонский свой кошмарный сон.— Его лицо».

— Ты что же, Вовка, на марсиан с луком собрался? Они тебя бластерами аннигилируют в два счета.

— Как ты можешь!— возмутилась Веста.— Это же твой сын!

— Я и забочусь, чтобы он был вооружен как полагается.

— Шутить в такой момент!

— Это не шутки.

— Па, а с чем надо на марсиан?— спросил Вовка.

— С умом надо, милый, с умом. Война с марсианством — это война с предрассудками. Его можно победить только силой разума.

— Воображаешь, он тебя понимает?— вмешалась Веста.

— Понимаю,— заявил Вовка.— Их надо обмануть, послать к ним Штирлица и узнать все их военные тайны. Да, ма, совсем забыл: велели тебе сказать, чтоб в десять была в школе.

— Родительское собрание? Господи, что бы это значило? Иван, будь наконец серьезным, о какой войне идет речь?

— Я, кажется, догадываюсь. Но подождем до твоего возвращения. Поторопись. А мы с Вовкой пока поразмыслим, какую избрать стратегию.

Веста наспех оделась и помчалась в школу. Звонский стал толковать сыну, что появление марсиан проблематично, а марсианство есть абстрактное понятие, которое означает, с одной стороны, то, а с другой — это, а возможно, что и не то, и не это, а нечто совсем иное. Популяризатор он был никудышный, объяснял сбивчиво, сам путался в предмете, и сыну вскоре надоело его слушать. Сказав, что с него хватит, Вовка отправился к себе в комнату, где занялся выбором оружия для предстоящей схватки с марсианским воинством.

Звонский же сел было за письменный стол, но стихи не шли, никак не мог он отвлечься мыслями от Красной планеты и связанных с нею странных событий. «Действительно ли свершилось нашествие марсиан... не нашествие, а пришествие,— поправил он сам себя,— или заборьевские обитатели стали жертвами удивительного стечения обстоятельств, не исключено даже — ловкой мистификации? Если правда, то что сулит нам будущее? Какие вы, марсиане,— дьяволы или ангелы, собратья по разуму или вражье племя, которое объявит беспощадную борьбу за сферы влияния во Вселенной, за жирные куски космоса, пустынные планеты с кладовыми нефти, металлических руд, чистой пресной воды? Способны мы мирно сосуществовать или неизбежна война миров, гибельная для побежденного, а может быть, и для победителя? Не в нас ли,— думал Звонский,— ответы на все эти вопросы? Не от нас ли самих зависит, быть марсианам друзьями или недругами? Нет, конечно, не только от нас, по крайней мере — на пятьдесят процентов. Придут они как захватчики, и мы будем защищать свой дом, свою планету, свою цивилизацию. Так не правы ли дубиловы, бьющие в набат, чтобы нас не застигли врасплох?»

Размышления его прервала Веста, взволнованная и растревоженная, находящаяся на грани истерики. Звонский заставил ее принять пятьдесят капель валокордина, напоил горячим чаем, дал прийти в себя, а потом уж приступил к расспросам. Вперемежку смеясь и негодуя, она рассказывала, с чем выступил Дубилов. Иван хлопал себя по лбу, воздымал руки, грозился немедленно пойти жаловаться, не то сочинить язвительный фельетон, после которого директора школы выставят на улицу с запретом когда-либо переступать порог учебных заведений.

— Погоди, не суетись,— одернула его жена, уже взявшая себя в руки.— Сначала дослушай до конца. Едва Дубилов кончил, на трибуну вышла географичка. Потом пошли выступать другие учителя, родители, говорили об итогах четверти, об успеваемости, собранности учеников, самостоятельности — словом, о чем попало. О марсианстве никто и не заикнулся. Дубилов в заключительном слове сказал, что, мол, собрание прошло организованно, помогло выявить недостатки, надо чаще встречаться с родительским активом, и так далее.

— Сориентировался.

— Подожди, Иван. Когда мы уже считали, что дело с концом, Дубилов говорит: «Да, товарищи, тут были разные высказывания, но, в общем, все согласны, что с благодушием и беспринципностью нужно решительно бороться. Это — главное. И еще одно. Вчера мы были свидетелями наглого выступления

марсиан по телевизору. Поступают сведения, что их агенты объявились и в Заборьевске. Они изловчились принимать человеческий облик и, весьма вероятно, сумеют втереться в нашу среду, если уже не втерлись. В этих условиях наш долг — принять меры предосторожности. Прошу поэтому всех родителей представить справки из домоуправления, что они не марсиане. Мы своих родителей хорошо знаем, уверены, что среди них нет марсиан, но давайте выполним эту формальность, чтобы и вам и нам было спокойней». Тут в зале опять поднялся шум. Кто-то выкрикнул: «У вас что, инструкция есть?» Дубилов сказал: «Отвечаю: инструкции пока нет. Думаю, однако, что за инициативу нас с вами не поругают». На том и разошлись.

— Ты всерьез, Веста?— спросил Звонский.

— А ты воображаешь, что с этим можно шутить?

— Несусветная чушь! Кто удостоверит, что я не марсианин?

— Тебе же сказали: домоуправление.

— И ты пойдешь за справкой?

— Не я одна, мы пойдем вместе.

— Ты с ума сошла! Через неделю Дубилова снимут, а над нами будет потешаться вся область.

— Когда снимут, тогда и снимут. А пока без справки ребенок останется неучем.

— А что?— загорелся вдруг Звонский.— Почему бы, в самом деле, не взять справочку: «Дана гражданину Звонскому по требованию директора школы Дубилова в подтверждение того, что оный гражданин не является марсианином». Блеск! Потом мы ее пустим в оборот.

И он кинулся одеваться.

Наказав Вовке не устраивать в квартире кавардак, Звонские отправились в домоуправление. По дороге они стали свидетелями многочисленных вооруженных стычек: весьма кстати распущенное Дубиловым детское население микрорайона активно включилось в борьбу с марсианами. Как ни странно, нашлось много охотников изобразить воинов с Красной планеты: уж очень заманчиво было натянуть на голову чулок и держать в руках не какой-то там поднадоевший автомат, а таинственный аннигилирующий бластер. Время от времени раздавались боевые кличи: «Вперед, земляне!», «Эй, марсиане, сдавайтесь!», по некоторым из них можно было судить, что для участия в войне миров прибыли также контингенты с Венеры (в основном девочки), Юпитера и других планет.

Управдом, отставной артиллерийский полковник, жил в небольшом коттедже, окруженном зелеными насаждениями. Здесь же во флигелечке разместились его контора. Посетителей принял он радушно, так как питал слабость к работникам

печати, поделился своими заботами, посвятил в планы по благоустройству. Потом, подмигнув, спросил:

— Вы небось за справочкой?

— Что, не первые?

— Пятые.

— Ну и прекрасно, значит, у вас уже и форма есть.

— Форма-то формой, только все это не просто. Знаете, как я уважаю вас и супругу вашу, однако документ требует строгости. Чем докажете, что не марсиане?

— А вы?

— Так ведь с меня справки не требуют, — резонно возразил управляющий.

— Положеньице. — Звонский смущенно посмотрел на жену, призывая ее на помощь.

— Послушайте, Петр Никанорович, — взялась за дело Веста, — вы нашу семью знаете уже второй десяток лет. Было за эти годы хоть какое-то основание заподозрить нас в чем-то неблаговидном? Квартплату вносим исправно, собрания жильцов посещаем, с соседями живем мирно. Я с собой прихватила на всякий случай метрики, удостоверяющие, что и родились мы в Заборьевске в семьях служащих. При нужде можно проследить нашу родословную до пращуров.

— В происхождении вашем, Веста Сергеевна, нисколько не сомневаюсь, — сказал домоуправ. — Но где доказательство, что эти распроклятые марсиане не вселились, к примеру, в вашего муженька? Дайте мне справку на этот счет из какого-нибудь марсианского ведомства, и я ни минутки не задержу.

— Вы что, смеетесь над нами? — возмутился Звонский.

— А вам-то как не стыдно, дорогой товарищ, меня за дурака принимать! Неужто я не соображаю, что справка вам нужна для фельетона. Вы, однако, не подумали, что издеваться будут не только над Дубиловым, но и над тем, кто такую справку выдал.

— Верно, — сказал Звонский, — не подумали. Вы уж нас извините...

МАРСИАНСКИЕ ЧУДЕСА

Когда привели Гудаутова, Гвоздика минуты три его разглядывал. Гудаутов с достоинством молчал. Он преоотлично знал этот коварный прием, рассчитанный на то, чтобы заставить подследственного нервничать, выйти из себя и наделать глупостей.

Гвоздика мысленно отметил, что перед ним стреляный воробей. «Скорее всего, железнодорожный воришка; смазлив, возможно, промышляет и многоженством. Нельзя, впрочем, с порога отбрасывать и версию о марсианстве».

— Итак, вы с Марса?— спросил он вежливо.

— Оттуда,— кивнул Гудаутов.— Очень тоскую по родине. Если будете меня незаконно задерживать, придется оплатить обратный проезд.

— Задерживать вас мы не станем,— сказал Гвоздика.— Но прежде чем расстаться, хотелось выяснить некоторые детали. Не возражаете?

— Зачем возражать? С культурным человеком и поговорить приятно.— Гудаутов бросил презрительный взгляд на скромно сидящего в сторонке Стенькина.

— Вот и хорошо. Давно вы с Марса?

— Порядочно.

— С какой целью прибыли на Землю?

— Туризм. Люблю путешествовать.

— Где побывали?

— В Москве, Ленинграде, на Кавказе...— Гудаутов смекнул, что, попытайся он соврать, милиции будет нетрудно его уличить.

— Удалось посетить наши знаменитые черноморские курорты — Гудауты, Махинджаури, Зеленый мыс? Экзотические места, субтропики...

— Отчасти.

— Понравился Киев?— не отставал Гвоздика.

— Киева я не упоминал,— сухо заметил Гудаутов.

— Ах, значит, я ослышался. А на какие средства вы путешествуете?

— На марсианские.

— При обыске гражданина Гудаутова,— дал справку Стенькин,— обнаружено одна тысяча восемьсот девяносто пять рублей.

— Не припомните, где обменяли свою национальную валюту на рубли?— спросил Гвоздика.

Гудаутов на какую-то долю секунды замешкался, но в конце концов нашелся:

— На Марсе.

— Прекрасно,— сказал старший лейтенант,— мы поощряем иностранный туризм, а теперь даже инопланетный.

— Это видно,— отозвался не без сарказма Гудаутов,— предоставляете бесплатный ночлег с обыском.

— Недоразумение, явное недоразумение. Можете быть уверены, что виновные понесут наказание.— Гвоздика строго посмотрел на Стенькина, который, хотя и понимал эту игру, все-

таки слегка обиделся.— Кстати, каким путем вы попали в Заборьевск?

— По железной дороге,— нехотя ответил Гудаутов. Девать-ся было некуда.

— Номер поезда не помните? Хотя это легко установить. Вас впервые увидели в привокзальном ресторане около десяти вечера, в 21.45 в Заборьевске останавливается скорый 71-й из Москвы. Билета, случайно, не сохранили?

Гудаутов развел руками.

— Не так уж важно. А знаете, с вашим появлением в нашем городе совпали странные события. Вчерашней ночью были совершены два ограбления, и в обоих случаях грабитель выдавал себя за марсианина.

— У меня алиби,— сказал Гудаутов, кивая на Стенькина. И ругнул себя за глупость: «Стоило объявляться марсианином, когда тут творятся такие дела. Вот уж действительно не повезло!»

— Я вас и не подозревал. Но с вами, возможно, были попутчики?

— Я индивидуальный турист.

— Тогда, может быть, знаете других путешественников по Земле марсиан?

— Не знаю и знать не хочу,— отрезал Гудаутов. И добавил:— Марсианин за марсианина не отвечает. А вот вам придется, уважаемые, ответить за насилие над жителем великой планеты. Имейте в виду,— погрозил он пальцем,— мое правительство так этого не оставит. Может выйти крупный космический скандал, даже война!— Тираду эту он произнес без подъема, ни капельки не веря, что отсюда можно вырваться таким, в общем примитивным, способом. И вдруг...

— Не стану больше вас донимать своим любопытством,— сказал Гвоздика и обратился официальным тоном к Стенькину:— Товарищ младший лейтенант, распорядитесь, чтобы гражданину Гудаутову вернуть деньги и документы.

Стенькин даже рот разинул. Гудаутов был удивлен не меньше. «Или я его действительно напугал, или этот хитрюга решил установить слежку и раздобыть на меня улики. Там будет видно, кто кого». К нему начало возвращаться хорошее настроение.

— Мы приносим извинения за доставленные вам неудобства и желаем приятного пребывания в Заборьевске. Могу забронировать место в гостинице.

— Не беспокойтесь, как-нибудь устроюсь сам.— Гудаутов не удержался порезвиться:— Приезжай к нам на Марс, старший лейтенант, не пожалеешь! С такими марсианочками познакомлю — пальчики оближешь. Захочешь — покажем совсем

новый аппарат. Подключаешь его к подследственному, и тот сразу начинает давать показания. Между прочим, я изобрел. С преступностью за неделю покончили, последние жулики сбежали на Землю.

— Нам работы прибавилось,— улыбнулся Гвоздика.— Может быть, когда-нибудь возьму отпуск и махну к вам недельки на две.

— Да, теперь мы установили простое сообщение. Ракетный поезд: вечером садишься, утром на Марсе. Тоже я, между прочим, изобрел.

— Поздравляю.— Протягивая Гудаутову руку, Гвоздика сказал изысканно:— Надеюсь, вы так проинформируете свое правительство, чтобы этот инцидент не повредил развитию дружеских отношений между нашими планетами?

— Будь спокоен, старший лейтенант. Я всегда был сторонник мира и дружбы между народами.— С этими словами Гудаутов удалился.

Стенькин даже побелел от злости.

— Вы что ж,— спросил он,— всерьез испугались? Не знаю, как там с марсианами, возможно, они и в самом деле вторглись, но этого-то насквозь видно — типичный жулик.

— Торопиться, Стенькин,— назидательно заметил Гвоздика.— Вот ты его задержал на ночь как марсианина.— А имел право? В каком законе или, как ты говоришь, инструкции сказано, что марсиан надо сажать под арест? А если к нам завтра действительно из космоса гости пожалуют?

Стенькин смутился.

— Так-то, брат. Врет он насчет марсианства или нет — все равно мы обязаны его освободить. Вот когда у нас на руках будут вещественные доказательства того, что гражданин Гудаутов промышляет, скажем, многоженством, тогда мы его и прижучим.

— Откуда же взяться вещественным доказательствам, если вы его на все четыре стороны?

— Не торопись, Стенькин. Ближайший поезд будет только завтра, а за это время мало ли что может случиться.

— Прошу прощения,— сказал Стенькин.

— За сомнения не извиняйся, поскольку сомневаться человеку необходимо. Кажется, так учил святой Августин.

— Широкий у вас кругозор,— с почтением сказал Стенькин.

Гвоздика был польщен.

— Читай больше, и у тебя будет. Я, знаешь, с детства...

Так Стенькин и не узнал, чем занимался старший лейтенант с детства, поскольку тот, вытаращив глаза, застыл при виде некоего чуда. Стенькин, сидевший к нему лицом и спиной к

двери, резко обернулся и тоже застыл: на пороге стоял Глобус. Выражение лица у него было постное.

— Да,— сказал рецидивист,— да, граждане следователи, вы будете смеяться, но гора пришла к Магомету. Почему она пришла, вот вопрос.

— Почему?— одновременно вырвалось у Гвоздики и Стенькина.

— Потому что гнусный марсианский захватчик грозился при следующей встрече со мной разнести всю Вселенную. Чем-то я ему не понравился. Вы не знаете, чем?

Гвоздика пожал плечами.

— И Глобус подумал, что нужно садиться. Я, конечно, бизнесмен, по-вашему махинатор, но не убийца. А что, если этот псих из злости ко мне действительно взорвет атомную бомбочку? К чему мне слава Гиппократы, сами подумайте, товарищ Гвоздика.

— Не Гиппократы, а Геростраты,— сказал назидательно старший лейтенант.— Гиппократ был основателем медицины и вполне достойный представитель древнегреческой интеллигенции.

— Пусть будет Герострат.

— Кроме того,— добавил Гвоздика,— вы упускаете из вида, что мы уже давно не товарищи.

— И это вы говорите мне,— обиделся Глобус,— человеку, который, можно сказать, ценой собственной отсидки спас человечество от гибели! Я не требую бюста на родине, но учеть мой подвиг при определении срока...

— Оставим это суду,— перебил Гвоздика.— Только вы бы от меня, Глобус, все равно не ушли. Так что терять вам было нечего. Что, марсианин и в самом деле нагнал на вас страху?

— Вы большой психолог, гражданин начальник, но не сумели понять моей благородной натуры. Кстати, если удастся наладить с этими бандитами коммерческие связи, Глобус может быть очень и очень полезен.

— Суд, не сомневаюсь, примет во внимание и это,— усмехнулся Гвоздика.— А пока прошу проследовать.— Он указал на вызванного Стенькиным милиционера.

— Финита ля комедия!— изрек на прощание Глобус.

— Видишь, дружок,— сказал Гвоздика Стенькину,— оказывается, и в нашествия марсиан есть свои плюсы.

— Нам бы гудаутовский аппарат!— невпопад ответил младший лейтенант.

Гудаутов в этот самый момент приближался к вокзалу. Он давно обнаружил за собой «хвост» и старался держаться самым непринужденным образом, как подобает странствующему

марсианину: шел неторопливой развинченной походкой, глазел на витрины, даже заглянул с познавательной целью в церковь постройки XVIII века. К сожалению, другого выхода там не оказалось.

Ничего лучшего, чем вскочить на один из останавливающихся в Заборьевске экспрессов, он не придумал. Конечно, «хвост» последует за ним и туда, но в поезде у Гудаутова появятся хоть какие-то шансы. Там была его стихия, там он чувствовал себя, как моряк, вернувшийся после кратковременной стоянки в порту на родную палубу. Перебирая известные ему бесчисленные способы смыться, Гудаутов еще более взбодрился. Войдя в здание вокзала, он стал с интересом рассматривать лепные украшения на стенах, потом — роспись на потолке, изображавшую стремительный ракетаобразный поезд будущего. Фантазия местного живописца ему понравилась: именно в таком космическом экспрессе он рад был бы совершить путешествие на Марс.

За этими невинными и полезными занятиями Гудаутов намеревался провести время, оставшееся до прихода скорого из Москвы. И вдруг, на беду свою, вспомнил о чемоданчике. По всем правилам воровской тактики, находясь в его положении, надо было плюнуть на добычу и унести ноги, не обременяя себя подозрительным грузом. Но авантюрная натура Гудаутова не сумела преодолеть искушение. «Была не была», — решил он, скорым шагом направился в ресторан, не оглядываясь, миновал зал и вошел в кабинет директора. На удачу здесь корпел над меню тот самый статный администратор, который сыграл роковую роль в его судьбе.

— Жалобная книга в холле, — сказал метр, не отрываясь от меню.

— А чемоданчик? — спросил Гудаутов.

— Какой чемоданчик? — встрепенулся администратор, поднял глаза и, мгновенно узнав посетителя, сник.

— Будем признаваться или мне позвать милиционера? — Гудаутов шагнул к двери.

— Пойдите, товарищ марсианин, зачем так сразу милицию? — Администратор выскочил из-за стола, усадил чуть упиравшегося посетителя в кресло, уселся сам. — Действительно, после вашего увода под столиком был найден чемодан из желтой кожи. Мы его припрятали, чтобы вернуть владельцу, когда он объявится.

— Присвойте хотели. Двадцать восьмая статья уголовного кодекса, — четко квалифицировал Гудаутов.

— Упаси бог! У меня и в мыслях такого не было!

— Честные люди, — сказал Гудаутов с чувством, — в таких случаях разыскивают хозяина, а не ждут, пока он придет за

своим добром... Давай чемодан!— перешел он к делу, оставляя морализирование.

— А чем вы подтвердите, что он ваш? Скажите, что в нем есть?

— Значит, ты имел нахальство еще и вскрыть мой чемодан?

— Не совсем...— замялся администратор.— Я для порядка.

— Для порядка, там ценностей на сто тысяч марсианских франков.

Ответ был двусмыслен, и статный администратор растерялся. В чемодане не было ничего похожего на ценности. В то же время кто знает, может, эта штука в самом деле стоит такую баснословную сумму? В уме администратора марсианские франки почему-то шли по курсу фунта стерлингов.

— Может быть, нам и впрямь лучше оформить возвращение вашей собственности в присутствии представителя власти?— осторожно сказал он.

— Пожалуйста,— безразлично бросил Гудаутов.— Отсидишь одновременно за попытку присвоить чужую вещь и за оскорбление марсианина, что могло привести к войне... Я еще не уверен,— добавил он,— как отнесется наше правительство к нападению на одного из видных марсианских граждан, изобретателя ракетного поезда и аппарата против преступных элементов.

Этот-то аппарат и доконал администратора своей неумолимой достоверностью. Сообразив, что дальнейшее препирательство может навлечь на него одни лишь неприятности, метр дрожащими руками отворил сейф, извлек из него чемоданчик и вручил Гудаутову.

— Приезжайте на Марс,— сказал тот, удаляясь,— у нас тоже делают котлеты по-киевски.

Статный администратор перекрестился.

— Грусть напрасна...— замурлыкал Гудаутов, выходя из кабинета и зорко оглядываясь. «Хвоста» на горизонте не было, видимо, занял позицию за одним из столиков. Гудаутов спокойно прошествовал через зал, вышел на перрон и лениво прислонился к книжному киоску. Он ощутил даже потребность почитать газету и полез было в карман за мелочью, как вдруг почувствовал, что кто-то вырывает у него чемоданчик. В тот же момент послышалось пыхтение паровоза, загромыхали колеса, к станции лихо подкатывал экспресс.

Оглянувшись, Гудаутов увидел худого верзилу, украшенного баками. Поскольку в его распоряжении были секунды, он не стал тратить время на объяснения, а ребром свободной ладони нанес короткий сильный удар по руке незнакомца. Тот, вскрикнув от боли, выпустил чемодан, но тут же схватился за него

другой рукой, одновременно изловчившись больно ударить Гудаутова ботинком по заднему месту. Соперники застыли, вцепившись в предмет раздора и обдумывая следующий ход. Между тем возле них начали собираться зеваки, Гудаутов приметил чуть в сторонке и оперативника, ограничившегося пока ролью наблюдателя.

Раздался звучный сигнал к отправлению скорого.

Оценив обстановку, Гудаутов решил, что в сложившихся обстоятельствах было бы безумием следовать ранее разработанному плану. Одним из его достоинств, позволявшим ему выходить сухим из воды чаще других представителей воровской профессии, была способность импровизировать. Внезапно он расслабился и, хотя по-прежнему цепко держал чемоданчик, представился зрителям уже не доблестным воином, а мирным прохожим. То же самое сделал и Зуй, полагая, что борьба за собственность переходит в стадию переговоров. Окончательно снимая напряжение, Гудаутов хлопнул марсианина по плечу и воскликнул:

— Это ты, друг?

— Это я,— машинально ответил Зуй.

Зеваки стали расходиться, уразумев, что оказались свидетелями всего-навсего шутливой перебранки между старыми друзьями. Оперативник забеспокоился: с появлением приятеля задача его осложнилась.

— Пойдем, старина, выберем местечко, где нам не помешают,— сказал Гудаутов, беря Зуя под руку.

— Пойдем, старина,— повторил марсианин понравившееся ему обращение.

Через несколько минут они сидели за пивом в привокзальном садике, а чемодан лежал на стуле, находясь под бдительным наблюдением обоих. Оперативник куда-то исчез. «Должно быть, попросил кого-то из здешних последить за объектом, а сам побежал звонить начальству»,— подумал Гудаутов.

— Ты кто,— спросил он,— дорожник?

— Я марсианин,— ответил Зуй.

— Ты тоже?— удивился Гудаутов.

— А кто еще?

— Много в последнее время развелось нас, марсиан,— отвлеченно заметил Гудаутов.— Конкуренция. А как ты доказываешь свое марсианство?— заинтересовался он, всегда готовый взять на вооружение дельный прием.

— А зачем доказывать?

— Правильно,— оживился Гудаутов, довольный, что нашел единомышленника.— Пусть они доказывают.

— При необходимости могу и доказать. Например, я читаю мысли.

— Э, подумаешь,— пренебрежительно отмахнулся Гудаутов.— Это и я могу. Вот сейчас ты думаешь, как забрать чемоданчик.

— Верно!— изумился марсианин.— Впервые встречаю землянина с такими способностями. Но это мой чемодан. Кто-то по ошибке подхватил его, сходя с поезда.

— А ты знаешь, что в нем?

— Еще бы. А вы не знаете?

— Нет, сначала ты скажи.

— Нет, сперва вы.

— Слушай, друг, почему я к тебе на «ты», а ты ко мне на «вы»? Нехорошо.

— Пожалуйста, будем на «ты».

Они чокнулись кружками.

— Хорошо,— рискнул Гудаутов,— я скажу: в чемодане аппарат.

— Опять верно! А какой?

— Это уж ты скажи.

— Психоаналитический искатель шестого поколения системы академика Буя с магнетической приставкой.

— Правильно!— изумился на сей раз Гудаутов. Прикинув, что из аппарата ничего, кроме забот, не выжмешь, он великодушно добавил:— Бери чемодан. Намучился я с ним, пока искал хозяина.

— Мне очень жаль,— сказал растроганный Зуй,— но скудные средства не позволяют хоть отчасти вознаградить тебя за хлопоты.

— Забудь об этом. Ты мне пришелся по душе. Выпьем по сто пятьдесят с прицепом. Я плачу.— И подозвал официанта звонким щелчком.

Марсианин достал серебристый шарик и забормотал: «Сто пятьдесят...»

— Это моя записная книжка,— пояснил он, поймав вопросительный взгляд Гудаутова.

Тот начал проникаться к собеседнику уважением: «Может быть, и в самом деле с Марса, чем черт не шутит». Он предложил выпить на брудершафт.

Заказав еще по сто, Гудаутов вспомнил про «хвост», искал его глазами и нашел выглядывающим из-за мощного дуба, метрах в тридцати от площадки со столиками. Схватив марсианина за рукав, он проникновенно сказал:

— Зуйчик, хочешь отплатить мне за услугу? Покажи, как твой аппарат работает. Хотя бы вон на том хмыре.

Захмелевшему марсианину затея показалась заманчивой. Приятно было и доставить развлечение щедрому приятелю, и показать свое могущество. Он распахнул чемодан, в который

был плотно вмонтирован изящный прибор из белого металла с черной пластиковой панелью. Многочисленные клавиши и разноцветные индикаторы настройки делали его похожим на стереомагнитофон. Зуй поколдовал над прибором, нажал на какие-то рычажки, поиграл на клавишах и направил вытяжную трубку в сторону дуба.

Случилось чудо. Ошеломленный Дубилов, размышлявший под сенью деревьев о ходе антимарсианской кампании, внезапно почувствовал себя птицей. Взмахнув руками, он отделился от земли и воспарил над садом. Потом его потянуло дальше ввысь и, подхваченный ветром, он понесся куда-то с фантастической скоростью и исчез за горизонтом. Все это произошло в доли секунды и осталось незамеченным для посетителей кафе и гулявших по садику заборьевцев. Только один малыш закричал: «Смотри, мама, дяденька полетел!»— за что получил незаслуженный шлепок.

Восхищенный Гудаутов заключил марсианина в объятия. Его осенила гениальная идея.

— Старина,— проговорил он,— ласково поглаживая драгоценный аппарат,— мы будем последние идиоты, если не создадим фирму. Нет, назовем это НИИ-2. Ты заведешь научной частью, я руковожу хозяйством. Показываем чудеса, собираем денежки. Я завязываю с железной дорогой!

— Зачем нам денежки?— заплетающимся языком спросил Зуй.— Я должен изучать психологию землян.

— Деньги помогут тебе лучше изучить всякую психологию,— пояснил Гудаутов.— Начнешь с меня.

— Спасибо, Жора, ты настоящий друг! Давай еще по сто пятьдесят с прицепом?..

Посередь субботнего дня заборьевцы могли наблюдать шагающую по улицам престранную пару. Время от времени друзья останавливались, чтобы поплясать вокруг желтого чемоданчика, и шли дальше куда глаза глядят, обнявшись и горланя охрипшими голосами: «Грусть напрасна, потому что жизнь прекрасна, если ты живешь и любишь, как в последний раз!»

— Ну что я тебе сказал, Стенькин?— заметил удовлетворенный Гвоздика, когда новоявленные дружки проковыляли под милицейскими окнами.

— Этого типа я у нас не встречал,— согласно кивнул младший лейтенант.

— То ли еще будет!— пообещал начальник.

Зуй открыл глаза и долго не мог понять, где находится. Он лежал на низеньком диванчике в маленькой уютной комнатке. В зашторенное окно прорывались солнечные зайчики. На отчаянно болевшей голове лежало влажное полотенце.

Марсианин попробовал привстать, охнул. Начал припоминать вчерашние похождения и чем дальше, тем больше мрачнел. Вели они себя паскудно. Как только их не забрали в милицию? Но самое худшее — он проводил категорически запрещенные эксперименты на людях и, кажется, отправил кого-то в полет. За такие штучки могут в два счета отозвать на Марс, и не оправдаешься ведь тем, что был во хмелю. По марсианским законам за это еще и добавят.

В разгар покаянных размышлений в комнату вошел Будушкин.

— Проснулись наконец,— сказал он,— должно быть, голова побаливает? Примите-ка аспиричку.

Зуй покорно проглотил таблетку.

— Спасибо, Геннадий, вы даже не можете себе представить, как я рад вас видеть. Где я?

— У меня. Не тревожьтесь, теперь все будет в порядке. Вчера, правда, заставили вы меня изрядно поволноваться.

— Стыд какой!

— Бросьте, с кем не бывает,— успокоил его Будушкин.— Вы, видимо, по малой опытности, хватили лишнего.

— Да, я хватил, еще как хватил! Трижды по сто пятьдесят с прицепом.

— Этот прохвост вас сознательно спаивал.

— Вы имеете в виду моего друга Жору?

— Кого еще? Поражаюсь, Зуй, как это вы, с вашим умом и умением читать мысли, столь опрометчиво выбираете себе друзей.

— Я ему весьма обязан. Гудаутов помог найти мой чемодан.

— После того как он же уворовал его, сходя с поезда.

— Это невозможно! Такой щедрый и интеллигентный человек...

— Почему бы ему не быть щедрым, имея в кармане краденых денег почти две тысячи.

— Вы меня убиваете!

— В другой раз будете осмотрительней.

— Где же он сейчас, бедняга?— осведомился марсианин.— Могу я навестить его?

— Чем он, черт побери, так вас приворожил?— спросил Будушкин с ревностью.

— Великодушием.

Геннадий развел руками.

— Вам сейчас надо думать о собственной безопасности, а не о том, как выручить приятеля. Тем более, ему вы все равно помочь не в силах. Получит свой срок — не первый, полагаю,— и отправится, куда надо.

— А куда надо?

— Ну...— неопределенно помахал рукой Будушкин.— На Марсе, вероятно, тоже существуют исправительные учреждения?

— О нет, мы высылаем преступников на Венеру.

— Неплохо устроились. А знаете, что сами вы спаслись только чудом? Можно сказать, рука providения толкнула меня пройти по Шекспировской, где я и обнаружил вас лежащим в канаве и успел подобрать до появления милиции.

— А чемоданчик?

— Подобрал и его.

Марсианин облегченно вздохнул.

— За вами, правда, особых проступков не числится,— продолжал Геннадий,— отделались бы пятнадцать сутками. Если только... Скажите, Зуи, история с Дубиловым — не ваших ли рук дело?

— А что случилось с этим товарищем?

— Он уверяет, будто внезапно ощутил себя птицей, взлетел над городом и пулей понесся по ветру. Приземлился в какой-то деревушке, километрах в двухстах от Заборьевска, на попутных машинах добрался домой. Врачи полагают, что он повредился в уме, но Дубилов упорно держится своей версии и рассказывает о полете довольно убедительные подробности.

Марсианин молча опустил глаза.

«Разумеется, это его проделка,— думал Будушкин.— Формально я обязан сдать Зуя властям и доложить все, что мне известно по этому происшествию. Но бросать тень на репутацию марсиан из-за такого, в сущности, пустяка, поставить тем самым под угрозу так удачно завязавшийся контакт двух цивилизаций! Нет, мой долг — защитить его. История меня оправдает».

Зуй встал и торжественно пожал своему спасителю руку.

— Я невольно прочитал ваши мысли,— сказал он.— У вас тоже есть великодушные, пусть даже оно нуждается в доводах.

Будушкин не уловил смысла реплики. Приняв героическое решение, он был исполнен жадой деятельности. Куда девался инфантильный резонерствующий великан, метко окрещенный

Гудаутовым лопухом! Сознание ответственности за контакт преобразило его.

— Живо в ванную, Зуй! — скомандовал Геннадий. — Сбрейте свои бакенбарды, а я тем временем подыщу вам, во что переодеться.

Порывшись в своем небогатом гардеробе, он достал свежее белье, нарядную цветастую рубашу, модный галстук и, подавив секундное сожаление, снял с вешалки свой единственный выходящий костюм из синего кримплена. Поскольку они были одного роста, все вещи пришлось впору. Марсианин превратился в солидного элегантного мужчину, которого трудно было заподозрить в нетрезвом поведении и мелком хулиганстве.

— Я приглашаю вас позавтракать. А затем, если не возражаете, познакомлю с интересным человеком. Это — наш заборьевский поэт, он предупрежден, что вы просили хранить контакт в секрете, и я за него ручаюсь.

— Охотно встречусь с вашим приятелем. Из таких встреч, собственно, и складывается моя работа на Земле.

Сразу после завтрака явился Звонский, донельзя взволнованный сообщением Будушкина, что в его доме укрывается настоящий марсианин. Он прибежал, будучи почти на сто процентов уверен, что столкнется с очередной мистификацией. Но знакомство с Зуем рассеяло все сомнения.

Вдобавок марсианин, уступая настоятельным просьбам, продемонстрировал несколько опытов с психоаналитическим искателем. Звонский, пожелавший испытать переживания Дубилова, порхал по квартире, ощущая себя бабочкой и чуть было не вылетел в окно. Будушкину Зуй предложил другой опыт: его объявили итальянцем, и под воздействием чудодейственного прибора он свободно заговорил на языке Данте. Потом он стал оперным басом, не имея от роду ни слуха, ни голоса, исполнил арию Демона с таким виртуозным мастерством, что во дворе собралась толпа, приветствовавшая его бурными аплодисментами. Каких только ролей они не перепробовали, причем Зуй и сам увлекся этой игрой, открывая для себя новые возможности прибора.

Звонскому пришла в голову блестящая идея. Дрожащим от волнения голосом он спросил, нельзя ли ему хоть на миг почувствовать себя Пушкиным. Однако марсианин пояснил, что это невозможно: прибор способен внушать человеку, что он обладает теми или иными физиологическими свойствами, не более. Сфера творческой деятельности остается для него недосыгаемой.

Досыта позабавившись, друзья завели увлекательные беседы, вольно перескакивая от темы к теме. Звонский и Будушкин засыпали марсианина вопросами о жизни на Марсе, а Зуй,

в свою очередь, стремился углубить свои познания о Земле и землянах. Нередко между ними возникали споры, и более уравновешенному Геннадию приходилось брать на себя функции арбитра.

Особенно разгорелись страсти, когда речь зашла о проблеме контакта. Звонский выразил решительное неодобрение марсианскому методу скрытного проникновения на Землю.

— Пойми, Зуй,— говорил он,— чем бы ни мотивировалась секретность вашей миссии, ничего, кроме худа, из этого не выйдет. Сохранить пребывание здесь в полной тайне вам все равно не удастся. Но там, где нет достоверной информации, всегда есть место для слухов, порой невероятных. Марсианам будут приписывать коварные и гнусные замыслы, вплоть до намерения поработить население нашей планеты и превратить его в рабочий скот. На вас будут возлагать ответственность за все стихийные бедствия, природный механизм которых еще недостаточно познан земной наукой. Самое скверное, однако, в том, что реакционные силы всех мастей, а ты знаешь, что их еще немало, воспользуются жупелом марсианской угрозы для «завинчивания гаек», установления террористических диктаторских режимов, для форсирования гонки вооружений и нагнетания международной напряженности. Начнется антимарсианская истерия, погоня за агентами и шпионами с Красной планеты, мнимая принадлежность к марсианству станет поводом для преследования демократов и расправы с инакомыслящими. Нет, Зуй, вам надлежит трижды взвесить пагубные последствия своей тактики контакта, и твой долг — растолковать это своим лидерам в Марсополисе.

— У нас нет гарантий,— защищался марсианин,— что открытый контакт не приведет к губительным результатам для нас самих. Я уже говорил Геннадию и повторю это тебе, Иван: несмотря на более развитую, по сравнению с Землей, техническую культуру, Марс безоружен. Ты сам упоминал о реакционных силах — что, если они перенесут на нас свои колонизаторские вождедения? В вашей истории достаточно примеров, когда передовые для своей эпохи цивилизации рушились под напором полуграмотных воинственных орд. Такой, кажется, была участь Рима, ставшего добычей варваров.

— Глупости!— воскликнул Звонский.— Времена теперь не те. Приходите к нам в открытую, и человечество встретит вас как друзей и даст по рукам тем, кто потянется к оружию.

— Возможно, вы правы, но поверьте, решение этой проблемы от меня не зависит.

— Как не зависит?— удивился Будушкин.— Возьми только на себя смелость вступить в официальный открытый контакт,

и твоим боссам деваться будет некуда, придется выкладывать карты на стол.

— Ты смутьян, Геннадий,— улыбнулся Звонский,— призываешь нашего друга к гражданскому неповиновению.

— А знаете, товарищи,— сказал Зуй, уходя от беспокойной темы,— я и сам не заметил, как перестал читать ваши мысли. В этом нет нужды, поскольку вы говорите то, что думаете.

— Кстати,— заметил Звонский,— ты сказал, что Марс безоружен. Чтение мыслей — это ли не оружие?

— У нас оно выполняет самую безобидную функцию. Просто более экономный способ общения.

— А ваш, как его, психоаналитический искатель! С ним черт те что можно вытворять.

Видя, что дискуссия опять пошла на обострение, Будушкин решил разрядить обстановку и предложить послушать, что делается в мире. Он включил свой портативный «ВЭФ», и комната заполнилась разноязычным гулом. К величайшему своему удивлению, они обнаружили, что эфир едва ли не целиком заполнен темой пришельцев.

«По непроверенным сведениям,— вещал диктор «Голоса Америки»,— в небольшом русском городе Заборьевске совершил высадку марсианский десант. Хотя первое соприкосновение двух миров не обошлось без инцидентов, намерения пришельцев пока неясны.

Остается загадкой, почему марсиане остановили свой выбор на этом провинциальном городке, обойдя Москву и столицы других великих держав.

В кругах государственного департамента Соединенных Штатов полагают, что в условиях разрядки международной напряженности русские не должны монополизировать информацию о пришельцах. Это не отвечало бы и их интересам, если марсиане вторглись на Землю с враждебными целями. В этом случае были бы необходимы срочная мобилизация ресурсов и объединение под общим командованием вооруженных сил всех государств для отпора инопланетному нашествию. По мнению известного американского специалиста по космическим контактам профессора Суперсайенса, дальнейшее молчание Москвы будет означать, что марсиане прибыли как торговцы и Советы ведут с ними переговоры о приобретении передовой технологии, намного опережающей все, что достигнуто в этом отношении человечеством. Западные правительства считают, что русским следовало бы поделиться марсианским рынком. В деловых кругах вынашивается идея о создании мирового консорциума под эгидой ООН для установления централизованных коммерческих связей с Красной планетой. Ряд

крупных банков согласен финансировать это грандиозное предприятие».

«Интригующие сведения о появлении марсиан,— верещала «Свободная Европа»,— не вызывают никакого доверия. Кое-кто сознательно распространяет эти злонамеренные слухи, чтобы внушить широкой публике, будто коммунисты приобрели в лице пришельцев могущественных союзников. Цель операции очевидна: запугать западный мир и добиться от него уступок в вопросе разоружения.

Передаем также другие новости. В связи с угрозой инопланетного нашествия в Парагвае объявлено чрезвычайное положение. Схвачен и казнен как марсианский агент некий местный житель, публично заявивший: «Пусть марсиане скорее придут, чтобы посадить на кол нашего Стресснера!»... В Чили, по подозрению в шпионаже в пользу марсиан, арестовано еще десять тысяч граждан... Генерал Моше Даян заявил, что он не колеблясь обратится за помощью к Марсу, если конгресс Соединенных Штатов урежет субсидии Израилю на приобретение оружия...»

«Директор Бохумской обсерватории,— сообщил Бонн,— поздравил своих московских коллег с тем, что марсиане избрали Советский Союз для первого контакта. По его словам, это великое историческое событие, равное по значению первому космическому полету Гагарина и прилунению Армстронга, обещаает стать началом новой эры в исследованиях Вселенной».

Будушкин чуть сдвинул рукоять настройки. «Иси Пари,— услышали они.— Наш корреспондент обратился к видному правительственному чиновнику на Кэ д'Орсэ с вопросами, насколько можно верить слухам о пришельцах и как это может отразиться на внешней политике Франции.

— Лично я,— ответило официальное лицо,— не верю слухам даже тогда, когда они затрагивают мою жену. Что касается французской внешней политики, то, невзирая ни на каких марсиан, мы будем по-прежнему проводить независимый курс и отстаивать свой суверенитет.

А теперь послушайте в исполнении наших знаменитых шансонье Ива Монтана и Шарля Азнавура песенки «О Марс, любовь моя», «О тебе мечтаю, марсианка», «Прощай, мой марсианский друг».

У микрофона Би-Би-Си выступал обозреватель, специализирующийся на вопросах глобальной стратегии. «Появление марсиан,— рассуждал он,— внесет новый элемент в расстановку сил на мировой арене. Их присоединение к одному из блоков или к движению неприсоединения способно нарушить существующий баланс и склонить чашу весов в чью-то пользу. Разумеется, многое зависит от того, какой на Марсе строй — со-

циализированный или основанный на частной инициативе; переживает марсианское общество период перехода от одной общественной системы к другой или оно однородно; удалось обитателям Красной планеты учредить мировое правительство или она поделена между суверенными государствами; поддерживают эти государства дружественные отношения или враждуют между собой, вплоть до «холодной» и даже «горячей» войны.

Нам неизвестны также общая численность населения Марса, величина его материальных ресурсов, уровень развития науки и техники, мощь вооруженных сил и другие факторы, которые принимаются во внимание в подобных случаях. Но, как бы то ни было, если даже пришельцы предпочтут объявить нейтралитет и не станут вмешиваться в наши земные дела, само их присутствие внесет существенные коррективы в глобальное соотношение сил. Каждая из сторон должна будет отныне считаться с возможностью рокового удара в спину».

Откликнулся на тему дня и радиодворец Ватикана. Он информировал, что римский папа дал свое благословение контакту. «Независимо от того, какой веры придерживаются марсиане, все одухотворенные существа — дети одного бога. Верующие спрашивают нас, можно ли считать, что Христос принес искупление и за марсиан? Свою точку зрения на этот счет изложит известный богослов каноник монастыря Святой триады Холинетти. «Еще Франциск Ассизский полагал...» — начал каноник, но Геннадий пошел крутить дальше.

Послышался знакомый металлический голос: «Марсианские бредни — это нехитрая выдумка двух сверхдержав, предназначенная отвлечь внимание от их злокозненных попыток...» Слышно было плохо, волна то и дело ускользала. «...Обстановка в мире, однако, прекрасная... Как учил председатель, когда реакционеры суетятся, то это хорошо, а не плохо... Ветер с Востока одолевает ветер с Запада... Вся территория делится на три части: одну часть занимаем мы, другую — противник, третью — ни мы, ни противник... Разбить собачьи головы... Лжет, как сивый мерин... Рыба гниет с головы... Сидеть на горе и смотреть, как тигры дерутся... Винтовка рождает власть... Марсианские братья, беритесь за оружие, свергайте своих правителей, примыкайте к революционным...»

— Откуда он знает, какие у нас правители? — удивился Зуй.

— А зачем ему знать? — Звонский попытался популярно разъяснить марсианину суть пекинских концепций, но вызвал столько недоуменных вопросов, что пришлось отложить это до следующего раза.

Чего только не наслушались друзья в тот день! Они мрачне-

ли, возмущались, но больше смеялись. Зуй высказал несколько язвительных замечаний по поводу существующей на Земле системы информации, вернее — дезинформации, на что Будущкин заметил:

— Тем больше оснований внести ясность в это дело.

Стемнело. Решив прогуляться, они вышли из дома и были поражены необычным для Заборьевска, даже в воскресенье, стечением народа. Казалось, весь город от мала до велика высыпал на улицу, да еще прибавилось сюда население целой округи. Толпа была в приподнятом настроении и устремлялась в направлении центрального парка культуры и отдыха.

— Не День ли железнодорожника отмечают?— предположил Геннадий.

Нет, это не был официальный праздник. Это был, как они вскоре поняли, стихийный карнавал, посвященный Красной планете.

Необузданное веселье царило в городском парке. Откуда-то появились предметы марсианского туалета — мотоциклетные шлемы, диковинные маски, ловко склеенные из бумаги скафандры. Каждый, как мог, наряжался марсианином. Один даже ухитрился натянуть на себя довоенный противогаз. А уж чулок, натянутых на лица, и бластеров в руках было не счесть. Тут и там возникали хороводы и марсианские пляски — своеобразная помень лихой цыганочки, удалого русского танца и неприличного бонга.

Работники парка поначалу, округлив глаза, растерянно наблюдали это марсианское шествие. Но к чести своей, они быстро поняли причины энтузиазма своих сограждан: долго ждал Заборьевск чуда, которое занесло бы его имя на скрижали истории, и вот свершилось: отныне и во веки веков он стал городом первого межпланетного контакта! Были приняты меры, чтобы внести разумную долю организованности в народную импровизацию. Спешно собранных артистов местного театра вооружили мегафонами и поручили им выполнять роль затейников, на эстраде готовился концерт, в котором приглашали участвовать всех желающих.

Друзья протиснулись сквозь плотную толпу зрителей как раз в момент, когда объявлялся следующий номер.

— Сейчас,— сказал ведущий,— вы услышите популярного исполнителя старинных марсианских романсов, который приглашен совершить турне по Марсу.

— Кто его приглашал?— спросил Зуй испуганно, и Геннадий пояснил, что конференсье шутит.

— Смотри-ка, да это Сарафаненко!— вскричал Звонский. В самом деле, выйдя на сцену, гитарист сносно спел романс из репертуара трио «Ромэн» о цыганах-марсианях.

Раскланиваясь, Сарафаненко заявил, что не может больше задерживаться, поскольку боится опоздать на космический корабль.

Шуточка эта была встречена громом аплодисментов и всеобщим хохотом.

— Только тебя там недоставало! — в сердцах бормотал Будушкин.

Вновь нырнув в людскую сутолоку, наши знакомцы были вовлечены в забавную затею. Кому-то пришла в голову мысль провести конкурс на мисс марсианку. В претендентках недостатка не оказалось, тут же избрали авторитетное жюри. Звонский и Будушкин, переглянувшись, предложили включить в него и Зуя и отрекомендовали его как большого ценителя женской красоты. Несмотря на протесты марсианина, его усадили среди других арбитров. Под одобрительные возгласы зрителей смотр начался. Судили, как и полагается, не только по внешности, испытывали на интеллект, задавая каверзные вопросы. Зуй, понятно, спрашивал больше про Марс, и вскоре приобрел репутацию эксперта. По его предложению первое место было присуждено девушке, которая толково изложила сведения о ближайшем соседе Земли в рамках школьной программы и к тому же отличалась приятной наружностью.

ЧЕМ ДОКАЖЕШЬ, ЧТО ТЫ С МАРСА!

Настала, однако, пора и заборьевскому городскому начальству включиться в марсианскую эпопею. Выехав на дачу, первую половину субботнего дня оно безмятежно отдыхало, но уже к вечеру начали поступать первые противоречивые вести о пришельцах. В воскресенье донесения полились потоком, и в то время, как горожане развлекались в парке культуры, ответственные лица были собраны на экстренное совещание. На повестке дня стоял вопрос: действительно ли Заборьевск подвергся марсианскому нашествию или все случившееся есть результат цепи недоразумений.

Досконально проанализировав происшедшие события, участники совещания склонились ко второму решению. Как ни заманчива была для местных патриотов мысль о том, что Заборьевск стал местом первого контакта или пусть даже первой схватки с пришельцами, она не выдерживала серьезной критики. Большинство фактов находило простое и логичное объяснение, а за некоторыми, на первый взгляд иррациональными, явлениями обнаруживались в конце концов действия злоумышленников. Разумеется, кое-что, вроде спичечных ограблений и перемещения Дубилова, нуждалось в дополнительном рассле-

довании, но никто не сомневался, что хитроумный Гвоздика сумеет разгадать и эти загадки.

На стороне трезвости был еще один весомый аргумент, четко сформулированный редактором местной газеты:

— Представляете, что случится, когда миф о марсианах лопнет как мыльный пузырь? Заборьевск унаследует славу Нью-Васюков, и над нами будет потешаться вся страна, а то и весь мир!

Если у кого и оставались сомнения, то они рассеялись, когда задержавшийся к началу совещания руководитель ведомства связи изложил содержание телевизионной передачи, которая была прервана из-за незначительной аварии на электростанции. Все стало на свои места.

Окончательно решив, что марсианское нашествие — вымысел, заборьевское руководство разработало план действий, призванных в короткий срок внести успокоение в умы горожан, погасить слухи и восстановить полный порядок.

В понедельник состоялся городской актив. Председательствующий ознакомил собравшихся с принятыми решениями, рассказал, что кому делать: редакции — выступить с передовой статьей, в которой должна быть раскрыта несостоятельность слухов о появлении марсиан с точки зрения современной науки и подвергнуты критике обывательские предрассудки, которые иногда еще имеют место; горторгу и правлению кооппотребсоюза — обеспечить стабилизацию цен на рынке; следственным органам — завершить расследование дел по ограблению пивного бара и аптеки; горздравотделу — принять меры к излечению пострадавшего работника наробраза и выяснению причин случившегося с ним психического расстройства.

С особым интересом было выслушано сообщение, что решено обратиться в Центральное телевидение с просьбой в ближайшее время повторить передачу, показанную в прошедшую пятницу.

Поднялся шум. Председательствующий улыбнулся и поднял руку, успокаивая зал.

— Вы, конечно, хотите знать, что именно было в этой передаче, послужившей поводом для слухов о появлении пришельцев. Напомню, что сразу после окончания программы «Время» на экране появился какой-то субъект, отстранивший диктора и обратившийся к землянам в качестве марсианского агента. Как раз в этот момент в Заборьевске погас свет. Если бы этого не случилось, наши телезрители вновь увидели бы диктора, который сообщил, что вместо запланированного кинофильма будет показан новый телеспектакль по мотивам рассказов Рея Бредбери и Айзека Азимова. Иными словами, появление марсианина было задумано как эффектное начало обычной телепремьеры.

Надеюсь, мы сможем вскоре увидеть ее целиком и, конечно, посмеемся над возникшим в связи с нею переполохом.

Актив встретил это сообщение смехом и аплодисментами.

— В заключение, товарищи,— продолжил докладчик,— хотелось бы подвести некоторые итоги. Что заслуживает быть отмеченным? Во-первых, нам удалось выловить несколько мощенников, пытавшихся использовать к своей выгоде сложившуюся в городе ситуацию. Среди них — крупный преступник, который настолько испугался марсиан, что предпочел сесть за решетку.

Веселое оживление в зале.

— Во-вторых, выведены, как говорится, на чистую воду некоторые недостойные лица, поддавшиеся панике или, напротив, ухватившиеся за так называемое марсианское нашествие, как за предлог для расправы с неугодными им людьми. К примеру, заведующая баром попыталась покрыть недостачу, списав на марсианский счет бочонок пива, хотя грабитель, маскировавшийся под марсианина, брал только спички. Объявились умники и поопасней. Упомянутый среди пострадавших Дубилов даже ухитрился потребовать справки о непринадлежности к марсианскому племени. Что это, как не вариант того же, так сказать, марсианства?

Выклики из зала: «Позор!»

— В таких случаях, как вы понимаете, не обойтись без оргвывода. В-третьих, что, пожалуй, самое важное, город наш в целом выдержал это своеобразное испытание. Подавляющее большинство граждан держалось достойно, люди оказывали поддержку представителям закона, как это было, например, при попытке ограбления аптеки. Высокой похвалы заслуживают действия городских органов милиции, особенно старшего лейтенанта Гвоздики, который своим мужеством и хладнокровием способствовал поддержанию порядка и выявлению преступных элементов. Можно сказать, что здоровый дух нашего города проявился в массовом народном гулянье, на котором заборьевцы с присущим им чувством юмора фактически подвергли осмеянию марсианские бредни... Нам, конечно, не следует заниматься самолюбованием. Необходимо извлечь серьезные уроки из случившегося, усилить воспитательную работу, улучшить пропаганду научных знаний. Это тем более важно, что буржуазная пресса и радио уже пытаются распространять всякие небылицы о событиях в Заборьевске... Если нет вопросов, разрешите на этом закончить.

— Прошу слова!— раздался громкий хриплый голос. Из задних рядов к президиуму быстро шел высокий худой человек в элегантном кримпленовом костюме.

— Пожалуйста,— сказал председательствующий с некото-

рым удивлением.— Вы от какой организации, товарищ, назовите себя.

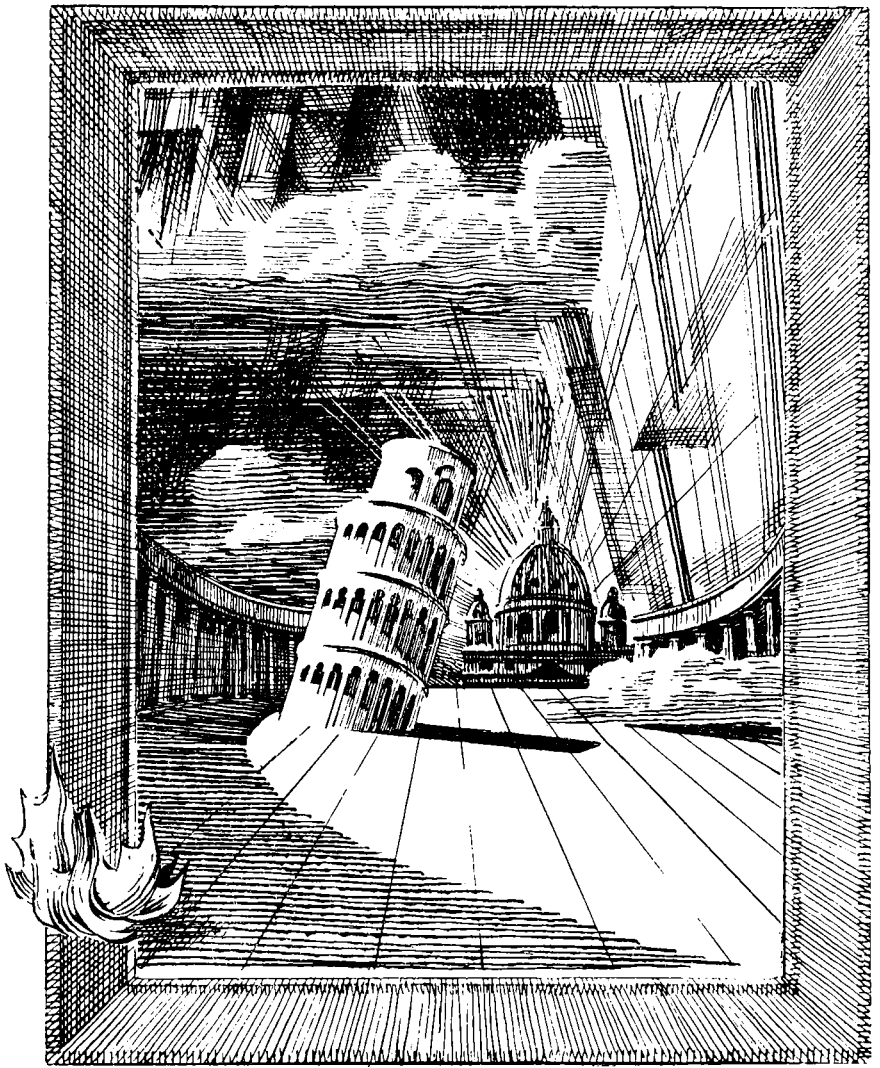
— Я от Марса,— ответил Зуй, занимая место на трибуне.

Поднялся невообразимый шум; часть присутствующих повскакали с выкриками: «Хватит нас дурачить!», «Что же это делается?», «Дайте ему сказать!». С величайшим трудом успокоив собрание, председательствующий хотел было обратиться к Зую с повторным требованием назвать себя и говорить по существу, но того уже не было. Из-за поднявшейся кутерьмы никто не заметил, как Гена и Звонский выскочили из зала в надежде увидеть еще раз своего инопланетного приятеля.

Увы! Истаял, как снег, испарился, как роса, марсианин. То ли оскорбился тем, что заборьевский актив не поверил в его существование. То ли решил укрыться на время, чтобы предпринять потом еще одну, более удачную попытку контакта. А может быть, и вовсе пришел к выводу, что не настал момент для диалога Земли с Марсом, да и укатил себе на Красную планету.

Но его земные друзья не сомневались: он еще вернется.

КОНЕЦ ЗАКОНА

Документы, понукания радио, суматоха, багаж; сел, отдышался, взлетел; земля, небо, космос, солнце и звезды, заря и ночь — нет их! Вспыхнул, блеснул синевой океан, накренился, исчез; белыми полотнищами захлопали облака; и вот уже все, с прибытием вас, дорогие пассажиры, просим пройти на до-смотр!

Пространство уподобилось глотку воды. Всем некогда, быстрее, быстрее, обгоняя тихходный звук, жизнь коротка, надо успеть! И орлом, казалось бы, смотреть пассажиру после гордого перелета над морями и континентами. Куда там! Оглушен ревом, потрепан перегрузками, взвинчен невесомостью, обалдел от впечатлений, — тут лишь бы не перепутать, где какая бирка и что кому надо вручать. Приобретения — это поте-ри. Стоя в притихшей очереди, Полюнов не без иронии подумал, что последние метры отнимут, надо полагать, больше времени, чем все десять тысяч километров пути.

Вопреки ожиданию, очередь продвигалась быстро. Руки таможенников сновали над чемоданами с проворством мани-пуляторов. Единственная заминка произошла у окошка, куда Полюнов, как и все остальные, сунул свой паспорт. Ставя штемпель, офицер сказал, не поднимая глаз:

— Вам записка.

— Мне? — удивленно переспросил Полюнов.

— Получите.

На стойку вместе с паспортом лег продолговатый конверт. Полюнов ошеломленно повертел его в руках.

— Вы уверены, что это действительно мне?

— Пожалуйста, не задерживайте.

Выйдя в вестибюль и поставив чемодан на пол, Полюнов вскрыл конверт. Там лежала визитная карточка Лесса, на обороте которой было написано: «По поручению профессора вам заказан номер в отеле «Консул».

Это еще что такое! Польшов поймал себя на глупом занятии: стоя в толчее и пожимая плечами, он вновь и вновь перечитывает записку. Рассердившись на себя, он решительно подхватил чемодан. Автомат предупредительно распахнул дверь. Понятно... Сам же уговаривал Лесса не разводить церемоний, будто он премьер-министр или беспомощный мальчик: не встретил, ну и прекрасно. Хотя и странно. Такое не в характере Лесса, вот что. Совсем не в его характере...

Ладно, все выяснится и объяснится.

У бровки тротуара выстроились такси. Польшов двинулся к ним, бодро помахивая чемоданчиком. За темным лесом вдали тлела вишневая полоса заката, с юга, похоже, надвигалась туча. Оттуда тянуло сырым теплом. Только что смазанный скоростью мир снова обретал объем и привычные пропорции. Сквозь шум голосов и рокот машин пробивалось далекое кваканье лягушки. Плевать им было на грохочущие ракеты, на суету ракетодрома, людскую спешку — они хотели квакать и квакали, как миллионы лет назад. Польшов с удовольствием потянул ноздрями воздух. Каждому уголку земли присущ свой особый запах. Ветер сразу напоминает, что ты не дома, сулит прелесть перемен, входит в душу, как вкрадчивый зов, и нет ничего лучше этих первых минут новизны. Минуту-другую Польшов постоял, прикрыв глаза. Затем рванул дверцу и откинулся на спинку сиденья.

— Отель «Консул»!

Киберводитель взял с места так, будто завидовал перегрузкам ракеты.

Полчаса спустя громада отеля приветствовала Польшова взмахом бетонного козырька подъезда. Обмен улыбками с портье занял не более минуты. В вестибюле приглушенно гудели голоса приезжих. Польшов небрежно отстранил услужливую тележку, которая попыталась завладеть чемоданом, и на стремительном лифте поднялся к себе на семнадцатый этаж. Ноги, едва он вышел в коридор, утонули в белоснежной ковровой дорожке. Ворс жадно прилегал к ботинкам, отсасывая с них пыль. Замок певуче щелкнул. Кто бы ни заказывал номер — сам Лесс или его секретарь, — он выбрал его с толком. То есть номер, конечно, не представлял собой ничего особенного — все они однотипны, что в Сиднее, что в Будапеште, что здесь, — но здесь, по крайней мере, было уютно и тихо.

Забросив чемодан в нишу, Польшов справился по информации о позывных Лесса, который жил неподалеку от столицы, и тут же ему позвонил.

Ответил, однако, не Лесс.

— Профессора не будет до двенадцати ночи. — Экран оставался темным, значит, говорил электронный секретарь. — Его

личный радиобраслет отключен. Что записать для передачи?

— Профессор уехал?

— Профессор занят в лаборатории. (Полынову даже показалось, что элсекр обиделся.) Что ему передать?

— Передайте... А впрочем, не надо. Я сам ему позвоню попозже.

Закрыться в лаборатории и забыть обо всем на свете! Да, это похоже на Лесса. Хотя при его щепетильности... Полынов недоуменно пожал плечами. Что ж, бывают опыты, когда все планы идут насмарку. Бывают опыты, которые — трава не расти! — надо закончить именно сегодня. Всякое случается, и нечего тут ломать голову, а надо с толком употребить свободные часы.

Итак, что делает вечером одинокий и беззаботный турист? Бродит по городу и, само собой, ужинает. В каком-нибудь эдаком, естественно, экзотическом кабаке. Вот и прекрасно. Не стоит нарушать традицию. Когда он в последний раз был таким вот туристом? Никогда он им не был. Тем более! Есть что-то соблазнительное в открывающейся перспективе. Что-то праздное и слегка недозволенное, как кутеж в монастыре. А собственно, почему недозволенное? Разве он не в отпуске? Какая еще у него цель, кроме отдыха и развлечений? Всюду быть с Лессом — это, конечно, замечательно, но одному побродить по чужому городу тоже не плохо. Совсем неплохо.

Насвистывая нечто легкомысленное, Полынов сменил рубашку и куртку, бегло оглядел себя в зеркале и, в общем, остался доволен. Человек в зените — ни стар, ни молод, этим все сказано. Вообще роли не играет, сколько тебе лет и в скольких странах ты уже был; всякий новый город почти как открытие. Если, конечно, человек не пресытился и не постарел. Сейчас мы это очень даже просто проверим...

Выйдя на улицу, Полынов с удовлетворением отметил, что интерес к новому его не покинул. Когда он ехал в такси, город, как это обычно бывает, раскрывался, точно дерево в срезе. Сначала машина пересекла кольцо современных кварталов. Затем к магистрали придвинулись дома в космическом стиле. Потом возобладали плоскости стекла и бетона. И уже в самом центре пошли тесные улочки с домами, прижатыми друг к другу, как коробки тортов. Да и сами фасады с пузатыми балкончиками, островерхими кровлями, лепными украшениями на стенах были похожи на выставку кондитера.

Отель выпирал из этого порядка, как стальной зуб. Полынов не спеша миновал несколько кварталов. Все здесь было, в общем, как и везде: те же витрины, тот же поток машин, те же фонари и люминесцентные панели, которые силуэтом высвечивали ноги проходящих девушек. И все же кое-что здесь

было совсем другим. На плитах тротуара значились чьи-то полустертые имена — такого Польшов нигде не видел. Моделью мусорных ящиков послужил не иначе как Сатурн — их круглые бока почему-то опоясывали широкие кольца. Но главное отличие было в чем-то ином, общем, пока неуловимом.

Вечер стоял теплый и тихий. Под ноги неподвижно ложилась резная тень листьев. Во многих окнах скользили радужные тени; поужинав, там созерцали стерео, и обитатели этих квартир сейчас находились в ином, зрелищном мире. Мимо, хихикая и бросая взгляды исподтишка, прошла стайка девочек. Польшов обогнал грузный мужчина с портфелем «крокодил». Навстречу, обнявшись, двигались бритоголовые парни. Они угрюмо, как бы нехотя, пели:

Двадцатый век уходит в изобилье,
Двадцатый век уходит в мятежах.
Все стали делать умные машины,
Стальной моралью соблазняя нас...

Парни удалились, и конца Польшов недослышал. Возникло знакомое по прежним поездкам чувство отстраненности, словно он украдкой заглянул в чужую жизнь или увидел пьесу без начала и конца. В этом настроении была своя прелесть, но и своя грусть, которая, как он заметил, усиливалась с прожитыми годами.

На шумном перекрестке его внимание остановила внушительная, поперек фасада, неоновая надпись: «Фирма «Провидение» гарантирует выполнение ЛЮБЫХ желаний».

Любых? Хмыкнув, Польшов пересек улицу и толкнул дверь конторы.

Сначала ему показалось, что небольшой уютный зал с темными деревянными стенами, низкими столиками, медными пепельницами и глубокими, красной кожи, креслами, над которыми изящно склонились головки аппаратов типа «звуковой шатер», — пуст. Но, приглядевшись, он различил в дальнем углу двоих: женщина в годах сидела, прижимая, как щит, к груди сумочку, и озабоченно внимала мужчине, который в чем-то убеждал ее. Слова не доносились.

— Рада вас видеть...

Девушка возникла бесшумно. Фигурой она напоминала подростка, чуть раскосые глаза смотрели мягко, доверчиво, едва ли не застенчиво. Длинные, не прикрытые платьем руки и ноги казались по-детски неуклюжими, и эта неуклюжесть была в ней особенно трогательной.

— Прошу, — потупясь, она показала ему на кресло. — Сигару, сигарету? С никотином? Без?

— Это и есть те желания, которые фирма берется удовлетворить?— опускаясь в кресло, Польшов невольно улыбнулся.

— О нет! Минуточку...

Она включила «звуковой шатер», и шум города исчез, словно оба перенеслись на необитаемый остров.

Тишина, мягкий овал света в окружающей полутьме и доверчивое милое лицо девочки напротив — больше ничего не осталось.

— Полная гарантия анонимности заказа,— сказала она, как бы извиняясь за казенные бесцветные слова.— Так чем я могу быть вам полезна?

— Простите, вас зовут...

— Ринна. А вы, догадываюсь, иностранец?

— Что, акцент выдает?

— Я очень люблю акцент. Обычные слова, когда их говорит иностранец... Они так приятны своей неожиданностью, понимаете?

— О да! Только я должен извиниться перед вами. Ведь я зашел сюда с праздной целью. Всего один вопрос. Что значит «любое желание»? Как это понимать?

— Очень просто. Мы сделаем всё, что вы хотите, и так, как вы хотите. Все.

— А если я, допустим, захочу отправиться во времена Юлия Цезаря? Неужто и такой заказ выполним?

— Кем вы хотите быть? Патрицием, воином, рабом?

— Рабом,— Польшов подхватил шутку.— Желательно — вашим.

— Можно,— Ринна кивнула.— За день это обойдется в...— Она назвала сумму.

— Помилосердствуйте!— вскричал Польшов в веселом ужасе.— Разве путешествие во времени стало возможным хотя бы для миллионеров?

— Нет, конечно,— она посмотрела чуть удивленно.— Мы не нарушаем ни законов природы, ни просто законов. А все, что в этих пределах и возможно технически, к вашим услугам. Доподлинно воссоздать обстановку Древнего Рима, чтобы вы смогли в ней пожить? Прикажете, мы сделаем. Сейчас многие хотят попасть в прошлое.

— Понятно.— Польшов вздохнул, потому что уходить ему все-таки не хотелось.— Ясно. Право, мне жаль, что я отнимаю у вас время.

— Я на работе, это моя обязанность, пожалуйста, не беспокойтесь. А поняли вы, мне кажется, не всё. Вы думаете, быть может, что «Провидение»— фирма, как все прочие. Нет. Разумеется, мы можем снять для вас виллу где-нибудь на Таити, устроить прогулку по Луне или пиршество Лукулла.— Ринна

слабо пожала плечами.— Но это и другие умеют. Мы же предлагаем то, чего вы больше нигде не купите.

— Например?

— Например, если у вас есть желание прикончить, убить...

— Тигра? Бешеную собаку?

— Почему собаку? Человека... Ой, что с вами?! Уж не думаете ли вы...

Она прикусила губу, но глаза ее выдали, и это dokonало Польшова.

— Девочка,— сказал он, не слыша своего голоса,— такими вещами не шутят.

— Простите, ради бога простите!— воскликнула она с раскаянием.— Вот дуриха... Вы не сердитесь на меня, нет?— Она ладошкой накрыла его руку, и Польшов задохнулся, чувствуя на лице отнюдь не романтическую испарину. Влажные глаза девушки были близко-близко.— Ужасно быть такой недогадливой. У меня тоже старомодный характер, даже на «помеле»— представляете?— никогда не каталась — боюсь! Никак не обрету профессионализм, ляпаю без подготовки, ну да вы меня понимаете. Сейчас, сейчас я вам все-все объясню про убийства...

И она объяснила.

— Человек — надеюсь, вы согласитесь — волен как угодно распорядиться своей судьбой, своим телом, своей жизнью. Если, конечно, его поступки не наносят ущерба другим... Но человек — существо очень, очень противоречивое, вот несчастье!— Ринна огорченно вздохнула.— Некоторым как раз хочется наносить ущерб другим. Ведь это опасно, верно? Это очень плохо,— она покачала головой,— очень. Что же делать? До сих пор никто не мог придумать ничего хорошего. И только наша фирма... О, такой нет даже в Америке!— воскликнула она с жаром.— Странно, не правда ли? Ведь все так просто! Есть люди, желающие убить. А есть люди, желающие умереть. Самоубийцы. Мы сводим их, понимаете? Все довольны. Маньяк — потому что удовлетворены его потребности; самоубийца — потому что ему помогли расстаться с жизнью; закон — потому что уменьшается число невинных жертв, ибо страсть убийцы успокоена. Я привела в пример, конечно, особый случай деятельности «Провидения»: организация юридически чистого убийства стоит дорого! Но принцип, я думаю, вам теперь ясен. Кто-то хочет высказаться, а слушателя нет. Наоборот, где-то кто-то изнывает от скуки. Кто-то жаждет героически спасти девушку, а рядом девушка тоскует о рыцаре... Ну и так далее,— она помахала рукой.— На случай полагаться нельзя, партнерам трудно найти друг друга. Тут мы и приходим на выручку...

Опомнился Полынов лишь в парке, где над темной водой озера сонно шелестела листва. Что же это такое, спросил он себя. Что же это случилось, если он ничего не может понять?

То есть разумом он как раз понимал если не все, то многое. Дикость может выглядеть цивилизованной и даже передовой. Стоит утратить меру, как лекарство оборачивается ядом, любовь — насилием, торговля — растлением. Так везде и во всем. Знания создают возможности, а где возможности, там и соблазн. Эгоизм личности или правящего класса снимает тормоза, бескультурье оправдывает смену морали, а затем люди гневно, потерянно недоумевают, кто же так изуродовал их жизнь.

Тысячелетиями смысл существования подавляющего большинства людей сводился к добычанию хлеба насущного. Хлеб или смерть — это было так понятно, просто, незабываемо. Хлеб давала земля, ее от зари до зари надо было возделывать, орошая потом. Поколение за поколением рождалось, жило, сменялось с этой главной, неизбежной, часто единственной задачей и целью. Она определяла собой мышление, нравственность, мораль, была регулятором и мерой, очерчивала круг дел и желаний, радостей и горя, труда и забав, и все было стабильно в глубине, какие бы порывы ни сотрясали поверхность. Технический гений вызревал долго, но круг разорвал внезапно. Вдруг впервые, едва не за десятилетия, оказалось, что один человек может прокормить своим трудом тысячи. К нищему явился сказочный джинн. Но как изголодавшийся порой не в силах оторваться от еды, даже если это грозит ему гибелью, так и здесь инерция возбудила безмерную жажду богатств и наслаждений. Наука открыла шлюзы небывалых возможностей, прежде чем успели возникнуть новые социальные отношения и духовные потребности. А деловитый, алчный хозяин немедленно использовал то, что давало ему выгоду и могущество. Так что в самой фирме «Провидение» не было ничего странного.

Но девушка, почти ребенок! Живая, непосредственная, искренняя — и деловито щебечущая о сводничестве! Возможно, у изголовья ее постели до сих пор сидит старая любимая кукла, с которой делятся маленькими девичьими тайнами. А может, не кукла? Может быть, там лежит пистолет? Пачка наркотика?

Если бы так! Но там, скорей всего, кукла.

Полынов стиснул перильца мостика.

Его отвлек звук, похожий на шлепанье босых ног. Слабо белея в темноте, по настилу, важно переступая лапами, шествовала лебединая пара. Самец глянул на Полынова, как на досадную помеху, и замедлил шаг, чтобы пропустить подругу. Полынов сдержал желание погладить птицу. Звук, похожий

на шлепанье босых ног, стал удаляться и вскоре пропал. Польшов покинул парк, но уже не стал искать экзотический кабачок, а поужинал в первом же, какой встретился, ресторанчике.

Возвращался он другой дорогой, через самую старую часть города, где дома еще помнили лихих дуэлянтов, а то и закопанных в металл феодалов. Впрочем, металла на этих тихих улочках было и сейчас достаточно — чуть не на каждом перекрестке стояли, сидели, простирали длани конные и пешие исторические деятели местного масштаба. Самым тяжеловесным был памятник Тиллу, который, невиданно расширив в каком-то там веке пределы страны, убил, сжег больше своих сограждан, чем любой воинственный недруг. У попираемого бронзовыми копытами подножия лежали цветы. Настроение Польшова испортилось окончательно, хотя в другой вечер он, скорее всего, даже не заметил бы этого проявления рабских чувств — мало ли таких памятников и таких цветов! Тем большее удивление он испытал, обнаружив на крохотной площади поразительную и даже несовместимую со всем прочим скульптуру. Посреди площади, как живой, стоял прикованный к столбу человек, чьи ноги уже охватило жадное пламя костра. Освещенные изнутри языки спектролитового огня бросали отсвет на искаженное лицо, которое, однако, было величественно в смертной муке, одухотворено страстью, что сильнее боли.словно подхваченное отблеском, тело взмывало над пламенем костра, над тщетой инквизиторского усердия; оно взлетало, как стартующая ракета, и это движение контрастно усиливала тупая плоскость монастырской стены, перед которой стоял памятник.

Не надо было пояснений, чтобы понять — Джордано Бруно.

Польшов благоговейно приблизился. И вздрогнул. Здесь тоже лежали цветы, но тут же на низком постаменте белела выведенная мелом надпись: «Разум — сифилис человечества».

Мгновение — Польшов был уже за оградой. Это движение не было плодом раздумий. Мел въелся в шершавый камень, но он тер, тер, не щадя ладоней, и не расслышал поскрипывающих шагов, а когда поднял голову, то увидел внушительную фигуру полицейского, который смотрел на него, словно раздумывая, брать за шиворот или погодить.

— Так, — промолвил полицейский. — Нарушение правил — зачем?

— Надпись, — задыхаясь, выговорил Польшов. — Хулиганская надпись, которую я стер. Неужели вы ее не видели?

— Иностранец? — полицейский качнулся. — Все равно не дозволено. Платите штраф.

— Но как же так?— вскричал Польшов.— Какие-то хулиганы позорят вас, позорят страну, а вы...

— Вас не касается, вы потоптали цветочки.— Равнодушно глядя мимо Польшова, полицейский протянул руку, уверенный, что штраф тотчас скользнет в ладонь.

Ничего не оставалось делать, как отсчитать бумажки. Получив деньги и протянув квитанцию, полицейский величественно удалился.

Звонить Лессу было рано. За окном номера в мгlistое ночное небо тупыми колоннами упирались здания с бессчетным количеством этажей. Все видимое пространство было загромождено плоскостями домов. Далекне пунктиры окон придавали им сходство с панелями вычислительных машин. Некоторые точки окон зажигались, другие гасли, и это еще больше усиливало сходство. Польшов задернул шторы.

На столике вежливо подал голос видеофон.

— Слушаю,— сказал Польшов.

— Простите за позднее вторжение,— послышался в трубке напористый голос.— Говорит Бизи, корреспондент газеты «Темпора». Я здесь, в отеле, и, честно говоря, вы доставите мне кучу неприятностей, если откажете в крохотном интервью. Всего минут десять, не больше!

Интервью у Польшова брали много раз, но сейчас для этого вроде не было повода. Как и зачем его разыскали? Польшов не мнил себя фигурой, о перемещениях которой трубят телеграфные агентства. Экранчик не передавал объема, и на лице репортера, стандартно-приветливом и стандартно-невывразительном, ничего не удавалось прочесть.

— Видите ли,— сказал Польшов, колеблясь,— на традиционный вопрос «как вам понравилось...» я пока ничего не могу ответить. О науке мне говорить не хочется. А все другое вас вред ли может заинтересовать. Поэтому...

— Минуточку! Поставим вопрос иначе. Разве вам, известному психологу, не интересно понаблюдать, чем живет и дышит обыкновенный гражданин той страны, с которой вы хотите познакомиться? Только, пожалуйста, не говорите, что все газетчики одинаковые!

Польшов от души рассмеялся.

— Жду вас,— бросил он в трубку.— Заходите.

Видеофон не лгал. Лицо Бизи действительно оказалось тем самым, о которых говорят, что оно не имеет особых примет. Но видеофон скрыл одну важную особенность взгляда вошедшего. Глаза Бизи вбирали, ничего не отдавая, смотрели равнодушно и вместе с тем цепко, но эту цепкость трудно было при-

метить. Такого «закрытого» взгляда не бывает у репортера, для которого важно в любой обстановке тотчас установить контакт с любым человеком. Такой взгляд скорей присущ закулисным политикам, кадровикам и работникам секретных служб, хотя, разумеется, не всем.

Предлагая гостю кресло, Польшов поспешно соображал, в какой мере верна неприятная догадка и что все это, черт возьми, значит?

— Итак,— сказал он,— раз я имею дело с обыкновенным рядовым газетчиком...

Польшов выдержал паузу.

— Разрешите? — Бизи вынул из нагрудного кармана сигару.— Смысл вашей интонации мне понятен. Искренне восхищен.— Он наклонил голову.— Все верно. Позвольте представиться: Бизи, сотрудник департамента социальных проблем. Извините за этот маленький камуфляж. Как журналист я имел шанс встретиться с вами наедине, а это, поверьте, очень важно.

— Не знаю,— медленно проговорил Польшов,— что меня сейчас удерживает от намерения указать вам на дверь.

— Любопытство,— коротко ответил гость, закуривая.

Польшов посмотрел на него с невольным уважением.

— Послушайте, Бизи... А может, не Бизи?

— Нет, фамилия подлинная. И департамент тоже. Можете удостовериться.

Он протянул запрессованную в пластик карточку.

— Однако вы не просто сотрудник,— сказал Польшов, возвращая документ.— Разговор, стало быть, официальный? Хотя что я, для официальных переговоров не являюсь в плаще и маске. Вы не находите начало несколько... э... опереточным?

— Что делать, обстоятельства.— Бизи спокойно разглядывал дымящийся кончик сигары.— Во всяком случае, разговор не доставит вам никаких неприятностей. Помимо тех, которые уже были в этот вечер. Если они, конечно, были.

— Вам-то какое дело?

— А, все-таки были!

— Вы что, следили за мной?

— никоим образом! Глупо, а кроме того, мы заинтересованы в вашем добром отношении. Тут чистая дедукция. Раз вы гуляли, то, скорей всего, могли кое-что заметить, и это «кое-что» вряд ли вам понравилось. Вы имеете представление о задачах нашего департамента?

— Откуда?

— Да, конечно. Кстати, маленькая просьба: пусть этот разговор останется между нами.

— А вы не находите, что это уж слишком? Я ничего у вас не выпытываю. Оставьте, пожалуйста, свои тайны при себе.

— Не могу. Мне надо вас с ними познакомить.

— Зачем?

— Необходимость. Вы сами убедитесь, что ваше молчание никому не нанесет ущерба. Ни вам, ни вашей родине. Скорее, наоборот.

— Объясните.

— Представьте, что вы инфекционист. К вам является некий, согласен, довольно подозрительный Бизи, который информирует вас, что в стране началась эпидемия. Эпидемия, которая может распространиться... далеко. В ваших или нет интересах узнать, что это за эпидемия? Сохранение в тайне такого разговора до отъезда из страны, по-моему, не столь уж большая цена за подобную информацию.

— Откуда я знаю, что дело обстоит именно так?

Бизи окутывало облако дыма, и частота затяжек, пожалуй, была единственным признаком его волнения.

— Если дело обстоит не так,— невозмутимо ответил он,— если я вас обманываю, то вы будете вправе нарушить свое слово и разгласить все до последней запятой. Такой поступок, между прочим, станет концом моей карьеры.

— Тогда почему вы не можете обратиться официально?

— Увы! — Бизи развел руками.— Полагаю, вы согласитесь, что так и должно быть, когда узнаете всё. И еще. Хотя мы и беседуем как сугубо частные лица, мой визит к вам — не только моя инициатива.

— В любом случае я оставляю за собой право поступить так, как считаю нужным,— жестко сказал Полынов.

— Ладно, пусть будет по-вашему! Сейчас, здесь, хочу я того или нет, с моей стороны возможна только полная откровенность. Дело вот в чем. С некоторых пор в нашем обществе развилось умонастроение, которое нас беспокоит. Тревожен сам характер этого умонастроения, но еще тревожней то, что мы не можем выявить причину. Мы пришли к заключению, что эта проблема настолько сложна, неожиданна, что рядовые специалисты с ней не справятся. Разрешить ее, пожалуй, может специалист только вашего класса.

— Это вы называете откровенностью? Вы же ничего не сказали! Что за умонастроение? Какая проблема? При чем тут я?

— Терпение. Умонастроение можно выразить одной фразой: «Долой науку!» Точнее, даже так: «Смерть разуму!»

— Откуда вы взяли, что эта проблема нова? Не изучена? Подобным умонастроениям столько же веков, сколько самой цивилизации.

— Верно. Но есть одна маленькая особенность. Вы, конечно, читаете газеты, следите за международными известиями.

— Не очень внимательно, признаюсь. Последнее время я был...

— Знаю. Но готов спорить, что вы летели сюда с убеждением: вот тихая спокойная страна, где давно уже не происходит ничего серьезного. Конечно, газеты пишут о каких-то анекдотических случаях, но где таких случаев нет. Верно?

— Да.

— Так вот — это на поверхности. Журналист, наблюдающий, так сказать, за кухней общественной жизни, подобен хозяйке, которая судит о состоянии воды в кастрюле по тому, закипает она или нет. Для посторонних вода в нашей кастрюле тепленькая. Но департамент, слава богу, располагает термометрами. Что вы скажете о кастрюле, вода в которой мгновенно нагрелась сразу на несколько десятков градусов?

— Скажу, что ее поставили на очень сильный огонь.

— А огня нет.

— Так не бывает.

— Конечно. Однако еще недавно у нас все было тихо и спокойно.

— Если я правильно понял, вы хотите пригласить меня на консультацию.

— Совершенно верно.

— У вас есть Лесс.

— Он отказался.

— Так! Но почему меня? Мои взгляды, надо полагать, вас не слишком привлекают.

— Именно это нас и устраивает.

— То есть?

— Разумеется, не только это. Таких ученых, как вы, не много. Кроме того, вы уже здесь и свободны, а у других зарубежных специалистов время расписано на месяцы вперед. А нам никак нельзя медлить! — Бизи покачал головой. — И то, что вы из социалистической страны, поверьте, очень существенно.

— Решительно ничего не понимаю!

— Я все объясню, если вы согласитесь помочь нам как эксперт. Лесс, уверен, поймет и простит, а уж потерянные дни мы чем-нибудь компенсируем.

— Это все, что вы пока мне можете сказать?

— Я и так уж превысил свои права. Вот если вы согласитесь...

— Нет.

— Подумайте. Мир един, пожар, возникший в одном месте, угрожает всем. Это не мои слова.

— Во-первых, у меня нет оснований доверять вам, надеюсь, вы это сознаете! Во-вторых, «проклятие разуму», уверен, вы-

звано вашими, чисто внутренними социально-экономическими причинами, в которых я плохо разбираюсь. Следовательно, мое участие в ваших делах и неуместно, и бесполезно.

— Это ваше окончательное решение?

— Да.

— Жаль.— Бизи поднялся и загасил окуроч.— Жаль, что вы так думаете. На всякий случай вот вам мои координаты.

Он протянул свою визитную карточку. Польшов взял ее. Казалось, что Бизи порывается еще что-то сказать и борется с этим желанием.

— А! — махнул он рукой.— Положения это все равно не ухудшит. Должен вам кое в чем признаться.

— Еще какая-нибудь тайна? Тогда увольте.

— Все равно вы гадаетесь. Но сначала несколько слов. Существует, на мой взгляд, еще одна причина вашего отказа. Вы не восприняли мои слова всерьез. Вы не поверили, что угроза реальна. В такой мирной стране, в такой славный вечер, вероятно, я бы тоже не поверил. Не иначе тут какая-то двойная игра, хотя зачем кому-то с вами играть? Все слишком смахивает на фарс, допустим. Должен, однако, разъяснить, что номер в отеле вам заказали мы.

— Лесс...— Польшов шагнул к Бизи: — Где Лесс?

— Не беспокойтесь! — Бизи порывисто отступил.— Лесс в полном порядке, с нашей стороны ваш отдых больше ничем не будет нарушен. Просто Лесс ждет вас не сегодня, а завтра.

— Что все это, наконец, значит?!

— Только то, что нам крайне важно было встретиться с вами срочно и наедине. Надеюсь, теперь вам ясно, что фарсом здесь и не пахнет.

— Уходя, пожалуйста, прикройте за собой дверь поплотней. Бизи усмехнулся:

— Я думал, вы скажете «вон!».

— Надеюсь, вы понимаете,— сдерживаясь, проговорил Польшов,— что эта ваша «услуга» освобождает меня от всяких слов и обещаний.

— Разве я уж настолько туп? — Бизи широко улыбнулся.— Но кто всерьез обращает внимание на фарс? Желаю счастливого отдыха.

Дубки выбегали к дороге, как расшалившиеся мальчишки, уютно посвистывал ветер, и тени облаков скользили по гладкому полотну дороги, то уступая вершины холмов брызжущему солнцу, то погружая их в задумчивый сумрак.

Легко было заметить, как ухожена здешняя земля. Любой овражек перегораживали стенки водослива, луга были гладки-

ми, как свежевыбранные щеки, чистые перелески просматривались далеко вглубь. Сюда, чувствовалось, был вложен труд многих поколений. Когда-то — уже забылось когда — людей здесь угнетали болотные лихорадки, мучили насекомые, подстерегали неурожаи, бедой грозили пожары и наводнения. Когда-то человек был так же беззащитен перед природными бедствиями, как перед социальными, хотя источники первых были не в его власти, а источники последних, казалось бы, целиком зависели от его поступков, желаний и воли. Однако с природными бедствиями уже почти везде было покончено, тогда как с социальными...

Тем благодатней казалась природа, спокойствие ее лесов, нега разнотравья, куда горожанин мог скрыться от тягостных проблем, нервных перегрузок и людской скученности. Заманчивая идиллия в духе Жан-Жака Руссо! Впрочем, если бы в лесах Швейцарии и Франции было полным-полно комаров, еще вопрос, возник бы у философа клич: «Назад, к природе!»

Однако даже заядлый урбанист не устоял бы в своем скептицизме, мчась погожим утром по синим холмам и безмятежным перелескам. Машина шла сама по себе, в окна, сменяя друг друга, врывались запахи земли, с коротким посвистом мелькали перила мостиков, проблескивали ручейки, и вчерашний разговор с его томительными недомолвками казался на свежем ветре вдвойне нелепым и глупым. Но не выходил из памяти.

И причиной тому были не столько личные переживания, сколько привычка исследователя докапываться до сути.

Хмурясь, Полюнов разглядывал мелькающий пейзаж! Тогда, ночью, он все-таки дозвонился до Лесса. И умолчал о событиях вечера. Не потому, что разговор мог прослушиваться, а потому, что вся эта нелепая история взволновала бы Лесса. Чего доброго, он разъярился бы и полез в драку. А что бы это дало? Ну, извиняться перед ним в департаменте (хотя вряд ли, скорей всего, отопрутятся). А смысл? Никакого. Только испортит себе настроение.

А ведь Бизи и это учел...

Впереди возник поворот с указателем. «Уралия», — прочел Полюнов. Машина замедлила ход и свернула с магистрали. Дорога запетляла среди соснового леса. Вскоре с холма открылся весь научный городок. Разбросанные в зелени коттеджики издали смотрелись как пряничные игрушки — такие они все были нарядные, пестрые, заманчивые. Меж ними были раскиданы башни и кубики лабораторий. Вдали синело море.

Когда-то своим умением хорошо устроиться славились монастыри. В этом научные городки им не уступали.

Очередной поворот открыл взгляду первое лабораторное

здание. Польшов невольно притормозил. Розовая, без окон, плоскость стены была испещрена звездчатыми кляксами, словно тут кто-то бил бутылки с чернилами.

У дороги стоял полицейский.

— Эй! — окликнул его Польшов. — Славные тут развлекались детишки, а?

Кивком он показал на испачканную стену.

Полицейский повернул голову с таким выражением лица, словно это движение стоило ему невесть каких усилий. Секунду он изучал стену. Затем — с тем же выражением — перевел взгляд на Польшова.

— Пресса?

— Нет, я...

— Шкуры, значит, везете?

— Какие шкуры?!

— «Какие, какие»... Саминебось знаете.

— Я ничего не знаю! Что вы имеете в виду?

— А, иностранец... Не из этих, стало быть. Ну проезжайте.

— А если бы я был из «этих», тогда что?

— Ничего. Ребята как ребята... Кто, что — едете, а не знаете. Вот помню...

Что полицейский помнил, узнать не удалось. Внезапно он уставился в небо. Польшов тоже посмотрел вверх.

Над гребнями сосен летели точь-в-точь ведьмы на помелах. «Ведьмы» были как на подбор: молоденькие, рыжие, в длинных развевающихся рубахах. На шалых лицах прозрачно стеклели глаза.

Оседланные «ведьмами» продолговатые летательные аппараты тонко звенели в воздухе. Оказавшись над головой полицейского, одна из них хихикнула и задрала рубашку. В просвете мелькнуло смуглое бедро. Полицейский ослабилась. «Ведьма» показала ему язык. Эскадрон скрылся за ближайшей купой деревьев.

Польшов читал о «ведьмах», но видел их впервые. Газетные представления оказались правильными.

— На шабаш полетели, — со вкусом произнес полицейский. — Местные. Утром, а? И ведь не пьяные — озорные. Это, я понимаю, жизнь, не тощища...

Польшов хотел было задать несколько вопросов, но полицейский уже повернулся спиной и занялся лицезрением шоссе, где показался какой-то виляющий автомобильчик. Польшов тронул машину.

Тенистые улочки встретили его тишиной и безлюдьем, точно было воскресное утро где-нибудь в доброй старой Англии. Два-три человека с собаками на поводке — вот и все прохожие. Шум мотора, казалось, заставлял морщиться чинные коттеджи.

Не слышно было ребячьего крика. Польшов взял управление на себя, отсчитал третий поворот и свернул налево.

Издали домик Лесса ничем не выделялся среди других, но Польшов сразу заметил его по обилию редкостных растений в саду и небрежно распахнутым воротам. С крыльца, светясь улыбкой, уже сбежал, вернее, скатывался сам хозяин. Польшов утонул в его пухлых объятиях.

Наконец объятия разомкнулись, и они, еще горячие от смеха и беспорядочных возгласов, взглянули друг на друга.

Когда человека не видишь много лет, а потом жадно в него взглядываешься, то в глаза прежде всего бросается то новое, что в нем появилось. Нельзя было сказать, что Лесс разительно изменился, постарел, обрюзг. Вовсе нет. Правда, он выглядел утомленным, даже очень утомленным, но дело было не в этом. Каким бы усталым или измученным ни оказывался Лесс, что при его трудолюбии случалось нередко, от него всегда исходил ток жизнерадостности, крепкого душевного здоровья, теплого спокойствия. Обаяние детской чистоты и непосредственности было так же свойственно Лессу, так же неотделимо от его личности, как пухлые ямочки на щеках, порывистость и одновременно округлая плавность жестов, как задумчивая манера подпирать кулаком подбородок или живой, отзывчивый блеск маленьких, глубоко посаженных глаз.

Все это было и теперь. Было, но не осталось прежним, как не остается прежним фарфор, едва глухой и тусклый звук от удара палочки выдает скрытую в нем трещину. То же самое открылось Польшову в поспешной, как бы прячущейся улыбке Лесса, в торопливой суете жестов и поразило его так, что он не пожелал довериться первому впечатлению. Лесс уже вел его в дом и говорил не переставая:

— Тут, понимаешь, у меня разор, разорение, пожалуйста, не обращай внимания, такие, знаешь ли, пустяки... Марта с детьми в горах, куда и мы тотчас двинемся, я теперь холостяк, сам себе голова, так что...

Никакого особого разорения в комнатах не замечалось, хотя все имело слегка нежилой вид. По дороге в кабинет Польшов успел спросить о здоровье семьи, а Лесс успел ответить, потом уже Лесс задал вопрос о дороге, и Польшов ответил, но когда они вошли в кабинет и уселись, то сразу замолчали. Сложив руки на округлом, достойном Пикквика, животишке, Лесс, тепло улыбаясь, глядел на Польшова, а Польшов, тоже улыбаясь, смотрел на Лесса. На стене в футляре красного дерева солидно тикали старинные маятниковые часы, и только этот звук был в комнате. Их взгляды встретились, и обоим вдруг стало хорошо, очень хорошо, совсем как прежде, лучше, чем в ту первую секунду, когда они кинулись друг другу в

объятия, и в Польшине смолкла тревожная мысль о том, что сразу после объятий все было не совсем так, как должно, и еще неизвестно, будет ли впредь, как должно, и что причиной тому не долгая разлука, не естественная неловкость первых мгновений встречи, а нечто совсем иное, пока непонятное.

Лесс встрепенулся.

— Ты здесь! — Словно не веря, он восторженным взглядом окинул рослую фигуру Польшина. — Да еще на день раньше, чем обещал. А я, грешным делом, уже верить перестал, что ты выберешься. Целых семь лет я тебя не видел — это надо же! — Он покачал головой. — Ну рассказывай. Нет, погоди! Побудь минуточку, я мигом.

— К чему беспокойство, я не голоден.

— Кто говорит о еде? — грозно прорычал Лесс. — Ты все забыл!

— Верно, верно, — покаянно улыбнулся Польшин. — Каюсь, забыл. Тащи свой эликсир.

Знаменитый «эликсир Лесса» давно уже стал легендой и потому, что Лесс рассказывал о нем доверительно, и потому что его мало кто пробовал, а кто пробовал, тот многозначительно крутил головой. Подобно тому как Менделеев гордился своим умением делать чемоданы едва ли не больше, чем составлением Периодической системы, Лесс считал, что истинных успехов он добился в «гастрономической», по его выражению, фармакологии. И все сокрушался, что проклятый космос мешало ему заниматься любимым делом, мало того — губит те настойки, которые он украдкой провозил на орбитальные станции. Ибо травы, как он псяснял, на редкость капризны в своих целебных и вкусовых свойствах. Брать их надо далеко не во всяком месте, в строго урочные часы, при особом состоянии погоды и даже активности солнца, а иначе получится обычная микстура, которую любой понимающий человек вылет в раковину. И потреблять настойку тоже следует в определенные часы, для каждого человека индивидуальные, согласованные с его биоритмами. Увлечение Лесса выглядело чудачеством, но Бергера от лучевой болезни вылечил именно он, и как раз травами. Поэтому, хотя над «зельями Лесса» добродушно посмеивались, говорили о них с уважением, как, впрочем, и обо всем, что делал Лесс, ибо сделанное им всегда оказывалось солидным, достоверным и значительным.

Лесс исчез из кабинета, а Польшин поудобней устроился в продавленном кресле и огляделся. Кабинет напоминал прежнего Лесса больше, чем сам Лесс. Заваленный стол, какие-то погребенные под бумагами и лентами приборы, изогнувшиеся винтом стопки книг — все было точно таким, как прежде. Разве что помещение тут было побольше, чем в космосе, и в нем

находилось больше самых неожиданных вещей. Явно не к месту тут был стереовизор — такому суперу полагалось находиться в гостиной, но там, насколько успел заметить Полынов, его как раз и не было. Непонятно почему на столе расположилась и желтая пластмассовая утка. Уму непостижимо, как дотошная аккуратность в работе и скрупулезная педантичность в выводах сочетались у Лесса с умением создавать хаос всюду, где он обосновывался. На корабле ни стерео, ни утки, конечно, не было. Но там, к примеру, всегда был чайник для гостей, которые у Лесса никогда не переводились. Интересно, есть ли здесь чайник?

Чайник был. Он стоял бок о бок с диспенсором, и оба предмета — прибор и чайник — были задвинуты под кресло, на сиденье которого лежала грудка каких-то стереокатушек. На подоконнике сушились непонятные корешки. Полынов взял один, понюхал и сморщился: запах был едкий.

Он еще раз окинул взглядом кабинет, смутно удивился, но не успел разобраться, что именно его удивило, потому что на пороге появился Лесс с бутылкой и стаканчиками в руках. Жидкость в бутылке была коричневой, на дне ее колыхались какие-то водоросли.

— Приступим, — торжественно сказал Лесс. — Я кладу жизнь на то, чтобы обычный пить при встрече заменить обычаем лечить. Надеюсь, твой главный биоритм остался прежним?

— Так точно, господин доктор. — Полынов шутливо поклонился. — Это от генов, господин профессор. Ритм не меняется, ты же знаешь, — добавил он уже другим тоном.

— «Я знаю только то, что ничего не знаю». Поверь мне, это мудрость всех мудростей. Ладно, в какой ты сейчас фазе?

— Неужели и это важно?

— Важно ли? — Лесс всплеснул руками. — И это спрашивает психолог! Когда, когда мы, наконец, станем относиться к человеку хотя бы так, как мы относимся к машинам? — проговорил он с внезапной яростью. — Да, да, к машинам, и нечего удивляться! Никто не включает мотор в сеть не с тем напряжением, никто не заливает в него бензин с помоями, а с человеком мы поступаем так сплошь и рядом!

— Ну-у... — протянул Полынов. — Потребуем равенства с машинами, да?

— Ты все смеешься! Равенство, хотя бы и так... Попробуй кто-нибудь поцарапать зеркало телескопа, пережечь компьютер, бросить сор в ракетное топливо — что будет? А оскорбить человека — это можно, измотать его — пожалуйста, оглушить — тем более! Не только разрешается, но и поощряется, не на словах, так на деле. Это вам не машина! Разве я не прав? Вот так-то...

Вспышка разрядилась неловким молчанием. Лесс захлоптал вокруг стола, смахнул с него бумаги, отодвинул утку, которая тут же заклевала носом, пошевелил губами, видимо рассчитывая в уме дозу, и, держа стаканчики на уровне глаз, отмерил жидкость.

Сделав глоток, Польшов сначала спросил себя, есть ли в этой жидкости алкоголь. Затем он спросил себя, а какой, собственно, у напитка вкус? И уж совсем он не смог бы ответить, нравится ли ему то, что он пьет.

А по глазам Лесса было видно, что такой вопрос не замедлит последовать. Отвратить его можно было только одним способом, и Польшов наконец решился высказать то, что с первой минуты не давало ему покоя.

— Прекрасно,— сказал он. И словно невзначай добавил: — А у тебя утомленный вид. Много работы? Или какие-нибудь неприятности?

— Что?— Взгляд Лесса метнулся.— Ах да, да, конечно, надо было бы сразу сказать, да вот не решился сразу, такие, понимаешь, дурацкие обстоятельства, просто невезение какое-то... Устал я, это верно, перенервничал, работы было много, теперь все не так, как прежде: ночь напролет — и свеж. Пустяки, конечно, но очень уж неловко, что я не в форме, и вообще...

Слова катились, как некстати рассыпанный бисер. Польшов торопливо закивал в ответ, ибо нет ничего более неловкого, чем попытка искреннего человека обойти правду.

— Что я, однако?— спохватился Лесс. Он озадаченно тер лоб.— Не то я говорю, Андрияша... Тут вот такая история: не ждал я тебя сегодня с утра. И осталось одно срочное дело, из-за которого мне придется тебя покинуть. До самого вечера. Только до вечера! А уж завтра... Не сердисься?

Он смущенно взглянул на Польшова.

— Интересно, как это я могу сердиться? — в сердцах сказал Польшов.— Я же сам виноват. Побуду один, что за церемонии!

Не рассчитав, он со стуком опустил стакан. Лесс удивленно моргнул. И тотчас же все стерла широкая улыбка.

— Ты прав.— Он вскочил.— Все это пустяки, суета сует, и для начала мы славно искупаемся. Пошли!

— Но ты спешишь...

— Время есть, успеется. Забыл: тебе понравилась настойка?

Рошу испещряли тропинки, но людей видно не было. Неподалеку гулко стучал дятел, в затененной траве матово по-

блескивали росинки, однако поляны уже дышали сухим зноем, и там, распуская алые плащики-подкрылки, из-под ног с треском выпархивали кузнечики.

— Тихо живете,— проследив их полет, заметил Полюнов.— Пустынно.

— Так все же разъехались — лето.

— Я бы отсюда вовсе не уезжал. Лес, тишина, море — что может быть лучше?

— М-да,— неопределенно согласился Лесс.— Тишины хватает... Успел посмотреть столицу?

— Немного.

— И какое впечатление?

— Разное.

— Применимо к любой столице. Дипломатом ты стал.— Лесс коротко вздохнул.

— Боюсь ненароком задеть твой патриотизм.

— Зря. Любопытно, как тут у нас — на свежий-то взгляд?

— Непонятно.

— Непонятно?

— Видел я тут одну надпись: «Разум...»

— А-а! Догадываюсь о содержании. Просто ты не привык к нашей повседневности. Она, знаешь ли, пестрая. Порой я думаю...

— Да?

— Мы слепые.

— В каком смысле?

— В историческом. Вот этот дуб,— Лесс махнул рукой в сторону могучего красавца,— не знает, что ему предстоит цвести, а потом дать желуди. Ему это и не нужно, не в его власти что-либо изменить. А мы? Что больше всего удручает, так это невежество, которое под видом образования передается детям. Математике не жалея времени учат. А тому, например, что все свойства психики, поведения дают разброс, который может быть выражен гауссианой? О великом эволюционном значении этой кривой им говорили? Кому известно, что без ее учета все рассуждения об этике, морали ничего не стоят? В каких школьных учебниках написано о законах поведения сложных систем, которым подчиняется и наше развитие? О тупиках и ловушках прогресса? Добро бы, все эти необходимейшие знания были новостью. Так нет же! Но об ультразвуковой соковыжималке, о речах политических однодневок, спортивных играх кричат на всех перекрестках, а об этом — нет.

— Ищи, кому это выгодно,— пробормотал Полюнов.

— Да, конечно,— понурился Лесс. Его лицо то вспыхивало в солнечных бликах, то погружалось в густую тень, отчего по-

переменно казалось оживленным и хмурым.— Хозяин и слуга, богатый и бедный, класс и классовая борьба — читал. Но узко все сводить к эгоизму правителей, их слепоте и алчности. Сознание человека отстаёт от им же вызванных изменений, иначе не объяснишь, почему научно-техническая революция, экологический кризис и многие другие застали нас врасплох. К чему такое запаздывание может привести в дальнейшем, ты, конечно, понимаешь.

— А чем оно вызвано? — прищурясь, спросил Полынов.— Не только тем, что добытые знания, как это вытекает из правила гауссианы, не могут сразу стать всеобщим достоянием и тем более служить руководством к действию. Не кажется ли тебе, что для кое-кого «человек технический» предпочтительней «человека разумного»? «Человек технический» — он же «потребляющий», «зрелищный», «одномерный», «узкопрофессиональный» — какой угоден, лишь бы не думающий, не понимающий, не действующий. Сам он становится таким или ему в этом очень и очень помогают?

— Опять ты видишь за всем классовый эгоизм! По-твоему, наши дорогие, в гробу я их видел, монополисты-капиталисты, креслозадые чиновники, сладкогласые политики враги себе? Не жажда всеобщего блага, но чистый инстинкт самосохранения должен им подсказать, что дальше так нельзя, что слепота массового сознания рано или поздно погубит всех — в том числе их самих.

Не удержавшись, Полынов фыркнул:

— Милый, дорогой Лесс! Разве французскую или русскую аристократию инстинкт самосохранения научил, что землю надо отдать крестьянам и установить хоть какую-то свободу? Где и когда в истории правящий класс добровольно, без боя умерял свой эгоизм? Вот уж чего не было, того не было. Так что не жди и не надейся.

— Тогда, видать, безнадежно, — сказал Лесс.

— Что?

— Все. Или быстрые, но контролируемые изменения, или кровавая операция. А кровь... — Лесс содрогнулся. — Может быть, уж лучше «бабуины».

— Это еще что за звери?

Лесс вздохнул.

— Надпись, о которой ты упоминал, — их рук дело. Позавчера — «ангелы», вчера — «пипизане», сегодня — «бабуины». Это как гной, как высокая температура, как лихорадка. Хватит об этой мерзости! Что-то мы не о том говорим...

Лесс умолк. В перелесках уже чувствовалось свежее дыхание моря.

Это верно, подумал Полынов. Очень даже верно. Я не го-

ворю о том, что произошло вчера. Лесс не говорит... Поди догадайся, о чем! Я молчу, ты молчишь, он, они молчат — такое вот упражнение в дипломатической грамматике. Гостю неловко вмешиваться, хозяину неловко впутывать гостя, да и пакостно, я бы вел себя точно так же. И все-таки мы говорим о том, что нас волнует. Да, да! Мы не вспоминаем прошлое, сенсации последних конгрессов нас не занимают, старых друзей будто нет вовсе, судьбы человечества нас, видите ли, интересуют больше, чем предстоящая рыбалка в горах Хлори. От кого и зачем мы таимся? Какого черта! Многолетняя дружба — или этого мало для полной откровенности?

— Между прочим,— заговорил он,— вчера мне довелось познакомиться с одним твоим соотечественником. Знакомство состоялось, надо сказать, при довольно странных обстоятельствах. Некий человек по имени Би...

Тропинка была узкая, Лесс шел впереди и вдруг застыл, как при звуке выстрела.

— Что?— Полынов быстро огляделся.

— Жук.

— Жук? Какой жук?

— Да вот же. Ты когда-нибудь видел такого? Полюбуйся: эндемик, местная фауна.

В воздухе, описывая спиральные круги, басовито гудел изумительный, отливающий перламутром жук. Он кружил настойчиво, упорно, как заведенный.

— Прелестный экземпляр, ты не находишь?

— Прелестный,— недоумевая, согласился Полынов.

Жук сделал еще один оборот и стал медленно, с достоинством удаляться. Лесс коротко и сухо рассмеялся.

— Ты чего? — с недоумением спросил Полынов.

— Так, ничего, вспомнился один анекдот. Мальчик ловит сачком жука, хочет наколоть его на булавку, а жук ему говорит....

— Жук?

— Он самый. «Разве папа не запретил тебе баловаться с электричеством?»

— Веселый анекдот,— сказал Полынов.— Очень веселый.

— Уж какой есть.

Вот даже как, сказал себе Полынов. Все будет хорошо. Значит, таким вот образом... Нюхай цветочки, стало быть, и вообще... Ну ладно. Лессу, в конце концов, видней. Да, ему видней.

— Не обессудь,— внезапно сказал Лесс.— День сегодня нескладный. Но ты не беспокойся, отдохнем на славу.

— Я не беспокоюсь,— ответил Полынов.— Нисколько.

— Вот и прекрасно.

...Край обрыва порос соснами. Стволы некоторых накренились, а корни повисли над пустотой, словно деревья спрашивали: «Шагнуть или не стоит?» Людей на пляже было немного, вдали ослепительно белели треугольные паруса яхт. Море с шумным вздохом накатывало на песок, оставляя неровные строчки пены.

Лесс и Польшов сбежали, на ходу стаскивая одежду.

Море — ласковое, теплое, колышущееся — приняло их, смыло заботы, убаюкало на волне. Они резали его гладь, ныряли, так что зыбкое пятно золотистого света вверху туманилось синевой, отдыхали на спине и снова ввинчивались в податливо-упругую воду. А когда они наплавались и вышли, их мокрые тела охватило приятное тепло. Они повалились на песок, раскинулись в блаженстве, как когда-то, как в детстве, до всяких полетов в космос, до проблем науки, которые пришлось решать, до степеней и званий, которых они достигли.

— Осторожней, тут мазут, — предупредил Лесс, когда Польшов захотел сдвинуться.

— Ничего, — пробормотал Польшов. — Я вижу.

Они помолчали, следя за полетом чаек.

— Дураки были эти кроманьонцы, — после недолгого молчания проговорил Лесс.

— Угу, — согласился Польшов. — А почему, собственно?

— Чего им не сиделось? Саблезубых тигров и всяких там пещерных медведей они уже победили, в их власти оказалась вся планета — и какая! Без промышленных комплексов, ядерных бомб, грязи, неврозов, проблем и наркотиков. Зачем их потянуло к цивилизации? Ловили бы себе мамонтов, ели, спали, нежились, как мы, на бережку, жили бы, не считая веков, — просто, спокойно, долго.

— Считаешь, могли бы? — Польшов лениво пересыпал меж пальцами песок.

— А разве нет?

— Конечно, нет.

— Так уж и нет? Неисчерпаемые ресурсы, никаких серьезных соперников, никаких, стало быть, стимулов прогрессировать.

— Сладкий сон о несбывшемся. — Польшов прикрыл глаза. Солнце светило в лицо и пронизывало тьму сомкнутых век всплесками багровых протуберанцев. — Прикончить бы того пещерного гения, которому не жилось спокойно, а? И не надо было бы старине Лессу спешить по своим высоконаучным делам, соорудили бы мы вместо этого шашлычок из мамонта... Чем плохо? Вот только прежде огонь следовало изобрести.

— Как знать, может, и стоило гения-то... — пробормотал Лесс.

— Идеалист несчастный! — Польшов перевернулся на

бок. — Кто только что говорил о ловушках эволюции? Никаких конкурентов, планета неисчерпаема, плодись, значит, кроманьонец, и процветай? Славно! Кроманьонец радостно последовал рецепту и размножился, как треска. А дальше? Дальше повальный голод. Много ли возьмешь с земли без скотоводства, посевов — прогресса то есть? Помирай или прогрессируй! Кроманьонец не дурак, знал, что выбрать.

— И ни от чего не спасся. — Кулак Лесса рубанул воздух. — Ни от голода, ни от смерти. В направленности эволюции я не хуже тебя разбираюсь. А что получается? Не вольны люди выбирать себе путь, вот что выходит! Мы создаем обстоятельства, они диктуют нам, как поступить, и мы поступаем — о, по доброй воле, конечно! — с учетом обстоятельств. Смысл, смысл? Других планет достигли, а счастья? Грызем друг другу глотку, кто кого сильнее, тот того и съел. И все, все говорят о благе. Как это у Платона в его законах устройства счастливого общества? Все должны не только повиноваться Закону, но и славословить его. Что мы публично и делаем.

Внезапная и яростная горечь Лесса, столь неуместная здесь, в солнечной неге, горечь без видимого повода, столь противоречащая характеру друга, так ошеломила Польшова, что он не сразу нашелся с ответом. А когда нашелся, то было уже поздно. Лицо друга обмякло, сконфузилось, взгляд, как бы ища отступления метнулся к часам.

— Боже мой — полдень!

Лесс вскочил, торопливо натягивая одежду.

— Ты извини, — бормотал он. — Веду я себя нескладно, говорю нескладно, но это в последний раз. Понимаешь?..

— Нет.

— Разумеется, разумеется. — Лесс, пыхтя, заправлял рубашку. (Польшов напрасно ловил его взгляд.) — Я тут нафилософствовал... Пустое, не обращай внимания. Все нервы, жара и спешка.

Польшов тихонечко присвистнул.

— Что?

— Так, ничего. Жара, нервы.

— Сердишься?

— Просто не понимаю.

— Порой я сам себя не понимаю. С тобой так не бывает?

— Бывает.

— Вот.

— А может быть, все-таки...

— Нет. Надо бежать. Не умею опаздывать.

— Ладно. До вечера.

— Да, да. Успеем, все успеем. Ты останешься или пойдешь куда?

Полынов заколебался. Ему показалось, что вопрос был задан не просто так. «Черт знает что, я становлюсь подозрительным...»

— Я еще часик-другой поваляюсь на песке.

— Правильно,— Лесс кивнул.— Отдыхай. Когда проголодаешься, в трехстах метрах отсюда — вон там — чудесный ресторанчик. Кстати, я достал настоящую красную икру.

— Икру? Зачем?

— Темный ты, оказывается, человек,— Лесс с улыбкой покачал головой.— Не рыбак. Это лучшая наживка для форели, которую мы завтра будем ловить.

— А-а!

— И только настоящая, заметь. От синтетической форель нос воротит. Чуешь, какие у нас перспективы?

— Чуть-то я чую...

— Значит, до вечера. Успеем, все успеем!

Серенькая с крохотным хоботком букашка карабкалась по откосу песчаной ямки. Съезжала вместе с песком, увязала всеми лапками и снова карабкалась. Иногда обвал даже переворачивал ее на спину, она беспомощно трепыхалась, чудом вставала на ноги и как ни в чем не бывало продолжала свой путь. Полынов, наблюдая за букашкой из недоступной ей дали, попытался взглянуть на мир ее глазами, и ему открылась огромная, безжалостно залитая солнцем пустыня с исполинскими барханами, которым не было ни конца, ни края. Вот так же примерно они с Лессом карабкались когда-то по черным увалам Меркурия, так же оседал под ногами песок, только на них были скафандры, и жара их не мучила, а неподалеку находился готовый принять их вездеход. Ничего этого у букашки не было: она ползла себе и ползла, неизвестно куда и неведомо зачем.

Полынов осторожно смахнул песчаный гребень, чтобы облегчить ей путь, но букашка испугалась, суетливо забегала и повернула в сторону. «Я бы тоже испугался, если бы передо мной ни с того ни с сего исчез целый хребет»,— лениво подумал Полынов. Он сел и огляделся.

Море вдаль было ярким, как синий расплавленный металл. Людей на пляже прибавилось, но оживления не чувствовалось. Двое парней тащили девушку в платье с явным намерением ее окунуть. Девушка притворно упиралась и повизгивала. Ничего это не касалось. Кто не купался, тот млел на солнце. Ближе всего к Полынову был мужчина в клетчатых плавках. Он угрюмо заправлялся пивом.

— Хотите?— он перехватил взгляд Полынова.— Нет? Вы правы: истина в вине, отнюдь не в пиве. В прогресс-сирующей наркотизации человечества! Ваше здоровье.

Он опустошил банку.

Полынов встал и пошел к морю. Строй медноствольных со-сен скрывал близость поселка. Лишь неподалеку, у причала, возвышалась круглая зеленовато-фарфоровая с белой винтовой опояской башня, должно быть какая-нибудь лаборатория. Впрочем, вида она не притила.

Взрезая волны, промчались влекомые дельфинами водные сани.

Полынов искупался в четвертый раз и слегка заскучал. Все бы, казалось, вот так нежиться на песочке, а что-то меша-ет. И непонятно что. Отсутствие привычки? Или нервная взвол-нованность Лесса, которая не идет из памяти?

Счастье пещерных жителей, хм... Сорок лет — уже дрях-лость, а до этого переломы, болезни, включая кариес, — и никто тебе не поставит пломбу. Завидная, что и говорить, участь.

Мужчина в клетчатых плавках осушил пятую банку пива и теперь закусывал какой-то рыбешкой. У Полынова засосало под ложечкой. Видно, пора было отдать должное изумитель-ному ресторанчику, о котором говорил Лесс.

Не торопясь, Полынов стал одеваться. Сосед принялся за шестую банку пива.

— Вредно столько на солнце, — сказал Полынов.

— А, — ответил тот. — Все едино.

Ему было далеко за пятьдесят. Почти недостижимый в пещерную эпоху возраст. Да и в более позднюю тоже.

Издали донеслись какие-то смутные крики. Все повернули головы в сторону башни. Там, похоже, сгущалась толпа. Вопи-ли что-то, размахивая руками. Кусты за чертой прибоя мешали толком разглядеть, что происходит.

Мимо Полынова стрелой пронеслась молодая девица. Ляз-гая зубами, она поспешно натягивала джинсы. Точно холод-ный ветер подул над пляжем. Те, кто был ближе к пристани, выскакивали из моря и, хватая одежду, бежали к лесу.

Донесся явно усиленный динамиком вопль:

— Вбить им в глотку!..

С пологой косы взлетели чайки.

Любитель пива торопливо обувался.

— Что происходит? — в недоумении спросил Полынов.

— Бабуины! — Тот с треском затягивал ремешок сандалий.

— Ну и что?

— А вот увидите что! Средь бела дня, надо же!..

Он наконец справился с ремешками и, подхватив сумку, затрусил к обрыву.

Так, так... Кляксы на стене, полицейский, тишина на ули-цах, бабуины. А ведь похоже, не в отпуск тут поразъехались! И Марта с детьми отправилась в горы не просто так. Но если

бы сегодня назревала опасность, то Лесс предупредил бы. Остался бы с ним. Тут и думать нечего — остался бы. Правда, он мог не предусмотреть, всего не предусмотреть. Тогда... Однако полиция, похоже, начеку. Чего же все перетрусили?

Полынов прибавил шаг. Ноги увязали в песке. Не все покинули пляж. Лица тех, кто остался, были растерянно-злорадные. Никто, однако, не двигался. Крики смолкли, потом возобновились — неразборчивые и похожие на рычание. Полынов влез на обрыв и выглянул из-за кустов.

Ну и ну!

На площади перед башней неистовствовала толпа человек в пятьдесят. Все были в шкурах, с палками в руках, мокрые от пота, все тряслись и орали. Кое у кого с синеватых губ слетала пена.

Наркотический транс? Чтобы лучше видеть, Полынов подался вперед, благо ни на что вокруг бабуины не обращали внимания. Их прыжки, конвульсии, приплясы напоминали и радения хлыстов, и камлание, и экстаз самобичевателей-шитов. Но сходство было внешним и далеко не полным. Громче всех орал хвостатый предводитель (хвост был тигриным). Он стоял на возвышении более чем странном: то была груда самых разных предметов — помятых стиральных машин, книг, разбитых компьютеров, стереовизоров, автомобильных колес и тому подобного. Правую ногу хвостатый оратор установил на грудную клетку робота, левой он попирал школьный глобус. С его губ слетал неистовый вопль:

— Вот они, вот они, клопные гнезда! Здесь, здесь воняет их тухлый мозг!

Указующий перст вожака уперся в башню. Его белое, жутко просветленное лицо фанатика исказилось. Grimаса судорогой пробежала по лицам остальных.

Невольно Полынов поискал глазами съёмочную аппаратуру — уж больно все это было нелепо. Никаких камер, разумеется, не было. И санитарных машин тоже. Улица, ведущая в глубь поселка, была пуста, ни одно окно не распахнулось. Отсутствовали и обычные в таких случаях зеваки. Поодаль, ни во что не вмешиваясь, стояли угрюмые полицейские. Офицер, наклонившись к автомобилю, что-то говорил в микрофон рации. За спинами полицейских суетилась горсточка репортеров. Над всем простиралось жаркое голубое небо.

— Где же ученые? — завывал оратор. — Где эти твари? Забились в норы, ха-ха! — Он зашелся лающим смехом, и тем же смехом ему ответила толпа. — Испугались, потому что с нами правда! Ага, ага! Кто создал ядерные бомбы? Мы? Они! Кто травит всех химией, микробами, лучами? Мы? Они! Кто вы-

думывает проблемы? Они, они! Стали мы счастливей после всех их дерьмовых открытий? Да или нет?

— Нет!— взвыла толпа.

— Так вбить их всех в землю!

Оратор топнул по грудной клетке робота, возвышение осело, и он покачнулся. На его потном лице мелькнуло изумление, но он тут же оправился.

— Друзья полицейские! (Полицейские вздрогнули и подтянулись.) Вы же такие, как мы! Вам нужны звезды? Мегатроны? Телескопы и микроскопы? Или вас не посещает бессонница? Или ваши жены не рожают уродов? Вы с нами, да, да, с нами, наш враг — ваш враг!

Толпа устала кричать и бесноваться, все это чем далее, тем более напоминало иступленный, но все же политический митинг. На шее оратора болталось ожерелье. Сначала Польшов решил, что это какие-то ракушки, но, взглядевшись, он обнаружил, что это самые обычные усилители. Толпа продолжала размахивать кулаками и палками, солнце палило, шкуры развевались, запекшиеся губы извергали проклятия; все это выглядело омерзительно, но не зловеще, и Польшова даже разобрал смех. Это надо же — проклятия науке изрыгать в микрофон! Да и шкуры, конечно, из синтетики.

Его уже не удивляло отсутствие санитарных машин — ведь там, где начинается политика, кончается психиатрия. Почему, однако, затаились обитатели вилл? Почему не пришли разогнать этот нелепый и дурной цирк? Подумаешь, пятьдесят человек... Одних лаборантов здесь наверняка втрое больше. Где же они? Конечно, Акутагава прав, говоря, что слабость свободного мыслителя в том, что он свободно мыслит и потому не может сражаться яростно, как фанатик. Но здесь и не надо сражаться, достаточно показать кулак!

А что, если... Польшов с досадой прогнал мысль, но она тут же вернулась. Ведь то, что орет этот истерик, созвучно с тем, что недавно говорил Лесс!

Значит, что же? Комплекс вины? У Лесса?!

Сначала все бабуины казались Польшову на одно лицо — потное, фапатичное, орущее, перекошенное. Теперь он видел, что это далеко не так. Лица, если стереть с них истерию, были самыми обычными. Не зверскими, низколобыми, а вполне нормальными, у некоторых даже интеллигентными.

— В пещеры!— надрывался вожак.— К простоте! Истребим мысль!

По его знаку из толпы выбежал голый, с цветочным венком на шее ребенок, худой, прелестный и замурзанный. Он остановился, ошалело и дико озираясь. Кто-то сунул ему в руки факел. Подталкиваемый кричащей толпой, он поднес факел к

груде предметов и неумело ткнул его в ворох перфолент. Занялось коптящее пламя.

С меня хватит, сказал себе Полынов. Это уже было не раз — и давным-давно, и недавно. Известно, чем это грозит, сколько раз одно и то же, известно, чем кончалось, но все повторяется снова и снова. Чудесный отпуск, замечательный отдых!

Он повернулся и побрел прочь.

Не успел он сделать и десяти шагов, как сзади ахнул взрыв.

Рефлекс сработал тут же. Мгновение — и Полынов уже был на земле. Там, где только что возвышался хвостатый оратор, гулко рвалось и дымило. Над головой со свистом пронесся тубус микроскопа. Ребенок... Гады, сволочи!.. Истошно вопя, враспынную бежали бабуины. На некоторых тлели шкуры. Было отхлынувшие полицейские — пока Полынов стоял и смотрел, их стало куда больше — на ходу вытаскивая оружие, ринулись наперехват и вдогонку.

Полынов очутился на виду. Словно кто-то другой, хитрый и опытный, скомандовал ему, что делать. Подняться, встать, уйти. Только не бегом — в полицейских воспитан навик гончих. Надо превратиться в тупого, оглушенного событиями, быть может, пьяного зеваку. Личность, заведомо постороннюю и до конца ясную наметанному глазу полицейского. Пусть его походку отождествят с походкой человека под хмельком; сейчас, когда работают самые примитивные стереотипы, пьяный никого не интересует. Обыкновенный, так сказать, пьяный.

Пусть рядом бегут, пусть. Глупо влипать в историю, которая тебя вовсе не касается. Хорошо, прекрасно, эти кусты прикроют. Теперь шаг можно сменить на прогулочный. Гуляет солидный человек, идет по своим делам, рядом какая-то катавасия; солидный человек недоуменно пожимает плечами и, естественно, продолжает свой путь. Чуть быстрее прежнего, но это тоже естественно.

А вот и шоссе, тут снова можно стать самим собой. Но выходить на шоссе не стоит, лучше тропинкой вдоль, да, лучше.

Провокация. Взрыв — это, конечно, провокация. Кого, зачем, с какой целью? Темный лес! К нему она, во всяком случае, не имеет отношения. Если бы имела, то вся эта игра в психологическую невидимость окончилась бы иначе. Да нет, даже предполагать такое глупо. Кому он тут нужен? Правда, Бизи он был нужен... Все равно нелепо. И дико. Дико — это само собой. Существует ли общественная психопатология? Не личная — с ней давно разобрались, — а общественная. Типа крестового похода детей, охоты на ведьм или молений с цитатниками. Вопрос, уважаемые коллеги, далеко не академический. Как и ребенок с факелом.

Нет уж, решил Польшов. Пообедаю и запрусь в доме Лесса. И носа не высуну, хватит.

Молнии я, что ли, притягиваю?

Издали, нарастая, донесся вой сирены. Срезая повороты, на шоссе вылетела пожарная машина. Вторая, третья. Там, куда они умчались, над деревьями поднялся дым, которого не было минуту назад.

Какое-то мгновение Польшов стоял задрав голову. Потом он рванулся и побежал, ничего уже не видя, кроме клуба дыма, который медленно ширился в прозрачном небе.

Ни тогда, ни позже он не смог себе объяснить, что сорвало его с места, отчего мир внезапно стал пустым и страшным.

Пока он бежал, пока невыносимо медленно тянулась лента шоссе, пока столь же невыносимо длились секунды, он видел лишь это лениво набухающее облако дыма. Чистенькие домики по сторонам, солнце в окнах, деревья, ограды, клумбы с цветами, теперь плоские и невыразительные, существовали сами по себе, вне этого бега, вне этого мира.

Уже перед поворотом Польшов услышал звук, который нельзя было спутать ни с каким другим,— свирепый звук бушующего пламени.

Задыхаясь, он одолел поворот.

Дом Лесса горел так, словно в недрах его работал мощный, нагнетающий огонь компрессор. Пламя рвалось изо всех окон верхнего этажа. Длинные, прозрачные в полуденном свете языки огня, трепеща, крутили протуберанцы копоти и сажи. Как черный снег, в воздухе порхали хлопья пепла. В разбитых окнах нижнего этажа клубился пронизанный багровыми отсветами дым. Он густо валил наружу. Там, где дым смешивался с беснующимся пламенем, оно тоже багровело и как бы распухало. Все звуки перекрывал ярый треск огня.

В некоторые окна уже били синеватые струи антитерма. Там что-то лопалось и трещало. Оттуда сочился неправдоподобный здесь нежно-перламутровый пар. Пожарные взламывали дверь, двое других лезли в окна.

— Там никого?— крикнул Польшов санитару, который, облокотясь о капот машины, с профессиональным бесстрашием наблюдал за пожаром.

— Видать, никого, дверь заперта.— Санитар вынул пачку сигарет.

Польшов облегченно вздохнул, припоминая, что ему говорил Лесс. Да, его не может быть здесь, это точно, он где-нибудь в лаборатории. Ужасный день.

— Поджог,— сказал санитар, закуривая.

— Поджог?

— А вы что, не видите?

Он ткнул в сторону. Слева, вероятно в полукилометре, расплывалось еще одно облако дыма.

— Бабуинов, говорят, трахнули, вот они и взвились,— пояснил санитар.

Ударили еще две струи антитерма. Пожарные, взломав наконец дверь, ринулись в черно-огненное месиво.

— Сумасшедшие...— только и мог проговорить Польшов.

— Им платят за это.

— Я о бабуинах.

— Какие же они сумасшедшие? Рассуждают они куда как здраво.

— Здорово? --

— А то нет! Равенство — так уж равенство. И чтобы без никаких! Он почему угнетатель? Потому что умник, ловчила, сладко пел, да крепко на шею сел... Ага, вроде бы и нам есть работка!

Отбросив сигарету, санитар вразвалку двинулся к дому. Польшов опередил его, прежде чем до сознания дошел страшный смысл произнесенного.

Из крутящейся в проеме черно-багровой мглы выступили двое пожарных в закопченных скафандрах. Они несли что-то большое, темное, жуткое. Польшов рванулся, опрокидывая заслон. Пожарные уже спускались со ступенек, вокруг них шипело перламутровое облако антитерма. Кто-то схватил Польшова за плечо, в лицо вместе с жаром ударил запах гари. Но Польшов уже ничего не слышал, не чувствовал, потому что это большое, обугленное, жуткое было Лессом.

— Садитесь.— Бизи внимательно посмотрел на Польшова.— Не мешает подкрепиться, а?

— Лишнее.

— У вас на виске сажа.

— Это имеет значение?— Польшов машинально потер висок.

— По-моему, никакого. Минуточку.

Бизи опустил плотную штору.

— Кустарное, но довольно надежное средство защиты от лазерного подслушивания,— пояснил он.— Эти скряги из бюджетного управления до сих пор считают, что мы можем обойтись без «звукового шатра».

— Вот даже как?

— А о чем я вчера говорил? Разговор предстоит долгий... Может, все-таки выпьете?

— Содовой, если можно.

Бизи склонился над баром. Кабинет тонул в полусумраке.

Обстановка в кабинете, он сам в этом кабинете, звяканье бутылок вдруг показались Полынову столь нереальными, что он вздрогнул. В ушах еще стоял рев огня.

Зашипел сифон. Полынов взял узкий стакан и едва не расплескал воду: точно такой же стакан был тогда, там, в доме человека, которого уже нет в живых.

— Себе я позволю глоток чего-нибудь покрепче, — донесся голос Бизи. — Хороший амортизатор, зря пренебрегаете. Думаете, вы один потрясены? Ошибаетесь. Смерть Лесса и для меня удар. Вам известно, что сейчас, здесь должен был сидеть он?

— Все-таки он работал на вас? — вырвалось у Полынова.

— В том-то и беда, что нет. Я оказался кретином! Не стыжусь в этом сознаться. Вам не терпится узнать, отчего погиб Лесс? Или лучше по порядку?

— Лучше по порядку.

— Правильно. — Бизи кивнул. — Напомню. С недавних пор у нас возникли и стали развиваться некие настроения...

Голос Бизи шел как из тумана. Хотелось откинуться в кресле, закрыть глаза, побыть наедине с собой. Но этого нельзя было делать. Тем более нельзя было допустить, чтобы в мысли врывался ревуший треск пожара, то черное тело, которое проплыло тогда на руках и скрылось в кузове санитарной машины.

— Вообще говоря, всякие необычные настроения и причуды не такая уж редкость, — размеренно продолжал Бизи. — Уже лет сорок, к примеру, существует общество любителей дымного пороха. Порой эти чудаки арендуют музейную пушку и с разрешения полиции тешат себя выстрелами где-нибудь за городом. Личное дело, никого не касается. Год назад явился очередной пророк «конца света», и на его проповеди стекались тысячи идиотов. Все это нормально. Поэтому мы сначала не беспокоились, тем более что недоверие, даже враждебность к науке отнюдь не новость. Обычный комплекс неполноценности, я так считаю. Когда настроения усилились, наши теоретики объяснили и это. Вас интересует — как?

— Только, пожалуйста, покороче.

— Могу в двух словах. Религия изжила себя, но массовое мышление осталось религиозным. Вакуум заполнила наука. Она стала объектом веры, преклонения, от нее ждали благ, чудес, спасения. Однако устои веры уже подмыты самой наукой, и людям не хватает былого долготерпения. Наука явила не те чудеса, которых ждали, она не упростила, а усложнила жизнь. Тогда слепое обожание сменилось столь же слепой ненавистью.

— Дальше?

— Насторожила нас интенсивность вспышки. То, что антинаучные настроения быстро охватили все слои общества. Даже самих ученых, не странно ли?

Полынов покачал головой.

— Обычная путаница понятий, — сказал он. — Если человек работает в лаборатории — значит, он ученый, а раз ученый, то, стало быть, мыслитель. На деле не так! Для многих так называемых научных работников вне профессии характерно обыденное, порой дремучее мышление. Продолжайте.

— Слова, сборища, надписи нас мало беспокоили. Излишек общественной энергии всегда должен на что-то расходоваться, и, пока он тратится на сотрясение воздуха, все идет как надо. — Решительным взмахом руки Бизи подчеркнул свою мысль.

Погоны! Полынов понял, чего не хватало Бизи, что делало его облик незавершенным. Он казался затянутым в мундир, хотя сидел на краешке стола, совсем по-штатски, обхватив руками ногу.

— Затем мы получили одну очень важную информацию, — проговорил Бизи. Он внимательно посмотрел на Полынова. — Вы хорошо знакомы с механикой валютно-биржевых операций?

— Больше по романам Джека Лондона и Гротмана.

— По романам?

Пожалуй, впервые Бизи удивился. У него был вид человека, которому заявили, что представление о выпивке можно составить по антиалкогольным брошюрам.

— Да-а... — протянул он, меняя позу. — Тогда вы, пожалуй, не поймете.

— Попробуйте, может, и пойму.

— Нашу страну в некотором смысле стоит рассматривать как единый торгово-промышленный концерн, который, естественно, остро конкурирует с другими иностранными и международными корпорациями. Недавно мы добились кое над кем перевеса. И вдруг мы узнаем, что какие-то силы начали такую закулисную игру, как будто наш концерн вот-вот лопнет. Понимаете?

— Вы считаете, что одно связано с другим?

— Вчера утром я еще сомневался, уж очень все это фантастично. Сегодня я располагаю доказательствами, что дело обстоит именно так.

— Это доказательство — гибель моего друга? — Как ни сдерживался Полынов, голос его дрогнул.

— Доказательство было получено раньше, и дали мне его вы.

— Я?!

— За вами вчера следили. А мы засекли эту слежку.

— Что за бред? Кому это нужно? Я же не имею ни малейшего отношения...

— С той самой минуты, когда вы сошли с космолета,— имели. Пожалуйста, не смотрите на меня так, я сейчас все объясню. Начну с возникшей у меня гипотезы. Вы слушаете?

— Еще бы!

— Допустим, связь между событиями у нас и на бирже не случайна. Допустим, кто-то применил против нас новое психологическое оружие. Возможно ли это? Наука убедила нас, что невозможное вчера становится осуществимым завтра. Психологические средства борьбы применяются со времен Адама, сейчас они быстро совершенствуются. Не исключено, что логическим завершением этого процесса явится создание принципиально нового оружия — своего рода психологической сверхбомбы. После появления атомного оружия заблуждаться на этот счет было бы недалековидно. Легко вообразить такую ситуацию. В середине сороковых годов, до Хиросимы, кто-то решил применить против нас ядерное оружие. Но не бомбу, а радиоактивную пыль. Можно ее незаметно рассеять по всей стране? Конечно. Люди массами заболевают и гибнут, медики, которые еще незнакомы с лучевой болезнью, сбиваются с ног в поисках возбудителя эпидемии, а страна продолжает катиться в пропасть. Если в ней не развита ядерная физика — а во многих ли странах была развита ядерная физика к моменту Хиросимы?— кто догадается, что нужны не эпидемиологи, а физики, не шприцы, а счетчики Гейгера? Пока все это откроется, страна может десять раз обезлюдеть.

Бизи перевел дыхание и залпом опустошил бокал.

— Психологическое оружие могло оказаться еще более неуловимым,— продолжал он.— Если оно действительно применено, то кого должен спасаться противник? Специалистов, которые могли бы сообразить, что к чему. Логично, не так ли? Психотехника у нас развита слабо. Какие у нас тут фигуры? Лесс да Горах, но он тяжело болен. Однако кое-что может пронюхать контрразведка. Какой-нибудь Бизи сопоставит факты, придет к далеко идущим выводам, мобилизует местных ученых, наконец, пригласит зарубежных специалистов. Итак, если гипотеза верна, то кое-кого должно было насторожить внезапное появление некоего Польшова, его приезд к другому крупному специалисту — Лессу. Да еще в самый критический, с их точки зрения, момент. Здесь появление крупного ученого-психолога все равно что подход танковой армии к полю боя второй мировой войны. Как расценивать приезд этого Польшова? Случайное совпадение? А может, не случайное? Короче, рассуждал я, если мои расчеты верны, то за Польшовым, скорее всего, проследят — куда он поедет, зачем, с кем встретится.

Бизи с торжеством посмотрел на Польшова, словно тот был творением его рук.

— Вот где я мог получить доказательство или, наоборот, опровержение! Сыграть надо было тонко, и я сыграл. Прежде всего я вывел из игры Лесса. Почему? Да потому, что уже на ракетодроме из вашего разговора выяснилось бы, что друзья думают лишь об отдыхе. А попробуйте засечь квалифицированную слежку в толпе! Все было бы куда проще, если бы Лесс согласился с нами сотрудничать. Но он чуть не высмеял нас, когда мы беседовали несколько дней назад. Полезным оказалось лишь то, что я мимоходом узнал о вашем визите. Остальное было делом техники: Лесс на космодроме не появился, и мы встретились с вами наедине. Конечно, я не рассчитывал, что вы согласитесь помочь нам, это был бы слишком щедрый подарок судьбы. Зато я рассчитывал — и этот расчет оправдался, — что мое появление у вас «в плаще и маске» подтвердит опасения заговорщиков: вы — тайный консультант нашей службы. Не слишком этично, но политика не имеет ничего общего с этикой. Все произошло, как я и ожидал. Вы выставили меня вон, однако мы успели засечь, что наша встреча кое-кого заинтересовала. Такова предыстория. Есть вопросы?

— Не совсем понимаю, зачем кому-то потребовалось применять против вас психоружие. Хотя конкурентная борьба, коль скоро вы являетесь собою концерн...

— Поедание тоже можно назвать конкуренцией. — Бизи невесело засмеялся. — О да, конечно! Я могу назвать три-четыре международные компании, чей бюджет повесомей бюджета иного крупного государства. Каждая из этих компаний охотно обрушила бы на нас мор и землетрясение, если бы могла. Так что логика тут, к сожалению, есть. Надо или нет испытывать оружие в полевых условиях? А если одновременно представляется возможность устранить конкурента? Антинаучные настроения существуют; если все проделано чисто, то вспышку, конечно же, объяснят естественными причинами. А если даже что и просочится, то урок произведет впечатление. Почему-то мне кажется, что новое оружие рассчитано не на такую, как мы, в общем-то, мелкую дичь... Кто знает... Ну, вы понимаете.

— Забота о чужих интересах? — спросил Польшов. — Это что-то новое.

— Чистый эгоизм, как и все в политике. Вы видите, я вполне откровенен. Вы нужны нам, потому что заведомо не работаете на наших врагов, но я хочу убедить вас, что и вы заинтересованы в сотрудничестве.

— Можете не убеждать — излишне. Кстати, вы не знаете, как там с мальчиком?

— Мальчиком? Каким мальчиком?

— Он был среди бабуинов. Подносил факел.

— О мальчике мне ничего не докладывали. Это имеет значение?

— Для дела — нет. Просто вспомнилось.

— Значит, вы оказались в самой гуще?

— Да.

— Очень неосторожно. — Бизи покачал головой. — Очень.

— Знаю.

— Ладно, оставим это. Забыл вас спросить: вы не голодны?

— Голоден? Пожалуй. Но это потом. Значит, так...

Полынов, что с ним случалось крайне редко, потерял нить мысли. Он обвел взглядом кабинет. Вот уж где порядок! Шкафы, сейфы, батарея видеофонов, темные, под дуб, панели, портрет основателя республики, нигде ни пылинки, намеренная или просто сохранившаяся старомодная солидность *очень ответственного* учреждения. Учреждения, где принимаются *важные* решения. Полумрак соответствовал ему как нельзя лучше. Пожалуй, сам Бизи выглядел не совсем созвучно своему кабинету. Он был современной, что ли. Как правило, обстановка меняется быстрее, чем люди, но бывают и исключения.

— Если я правильно оцениваю события и последний разговор с Лессом, то он искал это самое оружие, — заговорил Полынов. — И даже, скорей всего, нашел. Как вы могли допустить его гибель?!

— Я уже назвал себя олухом, вам мало? — воскликнул Бизи. — Разве я мог предположить, что он станет действовать в одиночку? Это же абсурд! Не могу понять, почему он не поставил нас в известность, почему не посоветовался..

— Бизи, вы обращали когда-нибудь внимание на кресло перед своим столом? Кресло для посетителей?

Бизи чуть поднял брови.

— Кресло как кресло, — он искоса посмотрел на него. — Мягкое, удобное. Не улавливаю вашу мысль.

— Низкое. Мягкое и низкое кресло. Когда вы сидите за столом, то возвышаетесь над посетителем.

— И что же?

— Просто маленький характерный штрих, который выдает подлинное отношение власти к рядовым гражданам.

— Какая чепуха!

— Ну, если вам и теперь не ясно...

Бизи нахмурился.

— Важней всего — дело, — сказал он отрывисто. — Умный человек не обращает внимания на мелочи.

— Умного человека отличает умение замечать и делать выводы. Иные мелочи красноречивы, как мухи в сметане.

— Я говорю о содержании.

— А я о форме, которая определяется содержанием.

Бизи взволнованно прошелся по кабинету.

— Кресло — подумать только! — он покачал головой. — А ведь кое в чем вы, пожалуй, правы. Чем талантливей человек, тем сильнее в нем чувство собственного достоинства, это я замечал. Впрочем, достаточно философии, — он резко взмахнул рукой. — По-вашему, Лесс мог дознаться, какое оружие пущено в ход?

— Я знаю Лесса. Он отказался, а потом задумался над событиями. Стал изучать — ведь он исследователь! Вероятно, докопался до сути и где-то неосторожно проговорился. Иначе его смерть необъяснима.

— Согласен. Убили его, конечно, до пожара. Все точно разыграно. Ни человека, ни записей, а внешне — слепая месть бабуинов.

— Он работал только дома, вы проверили?

— Сразу же. Последние дни он почти не бывал в лаборатории.

Полынов прикрыл глаза. Лесс, Лесс!.. Ты работал, когда я летел сюда, работал, когда я гулял по городу. Ты работал, как всегда, тщательно, но очень, очень спешил, ибо хотел все закончить до моего приезда, чтобы не нарушить мои планы, чтобы я мог отдохнуть. И другое тебя подстегивало... Когда я появился, ты, вероятно, уже знал многое, если не все, и чего-то опасался. Но ты считал, что все это не мое дело, поскольку я гость и это не моя, а твоя страна. Ты оборвал разговор, едва он принял опасный поворот, и этим, быть может, сам того не подозревая — а может, как раз подозревая? — спас мне жизнь. Ведь каждое наше слово, скорей всего, слушали, и, если бы мы тогда сказали друг другу все, я не остался бы посторонним и тоже, скорей всего, был бы уже мертв. А возможно, наоборот, мы оба уцелели бы, потому что всегда хорошо дополняли друг друга и справиться с нами было бы нелегко. Но что теперь гадать!

— Никаких концов не осталось, — сказал Бизи, мрачно глядя на пустой бокал. — Все надо начинать с нуля. Все!

— Не все. — Полынов встал. — Вы можете быстро создать мне необходимые условия?

— Господи! — Бизи вскочил. — Все, что угодно. Любые лаборатории, любые силы!

— Вся королевская конница не потребуется. Нужен душ, чтобы я окончательно пришел в форму. Комната. Стереовизор типа «супер». Диспенсор...

— Неужели Лесс намекнул вам?

— У меня были глаза и мозг, который, хотя и туго, сооб-

ражает. Еще мне потребуются все стереоленты, которые в последний месяц прокручивали ваши станции и продавали ваши магазины.

Отведенная ему комната оказалась предусмотрительно зашторенной. Столь же предусмотрительно небольшой столик в углу был уставлен всевозможными напитками. Вдоль стены возвышался штабель картонных ящиков. Польшов снял верхнюю коробку.

— Это все катушки с лентами?

— Вы просили за последний месяц,— пояснил Бизи.— Здесь примерно половина требуемого. К сожалению, у нас было мало времени. Но остальное будет доставлено в течение ближайших часов. Вы недовольны?

— Мне надо подумать. Не ожидал увидеть такое количество.

— Может быть, вы поясните...

— Потом. Больше мне пока не надо. Ничего не надо.

Бизи послушно наклонил голову.

— Мне уйти?

— Оставайтесь. Только ни о чем пока не спрашивайте.

Бизи удалился в угол, сел и замер, как мышь.

Кресло, в котором расположился Польшов, оказалось отличным. Оно тотчас приняло форму тела, в нем можно было развалиться, вытянуть ноги, что Польшов и сделал. Напротив стоял стереовизор. Почти такой же был тогда в кабинете Лесса; с тех пор, казалось, прошла вечность...

Теперь надо вспомнить, что и как было тогда. Все, до мелочей. Опросим память, как свидетеля. Что было в кабинете Лесса необычным? Стереовизор. Утка... Нет, утка к делу не относится. А вот диспенсор относится. Там были и другие приборы, но все они не связаны со стерео. Пока вычеркнуть. Стереокатушки... Их было несравненно меньше, чем здесь. Скорей всего, то были отобранные катушки, те, которые всегда должны находиться под рукой. Так или нет? Проверим. Закономерности хаоса, который, работая, создавал Лесс, тебе хорошо знакомы. Где лежали катушки? Ага! Да, именно так, с ними работали. Привычка — штука консервативная; местонахождение вещи многое может рассказать о занятиях человека.

Но какие это были катушки?

Чувства Польшова были сейчас так напряжены, что он спиной ощущал настроение Бизи. Тот был явно встревожен: человек, на которого сейчас вся надежда, лениво развалился в кресле и с отрешенным видом смотрит куда-то в пространство.

— Бизи!

— Слушаю.

— Можно вас попросить вытряхнуть содержимое всех этих коробок на пол?

Да, что бы ни думал Бизи, а повиноваться он умел. Секунда — и на пол хлынул поток разноцветных катушек с интригующими картинками на обертках.

Полынов с унынием воззрился на эту груды. Конечно, в ней находились и те катушки, которые были тогда в кабинете Лесса. Однако они терялись в общей массе, и Полынов, как ни пытался, не мог вспомнить, был ли у них общий признак, и если был, то какой.

— Бизи, я вижу, вы изнываете от нетерпения. Не стану изображать Шерлока Холмса. Проследите за ходом моих рассуждений, может быть, вам что-нибудь подскажет ваш богатый опыт.

— Правильно, — кивнул Бизи. — Признаться, я почувствую себя лучше, когда вы дадите мне кончик нити.

— Бойтесь, что меня постигнет судьба Лесса?

— Вот уж нет. Меры приняты, нас охраняют, как священных коров. Просто я считаю, что все в порядке тогда, когда чужие секреты оказываются у меня в голове. Профессиональная привычка, знаете ли... Почему вы так уверены, что нас бьют с помощью нашего собственного стерео?

Выслушав соображения Полынова, Бизи покачал головой.

— Эта мысль приходила мне в голову. Но я ее отверг.

— Слишком очевидна?

— Не только. Обычную отраву, конечно, эффективней всего рассеять в водопроводе, а психологическую — в эфире. Но сделать это незаметно, минуя все фильтры... Первое, что мы проверили, так это состояние каналов массовой информации.

— Нелогично, Бизи. Вы поверили в новое психологическое оружие и не верите, что оно способно поражать незаметно.

— Вот поэтому мне и нужен ваш ум. Какое-нибудь волновое воздействие, излучающие установки вы сбрасываете со счета?

— Пока — да. Во-первых, потому что не этим занимался Лесс. Во-вторых, потому что этим, безусловно, занимаются ваши технические службы (Бизи кивнул). В-третьих, какое-нибудь микроволновое, поражающее мозг излучение — это физика, это техника; здесь нужны другие люди, другие специалисты. Наконец, самое главное. Любую установку можно засечь, захватить и представить как вещественное доказательство.

— Вы считаете, что тот тип оружия, который мы ищем, нельзя выявить?

— Выявить, само собой, можно. Но... Взгляните на мой палец.

— Зачем?

— Фиксируйте его взглядом. Так, так... Следите за его движением. Теперь за движением моих губ. Прекрасно. Я убираю палец. Что, по-вашему, произошло?

— Ничего. Вы разыграли какую-то нелепую сцену.

— Простите! Эта «нелепая сцена» позволила мне проверить вашу расположенность к гипнозу и даже кое-что внушить.

— Так я вам и поверил! Я тоже кое-что смыслю в гипнозе.

— Вот именно «кое-что». Этого мало. Я применил сложную технику.

— Вы действительно мне что-то внушили?

— Внушил.

— Что?

— Я велел вам забыть догадку, что вы подвергаетесь гипнозу. Начисто исключить ее. И вы ее исключили, разве не так? Бизи потрясенно уставился на Польшова.

— Какому суду теперь вы представите доказательства моего преступления?— продолжал Польшов.— И какие? Вот о чем идет речь.

— Вы...— впервые у Бизи не нашлось слов.— Нет, сдаюсь! Не могу понять, как это вы проделали!

— А если не проделал?— Польшов уже не скрывал иронии.— Если это мистификация, маленькая месть за вчерашнее? Я ведь злопамятный. Способны вы теперь найти истину? Вот то-то. Такова специфика наших средств... Но — к делу. Вы, стало быть, ничего мне не можете подсказать?

— Нет.— Странно было видеть Бизи ошарашенным и даже неспособным скрыть это.— Если Лесс и нашел разгадку... Сначала он, очевидно, просматривал пленку за пленкой, а у нас на это, боюсь, нет времени.

Польшов задумался. Если бы вспомнить! Вспомнить, какие именно пленки лежали тогда на кресле. В ту минуту он кинул на них рассеянный взгляд. Этого вполне достаточно, чтобы точный их образ навсегда запечатлелся в подсознании. В подсознании, а не в сознании, вот в чем загвоздка. Подсознание ничего не забывает, оно хранит мельчайшие мелочи, и какой-нибудь Плюшкин лишь жалкое подобие того Великого Скупца, чье имя — подсознание. И это счастье, что оно так скаречно, иначе бы память раздавила сознание. Но сейчас Скупца во что бы то ни стало надо заставить раскошелиться.

Прикрыв глаза и сосредоточившись, Польшов перепробовал несколько мнемонических приемов. Тщетно! Мозг, этот самый могучий и самый непослушный инструмент человека, бастовал.

«Если прибор барахлит, а у вас нет времени на починку, стукните его кулаком»,— вспомнилась шуточная инструкция, которой, однако, нередко и не без успеха следовали.

— Бизи, не найдется ли в вашем хозяйстве старого продавленного кресла?

— Кресла?— широко раскрыв глаза, переспросил Бизи, ходивший до того из угла в угол.— Опять кресло?

— Форма не столь уж важна, а цвет должен быть коричневатым. Еще нужен чайник, груды бумаг, книг... Пожалуй, достаточно.

К достоинствам Бизи относилось то, что приказ он привык выполнять тотчас, какие бы мысли при этом его ни терзали. Не прошло и получаса, как все требуемое было доставлено.

— Кресло — сюда,— скомандовал Польшов.— Нет, ближе к стерео! Прекрасно. Теперь я отвернусь, а вы поставьте под кресло чайник; справа от кресла должна быть стопка книг повыше. Изогните ее винтом, так, чтобы она держалась на честном слове... Под кресло засуньте диспенсор. Стопки бумаг расположите похаотичней. Сделано? Теперь валите на кресло катушки...

— Какие?

— Без разбора, любые.

— Готово.

Помедлив, Польшов отключил всякие мысли, затем живо обернулся.

Наконец-то! Словно яркий луч выхватил то, другое кресло, катушки, которые лежали тогда...

Все было в порядке, полном порядке. Польшов уверенно разворошил груды на полу, отобрал с десятков катушек, прибавил к ним еще три из числа тех, что находились на кресле, и выложил все это на стол.

— Вот,— сказал он.— С этими работал Лесс. Тут, правда, далеко не все, но нам, думаю, хватит. Что вы можете о них сказать? Отличаются они чем-нибудь от всех прочих?

— Пожалуй.— По голосу Бизи было заметно, что надежда в нем подскочила, как ртуть в термометре.— Во-первых, все это магазинные, предназначенные для домашнего просмотра ленты. Во-вторых, все это боевики, их без конца смотрят.

— Был у меня в запасе и этот вариант,— сказал Польшов.— Отобрать по степени популярности. Что ж, приступим. Дайте, пожалуйста, сюда диспенсор. Я не ошибаюсь, спенсы у вас не запрещены?

— Нет.

— Опрометчиво.

— Почему? Содержание спенс-внушений контролируется. Кроме того...

Бизи умолк.

— Кроме того,— Польшов продолжил его мысль,— воздействие спенсов ничтожно по сравнению с воздействием того же

стерео. Однако диспенсор не случайно находился в кабинете Лесса.

— Возможно. Но не считайте нас дураками! Спенсы мы особо проверили. То, что в них есть,— безопасно.

— Важно не только что, но и как,— пробормотал Полынов, настраивая диспенсор и подключая его к стерео.

Бизи очень удивился бы и встревожился, если бы узнал, что Полынова тоже одолевают сомнения. Оружие не могло вот так лежать на виду! Не могло, и это было очевидно. Полынова поддерживала вера в проницательность Лесса. Истина должна находиться там, где он ее искал. Иначе все бессмысленно — и работа Лесса, и его поведение и, наконец, сама его смерть.

Полынов задумался. Достаточно ли он помнит теорию спенсов? Все, кажется, началось с открытия, что если в секунду пропускать не двадцать четыре, а больше кадров, то глаз не замечает «лишние», но их схватывает подсознание. И если на рассеянных по фильму кадриках, скажем, повторяется «Пейте томатный сок!», то люди после сеанса толпой валят к стойкам с томатным соком.

В одних странах спенсы были сразу же запрещены. В других их стали использовать для рекламы. И конечно, не только для рекламы. Далекое и наивное детство средств вневещественного внушения! Вскоре, однако, ажиотаж вокруг спенсов по-утих, ибо выяснилось, что спенсы далеко не всемогущи, так как подсознание привыкает к их воздействию. Спенсы продолжали применяться, совершенствоваться, но только как одно из средств массового внушения.

Однажды в юности Полынова удивили и заставили задуматься слова Дюма, который сказал об эпохе мушкетеров, что то было время меньшей свободы, но большей независимости. Это звучало как парадокс, и лишь много позднее Полынов понял, насколько верна эта мысль. С усложнением жизни возрастает взаимозависимость людей. Чтобы в этих условиях сделать человека рабом несправедливого и глупого порядка, не нужны цепи. Надо обуздать его мысли, сковать их стереотипами, а это можно сделать изящно, незаметно, благопристойно.

Не без волнения Полынов включил диспенсор. В режиме, который ему сейчас был задан, аппарат отфильтровывал обычные кадры стереолента и делал невидимые зримым.

«Если мы на правильном пути,— подумал Полынов,— то я сую голову в пасть льва. Льва отнюдь не дрессированного».

Давно минуло время, когда спенсы представляли собой скромные кадрики с примитивными титрами. Теперь это был, по существу, фильм в фильме со своим рассчитанным на подсознание сюжетом, ритмом цвета и музыки. Краем уха Полынов где-то слышал, что уже есть любители, которые предпочи-

тают спенс-фильмы настоящим. Нет такой новинки — пустяка или гадости, которую бы любители не облепили, как мухи сахар.

Плоскость экрана исчезла. Возникла как бы маленькая комнатка, и в объеме этого пространства ожил, задвигался целый мир, который внешне, кроме размеров, ничем не отличался от настоящего. Предметы там казались сделанными из натурального дерева, металла или пластика, люди были из плоти и крови, и трудно было поверить, что там движутся всего лишь фантомы, порожденные голографией призраки. Диспенсор крутил ленту с сумасшедшей скоростью, но если этого не знать, то можно было подумать, что демонстрируется самый обычный, только короткий фильм.

Столь же обычным оказалось и его содержание. Спенс рекламировал туристское оборудование, не более. Как ни приглядывался Полюнов, он не смог обнаружить никакого фокуса, никакого необычного психотехнического приема. Самая банальная реклама-внушение: покупайте то-то, отпуск проводите там-то.

Так и должно быть, успокоил себя Полюнов. Секрет глубоко запрятан. Если бы было иначе, команда Бизи давно раскусила бы этот орешек, да и Лессу не пришлось бы возиться так долго. Посмотрим, что будет дальше.

Дальше, однако, было все то же. Последняя катушка с мягким щелчком ушла в гнездо перемотки, а Полюнов ни на миллиметр не приблизился к цели.

Ладно, успокоил он себя, проверка еще только началась. То, что мелькало сейчас, воздействовало не на подсознание, поскольку диспенсор перевел скрытое изображение в видимое. Закончился лишь логический анализ содержания спенсов, анализ, который ничего не дал. Впрочем, не совсем. Важным здесь было не столько «что», сколько «как». Значение любого слова, жеста, знака зависит от контекста, от места, которое они занимают в структуре сообщения. Если со словами «Добрый день!» обращается приятель, с которым вы расстались вчера, то это одно. Если ту же фразу произносит заклятый враг, то это совсем другое. А когда то же самое, появляясь на пороге, говорит человек, которого вы считали погибшим, то это и вовсе третье. В спенсах структура и связь значили еще больше, ибо воздействие спенса сходно с воздействием сновидения; там и здесь властвует не рациональная, а эмоциональная логика. Вернее, открыта лишь в последней четверти века тета-логика.

При мысли о тета-логике Полюнов поморщился. В ее закономерностях сам черт ногу сломит! Физика, химия, техника в свое время не потому затмили психологию, историю, социологию, что в физику или химию шли более талантливые люди.

Совсем не потому. Изучались разные уровни организации материи, вот и все. Ну и, конечно, исследованиям в физике не препятствовал эгоистический интерес правящих кругов.

Подумаем. В спенс-фильмах, как нигде, важен ассоциативный ряд. Ассоциативный ряд может быть очень простым: красивая девушка рекламирует купальник. Где-то в подсознании возникает связь «красота — купальник»; купишь такой купальник, будешь красивой. Прimitивно, но действует. Ряд послужней: модный ботинок и сверхзвуковой лайнер. Острый носок ботинка и «клюв» сверхзвуковика. Умело подобранная череда самых разных сцен способна закрепить ассоциацию модели ботинка с совершенством и мощью лайнера. Тоже еще не высшая математика рекламы...

Есть ли такой общий ряд в этих самых разных по содержанию спенсах? Трудно поручиться, но, пожалуй, есть. Восхваление природы!

Стоп, удержал себя Польшов. Это лишь интуитивная догадка. Очень может быть, что она навязана впечатлениями дня, а потому не стоит спешить с выводами.

Переключив аппарат на другой режим воспроизведения, он повторил просмотр. Теперь спенсы шли так, как они идут в обычной передаче, — незримо. Кадры самого фильма блокировались аппаратом, поэтому стереорастер оставался пустым и серым. Глядя со стороны, трудно было поверить, что в нем тем не менее возникает образ, что глаз этот образ улавливает, а мозг запечатлевает.

Человек, настороженно созерцающий пустоту. Странное, нелепое на вид занятие. И столь же опасное сейчас, как хождение по минному полю.

Быстро дала о себе знать головная боль. Не потому, что восприятие спенсов требовало усилий, а потому, что ежесекундно приходилось поддерживать барьер, который ограждал от внушения.

Польшов с досадой выключил аппарат. Теперь понятно, почему Лесс был таким усталым и нервным! Так и вымотаться недолго.

Откинувшись в кресло, Польшов прикрыл глаза и, массируя веки, попробовал утихомирить боль.

Впрочем, дело было не в боли.

Опыт так и не дал ответа! То есть внушение, конечно, было. Время от времени, осторожно ослабляя барьер, Польшов проверял действие спенса. И всякий раз обнаруживал самое обычное рекламное внушение.

Хоть сейчас беги в магазин и покупай...

Польшов вскочил и заметался по комнате. Идиот! Кто же готовит ружье, из которого можно сделать всего один выстрел?

Это здесь спенсы разрешены, да и то под контролем. Дурак — и тот на них не поставит. Значит, что? Спенс-внушение должно, обязано быть, но скрытое. Такое, чтобы, минуя все досмотры, могло просочиться в любые каналы любой, пусть даже Всемирной сети... Вот он, ключ, вот где надо искать!

Проверим-ка не торопясь. Контроль — это диспенсор. Лесс работал с диспенсором. Так, хорошо. Но если «открытый» спенс не нужен, то зачем он здесь? Зачем, зачем? А зачем ты недавно изображал пьяного? Для отвода глаз. Копайтесь, если что заподозрите, ничего в спенсах нет, сами видите...

Двинемся дальше. Скрытый спенс. Такой, следовательно, на который диспенсор не настроен. Возможно это? Вполне. Если, скажем, разместить спенс в межкадровом пространстве, то без переналадки аппарат его не возьмет. А еще существуют дефекты, царапины... Ведь это же голограмма! Здесь изображение можно упрятать в крохотной точке. Правда, качество такого спенса будет отвратительным. Теоретически такой спенс вообще безвреден, почему никто и не заботится о всеохватывающем контроле. Но тут, верно, что-то придумали, конечно, придумали, без открытия тут дело не обошлось, и в этом весь секрет.

Точка, стало быть. Точка, точка, запятая... Какие, где, в какой последовательности? Ведь это же иголка в стогу сена! Недаром Лесс день за днем работал с утра до ночи. И что же? Повторять все сначала? Не успеем, поздно.

Поздно? Ведь под конец Лесс наверняка пользовался переоборудованным диспенсором.

Который, скорей всего, сгорел.

Сгорел?

Да. Нет! Ведь что-то же удивило его там, в кабинете Лесса! Что-то связанное с диспенсором. Какое-то несоответствие. Тогда, когда он подошел к окну, чтобы понюхать корешки. Вот именно! Оттуда было видно, что с диспенсора снят кожух и... Вроде бы даже мелькнула рассеянная мысль о том, зачем потребовалось перекраивать (чинить?) стандартный диспенсор. А это был переоборудованный диспенсор, вот в чем дело! Снятый кожух, обнаженная схема и лишний, на скорую руку вмонтированный логистор. Логистор («микро», модуляции «Ф»). Или «С»? Нет, «Ф», точно «Ф», он с таким характерным красным треугольничком... Память-то, а? Ничего работает память, как надо. «Ф», ну и что «Ф»? Ничего, просто это дает порядок развертки.

А это уже кое-что! Так дело пойдет куда быстрее, намного быстрее. Особенно если повезет.

Спасибо, друг. Тебя убили, а мы все равно работаем вмес-

те. И мы dokonчим начатое, вот увидишь. Докончим, это уж точно.

Так... Монтаж мы сделаем сами. Хорошо, что в космосе нельзя было быть узким специалистом. А Бизи мы пошлем за материалами. Пусть побудет мальчиком на побегушках, это полезно.

К дьяволу! Полюнов с треском отодвинул развороченный диспенсор, подошел к окну и яростно рванул штору.

Вечернее солнце просвечивало улицу, делая ее похожей на золотистый тоннель. Люди суетливо входили и выходили из дверей магазинов, контор, подъездов, спешили к останкам, задерживались у киосков, перебегали улицу, как всегда озабоченные тысячью повседневных дел.

Понемногу Полюнов успокоился. Поражение, ну и что? Он возмущенно фыркнул. Вот уж не время переживать! Лучше взять записную книжечку и спокойно подвести баланс.

В плюсе: скрытый спенс обнаружен. В минусе: не найдена программа внушения.

Толстяк пытается втиснуться в автобус. Не вышло, стоит запыхавшийся. Двое на углу отчаянно жестикулируют. Ссорятся, обсуждают новость, радуются встрече? В воздухе плавно покачивается розовый надувной шарик. Улетел. Малыши часто упускают шарики и часто заливаются горячими слезами. Ничего, мама купит новый.

В плюсе: спенсы прослежены во всех отобранных лентах. В минусе: хаос радужных пятен, колец, зигзагов — и больше ничего.

Но это не может быть случайностью! Исключено. Кому и зачем потребовалось бы вводить скрытый, но лишенный программы спенс? Если программа не разгадана, то это не значит, что ее нет. Это, скорей всего, значит, что самоконтроль был слишком жестким, и он просто-напросто не дал внушению прорваться в подсознание.

Скверно! Если все так, то жесткая, зато безопасная блокировка подсознания не позволит ничего выяснить. Это все равно что ощупывать мину рукой в меховой перчатке. А если ослабить самоконтроль, кто поручится, что внушение не сметет преграды?

Впрочем, выбора нет. Рискнуть придется. Надо на себе испытать ту болезнь, которая грозит всем этим людям. Надо заразиться ненавистью ко всему разумному. И успеть подавить ее в зародыше.

Полюнов хмуро забарабанил пальцами по подоконнику. Мир сложно устроен. Блаженны нищие духом! И кажется,

ни в одной религии нет слов о том, что блаженны мудрецы. Есть пьеса «Горе от ума», а вот пьесы «Горе от глупости» не существует. Все это, конечно, так. А разум тем не менее крепнет и развивается. При бешеных скоростях века, на неизведанной и крутой дороге он подобен прожекторному лучу, который высвечивает обрывы и повороты. Выхватывает из тьмы будущего указатели, столь же ясные, если уметь их читать, как звездные ориентиры для морехода.

Вот только язык этих указателей сложнее любой математики. Вот только людям, чтобы они лучше повиновались, отводят взгляд. Вот только делающие это кормчие сами безграмотны. Так все и катится, кренясь то и дело над пропастью.

Здесь, очевидно, предпринята очередная, безумная попытка повернуть историю вспять. Сразу, резко, к самым истокам. Человеку, правда не всякому, под гипнозом можно внушить любой, явно не противоречащий его моральным устоям приказ. Ему можно приказать в строго заданный момент сделать то-то и то-то. Человек это сделает — и как бы по доброй воле. А каковы возможности сверхгипноза? Что, если соответствующий приказ уже отдан и принят? Что, если его выполняют все? Ну не все, этого, вероятно, никакая сверхтехника не добьется, а огромное, подавляющее большинство? Что тогда?

Тогда одна-единственная надежда. Внушение не всесильно. Оно не всеильно, когда люди привыкли думать самостоятельно. Когда мораль человечности стала для них внутренним законом. Таким, при котором человек в нужде не вырвет кусок хлеба из чужого рта, а поделится своим. Под натиском не поступится своими убеждениями, но, даже имея власть, будет далек от мысли, что его мнение неоспоримо и обязательно для каждого.

Но таких людей здесь, судя по всему, мало. Впрочем, и это не повод отчаиваться. Оружие создали такие же, как он, специалисты. Вряд ли они умнее его. А применили оружие и вовсе кретины — не в житейском, конечно, смысле этого слова. Опыт феодальных и религиозных монархий их ничему не научил; опыт современных деспотий тоже. Воистину, кого боги хотят погубить, того они лишают разума. И нет тут никакой мистики: чем отчаяннее барахтается тонущий, тем вернее он идет ко дну.

Прямо напротив окон был сквер. Час пенсионеров и влюбленных еще не наступил, там безраздельно хозяйничали дети. Видны были их измазанные, счастливые, иногда, наоборот, плачущие рожицы. Будь сейчас Польшину лет двадцать, он, верно, чувствовал бы себя рыцарем, который незримо простер над ними свой охраняющий щит. Рыцарем, который за них идет на бой со страшным драконом. Польшину, однако, было

уже далеко не двадцать, и красивые аналогии не приходили ему на ум. Вид беспечно резвящихся детей просто положил ему на душу новый груз, и он с тоской подумал, как много, невероятно много надо еще сделать, чтобы детям всего мира ничто не угрожало.

Он с силой тряхнул головой. Надо действовать! Польшов перевел аппарат в режим, при котором он отфильтровывал спенсы, и стал смотреть фильм. Теперь ленты шли с нормальной скоростью, и просмотр только двух фильмов занял более трех часов.

Ничего необыкновенного в фильмах не оказалось. Самые обычные, рассчитанные на бездумное времяпрепровождение боевики.

Польшов устало потянулся в кресле. С фильмами все ясно. Они собирают миллионные аудитории и, значит, более всего пригодны для роли ракетносителя, которая выводит в сознание миллионов спенс-программу внушения. Увы, еще не разгаданную программу.

В дверь тихонько постучали.

— Войдите!— крикнул Польшов.

Вошел Бизи. Его взгляд был красноречивей слов.

— Пока нет ничего конкретного,— угрюмо сказал Польшов.— Какие новости у вас?

— Все тихо, даже бабуины присмирели. Расследование обстоятельств гибели Лесса подтвердило, что это не слепая месть. Преступники пока не обнаружены. Мальчик с факелом, кстати, уцелел. Он ранен, обожжен, но вне опасности.

— Спасибо, Бизи.

— Еще одна деталь.

— Какая?

— Отобранные вами фильмы отличаются от других тем, что они поступили в продажу и были разрекламированы почти в одно и то же время.

— Прекрасно, все сходится. Кто их двинул на рынок?

— Выясняем.

— Понятно. Хотите совет?

— Охотно его приму.

— Если правительство немедленно обратится к народу, скажет, что происходит и почему, то крайние, разрушительные последствия диверсии будут предотвращены.

Бизи коротко хмыкнул.

— Простите меня, но это несерьезный разговор.

— Так я и думал,— грустно сказал Польшов.

— Нет, вы просто не понимаете! Возбуждение общественного мнения без достаточных на то оснований, престиж правительства, международный скандал...

— Но это пока единственное надежное средство борьбы.

— Невозможно, невозможно!

Конечно, невозможно, подумал Полюнов. И даже если было бы возможно, то успех определялся бы тем, верит ли народ правительству или, зная, что ему давно и изощренно лгут, махнул на все рукой. Что посеял, то и пожнешь.

— Мы очень надеемся на вас,— сказал Бизи.— Что у вас запланировано?

— Несколько часов сна.

— Но... Впрочем, понимаю. Да, да, конечно! Вы намерены вернуться в отель?

— Допустим.

— Не стоило бы.— Бизи покачал головой.

— Почему?

— Я где-то читал, что ученые, когда они увлечены, спят на лабораторных столах. Мы все вам приготовили, и постель, уверяю вас, там мягче, чем лабораторный стол. Туда, если хотите, мы перенесем все ваши аппараты.

— А если без шуток?

— В отеле трудней наладить охрану.

— Неужели вы думаете...

— Убрали же Лесса. Противник, без сомнения, знает, где вы. И конечно, понимает, чем вы заняты.

— Значит, если я пойду в отель...

— Это глупо.

— И все же...

— Нет, нет, ни в коем случае!

— Иначе говоря, я арестован?

— Господь с вами! Но разве мужество и опрометчивость одно и то же?

— Вы уверены, что здесь безопасней?

— Здесь вы в полной безопасности.

— Я бы этого не сказал.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что ваши сотрудники такие же, как все, люди. Что, скорей всего, и они подверглись воздействию.

— Чепуха! Я отобрал самых надежных. Тех, кому я доверяю, как самому себе.

— Вот как! Интересно, какая у вас гарантия, что и вам не внушена некая программа?

Глаза Бизи медленно расширились. Внезапно он успокоился.

— Нет,— сказал он твердо.— Если вы правильно определили метод воздействия, то нет. Я уже забыл, когда последний раз смотрел стерео. Просто некогда было. Но хорошо, что вы меня предупредили. Я отберу тех, кто...

— В общем, это не имеет большого значения,— устало сказал Польшов.— Приказ разделаться со мной не мог быть вложен в программу. И не беспокойтесь, я остаюсь здесь. Просто потому, что жаль тратить время на переезды.

— Слава богу! А то вы меня перепугали. Но... Вы полагаете, что в «час X» мои же собственные сотрудники способны...

— Конечно! Я вам об этом уже целый час толкую.

Заснул Польшов не сразу. Он размышлял, казалось бы, совсем о постороннем. Не о том, что было сегодня и может случиться завтра. Словно издалека он всматривался в неукротимое движение жизни, чья предыстория клубилась в тумане миллиардолетий. Он видел тот изначальный сгусток примитивной, в бешеном взрыве ширящейся плазмы, из которого постепенно возникало все: неисчислимое разнообразие галактик, звезд, планет, минералов этих планет. Самой жизни, которая на новых витках всемирной спирали медленно развернулась в цепи биологических молекул, сплелась в нити, жгуты и сrostки. Так же постепенно она обрела форму одноклеточных, а затем, все ускоряясь, форму многоклеточных, чем далее, тем более сложных существ. И наконец, вспыхнула разумом! Тут снова сработала пружина скачка — так молниеносно, что от сохи к реактору планетолета человека метнуло прежде, чем он успел опомниться.

Но и это лишь начало новой, неведомой спирали. Самое начало, ибо неграмотных в мире и сейчас куда больше, чем мыслителей. Ибо большая часть человечества только освобождается от тысячелетий рабства, невежества, религиозного обожествления денежных и прочих идолов. Все, что сделано и достигнуто, лишь первый проблеск подлинного ума человечества, который едва проснулся, едва осознает себя, свои возможности и цели. Уже не свинцовый сон, но и не вполне явь; не свобода, хотя уже и не рабство; рассвет, когда ночь еще не ушла, а день еще не настал. А сколько уже сделано! И как мало сделано по сравнению с тем, что надо сделать.

Конец старого закона и начало нового. Правнук, внук, а то и сын раба садится за пульт завода-автомата. Вчерашний крестьянин озирает уже не сельский двор, а просторы Солнечной системы. Космонавт на Марсе шепчет благодарственную молитву, автор которой был убежден, что Земля покоится на трех китах. А советские коллеги этого благочестивого космопроходца, любящая неземным величием Никс Олимпика, обсуждают тем временем чисто практические проблемы воспитания коммунистического сознания.

Ах, если бы только в этом была вся сложность и противоречивость!

Вверх, вверх подталкивает себя разум, вперед и выше. Всеобщая талантливость стала уже не мечтой, даже не целью, а жизненной потребностью, как некогда потребностью стала всеобщая грамотность. А эта необходимость тянет за собой требование духовной свободы, атмосферы благородства человеческих отношений, ибо любая другая обстановка для талантливого человека удушлива. Звание «гомо сапиенс» человек присвоил себе, быть может, загодя, но прозорливо. Так можно ли сломать тенденцию?

Можно, ответил себе Польшов. В том и беда, что можно. Даже если бы человечество было щепкой в потоке, то и в потоке бывают заводи, куда сносит щепку и где она остается навсегда. Но человечество не щепка в русле эволюции. Это животные — щепки, а мы, люди, — нет. Мы создали для плаванья корабль с могучими машинами и пусть еще несовершенными средствами навигации. Мы можем плыть куда хотим, хоть вдоль, хоть поперек течения. Но у руля схватились и те, кто, зорко видя будущее, хотят взять курс к счастью всех и каждого, и те, кого волнует благополучие одних лишь пассажиров первого класса. А фарватер так узок, что неточный поворот руля может швырнуть корабль на скалы. Этого, положим, никто не хочет, но непоправимое может произойти и случайно. А еще есть очень соблазнительные заводи... Зачем мне, хозяину, расставаться с предприятием, мне, чиновнику, с креслом, мне, пастырю, с кафедрой? Ради какой цели, ради какой выгоды?

Есть классы и есть классовая борьба, и об этом нельзя забывать. Старые и неумирающие слова, потому что за ними — жестокая реальность.

Замкнутое, застывшее, жестко регламентированное муравьиное общество — и такое возможное. Очень удобное для правящей элиты общество. Опробовано множество раз — иезуитами в Парагвае, богдыханами в Китае, фашистами в Европе. Что душно в таком обществе, что оно слабеет от застоя, что народ чем дальше, тем сильнее его ненавидит, — все это для верхушки терпимо, лишь бы оно держалось. Плохо для нее другое. То, что все такого рода попытки кончались взрывом, революцией, распадом, гибелью элиты. Вот если бы обратить в заводь сразу весь мир...

Раньше не было всемогущей техники, теперь она есть. Может, попробуем? И плевать, в конце концов, на далекую перспективу — единожды живем... Психология временщиков, она многое объясняет.

А ведь такой попытки следовало ждать. Глобальной, ре-

шительной, чтобы сразу и навсегда. Быть может, вот-вот начнется последнее полигонное испытание.

Конечно, затея провалится. Окончится крахом, даже если последует успех. Потому что сразу возникнут новые проблемы, от которых никуда не деться. Значит, придется изобретать, что-то срочно менять, — прогресс, изгнанный в дверь, проникнет через окно. Но сколько будет страданий и горя! А потому этого нельзя допустить здесь и сейчас. Завтра тоже будет не поздно, ибо бой дадут уже не одиночки, а народы, страны, но искра — это искра, а пожар — это пожар. И потому первым делом надо как следует отдохнуть.

Полынов отвернулся от светлого прямоугольника окна, за которым ни на секунду не замирал ровный, как дыхание, шум большого города. Он слышал его всего несколько минут; умение вызывать сон, когда надо, не подвело его и на этот раз.

Сновидения, однако, были Полынову не подконтрольны. Снилось же ему нечто невразумительное и мерзкое. Сначала он увидел Гитлера, который, неловко прижимая к кителю, держал на руках новорожденного младенца, и этот ребенок был его, Гитлера, отпрыском. Лицо Гитлера было слащаво-умиленным, длинным мокрым языком он лизал щеку ребенка. Затем он отдал его кому-то, кого, как это часто бывает в сновидениях, не было видно. Отдал и двинулся к какой-то тусклой портъере. И тут поле сновидения сузилось настолько, что в нем остались лишь башмаки Гитлера, крупные, чудовищные, похожие на копыта башмаки.

Поле сновидения, расширяясь, захватило штанины брюк Гитлера, и эти штанины, не исчезая вполне, стали зеленовато-прозрачными, и каким-то рентгеновским зрением Полынов увидел то, от чего во сне захолонуло сердце: под тканью не было плоти! Была ясно очерчивающая тело тускло-прозрачная кожа, и была кость с кровавыми прожилками на ней, а между ними ничего не было. Впрочем, не совсем так: сзади кость была кое-где прикрыта мясом.

Сами ортопедические копыта-ботинки не просветились, погруженные в них кости ног двигали их мелким, шаркающим шагом. А брюки таяли все выше и выше и тело тоже — до поясницы.

Затянутое в мундир туловище фюрера держалось теперь на костяке и зеленовато просвечивающей коже. «Как же он не разваливается?» — цепenea от тошнотворного ужаса, подумал Полынов — и проснулся.

Сердце бешено колотилось. Перед глазами был мрак незнакомой комнаты. Обычно память о сновидении, вызванное

им чувство, яркое в первые секунды пробуждения, исчезает, как дыхание на стекле. Шли, однако, минуты, Польшов лежал, собираясь с мыслями, а рентгеновский призраок все еще не тускнел.

Вскочив, Польшов нажал выключатель. Яркий свет озарил комнату. Все было холодным, опустошенным и резким, как это случается глухой ночью после внезапного пробуждения.

Взгляд на часы убедил, однако, что нет еще и полуночи.

Польшов торопливо стал одеваться. Голова была ясной, но в душе еще жил кошмар, сердце выстукивало тревожную дробь, и рука не сразу попала в рукав куртки, чего с Польшовым никогда не бывало. Он справился с мимолетным затруднением, шагнул к двери — и замер.

Фильм не был для спенсов ракетноносителем!

Не был!!!

Догадка пришла так внезапно, что Польшов даже вздрогнул и огляделся — не шепнул ли кто?

Все было пусто и неподвижно в комнате. Белела развороченная постель, беспощадно чернели прямоугольники окон, со стены напротив сухо и надменно смотрел портрет какого-то важного старика с нафабранными усами.

То есть фильм был носителем и вместе с тем...

Польшов вихрем пронесся через коридор, ворвался в помещение, где оставил аппаратуру, поспешно заправил в приемное гнездо стерео первую оказавшуюся под рукой ленту.

Его слегка знобило. В то же время он был спокоен. Спокоен, как минер, пальцы которого наконец нашарили взрыватель. Поразительно, как он раньше не догадался, в чем тут секрет. Понятно, почему не догадался. Здесь не могла помочь обычная логика, ну а тета-логика интуиции... Может, она-то и вызвала во сне призрачного Гитлера. Или для вывода потребовался узкий рукав куртки, крохотная, вызванная этой помехой досада. Впрочем, с тем же успехом катализатором мог оказаться и сановник с нафабранными усами и какое-нибудь давнее, вроде бы забытое наблюдение.

Все это сейчас было неважно. Польшов не думал, удастся ли опыт, он знал, что удастся.

Он пустил ленту. Теперь он смотрел фильм так, как его смотрят зрители, — не ставя барьер, не думая о спенсах, живаясь в действие, отдаваясь течению сюжета.

Как бы отдаваясь: палец его настороженно лежал на кнопке выключателя.

Вот так же, верно, еще сутки назад перед экраном стерео сидел Лесс. Также смотрел, держа палец на кнопке...

Ловушкой тут дело не исчерпывалось. Избежав ее, исследователь должен был оказаться в положении анатома, который,

расчленив мозг на клеточки, в недоумении спрашивает себя: где же тут мысль?

Ага, кажется, началось. Пошло внушение. Или еще нет? Пошло! Улавливается образ. Так вот оно, значит, как...

Контроль, быстро! Попробуем снова. Стоп! Еще раз. Мало. Проверим. Откуда шум? Потом, потом! Неясна структура. Чтобы все было чисто, надо бы еще пару лент... Время есть, оно и у Лесса было, он тоже хотел полного доказательства...

Тета-логика, будь она неладна! Чего и следовало ожидать. Свернутые структуры. Мегапереход... Разум сложнее атома, сложнее звезд, сложнее галактик, ибо он познает их, и эта отмычка к нему тоже не проста, хотя... А, вот это уже опасно! Отключить, быстро!

Щелкнула кнопка. На полуслове оборвался звук, мигнув, исчезло изображение. Голова гудела. Сознание еще не успело переключиться на внешний мир, оно еще жило там, в объеме иллюзорного пространства, оно еще вело бой, и Польшов вскрикнул от прикосновения к плечу. Как из тумана, проступило белое перекошенное лицо.

— Бизи?!

— За мной! Быстро, быстро!

— Куда, зачем? Мне надо...

— Вы что, оглохли?!

Польшов замер, прислушиваясь. Бизи, ощерясь, рванул его к двери. С улицы, наполняя собой здание, пробивался смутный торжествующий рев.

— А, черт!— вскрикнул Польшов.

Выскользнув из рук Бизи, он кинулся к столу, на котором лежали отобранные стереоленты.

— Что вы делаете?! Каждая секунда...

— Эх!— с горечью отмахнулся Польшов.— Оружие не бросают.— Он продолжал набивать карманы.— А безумцам мы не нужны.

— Идиот!— бросаясь к нему, рывкнул Бизи.— Мы опасные свидетели, как вы не понимаете?! Быстрее!

— Хорошо, бегу.

Они выглянули в коридор. Длинный прямой коридор был пуст. Они пробежали его и выскочили на лестничную площадку.

— Слышите?

Снизу, гулко отдаваясь в полете, катился топот.

— Теперь поняли?— крикнул Бизи.— Сюда!

Они ринулись вверх.

Двумя этажами выше их стал нагонять лифт. Бизи прижал Польшова к стене и выхватил лайтинг. Лифтовый колодец ограждала частая сетка, сквозь ячейки которой с трудом

просматривались мерно подрагивающие стропы канатов. Бизи прицелился.

— Покойнички,— сказал он с мрачной радостью.— Эти получают свое.

Однако выстрелить он не успел. Разом на всех этажах погас свет. Беглецов накрыла тьма. Внизу, скрежетнув, замер лифт.

— Очень кстати!— Бизи схватил Польшова за руку.— Живо навверх!

Польшов повиновался не рассуждая. Тусклые глазницы лестничных окон почти не прибавляли света, потому что снаружи тоже было темно. Вверх, вверх! На очередной площадке Польшов споткнулся то ли о ящик, то ли еще о что. Бизи выругался. Прихрамывая, Польшов бежал не отставая. Они свернули влево, в какой-то коридорчик, где вовсе было темно, затем взбежали по узкой лесенке, и тут Бизи наконец отпустил его.

В темноте было слышно лишь тяжелое дыхание Бизи.

По металлу царапнул ключ, лягнул замок, в лицо пахнуло свежестью ночного ветра. Массивная дверь откатилась без шума. Польшов увидел плоскую крышу, звезды над ней, смутную тень реалета в углу площадки.

Бизи выглянул и предостерегающе сжал локоть Польшова.

Мгновение площадка казалось пустой. Затем от реалета отделилась какая-то фигура. Мелькнула красная точка сигареты. Фигура сделала шаг и чем-то взмахнула.

— Чтоб все было по форме!— яростно пробормотал человек.— Вот так!

Зазвенело стекло боковой фары.

Кошачьим прыжком Бизи выскочил на крышу.

— И никаких бумажек!— донеслось от реалета.— Покончим...

Бизи подкрался раньше, чем неизвестный его заметил. Короткий бросок, вскрик; что-то упало с металлическим стуком. Из двух сцепившихся фигур одна осела на плиты.

— Сюда!— донесся задыхающийся голос Бизи.— В машину!

Польшов приостановился над расprostертым телом.

— Бросьте!— яростно зашипел Бизи.— Или вы ничего не поняли?!

Человек слабо заворочался. Польшов, так и не успев его разглядеть, вскочил на сиденье. Реалет рывком взмыл над крышей.

Ощерясь, Бизи смотрел вниз.

— Кто это был?— прокричал Польшов.

— Никто. Сотрудник, которого я поставил охранять реалет. Ясно? И помолчите.

В вибрирующих плоскостях реалета посвистывал ветер. Город развertyвался черно-белой панорамой кварталов. Лыдистыми громадами проплывали небоскребы. Книзу густел мрак без единого огонька. Улицы зияли щелями. По отвесным фасадам скользил угрюмый отсвет окон, словно кто-то многоглазый и потаенный выглядывал оттуда.

— Слышите?

Воздух дрогнул от гула. Невозможно было поверить, что это вскрик толпы — настолько мертвой была внизу темная геометрия кварталов. Казалось, что вопит, перед тем как рухнуть, раздираемый напряжением камень и что вот-вот отовсюду взовьются клубы пыли. Но все оставалось неподвижным и резким, а взмыл только крик — нечеловеческий и этим жуткий.

Полынов схватил Бизи за руку.

— Снизимся.

Ответа не последовало. Фосфоресцирующие шкалы приборов подсвечивали лицо Бизи — зеленовато-черное, с остекленевшим взглядом. Полынов отвернулся. Ему хотелось зажать уши и не слышать, как нарастает, обретая человеческие ноты, далекий гул безумия.

Разворачиваясь, реалет огибал призму небоскреба. В зеркальном покое его стен стыл отблеск звезд.

Вопль внезапно спал, теперь снизу доносился лишь угрюмый рокот. На нескольких перекрестках почти одновременно взметнулось рыжее пламя костров. Огонь то притухал, то разгорался, его отраженные фасадом отсветы выхватывали из мрака муравьиную кашу толпы. Что там происходило, можно было только догадываться. В Хиросиме рвалась материя, тут распадалось сознание, и представить себе это было невозможно.

Под реалетом зачернел парк. Город медленно уходил прочь, растворяясь в ночной мгле. Успокоительно посвистывал ветер.

— Дотянем до гор — там граница, — безжизненно проговорил Бизи. — Там я вас оставлю.

— А сами?

— Вернусь.

— Зачем?

— Не знаю. Все кончено.

— Не совсем. — Полынов проглотил комок в горле. — Даже наоборот. Хотите знать, как все это действует?

— Поздно.

— Поздно здесь и сейчас. Только здесь и только сейчас. Слышите? Скрытый спенс сам по себе не оружие. Спенс и фильм — вот что действует! Сложение ритмов, цепная реакция,

психорезонанс... Это как два бруска урана! Порознь — ничто, куски металла, а сближенные...

Выражение лица Бизи не изменилось. По-прежнему жили только его руки на штурвале.

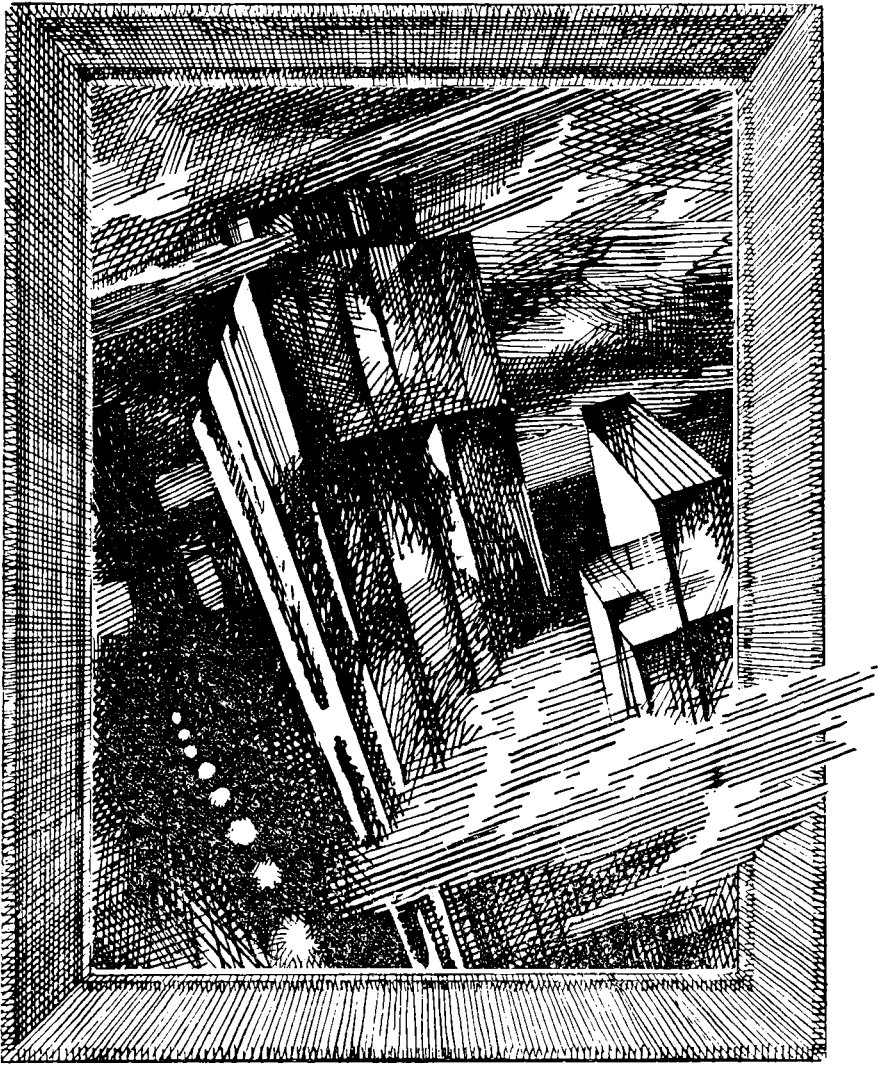
— Понимаете, что это значит?— настаивал Польшов.— Да очнитесь же! Сила оружия в новизне, только в новизне! А теперь, когда секрет раскрыт, все кончено, но не так, как вы думаете.

— Оружие, внушение, гипноз!— вдруг бешено вскрикнул Бизи. Слова его вылетали, как плевки.— Да если бы это! Люди внизу или кто? Вы бы видели, как они подчинялись внушению! Их радость на лицах... Словно кто им шепнул заветное слово «дозволено!». Им все осточертело... Проклятие, проклятие! Выбито оружие — ха! Они могли и без внушения, теперь я верю... Что вы с этим поделаете?! Что?! Ничего, ничего!

Бизи смолк, обессилов. Польшов ничего не ответил, да Бизи и не ждал ответа. Вокруг расстилалась ночь. Вдали вставала темная гряда гор. Там их пути разойдутся.

У истории свои сроки, а век людской короток, и кризис кажется человеку обвалом, а крутой зигзаг — тупиком пути. Польшов не знал, когда жизнь ответит на вопрос Бизи, не знал, доживет ли до этого времени сам. Но человек нетерпелив, и Польшов надеялся, что доживет.

ДОЖДЯ СЕГОДНЯ НЕ БУДЕТ

РАССКАЗ

1

Я шел за гробом Орса и плакал. На то было много причин. Во-первых, опять лил дождь, а я, обманутый ясным утром, не взял плаща. Во-вторых, окружающая процессия усердно пользовалась носовыми платками, и чувство приличия не позволяло вносить диссонанс в заданную атмосферу. В-третьих, сердцу моему слышалось жалобное мяуканье Дармоеда, одиноко запертого в машине... Да и вообще, что может быть гнуснее похорон по страховке! Впрочем, других теперь почти не бывает.

Оркестр впереди скулил и побулькивал водой, налившейся в трубы. По сторонам уныло теснились кресты и обелиски с эмблемой УПИ на верхушке. Вдоль боковых дорожек они становились всё ниже, и стандартная эмблема, не считавшаяся с пропорциями, кощунственно лезла в глаза. Пухлая благодатная ладонь, распростертая в охранительном жесте над человеческой фигуркой. Уж здесь-то кого и от чего она могла оградить?

Мои туфли — суперпластик, верх элегантности — пропускали воду, как решето. Я знал за ними эту подлость, но пришлось их надеть — единственная черная пара в моем гардеробе.

Еще поворот. Краина кладбища, почти захолустье. Между надгробиями вместо полосок чистого дерна — раскисшая рыжая глина с порослью сорняков. Теперь мы двигались гуськом и поневоле медленно. Мокрые ноги мерзли.

Ну, наконец-то! Последние шаги, и все скучились возле безобразного окопа, до половины налитого жидкой глиной. Гроб поставили на землю, не открывая: Орса сильно измордовало. Но умер он мгновенно. Неплохо при современном развитии страховки и медицины, когда искусственные органы могут тащить тебя сквозь годы мучений, пока не иссякнет счет в банке...

Прощальное слово потянуло монет этак на пять — под напором дождя оратор избрал наикратчайший из утвержденных текстов. Затем гроб опустили в яму. По-моему, он держался на плаву.

Я внес свою лепту в поливание крышки гроба грязью. Стоявшие рядом выразили мне соболезнование. По-видимому, я должен был ответить тем же кому-нибудь из близких Орса. Выбрав женщину с самым безутешным лицом, я произнес какую-то стандартную фразу. Скорбная маска не дрогнула, но глаза раскрылись в изумлении. Дурень я — ну конечно же, профессионалка от УПИ! И все другие тоже. Похороны по пятому разряду: двенадцать провожающих, четыре оркестранта и «мраморная» плита сроком на три года.

Рабочие орудовали лопатами, земля с отвратительным звуком плюхалась вниз. С меня было довольно. Оттирая выпачканные пальцы, я зашагал прочь. Два воспоминания останутся у меня о брате. То, как лет двадцать пять назад он навсегда уходил из дома, а мама держала меня на руках, глядя вслед. И то, как гроб его сегодня забрасывали грязью.

На центральной аллее меня нагнал коренастый субъект в яркой непромокаемой кепке. У могилы он стоял с непокрытой головой и выглядел более пристойно.

— Господин Оргель! — сказал он неожиданно низким благородным голосом.

— Да? — отозвался я.

— Я был другом вашего брата, господин Оргель. Киприан Чет, — представился он на ходу, потому что скорости я не сбавлял: ни секунды лишней не намерен я был мокнуть из-за этого Киприана.

— Рад слышать, что среди наемников оказался хоть один друг Орса.

— О, разумеется! — невпопад воскликнул он, воровато оглянувшись и, взяв меня за локоть, потянул вправо.

— Прошу сюда. Мы срежем угол и попадем напрямиком к стоянке.

И действительно, дорожка вывела нас к неприметной калитке в ограде, и совсем рядом я увидел свой добрый старый «спидди».

Пока я доставал из багажника тряпку, друг Орса наклонился к ветровому стеклу и с любопытством обзрел Дармоеда, лежавшего врастяжку на переднем сиденье. Но вместо ожидаемого вопроса о том, зачем возить с собой кошку, он неожиданно произнес:

— Какой грустный, грустный день! Право, в такие минуты дурно оставлять человека одного!

Не знаю, кого — себя или меня он имел в виду, но определенно набивался на выпивку. Я промолчал, протирая стекло.

— Представьте, до вчерашнего дня я даже не слышал, что у Орса есть родной брат! — И он улыбнулся мне проникновенной улыбкой.

— Приятно было познакомиться, — ответил я и нырнул в машину.

Чет придержал дверцу.

— Почему бы нам не скоротать часок где-нибудь в тепле и уюте? — вкрадчиво предложил он. — Посидим, помянем Орса.

— Честно говоря, господин Чет, я не при деньгах. — И в сущности, это было правдой.

— О-о! — расцвел Чет. — Помилуйте, о чем речь! — И он так забрался в машину, слегка смягчив меня лишь тем, что оставил переднее сиденье за Дармоедом.

Кот сладко зевнул и полез было на колени, но тотчас отдернул лапку — вот до чего я был мокрый. Находимся мы тет-а-тет, я разъяснил бы Дармоеду, что это свинство — безмятежно дрыхнуть, пока я мерзну под дождем. Но сзади сопел довольный Киприан Чет, и мы уже ехали в «отличное, скажу вам, господин Оргель, заведение». По случаю дождя заведение отнюдь не пустовало, и народ там подобрался явно крепкий и неторопливый.

— Прошу прощения, господин Чет. Несколько минут.

Пусть пока попробует протолкаться к стойке, а мне надо что-нибудь сделать с ногами.

— Нужное вам место направо, — догадливо подсказал Чет, зорко оглянулся и ринулся в зал.

В нужном месте я выжал носки и дважды напихивал в свои «супер» туалетную бумагу. Сухо не стало, но теперь по крайней мере не хлюпало. Отжал волосы в полотенце и пошел поминать Орса. Увидя Чета за лучшим столиком в уголке зала, я твердо решил, что заплачу за себя сам.

— Для начала заказан «Старый конюх», — сообщил Чет, сияя.

— Ценю знатока.

Конечно, мне известно о брате очень немного. Но человеку по имени Орс Орб-Оргель решительно «не идут» друзья вроде Киприана Чета с его вульгарными бачками, знанием топологии страхового кладбища, привычкой воровато оглядываться и с умением мгновенно раздобыть столик в переполненном баре. Официант приблизился с подносом:

— Два больших «Старых конюха».

Больших. Чет не скупился. Спору нет, «Конюх» — неплохое пойло хотя бы потому, что его трудно подделывать с помощью

суррогатов. Но пить его «для начала», да еще в подобных количествах!..

— Давно вы дружили с Орсом, господин Чет?

— О! Он был довольно замкнут... но мы регулярно встречались с тех пор, как Орс вернулся из Африки. Ах, Орс, бедный наш Орс... аристократ духа в полном смысле слова!

Из дальнейших разглагольствований Чета не удалось почерпнуть ничего интересного. Образ брата не обретал реальности. Холост, бездетен. Жил на дивиденды с ценных бумаг. Я почти перестал слушать. От «Конюха» осталось немного. Глотков пять-шесть — и можно прощаться.

— Свое небольшое состояние он завещал приюту для бездомных собак...

— Для бездомных собак?

Уловив мое недоверие, Чет с готовностью назвал адрес приюта. Наконец-то мне сделалось грустно. Мир праху твоему, брат мой.

— При всей оригинальности жест гуманный, не правда ли?

Еще не хватало, чтобы Чет извинился за Орса Орб-Оргеля!

— Как насчет «Адама и Евы», господин Чет? — сказал я неожиданно для себя.— За бездомных собак?

— Вы предвосхитили мою мысль!

— Везде эта пакость,— пробормотал я и передвинул стул, чтобы не видеть рекламного плаката УПИ на стене: «Вашу жизнь и здоровье... любое движимое и недвижимое имущество... на любой срок... от хищения и пожара... единственный путь к покою и безопасности...»

— За бездомных собак,— торопливо напомнил Чет.

Я осторожно поднял бокал. Голоубой «Адам» не должен раньше времени смешаться с розовой «Евой». Цвета были чисты, и граница между ними почти не размыта. Веселый коктейль, развязывающий языки. Напиток для влюбленных. С брюк моих перестало наконец капать. На щеках Чета проступил румянец.

Может быть, я зря зачислил моего собутыльника в безнадежные прощелыги? Сейчас в его улыбке сквозило нечто человеческое, в голосе поубавилось фальшивого пафоса. Пожалуй, он даже терпим — как эпизод в дождливую погоду. Минут через пять я обнаружил, что мы условились о совместном посещении собачьего приюта. «Старый конюх» работал добросовестно. Беседа текла все оживленней. Видимо, нашлись общие темы — ума не приложу какие. Помню только, что вид опустевшего бокала в собственной руке озадачил меня и на-

вел на благую мысль, не пришло ли время закругляться. Но Чет уже шептался с официантом.

— Обожаю чудаков, Гео. Понимаешь, у кого есть какая-нибудь слабость... или хобби.

Оказывается, мы уже называем друг друга по имени.

— У тебя, Гео, нет хобби?

— Да нет, Кип.

Но тут на меня навалились Адам с Евой, и я проговорился о Дороге. Киприан горячо заинтересовался. Он долго меня расспрашивал и под конец клятвенно обещал раздобыть модель старинного паровоза с расширяющейся кверху трубой.

— С расширяющейся трубой...— сказал я заворуженно.

— Да, Гео. Представь, заправляют бензином и водой, и он пыхает настоящим паром!

Это было как чудесное видение, и я прикрыл глаза. Потом полез в мокрый карман и пощупал бумажник.

— Такая модель стоит кучу денег, Кип. Боюсь, что...

— О нет! В память об Орсе! Обойдется тебе в сущие пустяки.

Стыдно признаться, но я пожал ему руку. Откуда-то появились полные бокалы. По-моему, это была «Мертвая голова».

— Взамен, Гео, я попрошу о маленькой услуге.

— Все что угодно!

Киприан понизил голос и наклонился ко мне:

— Страховочка.

Словно сунули под нос тухлое яйцо. На язык запросились слова, которые я обычно произносил, когда предлагали страховку. Не далее как сегодня утром они мигом отшили агента «Юниона». Но человеку, с которым второй час сидишь в баре, таких слов не скажешь. Физиономия Чета отразила острую тревогу.

— Гео! — выдохнул он.— Речь о совершенной безделице! Недельная страховочка от несчастного случая...

Я продолжал молчать.

— Ведь мы же договорились! Что тебе стоит!

— Никогда ничего не боюсь. Принципиально.

— Но старинная модель, Гео... со свистком... и дым из трубы... Ну сколько ты получаешь в неделю?

— От двухсот до трехсот.

— Значит, паровозик встанет тебе в какие-то двадцать пять монет! Ты подумай!

Я подумал. Морена за такую модель продал бы душу, не только принцип. Рука Чета положила на стол передо мной сложенный вчетверо листок.

— Прочти, Гео. Ты убедишься — совершенный пустяк!

Эх, будем надеяться, какая-нибудь безобидная мелкая

компания. Я развернул бланк. Увидел выведенное тщательно: «Гео Орб-Оргель» и пухлую ладонь, распростертую над фигуркой. Над моей фигуркой!

— Работаете на УПИ, господин Чет?

— Подрабатываю, Гео... тяжелые времена, семья. Крайне меня обяжешь... В память об Орсе!

Я машинально отхлебнул. Делать этого не следовало. «Мертвая голова» не поладила с кем-то из прародителей. Все странно смешалось: бездомные собаки, гроб Орса, бормотание Чета и текст страхового контракта — «Гео Оргель обязуется выплатить компании десять процентов от сумм, имеющих поступить в его распоряжение за текущую неделю, включая воскресенье, десятого сентября. Компания со своей стороны...»

— Пришлю в пятницу — у тебя будет впереди целый уик-энд!

Я залпом опорожнил бокал: для самооправдания на будущее. Если принцип будет нарушен, то в состоянии крайнего опьянения. Откуда-то издалека Чет протягивал мне толстый «Скриптос».

Я плюнул и расписался под красным штампом: «Расторжению не подлежит». По-моему, я вырубился лишь на две-три секунды, но, когда в глазах посветлело, стул напротив был пуст. «Друг Орса» исчез.

— Кофе! — скомандовал я в пространство. — Двойной!

Это был царский жест, но все равно по счету не расплатиться, а кофе вернул бы хоть способность соображать. Но на мое плечо ласково легла ладонь.

— Прежде алко-ликвид, Гео. А потом сколько угодно кофе.

Возвращение Чета удивило меня несравненно больше, чем исчезновение. Я механически взял стакан.

— Да тут зверская доза..

— Выдержишь. Зажми нос — и разом.

К горлу заранее подкатывалась тошнота.

— Пусть хоть выдохнется.

— Ни в коем случае! Ты за рулем, а компания не должна нести убытки, — тяжеловесно пошутил он.

Ладно, зажмем нос и... Ой-ой-ой! Чет вытирал мне лоб и отпаивал чем-то горячим. Со второй чашки я начал различать вкус кофе.

— Молодцом, Гео. Худшее позади. — Он подозвал официанта и рассчитался.

— К сожалению, вынужден тебя покинуть. Срочное дело. — Он крепко пожал мою вялую руку. Глаза его погрустнели. — Вряд ли захочешь встречаться... потом. Но модель я пришлю.

Обернувшись, я тупо смотрел вслед. Дождь поутих, и сквозь широкое окно я увидел, как Киприан Чет по-хозяйски уселся в роскошный серый лимузин, стремительно взявший с места.

Вырезвилка расплзлась по телу, изничтожая молекулы алкоголя. Работы ей хватит еще минут на пятнадцать. Снисходительно-сочувствующий взгляд официанта поднял меня на ноги.

Дармоед в машине чинно вылизывал белый животик. Мы с ним немного поговорили и поехали домой. Путь предстоял неблизкий — либо через город, либо кругом, по автостраде «Ринг». Мы предпочли автостраду — меньше пробок и вони.

Если и дальше возить с собой кота, то моей славной репутации лихача конец. В первый день я два раза довольно резко тормознул, он шмякался оба раза с сиденья на пол и очень обижался. Теперь я езжу с оглядкой. Так мы двигались не спеша, по широкой дуге приближаясь к дому, где я жил уже восьмой год, а Дармоед — уже неделю.

Вдруг я понял, чего недостает в начале Дороги: там, где поворот налево и сторожка, должен впритык к полотну стоять холм. Тогда пейзаж за ним будет открываться постепенно, и даже мелкие детали заиграют, появляясь не скопом, а одна за другой.

Задумавшись о холме, я машинально поднажал, и довольно скоро мы приехали. Почти засветло.

— Ну, Дармоед, просыпайся. Вот уже и мост.

Слух отреагировал на опасность первым. Старый мост всегда отвечал «спидди» тихим слитным гулом. Сейчас нас встретила вибрация и какое-то дребезжанье. Потом я почувствовал, что едем мы как бы в гору. И только тут различил за дождем и сумерками шель впереди. Половинки моста на глазах расходились, задираясь вверх. Нога дернулась намертво зажать тормоз, но я представил, как Дармоеда расплющит о ветровое стекло, машину юзом вынесет к перилам, и мы обрушимся в канал. Я задержал дыхание и рванул «спидди» вперед на предельной скорости. Мы с ревом стартовали в небо. Перелетели эти пять или шесть метров пустоты и грохнулись на противоположную створку моста задними, а потом передними колесами. Машину развернуло боком и со скрежетом понесло под уклон. Понятия не имею, что мы со «спидди» проделали, но чудом выровнялись и вылетели на берег. Мотор заглох.

Я с трудом отлепил пальцы от руля и вылез наружу. Створки моста застыли под немислимым углом градусов в шестьдесят. Потом начали опускаться. И вот лягнули, сомкнулись. Снова возник невинный, шелудивый от старости мостик.

Все и думать забыли, что он разводной! Я даже не помню, когда его последний раз разводили. В канале и воды-то разве что утопиться.

Из будочки, прилепившейся к основанию моста и всегда закрытой на засов, вышел человек в плаще с капюшоном. Ага, голубчик, иди-ка сюда, толкнуем! Но голубчик проворно задвинул засов, щелкнул замком и юркнул к парапету.

От будочки к воде вела каменная лесенка, и от лесенки уже отчаливал катер с моим голубчиком на борту. А с противоположного берега торопливо спускался к воде его двойник.

— Эй, вы!

Но катер уже шпарил прочь.

— На редкость славные ребята,— сообщил я Дармоеду, возвратясь к машине все еще на ватных ногах. Кот шурился, бил хвостом и жал уши к голове.

Мотор не завелся, и оставшийся путь до дома мы проделали пешком. В передней Дармоед соскользнул с рук и бесшумно удрал во тьму квартиры. А я опять стукнулся коленкой о сундук. Неделя, как он переселился сюда, освободив место для кошачьего ящика с песком, а я все еще набиваю о него шишки. Послышалось мяуканье со стороны кухни — зов к холодильнику. Нет, прежде позаботимся о «спидди» — ему пришлось хуже всех.

В гараже трубку снял сам Порт, и значит, довольно было нескольких слов. Ровно через полчаса я выглянул и убедился, что «спидди» увозят на кронштейне портового грузовика.

С десятого этажа мост, освещенный цепочкой фонарей, казался даже красивым. Теперь я вспомнил, когда и зачем его разводили в последний раз. Однажды ночью — я еще гонял на легком шегольском «лар-лоэнгрине» — меня задержал патруль на набережной. Шла полицейская облава в нашем квартале. Он расположен на узком мысу при слиянии двух каналов. Подняв мосты и перекрыв поперечную улочку за аптекой, полиция заперла квартал и устроила травлю. Самые отчаянные прыгали в канал, надеясь прорваться. Не знаю, кто они были. Вид человека, который барахтается в мерзлой воде и пытается выкарабкаться по обледенелой стенке, отмечает праздное любопытство. Одному я бросил буксирный тросик и кое-как выволок наверх. Полицейские забрали его, гнусно ухмыляясь; боюсь, что оказал бедняге сомнительную услугу.

В тот раз облава, но сегодня-то? Хорошо, допустим, кому-то взбрело вдруг на ум проинспектировать сохранность механизмов. Миссию поручили двум растяпам. Они забыли выставить знак «Проезд закрыт» и сбежали от объяснений с челове-

ком, которого чуть не угробили... Э, да пропади все пропадом! Пойду лепить холм.

Однако образ вздыбленного моста оказался навязчивым. Чтобы избавиться от него, я взял карандаш и бумагу. Получилось грубо, но интересно. Повертев рисунок так и эдак, я исправил шесть граней на пять, пометил в углу: «Раскрасить», — и сунул в рабочую папку, чтобы не забыть завтра...

Холм плавно вписался в поворот Дороги. Создавалось впечатление, что он стоял здесь прежде, чем проложили полотно, — верный признак удачи.

Попробуем проехаться по новому участку. Очки. Наушники. Вилку питания в сеть. Как всегда, чуть подрагивают руки, опуская на рельсы хрупкий электровозик и вагончики. Пальцы легли на пульт. Наступил миг таинства.

Непосвященному трудно объяснить магическое действие этой простой игры. На столе площадью три метра на пять размещены декорации — поля и луга, крошечные деревеньки, густые леса высотой в шесть сантиметров, пруды, речки и ручейки, развалины древнего замка, увитые плющом, громады гор на горизонте. И среди всех этих красот вьется ниточка железной дороги.

Посмотришь сверху — пестрый макет под прозрачным колпаком, и больше ничего. Но стоит сесть за пульт, щелкнуть тумблером и двинуть состав, как все преобразается — ты видишь и слышишь этот мирок изнутри. Звук в наушники идет с кассет. Изображение подается по жгутику электропроводника с любой точки, где прикреплен глазок транслятора. И если твои речки и леса сделаны умело и тщательно, рождается иллюзия путешествия по мирной привольной стране — твоей стране, где ты сам и хозяин, и творец. В моей стране сегодня вырос холм, пока безмятный. Сейчас поезд приближается к нему, и я внимательно изучаю зеленый бок, заслоняющий перспективу. Не слишком ли ярок цвет травы, нет ли следов клея? Огибаем. Как этот поворот стал оправдан! И как неожиданно и свежо смотрится на фоне холма сторожка путевого обходчика за поворотом. Раньше она маячила издали и была, пожалуй, немножко нарочита со своими мальвами и очаровательным пугалом среди огорода. А сегодня хочется обернуться и проводить ее взглядом.

И я оборачиваюсь, тронув ручку настройки транслятора. Скворечник над крышей капельку покачивается, колеблемый ветерком от промчавшегося состава.

Холм выдержал испытание. В отличном настроении едем дальше.

Мелькают километровые столбы (расстояние — 23 сантиметра). Слева луг с копнами сена. Справа уютный поселок из

двух десятков домиков. У полотна пасется корова. Если не смотреть на нее в упор, она машет хвостом, отгоняя слепней, и ее протяжное «му-у» не вызывает сомнений.

Чистенькая станция, за ней переезд. Заранее даем гудок, предупреждая, что останавливаться не намерены. На переезде опущен полосатый шлагбаум; упершись в него носом, ждет допотопный фургончик. Проехали станцию.

Перестук колес все громче — вползаем в низину; по обе стороны болото с камышом, и насыпь очень высока. Люблю это болото. Иногда специально отправляюсь сюда послушать лягушачий концерт. Но сегодня тянет вперед.

Впереди пологий подъем, поросший осиною. На опушке стайка красных мухоморов. Проехали. Полотно сровнялось с землей, ушло ниже, с боков потянулись откосы. На откосах свежие холмики — крот нарыл. (Недавно растолок спичечные головки.)

Откосы сменились лощиной. Стук колес забарабанил в уши, отражаясь от каменных склонов. Проехали, вырвались на простор. Звук смягчился. Донесся звон колоколов из церкви, купола которой золотятся среди зелени на песчаном берегу реки. Здесь по традиции полагалась стоянка. Остановились. Журчание реки. Стрекот кузнечиков. Шелест столетней ивы над заводью, колокольный звон. И нет ничего другого, кроме этой зеленой долины, желтеющих полей и далекого леса, отступившего к предгорьям. Хорошо!..

Назад двинулись тем же путем — хотелось проверить холм с обратной точки. Тут выяснилось, что с фасада он как-то оголен. Может, посадить на вершине деревья? Я заспешил и сделал роковую ошибку, сильно повернув ручку транслятора. Глазок скользнул по холму и уперся прямо вверх — в грубый пластмассовый купол. Иллюзия рухнула. Я зажмурился и выдернул вилку питания.

На Дороге нельзя смотреть вверх. Нельзя. У нее нет и не может быть неба. Раньше, когда игра была в моде, пробовали придумать разные ухищрения. Но вместо неба все равно получался раскрашенный потолок без глубины. Не получалось и солнце. При одном источнике света даже самые мелкие детали рельефа отбрасывали неестественные радиальные тени. Так что купол служит только для крепления матовых ламп и для защиты от пыли. Она в два счета может погубить все те мелочи, над которыми ты трудишься с лупой в глазу, как часовщик.

Я встал и отвернулся от Дороги...

Что-то не спалось. Всплыл Чет — вульгарный и сомнительный «друг Орса». Почему он ко мне прилип? Из-за полуса на двадцать пять монет? Как агент он получит из них пять, а

сколько он выложил за выпивку в баре! Или поспорил с кем-нибудь, кто знает мое органическое отвращение ко всякой страховке? Да нет, чепуха.

Дармод уютно мурлыкал под боком, и постепенно меня сморило. Уже засыпая, я сообразил, чего не хватало на холме: горсточки желтых ульев. И пусть он зовется Медовым холмом.

2

Разбудил меня телефонный звонок. Порт лаконично сообщил, что «лечение потребует времени». Формула была понятна. Гараж практически принадлежал «Юниону», а агенты фирмы регулярно прочесывали свои владения, и тогда незастрахованную машину отгоняли на задворки и прятали под брезентом.

— Сегодня останешься дома, сколько ни мяукай,— предупредил я Дармоода.

Нейл пришел с опозданием. Обычно мы с ним болтали несколько минут на кухне. На этот же раз он молча сунул мне пакет и захромал к соседней двери. Что-то неладно с парнишкой.

— Нейл принес завтрак, но не пожелал разговаривать,— сказал я коту; тот вспрыгнул на стул и стал жадно принюхиваться к пакету: две теплых булочки, сыр, порция апельсинового сока и брикет паштета.

— Ладно, ешь. Будет что вспомнить, сидя взаперти.— Я развернул фольгу и отдал паштет коту.

Закипел чайник, и мы позавтракали. Затем я водворил кота в гостиную, побегал немного по квартире, собирая разные мелочи, и направился к выходу. Нет, сундук придется перетаскать! Невозможно миновать его без синяка. Потирая колено, я закрыл дверь и... обнаружил, что Дармод, задравши хвост, шествует по направлению к лифту.

— Слушай! Ты научился проникать сквозь стены?

Удивительное создание. Спокойно переносит заточение в машине, но категорически отказывается оставаться один в квартире.

Пришлось вернуться за сумкой. В знакомую сумку он полез с охотой. Конечно, можно бы тут и снести его обратно, но не поднялась рука на предательство.

В коридорах фирмы было пусто, все давно сидели по местам. Только Бэт бездельничала в Малом холле.

— Чудная кошечка,— улыбнулась она Дармооду.— Но что за прихоть — всюду таскать ее с собой, Гео?

— Форма протеста против действительности,— ответил я.

— А-а...

Кота я выпустил во внутренний садик на восьмом этаже. Он потянулся и лег на куртинку седума.

— Не безобразничай,— прошептал я, так как с директорской стороны доносились голоса.

На нашем семнадцатом было уже накурено. Морена, развалившись в кресле, гипнотизировал пустой фирменный флакон без наклейки. В таком состоянии он проводил большую часть рабочего дня. Затем вдруг накидывался на машинку и одним духом выдавал целую стопку печатных листов: оду пуленепробиваемому парику или новому сорту мыла.

— Привет, Рен.

— Привет.

— Что в программе?

— Лосьон, возвращающий молодость дряблой коже,— буркнул Морена,— блистательный взлет парфюмерной мысли!

Я извлек из папки вчерашний набросок. «И пойдешь ты под лосьон для старушек»,— сказал я бывшему мосту. Основательно поработал карандашом, раскрасил спиртовой пастой, по карандашу положил синий дак. Флакон вздымался ввысь из нагромождения сияющих плоскостей.

Морена одобрительно хмыкнул.

— Весьма впечатляет.

Минуты на две он погрузился в транс и обрушился на машинку. Бэт невозмутимо вычеркнет бранные словечки, необходимые Рену для вдохновения, и в пятницу нам выплатят гонорар. Машинка смолкла.

— Рен, ты видел когда-нибудь модель из серии «Первые паровозы»?

— Разумеется. На картинке в каталоге. А что?

— Да так... игра воображения.

— Махнем в субботу на Озера? Говорят, попадаются перелетные утки. Запишем.

Это было заманчиво: хлопанье крыльев, криканье. Поезд пронесется мимо болота, вспугивая стаю уток...

— Колеса в ремонте. Не умею быть пассажиром, Рен.

— Здорово разбил?

Рассказывать почему-то не хотелось.

— Рядовой случай, Рен.

Бэт принесла утреннюю почту и забрала рисунок и рекламный проспект, удовлетворенно похлопав нас обоих по шее.

— Анекдот, Гео. Я на днях купил пять тюбиков «Феникса».

— Того «Феникса»?

— Ну да. Какое-то помрачение разума: не устоял перед собственной рекламой.

Мы засмеялись. «Феникс» был антикоррозийным средством для автомашин — приятно пахнувшим и бесполезным. Три года назад мы впервые объединились с Мореной и произвели на свет этот маленький шедевр рекламного искусства.

— Айда в подвал?

Я кивнул. Четверть часа безмятежности мы заслужили. В коридоре незнакомый худосочный тип близоруко водил носом по плакату на стене. Обернувшись у лифта, я с мимолетным недоумением поймал его пристально провожавший нас взгляд.

В подвале у нас тихо; преимущество третьего подземного этажа. Элла торговала минеральной водой и мороженым, а для друзей держала хорошие сигареты.

— Как твой снег, Рен?

— Никак. Чего только не перепробовал!

С месяц назад Рен «заболел» зимним лесом, но снег ему упорно не давался. На Дороге труднее всего имитировать самые простые вещи.

— Что ни возьму — видно, что это либо порошок, либо кристаллы. А ведь снег должен быть мягкий, пушистый и с легкой искрой, понимаешь?

Я понимал, но помочь не мог: на моей Дороге всегда было лето. Ровно в полдень вице-директор предпринимает обход нашего отдела, и весь личный состав обязан пребывать на местах. Правило это соблюдается неукоснительно.

— Без десяти, — напомнила Элла, и мы отправились наверх.

В холле навстречу нам шел импозантный мужчина средних лет и улыбался кому-то за моей спиной. Я посторонился, но он тоже подался влево. Похоже, улыбка предназначалась мне.

— Рад вас видеть, господин Оргель.

— Добрый день, господин...

— Крюгер.

Фамилия ничего мне не говорила.

— Несколько слов, если позволите.

— Прошу на семнадцатый этаж.

— Нет, господин Оргель, нет!

Голос звучал с такой силой убеждения, что я спасовал.

— Иди, Рен, догоню.

Господин Крюгер деликатно увлек меня за кадку с пальмой и вдруг понес несусветную чушь. При этом он доверительно придвигался ко мне, а я, естественно, отодвигался — пока не почувствовал лопатками стену. Тут мистер Крюгер сделал передышку и взглянул на часы. Я тоже взглянул на часы. До проверки оставались считанные минуты.

— С удовольствием продолжу беседу в любое удобное для вас время,— произнес я, приобнял господина Крюгера за талию и решительно убрал с дороги.

— Сейчас единственно удобное время,— ответил господин Крюгер, указывая на трех молодчиков, плотно отрезавших меня от вестибюля.

Ни грабить, ни бить меня вроде не собирались, но отпустить также не собирались. А в двенадцать я обязан находиться в кабинете.

— В двенадцать я обязан находиться в своем кабинете.

— Именно потому, что обязаны, вас там не будет! — весело воскликнул Крюгер.— Поверьте, все к лучшему, господин Оргель, все к лучшему. Стоп!.. Не заставляйте нас применять насилие! Осталось всего две минуты.

— Минута пятьдесят секунд,— уточнил один из молодчиков.

Я топтался в их окружении и беспомощно злился. Кричать «караул!»— смешно, покорно ждать конца этой нелепости — обидно.

— Что означает ваш спектакль?

— Сейчас вы кое-что поймете. Все для вашего же блага, господин Оргель.

Я поморщился и прислонился к стене. Ну как Морена объяснит вице-директору мое отсутствие? А я сам как его объясню? Не рассказывать же эту неправдоподобную историю!.. Чего они ждут, глядя на часы?

— Сорок четыре, сорок три...— отсчитывал секунды Крюгер.

Напряжение невольно заражало. Я отвернул рукав пиджака.

— Ровно двенадцать.

— Ваши спешат. Тридцать восемь, тридцать семь...

Чушь. Абсолютно незачем таращиться на хронометр Крюгера. И так понятно, что случится через двадцать пять секунд: из приемной вице-директора выпорхнут две секретарши с блокнотами, а следом он сам, круглый и проворный, как воробышек.

Прежде всего он заглянет в редакторскую...

— Восемнадцать, семнадцать...

Замерли, как в почетном карауле. У Крюгера вспотел нос. Этот счет действует на нервы. Скорей бы, что ли.

— Три, две, одна, ноль!

Далеко наверху ухнуло.

— Ага! — возликовал Крюгер.

На тротуар перед зданием посыпались стекла. Я рванулся на улицу, они расступились, потеряв ко мне интерес. На сем-

надцатом этаже из окна нашей комнаты валил зеленоватый дым...

От Рена осталось немного. От моего стола вообще ничего. На этаже царила паника.

— Счастье, что хоть тебя не было,— белыми губами прошептала Бэт.

Хедмара из соседнего кабинета вынесли с забинтованной головой. «Газовый камин! — кричал кто-то.— Я сто раз предупреждал!» Трещали телефоны: семьдесят этажей изнывали от любопытства.

Камины не взрываются по заказу в точно назначенное время. Я побрел в садик. Поковыскал Дармоеда, подождал и пошел по круговой дорожке. Садовник с секатором копошился возле кустов роз.

— Ваша кошка...— сказал он, увидев меня.— Господин Оргель, она там.

Дармоед лежал на расцарапанной земле в неестественно вытянутой позе. На усах засохла кровавая пена.

— Принесите лопату, Зепп.

Ненадолго мы остались вдвоем. Я погладил уже холодную шерстку. Вспомнил утро, испуганного Нейла и брикетик паштета. Бедный звереныш умер вместо меня. И Рен умер вместо меня. Мы ушли в подвал, а мимо близорукий тип вертелся у нашей двери. Садовник принес лопату, я стал копать.

— Что вы делаете, господин Оргель? — секретарша изумленно заломила брови.

— Рою могилу.

— О-о!.. Ах, это для... Господин директор просит вас к себе,— официально закончила она.

Великий Японец сидел на единственном во всем здании жестком стуле. Он церемонно привстал и выразил сочувствие по поводу трагической гибели Морены. До сих пор все поздравляли меня со счастливым спасением, и я искренне поблагодарил Ятокаву.

— Считайте себя в отпуске до конца недели,— сказал он на прощанье.

Я вышел на улицу. В руках было непривычно пусто.

— Несколько слов, господин Оргель!

От этого голоса я гадливо вздрогнул. Крюгер. Импозантный господин, порадовавшийся, когда Рен взорвался! Заранее знавший, что он взорвется...

— Кто вы такой?

— Спокойствие, господин Оргель.— Он протянул жетон агента УПИ.— Вы ведь у нас застрахованы, не правда ли? Компания намерена выполнить свой долг и обеспечить вам безопасность. Однако в сложившихся обстоятельствах это сопря-

жено с некоторыми трудностями... Быстро в машину! — прервал он себя.

Сейчас ударю — чувствовал я. Кулаком, со всей мочи, прямо в эту холеную рожу!.. Я очутился в машине, не успев даже замахнуться. Начинаясь новый виток бреда. Мы куда-то ехали. Крюгер уселся рядом. Не машина, а крепость на колесах. В таких возят золото из банка в банк.

— Куда мы едем?

— Положитесь на компанию, господин Оргель.

— Какое дело компании до моей персоны?

— Но вы же застраховались.

— Неважно. Не желаю иметь ничего общего с УПИ!

— Легкомысленное заявление, господин Оргель. За вами охотятся. Мы вам предоставили возможность убедиться.

— Кто за мной охотится?

— Вопрос в стадии выяснения. Положитесь на компанию.

С переднего сиденья подали трубку радиотелефона, и Крюгер занялся оживленным разговором, сути которого понять я не мог. О ветровое стекло расплывались редкие капли. Снова дождь. Крюгер отдал трубку обратно.

— Им уже известно, что покушение не удалось, господин Оргель.

Я стяхнул руку, которую он ободряюще положил мне на рукав.

— Кому «им»?

Крюгер поколебался.

— Банда стервятников. «Юнион».

Час от часу не легче!

— Да зачем я понадобился «Юниону»?!

— Сложный вопрос, господин Оргель.

— Зачем я нужен «Юниону»? — потребовал я.

— Ну, видите ли, идет конкурентная борьба. Наши противники не брезгают никакими средствами. Надежней всего немедленно переправить вас в наш филиал в Австралии.

— Что?!— Пока я выкладывал свой запас крепких выражений, Крюгер задумчиво кивал.

— Отчасти вы правы, господин Оргель. Но обстоятельства...

— Ни при каких обстоятельствах я никуда не поеду. И буду жаловаться в Комитет, если вы попробуете сделать это против моей воли!

— Ну хорошо, хорошо, вас отвезут домой. Однако это требует подготовки.— Он снова занялся радиотелефоном и надавал кому-то кучу непонятных распоряжений про окраску окон, закупку банок с пухом и доставку соленого мыла.

Дождь припускал, мы кружили по городу. Я устал, разжал кулаки.

— Подъезжаем,— доложили наконец с переднего сиденья.

— Между прочим, Крюгер, мост иногда разводят без предупреждения.

— Увы, господин Оргель, нам это стало известно с опозданием. Было что-нибудь еще?

Я вспомнил калеку Нейла и мотнул головой.

— Послушайте, зачем дорогостоящие фокусы? Чтобы меня прикончить, хватило бы винтовки с оптическим прицелом.

— В вашей страховке говорится о несчастном случае, господин Оргель. Не о преднамеренном убийстве.

Машину подогнали вплотную к подъезду.

— Прощайте, господин Оргель. Всяческого вам благополучия.

— Прощайте, милейший Крюгер. Привет милейшему Киприану.

Дюжий малый в форме Пи-полис принял меня в объятия.

Вместо тихого уюта квартира пахнула в лицо пороховым дымом. В кухне насвистывали «Конец света», в гостиной смеялись.

— Глот.

— Леш.

— Уитли Фи.

Представляясь, они щелкали каблуками, избавляя меня от рукопожатий.

— Наплыв гостей или оккупация?

— Временно мы здесь проживем, господин Оргель.

— Очень, очень приятно.

Из кабинета выносили длинный ящик. Я отшатнулся.

— Прибираются,— извинился Уитли Фи и кинул брезгливо: — Ноги уберите!

— Не влезают.

— Сними ботинки,— посоветовал не то Глот, не то Леш.

Ящик поставили на пол, и с трупа стащили ботинки на толстой виброподшве... Уитли Фи потрогал припухший висок, цокнул языком и укоризненно посмотрел вслед ящику. Ботинки аккуратно чернели рядышком посреди комнаты.

— Господин Оргель, не угодно ли подкрепиться?

На кухне жизнерадостный парень в белом халате вскрывал банки с консервами и грел сковороду на электроплитке.

— Милости прошу!

Пока я что-то с трудом жевал, он измерил мне давление и выслушал сердце.

— Прекрасно, прекрасно.

Газовая труба была перерезана и забита заглушкой. Окно заложено бронированными плитами.

— Еду и питье вы должны принимать только из моих рук. Как дрессированный пес. Что дальше?

— Можете посещать спальню и гостиную. Кабинет более опасен. Покажите язык... Прекрасно!— Он отлил из пузырька с четверть стакана мутной дряни.— Это пойдет вам на пользу.

Пожалуй, доктор мне даже нравился, но пить его снадобье не тянуло.

— Как вас зовут?

— Просто Дэн, господин Оргель.— Он плеснул себе той же жидкости, пригубил и изобразил крайнее удовольствие. В детстве старая тетка прибегала к тому же приему, чтобы меня накормить.

На полу белело блюдечко с нетронутым молоком. Пожалуй, никогда в жизни мне не было так гнусно, как сегодня.

— Вам необходимо лечь и поспать, поверьте!

Ладно, поверю...

3

Я бежал куда-то в темноте, они догоняли. Неведомые, бесформенные. Догнали, навалились, душат. Всё. Конец.

Перед широко раскрытыми глазами плавало бледно-зеленое пятно. Ниже белел халат. Я все еще задыхался. Лицо было чем-то облеплено, и сорвать это я не мог — руки не слушались.

Я потряс головой. Это доктор. Мы оба в противогазах. Руки держит он.

Надо медленней дышать. Вот так. Немного легче. Я кивнул, давая знак, что пришел в себя. Дэн помог сесть. Я выковырнул затычки из ушей. Сразу хлопанье дверей, топот. В спальню вкатывают какую-то установку на тележке. Из десяти ее указателей восемь стоят на отметке «смертельно». Проветрить нельзя — окна в броне, вентиляционные решетки замурованы. Через четверть часа стрелки приборов нерешительно переползают риску «безопасно». Мы снимаем противогазы.

— Умыться бы,— хрипло шепчу я.

Дэн ведет меня в ванную и поливает из бутылки с наклейкой «Стерильно. Для инъекций». Пью из горсти.

— Как это случилось?

— Каминная труба. Перебили охрану на крыше.

— Сколько сейчас времени?

— Шесть.

— Так рано?

— Шесть вечера, господин Оргель. Пора ужинать.

Значит, я проспал больше суток?.. В коридоре лежат двое под простынями.

— Не все успели, знаете ли.

На кухне светло и чисто. Кошачье блюдечко убрано. Дэн выпускает струю кислорода из баллона.

— Ужин на свежем воздухе,— бодро говорит он.

— Сегодня, кажется, среда, Дэн?

— Да, осталось четыре дня.

— Четверо суток.

— Верно.— Он улыбается.

— Какие еще сюрпризы нам приготовили?

— В водопроводе обнаружен яд,— сообщает он беспечно.— Кроме того, утром внизу начинался пожар, вы его проспали. Газ они пробовали сегодня. В четверг могут устроить потоп, в пятницу еще что-нибудь... не будем загадывать! Ешьте и берегите силы.

— Вы видите хоть малейший смысл в этой истории?

— Какая-то сложная игра, господин Оргель. «Юнион» против «УПИ».

— А ставка — моя жизнь? Почему?

Дэн пожимает плечами. Ему нужно только, чтобы я уцелел.

— Главное — выжить. Разберетесь потом.

Между прочим, Морена тоже был застрахован в УПИ, но ему спокойно дали взорваться. Опять же — почему?.. В квартире сплошь новые люди. Щелкают каблуками.

— Мак.

— Лю.

Полно разной техники. Тела из коридора исчезли. Бесцельно шагаю туда-сюда.

— Добрый вечер, господин Оргель!

Старый знакомый — не то Леш, не то Глот,— тот, кто советовал снять ботинки с рослого покойника. Я неожиданно радуюсь встрече:

— Вы всё еще здесь?

— Из первой смены один я. Остальные...

— Все?

— Да, все. Но за каждый час мне идет недельное жалование! У жены рак, господин Оргель. Очень дорогая операция...

В кабинете тревога. Одна из плит на окне немного сдвинута, свет погашен. Полицейские, присев, глядят наружу.

— Опять седьмой пост обстреливают.

— Ты смотри, куда велели.

Я тоже смотрю. Узкое здание фирмы «Стар» на той стороне канала взято в перекрестье прожекторов.

— За дождем не пойму, что там творится.

Перед нашим окном раздается хлопок, взвизгивают осколки, полицейский роняет бинокль и валится на пол. Меня вышвыривают в коридор.

— Вы затрудняете нам работу, господин Оргель... прошу прощения.

Офицер зол и напуган. Но ему хоть идет неделя за час, а что идет мне?.. Надо делать что-нибудь простое, обыденное. Свое. Скидываю с сундука форменные фуражки и волоку его из передней в торец коридора. Наконец-то я собрался тебя переставить, кованое чудовище!

— Замолчал верхний пост! Крыша оголена!

Меня это не касается. Решаю переодеться. Я у себя дома. В спальне у телефона дежурный верзила в очках. Отворачиваюсь. Кондиционер всеми стрелками показывает «нормально». Все нормально. Надеваю вельветовые брюки и куртку. Перед тем как повесить костюм в шкаф, по обыкновению, вынимаю из карманов и складываю на тумбочку расческу, бумажник, записную книжку... Пластмассовая страховая табличка размером с марку. Я содрал ее с шеи Дармоеда в день нашего знакомства в парке. «Заблудился?» Он мякнул и потерял об ноги. Кладу табличку обратно. Грязный носовой платок. Выбросить. Что за глянцеви́тый листок? Разворачиваю. Страховой полис УПИ. Может быть, я что-нибудь пойму? Сажусь на кровать и читаю. «Протезирование полностью или частично утраченных конечностей... замена кожи... органов слуха и зрения...» Стандартный набор, кроме последнего пункта: «...С обязательством не пользоваться услугами прочих страховых компаний. Нарушение условия влечет для клиента выплату неустойки в размере...» В размере пятидесяти тысяч?!

Рву бланк поперек, затем вдоль на узкие полоски, с одного конца пучок скручиваю и получаю бумажную хризантему. Цветок для возложения на гроб Гео Орб-Оргеля. Хорошо хоть, хоронить его будет не УПИ. На то есть благопристойный фамильный склеп. Орс был единственный из нас, кто предпочел мерзкую глину. Звонит телефон. Автоматически тянусь, но трубку уже сняли.

— В отъезде до понедельника,— говорит верзила.

— Внешние контакты мне запрещены?

— Да... то есть нет, но... Телефон может в любой момент понадобиться...— Врать ему неловко: квартира набита радиоаппаратурой.

Да-а, я у себя дома... В коридоре просительным жестом

высовывается из-под простыни рука, недавно державшая бинокль. От неоднократного употребления простыня уже заскорузла. Этак, пожалуй, затоскуешь по Австралии. Где бы посидеть в одиночестве? Запираюсь в ванной. Вешаю свежее полотенце и долго протираю зеркало. Нет, обыденной возней себя не обманешь. Все равно думаешь и стремишься понять.

Я — пешка в чужой игре. «Юнион» против УПИ. Борьба, в которой ничем не брезгают. Не первый год компании рвут друг у друга куски из горла. Рекламируют счастливых, получивших «ни за что» крупную страховую премию, тратят бешеные суммы на подкуп знаменитостей, которые соглашаются публично объявить, что поручили яхту или верховую лошадь заботам такой-то компании.

«Юнион» консервативней, и клиентура у него посолидней. Он занимается по большей части долгосрочным страхованием. Методично выдаивает своих клиентов и вкладывает капиталы в доходные предприятия. Застраховав вас от авиакатастрофы, «Юнион» заставит вас летать только его самолетами. Подрядившись оберегать квартиру от взломщиков, всучит сейф собственного изготовления и набор современных замков. Он держит армию юристов и инспекторов и, если сумеет поймать вас на нарушении условий контракта, ловко ускользнет от возмещения ущерба.

УПИ любит трубить о своей прогрессивности. Ее основной хлеб — краткосрочные договоры. Она не имеет авиалиний, не требует актов об исправности вашей машины, но арендует первоклассные больницы и имеет мобильную армию спасателей на случай стихийных бедствий. Ее девиз — «массовость и разнообразие». Тучи ее агентов страхуют всё и от всего. С уплатой взносов вперед, частями или по окончании срока. Страхуют оптом: ваш дом, семью, будущее потомство. Страхуют в розницу: столовый сервиз, брошь, видеоэкран, вашу печень или легкие. Мотогонщики отдельно страхуют голову, певцы — голосовые связки. Недавняя новинка — недельная страховка от зубной боли. УПИ первой стала заключать «охранные» договоры, нанимая сторожей для мнительных старушек и детей миллионеров. Служба частной охраны разрослась и превратилась в Пи-полис.

«Юнион» оскалится: дети миллионеров испокон веку принадлежали ему. Он тоже набрал наемников, организовал регулярное обучение. Правительство уже давно не вмешивалось. Деятельность компаний избавляла его от доли хлопот. Теперь на жалобу в полицейский участок, что вас ограбили, вам скажут, что надо было застраховаться, и снабдят рекламными проспектами: «Всеохватывающая система страхования является основой благосостояния и покоя граждан, способ-

ствует снижению преступности и процветанию нашей маленькой, но гордой страны».

Взаимная ненависть компаний безгранична. Своры журналистов рыщут в поисках фактов, помогающих компаниям поливать друг друга грязью. Ведется обоюдный шпионаж. Борьба накаляется до предела.

И вот она перешла в открытое сражение, грохот которого я стараюсь не слышать, сидя в ванной. Почему интересы скрестились на мне? Почему на одном рядовом человеке? Собираю обрывки мыслей, уже бродивших в голове и силившихся сложиться в некую простую идею. Пора додумать ее до конца.

Додумываю и получаю: это подлый, кровавый рекламный аттракцион. «Юнион» решил доказать, что УПИ не способна защитить клиента от опасности. УПИ вынуждена доказывать обратное. Такого еще не бывало — именно потому оно как раз может быть.

Но бойня имеет смысл лишь при условии гласности. Вспоминаю недавнюю передачу под рубрикой «Скандал недели». Со всех видеозэкранов «Юнион» провозгласил: «Наши клиенты живут в среднем на пять лет дольше». Бодрые пожилые промышленники и спортивного вида бабушки в окружении внучат описывали свое прекрасное здоровье, обеспеченное полисами «Юниона». УПИ была опозорена высокой смертностью среди людей, «легкомысленно доверившихся шайке аферистов». Приводились статистические данные и показывались кадры похоронных процессий клиентов УПИ. После «Скандала недели» обыватели стали откочевывать под крылышко «Юниона».

Если догадка моя верна, то сейчас обыватели маленькой, но гордой страны дома, в подземке, в барах увлеченно следят за ходом здешнего сражения, гадая, удастся ли мне выжить.

Удастся ли мне выжить?.. Подписывая полис, я позабыл об одной мелочи: у нас с УПИ небольшие старые счета. Будучи помоложе и погорячей, я полагал, что против обмана и пакости человек должен протестовать. И я много поработал с помощью карандаша и бумаги. За карикатуру, где пухлая ладонь УПИ сжимала глупую фигурку клиента, выдавливая из него деньги, мне отвалили сказочный гонорар (как потом выяснилось, из фондов «Юниона»). УПИ затеяла хвастливый судебный процесс, ничего не добилась, но изрядно отравила мне несколько месяцев.

И вдруг принципиальный противник страхования вручает жизнь компании, которая «доблестно выполняет свой долг» — вариант УПИ — или которая «бессильна ему помочь» — ва-

риант «Юниона». Пустычок пятилетней давности. Но все же «изюминка». Она могла прельстить страховых шакалов.

Я вышел из ванной. Экран в кабинете разбит, но, кажется, уцелел маленький — в кухне. Дэна нет — опять есть работа. Нажав кнопку и услышав щелчок, я был почти уверен, что увижу на экране собственное одичалое лицо.

Но увидел средневекового рыцаря, заносившего над кем-то двухметровый меч. На других диапазонах что-то пели, расхваливали пилюли для пищеварения и синтетический кофе, целовались, путешествовали по Сахаре, ругали синтетический кофе... рыцарь вытирал меч о гриву коня — я проделал полный круг.

Появился бледный Дэн.

— Господин Оргель, не заглядывайте пока в гостиную.

— Хорошо, Дэн. Вы не смотрели видеопрограммы?

— Когда не было дел и вы спали.

— Что о нас передают?

— О нас?

— О том, что тут происходит.

— Разве собирались передавать?

— Ни слова?

— Нет... да вряд ли кому интересно. Хотите чаю?

— Садитесь, Дэн, я сам. Вы пробовали синтетический кофе?

— Ничем не отличается от натурального, кроме цвета, запаха и вкуса.

Шутит — значит, еще держится.

— А пресса поблизости околачивается?

— К нам не пробиться, все оцеплено. Сегодня едва провались цистерны с водой.

— Но как же остальные жильцы?

— Выселены. Еще во вторник.

— Действительно нет репортеров, Дэн?

Доктор недоумевающе пожал плечами:

— Да что им здесь, господин Оргель? Очередная перестрелка на окраине города. Мало ль их было?

Мы пили чай. Простая логичная идея развалилась, возвратив меня в прежний тупик.

— Свежих газет не найдется?

— Спрошу.

Он вернулся с целым ворохом, и из целого вороха я выудил паршивенькую заметку: «Обостряется конкурентная борьба между страховыми компаниями «Юнион» и УПИ... Наблюдаются вооруженные стычки отрядов обеих компаний... «Юнион» с негодованием отрицает свое участие в каких-либо агрессивных акциях против УПИ...»

— Дэн,— сказал я,— возникла светлая мысль: немедленно застраховаться у «Юниона». Пусть заплатит неустойку и снимет осаду. Она, по-моему, обходится дороже. Право, я бы разыграл подобную шутку. Раздобудьте полис, а?

— Ах, господин Оргель, если б я мог...— Он посмеялся и вынул из холодильника свой пузырек.

4

Наступила пятница. Мы с Дэном завтракали. Мы были еще живы. Горели аварийные лампочки. На месте двери кабинета отсвечивал металлом массивный щит. Из квартиры убирали длинные черные головешки. Они помещались на носилках попарно, под одной простыней.

— Хорошо, что над нами еще три этажа,— сказал Дэн, мигая воспаленными глазами,— кабинет как угловое помещение не выдержал.

Чего не выдержал, я не спросил. Я устал думать, устал бояться, говорить, ждать понедельника.

Дэн был озабочен и смущен. То и дело его вызывали к телефону.

— Господин Оргель...

— Зовите меня Гео.

Он кивнул, устало улыбнувшись.

— Что-то готовится, Гео. Приказано привести вас в порядок и побрить.

— В аду не бреются, Дэн,— сказал я, следя за чашкой, скользившей к краю стола.

— Но...

Дальше я не расслышал, потому что все потонуло в нарастающей мешанине взрывов, криков и скрежета. Чашка подпрыгнула и устремилась в обратном направлении. Столкнулась с сахарницей, опрокинулась, плеснув недопитым молоком. По разлитой лужице пошли круги.

И вдруг все смолкло. Прошло пять минут. Десять. Мы совсем отвыкли от тишины. Она давила, ошеломляла, терзала уши. По спине полз панический холодок. Приглушенные голоса, суета, стоны были частью тишины. Они лишь оттеняли ее глубину, этой невозможной тишины, навалившейся извне.

Вспыхнуло нормальное освещение. Офицер с кровоподтеком на лбу поманил нас в коридор. Все стояли навтыжку лицом к входной двери. Мы пошли в гостиную. В то, что осталось от моей уютной старомодной гостиной.

— Вон!— крикнул офицер полицейскому, развалившемуся

на стуле. Полицейский не двинулся. Его вынесли вместе со стулом, потому что тело не разгибалось.

— Приехал кто-то из начальства,— прошептал Дэн.— Как вы, Гео?

Он считал мне пульс, когда в гостиную постучали. Я сел на диван, не желая встречать очередного Крюгера в позе «смирно».

Вошел сухопарый корректный господин в ослепительной сорочке и безукоризненной черной паре со значком государственного чиновника в петлице. Хотелось потрогать его на ощупь — настолько неправдоподобным казался он в здешнем «интерьере».

— Господин Оргель?

Я привстал, поклонился и чуть было не предложил ему сесть, однако вокруг не было сколько-нибудь достойного места для его высокопоставленных брюк.

— Ваше полное имя, пожалуйста.

— Гео Орб-Оргель,— ответил я, дивясь его способности не видеть и не обонять ничего, что не касается его загадочной миссии.

Сверкнув золотым перстнем, рука двинулась вбок и взяла тисненую красную папку. Тут я заметил двух господ пониже рангом, маячивших за спиной моего визитера.

— Ваш возраст, место рождения?

Он сверял ответы с документами в папке, чуть склоняя голову, причесанную «а-ля президент».

— Ваш пол?— Он ничуть не шутил, он был великолепен.

— Простите, с кем имею честь?

— Старший нотариус шестнадцатого округа Гибсон. Имя вашего отца, господин Оргель? Имена деда и бабки по отцовской линии?

Я положил ногу на ногу и собрался перечислить всех своих родичей, болезни, которые перенес в детстве, группу крови, размер выплачиваемого налога, рост, вес, занимаемую должность... все, что угодно: мне начинало нравиться, что нас не поджигают, не топят, не душат. Мне начинала нравиться тишина.

Но Гибсон обратился к Дэну:

— Вы имеете профессиональное удостоверение, доктор?

И пока я наблюдал, как тот лихорадочно шарит по карманам, стеснясь своего порванного халата, исцарапанных рук и плохо замкнутых бурых пятен на коленях, подоспевший ассистент ловко снял у меня отпечатки пальцев.

Удостоверение доктора было изучено и возвращено.

— Можете ли вы засвидетельствовать, что ваш пациент психически вменяем?

— О... да. Все органы функционируют нормально, пульс...

Гибсон отшел отшел мановением перстня.

— Скрепите вашей подписью заключение о том, что господин Оргель пребывает в здравом уме и твердой памяти.

Дэн растерянно подписался. Ассистент произнес что-то об идентификации личности, сложил оборудование в чемоданчик и направился к двери. Гибсон возвратил красную папку другому ассистенту.

Уже уходят? Жаль. Нет, еще одна папка, синяя с золотом. Гибсон откашлялся.

— Господин Оргель, нотариальным расследованием установлено, что по смерти Тролла Орб-Оргеля вы являетесь его единственным законным наследником.

Он замолчал, выдерживая торжественную паузу. Смешно. Самое время сообщать мне о чьей-то там смерти.

— И когда умер этот Тролл?

— Двадцать восьмого октября сего года. Вам было послано уведомление.

Не получал я никакого уведомления. Тролл Оргель... Тролл? Ну конечно же! Пресловутый двоюродный дядя Тролл. Он «ввязался в темные спекуляции и стал позором семьи». В нашем доме о нем красноречиво умалчивали. Я думал, он давно сгинул в чужих краях.

— Согласны ли вы принять наследство?

На миг я почувствовал себя шокированным: как-никак «позор семьи». Но если отказаться, они тотчас уйдут, а так мы еще поболтаем в тишине.

— Согласен.

— Скрепите подписью.

Скрепил.

— Благодарю вас. В соответствии с пунктами 4-м, 182-м и 369-м, господин Оргель, вы будете официально введены во владение через тридцать шесть часов, считая с данного момента.

— И что же оставил мне дядюшка Тролл?

Гибсон открыл синюю папку.

— Акции фирмы «Паллмер» на сумму четырнадцать миллионов долларов. Свинцовые рудники в Боливии. Чайные плантации площадью...

Ай да дядюшка Тролл! Что значит вовремя ввязаться в темные спекуляции! Однажды — мне было лет десять — он приезжал в наш старинный, уже ветшавший дом среди полей и не был допущен к порогу. Бабушка вышла на веранду, иронически оглядела сиявший хромом автомобиль ярко-

лилового цвета и сказала безапелляционным тоном: «В роду Орб-Оргелей подобных машин не держат».

Водя чистым розовым ногтем по страницам, Гибсон зачитывал длинный список богатств дядюшки Тролла.

— ...А также принадлежащий Троллу Оргелю по праву личной собственности остров Макабр, расположенный...

Остров Макабр?! Личная резиденция короля наркотиков Папы Пиперазино?.. Черно-бело-розовый Гибсон закачался у меня перед глазами.

— Хватит,— прохрипел я.— Общий итог?

— Округленно состояние оценивается в шестьсот пятьдесят восемь миллионов долларов,— бесстрастно изрек Гибсон.

Та-ак. И сколько ж это будет — десять процентов от шестисот пятидесяти восьми? Очень много. Вполне достаточно, чтобы ответить на все мои «почему».

— Если вы не имеете больше вопросов...

— Нет.

— Тогда до скорого свидания, господин Оргель. Наша контора работает в обычные часы.

Дэн щупал мне пульс, что-то приговаривал. Те ушли.

— Бросьте, в обморок я не хлопнусь.

Гады. Подлая нечисть. «Десять процентов от сумм, имеющих поступить в течение недели...» И за это — Орс, Дармод, Морена. Тела под простыней. Обугленные головешки на носилках...

— Дэн! Вы поняли, Дэн?

— О да! Поздравляю вас, Гео... господин Оргель! Счастлив позвать вашу руку!

Я смотрел на него, и он отдалялся, пустел, превращался в плоскую белую фигурку, оставляя меня наедине с моей ненавистью и отвращением.

Тишина взорвалась. Штурм возобновился.

5

Я сидел на сундуке в торце коридора.

— Прибыло подкрепление!— радостно сообщил доктор.— Посидите пока тут, господин Оргель, самое безопасное место. Вам не жестко?

— Идите, доктор, идите.

В коридоре толклись новоприбывшие. Кто-то попросил у меня закурить, назвав «приятелем». Они даже не знали, ради кого погибнут.

Я пошарил в сундуке, набитом реликвиями, и нащупал семейную Библию. К нижней доске тяжелого переплета был

подклеен изнутри лист бумаги, свернутый вдоль и поперек и посаженный для прочности на шелк. Библия переходила из поколения в поколение, и на листке скупыми штришками вычерчивалась история рода Оргель. Семейное дерево.

Я осторожно расправил слежавшиеся сгибы. Когда-то я разглядывал этот лист, еще не умея читать. Смутно помнилось что-то огромное. Огромным дерево не было, но где-то на половине ствола оно пышно ветвилось и цвело россыпью имен, любовно вписанных в изящные виньетки. Выше ветви редели и укорачивались, порой упираясь в грустный вопросительный знак: кто-то затерялся в житейском море и неизвестно, продолжил ли свой род. На вершине я отыскивал себя и Орс, вписанных почерком отца, и рядом с датой рождения брата пометил дату смерти. Над собой я пометил. «Гео Орб-Оргель. 7.XII.1960». Скоро исполнится тридцать. Вернее, исполнилось бы, если б я не застраховался. И если бы Тролл Оргель не оказался Папой Пиперазино. Что ж, отдадим последний долг старому прохвосту.

Я повел карандашом вниз, чтобы найти нужную развилку, подняться по боковому отростку и добавить дядюшке год 1990-й. Рядом с именем отца увидел незнакомое: «Люси, урожденная Меркюр». Значит, женщина, которую я так любил, не была моей матерью?! Впрочем, теперь это не имело значения. Да и тогда не имело. Но Орс был на тринадцать лет старше, он помнил Люси. Вот что погнало тебя из дома, брат мой Орс.

Кто-то тряс меня за плечо. Я выпустил семейное дерево, и оно само сложилось по сгибам.

— Добрый день, господин Оргель!— бессмертный то ли Глот, то ли Леш.— Вам посылка. Передали во время затишья.

Сверток проштемпелеван со всех сторон: «Проверено на токсичность», «На взрывоопасность», «На содержание вредных микробов». Я сломал сургучную печать и развязал шнурок. В коробочке лежала на боку модель из серии «Первые паровозы». И записка: «Баки заправлены. Кнопка зажигания спереди. Надеюсь на лучшее. К. Ч.»

Я потрогал мизинцем красные коленки шатунов. Мирное маленькое чудо с расширяющейся трубой. Здесь, сейчас от него перехватывало горло...

Заложило уши, я сел прямо и сглотнул. Не помогло. Сундук странно уплывал из-под меня, стоя на месте. Несколько полицейских пятились по коридору, и среди них офицер в шлемофоне натужно орал:

— Скорей, ребята, скорей! Пока не нащупали резонансную волну!

Сундук образумился, полицейские приободрились. Потом началось опять. Ко мне протолкался доктор.

— Что новенького?

— Говорят, инфразвук. Но вы не бойтесь, господин Оргель. Источник обнаружен. Накроют из дальнобойных. Нам все-таки проще — законно защищаем жизнь клиента. А «Юнион» вынужден маскироваться.

С той минуты, как доктор узнал о наследстве, он слишком говорлив. В тоне проскальзывают подобострастные нотки, от которых сводит скулы.

— Не бойтесь, господин Оргель, дом крепкий.

Да, дом крепкий. Некогда он был модным загородным отелем с просторными внутренними холлами на каждом этаже. При перестройке под квартиры холлы разделили перегородками на темные кладовки. Я откупил у соседей их часть и восстановил холл. Там нет окон, это удобно для Дороги. Полицейские снова попятались. Я влез на плывущий сундук посмотреть. Плита, закрывающая вход в кабинет, необъяснимо струилась. Стена справа и слева от нее дрожала, словно пытаясь скорчиться. Судороги приобретали ритмичность. Нащупывали резонансную волну, понял я. Кусок потолка обвалился и придавил офицера. Стена треснула наискось и выперла в коридор. Снаружи свистело и ухало — источник накрывали дальнобойными. Офицер тонко, по-детски стонал, и доктор не спешил на помощь.

— Пристрелялись!

— Накрыли!

— Вы спасены, Гео... господин Оргель!

Мир вокруг утрачивал реальность. Восторженная улыбка доктора... «Вы спасены... Скрепите подписью... Наша контора работает в обычные часы... Ужас тишины... Три, две, одна, ноль!..»

В торце коридора у меня за спиной дверь к Дороге. Я сунул Библию в сундук и отодвинул его одной рукой. В другой я держал паровозик. Он будет пыхать настоящим паром.

Указательный палец лег в неприметную ямку. Дверь пропустила меня и сомкнула створки. (Патентованный замок «Юниона».)

Я постоял в темноте, опасаясь обнаружить развалины. Зажег свет. Подошел к колпаку, попробовал несколько кнопок. Дорога была цела!

Очки. Наушники? Для паровоза нет подходящей кассеты, но сейчас это неважно. Все равно какофония снаружи погубила бы все впечатление.

Вилку питания в сеть. Восемь вагончиков. Глазок трансля-

тора прикреплю на предпоследнем — так я увижу и свою страну, и паровозик на поворотах.

Мягко опускаю поезд на рельсы. Щелкаю тумблером и включаю зажигание кончиком карандаша. Зажмурившись, низко-низко сгибаюсь над столом, стараясь расслышать. Паровозик задышал. Сначала с паузами, потом все чаще. Но поезд еще стоит — мы разводим пары.

Вот дернулись. Вагончики пошевелились, толкаясь буферами, но к хвосту движение угагло. Неужели он не осилит такой состав?

Еще рывок, еще — и поехали. Просто он не умеет трогаться иначе. Едем!

Я поднял голову и смотрел теперь из окна вагона. Скоро холм. Там у меня не хватает горстки ульев. Но я их увидел, как тогда, сквозь сон, — семь желтых коробочек, рассыпанных по Медовому холму.

Я выбрал самый извилистый путь и на поворотах любовался своим паровозом. Он пыхал настоящим паром, и ветерок смахивал настоящий дым с его трубы. И окрестности, быстро убегавшие назад вблизи полотна и медленно-медленно разворачивающиеся вдаль, удивительно оживали от его присутствия.

Крутобокий и крепкий, немного одышливый на подъемах, он сливался и с пейзажем, и с архитектурой. Черепичные крыши, узкие улочки, горбатый мостик через ручей. И к городку подкатывает поезд, обдавая станцию дымом и паром. Большущие колеса, гордая черная труба.

Где-то сзади пулеметные очереди. Наддать пару! Наугад включаю стрелочника на развилке.

Мы свернули к Горному озеру, и я обрадовался. Как давно я там не был! Горное озеро — моя первая железнодорожная любовь. Я устраивал и прихорашивал его бесконечно, прежде чем показать Рену. Рен посмотрел: «Знаешь, Гео, слишком красиво. Не верю».

И я забросил озеро. Когда я последний раз доливал туда воды?

Впереди круто стояла поперек полотна рыжая скала. Глыбы, поросшие лишаями, нависли над головой... Оглушительный грохот.

И мрак.

Мрак и многократно отраженное камнем эхо: тоннель. А когда мы вырвались снова к свету, они остались со мной — пыхтенье паровоза, перестук колес, поскрипывание буферов. Они остались!

Торжествуя, я дал свисток. Сипловатый, но залихватский, он огласил предгорья. И в ответ начали оживать прочие зву-

ки: певучий шум букового леса, гул мачтовых сосен, стрекот сороки...

Дорога втянулась в ущелье, стало прохладней. Паровозный дымок смешивался с запахом цветущих трав. Горы расступились, распахнулось мне навстречу озеро, до краев полное воды.

Оно было прекрасно.

Поезд остановился у старой, потемневшей платформы. Я спрыгнул с подножки, и доски упруго отозвались на мои шаги.

Зашипел, окутался паром, лязгнул шатунами паровоз. Тронулся.

Я шел к берегу.

Уезжал, скрывался за поворотом поезд. Я закинул голову, и взгляд утонул в глубокой синеве. Дождя сегодня не будет.

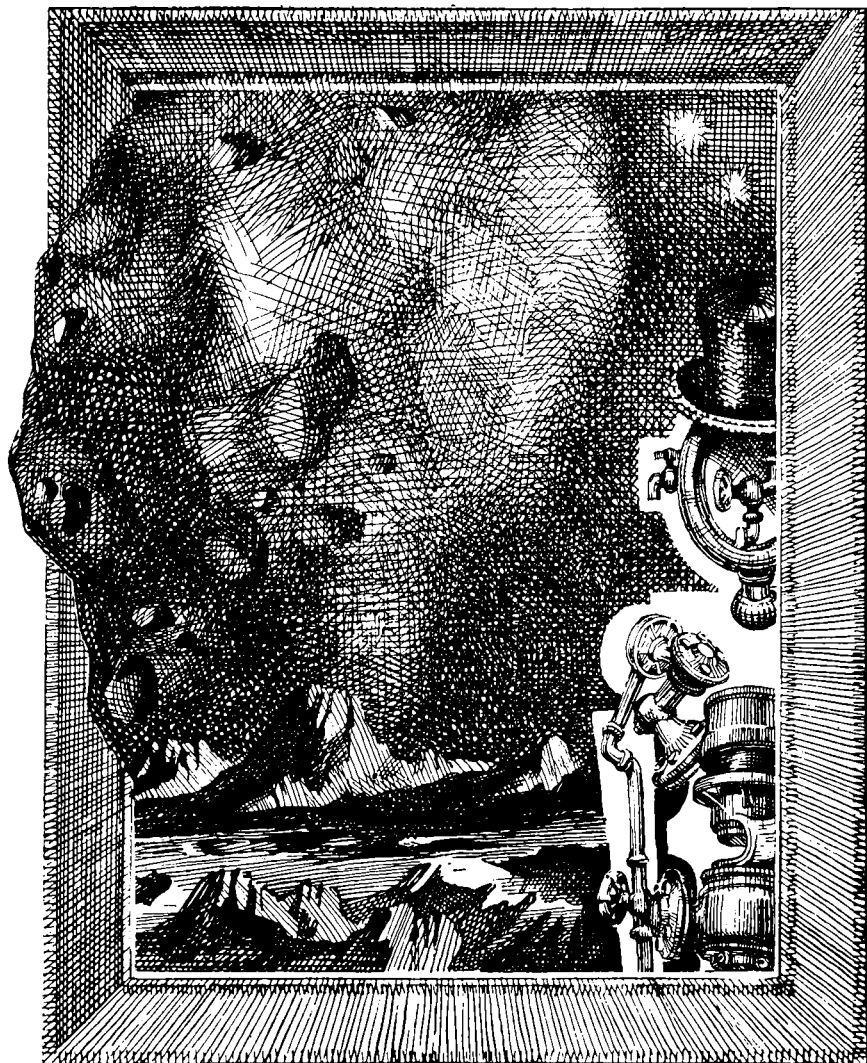
Одного из метров современной американской фантастики — Клиффорда Дональда Саймака — называют «певцом Контакта». Действительно, большинство его произведений, притом лучших, повествует о встрече человека с «коллегами» из иных разумных миров. Иногда эти «представители» вполне подобны землянам, а другой раз на «рандеву» к людям могут заявиться удивительные мыслящие... цветы.

И в повести «Торговля в рассрочку» К. Саймак остается верным себе, в ней вроде бы тоже пойдет речь о контактах земных обитателей со вполне — на этот раз — гуманоидными инопланетянами. Почему же «вроде бы»? Да потому что это произведение вовсе не о будущем, хотя действие повести протекает через много-много столетий, и не о подвигах отважных покорителей космоса, хотя масштаб событий галактический, и даже Контакт, тот самый знаменитый Контакт, здесь ни при чем, хотя на нем и выстроен весь сюжет. Противоречия нет никакого: пользуясь излюбленным приемом западных фантастов, писатель выстроил на галактическом материале наглядную модель некоторых современных ему порядков.

Гигантская монополия «Центральная торговля» охватила своими щупальцами чуть ли не всю видимую Вселенную, ее коммивояжеры весьма напоминают тех бравых и неутомимых дельцов, которые вслед за путешественниками или войсками век-два назад проникали в дальние уголки нашей планеты, чтобы грабить слаборазвитые страны на «законном» основании. Чем, собственно, от них отличается миссия Шеридана, о которой вы прочтете в повести? Разве только тем, что у главного торговца несколько непривычные приказчики — роботы. Но это ничего не значит, потому что роботы лица не имеют, они несут в себе явные черты тех людей и того общества, которыми они запрограммированы и посланы. Впрочем, надо сказать, черты не только худшие, но и лучшие, потому иногда становится жаль этих довольно симпатичных умельцев, вынужденных заниматься неблагоприятным и неблагодарным делом. Временами роботы со смешными библейскими именами выглядят куда симпатичнее своего «всамделишного» руководителя. Можно справедливо усомниться, что при своих-то низменных целях «Центральная торговля» будет так уж разборчива в средствах, будет так уж соблюдать законы, охраняющие

права каких-то там убогих аборигенов, которые не то что до сверхсветовых звездолетов, а и до плуга еще не дошли. Писатель из США показывает, как сама механика капиталистических отношений толкает к тому, чтобы быть бесцеремонным, циничным, жестоким, иначе просто не выжить в яростной конкурентной борьбе за место под солнцем (неважно, под своим или чужим). Немного замешкался — и тут же находятся более ловкие, более предприимчивые «Галактические предприятия», которым уже и вовсе нет никакого дела до судьбы обманутого и обобранного ими народа. Как всегда бывает у К. Саймака, довольно прозрачная социальная схема наложена на очень конкретную обстановку с удивительно метко придуманными деталями.

Вывод, который следует из произведения талантливого американского прозаика, сделан «от обратного», но вбичитать его нетрудно. Лавочникам и монополистам, как и всему тому обществу, которое порождает и лавочников и монополистов, не может быть места ни в Будущем, ни в Космосе, ни при каких бы то ни было Kontakтах, если бы они вдруг стали реальностью.

ТОРГОВЛЯ В РАССРОЧКУ

ПОВЕСТЬ

I

Беда приключилась в сумерки, когда последний грузолет снижался к временному товарному складу и все его восемь небольших двигателей мерцали в полумраке голубыми огоньками.

Только что он плыл, медленно снижаясь, над землей, на нем громоздились грудой ящики, на этой гряде сидели сопровождающие роботы — а в следующее мгновение отказал один двигатель, за ним другой, и вдруг грузолет накренился. Ящики посыпались вниз, а сопровождающие роботы вместе с ними. Потеряв равновесие, грузолет ошалело завертелся и пронзительно воющим колесом яростно ринулся по стремительно сужающейся спирали вниз, к базе.

Стив Шеридан кинулся прочь от ящиков, сложенных рядом с его палаткой. В сотне ярдов от него, с громopodobным грохотом, перекрывшим даже завывание корабля, груз ударился о землю. Упаковка разбилась, и из нее вывалились исковерканные и раздавленные товары, образуя бесформенную гряду.

Пригибаясь, Шеридан метнулся к открытому входу в палатку, и в тот же миг, врезавшись во временную радиорубку, поставленную меньше часа назад, упал сам грузолет. Наполовину уйдя в землю, он выбросил из образовавшегося кратера песок и гравий, и они шквалом обрушились на палатку.

Лоб Шеридана оцарапал голыш, в щеку ударило песком, а потом он очутился внутри палатки, и его руки лихорадочно нащупывали сундучок с трансмогами, что стоял возле письменного стола.

— Езекия! — завопил он. — Езекия, где ты?

Он принялся торопливо перебирать связку ключей, наконец нашел нужный и вставил в замок. Один поворот — и с легким щелчком крышка сундучка открылась.

Снаружи слышался топот бегущих роботов.

Он откинул крышку и начал вынимать из сундучка секции, в ячейках которых размещались трансмоги.

— Езекия!— снова закричал он.

Именно Езекия знал, где какой трансмог; он мог не глядя, сразу выудить нужный.

Брезент за спиной у Шеридана зашуршал, и в палатку бежал Езекия. Он отстранил Шеридана.

— Разрешите мне, сэр,— сказал он.

— Нам будут нужны роботехники,— сказал Шеридан.— Ребята, наверное, здорово грохнулись.

— Вот они. Может, вставьте, сэр? У вас это получается лучше, чем у любого из нас.

Шеридан взял три трансмога и опустил в карман куртки.

— К сожалению, сэр, больше нет,— сказал Езекия.— Это все, что у нас имеется.

— Ну что поделаешь,— сказал Шеридан.— А что с радиорубкой? Там кто-нибудь был?

— Насколько я знаю, не было никого. Сайлас оттуда вышел как раз перед этим. Ему очень повезло, сэр.

— Это точно,— согласился Шеридан.

Пригнувшись, он выбрался из палатки наружу и побежал к груде разбитых ящиков и упаковочных клетей. На ней, обезумело ее раскапывая, копошились роботы. Еще на бегу он увидел, как они наклоняются и вытаскивают из-под ящиков какой-то смятый металлический предмет. Они сволокли его вниз, оттащили в сторонку, опустили на землю и, обступив, стали разглядывать.

Шеридан подбежал к группе, окружавшей кусок металла.

— Эйб,— переводя дух, спросил он,— вы вытащили обоих? Абрахам обернулся:

— Нет еще, Стив. Макс пока там.

Шеридан протолкался к искалеченному роботу и опустился возле него на колени. Середина корпуса была вдавлена с такой силой, что грудная пластина почти касалась спины. Ноги были сломаны, руки вывернуты и закручены под каким-то невероятным углом. Голова была свернута набок, а кристально чистые глаза глядели без всякого выражения.

— Лем,— прошептал он,— Лемуэль, ты меня слышишь?

— Нет, не слышит,— сказал Абрахам.— Его и вправду здорово тюкнуло.

— Роботехники у меня с собой, в кармане.— Шеридан поднялся.— Целых три. Кто возьмется? Работать придется быстро.

— Рассчитывайте на меня,— сказал Абрахам,— и вот на него, Эбenezера, и...

— И на меня тоже,— добавил Джошуа.

— Нужны инструменты,— сказал Абрахам.— Без инструментов мы не сможем ничего сделать.

— Вот вам инструменты!— крикнул, подбегая, Езекия.— Я знал, что они вам понадобятся.

— И свет,— сказал Джошуа.— Становится темно, а нам, судя по всему, придется возиться с его мозгом.

— Нужно положить его куда-нибудь повыше,— объявил Абрахам,— чтобы мы могли работать. Пока он лежит на земле, мы не сможем сделать ничего.

— Положите его на стол для заседаний,— предложил Шеридан.

— Эй, ребята!— заорал Абрахам.— Перетащите Лема на стол для заседаний!

— Мы откапываем Макса!— прокричал в ответ Гидеон.— Перетащите сами!

— Мы не можем!— закричал Абрахам.— Стив будет сейчас менять нам трансмоги...

— Сядьте,— приказал Шеридан.— Мне не достать, когда вы стоите. А свет у кого-нибудь есть?

— У меня, сэр,— сказал стоявший рядом Езекия и протянул Шеридану фонарик.

— Посвети, чтобы я мог сменить ребятам трансмоги.

Тяжело топая, трое роботов подняли изувеченного Лемуэля и понесли на стол заседаний.

При свете фонарика Шеридан достал ключи и быстро нашел тот, который был ему нужен.

— Держи фонарь так. Я не могу делать это в темноте.

— А когда-то мог,— сказал Эбenezер.— Забыл, Стив? На Галанове. Правда, не разглядел наклейки на трансмогах и вставил Улиссу миссионерский, хотя тебе требовался лесоруб, и он начал проповедовать. Ну и ночка была!

— Помалкивай,— сказал Шеридан,— и сиди спокойно! Как, по-твоему, я могу их вставить, если ты все время ерзаешь?

Он ловко сдвинул вниз почти невидимую пластину на затылке Эбenezера, просунул внутрь руку и нащупал трансмог космического рабочего. Быстрым движением он вырвал его из гнезда и сунул в карман, а потом воткнул в гнездо трансмог роботехника, и тот, щелкнув, стал на место. Тогда он поднял пластину вверх и услышал, как негромко звякнул ее замок.

Не теряя времени, Шеридан принялся за следующего. Эбenezер едва успел встать на ноги и поднять ящик с инструментами, а он уже сменил трансмоги и у двух остальных.

— Пошли,— сказал Эбenezер,— надо приниматься за Лема.

Размашистым шагом все трое удалились прочь.

Шеридан огляделся. Езекия и его фонарик исчезли — ве-

роятнее всего, поспешили куда-нибудь, где тоже требовалось их присутствие.

Роботы всё еще копались в куче товаров. Желая помочь им, он обежал груду вокруг и начал вытаскивать из нее одно, другое, третье и отбрасывать в сторону.

Гидеон, оказавшийся рядом, спросил:

— Обо что это ты стукнулся, Стив?

— Что?

— У тебя все лицо в крови.

Шеридан пощупал. Лицо было мокрое и клейкое.

— Наверное, галька, — сказал он.

— Скажи Езекии, чтобы он этим занялся.

— Когда разыщем Макса, — сказал Шеридан, возвращаясь к работе.

Максимилиана они нашли минут через пятнадцать, в самом низу кучи. Тело его было непоправимо изуродовано, но разговаривать он все же мог.

— Долго же вы копали, ребята, — сказал он.

— Помолчи-ка лучше, — сказал Рубен. — Наверное, сам все и подстроил, чтобы обзавестись новым корпусом.

Они вытащили его из кучи и поволокли. От сломанных рук и ног то и дело отламывались кусочки. Роботы бросили его на землю и побежали к радиорубке.

Максимилиан завопил им вслед:

— Эй, вернитесь! Взяли и бросили меня, как мусор!

Шеридан присел возле него на корточки:

— Не волнуйся, Макс. Грузолет ударил по радиорубке, и дела там плохи.

— А Лемуэль? Что с Лемуэлем?

— Не слишком хорошо. Мальчики над ним работают.

— Не понимаю, что произошло, Стив. Мы летели, все было прекрасно, и вдруг грузолет взбрыкнул и нас скинул.

— Отказали два двигателя, — объяснил Шеридан. — Почему — мы, наверное, никогда не узнаем: грузолет разбился. Ты и вправду чувствуешь себя хорошо?

— Правда. Но не давай им валять дурака. Это было бы на них похоже — не менять мне корпус. Просто так, смеха ради. Ты за ними проследи.

— Корпус ты получишь при первой возможности. Насколько я понимаю, как раз сейчас Езекия разыскивает запасные тела.

— Ну и ну! — сказал Максимилиан. — Переправили с орбиты почти весь груз, на миллиард долларов, не разбили ни...

— Так всегда и бывает, Макс. Против закона вероятности не пойдешь.

Максимилиан хихикнул.

— Ну и чудные же вы, люди! Всё-то вы рассчитываете заранее, и предчувствуете, и...

Из темноты вынырнул Гидеон:

— Стив, надо как-то остановить двигатель грузолета. Они будто с цепи сорвались, того и гляди какой-нибудь из них взорвется.

— Но я думал, что вы...

— Стив, космическим рабочим самим здесь не управиться. Нужен атомный техник.

— Тогда пошли со мной.

— Эй!— завопил Максимилиан.

— Я вернусь,— успокоил его Шеридан.

Никаких следов Езекии в палатке не было. Шеридан как безумный начал рыться в сундуке с трансмогами. Наконец он нашел трансмог атомного техника.

— Кажется, идти придется тебе,— сказал он Гидеону.

— Хорошо,— согласился робот.— Но побыстрее, не то какой-нибудь двигатель взорвется и заразит радиацией всю округу. Нам-то ничего, но тебе придется туговато.

Шеридан извлек наружу трансмог космического рабочего и вставил на его место другой.

— До скорого,— сказал Гидеон и опроретью выбежал из палатки.

Шеридан не сводил глаз с разбросанных повсюду трансмогов.

«Ну и задаст же мне Езекия!»— подумал он.

В палатку вошел Наполеон. Белый фартук на нем был заправлен за пояс, а белый поварской колпак надет набекрень.

— Стив,— спросил он,— ты не возражаешь против холодного ужина?

— Нисколько.

— Этот грузолет не только повредил радиорубку. Он еще в лепешку расплющил печь.

— Холодный ужин меня вполне устраивает. Послушай, ты не сделаешь для меня еще кое-что?

— Что именно?

— Там Макс остался один, искалеченный и напуганный. Ему очень одиноко. В палатке он почувствовал бы себя лучше.

Наполеон вышел, ворча:

— Я шеф-повар — и кого-то должен таскать...

Шеридан начал подбирать разбросанные по полу трансмоги и подыскивать для каждого нужную ячейку.

Вернулся Езекия. Он помог собрать трансмоги и разложил их по местам.

— С Лемуэлем будет все в порядке, сэр,— уверил он Шеридана.

— Просто перепутались провода, и нервная система замкнулась. Пришлось вырезать большие куски провода. Голый мозг — вот почти все, с чем им приходится сейчас иметь дело. Понадобится время, чтобы поместить его в другой корпус и соединить все контакты.

— Мы еще легко отделались, Езекия.

— Пожалуй, вы правы, сэр. Я полагаю, Наполеон сказал вам о печке?

Наполеон втащил все, что осталось от Максимилиана, в палатку и прислонил к столу.

— Что-нибудь еще? — с убийственным сарказмом спросил он.

— Нет, спасибо, Наппи. Это всё.

— Ну, — требовательно спросил Максимилиан, — так как насчет нового тела?

— Придется обождать, — сказал Шеридан. — Ребята заняты с Лемуэлем. Работы выше головы. Но скоро с ним будет все в порядке.

— Вот и хорошо, — сказал Максимилиан. — Лем робот что надо. Просто стыд был бы его потерять.

— Не так-то много мы и теряем, — заметил Шеридан.

— Это верно, — сказал Максимилиан. — Мы живучие, уничтожить нас ой как нелегко!

— Сэр, — сказал Езекия, — вас, кажется, немного поранило. Может, я позову кого-нибудь и вставлю в него трансмог врача?

— Пустяки, — сказал Шеридан. — Просто царапина. Вот если бы ты раздобыл воды мне умыться...

— Разумеется, сэр. Если повреждение незначительное, то, быть может, я смогу вам помочь.

Он пошел искать воду.

— Этот Езекия тоже хороший парень. — Максимилиан явно был благожелательно настроен к окружающим. — Кое-кто иногда считает его неженкой, но в серьезных случаях он не подводит никогда.

— Не знаю, что бы я делал без Езекии, — ровным голосом произнес Шеридан. — Мы, люди, не так неприхотливы, неприятельны, как вы. Нам нужно, чтобы о нас заботились. Езекия работает в лучших традициях своей профессии.

— Не понимаю, что тебе от меня нужно? — огрызнулся Максимилиан. — Я же сказал: он парень хороший.

С большой жестянкой воды и полотенцем вернулся Езекия.

— Вот вода, сэр. Гидеон просил вам передать, что с двигателями все в порядке. Они их выключили.

— Тогда, пожалуй, действительно все в порядке, если только они спокойны за Лемуэля, — сказал Шеридан.

— Похоже, сэр, что они очень спокойны.

— Вот и прекрасно,— со свойственной роботам беспепелационностью заявил Максимилиан.— Завтра утром можно начинать продажу.

— Да,— сказал Шеридан и, стоя над жестянкой с водой, начал снимать куртку.

— Это-то легко. Месяца через три, а то и раньше разделаемся подчистую и отчалим.

Шеридан покачал головой:

— Нет, Макс. Легко не бывает никогда.

Он наклонился над жестянкой и плеснул воду в лицо и на голову.

И так оно и есть на самом деле, сказал он себе. Чужая планета — это чужая планета, как на нее ни посмотри. Какой бы тщательной ни была предварительная разведка, прозорливым — планирование, всегда останется что-то, чего нельзя предвидеть заранее.

Быть может, думал он, если бы экипаж мог заниматься все время одним и тем же делом, в конце концов и удалось бы выработать безошибочный курс действий. Но когда работаешь для «Центральной торговли», и мечтать ни о чем таком не приходится.

Интересы «Центральной торговли» охватывают множество самых разных вещей. На Гарсоне IV это торговля в подлинном смысле этого слова. В другой раз и в другом месте это может быть дипломатическая миссия или оздоровительная акция. Пока тебе не сообщат нового задания, ты никогда не знаешь, какой сюрприз ждет тебя и твой экипаж роботов.

Шеридан потянулся за полотенцем.

— Помнишь Карвер VII?— спросил он Максимилиана.

— Еще бы, Стив. Но там нам просто не повезло. Не вина Эбенезера, что он совершил эту небольшую ошибку.

— Передвинуть не ту гору — не небольшая ошибка,— с нарочитым спокойствием заметил Шеридан.

— Это все из-за «Центральной».— В голосе Максимилиана зазвучали нотки возмущения.— Они не так пометили чертежи и...

— Давай-ка бросим трепаться,— предложил Шеридан.— Это было и прошло. Заводиться не к чему.

— Может, ты и прав,— сказал Максимилиан,— но все равно обидно. Мы летим туда и проворачиваем все так, как никакому другому экипажу не снилось. И тут «Центральная» передергивает карты и во всем начинает винить нас. Нет, я тебе говорю: «Центральная» стала слишком большой и неповоротливой.

И слишком самодовольной, подумал, но не сказал Шеридан.

Слишком большой и слишком снисходительной к себе во

многих отношениях. Взять, например, эту планету. «Центральной» давно следовало послать сюда торговую бригаду, но она только суетилась и волновалась, интриговала и бездействовала, назначала комиссии, чтобы те занимались создавшейся ситуацией, и иногда о ней упоминалось даже на заседаниях совета директоров. Но до тех пор, пока этот вопрос не прополз через весь, от начала до конца, ужасающий лабиринт инстанций, реально не делалось ровным счетом ничего.

Немного конкуренции, сказал себе Шеридан, вот что настоящему нужно «Центральной». Быть может, если бы какая-нибудь другая компания поставила себе целью перехватить у нее бизнес, «Центральная торговля» стряхнула бы с себя наконец свое большое, жирное чванство.

В палатку вошел, тяжело ступая, Наполеон и брякнул на стол тарелку, бутылку и стакан. На тарелке высилась горка холодного мяса и нарезанных овощей; в бутылке было пиво.

Шеридан глянул с удивлением.

— Я и не знал, что у нас есть пиво.

— И я тоже,— сказал Наполеон,— но смотрю, вот оно. Все меньше и меньше знаешь, Стив, что вокруг тебя происходит.

Шеридан отшвырнул полотенце и сел за стол.

— Я бы предложил и тебе,— сказал он Максимилиану, наливая себе стакан пива,— но ведь знаю, что от него у тебя заржавеют кишки.

Наполеон захохотал.

— В настоящее время,— сказал Максимилиан,— у меня кишок, в общем, нет. Почти все вывалились.

Громко топая, стремительно вошел Абрахам.

— Говорят, вы куда-то упрятали Макса.

— Да вот я, Эйб!— с надеждой в голосе отозвался Максимилиан.

— Да-а, в хорошеньком ты состоянии, нечего сказать,— протянул Абрахам.— Все шло как по маслу, а вы, два клоуна, взяли и все испортили.

— Как Лемуэль?— спросил Шеридан.

— С ним все в порядке,— ответил Абрахам.— Те двое сейчас над ним работают, и я им, в общем, не нужен. Вот я и пошел искать Макса.

Он повернулся к Наполеону:

— Ну-ка берись покрепче и помоги мне перетащить его на стол.

Ворча, Наполеон ухватился за Максимилиана, и они с Абрахамом его подняли.

— Таскал его половину ночи,— пожаловался он.— Давайте

не будем больше возиться с ним. Давайте выкинем его на свалку.

— Только этого он и заслуживает,— с притворной яростью сказал Абрахам.

Они вышли с ним из палатки и понесли его дальше. От Максимилиана по-прежнему отламывались и падали на землю куски.

С сундучком для трасмогов Езекия все закончил — аккуратно разложил трансмоги по местам и, удовлетворенный, опустил крышку.

— Теперь, когда мы одни,— сказал он,— разрешите мне посмотреть ваше лицо.

Шеридан пробурчал что-то набитым ртом.

Езекия осмотрел его.

— Только царапина на лбу, но по левой стороне лица, сэр, как будто кто-то прошелся наждачной бумагой. Вы точно не хотите вставить кому-нибудь трансмог врача? На это бы надо посмотреть медику.

— Да оставь, как есть,— сказал Шеридан.— Пройдет.

В палатку просунул голову Гидеон:

— Езекия, Эйб рвет и мечет по поводу тела, которое вы подобрали Максу. Говорит, старое, латаное. У тебя нет другого?

— Могу посмотреть,— сказал Езекия.— Было довольно темно. Там есть еще несколько. Можно их посмотреть.

Они вышли, и Шеридан остался один.

Продолжая есть, перебирал в уме события вечера.

Им не повезло, это правда, но все могло обернуться куда хуже. Не бывает, чтобы все шло гладко. Если подумать, так им просто повезло. Потеряли лишь время и один грузолет с товарами, а вообще-то вышли сухими из воды.

В конце концов, успокаивал он себя, начали они хорошо. Корабль и грузовые сани на орбитах, близких к поверхности, груз переправлен вниз, и на этом небольшом полуострове, врезавшемся в озеро, они в безопасности — в той мере, в какой вообще можно рассчитывать на безопасность, находясь на чужой планете.

Гарсопиане, безусловно, не были воинственными, но все равно никогда не следует забывать об опасностях.

Он доел и отодвинул тарелку в сторону. Вытащил из стопки карт и бумаг, лежавших на столе, папку. Медленно развязал тесемки и вытряхнул содержимое. В сотый раз начал просматривать отчеты, доставленные «Центральной торговле» первыми двумя экспедициями.

Люди впервые прибыли на эту планету двадцать с лишним лет назад, произвели предварительную разведку и привезли

назад записи, фотоснимки и образцы. Обычная процедура; сколько-нибудь полного или хотя бы широкого обследования не производили. Никто ни на что особенное и не рассчитывал — просто еще одно дело в ряду похожих других. Много планет подвергалось выборочному обследованию подобного рода, и в девятнадцать случаях из двадцати это ничего не давало впоследствии.

Но в случае Гарсона IV это дало кое-что весьма ощутимое.

«Кое-что» был клубень, на вид ничем не примечательный, очень похожий, по сути, на мелкий сморщенный картофель. Доставленный экспедицией среди всякой всячины, собранной ею на этой планете, он, когда пришла его очередь, был подвергнут обычному лабораторному анализу. Результаты оказались потрясающими.

Из лодара, как называли клубень местные жители, было экстрагировано вещество, которому дали страшно длинное и труднопроизносимое название и которое, как выяснилось, было почти идеальным транквилизатором. Судя по всему, у него не было никаких нежелательных побочных эффектов; оно не приводило к летальному исходу, даже если его принимали слишком большими дозами; более того: те, кто им пользовался, легко к нему привыкали — качество самое привлекательное с точки зрения любого, кто мог быть заинтересован в продаже средства.

Для людей подобное средство было подлинным благословением. Год за годом искали в лабораториях транквилизатор с такими свойствами, и вдруг он появился — дар новонайденной планеты.

Через невероятно короткое, учитывая присущую «Центральной торговле» медлительность, время на Гарсон IV была послана вторая экспедиция с экипажем роботов, превращенных при помощи трасмогов в торговых экспертов, психологов и дипломатов. Экспедиция проработала на планете два года с удовлетворительными, в общем-то, результатами. Она увезла с собой на Землю груз лодаров, множество методично собранных данных и торговое соглашение, по условиям которого гарсонiane должны производить и хранить лодары до того дня, когда прибудет с товарами для обмена новая экспедиция.

То есть мы, подумал Шеридан.

И все было в порядке, если, разумеется, не считать того, что они запоздали на пятнадцать лет.

Ибо «Центральная торговля», после множества заседаний, решила выращивать лодары на Земле. Это, указывали экономисты, было бы несравненно дешевле долгих и дорогостоящих путешествий, необходимых для того, чтобы доставлять лодары с далекой планеты. Тот факт, что, поскольку дело касалось

торгового соглашения, гарсониане от этого потерпят убытки, по-видимому, никому не приходил в голову. Правда, учитывая характер гарсониан, их это, вероятно, не слишком расстроило.

Ибо гарсониане были существами в лучшем случае беспомощными, и вторая экспедиция, когда начала объяснять им, как осуществляется и почему ведется межзвездная торговля, на первых порах испытывала затруднения. Хотя справедливости ради следует сказать, что когда они всё поняли, то проявили достаточный интерес.

Земная почва лодарам удивительно подошла. Они росли лучше и более крупными, чем на родной планете. Это и понятно, если принять во внимание, что свою почву гарсониане возделывали кое-как.

Лодары, привезенные второй экспедицией, были использованы как семена, а потом понадобилось еще несколько лет, прежде чем семенных лодаров накопилось достаточно для того, чтобы коммерчески оправдать их выращивание.

И наконец это произошло: первая небольшая партия чудо-лекарства была приготовлена и под рекламные фанфары по высокой цене выпущена в продажу.

Казалось, все идет как нельзя лучше.

Снова фермеры Земли получили с далекой планеты прибыльную культуру. Наконец-то у человека появился транквилизатор, который он искал столько лет.

Но по мере того как годы шли, энтузиазм начал вянуть. Ибо похоже было, что средство, вырабатываемое из лодаров, утратило свою силу. Или оно было не такое хорошее, как показалось поначалу, или при выращивании его на Земле исчезал какой-то существенный фактор.

Лаборатории лихорадочно работали над решением этой проблемы. Лодарами засадили экспериментальные участки на других планетах в надежде, что в почве, воздухе или общих характеристиках какой-нибудь из них окажется вдруг необходимый элемент — если беда была в том, что такого элемента недостает.

И тогда «Центральная торговля» со свойственной ей медлительностью и пристрастием к бюрократическому решению дел стала планировать ввоз клубней, вспомнив (быть может, несколько запоздало) о торговом соглашении, подписанном около двух десятков лет назад. Но особенно она не торопилась — в любой день, как всем хотелось думать, мог быть найден ответ, который спасет будущее этой культуры на Земле.

Когда же ответ был получен, оказалось, что он полностью исключает Землю, как, впрочем, и все другие места, кроме родной планеты лодара. Как обнаружили лаборатории, стойкость воздействия лекарства в большой мере зависела от хими-

ческих реакций простейшего организма, живущего в корнях лодара. А этому виду простейших хорошо жилось, по-видимому, только на Гарсоне IV.

И наконец, через пятнадцать с лишним лет, на Гарсон IV отправилась третья экспедиция. Она спустилась, переправила на планету груз и теперь была готова на следующее же утро начать скупку лодаров.

— Крохотные деревушки, — продолжал Езекия, — и в каждой на площади красный амбар. Выглядит, простите меня, сэр, как смесь Новой Англии с Нижней Растрепией.

— Ну уж ты скажешь — Нижней Растрепией! С нашими гарсонскими друзьями дело обстоит совсем неплохо. Может быть, они и вправду немного беспомощны и довольно-таки беспечны, но свои селения они содержат в чистоте, а уж дома их прямо сверкают.

Он вытащил из стопки бумаг фотографию:

— Вот, посмотри.

На фотографии можно было видеть деревенскую улицу, чистую и тихую, с рядами опрятных домиков, спрятавшихся в тени деревьев. Вдоль улицы тянулись ряды ярких цветов, и кругом были люди — маленькие, веселые, похожие на гномов человечки.

Езекия взял фотографию.

— Готов признать, сэр, на вид они веселые. Хотя, быть может, не слишком сообразительные.

Шеридан поднялся:

— Пожалуй, посмотрю, что там происходит, и проверю, как идут дела.

— Все в порядке, сэр, — сказал Езекия. — Место падения ребята расчистили. К сожалению, сэр, должен сказать, что уцелела только небольшая часть груза.

— Удивительно, что хоть что-то осталось, если учесть, как все выглядело.

Шеридан неторопливо перебирал листы из папки. Вообще говоря, думал он, нет никакой необходимости снова смотреть на все эти данные. Он и так знает их на память.

Зашуршал брезент, и в палатку вошел Езекия.

Шеридан поднял голову.

— Прекрасно, — сказал он, — вот ты и вернулся. Починили Макса?

— Мы нашли для него подходящее тело, сэр.

Шеридан отодвинул бумаги в сторону.

— Езекия, как твое впечатление?

— От планеты, сэр?

— Вот именно.

— Дело в том, что амбары... Вы их видели, сэр, когда мы опустились. По-моему, я говорил вам о них.

Шеридан кивнул:

— Строить их научила гарсониан вторая экспедиция. Чтобы хранить в них лодары.

— Все они выкрашены в красный цвет,— сказал робот.— Точь-в-точь как амбары на наших рождественских открытках.

— Ну и что здесь не так?

— Вид у них, сэр, немного странный.

Шеридан рассмеялся.

— Странный не странный, но в этих амбарах для нас все! Они, наверное, битком набиты лодарами. Пятнадцать лет гарсониане их копили и почти наверняка ждали, когда же мы наконец прилетим торговать...

— Не уходите слишком надолго,— сказал Езекия.— Вам нужно хорошенько выспаться. День завтра предстоит нелегкий, вы будете на ногах еще до рассвета.

— Скоро вернусь,— пообещал Шеридан и, пригнув голову, вышел из палатки.

Уже стояли группами, отгоняя черноту ночи, прожекторы на столбах. С места, куда упал грузолет, доносились мерные звуки ударов по металлу. От грузолета не осталось и следа, и бригада роботов — космических рабочих хлопотливо возводила новую радиорубку. Еще одна бригада ставила шатер над столом для заседаний, где Абрахам с его роботехниками все еще колдовал над Лемуэлем и Максимилианом. А перед временной кухней, сидя на корточках, самозабвенно играли в кости Наполеон и Гидеон.

Шеридан увидел, что Наполесн снова установил свою печь под открытым небом.

Когда он подошел к роботам, они повернули головы в его сторону и поздоровались, а потом как ни в чем не бывало продолжили игру.

Шеридан наблюдал за ними некоторое время, затем медленно побрел дальше.

Он покачал недоуменно головой: фанатичная увлеченность роботов азартными играми всегда его удивляла. Это, думал он, просто одна из тех многих вещей, которые человеческому существу никогда не понять.

Ведь, казалось бы, с точки зрения робота, азартные игры — совершенно бессмысленная затея. У роботов нет собственности, нет денег, нет вещей. Ни в чем этом они не нуждаются и ничего этого для себя не хотят и, однако же, играют в азартные игры как одержимые.

Возможно, говорил он себе, они лишь обезьянничают, подражают в этом людям. Сама природа робота надежно ограж-

дает его от возможности предаваться человеческим порокам — почти всем. Но вот азартные игры даются ему так же легко, а может быть, даже легче, чем любому человеку.

Но что это им дает, изумлялся он. Никакой выгоды, никакой прибыли — таких вещей, как выгода и прибыль, для робота не существует. Быть может, волнующие переживания? Выход для их агрессивности?

Или же они ведут в уме эфемерный счет — мысленно подсчитывают выигрыши и проигрыши, — и тот из них, кто выигрывает в азартных играх больше других, приобретает некоторый престиж, не замечаемый человеком и, более того, тщательно от человека скрываемый?

Человеку, подумал Шеридан, не дано узнать своих роботов до конца, и, возможно, это даже к лучшему — было бы недостойно срывать с робота последние клочья индивидуальности.

Ибо если роботы многим обязаны человеку — своим изобретением, изготовлением и жизнью, то стольким же, если не большим, человек обязан роботам.

Без роботов человек не смог бы так далеко, или так быстро, или с такими результатами распространиться по Галактике. Из-за одного лишь недостатка средств для транспортировки квалифицированной рабочей силы продвигаться вперед ему пришлось бы черепашьями шагами.

Но с появлением роботов эта проблема была решена.

И подобным же образом с появлением трансмогов была ликвидирована нехватка знаний, навыков и умений (которая иначе ощущалась бы обязательно), нужных для решения многообразных проблем, возникающих на отдаленных планетах.

Шеридан подошел к краю лагеря и стал за линию прожекторов лицом к мраку, из которого доносились плеск бегущих волн и чуть слышное завывание ветра.

Он откинул голову, устремил взгляд в небо и изумился, как уже изумлялся не раз на многих других планетах, ужасающему чувству одиночества, которое испытываешь под чужими, незнакомыми звездами. Какие преходящие ориентиры выбирает себе человек, думал он, — случайную конфигурацию звезд, аромат цветка, цвет заката...

Но место, где он находился сейчас, совсем незнакомым, конечно, не было. Две экспедиции с Земли здесь уже побывали. И теперь прибыла третья, с санями, нагруженными целой горой товаров.

Он резко повернулся к озеру спиной и посмотрел туда, где лежал сложенный грудами, надежно укрытый плотными пластиковыми покрывалами, поблескивающими в свете звезд, груз. Он лежал на чужой почве, словно стадо горбатых чудовищ, расположившееся на ночлег.

Еще не построен корабль, способный перевезти за один раз столько груза,— самый большой может вместить в себя лишь ничтожную часть товаров, нужных для межзвездной торговли.

Для этого существуют грузовые сани.

Сани, выведенные на орбиту вокруг планеты, где они построены, нагружает спящий взад-вперед флот грузолетов. Нагруженные сани снабжают экипажем роботов, и экспедиционный корабль дает старт их долгому путешествию. Благодаря двигателям самих саней и тяге экспедиционного корабля скорость все растет и растет.

Трудный момент наступает, когда достигают скорости света, но после этого становится легче — хотя для межзвездных перелетов нужна скорость, превышающая скорость света во много раз.

И так сани несутся вперед, следуя за экспедиционным кораблем, который, как лоцман, ведет их через ту удивительную серую область, где пространство и время скручиваются во что-то совсем другое, нежели обычные пространство и время.

Без роботов грузовые сани были бы невымыслимы: никакой экипаж, состоящий из людей, не смог бы, летя на грузовом корабле, непрерывно проводить необходимые осмотры и проверки груза.

Шеридан снова повернулся к озеру и засомневался, действительно ли он видит белые завитки на гребнях волн или же это только плод его воображения. Тихо стонал ветер, и наверху светили незнакомые звезды, и по ту сторону вод лежали, свернувшись, гарсониане в своих деревнях с большими красными амбарами, высющимися в свете звезд на деревенских площадях

II

Утром, когда роботы собрались вокруг стола заседаний под цветным шатром, Шеридан и Езекия достали металлические коробки с наклейками: «специальный — Гарсон IV».

— Теперь, я думаю,— сказал Шеридан,— если вы, джентльмены, сообразоволяете уделить мне немного внимания, мы можем приступить к делу.— Он открыл одну из металлических коробок.— Здесь несколько трансмогов, изготовленных специально для работы, которая нам здесь предстоит. Мы располагали кое-какой предварительной информацией об этой планете и потому смогли изготовить специальный набор. Так что в данном случае нам не придется начинать с пустого места, как сплошь и рядом бывает...

— Хватит болтать, Стив,— крикнул Рубен,— давай приступим к делу!

— Пусть говорит,— возразил Абрахам.— У него есть на это право, как и у любого из нас.

— Спасибо, Эйб,— сказал Шеридан.

— Продолжай,— сказал Гидеон.— Рубу просто надо было разрядиться от излишнего напряжения.

— В основе своей это трансмоги продавцов. Такой трансмог даст каждому из вас личность и специальные знания продавца. Но вдобавок они содержат информацию о положении вещей на этой планете, язык гарсонииан и массу фактов о Гарсохе IV.

Он открыл замок другой коробки и откинул крышку.

— Ну как, начнем?— спросил он.

— Давай, да поскорее,— потребовал Рубен.— Этот трансмог космического рабочего мне до смерти надоел.

Вместе с Езекией, который нес за ним коробки, Шеридан обошел каждого из них. Вернувшись на место, он отодвинул в сторону коробки, теперь наполненные трансмогами космических рабочих и других профессий. Перед ним сидела бригада продавцов.

— Ну, как оно?— спросил он.

— Прекрасно,— сказал Лемуэль.— Знаешь, Стив, я только теперь понял, до чего туп космический рабочий.

— Не обращай на него внимания, Стив,— явно скандализованный, сказал Абрахам.— Это его любимая шутка.

Максимилиан рассудительно заметил:

— Я думаю, дело пойдет неплохо. Этот народец уже привык смотреть на нас как на торговых партнеров. Начального сопротивления быть не должно. Возможно даже, они с нетерпением ждут, когда начнется торговля.

— К тому же у нас с собой товары, интерес к которым они уже проявили,— вставил Дуглас.— Нам не придется тратить время на то, чтобы выяснять во всех подробностях, что им от нас нужно.

— Судя по всему, картина рынка проста,— неторопливо сказал Абрахам.— Осложнений быть не должно. Главное, по видимому, установить цены, чтобы они знали, сколько лодаров им придется отдать за лопату, сколько — за мотыгу или другие товары, которыми мы располагаем.

— Цены придется устанавливать методом проб и ошибок,— сказал Шеридан.

— Придется здорово поторговаться,— заговорил Лемуэль, чтобы установить фиктивную розничную цену, а потом отдать им все оптом. Этот прием часто дает хорошие результаты. Абрахам встал.

— Так принимаемся за дело. Ты, Стив, я думаю, останешься в лагере.

Шеридан кивнул.

— Буду около радио ждать от вас сообщений — как только у нас появится что сообщить.

Роботы принялись за дело. Они начали скрести и шлифовать друг друга и занимались этим, пока не засверкали. Достали из ящиков блестящую мишуру и прикрепили ее к себе магнитными скрепками. Тут были разноцветные шарфы, ряды сверкающих кусочков металла, ювелирные изделия, выполненные хоть и не в самом лучшем вкусе, однако рассчитанные специально на то, чтобы произвести впечатление на гарсоннан.

Приготовив грузолеты, они нагрузили их образцами товаров из торгового склада. Шеридан развернул карту и показал каждому его деревню. Быстро проверили радики, посмотрели, не забыли ли взять с собой доски для записи заказов.

К полудню все улетели.

Шеридан вернулся в палатку, сел на складной стул и через уступы берега устремил взгляд на озеро, искрившееся в лучах полуденного, высоко стоящего солнца.

Наполеон принес обед и, аккуратно подобрав на колени белый фартук, чтобы не мести им землю, уселся рядом на корточки. Свой высокий белый колпак он сдвинул набок, и от этого вид у него стал прямо-таки ухарский.

— Как, по-твоему, все обернется, Стив?

— Заранее никто ничего не скажет, — ответил Шеридан. — Ребята настроились на то, что будет легко, и я хочу надеяться, что они окажутся правы. Но это чужая планета, а за жителей чужой планеты никогда нельзя ручаться.

— Считаешь, что есть риск?

— Я ничего не считаю. Сижу жду и пытаюсь надеяться на лучшее. Вот когда начнут поступать сообщения...

— Если ты так тревожишься, то почему бы тебе не отправиться и не посмотреть самому?

Шеридан покачал головой:

— Наппи, подумай сам: я не продавец, а эта бригада — продавцы. Нет никакого смысла отправляться туда самому — я ведь не получил нужной подготовки.

И если уж говорить начистоту, вообще никакой, подумал он. Он не продавец, он не космический рабочий, он ничто из того, что есть или чем могут быть роботы.

Он только человек, и все: шестеренка, необходимая для экипажа, составленного из роботов.

Закон гласил: задание роботу или группе таковых может быть дано лишь в том случае, если за выполнением его будет наблюдать человек. Но дело было не только в этом законе. Существовало, пожалуй, что-то органически свойственное роботам, не встроенное в них специально, но нечто такое, что

всегда в них было и, очевидно, всегда будет: нерасторжимая связь между роботом и его хозяином.

Отправленный без человека экипаж роботов начал бы делать ошибку за ошибкой, все бы у них шло кривь и вкось и под конец развалилось бы совсем — они не только не приносили бы пользы, они приносили бы вред. Когда же их сопровождал человек, почти не было предела тому, что хотели или могли совершить роботы.

Возможно, думал он, они испытывают потребность в руководстве, хотя, если говорить правду, люди не такие уж и хорошие руководители. Возможно, им необходим какой-то символ авторитета — и однако, отдавая дань уважения и внимания своему хозяину, роботы на самом деле никаких авторитетов не признают.

Тут что-то более глубокое, сказал себе Шеридан, чем просто руководство или просто авторитет. Это можно сравнить с привязанностью и пониманием, которые связывают такими прочными узами человека и собаку, и, однако, тут нет и намек на поклонение, с которым собака взирает на человека.

Он сказал Наполеону:

— Ну, а ты? Неужели тебе никогда не хочется побродить? Только скажи, и ты пойдешь.

— Мне нравится готовить,— заявил Наполеон. Он поковырял в земле металлическим пальцем.— Пожалуй, Стив, правильно будет сказать, что во мне довольно много от старого слуги.

— Стоит сменить трансмог, и все будет по-другому.

— А кто тогда станет для тебя готовить? Ты же знаешь, повар ты никудышный.

Шеридан съел обед и остался сидеть на стуле, глядя на озеро и дожидаясь первых радиосообщений.

Наконец-то они приступили к делу. Все, что ему предшествовало — погрузка, долгое путешествие в космосе, выход на орбиту и разгрузка,— было не более чем простой подготовкой к сегодняшнему дню.

Да, наконец они приступили — но и только. Предстоят еще месяцы работы. Предстоит множество затруднений и тысяча неприятностей. Но они провернут все, гордо и уверенно сказал он себе. Ничто, абсолютно ничто не остановит его ребят.

Уже к вечеру пришел Езекия и принес весть:

— Сэр, радирует Абрахам. Там, кажется, что-то неладно.

Шеридан вскочил на ноги и побежал к радиорубке. Он пододвинул стул и потянулся за наушниками:

— Это ты, Эйб? Как дела?

— Плохо, Стив,— сказал Абрахам.— Они не заинтересованы в торговле. Товары им нужны, это видно по тому, как они

на них смотрят. Но они не покупают. Знаешь, что мне кажется? По-моему, им нечего нам предложить.

— Но это смешно, Эйб. Они выращивали лодар все эти годы. Амбары набиты ими доверху.

— Их амбар заколочен,— сказал Абрахам.— Поперек дверей перекладыны, а окна заколочены досками. Когда я попробовал к нему подойти, они повели себя не очень-то учтиво.

— Я скоро буду,— сказал Шеридан.— Хочу посмотреть на это сам.— Он поднялся и вышел из радиорубки.— Езекия, приготовь автолет, мы отправляемся к Эйбу. А ты, Наппи, побудь около радио. Я буду в деревне, где Эйб, свяжись со мной, если что-нибудь случится.

— Я никуда не отлучусь, останусь здесь,— обещал Наполеон.

Езекия посадил автолет на деревенской площади, рядом с грузолетом, на котором все еще громоздились товары.

Абрахам подошел сразу же, как только они сели.

— Рад, что ты здесь, Стив. Они хотят, чтобы я отсюда убрался. Не хотят, чтобы мы здесь были.

Шеридан сошел с автолета и, с трудом переступая затекшими ногами, остановился посреди площади. Что-то было не то и с деревней и с жителями — что-то изменилось к худшему, стало не так.

На площади было много народу, одни стояли в дверных проемах, прислонившись к косякам, другие — прислонившись к деревьям. Несколько жителей маячили перед заколоченной дверью массивного амбара на площади, будто стража, которой поручено его охранять.

— Когда я только спустился,— сказал Абрахам,— они столпились вокруг грузолета и стали пялиться на товар. По всему было видно, что они еле удерживаются от того, чтобы не потрогать его руками. Я попытался было с ними заговорить, но они особо не стали разговаривать — сказали только, что у них ничего нет. Ну, а теперь стоят поодаль и пялятся.

Рядом с крохотными домиками деревни амбар выглядел монументальным зданием. Он высился, квадратный, прочный, совсем без украшений, и был здесь чужим — пришельцем с чужой планеты, Земли. Ибо, осознал вдруг Шеридан, это был такой же амбар, какие он видел на фермах Земли где-нибудь в лесной глухомани: огромная шатровая крыша, широченная дверь, к которой надо подниматься по пологому скату, и даже вытяжная труба, оседлавшая конек крыши.

Человек и двое роботов тонули в омуте враждебного молчания. Гарсонiane, стоявшие в ленивых позах, не сводили с них глаз, и что-то решительно было не так.

Шеридан медленно обвел площадь взглядом и вдруг понял, что именно изменилось.

Все вокруг было заброшенное, а то и просто-напросто грязное. Запущенные домики потеряли свой опрятный вид, улицы были завалены мусором. И соответственно выглядели сами жители.

— Сэр,— сказал Езекия,— на них жалко смотреть.

И он был прав.

В лицах жителей была какая-то обреченность, они горбились и казались усталыми.

— Не понимаю,— удивленно сказал Абрахам.— Если верить нашим данным, это был беззаботный народец, но посмотрите на них сейчас. Может, данные были неверные?

— Нет, Эйб. Изменились сами жители.

Ибо совершенно исключалось, что данные могут быть неверны. Их собирал отряд специалистов, один из самых лучших, и у человека, его возглавлявшего, был многолетний опыт работы на чужих планетах. Экипаж провел на Гарсоне IV два года и сделал все для того, чтобы узнать об этой цивилизации как можно больше.

С местными жителями явно что-то произошло. Неизвестно почему, но они утратили свойственные им веселое расположение духа и чувство собственного достоинства. Они перестали заботиться о своих домах. Дошли до того, что стали племенем грязнуль.

— Вы, ребята, оставайтесь здесь,— сказал Шеридан.

— Не надо, сэр,— встревоженно сказал Езекия.

— Будь осторожен, Стив,— предупредил Абрахам.

Шеридан направился к амбару. Стоявшие перед входом не шевельнулись. Метрах в двух от них он остановился.

Вблизи, живые, они больше походили на гномов, чем на фотографии, привезенных на Землю исследовательским экипажем. Сморщенные гномики, но не жизнерадостные, как прежде. Вид у них был болезненный, чувствовалось, что они затаили обиду на что-то и, быть может, злобу. В них было что-то виноватое, и кое-кто даже шаркал ногами от смущения.

— Я вижу, вы нас не понимаете,— непринужденно начал Шеридан.— Мы слишком долго не возвращались — куда дольше, чем рассчитывали.

Он боялся, что не справляется с их языком. Вообще-то говоря, это был не самый легкий язык в Галактике. На какой-то миг он ощутил острое сожаление, что не существует чего-нибудь вроде трансмога, чтобы вставить в человеческий мозг,— насколько легче было бы тогда в моменты, подобные этому!

— Мы вас помним,— угрюмо сказал один из гарсо-ниан.

— Вот и чудесно!— с наигранной радостью воскликнул Шеридан.— За эту деревню говорите вы?

«Говорите»— потому что не было вождя, не было руководителя, не было вообще никакой власти, а были только, время от времени, бестолковые обсуждения повседневных дел, проходившие возле местного эквивалента деревенской лавки, и лишь изредка — в тех случаях, когда возникала какая-нибудь критическая ситуация,— подобие общего собрания, но никаких должностных лиц, которые бы претворяли принятые решения в жизнь.

— Я могу говорить за них,— несколько уклончиво ответил гарсонинин. Медленно, шаркая ногами, он шагнул вперед.— У нас были другие, похожие на вас,— это случилось много лет назад.

— И вы с ними подружились?

— Мы дружим со всеми.

— Но особенно с ними. Вы обещали им, что будете хранить лодары.

— Слишком долго их хранить нельзя. Лодары гниют

— У вас для них был амбар.

— Сперва сгнил один лодар. Вскоре сгнило два. А потом сгнило сто лодаров. Амбар не годится для того, чтобы их хранить. Никакое место не годится, чтобы их хранить.

— Но мы — те, кто был здесь до нас,— научили вас, что нужно делать. Лодары следует перебрать и гнилые выбросить. Тогда другие лодары остаются хорошими.

Гарсонинин пожал плечами:

— Слишком трудно. Очень долго это делать.

— Но не все же лодары сгнили! Часть из них наверняка сохранилась.

Гарсонинин развел руками:

— У нас были плохие времена, друг. То слишком мало вождя, то слишком много. Все не так, как надо. Урожай был все время плохой.

— Но мы привезли вещи в обмен на лодары. Много вещей, которые вам нужны. Нам было очень трудно их доставить. Мы прилетели издалека. Нам пришлось лететь очень долго.

— Жаль,— сказал гарсонинин.— Лодаров нет. Вы сами видите, мы очень бедны.

— Но куда же подевались все лодары?

— Мы,— стоял на своем гарсонинин,— больше лодаров не выращиваем. Мы выращиваем теперь другое. С лодарами нам очень не повезло.

— Ну, а эти растения на полях?

— Мы не называем их лодарами.

— Неважно, как вы их называете. Это лодары?

— Лодаров мы не выращиваем.

Шеридан резко повернулся на каблуках и пошел назад, к роботам.

— Заело. Что-то здесь произошло. Они стали морочить мне голову, а под конец, чтобы выбить у меня из рук последние карты, заявили, что больше лодаров не выращивают.

— Но ведь у них поля лодаров! — возмутился Абрахам. — Если прежние сведения верны, то они даже увеличили посевные площади. Я, когда подлетал, проверил. Они выращивают сейчас больше, чем прежде.

— Знаю, — сказал Шеридан. — Получается какая-то ерунда. Езекия, свяжись, пожалуйста, с базой и узнай, что там происходит.

— Минуточку, — сказал Абрахам. — А торговое соглашение, которое мы с ними заключили? Имеет оно какую-нибудь силу?

Шеридан покачал головой:

— Не знаю. Может быть, и стоило бы ткнуть им этим соглашением в нос и посмотреть, что из этого получится. Это могло бы послужить чем-то вроде психологического клина — немного позднее, когда нам удастся чуточку их смягчить.

— Если удастся.

— Сегодня наш первый день здесь, и это всего лишь одна деревня.

— По-твоему, использовать соглашение как дубину мы не сможем?

— Послушай, Эйб, я не юрист, и у нас нет с собой трансмога юриста по дьявольски простой причине — на этой планете никакой правовой системы нет. Но допустим, мы сумели бы как-нибудь затащить их в галактический суд. Кто подписывался от имени этой планеты? Какие-то ее жители, которых выбрали мы, а не сами жители планеты; подписи их никого ни к чему не обязывают. Вся эта затея с составлением контракта была не более чем пышной церемонией без какой-либо правовой основы — просто чтобы гарсонiane побоялись отказаться вести с нами дела.

— Но вторая экспедиция, по-видимому, считала, что это подействует.

— Ну, разумеется. У гарсонiane довольно сильное нравственное чувство — у каждого в отдельности и в семьях. Сможем ли мы добиться, чтобы они расширили круг тех, к кому оно применяется? Вот в чем проблема, которую нам предстоит разрешить.

— Иными словами, нам нужно придумать подход, — сказал Абрахам. — Хотя бы для одной этой деревни.

— Если такое положение только в этой деревне, — сказал

Шеридан,— то пусть сидят на своих лодарах. Мы сумеем обойтись и без них.

Но такое положение было не только в этой деревне. Точно так же обстояло дело и во всех других.

Новость эту принес Езекия.

— Наполеон говорит, что не ладится ни у кого,— объявил он.— Никто ничего не продал. Судя по тому, что он говорит, везде одно и то же.

— Пожалуй, надо всех собрать,— сказал Шеридан.— Положение следует обсудить. Придется выработать курс действий. Нельзя распылять силы в десятке разных подходов.

— И еще, пожалуй, надо собрать побольше лодаров,— подал голос Абрахам,— и посмотреть, лодары это или что-нибудь другое.

III

Шеридан вставил в голову Эбенезеру трансмог химика, и Эбенезер произвел анализ. С ним он и явился на обсуждение торговых дел, участники которого собрались за столом для заседаний.

— Есть только одно различие,— сказал он.— В лодарах, которые я подверг анализу, содержание калентроподенсии (так называется средство, используемое в качестве транквилизатора) выше, чем в лодарах, которые привезли первая и вторая экспедиции. Разница примерно в десять процентов, хотя не исключено, что она меняется от поля к полю в зависимости от погодных и почвенных условий — особенно, мне кажется, почвенных.

— Выходит, они лгали, когда говорили, что не выращивают лодаров,— сказал Абрахам.

— По их собственным меркам,— заметил Сайлес,— они, возможно, нам вовсе и не лгали. Не всегда легко понять инопланетную этику с человеческой точки зрения. По словам Эбенезера, химический состав клубня в известной мере изменился. То ли благодаря лучшей обработке почвы, то ли благодаря лучшим семенам, или обилию осадков, или более высокому содержанию в почве связанной с лодаром бактерии, а может быть, благодаря каким-то действиям, намеренно совершенным местными жителями, чтобы вызвать это изменение...

— Сай,— сказал Гидеон,— я не понимаю, куда ты клонишь.

— А вот куда. Если они об этом знали, это могло послужить для них основанием изменить название лодара. А возможно, какие-то особенности их языка потребовали, чтобы они изменили название. Или, чтобы оставить себе лазейку, они

прибегли к какому-то словесному трюку. А может, дело просто в суеверии. Гарсонианин в деревне сказал Стиву, что им очень не повезло с лодарами. И потому, быть может, они решили, что переименование лодара принесет им удачу.

— По-твоему, это этично?

— Для них — возможно, да. Вы, друзья, все попутешествовали немало и должны бы знать, что жители остальной части Галактики в своих действиях редко руководствуются тем, что мы с вами считаем логикой и этикой.

— Все же я не понимаю, — сказал Гидеон, — к чему им менять название, если только не специально для того, чтобы с нами не торговать. Тогда, изменив название, они получают возможность сказать нам, что лодаров они не выращивают.

— Мне кажется, именно для этого они их и переименовали, — сказал Максимилиан. — И все это как-то связано с заколоченными амбарами. Они знали, что мы прибыли. Невозможно себе представить, чтобы они этого не знали. Целый рой наших грузолетов сновал вверх-вниз, и не увидеть их они просто не могли.

— В деревне, где мы были, — сказал Шеридан, — у меня создалось впечатление, что они как-то неохотно говорили нам о том, что не выращивают лодаров. Оттягивали сколько могли, словно это был последний аргумент, которым, они надеялись, им не придется воспользоваться, отчаянный, последний довод на случай, если остальные не подействуют, и...

— Просто пытаются вздуть цену, — тоном, не допускающим возражений, перебил его Лемуэль.

Максимилиан покачал головой.

— Не думаю. Ведь никакой исходной цены предложено не было. Как можно вздуть цену, которой нет?

— Есть цена или ее нет, — раздраженно заявил Лемуэль, — все равно они в состоянии создать ситуацию, которая позволила бы им обобрать нас до нитки.

— Есть другое обстоятельство, и оно может оказаться для нас благоприятным, — сказал Максимилиан. — Если они переименовали растение для того, чтобы оправдать свое нежелание торговать с нами, то из этого следует, что вся деревня ощущает по отношению к нам моральный долг, и ей нужно как-то оправдать свой отказ.

— Иными словами, — сказал Шеридан, — мы можем попытаться их уговорить. Что ж, возможно. Во всяком случае, попробуем.

— Слишком уж все здесь не так, — вмешался Дуглас. — Слишком уж многое изменилось. У лодаров новое название, амбары заколочены, вид у гарсониан неопрятный, их деревни запущены. Все на планете перевернулось. По-моему, прежде

всего нужно выяснить, что здесь случилось. Когда выясним, тогда, быть может, появится надежда, что мы что-нибудь сумеем продать.

— Я бы не прочь заглянуть в амбары, — сказал Джошуа. — Что в них? Как вы думаете, можем мы как-нибудь исхитриться и посмотреть?

— Только применив силу, — сказал Абрахам. — Мне кажется, пока мы здесь, они будут охранять их денно и ночью.

— Применение силы исключается, — сказал Шеридан. — Все вы прекрасно знаете, что с нами случится, если мы применим силу не для целей самозащиты, против жителей другой планеты. У экипажа отберут лицензию, и все вы, друзья, проведете остаток жизни, полируя до блеска полы в дирекции.

— Может, нам просто прокрасться как-нибудь? Как сыщикам...

— Это мысль, Джош, — сказал Шеридан. Не знаешь, Езекия, есть у нас трансмоги для сыщиков?

— Мне о таких не известно, сэр. И я даже не слышал, чтобы какой-нибудь экипаж такими пользовался.

— Ну, а что, если бы они даже были? — заметил Абрахам. — Все равно нам было бы чертовски трудно замаскироваться.

— Если бы среди нас нашелся доброволец, с некоторым воодушевлением сказал Лемуэль, — мы могли бы переконструировать и изменить его внешний вид и...

— Мне лично кажется, — сказал Сайлес, — что нам надо разработать все мыслимые подходы. Тогда один мы сможем испытать на одной деревне, другой — на другой, и так до тех пор, пока не натолкнемся на подход, который сработает.

— Что предполагает, — назидательно произнес Максимилиан, — что все деревни будут реагировать в принципе одинаково.

Сайлес сказал:

— Я бы исходил именно из этого. В конце концов, культура одна и та же, а средства связи, по-видимому, примитивные. Пока не пройдет некоторый, пусть небольшой, отрезок времени, ни одна из деревень не будет знать, что происходит в другой, это обстоятельство для наших экспериментов превращает каждую из деревень в идеальную морскую свинку.

— Я думаю, ты прав, Сай, — сказал Шеридан. — Так или иначе, но нам придется найти способ преодолеть их сопротивление. В настоящий момент мне все равно, какую цену нам придется платить за лодары. Пожалуйста, вначале пусть обдирают нас как липку. Лишь бы стали продавать, а там уж мы сможем начать сбивать цену и под конец сочтемся по спра-

ведливости. В конце концов, самое главное — нагрузить на наши сани столько лодаров, сколько они смогут увезти.

— Хорошо,— сказал Абрахам,— тогда за работу.

И они взялись за работу. Провели за ней целый день. Наметили самые разные коммерческие подходы. Выбрали каждый себе деревню. Шеридан разделил роботов на бригады, и каждая бригада получила собственное задание. Выработали все детали. Не оставили на волю случая ничего.

Когда Шеридан сел ужинать, у него было такое чувство, что все, что нужно, сделано, что теперь все в порядке,— если не сработает один подход, сработает другой. Вся их беда заключалась в том, представлялось ему теперь, что они не провели заблаговременного планирования. Они были до того уверены, что все пройдет гладко, что ринулись торговать, ничего не продумав.

Утром роботы, преисполненные оптимизма, отправились в путь.

Бригаде Абрахама предоставлялось обойти все дома в своей деревне, и они поработали на совесть. Они не пропустили ни одного дома, и ответ в каждом был «нет». Иногда это было просто твердое «нет», иногда это была дверь, захлопнутая у них перед носом, иногда ссылка на бедность.

Одно было ясно как день: с гарсонианами поодиночке управиться ничуть не легче, чем со всеми гарсонианами вместе.

Гидеон и его бригада попробовали применить трюк с образцами товаров — они стали дарить образцы жителям одного дома за другим и при этом сообщали, что вернутся с другими товарами. Оказалось, что гарсонианам абсолютно ничего не нужно. Брать образцы они отказывались.

Лемуэль устроил лотерею. Лотерея, как утверждали ее сторонники, вызывает к жажде наживы, присущей каждому индивиду. А лотерея эта была задумана так, чтобы вызвать к ней максимально. Цена была самой низкой, какую только можно было вообразить: один лодар за билет. Выигрыши же были просто сказочными. Но, судя по всему, гарсониан жажда наживы не обуревала. Ни одного билета продано не было.

И самым странным во всем этом, неразумным, не укладывающимся в сознании, попросту невозможным, было то, что получить товары гарсонианам явно хотелось.

— Было видно, как они борются с собой,— сообщил Абрахам на вечернем заседании.— Было видно, что какая-то вещь из тех, что мы продаем, им нужна, но неимоверным усилием воли они заставляли себя отказываться.

— Возможно, что они уже почти готовы,— сказал Ле-

муэль.— Возможно, достаточно небольшого толчка, и дело будет в шляпе. Не начать ли нам кампанию распространения слухов? Может, стоит распустить слух, что некоторые деревни покупают у нас вовсю. Вероятно, это поколебало бы их сопротивление.

Но Эбенезер засомневался.

— Надо докопаться до причин. Надо выяснить, что кроется за этой забастовкой. Возможно, что-нибудь совсем простое. Если бы только знать...

Эбенезер побывал со своей бригадой в отдаленной деревне. Они захватили с собой заранее приготовленный магазин самообслуживания и установили его на деревенской площади. Заманчиво разложили на полках товары. Создали вокруг шумную ярмарочную атмосферу. Развесили по селению громкоговорители, и оттуда с оглушительным ревом повалили выгодные предложения.

Абрахам и Гидеон возглавили бригады с говорящими рекламными досками. Они облетели округу, расставляя яркие, радующие глаз доски с записанной на магнитной пленке рекламой. Еще до начала операции Шеридан вставил в Оливера и Сайлеса трансмоги специалистов-семантиков, и те наговорили эти пленки — дело очень тонкое, требующее большого умения. На коммерческую сторону, хотя она, несомненно, там присутствовала, они слишком не нажимали. Кое-где тон был вкрадчивый, кое-где откровенный, но не было ни одного слова, которое бы звучало неискренне. Они превозносили гарсониян, этот народ, такой достойный и негибачаемый; произносили прочувственные проповеди о честности, добропорядочности и обязательности; пытались представить себя чем-то средним между недоумками, перехитрить которых проще простого, и благотворителями.

Пленки крутили день и ночь. Они забрасывали беззащитных гарсониян льстивой, вкрадчивой рекламой, и эффект должен был бы быть фантастическим, ибо ни с какой рекламой гарсониянам никогда еще не приходилось сталкиваться.

Лемуэль остался на базе и тяжело топал взад-вперед по берегу, сжав руки за спиной и с остервенением размышляя. Временами он останавливался — ровно на столько времени, сколько было нужно, чтобы, лихорадочно спеша, записать новую мысль.

Он обдумывал, как применить к делу старый коммивояжерский ход, который, он был уверен, наверняка подействует, если повернуть его понятным гарсониянам образом, — этот старый как мир трюк: «Я работаю, чтобы заплатить за свое ученье».

Джошуа и Таддеус пришли к Шеридану и попросили штуч-

ки две трансмогов драматурга. Шеридан сказал, что таких у них нет, но Езекия с его неизменным оптимизмом погрузился на самое дно сундучка с трансмогами и вынырнул с одним, на котором была наклейка «аукционер», и с другим с наклейкой «оратор» — самое близкое к желаемому из всего, что ему удалось найти. Джошуа и Таддеус с негодованием их отвергли, уединились и стали сочинять, вкладывая в эту работу всю душу, номера для юмористического представления.

Например, как следует писать шутки для жителей другой планеты? Что их смешит? Непристойность? Великолепно — только для того, чтобы так шутить, нужно досконально знать интимную жизнь существ, для которых такая шутка предназначена. Шутка про тещу? В этом случае тоже нужно знать, как к ней отнесутся: существует множество мест, где тещи пользуются глубоким уважением, но есть и другие, где одно упоминание о них считается дурным тоном. Юмор, построенный на использовании диалектов и говоров, разумеется, исключался напрочь, как он того и заслуживал. Точно так же, поскольку дело касалось гарсониян, исключалась и шутка ловкача-бизнесмена. Гарсонияне — народ совершенно не деловой, и шутка такого рода была бы им попросту недоступна.

Однако Джошуа и Таддеуса все это, в общем-то, не обескуражило. Они отобрали у Шеридана папки, где хранились сведения о планете, и провели над ними не один час, анализируя те стороны гарсониянской жизни, которые они, ничем не рискуя, могли бы использовать для своего либретто. Они делали горы выписок и заметок. Вычерчивали сложные графики, демонстрирующие отношения между словами гарсониянского языка и хитросплетениями местной социальной жизни. Писали и переписывали, перечитывали заново и оттачивали. В конце концов либретто они смастерили.

— Ничем нельзя так расположить к себе, — убежденно сказал Шеридану Джошуа, — как веселым представлением. Зрителям становится хорошо, и они растормаживаются. Кроме того, они начинают чувствовать себя в некотором смысле в долгу перед тобой. Ты их развлекаешь, и они, вполне естественно, не могут не испытывать потребности сделать приятное тебе.

— Надеюсь, это подействует, — сказал Шеридан без особого энтузиазма.

Ибо ничто другое не действовало.

В отдаленной деревне, где был построен магазин, гарсонияне расшевелились в достаточной мере для того, чтобы его посмотреть, — но только посмотреть, а не покупать в нем товары. Казалось, будто магазин для них — какой-то огромный музей или выставка. Они шли гуськом по проходам, глазели на товары, иногда даже протягивали руку и трогали их, но не

покупали. Более того, когда высказывалось предположение, что они, возможно, хотят что-нибудь купить, они делали оскорбленную мину.

В других селениях говорящие рекламные доски привлекли к себе широкое внимание. Вокруг них собирались толпы и целыми часами слушали. Но вскоре блеск новизны исчез, и теперь местные жители обращали на магнитные записи очень мало внимания. И они всё так же игнорировали роботов. И даже еще более подчеркнуто — игнорировали или резко пресекали любые попытки что-нибудь им продать.

От этого опускались руки.

Лемуэль перестал ходить по берегу и выбросил свои записи. Он признал, что потерпел фиаско. Здесь, на Гарсоне IV, не было никакой надежды довести до сознания местных жителей, что значит быть студентом, который торговлей зарабатывает себе на учебу.

Болдуин со своей бригадой попытался распространять слухи. Но жители решительно отказывались верить, будто какая-то деревня могла хоть что-нибудь у них купить.

Оставалось попробовать юмористическое представление, и Джошуа с Таддеусом создали труппу и принялись репетировать. Дело немного затруднялось тем, что даже Езекии не удалось найти актерских трансмогов, но все равно получалось у них неплохо.

Несмотря на то что ни одна из их попыток не дала результатов, роботы снова и снова отправлялись в деревни, трудились не покладая рук, снова и снова пытались продавать товары, в надежде, что рано или поздно они найдут ключ, который поможет им отпереть дверь скрытности и упрямства, за которой прячутся местные жители.

В один прекрасный день Гидеон радировал на базу откуда-то издалека, где он был один:

— Стив, тебе бы надо посмотреть самому кое на что здесь под деревом.

— Кое на что?

— На существо совсем другой породы. Вроде бы разумное.

— Гарсонянина?

— Тоже гуманоида, но не гарсонянина.

— Сейчас буду, — сказал Шеридан. — Оставайся на месте, чтобы ты мог мне его показать.

— Оно, наверно, меня заметило, — сказал Гидеон, — но я к нему близко не подходил. Я подумал, захочется заняться им самому.

Существо, как и говорил Гидеон, сидело под деревом. Перед ним была расстелена искристо поблескивавшая скатерть, на ней стоял затейливо разукрашенный сосуд, и существо было

занято тем, что доставало разные разности из чего-то, что, очевидно, служило корзиной для провизии.

Будучи, как и гарсониане, гуманоидом, существо, однако, выглядело куда приятнее, чем они. Лицо было точеное, а тело — змеино-гибкое в своей стройности. Его облекали одежды из роскошных тканей, и на нем было множество драгоценностей. Вид у него был явно светский.

— Привет, друг,— сказал по-гарсониански Шеридан.

Кажется, существо его поняло, но высокомерно улыбнулось. Судя по всему, появление Шеридана его не обрадовало.

— Быть может,— сказала оно не сразу,— у вас найдется время присесть?

Тон, каким это было сказано, ясно и недвусмысленно предлагал Шеридану сказать: нет, он благодарит, но не может, ему надо идти.

— С радостью,— вместо этого сказал Шеридан.— Большое вам спасибо.

Он сел и стал смотреть, как существо достает из своей корзины со съестным всё новые и новые припасы.

— Для нас с вами несколько затруднительно,— сказала существо,— общаться друг с другом на этом варварском языке. Но другого выбора, я полагаю, у нас нет. Вы, случайно, не говорите на балльском?

— Увы,— сказал Шеридан.— Я даже никогда о нем не слышал.

— Я подумал: а вдруг? На нем говорят многие.

— Мы вполне сможем объясниться и на языке этой планеты,— спокойно сказал Шеридан.

— О, безусловно!— согласилось существо.— Надеюсь, я не вторгся ненароком в ваши владения? Если да, то я, разумеется...

— Что вы! Я был рад вас здесь встретить.

— Я бы предложил вам пообедать вместе со мной, но боюсь. Ваш обмен веществ наверняка отличен от моего. Мысль, что я могу отравить вас, для меня непереносима.

Шеридан кивнул в знак благодарности. Пища и вправду выглядела весьма привлекательно. Вся в красивой упаковке, и кое-что на вид было так соблазнительно, что у него потекли слюнки.

— Я посещаю эти места для того, чтобы...

Существо искало гарсонианское слово и не находило его.

Шеридан попытался помочь:

— На своем родном языке я бы, пожалуй, назвал это пикником.

— Поесть-на-воздухе,— сказал незнакомец.— Это самое

близкое, что я могу обнаружить в языке наших любезных хозяев.

— Мы с вами думаем одинаково.

От этого свидетельства взаимопонимания настроение существа ошутимо поднялось.

— По-моему, мой друг, у нас много общего. Быть может, я могу оставить вам часть пищи с тем, чтобы вы сделали ее анализ? Тогда в следующий раз, когда я снова здесь буду, вы смогли бы составить мне компанию.

Шеридан покачал головой:

— Не думаю, чтобы я задержался здесь надолго.

— Ах вот как?— сказал незнакомец, кажется приятно удивленный.— Так вы здесь тоже только на время? Шорох крыльев в ночи — только что был рядом и уже унесся навеки.

— Весьма поэтично,— сказал Шеридан,— и весьма об-
разно.

— Впрочем,— сказала существо,— я здесь бываю доволь-
но часто. Мне понравилась эта планета. Чудесное место для того, чтобы поесть-на-воздухе. Все так спокойно, просто, неторпливо. Никакой суеты, и жители так чистосердечны в своей приветливости, хотя, увы, грязноваты и чрезвычайно, чрезвычайно глупы. Но, заглядывая в свое сердце, я обнаруживаю, что люблю их за неискушенность, за близость к природе, за ничем не омраченный взгляд на жизнь и за простоту, с которой они эту свою жизнь проживают.

Он умолк и испытующе посмотрел на Шеридана.

— Вы с этим не согласны, мой друг?

— Разумеется, согласен!— довольно поспешно сказал Шеридан.

— В Галактике так мало мест,— загрустил незнакомец,— где можно побыть в блаженном уединении. О, я не имею в виду уединение полное — кого-то ты встречаешь и здесь; но в уединении в том смысле, что есть где повернуться, что ты перестаешь быть игрушкой слепых ненасытных желаний и тебя не душит неодолимый напор чужих характеров. Существуют, конечно, ненаселенные планеты, ненаселенностью своей обязанные лишь тому, что на них невозможно жить физически. Их мы исключаем.

Он ел понемножку, изящно, даже манерно, однако из сосуда с затейливыми украшениями отхлебнул изрядно.

— Вкус превосходный,— сказал незнакомец и протянул сосуд Шеридану.— Можете, рискнете все-таки?

— Нет, я лучше воздержусь.

— Это, пожалуй, мудро,— признал тот.— Жизнь не принадлежит к числу тех вещей, с которыми расстаются не раздумывая.

Он глотнул еще, поставил сосуд к себе на колени и теперь, продолжая разговор, то и дело его поглаживал.

— Это отнюдь не означает,— сказал он,— что я ставлю жизнь превыше всего. У вселенского бытия наверняка есть и другие грани, ничуть не менее...

Они просидели за приятной беседой до самого вечера.

Когда Шеридан пошел к автолету, сосуд у незнакомца был уже пуст, а сам он лежал, раскинувшись в блаженном опьянении, среди остатков пикника.

IV

Хватаясь за одну нить, за другую, Шеридан судорожно искал в общей картине место, куда бы вписался любящий пикники пришелец с другой планеты, но такого места не находилось.

Быть может, он, в конце концов, и есть то, чем хочет казаться,— путешествующий бездельник, одержимый страстью есть в одиночестве на воздухе и любовью к бутылке.

И в то же время он знает местный язык и, по его словам, бывает здесь часто — и одно это более чем странно. Ему, видимому, доступна вся Галактика, так что же тянет его к Гарсону IV — планете (во всяком случае, на человеческий взгляд), весьма мало к себе располагающей?

И еще: как он сюда попал?

— Гидеон,— спросил Шеридан,— ты, случайно, не заметил где-нибудь там, поблизости, транспортного средства, на котором наш друг мог прибыть сюда?

Гидеон покачал головой:

— Теперь, когда ты об этом заговорил, я могу точно сказать, что нет. Я бы увидел, обязательно.

— Не приходило ли вам в голову, сэр,— спросил Езекия,— что он, быть может, владеет способностью к телепортации? Это не исключено. Например, та цивилизация, на Пилико...

— Верно,— сказал Шеридан,— но пиликоане одолевали сразу не больше мили или около того. Помнишь, как они скакали? Будто большой заяц прыгнет на целую милю, но так быстро, что самого прыжка и не видно. А этот тип, судя по всему, прыгнул через световые годы. Он спрашивал меня о языке, о котором я никогда не слышал. Сказал, что этот язык широко распространен — по крайней мере, в некоторых частях Галактики.

— Сэр, вы уделяете этому слишком много внимания,— сказал Езекия.— Нам следует подумать о делах более важных,

чем этот праздношатающийся инопланетянин с его любовью к странствиям.

— Ты прав,— согласился Шеридан.— Если дело с торговлей не пойдет, мне головы не сносить.

Но ему так и не удалось окончательно отделаться от мыслей о той встрече под деревом.

Он попытался оживить в своей памяти их долгую праздную болтовню и, к своему изумлению, обнаружил, что она таки действительно была совершенно праздною. Он не помнил, чтобы существо рассказало ему о себе хоть что-нибудь. Битых три часа, а то и дольше оно говорило не умолкая — и ухитрилось не сказать за все это время ровным счетом ничего.

Вечером Наполеон, когда принес ужин, присел на корточках возле стула, на котором сидел Шеридан, аккуратно подобрав белоснежный фартук к себе на колени.

— Наши дела плохи, ведь так? — спросил он.

— Да, пожалуй.

— Как нам быть, Стив, если мы так и не сможем ничего сделать — вообще не доставим лодаров?

— Наппи,— сказал Шеридан,— я изо всех сил стараюсь об этом не думать.

Но теперь, когда Наполеон об этом заговорил, Шеридан живо себе представил, как будет реагировать «Центральная торговля», если весь груз стоимостью в миллиард лодаров ему придется доставить назад. И даже, в несколько более ярких красках, что ему придется выслушать, если он просто оставит его здесь и вернется без груза.

Каким угодно способом, но продать груз он должен!

Если не продаст, карьере его конец.

Хотя, осознал он вдруг, на карту поставлена не только его карьера. Затронуты интересы всего человечества.

Существует реальная и настоятельная потребность в транквилизаторе, изготовляемом из клубней лодара. Поиски такого лекарства начались сотни лет назад, и нужда в нем подтверждается тем фактом, что все это время поиски не прекращались. Это было нечто, в чем человек остро нуждался, по существу, с того самого мгновения, когда он перестал быть животным.

И здесь, на этой планете, находится ответ на эту острейшую человеческую потребность, ответ, которого их лишает и в котором им безрассудно отказывает этот упрямый и безалаберный народ.

— Если бы только эта планета была нашей,— сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к Наполеону,— если бы мы только сумели завладеть ею, мы бы смогли выращивать столько лодаров, сколько нам нужно. Мы бы сделали из Гарсона IV

одно большое поле и выращивали бы лодаров в тысячу раз больше, чем в самые лучшие времена их выращивали гарсониане.

— Но мы не можем,— сказал Наполеон.— Это противозаконно.

— Да, Наппи, ты прав. Противозаконно, и даже очень.

Ибо гарсониане были разумны, не потрясающе разумны, но, по крайней мере, разумны в том смысле, какой вкладывает в это слово закон.

А в отношениях с разумными существами нельзя делать ничего, что содержало бы в себе хотя бы намек на применение силы. Нельзя даже купить или арендовать у них землю, так как, говорит закон, покупая землю, ты лишаешь полную правовую цивилизацию ее неотчуждаемых прав.

Можно работать вместе с ними и их учить — это всячески поощряется. Но научить гарсониан хотя бы чему-нибудь было не так-то просто. Можно, если только ты тщательно следишь за тем, чтобы не облапошивать их слишком уж беспардонно, вести с ними меновую торговлю. Но гарсониане теперь вести ее не хотят.

— Не знаю, что мы будем делать,— сказал Шеридан.— Как нам выпутаться?

— У меня есть предложение. Может, увлечь местных жителей сложностями игры в кости? Мы, роботы, как ты, наверное, знаешь, играть в кости большие мастера.

Шеридан поперхнулся. Медленно и очень осторожно он поставил чашку с кофе на стол.

— Обычно,— с напускной суровостью сказал он Наполеону,— я на такие методы смотрю косо. Но в данной ситуации... что, если ты и вправду соберешь несколько ребят и попробуешь?

— Буду рад, Стив.

— И... э-э, Наппи...

— Что, Стив?

— Я надеюсь, ты выберешь лучших игроков?

— Естественно,— сказал Наполеон, поднимаясь и разглаживая свой фартук.

Джошуа и Таддеус отправились со своей труппой в далекую деревню на совершенно девственной территории, которой ни одна из прежних попыток начать торговлю не коснулась, и выступили перед гарсонианами со своим представлением.

Успех превзошел все ожидания. Местные жители, держась за животы и обессилев от смеха, катались по земле. Они выли, задыхались, вытирали слезы, ручьями льющиеся из глаз. В восторге от веселых шуток, они били друг друга по спине, по

плечам. Ничего похожего они не видели за всю свою жизнь, ничего похожего вообще никогда не было на Гарсоне IV.

И когда они совсем размякли от веселья, когда еще чувствовали себя вполне убогами, в тот точно рассчитанный психологический момент, когда сняты все торможения и смолкают голоса враждебности и упрямства, Джошуа предложил им начать торговлю.

Смех оборвался. Веселья как не бывало. Зрители теперь просто стояли и таращили на них глаза.

Труппа быстро собралась и в глубоком унынии потащилась назад, на базу.

Шеридан сидел в палатке и предавался созерцанию мрачного будущего. База словно вымерла. Никто не шутил, не пел, не смеялся, проходя мимо палатки; никто не топал по-добро-соседски.

— Шесть недель,— горько сказал он Езекии.— Шесть недель — и ни одной сделки. Мы сделали все, что в наших силах, и даже с места не сдвинулись.— Он сжал руку в кулак и ударил по столу:— Если бы только выяснить, в чем дело! Наши товары им нужны, а покупать они отказываются. В чем же дело, Езекия? Тебе что-нибудь приходит в голову?

Езекия покачал головой.

— Ничего, сэр. Я просто озабочен. И не только я, но и все мы.

— Они там, в «Центральной», меня распнут,— сказал Шеридан.— Прибьют гвоздями и будут держать в таком виде в назидание другим ближайшие десять тысяч лет. Неудачи случались и раньше, но не такие.

— Не знаю, следует ли мне это говорить,— сказал Езекия,— но мы могли бы и дать деру. Может, это и есть наилучший для нас выход. Мальчишки на это пойдут. Теоретически они преданны «Центральной», но фактически, если заглянуть поглубже, они более преданны вам. Мы могли бы погрузить все снова, и это дало бы нам капитал, вполне достаточный для начала...

— Нет,— твердо сказал Шеридан.— Попробуем еще — может, нам все-таки удастся разобраться в ситуации. Если нет, я подставлю шею и отвечу за неудачу...— Он потер подбородок.— Кто знает, может быть, нас выручит Наппи со своими игроками. Кажется невероятным, но ведь случались вещи и более странные.

Наполеон и его товарищи вернулись подавленные и растерянные.

— Разделали нас под орех,— сказал, явно еще не оправившись от потрясения, Наполеон.— Эти парни просто самородки,

прирожденные игроки. Но когда мы хотели выплатить проигрыш, они не стали брать наш товар!

— Придется встретиться с ними и поговорить начистоту. Как, по-твоему, Наполеон, если мы выложим карты на стол и расскажем им, в каком жутком положении мы оказались, действует это на них?

— Не думаю, — ответил Наполеон.

— Будь у них правительство, — заметил Эбenezер, тоже входивший в сколоченную Наполеоном бригаду игроков, — встретиться с ними имело бы смысл. Можно было бы поговорить с кем-то, кто представляет все население. Но в реальных условиях, в тех, какие есть, придется говорить отдельно с каждой деревней, а это продлится целую вечность.

— Ничего не поделаешь, Эйб, — сказал Шеридан. — Выбирать не из чего.

Но прежде чем они встретились с гарсоньянами, начался сбор лодаров. Гарсоньяне трудились на полях, как бобры, — выкапывали клубни, складывали их в кучи сушиться, ссыпали высушенные растения на тележки и свозили в амбары, используя исключительно собственную мускульную силу — никаких тягловых животных у гарсоньян не было.

Выкапывали и свозили в амбары, те самые амбары, где, клялись они, никаких лодаров у них не хранится. Но в этом, если задуматься, не было ничего удивительного: ведь точно так же они клялись, что вообще не выращивают лодаров.

Естественно было ожидать, что они распахнут большие двери амбаров, однако именно этого они делать не стали. Они просто открывали крохотную, в их рост, дверцу, вделанную в большую, и через нее ввозили лодары. И стоило показаться вблизи кому-нибудь из участников экспедиции, как всю деревенскую площадь моментально окружала усиленная охрана.

— Лучше их не трогать, — посоветовал Абрахам. — Если мы попробуем на них давить, потом хлопот не оберешься.

И роботы вернулись на базу и стали ждать, когда гарсоньяне кончат собирать урожай. Наконец те кончили, и Шеридан посоветовал роботам не предпринимать ничего еще в течение нескольких дней, чтобы дать гарсоньянам возможность вернуться к их повседневным делам.

Тогда они отправились к гарсоньянам снова, и на этот раз на одном из грузолетов вместе с Абрахамом и Гидеоном полетел Шеридан.

Деревня, куда они прибыли, нежилась в лучах солнца, безмолвная и ленивая. Не видно и не слышно было никого живого.

Абрахам посадил грузолет на площадь, и все втроем они сошли с него.

Площадь была пуста, и вокруг царило молчание — глубокое, гробовое.

Шеридан почувствовал, как по спине побежали мурашки, ибо в этом безмолвии таилась какая-то скрытая неестественная угроза.

— Может, они устроили засаду? — вслух подумал Гидеон.

— Не думаю, — сказал Абрахам. — По складу характера гарсониане миролюбивы.

Настороженные, они пересекли площадь и медленно двинулись вдоль одной из улиц.

По-прежнему не видно было ни души.

И что было еще более удивительным, двери некоторых домов были распахнуты настежь. Окна, казалось, следили за пришельцами слепыми глазами, и занавесок из пестрой дмотканой ткани в них больше не было.

— Быть может, — предположил Гидеон, — они ушли на какой-нибудь праздник урожая или что-то в этом роде.

— Они бы не оставили дверей открытыми настежь ни на один день, — заявил Абрахам. — Я прожил бок о бок с ними не одну неделю и хорошо их изучил. Я знаю, как бы они поступили: они бы тщательно закрыли двери и еще проверили, хорошо ли те закрыты.

— Может, ветер?..

— Исключено, — твердо стоял на своем Абрахам. — Одну дверь — мог. Но я отсюда вижу четыре открытых двери.

— Надо, чтобы кто-нибудь посмотрел, — сказал Шеридан. — Да, пожалуй, я сам.

Он свернул в калитку перед домом, одна из дверей которого была распахнута, и медленно пошел по дорожке. У порога он остановился и заглянул внутрь. В комнате было пусто. Он перешагнул порог и пошел из комнаты в комнату, и все они оказались пусты — не было не только жителей дома, но и вообще ничего. Ни мебели, ни орудий труда, ни домашней утвари. Не было никакой одежды. Не было ничего. Дом был мертв, гол и пуст — рухлядь, за ненадобностью брошенная его обитателями.

Шеридан почувствовал, как в душу ему закрадывается чувство вины. А что, если прогнали их мы? Что, если своими домогательствами мы довели их до того, что они решили бежать, лишь бы больше нас не видеть?

Но это же смешно, подумал он. Для этого невероятного, массового исхода должна быть какая-то другая причина.

Он вернулся назад. Абрахам и Гидеон зашли в другие дома. Всюду было пусто.

— Может, только эта деревня? — предположил Гидеон. — Может, в остальных все по-прежнему?

Но Гидеон ошибался.

Вернувшись на грузолет, они связались с базой.

— Не понимаю,— сказал Езекия.— То же сообщили четыре другие группы. Я как раз собирался вам радировать, сэр.

— Пошли все грузолеты, какие у тебя есть,— сказал Шеридан.— Пусть проверят все деревни в округе. И ищи гарсониян. Может, они где-нибудь в лесах или на полях. Не исключено, что они на празднике урожая.

— Если они на празднике, сэр,— спросил Езекия,— то почему взяли с собой свое имущество? Никто не берет с собой мебель, когда отправляется на праздник.

— Знаю,— сказал Шеридан.— Ты попал в точку. Разошли всех, пожалуйста.

— Существует отдаленная вероятность,— снова заговорил Гидеон,— что они переселяются. Быть может, у них есть обычай раз во столько-то лет строить для себя новую деревню. Быть может, дело в древнем санитарном законе, согласно которому через определенный промежуток времени лагерь надо переносить на другое место.

— Возможно,— устало сказал Шеридан.— Поживем — увидим.

Абрахам ткнул большим пальцем в сторону амбара.

Шеридан заколебался было, потом отбросил осторожность.

— Валяй,— сказал он.

Гидеон по скату поднялся к двери, протянул руку и ухватился за одну из прибитых поперек досок. Раздался болезненный скрип выкручиваемых гвоздей, и доска отлетела в сторону. За ней последовала другая, потом еще одна, и тогда Гидеон нажал плечом, и одна из створок двери распахнулась.

Внутри, в полутьме амбара, тускло поблескивал металл — на полу, загородив собой проход, стояла огромная машина. Холодный, пустой ужас сковал Шеридана.

Нет, подумал он. Машины здесь быть не может.

Гарсониянам просто не полагалось иметь машины. Их культура не знала никаких механизмов. Вершиной их достижений оставались пока мотыга и колесо — они еще не додумались даже соединить их вместе, чтобы получился плуг.

Когда лет пятнадцать назад отправлялась в обратный путь вторая экспедиция, машин у гарсониян не было, и преодолеть за такой короткий промежуток времени свое отставание они не могли. За эти пятнадцать лет они, по всем внешним признакам, не продвинулись ни на дюйм.

И однако проход амбара перегораживала машина.

Это был солидных размеров цилиндр, поставленный на поппа, и с одной стороны у него была дверь. Верх венчал купо-

лообразный колпак. Если бы не дверь, цилиндр был бы очень похож на огромную тупоносую пулю.

Что-то вмешательство, подумал Шеридан. За время между отбытием второй экспедиции и прибытием третьей кто-то побывал на этой планете.

— Гидеон!— сказал он.

— Что, Стив?

— Отправляйся на базу и привези оттуда сундучок с трансмогами. Скажи Езекии, чтобы он как можно скорее переправил сюда мою палатку и все прочее. Отзови несколько мальчиков с разведки — нас ждет работа.

Кто-то здесь побывал, снова подумал он. Ба, да ведь вот кто! Изысканно вежливое существо, что сидело под деревом, перед расстеленной для пикника скатертью, прикладывалось к сосуду, проговорило битых три часа и ухитрилось при этом не сказать ровным счетом ничего!

v

Посланец «Центральной торговли» посадил свой небольшой корабль на краю деревенской площади, неподалеку от места, где теперь стояла палатка Шеридана. Прозрачный колпак сдвинулся в сторону, и он вылез из сиденья.

Он постоял несколько секунд, сверкая на солнце, пока поправлял значок со словами «специальный курьер», скособочившийся на его металлической груди. Затем решительно зашагал к амбару, направляясь к сидевшему на скате Шеридану.

— Вы Шеридан?

Шеридан кивнул, окидывая курьера внимательным взглядом. Великолепная вещь!

— Найти вас оказалось нелегко. Ваша база, похоже, брошена?

— Мы столкнулись с некоторыми трудностями,— спокойно сказал Шеридан.

— Не слишком серьезными, надеюсь? Я вижу, ваш груз сохранил свой первоначальный вид.

— Скажем так: особенно нам не докучали.

— Понятно,— сказал робот, разочарованный тем, что происходящего ему пока не объясняют.— Меня зовут Тобиас, и я кое-что должен вам передать.

— Я слушаю.

Иногда, сказал себе Шеридан, бывает просто необходимо сбить с этих роботов из штаб-квартиры хоть чуточку спеси.

— Передать устно. Могу вас заверить, что меня полностью

ввели в курс дела. Я в состоянии ответить на любой вопрос, который вы пожелаете задать.

— Будьте добры,— сказал Шеридан.— Сначала послание.

— «Центральная торговля» желает сообщить вам, что фирма, именующая себя «Галактическими предприятиями», предложила поставлять «Центральной торговле» лекарство, имеющее калентроподенсией, практически в неограниченных количествах. Мы хотели бы знать, можете ли вы пролить какой-нибудь свет на это событие.

— «Галактические предприятия»,— сказал Шеридан.— Никогда о таких не слышал.

— «Центральная торговля» тоже. Не скрою от вас, что мы несколько растеряны.

— Могу себе представить.

Тобиас расправил плечи:

— Мне поручено обратить ваше внимание на то, что вас послали на Гарсон IV для приобретения груза лодаров, из которых изготавливается вышеназванное лекарство, и что задание, ввиду предварительной работы, уже проделанной на планете, не должно было быть настолько трудным, чтобы...

— Минуточку, минуточку,— остановил его Шеридан.— Давайте не будем заводитьсь. Если это хоть сколько-нибудь успокоит вашу совесть, можете записать, что я получил от вас взбучку, которую вам было поручено мне дать.

— Но вы...

— Насколько я понимаю, «Галактические предприятия» заломили за свою калентроподенсию изрядную цену.

— Просто грабительскую. «Центральная торговля» затем и послала меня, чтобы выяснить...

— ...когда я доставлю груз лодаров. В настоящий момент я вам ответить на этот вопрос не могу.

— Но я должен привезти отчет!

— Сейчас это у вас не получится. Я не смогу сказать вам ничего определенного по меньшей мере в течение нескольких дней. Вам придется подождать.

— Но по инструкциям, которые я получил...

— Поступайте как вам угодно,— резко сказал Шеридан.— Дожидайтесь ответа или возвращайтесь без ответа. Мне наплевать на то, как именно вы поступите!

Он поднялся со ската и вошел в амбар.

Роботам, увидел он, удалось наконец каким-то образом снять с огромной машины колпак, и теперь он лежал на боку в проходе — так, чтобы было видно, что там внутри.

— Стив,— горько сказал Абрахам,— ты только посмотри!

Шеридан посмотрел. Внутри колпака была груда сплавившегося металла.

— Тут были какие-то рабочие части,— сказал Гидеон,— но они уничтожены.

Шеридан почесал затылок.

— Намеренно? Реле саморазрушения?

Абрахам кивнул.

— Они, видно, все закончили. Не будь здесь нас, они, я думаю, отправили бы и эту машину, да и все остальные, домой, где бы этот их «дом» ни находился. Но допустить возможность того, что хотя бы одна из них попадет к нам в руки... Это было слишком рискованно. И поэтому они нажали кнопку или что другое, и все их хозяйство — фьюить...

— Но есть другие машины. По-видимому, по одной в каждом амбаре.

— Наверно, там все так же, как здесь,— сказал, поднимаясь с колен, Лемуэль.

— Что ты об этом думаешь?— спросил Шеридан.

— Машина для мгновенного перемещения материи, телепортатор — называй как хочешь,— ответил Абрахам.— Вывод, конечно, сделан не на основании чего-то в самой машине, но из всех обстоятельств дела. Посмотри на этот амбар. В нем ни одного лодара. Лодары куда-то исчезли. Этот твой друг, любитель есть на свежем воздухе...

— Они называют себя «Галактические предприятия»,— сказал Шеридан.— Только что прибыл курьер. Говорит, те предлагают «Центральной торговле» лекарство, сделанное из лодаров.

— И теперь «Центральная торговля»,— подхватил Абрахам,— вконец расстроенная и понесшая огромный материальный ущерб, свалит вину на нас, ссылаясь на то, что мы не поставили ей ни единого лодара.

— В этом я не сомневаюсь,— сказал Шеридан.— Все зависит от того, сможем мы разыскать наших местных друзей или нет.

— По-моему, надежды на это никакой,— сказал Гидеон.— Разведка показала, что деревни опустели на всей планете. Как ты думаешь, не могли они смуться через эти машины? Если машины транспортируют лодары, то могут транспортировать и людей.

— Может быть, все, что начинается с буквы «л»?— попытался сострить Лемуэль.

— Есть ли надежда узнать, как эти машины работают?— спросил Шеридан.— «Центральной» это могло бы очень пригодиться.

Абрахам покачал головой:

— Не могу сказать, Стив. Если учесть, сколько на планете таких машин — по одной в каждом амбаре,— есть некоторая

статистическая вероятность, что нам попадется одна, которую не успели разрушить.

— Но даже если мы такую и найдем,— подхватил Гидеон,— есть большущая вероятность, что, едва мы начнем в ней копать, как она моментально сама разрушится.

— А если мы не найдем целой?

— Не исключено,— признал Лемуэль.— Хотя невероятно, чтобы все они разрушали себя в одинаковой степени. И характер повреждения не всегда будет один и тот же. Вполне возможно, что, пересмотрев, скажем, тысячу таких машин, можно составить довольно ясное представление о том, какое устройство находилось в куполе.

— Ну, а если бы мы все же это выяснили?

— На это трудно ответить, Стив,— сказал Абрахам.— Даже если бы мы располагали одной, которая уцелела и работает, я, честно говоря, не знаю, смогли бы мы разобраться в принципе ее работы настолько, чтобы изготовить самим такую же. Не забывай, что пока еще роду человеческому не удалось достичь ничего хотя бы отдаленно похожего.

Увы, этого Шеридан не понимать не мог. Видеть, как работает совершенно незнакомое устройство, более того, перенести его, до малейшей детали, на кальку, при отсутствии теоретической основы это не давало абсолютно ничего. А такой основы у них не было, и заполучить ее было куда труднее, чем чертеш или даже работающую модель.

— При помощи этих машин они переправляли куда-то лодары,— сказал он,— и, возможно, гарсонииан. И если это так, то гарсонииане наверняка пошли в машины по своей доброй воле. Если бы была применена сила, мы бы это знали... Эйб, ты можешь мне сказать, почему они отсюда ушли?

— Понятия не имею,— сказал Абрахам.— Во мне сейчас всего лишь трансмог физика. Дай мне трансмог социолога, и тогда я схлестнусь с этой проблемой.

Снаружи раздался крик, и они разом повернулись к двери. По скату поднимался Эбenezер, в руках он нес крохотную фигурку, руки и ноги которой безжизненно болтались.

— Один из них!— задохнулся Гидеон.— Гарсониианин, точно!

Эбenezер стал на колени и осторожно опустил его на пол.

— Нашел в поле. Он там лежал в канаве. Боюсь, что его дела плохи.

Шеридан шагнул вперед и склонился над гарсониианином. Это был старик, один из тысяч стариков, которых он видел в деревнях. То же дубленое, старое лицо в морщинах, оставленных дождем и ветром, те же косматые брови, нависшие над глубоко посаженными глазами, те же редкие усы, то же выра-

жение давно позабытой беспечности, а также обреченности и упрямства.

— Отстал,— сказал Эбенезер.— Отстал, когда уходили все остальные. Наверно, стало плохо, и он свалился там, в поле...

— Дай мою фляжку,— сказал Шеридан.— Она висит у двери.

Старик открыл глаза и окинул взглядом глядящие на него сверху лица. Он провел, оставляя грязные полосы, рукой по щеке.

— Я упал,— пробормотал он.— Помню, как падал. Упал в канаву.

— Вот вода, Стив,— сказал Абрахам.

Шеридан взял фляжку, приподнял старика, прижал его к своей груди и поднес фляжку к губам. Неопрятно, хлюпая, старик стал пить. Вода проливалась и капала, стекая по усам, ему на живот.

Шеридан убрал фляжку.

— Спасибо,— сказал гарсонинин, и Шеридан подумал, что это было первое вежливое слово, которое они услышали от местных жителей.

Старик снова провел по лицу грязной рукой.

— Ушли все?

— Все,— ответил Шеридан.

— Опоздал,— сказал старик.— Если бы не упал, то, может, успел бы. Они, наверно, меня искали...

Голос его все слабел и наконец совсем смолк.

— Если вы не против, сэр,— предложил Езекия,— я достану трансмог врача.

— Может, и стоит,— сказал Шеридан.— Хотя я сомневаюсь, что от этого будет много проку. Для него было бы лучше, если бы он умер там, в поле, еще несколько дней назад.

— Стив,— мягко сказал Гидеон,— врач, который лечит людей, инопланетянину помочь не сможет. Через некоторое время, если бы время у нас было, мы смогли бы узнать об этом бедняге больше — о биохимии, обмене веществ. Тогда бы мы смогли лечить его.

— Это верно, Стив,— сказал Абрахам.

Шеридан пожал плечами.

— Тогда, Езекия, трансмога не надо.

Он снова опустил старика на пол, потом поднялся с колен и, присев на корточки, закачался на пятках взад-вперед.

— Быть может,— сказал он гарсонинину,— ты ответишь на один вопрос. Куда ушел твой народ?

— Туда,— сказал старик, приподняв слабую руку и пока-

зав на машину.— Туда, и оттуда они ушли так же, как ушел урожай, который мы собрали.

Шеридан сидел, не поднимаясь, на корточках возле немощного гарсоннианина.

Рубен внес охапку травы и положил гарсоннианину под голову вместо подушки.

Значит, гарсонниане и вправду ушли, сказал себе Шеридан, взяли и покинули родную планету. Покинули, используя машины, которые были поставлены для транспортировки лодаров. А уж если «Галактические предприятия» располагают такими машинами, то до них, независимо от того, кто они и где они, «Центральной торговле» невероятно далеко. Ибо тяжеловесным грузовым саням «Центральной торговли», как черепахи ползущим сквозь световые годы, трудно конкурировать с такими машинами.

Он думал, вспомнил Шеридан, в первый же день, когда они сюда прибыли, что немного конкуренции вот что нужно «Центральной торговле». И пожалуйста, вот вам конкуренция— конкуренция без намека на этику. Конкуренция, прокравшаяся следом за «Центральной торговлей» и заграбаставшая рынок, в котором «Центральная торговля» нуждалась,— рынок, которым «Центральная» могла бы завладеть безраздельно, не занимаясь она глупостями, не хитри и не ловчи так беспринципно, пытаясь приспособить культуру лодара к земным условиям.

Но интересно, где и когда, подумал он, узнали «Галактические предприятия» о лодарах и о важности лекарства, которое из лодаров вырабатывают? При каких обстоятельствах стал им известен отрезок времени, в течение которого они могли действовать на рынке лодаров, не боясь, что «Центральная торговля» им помешает? И не проявили ли «Галактические предприятия» в отношении этого отрезка времени излишний оптимизм и потому вынуждены были разрушить все эти великолепные машины?

Шеридан негромко рассмеялся. Ну и обидно же, наверно, было их разрушать!

Не трудно, однако, представить себе сто или тысячу разных способов, при помощи которых они могли узнать о лодарах, ведь они обворожительнейшие существа, их манеры просто обезоруживают. Он не удивится, если окажется, что кто-нибудь из них тайно орудует внутри «Центральной торговли».

Гарсоннианин зашевелился. Он вытянул костлявую руку и дернул Шеридана за рукав куртки.

— Что, друг?

— Ты побудешь со мной?— В голосе гарсоннианина звучала мольба.— Эти здесь не такие, как ты и я.

— Я все время буду с тобой,— обещал Шеридан.

— Мы, пожалуй, уйдем,— сказал Гидеон.— Может быть, мы его тревожим.

Роботы тихо вышли из амбара, оставив их вдвоем.

Протянув руку, Шеридан положил ее гарсонианину на лоб. Лоб был липкий и холодный.

— Дружище,— сказал он,— я думаю — может, ты должен мне что-нибудь?

Старик покачал головой — медленно повернул ее на травяной подушке сначала в одну сторону, потом в другую. И в глазах у него вспыхнул огонек упрямства и какой-то хитрости.

— Вам мы не должны ничего,— сказал он.— Мы должны другим.

И это, конечно, было вовсе не то, что имел в виду Шеридан.

Но вот они лежат перед ним — слова, которые объясняют все, решение загадки, которой является Гарсон IV.

— Так вот почему вы не хотели с нами торговать,— сказал Шеридан, обращаясь скорее к себе, чем к лежащему на полу старому гарсонианину.— Вы так задолжали тем, другим, что для выплаты долга вам нужны были все лодары, какие у вас были?

И так, очевидно, оно и было на самом деле. Теперь, когда он думал об этом, он видел, что это дает логическое объяснение всему, что произошло. Реакция гарсониан, их отчаянное сопротивление торговле — это ведь как раз то, чего следует ожидать от тех, кто по уши влез в долги.

Вот почему так запущены дома, а одежда в лохмотьях. И вот почему на смену беспечности и беззаботности пришли забитость, загнанность и отчаяние. Подгоняемые, затравленные, обуянные страхом (а вдруг выплатить долг не удастся?), они заставляли себя работать все больше и больше, выбивались из сил, выжимая из земли все лодары, какие она могла им дать.

— В этом было дело?— спросил он резко.— Именно в этом? Гарсонианин неохотно кивнул.

— Они пришли к вам и предложили такую мену, что отказаться было просто невозможно. На машины, быть может? Машины, которые отправят вас в другие места?

Гарсонианин покачал головой:

— Нет, не на машины. В машины мы клали лодары, и лодары уходили. Так мы платили.

— Платили все эти годы?

— Да,— сказал гарсонианин. А потом добавил, и в голосе его послышалась гордость:— Но теперь мы расплатились сполна.

— Прекрасно,— сказал Шеридан.— Очень хорошо, когда ты честно платишь свои долги.

— Они уменьшили нам платежи на целых три года,— прочувствованно сказал гарсонианин.— Правда, они поступили хорошо?

— Ну конечно,— с горькой усмешкой сказал Шеридан.

Он терпеливо сидел на корточках, прислушиваясь к слабому шепоту ветра на чердаке и к хриплому дыханию гарсонианина.

— Но потом твой народ использовал эти машины для того, чтобы отсюда уйти. Не можешь ты мне сказать, почему?

Старого гарсонианина сотряс раздирающий кашель, и громкие вдохи и выдохи стали похожи на рыдания.

Шеридана охватил стыд за то, что ему приходится делать. Я бы должен дать ему умереть в мире, подумал он. Я не должен загонять его, как загоняют животное. Я должен бы дать ему уйти с достоинством, а не травя и допрашивая его до последнего вздоха.

Но оставался еще тот, последний ответ — его Шеридану нужно было получить непременно.

Он тихо спросил:

— Но скажи мне, друг, на что вы менялись? Что они давали вам взамен?

Услышал ли тот? Не было никаких признаков того, что гарсонианин его слышит.

— Что они дали вам взамен?— спросил Шеридан снова.

— Планету,— наконец ответил гарсонианин.

— Но у вас была планета!

— Это была другая,— еле слышно прошептал гарсонианин.— Планета бессмертия. Тот, кто попадет туда, никогда не умрет.

Сидя на корточках, Шеридан оцепенел в потрясенном, полном гнева молчании.

И из молчания пришел шепот — шепот, все еще исполненный веры и сожаления, шепот, который будет преследовать до конца дней услышавшего его человека.

— Вот что я потерял,— шептал старик.— Вот что я потерял...

Шеридан сжал руки, мысленно сдавливая руками точеную шею, обрывая гладко льющийся поток изысканных слов.

Если бы он мне попался, подумал он, если бы только он мне теперь попался!..

Он вспомнил расстеленную для пикника скатерть, и кувшин с затейливыми украшениями, и аппетитную пищу; вспомнил ни к чему не обязывающую, ни на чем не задерживающуюся болтовню и ту уверенность, с которой его собеседник дер-

жался. И даже методичность, с которой тот напивался для того, чтобы их встреча закончилась без неприятных вопросов и ненужных подозрений. Вспомнил высокомерие, с которым тот спросил, не знает ли он балльского, сам почти наверняка умея говорить по-английски.

Так что теперь наконец у «Центральной торговли» есть конкурент. Теперь «Центральной торговле» придется драться, и драться, прижавшись спиной к стене. Ибо эти шутники из «Галактических предприятий» не чисты на руку и идут ва-банк.

Конечно, гарсониане были наивными дурачками, но «Галактическим предприятиям» наверняка по плечу и куда более трудные дела. Они, несомненно, подбирают каждой рыбе особую наживку, но на старую басню о бессмертии, если ее умело подать, могут клюнуть даже самые искушенные.

Козырями «Галактических предприятий» были абсолютная неразборчивость в средствах и телепортирующие машины.

Какая же судьба постигла жителей этой планеты, думал Шеридан? Куда они девались после того, как вслед за своими лодарами входили в эти машины?

Не нашли ли случайно где-нибудь молодцы из «Галактических предприятий» рынок для нескольких миллионов рабов?

Или же они просто решили отправить гарсониан куда-нибудь подальше, чтобы прервать поставку лодаров «Центральной торговле» и таким путем обеспечить легкую и выгодную продажу своих запасов калентроподенсии?

А может, они хитростью сманили гарсониан с планеты для того, чтобы захватить ее самим?

В случае если верно последнее (а может быть, и в любом случае), «Галактические предприятия» эту первую схватку определенно проиграли. Может быть, сказал себе Шеридан, на самом деле они не такие уж острые.

Они дали нам как раз то, в чем мы нуждались, осенило его вдруг, и он довольно усмехнулся. Они оказали нам услугу!

Неповоротливая, самодовольная старуха, «Центральная торговля», в конечном счете выиграла первый раунд.

Он встал и двинулся к двери.

Но вдруг остановился и повернулся к гарсонианину.

— Быть может, друг,— сказал он,— повезло именно тебе.

Но этих слов гарсонианин уже не услышал.

У дверей его ждал Гидеон.

— Как он?— спросил робот.

— Умер,— сказал Шеридан.— Ты не позаботишься о похоронах?

— Конечно,— сказал Гидеон.— Покажешь мне отчеты— этот обряд мне нужно подзубрить.

— Но сперва сделай для меня кое-что другое.

Голько скажи, Стив.

— Знаешь этого Тобиаса, курьера из «Центральной тор- говли»? Найди его и проследи за тем, чтобы он не улетел.

Гидеон растянул рот в улыбке:

— Можешь быть спокоен.

— Благодарю.

По пути к палатке Шеридан прошел мимо корабля курьера. В нем, обратил он теперь внимание, все было подчинено скорости — в нем не было почти ничего, кроме пульта управления и сиденья, закрепленных на мощном двигателе.

На таком корабле, подумал он, пилот и вправду может выиграть время.

Уже почти у самой палатки ему встретился Езекия.

— Пошли со мной,— сказал он,— у меня есть для тебя работа.

В палатке он сел на стул и взял лист бумаги.

— Езекия,— сказал он,— поройся в сундучке. Найди самый лучший трансмог дипломата, какой только у нас есть.

— Я знаю, где он,— сказал, уже копясь в сундучке, Езекия.

Он достал нужный трансмог и положил на стол.

— Езекия,— сказал Шеридан,— слушай меня внимательно. Запомни каждое мое слово.

— Сэр,— обиженно сказал Езекия,— я всегда слушаю внимательно.

— Знаю. К тебе я испытываю полнейшее доверие. Поэтому я и посылаю тебя в «Центральную».

— В «Центральную», сэр? Вы, конечно, шутите? Вы же знаете, что мое место здесь. Кто будет заботиться о вас, сэр? Кто будет следить за тем, чтобы вы...

— Я смогу управиться и один. Ты скоро вернешься. И кроме того, у меня есть Наполеон.

— Но я хочу остаться здесь, сэр!

— Езекия, мне нужен кто-то, кому я могу доверять. Мы вставим в тебя этот трансмог, и...

— Но ведь это займет недели, сэр!

— Не на курьерском корабле. Вместо курьера на нем полетишь ты. Я напишу документ, который даст тебе все полномочия представлять меня. Как будто ты — это я.

— Но ведь есть Абрахам. Или Гидеон. Вы могли бы послать любого из остальных...

— Только тебя, Езекия. Ты самый старый мой друг.

— Сэр,— сказал Езекия, став по стойке «смирно»,— что я должен буду там сделать?

— Ты должен сообщить «Центральной», что Гарсон IV ныне необитаема. Должен сказать, что ввиду этого я формаль-

но, от имени «Центральной торговли», заявляю на нее права. Передай, что мне срочно нужны пополнения: не исключено, что «Галактические предприятия» попытаются ее у нас отнять. Для начала «Центральная торговля» должна прислать одни сани, нагруженные роботами (авангард оккупирующих и колонизирующих сил), и еще одни — с сельскохозяйственными орудиями, чтобы мы могли приступить к выращиванию лодаров. Заодно все до последнего лодары, какие у них есть, на семена. И, Езекия...

— Да, сэр?

— Насчет роботов. Пусть их уложат в разобранном виде. Так смогут погрузить побольше. Мы их здесь соберем.

Езекия подавил дрожь.

— Я им скажу, сэр.

— Прости, Езекия.

— Все в порядке, сэр.

Шеридан дописал доверенность.

— Передай «Центральной торговле»,— сказал он,— что постепенно мы превратим всю эту планету в одно огромное засаженное лодарами поле. Но пусть не теряют ни минуты. Никаких обсуждений, комиссий, никаких заседаний дирекции, никакой волокиты. Не оставляй их в покое ни на секунду

— Я не дам им покоя, сэр,— заверил его Езекия.

VI

Курьерский корабль скрылся из виду. Сколько ни вглядывался Шеридан, он больше не мог его разглядеть.

Добрый старый Езекия, подумал он, уж этот сделает все как надо. «Центральная торговля» долго потом не сможет опомниться.

Он наклонил голову и потер ноющую шею.

Потом сказал Гидеону и Эбенезеру:

— Теперь можете его отпустить.

Те поднялись, широко улыбаясь, с распростертой фигуры Тобиаса.

Тобиас встал. Он был взбешен.

— Мы еще поговорим об этом,— пообещал он Шеридану.

— Да, я знаю,— сказал Шеридан.— Ты бы съел меня с потрохами.

Абрахам шагнул вперед:

— Что теперь?

— Теперь,— сказал Шеридан,— я думаю, нам всем придется собирать клубни.

— Клубни?

— Наверняка остались лодары, которых гарсониане, когда их собирали, не заметили. Все, какие мы только найдем, нам понадобятся на семена.

— Но ведь все мы тут физики, инженеры-механики, химики и тому подобное. Ты, конечно, не ждешь, чтобы специалисты такой высокой квалификации...

— Это поправимо,— сказал Шеридан.— Я думаю, мы сумеем разыскать трансмоги космических рабочих. Они сойдут, пока «Центральная» не пришлет сельскохозяйственных рабочих.

Тобиас шагнул вперед и стал рядом с Абрахамом:

— Требую, чтобы, пока мне приходится быть здесь, для меня нашли занятие. Болтаться без дела не в натуре робота.

Шеридан хлопнул по карману куртки и ощутил выпуклость трансмога, который он вынул из Езекии.

— Кажется, у меня есть как раз то, что тебе нужно,— сказал он Тобиасу.

НА ЗЕМЛЕ И В КОСМОСЕ

ЗАМЕТКИ О СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКЕ 1977 ГОДА.

В 1977 ГОДУ КОЛИЧЕСТВО КНИГ, на обложке которых стоит столь привлекательное для читателей слово «фантастика», несколько увеличилось по сравнению с предшествующими годами. Среди новинок можно найти немало интересных сочинений, однако о желаемом качественном скачке, который положил бы конец толкам о кризисе научной фантастики, пока говорить еще нет достаточных оснований. Слишком часто авторы топчутся в магическом круге привычных тем, сюжетов, образов, измельченных литературной мельницей до состояния тончайшего порошка. В примерах литературы такого рода недостатка, к сожалению, не будет. Читая их, вновь и вновь задаешься, казалось бы, давно уже решенным вопросом: а что это такое — фантастика, для чего она вообще нужна?

Среди изданий 1977 года надо отметить начатый «Молодой гвардией» трехтомник Александра Казанцева, в котором собраны послевоенные произведения писателя. Подводя итоги года, с некоторой озадаченностью обнаруживаешь, что два романа Алексея Толстого переиздавались в 1977 году восемь раз — в Москве, Улан-Удэ, Днепропетровске, Киеве, Перми, Мурманске и Новосибирске, общим тиражом более миллиона экземпляров.

* * *

В ПОЛНОМ СООТВЕТСТВИИ С НАЗВАНИЕМ ЭТИХ ЗАМЕТОК начнем их с Земли и закончим далеким космосом. Конечно, это разделение условно. Даже перегнав своих героев за сотни парсеков, фантаст все равно рассказывает или, точнее, должен рассказывать о Земле, о людях. Но оказывается, описывать совершенно невероятные приключения в созвездии Персея легче и они описываются чаще, чем то, что может произойти на родной планете, да еще датированное сегодняшним днем.

Но, может быть, в сегодняшнем дне и нельзя найти ничего необыкновенного? Не торопитесь отвечать на этот вопрос «конечно, можно!». Временами кажется, что и вправду все уже придумано, исчерпано и нынешним фантастам остается только более или менее творчески развивать гипотезы своих предшественников. Конечно, само по себе заимствование фантастической идеи не предвещает неудачи. Свежие мысли, живые характеры способны «вывести» любой замысел. Хотя, понятно, еще лучше, когда оригинально все.

Молодому учителю английского языка начинают сниться странные «многосерийные» сны, в которых он попадает на некую планету, названную им Янтарной... Вы, конечно, уже сообразили, что таким способом доброжелательные незнакомцы со звезд решили сообщить нам о своем существовании. Сперва Юрию Чернову никто не хочет верить, его принимают за помешанного, но потом... Вот круг фантастических идей, на которых построен роман Зиновия Юрьева «Быстрые сны» («Детская литература»). Вроде это давно знакомо, но роман все-таки получился, потому что новые люди, с которыми мы там встречаемся. А знакомство с симпатичными людьми (разумеется, я говорю только о положительных героях книги) — это всегда праздник, праздник общения. З. Юрьев сумел заставить своих героев действовать при чрезвычайных обстоятельствах в полном соответствии с их взглядами и темпераментом. Казалось бы, а как же еще можно? На деле, однако, в фантастике часто происходит все наоборот, кроме того, и взгляды, и темперамент надо еще иметь...

В прошлых обзорах шла речь об удачных фантастических памфлетах З. Юрьева на зарубежные темы. И в «Быстрых снах» есть две части. Первая половина книги ограничивается нашей страной, вторая переносит действие в выдуманный писателем Шервуд. В этой книге зарубежная часть сильно проигрывает по сравнению с советской, несмотря на умение автора строить крепко закрученный сюжет. Да, мы понимаем, З. Юрьеву было важно утвердить мысль, что, случись такое, на Земле далеко не все придут в восторг от перспективы встретиться с иной цивилизацией. Коллективистское, счастливое общество встанет поперек горла слишком многим реакционным идеям, в том числе, разумеется, религиозным. Знакомство с инопланетянами не оставит камня на камне от любого земного божества. Что ж, мысли эти правильные, хотя и лежащие на поверхности. Во всяком случае, Юра Чернов, его друзья и близкие выглядят куда интереснее, чем шервудский капитан Милич и его подследственные.

Может быть, к З. Юрьеву это относится в меньшей степени, однако нельзя еще раз не сказать со вздохом, что слишком

часто наши фантасты прибегают к изображению западной жизни, не имея для этого необходимой подготовки. Видимо, разоблачать чужие порядки легче и менее ответственно, чем искать нетривиальные сюжеты в собственной стране. Можно перечислить ряд произведений 1977 года, попадающих под эту рубрику, — например, повесть Г. Панизовской «Выход из одиночества» или рассказ Б. Никольского «Наездник» (сборник «Кольцо обрванного времени»).

В этом же сборнике мы находим рассказ с незатасканной фантастической идеей. Вообще говоря, перекидка людей из века в век достаточно отработана в фантастике, для этого и изобретена машина времени, однако, кажется, еще никто не превращал обыкновенную советскую женщину в литературного героя, Анну Каренину в данном случае. Речь идет о рассказе Дмитрия Романовского «Знакомьтесь: Анна Каренина». У Анны Кузнецовой были оборваны все прежние ассоциативные связи и вложены новые; пробудившись после незапланированного эксперимента, возможность которого обоснована в рассказе, она полностью ощутила себя толстовской героиней. А ведь мы, действительно, знаем никогда не существовавшую Каренину лучше, чем кого бы то ни было из ее впрямь существовавших сверстниц, причем знаем изнутри, знаем такие душевные извивы и глубины, достичь которых под силу только великому писателю. Однако осознал ли сам автор, на какой ответственный шаг он решился? Ведь, оживляя именно толстовскую героиню, Д. Романовский тем самым задал себе меру отсчета. Женщина, которая появилась в повести на ленинградских улицах, должна обладать всеми достоинствами образа Карениной: интенсивностью внутренней жизни, богатством эмоций и одновременно всей совокупностью привычек, обычаев, предрассудков своей социальной среды. Но кому под силу продолжать двигаться на высоте Толстого? Женщина, которая появилась в повести на ленинградских улицах, обаятельна и неглупа, но вряд ли имеет что-либо общее с толстовской Анной. Придумав парадоксальный сюжет, писатель сам и утопил его в обыденности. Анна не испытывает никакого потрясения. Через несколько часов после «пробуждения» в советской эпохе Анна Аркадьевна ловко носит подносы в столовой самообслуживания, столь же быстро она разобралась и в нашей социальной механике, даже одернула одну из сотрудниц института, назвавшую ее «госпожой Карениной». Утаил от нас писатель ее переживания и после того, как она прочла роман о себе, и после того, как узнала, кому принадлежало ее тело до перерождения. Точно так же достаточно индифферентно отнеслись к ее появлению и окружающие. Писатель даже счел нужным осудить несчастных иностранных корреспон-

дентов, которые, узнав героиню на улице, принялись ее фотографировать: вот, мол, мерзавцы, сенсации им подавай! Наших же людей, видимо, уже ничем не удивить.

К традиционной, испытанной машине времени возвращается Сергей Абрамов в своей повести «Время его учеников» («Мир приключений»). Однако нельзя сказать, что произведение этой традиционностью исчерпывается. «Время его учеников» — прямое продолжение «партизанской» повести С. Абрамова «В лесу прифронтовом», о которой говорилось в предыдущей статье. В первой части профессор Старцев и трое его учеников перенесли «кусок» Брянского леса из 1942 года в современность. В новой повести эти же герои решают проиграть обратный вариант: они забрасывают в 1942 год кусочек современности — три студента-физика, переодетые, разумеется, и снабженные подходящей «легендой», должны появиться в том партизанском отряде, где «комиссарил» молодой Старцев. Конечно, можно усомниться в этической стороне эксперимента: едва ли кто-нибудь бы рискнул отправить сегодняшних студентов под реальные фашистские пули. Но весь этот фантастический антураж нужен автору лишь постольку-поскольку. И в первой повести, и в этой цель у него совсем другая: дать возможность представителям нынешнего молодого поколения проверить себя, доказать, что сегодняшние двадцатилетние парни ничем не хуже, не слабее духом, чем их одногодки военных лет. Пусть они проходят еще не совсем настоящее испытание, мы видим только суровую игру, но характеры юношей проявились в ней сполна. Мне представляется, что ситуация в первой повести была более органичной: ведь захватившие в 70-е годы эсэсовцы и понятия не имели, что находятся в другом времени, а потому и сражение с обеих сторон было, так сказать, всерьез, в то время как здесь и Олег, и Раф, и Димка хотя и полны решимости показать себя с лучшей стороны, но знают и помнят, что через двенадцать часов «генератор поля» будет выключен и они вернуться на мирную советскую землю семидесятых годов, где давно выветрился и дух фашистов. Все же вторая повесть дополняет первую, давая нам возможность поближе познакомиться с тремя нашими современниками-комсомольцами.

А пример пустого и формального использования той же машины времени мы находим в рассказе Калерии Карповой «Парадокс ФЭОДОР'а» (сб. «На суше и на море»). Идея временного парадокса, то есть воздействия машины времени, посланной из будущего, на всю последующую, уже прошедшую историю Земли, повторялась в фантастике многократно, и с серьезными политическими (например, у Р. Бредбери) и с юмористическими целями (например, у Г. Гаррисона). У нашего же автора цели нет никакой, а есть только описание забавно-

го феномена. К тому же весьма странное впечатление производят люди, которые, забравшись в далекое прошлое и нарушив естественный ход событий, только после этого начинают размышлять о возможных последствиях своих действий.

В 1977 году в «Молодой гвардии» издан сборник рассказов, принадлежащих перу Владимира Григорьева, одного из своеобразных, но, к сожалению, мало пишущих наших фантастов. «Рог изобилия» — это его вторая книжка, но и она представляет собой лишь расширенное переиздание первого, вышедшего лет десять назад сборника «Аксиомы волшебной палочки». Новые рассказы уступают прежним если не по мастерству, то по содержательности, за одним, но весьма существенным, исключением. Рассказ В. Григорьева «Образца 1919-го» — на мой взгляд, не только самая крупная удача писателя, но и один из лучших рассказов всей нашей новейшей фантастики.

Привлекает прежде всего блестящая литературная форма. Огромное количество так называемой научной фантастики написано совершенно безликим языком, о котором хорошо, если можно сказать, что он не расходится с нормами грамматики. Индивидуальность стиля — редкое событие, именины сердца. В рассказе В. Григорьева мастерски воспроизводится красочный говор первых революционных лет, который очень любили многие писатели того времени. Этот говор сразу придает произведению колорит эпохи, вызывает в памяти образы балтийских или черноморских «братишек», которые не жалели себя в борьбе за новую жизнь. «Эх, расплескалось времечко крутой волной, да с пенным перекатом!»

История о том, как некий межпланетный турист, случайно забредший на Землю в столь неподходящее для прогулок время, чтобы снять завлекательный кинофильм о революции в России, ценой своей жизни спасает отряд красных моряков, попавших в безвыходную «шквальную ситуацию», в таком изложении может показаться не очень интересной и тоже уже знакомой. И вправду, великое множество всевозможных пришельцев неизвестно зачем бродит по нашему шару, прошено или непрошено влезая в земные дела. Но рассказ «Образца 1919-го» — не о пришельцах, он — о силе революционных идей, о том, что существуют в мире ценности, которые становятся людям дороже жизни, он — о порядочности, о самоотверженности и о многих других тому подобных вещах; как в каждом настоящем произведении искусства, в нем много разных пластов, и, чтобы их вскрыть, нужно, может быть, затратить не меньше слов, чем употреблено в самом произведении. В нем есть презрение к позиции стороннего наблюдателя, в нем есть восхищение отчаянными хлопцами, которые без обреченности

и ужаса ждут утра, чтобы принять смертный бой, в нем есть образ комиссара в неизменной кожаной куртке, силой своей «диалектики» сломавший у «марсианина» лед равнодушия к судьбам совершенно чужих тому существ с другой планеты. Взгляните, как умело характеризует автор своего героя с разных сторон, в том числе устами врагов. «Это все штучки комиссара Струмилина,— говорит белогвардейский полковник, обнаруживший пустоту на месте, где были окружены красные.— Как же-с, личность известная. Удивительно находчивая шельма. Трижды с каторги бежал, мерзавец, из этих же краев. Накопил опыт. А в прошлом году, господа, обложили его в доме одного. Так он, сукин сын, умудрился первым выстрелом нашего боевого офицера штабс-капитана Фон Кугеля, царство ему небесное, успокоить. И в ночной неразберихе, господа, верите ли, взял на себя командование этими олухами, что дом обложили. Ну, конечно, дым коромыслом, пальба, постреляли друг друга самым убедительным образом, смею вас уверить...»

Хотя время действия этого рассказа и относится к 1919 году, он современен. Именно сейчас отношение к легендарным дням гражданской войны отлилось в гигантский романтический кристалл, и мы уже почти готовы поверить, что с такими людьми, как комиссар Струмилин, и вправду могут происходить любые чудеса.

Для большинства остальных рассказов В. Григорьева типичны парадоксальные ситуации, в которых действуют бескорыстные чудачки, одержимые одной идеей. Обычно это идеи такого сорта, что тупые, ограниченные люди не в состоянии их понять и оценить, почему и происходят всякие неприятности, как, например, с изобретателем Степаном Огурцовым, сконструировавшим медный рог изобилия, превращавший мусор в полезные вещи («Шерстяные носки пошли!»). Рог был погублен неким сановным товарищем Паровозовым «ради порядка». И рассказ «Рог изобилия» отличается удивительно точно схваченная, подходящая к случаю стилистика. Прочитав книгу целиком, задумываешься: а где же собственный стиль автора? Но может быть, именно это разнообразие, именно это умение выбрать каждый раз подходящий образный строй и есть отличие дарования В. Григорьева. Ему удается даже изложить полет на космической ракете в терминах прожженного «джентльмена удачи». («Ноги, на которых стоит человек» — рассказ, впрочем, оставляющий впечатление оборванного на половине.)

Герой рассказа Д. Шамшурина «Сорочий глаз» ничего не изобретал, но ему тоже не удалось ничего доказать глупым ученым. Почетный рабочий, пенсионер, съел в лесу несколько красных ягодок паслена, после чего разом помолодел лет на

пятьдесят и обнаружил у себя тенденцию к дальнейшему омоложению. Столь простой и дешевой технологии возвращения молодости, кажется, еще не было ни у кого. Фаусту, как помните, пришлось заплатить за ту же услугу довольно дорогой ценой. По другим авторитетным источникам, для достижения желаемого результата надо претерпеть столь неприятную процедуру, как ныряние в кипящий котел. А тут съел четыре ягодки — и порядок. Съел другие — и вернулся в прежнее состояние. Исключительно удобно. Надо полагать, что единственная цель придумывания этих сказочных чудес — обличение тупости и ретроградства нашей научной мысли: не хотят верить, ну что ты будешь делать! Никаких других мотивировок превращения своего героя автор не дает. Вспоминается рассказ Скотта Фитцджеральда «Забавный случай с Бэнджамином Баттоном», в котором человек родился старичком и «рос» к младенчеству. Научных мотивировок этого феномена автор тоже не давал, но цель его ясна — показать несовместимость достойной жизни с «нормальным» буржуазным течением времени. А вот для чего переживает подобные страсти честный советский пенсионер, осталось загадкой.

Вообще похоже на то, что раздававшаяся критика чрезмерной научности в фантастике сильно облегчила жизнь иным авторам. Теперь уже не надо подыскивать никаких доводов для оправдания изображаемых невероятностей. Появляется множество рассказов, скроенных по несложной схеме. Сидят себе герои, мирно беседуют, вдруг разверзаются небеса и появляется Нечто. Зачем разверзается, зачем появляется — неважно, важно, что появляется, а раз так, то перед нами уже фантастика.

Шли, например, люди по лесу, присели отдохнуть у озера, тут пролетел болид, встряхнул пространство, и на миг открылся другой мир, «сопряженный» с нашим, и герой увидел обитателя того мира — бородатого мужичка с копьём. Увидел, и все — больше ничего. (В. Щербаков «Болид», «Фантастика-77»). Для чего он появлялся, спрашивается? Хотел ли автор убедить нас в существовании сопредельных или запредельных миров? Так ведь их не существует на самом деле. А если бы существовали, то писать о них следовало бы в научной и научно-популярной периодике. Почитаешь такие рассказы, и начинает чудиться, что все вокруг нас пронизано мистическими иными мирами, подпространствами, надпространствами, привидениями, а пришельцы из других миров так и сыплются со всех сторон на наши бедные головы.

Повесть Владимира Малова «Куклы из космоса» («Мир приключений») еще один пример того, как можно творчески трансформировать самый расхожий сюжет. Уж сколько раз

смышленные школьники или — на этот раз — студенты обнаруживали пришельцев вблизи подмосковных дач. И настолько часто это случалось, что поневоле заставляет задуматься, почему именно в Подмоскowie вскоре не останется ни одной поляны, где бы не надо было сооружать обелиск в честь столь знаменательной встречи. А вот почему. Авторам детской фантастики хочется ввести в свои произведения героя — сверстника будущих читателей, и это желание, в общем-то, можно понять. Но надо добиться, чтобы появление ребенка среди взрослых выглядело бы естественным. Хорошо было Жюлю Верну, в его времена мальчика могли взять на борт яхты, совершающей кругосветное плавание, а современная фантастика имеет дело с такими крупногабаритными техническими проектами, в которых отыскать место для ребенка довольно затруднительно. Прошли деньки, когда мальчишки зайцами пробирались на борт звездолетов или подлодок. Должно быть, охрана стала надежнее. А случайно встретить, прогуливаясь по лесу, приземлившегося марсианина не запрещается любому человеку, в том числе школьнику.

Вот они и стали встречаться десятками, причем везет главным образом мальчикам.

Понятно также, почему именно на дачах, а не в городах: в городской суматохе гостя сразу увидит множество людей — и прощай приоритет Пети, Мити или Андрюши. Дачные же места хорошо знакомы авторам книг, к тому же нужно, чтобы мальчик был городским, ибо ему надлежит в сравнительно краткий срок отправиться в Академию наук, а если он не будет знать туда пути, это приведет к неоправданной затяжке сюжета.

Кстати сказать, не в пример некоторым взрослым дядям, молодежь при встрече с Неожиданным всегда ведет себя смело, без растерянности и паники и, будучи хорошо подкованной в области научной фантастики, мгновенно соображает, с кем имеет дело.

Но вернемся к повести В. Малова. Если бы ее содержание ограничивалось только этим, то едва ли она могла претендовать на наше внимание. Однако миниатюрные пришельцы сами позаботились о том, чтобы помочь автору. Они вручили героям ромпой — аккумулятор энергии, расходуемой впустую, и это дало возможность В. Малову превратить повествование в сатиру, направленную против людей, занятых бесцельным сотрясанием воздуха. Некоторые страницы повести получились смешными, но мне все же кажется, что найденный прием автор мог бы использовать еще эффективнее.

ФАНТАСТИКА ВСЕГДА СЛУЖИТ сегодняшнему дню. Как только перед человечеством остро встали экологические проблемы, тут же возникли произведения, в которых чаще всего описываются найденные решения гармоничного слияния человека и окружающей среды. К таким произведениям относится рассказ Виталия Мелентьева «Индия, любовь моя» («Фантастика-77», в сборнике писатель почему-то назван Владимиром). Правда, это уже разговор не о настоящем, а о будущем. Рассказ при желании можно назвать фантастикой ближнего прицела — в прямом и хорошем смысле этого слова; она действительно обращена в недалекое будущее, но вовсе не подменяет изображение человека выписыванием технических мелочей. Герой рассказа из-за личных неурядиц удалился в зону Белого Одиночества и живет в северной тайге на высокоавтоматизированной лосиной ферме, одновременно занимаясь лесозаготовкой, сбором грибов, ягод и прочих даров тайги. Такие энтузиасты, как он, доказали, что северный заболоченный лес может дать не меньше продукции, чем южные степи, если только подойти к его эксплуатации разумно, не вмешиваясь в жизнь леса, а помогая ей. Фантастике всегда присуще проповедническое, пропагандистское начало, и рассказ В. Мелентьева о том, как много можно получить от земли, чутко и бережно обращаясь с ней.

Еще более совершенную степень освоения биосферы, еще более тесное общение с природой, правда отнесенное в более далекие времена, мы находим в «Большой Лагуне» Сергея Жемайтиса («Детская литература»). Это прямое продолжение повести «Вечный ветер», опубликованной семь лет назад. Героями «Вечного ветра» были студенты, проходившие практику на островах Мирового океана. Теперь они стали самостоятельными учеными, соответственно и дела их стали намного значительнее. Хотя в этих книгах С. Жемайтиса действие происходит после того, как человечество сбросило с себя путы эксплуатации и тяжесть гонки вооружений, однако проблем хватает. Еще долгое время придется расхлебывать последствия нынешнего неразумного отношения к природным богатствам. Где-то были нарушены многовековые экологические связи, где-то произошло радиоактивное заражение, и вот из недр океана полезли чудовища, коралловые рифы подверглись нашествию агрессивных мутантов — тигровых звезд (каждый, кто читает газеты, сразу вспомнит, что это не такая уж и фантастика). Стали интенсивно размножаться сине-зеленые водоросли, хоронящие все живое под покровом своей слизи. Герои книги ведут борьбу с порождениями ада, чтобы на Земле мог

ли счастливо жить и люди, и разумные дельфины их друзья, и все остальные — естественные создания природы. Символом их единения служит пронизанный лучами солнца прозрачный тропический океан. Писателя можно упрекнуть в некоторой облегченности, он так любит своих привлекательных персонажей, что заботливо вырывает их из любой передраги.

Совсем другое будущее, которое, будем надеяться, никогда не осуществится, нарисовал Марк Ланской в романе «Битые козыри» (Лениздат) Чтобы обеспечить себе свободу ма невра, автор перенес действие на иную планету куда с Земли драганул на звездолетах миллион перепуганных сторонников системы свободного предпринимательства. Постепенно они расплодились, расслоились, и все началось по-прежнему на планете, которая тоже стала называться Земля. Она вертится вокруг звезды под названием Солнце, а вокруг нее, в свою очередь, вращается естественный спутник, именуемый Луной, как вы уже догадались.

Мой иронический тон по отношению к книге ничуть не означает, будто ее предмет представляется мне хоть в какой-нибудь степени несерьезным. Пока в мире будут существовать общества, в которых царствует угнетение, неравноправие, жажда наживы, пока благоденствует, может быть, самое страшное порождение земной цивилизации — военно-промышленный комплекс, будут и должны писаться памфлеты. Однако цель не оправдывает средств не только в том случае, когда эти средства неблагородны, но и когда они беспомощны.

Международная ассоциация космонавтики не регистрирует новых рекордов, если они не отличаются от старых менее чем на 10 процентов. Это правило следовало бы применить к публикации нашей фантастики, хотя мне кажется, что, имея дело с изящной словесностью, даже десять процентов новизны цифра слишком мизерная. Художественное творчество должно быть оригинальным, иначе оно вовсе не нужно. Я уже говорил о просчетах наших писателей при обращении к зарубежной тематике, их допустил и М. Ланской.

Супермиллиардер и отставной генерал в уединении своих роскошных яхт, вилл или в данном случае космических хорбм вынашивают зловещие планы. Они решают спровоцировать на планете всеобщую ядерную катастрофу, чтобы избавиться от «лишних» ртов, а заодно подавить всякие признаки либерализма. То, что при этом пострадает население собственной страны, не имеет значения, наоборот, для придания остроты конфликту удар по своим намечается в первую очередь (см. «Лунную вахту» Р Хайнлайна, «Атавиа Проксима» Л. Лагина, «Льды возвращаются» А. Казанцева и т д. и т д.) Так как не вполне ясно, есть ли на описываемой Земле социалисти-

ческие или иные прогрессивные государства, то тяжесть борьбы с могущественными воротилами большого бизнеса берет на себя ученый-одиночка. Лайт, главное действующее лицо, — абсолютный гений. Впрочем, сначала он и слышать не хочет ни о какой политике, но жизнь приводит его к активной борьбе.

Конечно, ему бы не справиться ни с какими могущественными противниками, но автор позаботился снабдить ученого почти божественными возможностями. Он и неотличимых от человека роботов создает, и бессмертное органическое вещество синтезирует, с помощью невидимых и неосязаемых датчиков он способен непрерывно снимать голограммы с мозга любого человека и таким образом проникать не только в тайны сверхсекретных переговоров, но и в тщательно скрываемые мысли. Под занавес он самого себя превращает в неуязвимое бессмертное существо, которому не страшны ни излучения, ни огонь, ни космический холод, а стержни из твердых сплавов он играючи завязывает узлами. Не удивительно, что такому Лайту удастся без особых сложностей справиться с преступными планами поджигателей. Есть, разумеется, в романе девица-красавица, которая привыкла исполнять любую свою прихоть, реактивное и легкомысленное, однако неудовлетворенное своей жизнью существо. Еще ряд других обязательных персонажей. Ученый, прозревающий после того, как лишается работы, полицейский — после того, как его сын скончался от наркотиков, гангстер — после того, как ему была сделана мозговая операция. Все завершается, естественно, победой сил прогресса и разума, но вряд ли плакатные злодеи и гениальные одиночки способны содействовать духовному вооружению читателя в главном конфликте современности. Подобные схемы были популярны в нашей фантастике 50-х годов, тогда они явились закономерным контрпропагандистским ответом на развязанную против нас кампанию в период «холодной войны». Но сейчас другое время, накал идейной борьбы не ослабел, но сама борьба стала иной, более сложной, более изощренной, и пользоваться в ней устаревшими шаблонами малорезультативно.

Более свежее впечатление оставляет повесть-фантазия Светланы Ягуповой «Зеленый дельфин» (издательство «Таврия»), написанная для детей младшего возраста. Но все же и в ней немало вторичного.

Действие повести происходит в вымышленной стране Сондари, где подается свободная мысль, где у людей отняты красота и надежда, где запрещена любовь, где царит жестокая эксплуатация и где трудовые люди — Пустосумые и Синеглазые — в конце концов восстают против несправедливостей

стройка. Ах, в каком большом количестве сказочных и фантастических утопий мы встречали страны, похожие на Сондарию! В первую очередь вспоминаются, конечно, «Три толстяка», и это сходство подчеркнуто еще тем обстоятельством, что положительные герои С. Ягуновой тоже связаны с цирком, который и здесь оказывается неким культурным центром сопротивления режиму. Впрочем, тут же надо сказать, что сказка Ю. Олеши отнюдь не худший пример для подражания, а С. Ягунова — отнюдь не самая неумелая из его последователей. Многие детали придуманы неплохо — и запрещенное море, вырастающее до некоторого символа, и герои книг, воплощенные в живых людей, и вещи, хранящие голоса тех, кто их делал... Очень уж хочется, чтобы в нашей фантастике — и научной, и сказочной — появлялись бы свежие, оригинальные, яркие, талантливые произведения, какими были когда-то все те же «Три толстяка», и по сей день остающиеся одной из любимых книг у детей. Да только ли у детей?

Рассказать о классовой, политической конфронтации современного мира сегодняшнему школьнику, в том числе в виде притчи, сказки, фантазии, — задача очень важная, нужная, но и очень трудная, и хочется пожелать писателям, которые берутся за нее, всяческих успехов.

* * *

УЖЕ УПОМЯНУТЫЙ СБОРНИК «КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ» назван так по самой большой вошедшей в него вещи — третьей, заключительной части романа Сергея Снегова «Люди как боги». Таким образом, завершена многолетняя работа, начатая в середине 60-х годов, и теперь можно говорить о трилогии в целом.

Нельзя не уважать, конечно, огромный труд, затраченный писателем на создание этого, может быть, самого крупного по объему фантастического произведения в нашей стране. Однако многое в романе вызывает возражения, даже не столько возражения, сколько недоумения. Уровень профессионализма С. Снегова вне сомнений; спор, таким образом, может идти о правомерности самого замысла.

Первое определение, которое приходит в голову, когда знакомишься с эпопеей С. Снегова: космическая опера. Действительно, как не вспомнить о ней, когда страницы романа перенаселены сверхпричудливыми существами, невообразимыми происшествиями и непредставимыми по масштабам космическими катастрофами. Перед нами проходят красавицы змедевушки, мыслящие мхи, некие «разрушители», похожие на скелеты, бессмертные галакты, говорящие и решающие

интегралы псы, звездолеты, мчащиеся со скоростью, в тысячи раз превосходящей скорость света, пространства, кривизна которых крутится и вертится, как резиновый мяч, время, которое может течь в любом направлении и даже перпендикулярно, гибнущие миры и еще многое-многое тому подобное.

К какому еще жанру можно отнести, например, апокалиптическое сражение, которое произошло на некой планете, сделанной, между прочим, из золота? В битве этой участвовали огнедышащие драконы, четырехкрылые ангелы, невидимки, чудовищные головоглазы, призраки, изготовленные из силовых полей, а также обыкновенные люди и уже упомянутые разрушители, лупцующие друг друга лазерными и гравитационными лучами...

Жанр «космической оперы» — «спасе орега» — весьма распространен в англо-американской фантастике. И сейчас переживает свое второе рождение в кино. Это название стало употребляться в нашей критике для обозначения произведений пустопорожних, мниморазвлекательных, которые к тому же отягощены идеями всеобщей агрессивности, изображением бесконечных межзвездных войн. Но давайте не будем бояться слов, в конце концов, это всего лишь термин для обозначения жанра. А жанр сам по себе безразличен к идейному наполнению. Очевидно, все дело в том, с какой целью придумываются приключения лихих космических витязей. Попытки привить этот жанр на нашей почве были еще в 20-х годах («Пылающие бездны» Н. Муханова), глубоких корней они не пустили, это, впрочем, не означает, что на приемы «космической оперы» должно быть наложено вето. Вполне можно себе представить, как эти приемы могут быть употреблены, например, в сатирических или юмористических целях, но, честно говоря, я как-то совсем не представляю их в рамках позитивной утопии, в основу которой положены благородные мысли о великом предназначении человека во Вселенной, о созидательной роли жизни, о союзе всего доброго, всего разумного. Ирония? Наверно, действительно ирония. Трудно предположить обратное, не может же С. Снегов верить в своих чудовищ и монстров. Но к чему относится эта ирония и как она сочетается с главной идеей романа, обозначенной в его названии «Люди как боги»? С. Снегов идет на смелую параллель со знаменитой утопией Г. Уэллса. Он неоднократно декларирует в романе великанские свершения освобожденного человечества, благородную миссию землян, взявших под свою защиту всех слабых и обиженных во Вселенной. Но ведь боги — это не только те, кто держит в руках молнии, это, должно быть, еще и великие души.

Увы, богоподобные земляне предстают в романе весьма ограниченными, лишенными зачастую элементарной душевной

чуткости, самовлюбленными существами с набором примитивных, низменных инстинктов. Подозреваю, что такая резкая оценка может показаться необъективной, поэтому обратимся к тексту.

Вот «мудрый» Эли, главный герой эпопеи. В недалеком будущем Эли станет адмиралом космической эскадры, выполняющей, может быть, самое ответственное дело в истории человечества.

Первое знакомство с Эли. Герой пришел на концерт своего друга, и ему вдруг стало скучно слушать вступительное слово композитора. «Хватит болтовни!» — не задумываясь, заорал он на весь многотысячный зал. Правда, как ни странно, композитору даже не пришлось в голову обижаться на эту бестактную выходку.

Герой столкнулся с незнакомой девушкой. Происходит обмен любезностями:

«— Грубиян!

— Вас тоже не обучали вежливости!..»

Другой разговор с любимой девушкой:

«— Ты, кажется, улетал на Марс?

— А чего я не видел на Марсе?..»

Диалог с сестрой:

«— Ты ознакомился с моей запиской, Эли?

— Нет. От твоих записок у меня голова болит — так они умны! — Ольга не обиделась и не огорчилась... Уверен, что она и не вдумывалась в содержание моих слов, с нее достаточно, что я говорю».

На искусственной планете Ора люди собирают конференцию разношерстных разумных обитателей Галактики. Неожиданно Эли влюбился в змееподобную Фиолу с Веги и решает отправиться к ней на свидание. Заходит он, значит, в гостиницу, а Фиола — о ужас! — не сразу откликается на его призыв. И он в гневе начинает рушить все, что попадает под руку и под ногу. Несколько опомнившись, он сам оценивает свое поведение так: «Я, гордящийся разумом человек, вел себя как зверь, ревел и мычал, охваченный жадой драки и разрушения». Удивляет только, что жители с Веги не выставили дебошира за порог, и Фиола после этого любезничает с ним. Воистину, есть в иных мирах что-то непостижимое для современного мышления!

Дальше — больше. Эли и его друзья встают на тропу войны. Они решают покарать злобных разрушителей, которые уничтожают и порабащают другие галактические народы. В этом конфликте разрушители выглядят обороняющейся стороной, потому что против человечества они не выступали и даже не знали о нашем существовании. Ну ладно, допустим,

что они — некое несомненное зло, с которым необходимо бороться во имя галактического интернационализма. Однако надо заметить, что люди сначала вступили в войну, загубили с обеих сторон множество жизней, звездолетов и даже планет, а уж потом начали разбираться, кто они такие, эти разрушители, и что ими руководит. Не было сделано даже попыток договориться. Потом, между прочим, выяснилось, что среди них есть немало славных ребят, опередивших на которых можно было при более мудрой и дальновидной политике обойтись без истребительных войн. Но что до подобных соображений снеговским героям? Они так и рвутся в драчку, они ведь не какие-нибудь слюнтяйчики. Вот как говорят и ведут себя наши большие гуманисты и защитники справедливости:

«Сейчас я покажу этим светящимся черепахам, что им далеко до людей!»

«На атомы! — орал Лусин. — В брызги! Так их!»

«Мы не уйдем отсюда, пока хоть один ползает!»

«К бою! — гремело на корабле. — К бою!»

«Ты разговариваешь с этой образиной, как с человеком! Я бы плюнул на него, а не улыбался ему, как ты» — образчик рассуждений мальчика, сына Эли. «Я хочу показать этому звездному проходимцу, что он встретился с высшей силой, а не с тупым животным!»

Любимые слова всех героев — это «мечь», «мстить», «отмщение». По любому поводу и без повода они впадают в ярость, в бешенство, в неистовство, выходят из себя и т. д.

Но может быть, Эли и его соратники — какие-то уникамы? Нет, видимо, все человечество в том же удручающем состоянии, разве можно было бы в ином состоянии водрузить высокомерную и хвастливую надпись на Пантеоне, где похоронены лучшие умы планеты: «Тем, кто в свое несовершенное время был равновелик нам»? Надо, впрочем, заметить, что и другие могущественные цивилизации — разрушители, галакты, рамиры — тоже не отличаются по части интеллекта.

Никто, конечно, не станет утверждать, что людей будущего можно изображать только так, как И. Ефремов в «Туманности Андромеды», неким стопроцентным совершенством! Ни И. Ефремов, ни С. Снегов, ни я и никто другой не может сказать, какими они будут, грядущие поколения, какие у них будут взгляды, язык, мораль. Мы пробуем представить их себе. Фантаст может изобразить людей такими, какими он хочет, чтобы люди стали, или, наоборот, такими, какими не хочет, с целью предупредить род людской. Так их изобразил, например, С. Лем в романе «Возвращение со звезд» — стадом зажавшихся, самоуспокоившихся мещан. Но в любом случае нам должно быть понятно, с какой целью писатель это делает. Что же со-

бирался сказать нам С. Снегов, выводя таких бездуховных и нескромных людей, как Эли? А ведь Эли среди первых людей планеты. Каковы же тогда остальные? В наши дни таким, как Эли, нельзя было бы доверить даже руководство машинописным бюро, не то что посылать в галактические экспедиции. Нельзя не заметить в романе изображение несомненного нравственного падения людей даже по сравнению с нашими моральными устоями. Сильно сомневаюсь, что и через несколько тысяч лет этика изменится столь кардинально, что нынешние пороки станут добродетелями или перестанут замечаться. Я не могу понять, с какой целью это сделано и как это сочетается с теми идеалами добра, которые люди, по Снегову, несут в космос. Лемовские мещане, по крайней мере, не собирались никуда летать и никого освобождать.

Конечно, в романе есть страницы, производящие сильное впечатление. Бездны космоса, блеск незнакомых созвездий, сталкивающиеся солнца — все это, бесспорно, завораживает. Хороша заключительная речь, с которой Эли обращается к непостижимым обитателям ядра Галактики рамирам. В ней Эли не выглядит ни наивным дурачком, ни доверчивым теленком, ни заносчивым конкистадором. Но таких страниц в романе все-таки слишком мало для столь объемного сочинения. Глубинные цели создания этой избыточной фантастики остались для меня неясными.

Но пора перейти еще к одной книге того же автора. На этот раз перед нами сборник рассказов «Посол без верительных грамот» («Детская литература»). Рассказам С. Снегова нельзя отказать в своеобразии, во многих из них появляется та необходимая сверхзадача, которая одна только и может перевести фантастику в ранг художественной литературы. Вот, например, рассказ «Машина счастья», в котором показана настоящая любовь, оказавшаяся сильнее вымученных кабинетных схем. То же можно сказать про «Умершие живут», «Сквозь стены скользкий», «Сверхцентр бессмертия» и некоторые другие.

Рассказы книги С. Снегова объединены двумя сквозными героями — братьями Васильевыми, Роем и Генрихом, талантливыми физиками, у которых проявляются следовательские способности, из-за чего их и приглашают для раскрытия загадочных случаев. Сам по себе замысел небезынтересен: соединить фантастику с детективом. Но опять-таки, как и в романе, лезет в глаза разница между авторскими рекомендациями своих персонажей и тем, как они предстают перед нами «в собственном соку». И автор, и все окружающие поют Рою и Генриху непрерывные дифирамбы. Казалось бы, их работа действительно должна происходить на очень высоком интеллектуальном уровне, ведь братьям приходится решать куда более сложные зада-

чи, чем Шерлоку Холмсу, связанные с проникновением в новые, неизведанные области мироздания. А такое проникновение никогда не обходится без жертв. В сущности, на глазах читателя должна пройти драматическая история научного открытия. А на деле после второго-третьего рассказа мы начинаем смутно ощущать, что однофамильцы прославленных режиссеров далеко не так умны, как в непонятном ослеплении твердят все вокруг, зато чрезмерно самоуверенны, по любому поводу несут всякую дичь, их первоначальные предположения всегда оказываются далекими от истины, и вдруг в каком-то озарении приходит ответ, к которому читатель не подведен ходом мысленных поисков. Иногда, не разобравшись в чем дело, они ставят эксперимент на себе, идя на бессмысленный риск, который, конечно же, выдается за отвагу и самоотверженность («Огонь, который всегда в тебе»). Иногда они выглядят мелкими провокаторами («Машина счастья»).

Переизданная «Детской литературой» трилогия ростовского писателя Петрония Амадуни «Гаяна» написана была давно, в чем-то ее сюжет может показаться нынешнему читателю и простоватым. Он уже много раз читал о следах пришельцев, которые тайком посетили нашу Землю, о злобных и глупых миллионерах, которые ради личного обогащения готовы на любую подлость, о планетах, где живут схожие с людьми существа, добившиеся общественного совершенства. Но будем справедливы. Ведь П. Амадуни и был одним из первооткрывателей этого сюжета, «Гаяна» нисколько не вторична. Может быть, следовало бы предпослать книге предисловие, ведь даже ко многим наивностям, которые непростительны для фантаста 70-х годов, надо подходить с учетом времени ее создания.

А время это — конец 50-х и начало 60-х годов — было особым. Человечество стало ощущать богатырский размах научно-технической революции. Может быть, самым ярким из ее проявлений была заря космонавтики — первый спутник, первый полет человека в околоземном пространстве. Все первое! Невозможно даже сосчитать, сколько космических кораблей в фантастических книгах стали с тех пор называться «Юрий Гагарин»! Есть такой корабль и в романе П. Амадуни. Успехи наук, среди которых нельзя не выделить кибернетику, породили даже некоторую эйфорию. И это тоже заметно в романе. Уж больно легко и с неизменным успехом добиваются люди (я имею в виду прогрессивных деятелей) грандиозных побед — и страшные болезни мгновенно ликвидируют, и инопланетные письменные мгновенно расшифровывают, и межзвездные корабли тоже строят мгновенно. Не будем также забывать, что это были годы напряженной «холодной войны», и появление образов, подобных генералу Стоутмену, тоже диктовалось условиями вре-

мени. Может быть, «Гаяна» не вошла в число «золотых» страниц советской фантастики, но как произведение, весьма характерное для определенного периода, она переиздана заслуженно.

А вот еще одно произведение, тоже из Ростова, по началу которого кажется, что мы вновь столкнулись с очередной вариацией популярных мотивов. Валерий Пискунов издал свою первую книгу в местном издательстве. «Гелиос ищет планету» — так называется вся книга и центральная повесть в ней. Начинаешь читать — и сразу вспоминаешь рассказ К. Саймака «Поколение, достигшее цели». Снова звездолет, в котором группа людей (на этот раз не земляне) в жесточайших тисках самоограничения и экономии летит, чтобы найти планету, подходящую для жизни. И кажется, что все сводится к мысли: человек не может жить в замкнутом пространстве, ему необходим простор, ветер, солнечный свет... Все это правильно, но уже было. И вот наконец «Гелиос» находит планету, радости узников нет предела, но, когда они высадились, выяснилось, что на планете есть аборигены, которые биологически несовместимы с пришельцами. И космонавты вновь уходят в небо, на новые десятилетия мук, может быть, на гибель, потому что не считают себя вправе построить свою судьбу и свое счастье на костях других разумных существ, пусть значительно уступающих им в своем развитии. И повесть озаряется новым светом. Хотя не все удалось молодому автору, но вот эта человеческая сторона обнадеживает. Насколько же поведение героев В. Пискунова благороднее и привлекательнее действий иных космопроходцев, размахивающих бластерами и лайтингами...

Сталкиваясь с книгами молодых фантастов, огорчительно видеть на каждой странице набившие оскомину фразы: «Глайдер мчался над зеленой стрелой шоссе, пронизывающей тайгу», «Десятикратная перегрузка все так же вдавливала испытателя Юрия Воронова в окаменевшее кресло», «Греков потрогал пояс, где, согласно инструкции, должен был находиться бластер», «Десантный катер развернулся, полыхнув напоследок фотонными лучами». Хоть бы названия новые придумывались!

Цитаты взяты из книги Михаила Пухова «Картинная галерея» («Молодая гвардия»). Вот рассказ «На попутной ракете». Испытатель одноместных минизвездолетиков (не совсем ясно, для чего такие могут понадобиться, но не в том дело), летая в ближайших окрестностях Солнечной системы, внезапно обнаруживает, что с его кораблем происходит нечто странное, и Солнце, на которое он нацелился, не приближается. Вместо того чтобы спокойно поразмышлять над таинственным

фактом или подать сигнал бедствия, наш находчивый покоритель пространства изо всех сил жмет на акселератор (или как оно там называется, в звездолетах), пока не обнаруживается, что он ненароком перелетел в другую звездную систему, но не по своей вине, а потому, что к нему за спину пристроился зайцем один турист-инопланетянин. Наш испытатель не очень обиделся за верх бесцеремонности, как-никак первый межзвездный перелет совершил и контакт с иноземным разумом установил. Правда, такая встреча ему представлялась несколько по-другому. Нам — тоже. И так как мы уже читали про этот контакт сотни раз, то вправе задать вопрос: а для чего, собственно, нас удостоили чести познакомиться с этим молодым (или немолодым) человеком (или нечеловеком)? Не придумал ли М. Пухов эту ситуацию, дабы осудить цивилизацию порхающих мотыльков? Но для того чтобы кого-то осуждать, надо обвиняемых хоть немного знать. А космический попутчик произносит общие фразы и, не показываясь, откланивается. Слишком мало информации для того, чтобы возникли ассоциации и аналогии. Так возникают фантастические пустышки — фантастика без фантазии, без науки, без литературы.

В другом рассказе («Нитка бус») два биолога-растяпы бросают незапертый орбитолет с телепатическим управлением на планете, населенной дикими племенами. Конечно, в него тут же залезает туземец и взлетает в воздух. Я упомянул об этом эпизоде, чтобы процитировать одно из предложений, которое было сделано в порядке обсуждения: как вызволить украденный лимузин.

«Чего там думать? — сказал Баскаков. — На войне как на войне. Рубануть лазером, да и дело с концом».

О, разумеется, предложение логично рассуждающего палача, который выдается за нашего далекого потомка, вышедшего (выпущенного) на галактический простор, было отвергнуто. Интересно, однако, что оно все же было сделано.

В пародийной повести Ильи Варшавского (это посмертная публикация) «Инспектор отдела полезных ископаемых» тоже происходят самые невероятные вещи. Но все это сделано к месту, со вкусом и со значением. Повесть стала подлинным украшением сборника «Кольцо обратного времени». Можно целиком присоединиться к высокой оценке, которую ей дали составители. И вправду, И. Варшавскому прекрасно удавались подобные насмешливые стилизации. Это одновременно пародия на западный детектив, и на западную НФ, и одновременно еще на переводческие — уже отечественные — штампы. Право же, надо обладать незаурядным мастерством, чтобы написать талантливую подделку под плохую прозу.

БИБЛИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ 1977 ГОДА

- П. А м а т у н и. ГАЯНА. Фантастический роман. М., «Детская литература»
- А. Б е л я е в. ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ. Научно-фантастический роман. М., «Детская литература» (Б-ка приключений и научной фантастики)
- В. Г р и г о р ь е в. РОГ ИЗОБИЛИЯ. Сборник научно-фантастических рассказов. М., «Молодая гвардия» (Б-ка советской фантастики)
- С. Ж е м а й т и с. БОЛЬШАЯ ЛАГУНА. Фантастическая повесть. М., «Детская литература» (Б-ка приключений и научной фантастики)
- Ю. З а б е л л о. ПЯТЕРО НА БОРТУ. Научно-фантастическая повесть. Киев, «Веселка».
- А. К а з а н ц е в. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 3-х томах. Том I. Подводное солнце (Мол Северный) Роман-мечта; Лунная дорога. Повесть. Том II. Рассказы. Из космоса — в прошлое. Размышления фантаста. Сильнее времени. Научно-фантастический роман в 3-х книгах. М., «Молодая гвардия».
- И. К а р п о в. ХРУСТАЛИНКА. Фантастический рассказ. Фрунзе, «Мектеп».
- В. К о л у п а е в. БИЛЕТ В ДЕТСТВО. Фантастические рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство.
- КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ. Сборник фантастики. Составители Е. Брандис и В. Дмитриевский. Л., Лениздат.
- Л. Л а г и н. ГОЛУБОЙ ЧЕЛОВЕК. Роман. М., «Советский писатель».
- М. Л а н с к о й. БИТЫЕ КОЗЫРИ. Фантастический роман. Л., Лениздат.
- МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ. Сборник фантастических и приключенческих повестей и рассказов. Составитель Н. Матвеев. М., «Детская литература».
- НА СУШЕ И НА МОРЕ. 1977. Художественно-географическая книга. Выпуск 17. М., «Мысль».
- В. О б р у ч е в. ПЛУТОНИЯ.— ЗЕМЛЯ САННИКОВА. Романы. Л., Лениздат. (Юношеская б-ка Лениздата).
- В. П и с к у н о в. «ГЕЛИОС» ИЩЕТ ПЛАНЕТУ. Ростовское книжное издательство.
- М. П у х о в. КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ. Рассказы. М., «Молодая гвардия» (Б-ка советской фантастики).
- С. С н е г о в. ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ. Научно-фантастические рассказы и повесть. М., «Детская литература». (Б-ка приключений и научной фантастики).
- А. Т о л с т о й. АЭЛИТА. Роман. М., «Советская Россия».
- А. Т о л с т о й. АЭЛИТА. Роман. Улан-Удэ, Буряткнигоиздат.
- А. Т о л с т о й. АЭЛИТА.— ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА. Романы. Днепропетровск, «Проминь» (Школьная б-ка).
- А. Т о л с т о й. АЭЛИТА.— ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА. Романы. Киев, «Проминь» (Школьная б-ка).
- А. Т о л с т о й. ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА.— АЭЛИТА. Романы. Пермь, Книжное издательство (Школьная библиотека)

- А. Толстой. ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА. Роман. Мурманск, Книжное издательство.
- А. Толстой. ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА. Роман. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство.
- А. Толстой. ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА. Роман. Улан-Удэ, Буряткнигоиздат.
- ФАНТАСТИКА-77. Сборник. Составитель В. Щербаков. М., «Молодая гвардия».
- В. Шефнер. КРУГЛАЯ ТАИНА. Повесть. Л., «Детская литература»
- В. Шефнер. ИМЯ ДЛЯ ПТИЦЫ. Повесть. Л., «Советский писатель».
- Ю. Шапов. ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ. Научно-фантастические рассказы. Алма-Ата, «Жалын».
- З. Юрьев. БЫСТРЫЕ СНЫ. Фантастический роман. М., «Детская литература» (Б-ка приключений и научной фантастики).
- С. Якупова. ЗЕЛЕНЫЙ ДЕЛЬФИН. Повесть. Симферополь. Издательство «Таврия».

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Биленкин. Создан, чтобы летать 3

I

Кир Булычев. На днях землетрясение в Лигоне 15
Борис Володин. Кандидат в чемпионы породы 165
Александр Кулешов. Рейс продолжается 221
К 100-летию со дня рождения А. С. Грина 314
Александр Грин. Бочка пресной воды 317
Обезьяна 321
Нож и карандаш 326

II

Андрей Балабуха. Майский день 335
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий.
Повесть о дружбе и недружбе 399
Георгий Шах. О, марсиане! 441
Дмитрий Биленкин. Конец закона 507
Егор Лавров. Дождя сегодня не будет 565

III

Клиффорд Саймак. Торговля в рассрочку *Перевод
с английского Ростислава Рыбкина* 599

IV

Всеволод Ревич. На земле и в космосе 649

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Сборник

ИБ № 2905

Ответственный редактор

И. Б. ШУСТОВА

Художественный редактор

Л. Д. БИРЮКОВ

Технический редактор

Н. Г. МОХОВА

Корректоры

Л. Г. ПЕТРОЧЕНКО

и Н. Г. ХУДЯКОВА

Сдано в набор 17.04.79. Подписано к печати 25.04.80. А09644. Формат 60×90^{1/16}. Бум. типогр. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 42. Уч.-изд. л. 42,95. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4844. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Отпечатано с текстовых диапозитивов Можайского полиграфкомбината на ордена Трудового Красного Знамени ф-ке «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

М63 Мир приключений: Сборник фантастических и приключенческих повестей и рассказов/ Художник В. Лыков. М.: Дет. лит., 1980.— 670 с., ил.

В пер.: 1 р. 50 к.

Ежегодный сборник фантастических и приключенческих повестей и рассказов советских и зарубежных писателей.

М $\frac{70803-326}{101(03)80}$ 423-79

1р. 50к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»